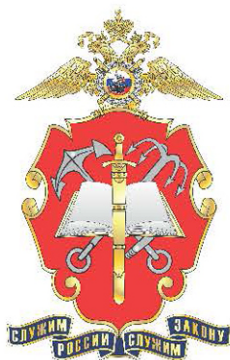

ISSN

2949-1150 online

2071-8284 print

ВЕСТНИК

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
МВД РОССИИ**

**2025
№ 2 (106)**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научно-теоретический журнал

**Вестник
Санкт-Петербургского
университета МВД России**

№ 2 (106) апрель – июнь 2025 г.

Scientific-theoretical journal

**Vestnik
of Saint Petersburg University
of the MIA of Russia**

No 2 (106) April - June, 2025

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 2 (106) апрель – июнь 2025 г.

Рецензируемый научно-теоретический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – сетевое издание, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издается с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал.

Языки журнала – русский и английский. Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны. Способ распространения: в электронном виде.

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Эл № ФС77-84786 от 3 марта 2023 г. ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Решением ВАК при Минобрнауки России от 29 марта 2022 г. журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.
- 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.
- 5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Отнесен к высшей категории научной значимости изданий – К1.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Р. Е. Артамонов, Л. М. Букина.

Адрес редакции и издателя: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.
Тел.: 8 (812) 730-26-96.

E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Дата выхода в свет: 26.06.2025 г.

© Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2025.

**Federal State Budget Institution for higher education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»**

Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia

№ 2 (106) April - June 2025

Founded in 1999, “Vestnik of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation” is a quarterly, network, peer-reviewed, open access scholarly journal published by Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

On March 29, 2022, the Higher Attestation Commission (VAK) under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation gave its approval to include the journal into the databases of VAK. The journal belongs to K1 category and covers the following areas:

- 5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences.
- 5.1.2. Public Law (State Law) Sciences.
- 5.1.3. Civil Law Sciences.
- 5.1.4. Criminal Law Sciences.
- 5.3.3. Labour Psychology, Engineering Psychology and Cognitive Ergonomics.
- 5.3.9. Forensic Psychology and Psychology of Safety.
- 5.8.1. Pedagogy, History of Pedagogy and Education.
- 5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education.

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index and included in the databases of Ulrich's Periodicals Directory.

The journal is distributed on-line throughout Russia and foreign countries.

The languages of the journal are Russian and English.

The author is responsible for the content of the work and the accuracy of the facts. The opinion of the author may not coincide with the position of the editorial staff and members of the editorial board. Reprinting of the journal publications in other periodicals is possible with the reference to the journal.

The journal is re-registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications: El No. FS77-84786 on March 3, 2023.

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Editors: G. N. Golyadkin, R. E. Artamonov, L. M. Bukina.

Publisher address: 1 Lyotchika Pilyutova St., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Phone: +7 (812) 730-26-96

E-mail: vestnik@univermvd.ru

Date of publishing: 26.06.2025.

© Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia, 2025.

Главный редактор – Каверина Л. В., кандидат филологических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Амельчаков И. Ф. – председатель редакционной коллегии, кандидат юридических наук,
доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Бавсун М. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук,
профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Астафичев П. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Бекетов О. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Болдырев В. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Бучакова М. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)

Васильева И. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Тюмень)

Вахнина В. В., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Гельдибаев М. Х., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Гордеев С. Н., доктор юридических наук, доцент (Республика Узбекистан, Ташкент)

Гривенная Е. Н., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)

Дозорцева Е. Г., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Ерофеева М. А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)

Ескина Л. Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р., доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)

Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Коваленко В. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)

Коларич Драгана, доктор юридических наук, профессор (Республика Сербия, Белград)

Кубышко В. Л., кандидат педагогических наук (Россия, Москва)

Латышов И. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Мещерякова Е. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Воронеж)

Миялькович Саша, доктор безопасности, профессор (Республика Сербия, Белград)

Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Никифоров Г. С., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Николаева Т. Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Никуленко А. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Пастушеня А. Н., доктор психологических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)

Рузакова О. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сафонов А. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)

Слепцов И. В., кандидат юридических наук (Казахстан, Костанай)

Стрельникова Ю. Ю., доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Тюнин В. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Ульянина О. А., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)

Ухов В. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Цветков И. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Чечётин А. Е., доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)

Шаранов Ю. А., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Editor in Chief – *Kaverina L. V.*, Candidate of Philological Sciences
(Russia, Saint Petersburg)

Editorial Board

Amelchakov I. P., Chairman of an Editorial Board, Candidate of Juridical Sciences, Docent
(Russia, Saint Petersburg)

Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Russia, Saint Petersburg)

Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)

Boldyrev V. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Buchakova M. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Omsk)

Vasilieva I. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Tyumen)

Vakhnina V. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Gordeev S. N., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Republic of Uzbekistan, Tashkent)

Grivennaya E. N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)

Dozorcheva E. G., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Erofeeva M. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ilakavichus M. R., Doctor of Pedagogical Sciences (Russia, Saint Petersburg)

Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)

Kolarich Dragana, LLD (Republic of Serbia, Belgrade)

Kubysheko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)

Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Mescheryakova E. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Voronezh)

Mijalkovich Sasha, PhD, Professor (Republic of Serbia, Belgrade)

Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikiforov G. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikulenko A. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Pastushenya A. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Republic of Belarus, Minsk)

Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Sleptsov I. V., Candidate of Juridical Sciences (Kazakhstan, Kostanay)

Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ul'yanina O. A., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Cvetkov V. L., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)

Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

- Злоказов К. В., Бородавко Л. Т., Попинако Е. А.** Социально-психологическая характеристика служебного коллектива: феноменология и специфика 10
- Макаревская Ю. Э., Гайдамашко И. В., Кожевников Л. Л.** Психолого-правовой анализ различных видов педагогической агрессии учителей в отношении обучающихся 19

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Нижник Н. С., Стоцкий А. П.** Милицейские школы Ленинграда: особенности подготовки кадров в годы Великой Отечественной войны 28
- Честнов И. Л., Ломакина И. Б.** Социокультурная антропология права как историко-правовая методология 44

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО -ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Анисимов А. П.** Функции экологического права: понятие и классификация 50
- Астафичев П. А.** К вопросу о презумпции невиновности в российском публичном праве: взгляд конституционалиста 61
- Бавсун И. Г.** «Организация производства по делам об административных правонарушениях» в теории, законодательстве и судебной практике 72
- Соловьёв С. В.** Классификация и типология беспилотных летательных аппаратов в контексте обеспечения общественной безопасности 80
- Усманова Д. Р.** Проблемы оптимизации системы административных наказаний в Российской Федерации 92
- Хишигбайгаль Э., Вандан-Иш А.** Вопросы ограничений мирных собраний в контексте прав человека 99

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Абрамова Е. Н.** Место цифрового образа человека в системе объектов гражданских прав 110

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Богомолова А. Г., Копьёва И. А.** Неисполнение обязанностей родителями по воспитанию несовершеннолетнего как причина кибербуллинга 118
- Векленко С. В.** О совершенствовании системы и структуры Уголовного кодекса Российской Федерации 129
- Головин А. Ю.** Версии защиты как объект криминалистического исследования 135
- Голубоцких П. В.** Общественная опасность преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых мигрантами 142
- Давыдов В. О.** Научно-методическое обеспечение расследования организованных форм преступной деятельности экстремистской направленности 150
- Желудков М. А., Алексеева А. П.** Обеспечение защищенности биометрических персональных данных от использования в криминальных целях 159
- Игнатов А. Н.** Организованная этническая преступность: понятие и механизмы образования 170
- Кузнецов А. А.** Научно-методическое обеспечение расследования организованных форм преступной деятельности экстремистской направленности 179
- Лисаускайте В. В.** Запрещенные методы ведения войны (часть 1 статьи 356 Уголовного кодекса Российской Федерации): вопросы квалификации и особенности содержания бланкетной нормы 187

Панкратьев А. Н. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате уклонения от уплаты налогов	194
Сафронов Д. М. Расширение понятийного аппарата как основы для формирования уголовного судопроизводства в особых условиях	200
Тамбовцев А. И. Проблема определения и толкования понятия «защита тайны» в оперативно-розыскной деятельности	211
Турьшев А. А. Структура состава преступления	218
Фельк А. А. Правовые и организационные аспекты осуществления процессуального контроля на этапе окончания предварительного следствия	226

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Филипенко Е. В. Превентивная педагогика в контексте профилактики девиантного поведения подростков	239

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Илакавичус М. Р. Понятие «духовно-нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел» как инструмент моделирования воспитательной деятельности	248
Рожков А. А. Организация политико-воспитательной работы в органах внутренних дел	257

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

Павлова С. А., Семенова Н. А. Разработка и валидизация исследовательской методики «Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы»	265
Поздняков В. М., Мальцева Т. В. Субъективная витальность и духовность как предикторы профессионального долголетия и субъективного благополучия	280

CONTENTS

FORENSIC PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Zlokazov K. V., Borodavko L. T., Popinako E. A. Socio-psychological characteristics of service teams: phenomenology and specifics	10
Makarevskaya Yu. E., Gaidamashko I. V., Kozhevnikov L. L. Psychological-legal analysis of various forms of teacher aggression towards students	19

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Nizhnik N. S., Stockiyi A. P. Militia schools of Leningrad: peculiarities of personnel training during the Great Patriotic War	28
Chestnov I. L., Lomakina I. B. Sociocultural anthropology of law as a historical and legal methodology	44

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Anisimov A. P. Functions of environmental law: concept and classification	50
Astafichev P. A. To the question of presumption of innocence in Russian public law: a constitutionalist's perspective	61
Bavsun I. G. "Organisation of proceedings in cases of administrative offences" in theory, legislation and judicial practice	72
Solovyov S. V. Classification and typology of unmanned aerial vehicles in the context of public security	80
Usmanova D. R. Challenges in optimising the system of administrative punishments in the Russian Federation	92
Khishigbaigali E., Vandan-Ish A. Limitations on the Right to Peaceful Assembly Within the Human Rights Framework	99

CIVIL LAW SCIENCES

Abramova E. N. The Place of digital image of a person in the system of objects of civil rights	110

CRIMINAL LAW SCIENCES

Bogomolova A. G., Kopyova I. A. Neglect of parents' duties in bringing up a minor as a cause of cyberbullying	118
Veklenko S. V. On improving the system and structure of the Criminal Code of the Russian Federation	129
Golovin A. Yu. Protection versions as an object of forensic research	135
Golubotskikh P. V. Social danger of road safety offences committed by migrants	142
Davydov V. O. Scientific and methodological support for the investigation of organised forms of extremist criminal activity	150
Zheludkov M. A., Alekseeva A. P. Ensuring the security of biometric personal data against the use for criminal purposes	159
Ignatov A. N. Organised ethnic crime: concept and mechanisms of formation	170
Kuznetsov A. A. The concept of the category of "responsibility" in criminal and penal law	179
Lisauskaite V. V. Prohibited methods of warfare (part 1 of article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation): qualification issues and peculiarities of the content of the blanket norm	187
Pankratev A. N. Legalisation (laundering) of money or other property acquired as a result of tax evasion	194
Safronov D. M. Expanding the conceptual apparatus as a basis for the formation of criminal proceedings in special conditions	200

Tambovtsev A. I. The problem of defining and interpreting the concept of “secret protection” in operative-investigative activities	211
Turyshchev A. A. Corpus delicti structure	218
Felk A. A. Legal and organisational aspects of procedural control during the completion stage of the preliminary investigation	226

PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Filipenko E. V. Preventive pedagogy in the context of adolescent deviant behaviour prevention	239

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

Ilakavichus M. R. The concept of “spiritual and moral education of law enforcement officers” as a tool for modeling educational activities	248
Rozhkov A. A. Organisation of political and educational work in internal affairs bodies	257

LABOUR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY AND COGNITIVE ERGONOMICS

Pavlova S. A., Semenova N. A. Development and validation of the “Professional competences of a higher school teacher” research methodology	265
Pozdniakov V. M., Maltseva T. V. Subjective vitality and spirituality as predictors of professional longevity and subjective well-being	280

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

FORENSIC PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-10-18>

Социально-психологическая характеристика служебного коллектива: феноменология и специфика

Кирилл Витальевич Злоказов¹, кандидат психологических наук, доцент
Леонид Трофимович Бородавко², доктор педагогических наук, доцент
Екатерина Алексеевна Попинако³, кандидат психологических наук

Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация

¹ zkirvit@yandex.ru, ² borodavkoleonid27@yandex.ru, ³ tatainchik@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, ² <https://orcid.org/0000-0002-3017-7507>,

³ <https://orcid.org/0000-0002-1242-9467>

Аннотация:

Введение. Актуальность исследования обусловлена недостаточными теоретическими знаниями о социально-психологической сущности служебного коллектива, затрудняющими разработку методов его изучения и препятствующими организации психологической работы со служебными коллективами, их формированию, сопровождению, морально-психологическому обеспечению, как в обычных, так и в особых условиях деятельности. Обобщение социально-психологических и организационно-психологических теорий и концепций коллектива позволяет синтезировать характеристики служебного коллектива, определив их зависимость от служебной деятельности. Служебный коллектив является малой группой, основания образования и функционирования которой, ее состав и структура, взаимодействия и взаимоотношения опосредованы служебной деятельностью.

Методы. Методами исследования выступают общенаучные методы познания – обобщения и синтеза научной информации о феноменологии служебного коллектива, позволяющие осуществить концептуализацию его социально-психологических характеристик.

Результаты исследования развивают и расширяют представление о сущности служебного коллектива, его отличие от других видов коллективов (учебных, производственных, спортивных, творческих), раскрывают особенности взаимодействия и внутригрупповых отношений. К его социально-психологическим характеристикам относятся подготовленность и обучаемость членов, их организационное единство, психологическая сплоченность и нравственная направленность; служебная деятельность коллектива характеризуется законностью, продуктивностью, надежностью и эффективностью. Взаимодействия и взаимоотношения членов коллектива строятся на основе единоначалия и субординации и опосредованы служебной деятельностью.

Ключевые слова:

служебный коллектив, морально-психологическое состояние, социально-психологический климат, взаимоотношения сотрудников

Полученные результаты применимы для разработки теории служебного коллектива, обеспечивающей изучение характеристик, критически значимых для повышения эффективности служебной деятельности, продуктивности, надежности в особых условиях оперативной обстановки. В деятельности психолога подразделения они могут использоваться для проведения занятий с начальниками (руководителями) служебных коллективов структурных подразделений, а также для организации политико-воспитательной и психологической работы с личным составом. Знание о социально-психологической сущности коллектива важно не только психологу подразделения, но и его руководителю, заинтересованному в формировании ценностного ядра вверенного ему коллектива, стремящегося к повышению качества и эффективности, осуществляемых подчиненным ему личным составом действий, морально-психологической готовности к деятельности в любых условиях ее осуществления.

Original article

Socio-psychological characteristics of service teams: phenomenology and specifics

Kirill V. Zlokazov¹, Cand. Sci. (Psy.), Docent
Leonid T. Borodavko², Doc. Sci. (Ped.), Docent
Ekaterina A. Popinako³, Cand. Sci. (Psy.)

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

¹ zkirvit@yandex.ru, ² borodavkoleonid27@yandex.ru, ³ tatainchik@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, ² <https://orcid.org/0000-0002-3017-7507>,

³ <https://orcid.org/0000-0002-1242-9467>

Abstract:

Introduction. The relevance of the study is due to the lack of theoretical knowledge concerning the socio-psychological nature of the service team. This deficiency impedes the development of methods for its study and hinders the organisation of psychological work with service teams, their formation, their support, and moral and psychological assistance both under normal and special conditions of activity. The generalisation of socio-psychological and organisational-psychological theories and concepts of the staff makes it possible to synthesize the characteristics of the service team, highlighting its dependence on official activity. A service team refers to a small group whose formation and functioning, its composition and structure, interactions and relationships are all mediated by official activity.

The research methods are general scientific methods of cognition: the generalisation and synthesis of scientific information about the phenomenology of the service team. This process helps to develop a comprehensive understanding of its socio-psychological characteristics.

The results of the study expand on the concept of the service team and how it differs from other types of teams (e.g. educational, industrial, sports and creative). The results also reveal the features of interaction and intragroup relations. Socio-psychological characteristics of the service team encompass the preparation and training of its members, their organisational unity, psychological cohesion, and moral orientation. The team official activity is characterised by adherence to legal frameworks, productivity, reliability and efficiency. The interactions and relationships between team members are built by the unity of command principle and subordination and are mediated by official activity. These results contribute to the development of the service team theory, providing the study of the key crucial characteristics for enhancing the effectiveness, productivity and reliability of official activity in special operational conditions. The results can be applied to work with the heads of the service teams in organizational units, as well as for direct psychological work with personnel. To understand the socio-psychological nature of the service team is crucial for both the psychologist and the head of the unit, who is interested in shaping the service team core values, improving the quality and effectiveness of the job performance carried out by subordinate personnel, and ensuring their moral and psychological readiness to work in any conditions.

Для цитирования:

Злоказов К. В., Бородавко Л. Т., Попинако Е. А. Социально-психологическая характеристика служебного коллектива: феноменология и специфика // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 10–18. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-10-18>.

Статья поступила в редакцию 23.02.2025; одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 20.06.2025.

Keywords:

service teams, moral and psychological state, socio-psychological climate, employee interaction

For citation:

Zlokazov K. V., Borodavko L. T., Popinako E. A. Socio-psychological characteristics of service teams: phenomenology and specifics // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 10–18. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-10-18>.

The article was submitted February 23, 2025; approved after reviewing April 24, 2025; accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Актуальность научного исследования социально-психологических характеристик служебного коллектива вызвана условиями деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации в сферах правоохранительной деятельности, обороны и безопасности, обострившимися в настоящее время. Вызовы, стоящие перед личным составом и в обычных, и в особых условиях оперативно-служебной деятельности, обуславливают внимание к его

индивидуальной профессиональной и психологической подготовленности, но требуют высокого уровня сплоченности и слаженности взаимодействия служебных коллективов.

Фактически служебный коллектив выступает силой, оказывающей воспитывающее, регулирующее, фасилитирующее влияние на своих членов. В этом коллектив является подспорьем руководителю подразделения, как в части организации работы, так и в решении задач морально-психологического обеспечения подчиненного личного состава. Безусловно, служебный коллектив является серьезным ресурсом информационной, социальной и психологической поддержки для каждого из его членов. Поскольку формирование служебного коллектива осуществляется силами его руководителя и подчиненными сотрудниками, данные возможности реализуются настолько, насколько члены коллектива способны оказывать друг другу поддержку и предоставлять помощь.

Поэтому потенциал служебного коллектива как самостоятельного фактора воспитательно-политической, психологической и социальной работы с личным составом нуждается в осмыслении и проработке. Недостаток научных представлений о характеристиках служебного коллектива при достаточно подробной разработке теории коллектива в отечественной социальной психологии сказывается в практике работы с ним.

Нехватка инструментов диагностики характеристик служебного коллектива конечно компенсируется изучением социально-психологического климата, статуса сотрудников, их отношения к руководителю. В результате их анализа служебный коллектив представлен лишь суммой индивидуальных оценок, полученных его членами. Однако роль служебного коллектива как группового субъекта, обучающего, поддерживающего и сберегающего личный состав ни теоретически, ни методически в полной мере не реализована. Хотя потребность в этом с учетом задач, возложенных на органы внутренних дел Российской Федерации, иные федеральные органы исполнительной власти нашей страны в сфере правоохранительной деятельности, обороны и безопасности, с учетом кадровой ситуации, остается актуальной.

В связи с научной, методической и практической актуальностью проработки теории служебного коллектива целью данной статьи выступает обобщение социально-психологических характеристик служебного коллектива, определение его сущности и специфических отличий от других видов коллективов. Предметную область исследования составляет служебный коллектив подразделения территориальных органов внутренних дел Российской Федерации. Предметом исследования выступают закономерности внутригруппового взаимодействия и взаимоотношений сотрудников, составляющих служебный коллектив конкретного структурного подразделения.

Методы

Методами исследования выступают общенаучные методы познания – обобщения и синтеза научной информации о феноменологии, социально-психологической сущности служебного коллектива, позволяющие осуществить концептуализацию его характеристик.

Результаты

Результаты исследования развивают и расширяют представление о сущности служебного коллектива, его отличии от других видов коллективов (учебных, производственных, спортивных, творческих и иных), раскрывают ключевые особенности внутригрупповых отношений, определяющие взаимодействие и взаимоотношения его членов. Знание социально-психологических характеристик служебного коллектива важно не только психологу подразделения, но и его руководителю, заинтересованному в формировании ценностного ядра вверенного ему коллектива, стремящемуся к повышению качества и эффективности, осуществляемых подчиненным ему личным составом действий, озабоченному их морально-психологическим состоянием в любых условиях деятельности.

Изложение материала в статье осуществляется последовательно. В первой части статьи обобщаются общие социально-психологические представления о сущности служебного коллектива через призму его феноменологии, затем приводится характеристика признаков служебного коллектива в ряду других социальных общностей и описывается социально-психологическая специфика служебного коллектива, отличающая его от других видов малых групп.

Теоретическая часть исследования. Феноменология служебного коллектива и служебной деятельности

Служебный коллектив является сложным объектом психологического анализа, поскольку особенности его образования и функционирования, внутригрупповой деятельности и взаимоотношений существенно отличают его от других социально-психологических образований. Поэтому описание феноменологии служебного коллектива представляется обязательным

этапом изучения, предвещающим конкретизацию его социально-психологических характеристик. Рассмотрение феноменологии позволяет дифференцировать служебный коллектив от других социальных общностей и выявить его своеобразие.

Служебный коллектив следует относить к формальным группам, образуемым для достижения целей, стоящих перед более крупными и организованными социальными общностями [1–3]. При рассмотрении феноменологии следует отметить, что применение понятия «коллектив» к малой группе предполагает достижение определенного уровня развития взаимодействия и взаимоотношений членов группы. Через призму взглядов А. В. Петровского, Л. И. Уманского оно предполагает наличие внутригрупповой структуры, ценностно-ориентационное единство и просоциальную направленность деятельности группы [1; 2].

Однако следует уделить внимание специфике служебного коллектива, отличающей его от других видов групп, достигающих уровня развития коллектива (учебных, спортивных, неформальных). Для этого необходимо обратиться к основанию образования любой малой группы – совместной деятельности – и охарактеризовать сущность понятия «служебная» деятельность.

В семантике русского языка атрибут «служебной» деятельности характеризует исполнение обязанностей, возложенных на человека¹, либо осуществление «деятельности для кого-то, реализации чьей-либо воли, направления всей своей деятельности для реализации пользы»². В современном представлении «служебная деятельность» связана с конкретным социальным институтом или институтом государственной власти, поэтому может подразделяться на государственную, военную, правоохранительную и иные разновидности службы. Также нужно отметить, что, по нашему мнению, значение слова «служебная» восходит к понятию «обслуживание», что подчеркивает его нормативный и регламентированный характер и отчасти исключает произвольность в ее осуществлении.

Конкретизация сущности служебного коллектива может быть осуществлена через предмет его деятельности и условия ее осуществления. В наиболее общем виде предмет служебной деятельности можно считать функцию конкретного государственного института, которую члены группы осуществляют, будучи специальным образом отобранными, обученными и аттестованными. В связи с этим служебная деятельность отличается от творческой, спортивной, учебной тем, что: а) ее исполнители предварительно подверглись отбору и профессиональному обучению; б) право на ее осуществление предоставлено им в связи с результатом аттестации (оценки их возможности выполнять данную деятельность), причем на ограниченный период времени; в) выполнение служебной деятельности подвергается внешнему контролю со стороны субъекта, обладающего правами на инициацию деятельности, регуляцию процесса, контроль и оценку результата.

Служебный коллектив выступает первичным групповым элементом в структуре любого государственного института, а цель его деятельности корреспондирует к функции данного института в ее первичной постановке – обороны, охраны, противодействия чрезвычайным ситуациям, государственного управления и пр.

Важное значение для феноменологии служебного коллектива имеют условия осуществления его деятельности. Условия влияют на постановку цели деятельности как всего коллектива, так и его отдельных участников, сказываются на ходе и результатах деятельности. Обобщенно они могут быть разделены на внешние, не подвергаемые контролю и управлению со стороны группы, и внутренние, прямо связанные с внутригрупповыми взаимоотношениями. Описывая внешние условия деятельности, отметим, что они, как правило, соответствуют предметному полю деятельности группы (например, правоохранительная, военная, государственного управления и пр.) и воплощаются в ее цели – охрана общественного порядка на определенной территории, оперативно-розыскные мероприятия, ликвидация последствий чрезвычайной ситуации, пресечение массовых беспорядков и пр.

При этом служебный коллектив может быть ориентирован на достижение цели в условиях, превосходящих возможности членов группы для ее осуществления. В таком случае важно отметить принципиальное значение руководителя коллектива (начальника подразделения) в принятии данной цели к исполнению, поиске ресурсов либо отказе от нее. Поэтому служебным коллективам, действующим в особых условиях обстановки, отличающихся от типовых, свойственно использовать не только внешние, но и внутренние, в т. ч. психологические ресурсы личного состава. Самоотдача и способность к самопожертвованию членов служебного коллектива при выполнении поставленной задачи резко отличают его от других видов малой группы.

Внутренние условия характеризуют динамические, структурные, организационные и иные особенности взаимодействия и взаимоотношений членов группы. Учитывая, что служебный

¹ Словарь русского языка : В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва : Русский язык, 1999.

² Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд. Москва : Азбуковник, 1997. С. 732.

коллектив относится к формальным видам малой группы, характеристики группы (состав, структура), равно как и организация ее деятельности, первично определяются вне самой группы – в организации (ведомстве). Вообще оценка служебной деятельности всего коллектива и его отдельных членов характеризуется ее соответствием стандартам, правилам и нормам. При этом регламентация деятельности предписывается ее участникам и устанавливается вне ее, а члены группы подвергаются не только внутри-, но и внешнегрупповому контролю. Он предполагает поощрение либо наложение санкций, как за результаты деятельности, так и за соблюдение норм этого процесса (нарушение процедуры), а также несоблюдение правил (ограничений и запретов, налагаемых на членов группы).

Соответственно, при формировании служебного коллектива ее члены назначаются на должности или определяются по определенным функциям, исходя из результатов оценки их личных и деловых качеств. Нужно отметить, что в структуре служебного коллектива, в отличие от других видов малых групп, позиции членов «замещаются», а не «занимаются», что означает: во-первых, ограничение времени пребывания в группе, во-вторых, предполагает аттестацию члена коллектива на соответствие должности (позиции в структуре группы).

Следует уточнить, что взаимодействие членов служебного коллектива осуществляется исходя из замещаемых ими должностей (функций) в той же мере, как и их взаимоотношения. Результативность служебной деятельности выступает ключевым критерием для оценки членов коллектива, их отношений друг к другу и самоотношения. Даже если между членами служебного коллектива (либо микрогруппами) в определенный момент времени возникают эмоционально-позитивные (либо негативные) отношения, то в долгосрочной перспективе они все равно уступают критерию служебной деятельности. Таким образом, взаимодействие членов служебного коллектива ориентировано на осуществление цели служебной деятельности, а их отношения строятся на основе стремления к ее достижению. Структура и содержание взаимоотношений в служебном коллективе задается формальными (статусно-позиционными, результативными) и неформальными (поведенческими, коммуникативными, эмоциональными) характеристиками. Взаимоотношения членов коллектива либо основываются на нормах, установленных организацией, и незначительно варьируются, либо полностью воспроизводят их.

Завершая анализ феноменологии служебного коллектива, перейдем к концептуализации его характеристик, основываясь на социально-психологических теориях коллектива, а также организационно-психологических концепциях его внутригрупповой структуры, взаимодействия и взаимоотношений. В целом обобщение и конкретизация психологических теорий и концепций коллектива (К. М. Гайдар [4], А. И. Донцов³, А. Л. Журавлев [5], М. И. Марьин и О. А. Терегулова [6], А. В. Сидоренков [7], А. В. Петровский [1], Л. И. Уманский [2], А. С. Чернышев и С. В. Сарычев [3], К. А. Егоров, Л. Ю. Тюнис, О. А. Ульянина⁴) позволяют сформулировать понятие служебного коллектива в контексте социально-психологических и организационно-психологических представлений о нем.

Основываясь на параметрической теории коллектива, предложенной А. С. Чернышевым и развитой С. В. Сарычевым [3], можно определить ключевые характеристики служебного коллектива:

- *подготовленность*, заключающаяся в знаниях, умениях и навыках членов коллектива, а также в их привычках и опыте осуществления совместной деятельности;
- *обучаемость*, выражающаяся в способности получать новые знания, умения и навыки, в т. ч. корректировать деятельность, извлекать опыт и применять его для совершенствования деятельности;
- *организационное единство*, т. е. способность к интеграции в целях решения групповой задачи, что проявляется в характере групповой структуры, наличии самоуправления и его деятельности, взаимодействии и взаимозависимости членов группы;
- *психологическая сплоченность*, заключающаяся в поддержании интеллектуального, эмоционального и волевого единства его членов, влияющая на способность к совместному решению проблем, эмоциональной совместимости членов группы, возможности к напряжению духовных и физических сил для преодоления препятствий на пути к достижению цели деятельности группы;
- *нравственная направленность*, выражающаяся в мотивах групповой деятельности, групповых ценностях, преобладающих в группе взглядах и убеждениях.

Характеризуя служебный коллектив с позиций микрогрупповой концепции А. В. Сидоренкова, следует определить его как целостную совокупность неформальных подгрупп и не включенных в них членов коллектива, обладающих социально-психологическими характеристиками

³ Донцов А. И. Психология коллектива : Методологические проблемы исследования : учебное пособие. Москва : Издательство Московского университета, 1984. 208 с.

⁴ Социально-психологический климат в служебных коллективах органов внутренних дел : учебное пособие / Егоров К. А., Тюнис Л. Ю., Ульянина О. А. Москва : Академия управления МВД России, 2018. 92 с.

и находящимися в определенных отношениях друг к другу и к коллективу в целом [8]. Служебный коллектив как совокупность микрогрупп по-особому динамичен – поскольку его деятельность осуществляется в непосредственном взаимодействии участников как внутри группы (с руководителем, друг с другом), так и вне ее – с другими коллективами организации, членами общества. Кроме того, с микрогрупповой точки зрения служебный коллектив сложен, т. к. совместные действия зависят от сплоченности и совместимости его членов, опираются на их отношения друг к другу, выполняемой деятельности и руководителю [20]. Здесь на первый план выходят эмоциональные и неформальные аспекты личного восприятия членами группы друг друга. Поэтому служебному коллективу свойственны противоречия и даже конфликты, возникающие вследствие динамики взаимодействия, что сказывается на интеграции и дезинтеграции его членов, сплоченности их действий и, в итоге – результативности и эффективности деятельности всего служебного коллектива. Данная специфика далее будет рассмотрена нами в разделе, рассматривающем изучение морально-психологического состояния служебного коллектива и роль руководителя в его обеспечении.

Применение организационно-психологического подхода позволяет рассмотреть служебный коллектив в виде позиций, замещаемых членами группы, чье взаимодействие предписано организацией деятельности, а отношения опосредованы ею. Так, А. С. Макаренко отмечал, что коллектив – «... это свободная группа людей, объединенных единой целью, единым действием, организованная, снабженная органами управления, дисциплины и ответственности» [9]. По мнению А. А. Акимова, изучавшего служебные коллективы сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, чертами служебного коллектива являются: 1) единство целей и профессиональной воли всех членов служебного коллектива; 2) взаимодействие, координация, взаимопомощь, законность; 3) формирование и поддержание определенного морально-нравственного климата; 4) условия для совершенствования у членов коллектива профессиональных навыков и умений, высокой общей и профессиональной культуры [10]. В представлении С. Н. Рыбиной, Ю. Ю. Тищенко формирование служебного коллектива должно основываться на социально-психологических требованиях к его членам, производных от цели деятельности и его условий, а функционирование коллектива должно быть неразрывно связано с развитием руководителя и ядра коллектива [11].

Завершив обзор теоретических представлений о сущности служебного коллектива, перейдем к характеристике его параметров, позволяющих дифференцировать его от других видов малых групп.

Социально-психологические характеристики служебного коллектива

Служебный коллектив – это формально организованная малая группа с составом участников от 3 до 20–30 человек, созданная для деятельности в интересах организации, ведомства, социального института.

Нижшая граница численности коллектива (2 человека) устанавливается критерием образования группы. Верхняя граница определяется несколькими критериями. Во-первых, организационной структурой органа, организации (ведомства, государственного института), в состав которого входит служебный коллектив. Во-вторых, предполагает непосредственное подчинение членов группы ее руководителю. При наличии опосредованного (то есть прямого подчинения) членов группы друг другу, а также при составе участников от 15 человек и более, речь может идти уже не о служебном коллективе как малой группе, а о большей общности – служебном коллективе организации. В-третьих, функции членов служебного коллектива нацелены на выполнение деятельности всего коллектива, что исключает возможность их вовлечения в деятельность другого коллектива, переподчинение и пр.

Состав коллектива образуют его члены, прошедшие профессиональный и психологический отбор. Отбор, как правило, предусматривает выбор из числа кандидатов на включение в коллектив лиц, которые по своим личным и деловым качествам, а также факторам риска девиантного поведения, продемонстрированным ими за изучаемый период, способны выполнять задачи деятельности, возлагаемой на весь коллектив. Важно также отметить, что включение в служебный коллектив может осуществляться совместно с поступлением кандидата на государственную службу, а может выполняться при формировании новых коллективов (например, сводных групп, отрядов или структурных подразделений новых органов, организаций). В таком случае отбор членов в новый коллектив строится с учетом уже имеющихся сведений об их профессиональных, личных и деловых качествах. Состав служебного коллектива динамичен, поскольку при сохранении его организационной формы, продолжительность пребывания в его составе для участников ограничена. Основанием для сохранения члена коллектива в его составе или исключения выступает процедура аттестации. В связи с этим существенное значение для взаимодействия и взаимоотношений членов служебного коллектива имеет показатель «текучесть кадров» – соотношение членов коллектива, включенных в коллектив и покинувших его за определенный период [12]. Динамика текучести в среднем не может превышать 3–5 % от

общей численности коллектива в год, а ее увеличение или снижение негативно сказывается на организации труда и качестве результатов [13].

Структура служебного коллектива включает руководителя и подчиненных ему членов группы. Простая структура служебного коллектива предполагает непосредственное подчинение членов группы ее руководителю при постоянстве их должностных обязанностей и выполняемых функций. Сложная структура может заключаться либо в подчинении членов группы руководителям подгрупп, либо перераспределение функций между членами группы в определенные периоды времени (например, патрулирование, суточное дежурство, образование сводной группы с привлечением лиц из других служебных коллективов). В зависимости от характера деятельности и ее организации члены коллектива могут по-разному быть функционально зависимы друг от друга:

а) быть подчинены исключительно руководителю подразделения и в определенной мере сохранять независимость от него в период выполнения трудовых функций (например, следственный отдел, сотрудники которого подчинены только руководителю и при этом являются процессуально независимыми в период работы над уголовным делом);

б) быть подчинены руководителю, а также старшему по званию сотруднику в коллективе (например, коллектив подразделения патрульно-постовой службы, дежурной части);

в) быть подчинены руководителю, но сохранять зависимость от других членов коллектива в связи с поэтапной организацией служебной деятельности, предполагающей последовательное выполнение членами коллектива своих действий.

Таким образом, с организационной точки зрения в служебном коллективе возможны различные варианты функциональных связей его членов, что накладывает свое влияние на организацию взаимодействия членов коллектива и ее содержание, сказываясь на сплоченности членов группы.

Длительность (продолжительность) функционирования служебного коллектива как формальной группы ограничена только целесообразностью деятельности, установленной его членам, т. е. не зависит от внутригрупповых характеристик (групповой динамики, конфликтности, взаимоотношений и пр.). По критерию длительности служебные коллективы могут подразделяться на долговременные (существующие в структурных подразделениях) и кратковременные (формируемые на период служебной командировки для проведения следственных действий, охраны общественного порядка и др.).

Деятельность служебного коллектива – вид совместной нормативно регламентированной целенаправленной активности его членов, выступающей основанием функционирования и опосредующей взаимоотношения.

Деятельность является комплексным образованием, влияющим как на функционирование коллектива, его состав, ценностно-ориентационное единство, так и на субъективные проявления отношений его членов друг к другу и самим себе. К общим характеристикам деятельности служебного коллектива следует относить:

– Законность, устанавливаемую в качестве принципа служебной деятельности, взаимоотношений и поведения членов коллектива (для органов внутренних дел Российской Федерации она установлена соответствующим Федеральным законом⁵). Законность – аксиоматический принцип функционирования служебного коллектива, выступающий основанием внутри- и внегрупповых взаимодействий и взаимоотношений.

– Продуктивность, характеризующую достижение служебным коллективом конкретного результата в единицу времени. Продуктивность является количественным показателем деятельности, близким по смыслу которому является результативность. Однако нами используется значение продуктивности, рассматривающей ее не только в единицах объема произведенной работы в единицу времени, но и с учетом допущенных при этом ошибок⁶.

– Надежность, предполагающую достижение результата в любых внутренних и внешних условиях, в т. ч. в особых условиях оперативно-служебной деятельности. Надежность выступает психологической характеристикой каждого члена служебного коллектива, его руководителя и системы взаимоотношений и взаимодействия⁷. Проблема надежности тесно связана с психологической стороной деятельности служебных коллективов, выражающейся в высоком чувстве долга членов коллектива и осознании ими ответственности за порученную деятельность.

⁵ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

⁶ Майзель Н. И. Сущность и условия организации эффективного психологического отбора // Психология работы с персоналом в трудах отечественных специалистов: Сущность и условия организации эффективного психологического отбора : хрестоматия по психологии / Майзель Н. И., Небылицын В. Д., Теплов Б. М. ; ред. Л. В. Винокуров. Санкт-Петербург : Питер, 2001. С. 252–262.

⁷ Бодров В. А. Психологические основы профессиональной деятельности : хрестоматия / сост. и общ. ред. В. А. Бодров. Москва : ПЕР СЭ, 2007. 855 с.

– Эффективность. Критерий эффективности означает соотношение между затратами и получаемыми результатами [14], при этом перечень затрат может выражаться не только в материальных, но и в нематериальных видах ресурсов [15], в т. ч. и субъективных, связанных с состоянием члена коллектива – субъекта труда (пресыщением, утомлением). Фактически значение эффективности близко по смыслу к оптимальности – достижению наилучшего результата в текущих условиях при минимальных затратах времени и усилий членов коллектива [16].

С учетом рассмотренных критериев, ясно, что деятельность служебного коллектива – это комплексный процесс, включающий в себя целеполагание, планирование и расстановку членов коллектива, координацию их действий для достижения результата в любых оперативно-служебных условиях. Последний аспект раскрывается через призму социально-психологических характеристик взаимодействия и взаимоотношений членов коллектива под влиянием его руководителя и также составляет существенное отличие служебного коллектива от других видов коллективов (учебных, трудовых, спортивных, творческих) [17].

С организационно-психологической точки зрения важно определить значение руководителя служебного коллектива в его функционировании. Значение руководителя ранее уже характеризовалось нами в отдельных контекстах (например, в морально-психологическом обеспечении деятельности подчиненного личного состава⁸ и формировании нормативного поведения его участников⁹). В рамках данной публикации раскроем принципы деятельности руководителя служебного коллектива, в целом влияющие на его формирование и функционирование.

В органах внутренних дел Российской Федерации, как и в других федеральных органах исполнительной власти нашей страны, организация управления строится на принципе единоначалия [18] и субординации (подчиненности) [19]. Единоначалие подразумевает организационную форму руководства в государственном управлении, при которой во главе органа управления, подразделения, учреждения или организации стоит одно должностное лицо, уполномоченное единолично принимать юридически обязательные акты управления¹⁰.

При этом единоначалие не только характеризует полноту распорядительной власти начальника по отношению к подчиненным (в виде права и обязанности организовывать, координировать и контролировать их деятельность). Как отмечает А. А. Хантуев, единоначалие также возлагает персональную ответственность за деятельность и результаты всего служебного коллектива, а также каждого сотрудника¹¹. Преломляя принцип единоначалия в аспекте организации служебного коллектива, можно полагать, что его руководитель должен: обладать конкретными полномочиями по управлению подчиненным личным составом в определенных пределах с учетом возлагаемых задач и функций; иметь средства управления (в виде объема власти, правовых оснований их применения, обязанностей и ответственности за управленческие действия и бездействие); владеть способностью к управлению (в виде конкретных знаний, умений и опыта их применения в управлении коллективом).

Применительно к служебному коллективу принцип единоначалия руководителя в отношении подчиненных выражается в служебных требованиях (например, в форме приказа, распоряжения) к сотрудникам вверенного подразделения, утверждении должностной инструкции (регламента) служебной деятельности сотрудника, распорядка дня (служебного времени), планировании, координации и контроле деятельности каждого сотрудника и оценке достигнутых результатов, поощрении и наказании в соответствии с установленными законом и нормативными актами подразделения.

Дополняя характеристику единоначалия, подчеркнем, что реализация принципа субординации в организации деятельности служебного коллектива устанавливает особенности взаимоотношений между руководителем и его членами. Они выражаются в характере руководящего воздействия, которое предписывает определенные действия подчиненному сотруднику, ограничивает их возможный выбор и время их осуществления. Соответственно, подчиненный может лишь реализовать решение руководителя в пределах установленных им условий.

Функциональное значение руководителя служебного коллектива в связи с принципами единоначалия и субординации позволяют рассматривать его в виде организующего звена. Руководитель вовлечен во все аспекты взаимодействия и большинство взаимоотношений коллектива, его влияние сказывается не только на групповой психологии коллектива, но и индивидуальной.

⁸ Злоказов К. В., Гайдамашко И. В., Бородавко Л. Т. Влияние руководителя служебного коллектива на морально-психологическое состояние подчиненных сотрудников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 284–293. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-284-293>.

⁹ Бородавко Л. Т., Силкин Н. Н., Корзунин В. А. Значение руководителя служебного коллектива органа внутренних дел в формировании нормативного поведения его участников: эмпирическое исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (103). С. 300–310. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-300-310>.

¹⁰ Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. Москва : Проспект, 2009. 506 с.

¹¹ Хантуев А. А. Принцип единоначалия и его реализация в управлении органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. 25 с.

3 заключение

Полученные результаты позволяют перейти от общенаучной трактовки служебного коллектива как малой группы, достигшей высокого уровня развития, к описанию его организационно-психологических характеристик, влияющих на соблюдение законности его членами, надежность, эффективность и результативность их совместной деятельности в любых условиях ее осуществления.

Методически ценным результатом исследования выступает актуализация идеи того, что служебный коллектив может выступать самостоятельным фактором воздействия на морально-психологическое состояние личного состава. Его руководитель может использовать возможности коллектива для решения задач не только оперативно-служебной деятельности, но для развития, воспитания и сбережения вверенных ему сотрудников.

Прикладная реализация результатов заключается в разработке методик психологической диагностики характеристик служебного коллектива, позволяющих изучать состояние внутригрупповых отношений, а также методических рекомендаций по воплощению функций служебного коллектива в практической деятельности.

Список источников

1. Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. Москва : Издательство политической литературы, 1982. 254 с.
2. Уманский Л. И. Поэтапное развитие группы как коллектива // Коллектив и личность : монография / рук. К. К. Платонов ; редкол.: Н. В. Кучевская, Е. В. Шорохова ; отв. ред. О. И. Зотова. Москва : Наука, 1975. С. 77–87.
3. Чернышев А. С., Сарычев С. В. Параметрическая теория коллектива: история создания и тенденции развития // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2009. № 3 (11). С. 101–112.
4. Гайдар К. М. Социально-психологическая концепция группового субъекта : [монография]. Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2013. 396 с.
5. Журавлев А. Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке : коллективная монография / отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. Москва : Академический проект, 2000. С. 133–151.
6. Марьин М. И., Терезулова О. А. Особенности формирования благоприятного социально-психологического климата в территориальных подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4 (68). С. 443–448; <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2024.68.4.011>.
7. Сидоренков А. В. Микрогрупповая концепция // Российский психологический журнал. 2006. Т. 3, № 1. С. 21–26.
8. Сидоренков А. В. «Организационная идентичность» и «организационная идентификация»: содержание и соотношение понятий // Организационная психология. 2021. Т. 11, № 3. С. 120–152.
9. Кенсаринова М. В. Теория коллектива А. С. Макаренко: философские и психологические аспекты // Успехи современного естествознания. 2015. № 1–2. С. 301–304.
10. Акимов С. И. Понятие служебного коллектива в органах внутренних дел и его основные профессионально-нравственные характеристики // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 43. С. 93–98.
11. Рыбина С. Н., Тищенко Ю. Ю. Особенности организации служебной деятельности коллектива в подразделениях правоохранительных органов // Аграрное и земельное право. 2023. № 9 (225). С. 99–101; https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_9_99.
12. Ашуров А. А. Текучесть кадров // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 38. С. 163–167.
13. Марьясис И. Б. Специфика психологической профилактики текучести кадров в органах внутренних дел Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 276–279; <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-1-276-279>.
14. Малахова О. В., Гарбузова Н. О. Основные подходы к оценке эффективности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 3 (14). С. 65–71.
15. Мамаженов И. А. Показатели эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности муниципального служащего // Вестник магистратуры. 2013. № 13 (26). С. 58–62.
16. Толочек В. А. Профессиональная успешность: понятия «способность» и «ресурсы» в объяснении феномена // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 2. С. 20–38.
17. Духновский С. В., Злоказов К. В. Субъективная оценка внутригрупповых отношений: описание опросника и возможности его использования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (74). С. 106–112.
18. Дизер О. А. Принципы службы в органах внутренних дел Российской Федерации / Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования) : сборник материалов XI международной научно-практической конференции, г. Орел, 20–21 апреля 2017 г. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017. С. 133–138.
19. Ванюшина И. Н. Принцип субординации на государственной службе Российской Федерации и службе в органах внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 3 (53). С. 73–84.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-19-27>

Психолого-правовой анализ различных видов педагогической агрессии учителей в отношении обучающихся

Юлия Эдуардовна Макаревская¹, кандидат психологических наук, доцент
Игорь Вячеславович Гайдамашко², доктор психологических наук, доцент
Лев Львович Кожевников³, кандидат юридических наук, доцент

^{1,3} Сочинский государственный университет

Сочи (354003, ул. Пластунская, 94), Российская Федерация

² Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований

Москва (125009, ул. Моховая, д. 9, стр. 4), Российская Федерация

¹ yuliya-sochi@mail.ru, ² gajdamashko@mirea.ru, ³ L19eo78@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-6937-6784>, ² <https://orcid.org/0000-0001-5146-0064>,

³ <https://orcid.org/0009-0002-1351-4206>

Аннотация:

Введение. В статье представлены результаты исследования и психолого-правового анализа различных видов педагогической агрессии в отношении учащихся школ. Актуальность исследования обусловлена участвовавшими случаями конфликтных ситуаций в образовательных организациях между субъектами образовательных отношений. При этом психологические теории агрессии предлагают различные объяснения данным формам поведения, но не в аспекте образовательных отношений и без системного правового анализа.

Методы. Общенаучными методами исследования проведен теоретический анализ концепций и подходов к объяснению агрессии как формы поведения, описаны различные виды педагогической агрессии учителей в отношении обучающихся с психолого-правовой точки зрения. Эмпирические методы: анкетирование с последующим анализом (критерий χ^2) частот встречаемости эмпирических значений активной и пассивной агрессии педагогов в отношении учеников. Выборка исследования: N = 100 (из них 35 мужчин, 65 женщин; школьников – 62 %, взрослых 28 %, студентов 10 %).

Результаты. В результате исследования определено, что 82 % респондентов переживали опыт различных видов педагогической агрессии в свой адрес в период обучения в школе. Рейтинг распространенности агрессивных проявлений педагогов возглавляют признаки активной агрессии, хотя пассивная в целом преобладает. Универсальные признаки педагогической агрессии: демонстрация обиды и раздражения, негативизм, нетерпимость и презрение со стороны учителя в отношении обучающегося. Школьники и студенты значительно чаще взрослых упоминают о таком поведении со стороны учителей, как игнорирование, отказ в разговоре и в поддержке, повышенный тон, хлопанье дверью, бросание предметов, дергание за руку. Специфическими являются (только по мнению студентов) такие проявления агрессии в поведении учителей в школе как пристрастное отношение у обучающимся со стороны педагогов, их враждебный тон и угрожающее содержание высказываний.

Анализ полученных результатов показал, что наиболее частые проявления агрессии учителей в отношении обучающихся психологически могут быть объяснены предшествующим переживанием педагогами стресса, фрустрации, притягиванием агрессии как привычной и/или легитимной формы реагирования. При этом установлено, что подавляющее большинство проявлений педагогической агрессии с правовой точки зрения чаще всего не влекут за собой состава правонарушения, хотя и демонстрируют негативное отношение учителей к обучающимся.

Ключевые слова:

затрудненное взаимодействие, педагогическая агрессия, правовая оценка, моральный вред, физический вред, возмещение вреда, судебная защита прав

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научно-инновационного проекта № НИП-20.1/190.

Для цитирования:

Макаревская Ю. Э., Гайдамашко И. В., Кожевников Л. Л. Психолого-правовой анализ различных видов педагогической агрессии учителей в отношении обучающихся // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 19–27. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-19-27>.

Статья поступила в редакцию 02.02.2025;
одобрена после рецензирования 25.04.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Psychological-legal analysis of various forms of teacher aggression towards students

Yuliya A. Makarevskaya¹, Cand. Sci. (Psy.), DocentIgor V. Gaidamashko², Doc. Sci. (Psy.), DocentLev L. Kozhevnikov³, Cand. Sci. (Jurid.), Docent^{1,3} Sochi State University

94, Plastunskaya str., Sochi, 354003, Russian Federation

² Federal Scientific Center for Psychological and Multidisciplinary Researches

9, build. 4, Mokhovaya str., Moscow. 125009, Russian Federation

¹ yuliya-sochi@mail.ru, ² gaidamashko@mirea.ru, ³ L19eo78@yandex.ru¹ <https://orcid.org/0000-0001-6937-6784>, ² <https://orcid.org/0000-0001-5146-0064>,³ <https://orcid.org/0009-0002-1351-4206>

Abstract:

Introduction. The study describes the results of the research and psychological-legal analysis of various forms of teacher aggression towards school students. The significance of the research arises from the increasing frequency of conflicts among the parties of educational activity. Herewith, psychological theories of aggression have different explanations of these forms of behaviour, except in the context of educational relations and without a systemic legal analysis.

Methods. The research employed theoretical analysis of aggression concepts; classification of teacher aggression types through psychological-legal lenses. The empirical survey included a questionnaire with subsequent analysis (X^2 criterion) of active/passive aggression frequency. The study sample comprised 100 participants, with 35 male and 65 female; 62 % ($n=62$) being schoolchildren, 28 % ($n=28$) adults, 10 % ($n=10$) students.

Results. The study revealed that 82% of the respondents experienced various forms of teacher aggression. In terms of aggression, signs of active aggression dominate, although passive aggression is more common in general. General signs of teacher aggression include showing resentment and irritation, negativism, intolerance and contempt. Schoolchildren and students significantly more often than adults mention such teachers' behaviour as ignoring, refusal to talk and support, raised tone, slamming doors, throwing objects, pulling the arm. According to students' opinion, specific expressions of aggression in teachers' behaviour at school are biased attitude to students, teachers' hostile tone and threatening content of statements.

The study revealed that the most frequent expressions of teacher aggression towards students can be psychologically associated with teachers' previous experience of stress, frustration, and acceptance of aggression as a habitual and/or legitimate form of response. At the same time, in legal terms the large number of cases of teacher aggression most often does not correspond to an offence, although they demonstrate teachers' negative attitudes towards students.

Keywords:

difficult interaction, teacher aggression, legal assessment, moral harm, physical harm, compensation for harm, judicial protection of rights

Funding:

The study was financially supported by the Kuban Science Foundation within the framework of the research and innovation project No. NIP-20.1/190.

For citation:

Makarevskaya Yu. A., Gaidamashko I. V., Kozhevnikov L. L. Psychological-legal analysis of various forms of teacher aggression towards students // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 19–27. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-19-27>.

The article was submitted February 2, 2025; approved after reviewing April 25, 2025; accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Актуальность. Образовательная среда представляет собой открытую систему, отражающую закономерности и особенности развития всего социума, включая характерные для него проблемы и трудности.

При этом практика последних лет показывает, что агрессия в образовательной среде является «одной из серьезных проблем современного общества» [1].

Исследователи темы агрессии полагают, что она должна направить внимание ученых «к природе субъекта» [2]. И педагоги, и учащиеся выступают в процессе образовательных отношений субъектами агрессивных форм поведения [3; 4].

Актуальность исследования агрессивных форм поведения педагогов в том, что их социальная регуляция в образовательных организациях, несмотря на многие достижения, остается затруднительной. В работе педагогов нередко возникают трудные ситуации, затрагивающие самооценку, эмоциональную сферу, социальный статус и даже представляющие угрозу их жизни и жизни других участников образовательных отношений, что требует от педагога владения знаниями, приемами и способами их преодоления, которыми он порой не обладает.

Сегодня нередко ситуации взаимодействия с обучающимися, когда педагоги не справляются с собственным эмоциональным состоянием и поведением, выступая по отношению к обучающимся агрессивно, выходя за рамки нормативного поведения, с одной стороны, делая таким образом попытки управлять ситуацией, с другой – проявляя проблемы отдельных аспектов своей «профессиональной компетентности».

Некоторые авторы определяют агрессию педагога как «деструктивное поведение, выражающееся в нарушении профессионально-нравственных норм его взаимодействия с учащимися при формальном наличии профессионально оправданных действий» [5].

На наш взгляд, педагогическая агрессия – это форма поведения, проявляющаяся в негативных действиях со стороны учителей по отношению к обучающимся. Она может принимать различные формы – от вербального оскорбления до физического насилия, выходя за рамки правового поля. Важно понимать, что деструктивная агрессия не только нарушает права детей, но и может иметь серьезные последствия как для их психического и физического здоровья, так и для всего образовательного процесса в целом. В связи с этим предлагается комплексный психолого-правовой подход к анализу феномена педагогической агрессии.

Целью исследования является описание различных видов педагогической агрессии учителей в отношении обучающихся с психолого-правовой точки зрения.

Задачами исследования выступают:

- определение понятия педагогической агрессии;
- описание разных видов педагогической агрессии и формирование рейтинга их проявлений;
- психолого-правовой анализ педагогической агрессии.

Результатом исследования является эмпирический рейтинг проявлений пассивной и активной агрессии педагогов в отношении обучающихся, выделение универсальных и специфических признаков агрессии педагогов с позиции школьников/студентов и взрослых респондентов, а также комплексный психолого-правовой анализ проявлений педагогами активной и пассивной агрессии в отношении обучающихся.

Статья содержит теоретическую часть, описывающую различные теории, концепции и подходы к пониманию агрессии как формы поведения, разные виды педагогической агрессии, а также эмпирическую часть с характеристикой выборки и описанием процедуры исследования. В заключении приведены выводы, представлены практические перспективы дальнейшей работы.

Постановка проблемы исследования. Внимание исследователей к агрессивным формам поведения педагогов не ново. Саму профессию учителя ряд авторов¹ [2; 3; 6] наделяет определенной долей агрессивной предрасположенности, т. к. педагогика связана с воспитанием и формированием личности по определенному образцу, доведением обучающегося до нормативных показателей, что может восприниматься последним как насильственная мера по отношению к нему и вызывать ответное насилие.

В современных подходах можно встретить описание понятия легитимизации агрессии как «оправдания и одобрения человеком определенных форм санкционированной культурой агрессии» [7]. К источникам санкционированной агрессии С. Н. Ениколопов относит в т. ч. традиции, воспитание, профессиональную среду [8].

Агрессию педагога как фактор школьных психологических рисков рассматривала Л. Е. Тарасова, утверждая, что «около 40 % учителей обладают высокой склонностью к агрессивному поведению, причем более четверти учителей стремятся проявлять его в прямой вербальной форме и имеют высокую склонность к конфликтности, около 18 % – высокую вспыльчивость» [5]. Многие учителя, сталкиваясь с грубостью, оскорблениями, издевательствами со стороны обучающихся, полагают, что только авторитарный, строгий и даже агрессивный стиль взаимодействия с их стороны может урегулировать такие поведенческие девиации школьников. Таким образом, можно констатировать, что ряд педагогов вполне осознанно применяют агрессию в отношении обучающихся.

В образовательных учреждениях сознательный преднамеренный агрессивный речевой акт является инструментом создания и поддержания социальной иерархии [9]. Агрессивность учителя может проявляться в повышении голоса, прямых угрозах, наказании оценкой, унижении, демонстрации негативного отношения и т. д.² [6].

В целом можно согласиться, что агрессия в своей нападающей функции выводит человека за границы психологического облика конкретного субъекта, осуществляет захват, освоение объектов, придавая им статус «своих» [10], следовательно, агрессивные формы поведения

¹ См.: Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия, контроль : учебник / пер. А. Боричев, Л. Царук, Л. Ордановская. Москва : прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. 510 с. ; Саморегуляция агрессивного поведения: психологическое сопровождение педагогов / Банщикова Т. Н., Литвинова К. В., Соломонов В. А., Фомина Е. А. Невиномысск : Невиномысский государственный гуманитарно-технический институт, 2016. 215 с.

² Берковиц Л. Указ. соч.

педагогов в образовательной среде не могут оставаться без внимания, поскольку влекут за собой последствия для формирования и развития личности учащихся, такие как снижение самооценки, уверенности в себе, трудности социально-психологической адаптации и др. К тому же подавляющее большинство исследователей соглашаются в том, что агрессивное поведение субъекта агрессии наносит вред объекту агрессии³ [4–6].

Современная трактовка агрессии с точки зрения психологии подтверждает сказанное выше и определяет ее как «целенаправленное деструктивное поведение, нарушающее нормы и правила сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленному или неодушевленному), причиняющее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояния напряженности, страха, подавленности и др.)» [8].

Механизмы, причины и факторы агрессии рассмотрены в классических теориях:

- инстинктивная теория влечений [11; 12] рассматривает агрессию как влечение, снижающее напряжение;
- фрустрационная теория [13] объясняет агрессивное поведение предшествующим переживанием встречи с препятствием (внешним или внутренним) на пути к цели;
- социальные теории [8; 14; 15] описывают агрессию как следствие научения и привычки, фактора общественной оценки;
- когнитивная теория неассоциации⁴ [16–18] объясняет агрессивное поведение как следствие негативных аффективных состояний (гнев, страх) даже в таких обстоятельствах, когда агрессия объективно не оправдана;
- личностные теории, теории мотивации и индивидуальных особенностей⁵ [19–22] и др.

При всем многообразии подходов к изучению агрессивного поведения анализ психологической литературы показывает, что люди с одинаковым уровнем агрессивности (как черты личности) очень различаются по частоте и силе агрессивных поведенческих проявлений, что свидетельствует о значимом внешнем факторе, вызывающем агрессию как форму реагирования человека на различные неблагоприятные жизненные ситуации.

Неужели современная образовательная среда и ученик в ней вызывают настолько сильные стресс и фрустрацию у педагогов, что провоцируют их агрессивные реакции (активные или пассивные) в отношении обучающихся как на непосредственный источник их напряженности?

Следует констатировать, что даже при наличии четких правовых ориентиров, регламентирующих защиту прав обучающихся, учителя проявляют агрессию в отношении учеников, т. е. актуальна проблема осознания и маркировки педагогом своего поведения как агрессивного для последующего принятия правильного решения о саморегуляции поведенческих актов в рамках правового поля.

Методология. В нашей работе предметом эмпирического исследования являются формы агрессивного поведения учителей по отношению к обучающимся, оставляя за рамками анализа личностные особенности и неповеденческие процессы (мышление, эмоции, мотивы) педагогов, хотя, как показывают современные исследования, это важный дифференцирующий аспект при отборе персонала⁶.

Исследования педагогической агрессии показывают, что данные проявления педагога могут носить как активный, так и пассивный характер, при этом в любом случае она связывается участниками взаимодействия с конфликтом [5].

Пассивные проявления агрессии: «обижается», «демонстративно отворачивается», «отказывается разговаривать, отвечать на вопросы», «„не слышит“ просьбу повторить учебный материал» [5].

Активная педагогическая агрессия связывается учениками с учительской раздражительностью, неуравновешенностью: «выходят из себя», «срываются», «психуют», «выбегают из класса», «топают ногами», «хлопают дверью», «бросают на пол (или об стену) предметы – книги, ручки, дневники», «толкают ученика», «тащат из-за парты», «хватают за ухо, за волосы», «пытаются ударить рукой (или предметом – книгой, указкой)» [5].

³ См.: там же ; Щербинина Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления : учебное пособие. Москва : Флинта, 2004. 221 с.

⁴ Там же.

⁵ Шабалин О. М. Агрессивное отношение к людям и правонарушающее поведение как опосредующие звенья во взаимосвязях психодинамических и личностных характеристик индивидуальности (на материале подростков-правонарушителей) : дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2004. 159 с.

⁶ Гайдашюк И. В., Злоказов К. В., Федотов А. Ю. Нейросетевая классификация кандидатов на обучение по их личным и деловым качествам : методология и перспективы применения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (104). С. 336–353. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-336-353>.

Есть мнение, что все действия учителя имеют в своей структуре «доминантность, дидактичность и определенную долю агрессивности, которая является способом достижения желаний педагога»⁷. В то же время «бесспорным является тот факт, что агрессивное отношение к действительности формирует и агрессивную социальную среду» [9].

Исходя из материалов психологических, социально-психологических исследований, анализа педагогической и юридической практики, можно выделить основные виды агрессии, со стороны педагогов:

1) вербальная агрессия: оскорбления, унижения, насмешки и другие формы словесного насилия могут существенно подорвать самооценку обучающегося и его желание учиться (например, использование уничижительных эпитетов, публичное осуждение, запугивание);

2) физическая агрессия: физическое насилие, включая побои и угрозы, является наиболее явной и осуждаемой формой агрессии (например, шлепки, толчки, применение силы для навязывания дисциплины);

3) психологическая агрессия: манипуляции, запугивание и эмоциональное давление, которые могут быть менее заметными, но не менее разрушительными (например, игнорирование обучающегося, создание атмосферы страха, использование шантажа);

4) социальная агрессия: означает исключение обучающегося из групповых взаимодействий, создание конфликтов между обучающимися (например, подстрекательство к буллингу со стороны других учеников, распространение слухов).

В целом все перечисленные проявления агрессии могут быть отнесены к активному или пассивному виду поведения.

Согласно законодательству многих стран, включая Россию, права обучающихся защищены различными нормативными актами. Основными документами, регламентирующими защиту прав обучающихся, являются:

– Конституция Российской Федерации⁸: гарантирует право на образование и защиту от любых форм насилия;

– Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»⁹: включает положения о недопустимости дискриминации и насилия в образовательных учреждениях;

– Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹⁰: регулирует вопросы безопасности детей в образовательной среде.

В случае нарушения прав обучающихся предусмотрены механизмы правовой защиты:

1) жалобы руководству образовательных учреждений: обучающиеся и их родители могут подать жалобу на действия учителя в администрацию школы или образовательного учреждения;

2) обращение в правоохранительные органы: в случае физической агрессии или угрозы жизни и здоровью ребенка необходимо обращаться в полицию или прокуратуру;

3) судебные иски: в случае серьезных нарушений прав можно подать иск в суд для защиты интересов ребенка.

Важно также учитывать, что с правовой точки зрения с помощью перечисленных способов защиты фактически разрешается следствие заявленной проблемы, а не первопричина, что проявляется на практике в двух основных радикальных вариантах правового разрешения таких ситуаций взаимодействия педагога с учениками: увольнение учителя из школы; перевод ученика в другое образовательное учреждение или на домашнее обучение.

Эмпирическое исследование. Анкетирование респондентов из числа школьников и их родителей, а также студентов на предмет определения их субъективного опыта переживания агрессии со стороны учителей в период школьного обучения.

Гипотезы исследования:

1) проявления пассивного вида агрессии учителей в отношении обучающихся преобладают по сравнению с активными поведенческими актами агрессии педагогов в образовательной среде;

2) необходим комплексный психолого-правовой подход к анализу педагогической агрессии в отношении обучающихся в образовательной среде.

⁷ Красноперова Е. В. Технология преодоления проявлений агрессии учителей в педагогическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ижевск, 2006. 24 с.

⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 10.01.2025).

⁹ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

¹⁰ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (в ред. от 30.11.2024) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

Задачи исследования:

- проведение анкетирования респондентов;
- построение рейтинга проявлений агрессии у педагогов в отношении обучающихся (по критерию частоты встречаемости);
- выделение преобладающего вида агрессии педагогов школ.

Выборка исследования: 100 человек, из них 35 мужчин, 65 женщин; школьников – 62 %, родителей 28 %, студентов 10 %. Характеристика групп респондентов по возрасту в таблице 1.

Таблица 1

Возрастные характеристики респондентов

Table 1

Age characteristics of respondents

Группа респондентов	N	Среднее	δ	Минимум	Максимум
школьник	62	12,42	2,351	8	17
взрослый	28	41,68	9,349	28	63
студент	10	20,30	0,949	19	22
Всего	100	21,40	13,938	8	63

Метод исследования. В рамках данной статьи рассмотрены результаты, полученные в ходе анкетирования респондентов по следующим вопросам:

1. Вы сталкивались с агрессией со стороны учителя в отношении себя? (да/нет)
2. Сколько лет было этому учителю?
3. С каким видом агрессии со стороны учителя вы сталкивались в отношении себя? (подчеркнуть).

Пассивная агрессия:

- демонстрация обиды;
- негативизм;
- игнорирование;
- отказ в разговоре;
- отказ в поддержке;
- нетерпимость, презрение к непохожим;
- пристрастное отношение.

Активная агрессия:

- враждебный тон (интонация);
- угрожающее содержание речи (проклятья, угрозы и т.п.);
- повышенный тон (крик, визг и т.п.);
- демонстрация раздражения;
- хлопает дверью;
- бросает ручку или указку /или др. предмет;
- толкает;
- дергает за руку.

Респонденты заполняли анкету индивидуально без ограничения по времени. Студенты и взрослые высказывали свое мнение ретроспективно (об опыте своих школьных лет).

Результаты

В ходе проведенного исследования было определено, что из опрошенных у 82 % респондентов был опыт переживания агрессии в отношении себя со стороны педагогов.

79,4 % опрошенных школьников имели опыт агрессивных проявлений в отношении себя со стороны педагогов, 81,5 % – взрослых респондентов, 100 % студентов.

При этом из них примерно одинаковое количество респондентов сталкивались в своем опыте с пассивной (94 %) и с активной (96 %) педагогической агрессией.

Средний возраст учителей со стороны, которых у респондентов (N = 82) был опыт агрессии 48,16 лет.

Такие виды пассивной агрессии со стороны педагогов как демонстрацию обиды переживали 60 % респондентов выборки; негативизм и игнорирование – по 64 %; отказ в разговоре – 61 %; отказ в поддержке – 58 %; нетерпимость, презрение – 56 %; пристрастное отношение – 52 %.

С такими проявлениями активной агрессии со стороны педагогов как враждебный тон сталкивались в своем опыте 59 % респондентов; угрожающее содержание речи – 54 %; повышенный тон – 67 %; демонстрация раздражения – 74 %; хлопанье дверью – 52 %; бросание предметов (ручки, указки и др.) – 55 %; толкание – 46 %; дергание за руку – 52 %.

Рейтинг проявлений различных видов педагогической агрессии по отношению к обучающимся в порядке убывания частоты встречаемости следующий:

- 1) демонстрация раздражения (74 %);
- 2) повышенный тон (67 %);
- 3) негативизм, игнорирование (64 %);
- 4) отказ в разговоре (61 %);
- 5) демонстрация обиды (60 %);
- 6) враждебный тон (59 %);
- 7) отказ в поддержке (58 %);
- 8) нетерпимость, презрение (56 %);
- 9) бросает ручку или указку/др. (55 %);
- 10) угрожающее содержание речи (54 %);
- 11) пристрастное отношение, хлопает дверью, дергает за руку (52 %);
- 12) толкает (46 %).

Как видно, первые две позиции рейтинга занимают проявления активной агрессии педагога по отношению к обучающемуся (демонстрация раздражения и повышенный тон), поведенческие проявления активной агрессии располагаются во второй половине и ближе к концу данного рейтингового списка (угрожающее содержание речи, бросает ручку или указку, толкает, дергает за руку, хлопает дверью).

В целом доля признаков активной агрессии педагогов в выборке (57,38 %) несколько ниже, чем доля пассивных признаков (59,29 %).

Анализ данных при дифференциации выборки показал, что школьники, взрослые респонденты, студенты в одинаковой мере (без статистически значимых различий в распределении признака) сталкивались с демонстрацией обиды и раздражения, негативизмом, нетерпимостью и презрением со стороны педагогов в отношении себя.

В то же время в большей степени, чем у взрослых, в ответах школьников и студентов представлены игнорирование ($X^2 = 8,602$, $p = 0,014$), отказ в разговоре ($X^2 = 6,810$, $p = 0,033$), отказ в поддержке ($X^2 = 6,254$, $p = 0,044$), повышенный тон ($X^2 = 6,528$, $p = 0,038$), хлопанье дверью ($X^2 = 11,518$, $p = 0,003$), бросание ручки, указки ($X^2 = 10,425$, $p = 0,005$), дергает за руку ($X^2 = 19,490$, $p = 0,000$).

В выборке студенты гораздо чаще, чем в выборках других респондентов (школьников и взрослых) встречаются такие признаки педагогической агрессии, как пристрастное отношение со стороны педагогов ($X^2 = 9,652$, $p = 0,008$), враждебный тон ($X^2 = 8,353$, $p = 0,015$), угрожающее содержание речи ($X^2 = 10,110$, $p = 0,006$), толкает ($X^2 = 14,200$, $p = 0,001$).

Обсуждение

Полученные результаты показывают, что педагоги в своем поведении при взаимодействии с обучающимися допускают различные проявления активной и пассивной агрессии. При этом пассивные виды агрессии у педагогов преобладают.

На наш взгляд, это можно объяснить тем, что, во-первых, агрессия по-прежнему остается неотъемлемой частью ситуаций, оцениваемых участниками взаимодействия как фрустрационные, угрожающие и (или) вредные. Кроме того, как упоминалось выше, со стороны педагогов некоторые аспекты агрессивного поведения могут расцениваться социумом как легитимные, необходимые для выполнения профессиональных задач воспитания, т. е. полностью исключить педагогическую агрессию из образовательных отношений, по-видимому, не представляется возможным, важнее придать ей конструктивный характер.

Во-вторых, педагоги, являясь субъектами образовательных отношений и организаторами образовательного процесса, преимущественно находят в себе силы сдерживать активную агрессию, оставаясь в правовом поле, но не сдерживают (или не могут сдерживать) пассивную агрессию по отношению к учащимся или не осознают ее проявления в своем поведении.

Таким образом, открытым остается вопрос о когнитивных процессах оценивания учителями ряда педагогических ситуаций как фрустрирующих и действительно заслуживающих реакции гнева, страха, а, следовательно, и агрессии, наряду с осознанием и оценкой учителями негативных последствий своей агрессии в отношении учеников (чувство вины или страх перед правовыми последствиями).

В-третьих, даже при пассивной агрессии педагогов обучающиеся получают информацию о негативных эмоциональных переживаниях учителя по отношению к ним (раздражение, обида, негативизм и др.), что для школьников с определенными личностными особенностями и(или) при длительном воздействии может иметь негативные последствия для обучающихся как объектов агрессии.

В-четвертых, следует упомянуть, что согласно рассмотренным выше теориям агрессии параметры социальной среды (в данном случае образовательной) имеют существенное значение в плане одобрения или неодобрения агрессивных мер со стороны педагогов по отношению к обучающимся в разрешении конфликтов и других сложных ситуаций в школе. Поэтому создание безопасной образовательной среды должно включать не только мероприятия по формированию благоприятного психологического климата в образовательных учреждениях (что само по себе непросто), но и мер правового характера, а именно, разработки входных юридических маркеров кадрового отбора педагогов, в т. ч. в частные образовательные организации; создания единой правовой базы педагогов, уволенных в связи с имеющимися в их профессиональной биографии эпизодами неправомерной педагогической агрессии в отношении обучающихся; переформатирования роли заместителя директора школы по воспитательной работе и педагога-психолога от заполнения огромного количества отчетов о проведенных мероприятиях до реальных воспитательных мер, направленных на предотвращение конфликтов в образовательном учреждении; пересмотра норм затрат времени в профессиональной деятельности социального педагога и школьного психолога, исходя из количества обучающихся в школе; внесения изменений в локальные нормативные акты школ, такие как Устав, план воспитательной работы и др.

Таким образом, исследование показало, что педагогическая агрессия – это часть образовательных отношений и актуальная проблема, требующая в настоящем пристального внимания со стороны научного сообщества, образовательных учреждений, родителей и общества в целом, а также комплексного психолого-правового решения.

3 заключение

В заключение необходимо отметить, что авторы данной статьи не рассматривают заявленную проблему односторонне, т. к. исследования показывают как минимум двусторонний характер рассматриваемых ситуаций проявления педагогической агрессии. Как ученики в период обучения (82 % респондентов выборки данного исследования) были объектами агрессии со стороны учителей, так и от 50 % до 89 % учителей школ [3] сталкивались в своей профессиональной деятельности с разными видами агрессии учеников по отношению к себе, поэтому ситуации затрудненного и конфликтного взаимодействия учителей с учениками в образовательной среде требуют комплексного исследовательского подхода.

Педагог как субъект образовательного процесса напрямую или опосредованно определяет качество работы всей образовательной системы, что свидетельствует о важности совершенствования компетенций педагога, т. е., будучи неподготовленным с юридической и психологической точек зрения к потенциально-конфликтным, конфликтным и высоко конфликтным противостояниям с учащимися, педагог является незащищенным звеном в системе образовательной деятельности, агрессивным поведением подвергает правовым рискам себя, учеников и образовательную организацию в целом.

Перспективы исследования и практического применения полученных данных:

- изучение предикторов безопасной образовательной среды, где каждый ученик и учитель будут чувствовать себя защищенными и уважаемыми, где применяются стили и способы педагогического воздействия, исключающие негативную и неправомерную агрессию в отношении учеников;

- исследование мотивов возбуждения и торможения агрессии педагогов в отношении обучающихся с психолого-правовой точки зрения;

- изучение педагогической агрессии как фактора эмоциональных состояний, учебной мотивации, общей социальной успешности обучающихся и с точки зрения обоснования различных предметных видов психолого-педагогических экспертиз образовательной среды;

- разработка информационных материалов для правового просвещения педагогов о недопустимости и последствиях агрессивного поведения;
- тиражирование методических материалов по вопросам психологического совладания педагогов с интенсивными эмоциональными переживаниями в процессе профессиональной деятельности;
- реализация комплексных психолого-правовых программ по профилактике агрессии и насилия в образовательных учреждениях.

Список источников

1. Долидович О. М., Машанов А. А., Гончаревич Н. А., Шарапкина А. А. Педагогическая агрессия: современные подходы к изучению и профилактике // Научный диалог. 2017. № 10. С. 311–323; <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-10-311-323>.
2. Сироткин С. Ф. Не является ли агрессия реакцией на первичную недостаточность себя? / Almamater: юбилейный сборник научных статей по педагогике и психологии / сост. С. Л. Копотев, С. Ф. Сироткин, В. С. Черепанов. Ижевск : Издательство Удмуртского государственного университета, 1995. С. 176–189.
3. Реан А. А., Егорова А. В. Проявление подростковой агрессии в отношении учителя: распространенность, факторы, последствия, профилактика // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 98–108; <https://doi.org/10.11621/nprj.2021.0209>.
4. Психология девиантности. Дети. Общество. Закон : монография / Адамчук Д. В. [и др.] ; под ред. А. А. Реана. Москва : Юнити-Дана, 2016. 479 с.
5. Тарасова Л. Е. Агрессия педагога как фактор психологического риска в образовательной среде // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2011. № 2. С. 41–47.
6. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия, контроль : Секреты причин насилия, мотивов убийств, гнева, враждебности, ненависти, разрушения, предрасположенности личности к насилию : [пер. с англ.]. Москва : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. 512 с.
7. Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Агрессия в обыденной жизни. Москва : Политическая энциклопедия, 2014. 494 с.
8. Ениколопов С. Н. Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 37–47.
9. Кобякова Г. Н. Речевая агрессия учителя в современной школе // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2012. № 2. С. 24–28.
10. Сироткин С. Ф. Заметки по метапсихологии агрессивности. Ижевск : Издательский дом «Эрго», 2014. 292 с.
11. Лоренц К. З. Агрессия: (Так называемое «зло») / пер. с нем. Г. Ф. Швейника. Москва : Прогресс, 1994. 269 с.
12. Freud S., Rieff Ph. (eds.). *Collected papers*. New York : Collier Books, 1963.
13. Dollard J., Doob L. W., Miller N. E., Mowrer O. H., Sears R. R. Frustration and aggression. London : H. Milford, 1939. 201 p.
14. Bandura A. Psychological mechanisms of aggression // R. G. Geen and E. I. Donnerstein (eds.). *Aggression: Theoretical and empirical reviews*. New York : Academic Press, 1983. Vol. 1. P. 1–40.
15. Bandura A. *Aggression: Social learning analysis*. Englewood Cliffs, New York : Prentice-Hall, 1973.
16. Berkowitz L. Frustration-aggression hypothesis. Examination and reformulation // *Psychological Bulletin*. 1989. Vol. 106 (1). P. 59–63; <https://doi.org/10.1037/0033-2909.106.1.59>.
17. Berkowitz L. On the formation and regulation of anger and aggression // *American Psychologist*. 1990. Vol. 45. P. 494–503.
18. Berkowitz L. *Aggression: Its causes, consequences, and control*. New York : McGraw-Hill, 1993. 462 p.
19. Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности / предисл. Е. А. Климова. Москва : Педагогика, 1986. 254 с.
20. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность / пер. с англ.: Т. Гудкова [и др.] ; науч. ред. пер. на рус. яз.: Д. А. Леонтьев, Б. М. Величковский. 2-е изд. Санкт-Петербург : Питер, 2003. 860 с.
21. Шадриков В. Д. Введение в психологию: мотивация поведения. Москва : Логос, 2001. 136 с.
22. Реан А. А. Агрессия и агрессивность личности // Психологический журнал. 1996. Т. 17, № 5. С. 3–18.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья

УДК 342.51

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-28-43>

80-летию Великой Победы посвящается

Милицейские школы Ленинграда: особенности подготовки кадров в годы Великой Отечественной войны

Надежда Степановна Нижник¹, доктор юридических наук, профессор
Александр Петрович Стоцкий², кандидат юридических наук, доцент

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилюткова, д. 1), Российская Федерация

² ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Санкт-Петербург (191024, ул. Полтавская, д. 12), Российская Федерация

¹ n.nishnik@bk.ru, ² stotski@list.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-3369-9490>, ² <https://orcid.org/0000-0001-8996-0443>

Аннотация:

Введение. История милиции в годы Великой Отечественной войны, история учебных заведений, осуществлявших профессиональную подготовку милиционеров в 1941–1945 гг., судьбы их выпускников – основа патриотического воспитания сотрудников современной полиции. Несмотря на то, что вопросы, касающиеся профессиональной подготовки милицмейских кадров, получили освещение в отдельных трудах по истории милиции, история учебных заведений, осуществлявших подготовку кадров милиции в годы Великой Отечественной войны в Ленинграде, до настоящего времени продолжает оставаться неисследованной.

Методы. Ретроспективный анализ организации и деятельности школ милиции Ленинграда в годы Великой Отечественной войны проведен на основе принципов объективности и комплексности исследования. Основным методологическим подходом был определен системный. Использованы общенаучные (методы дедукции и индукции, анализа и синтеза, обобщения и конкретизации) и специальные (сравнительно-правовой, проблемно-хронологический, формально-юридический, статистический) методы, а также конкретно-исторический метод, позволяющий учесть условия, факторы и обстоятельства, в которых осуществлялась деятельность школ милиции, и биографический, акцентирующий внимание на изучении личностного влияния на организацию и деятельность учебных заведений, осуществлявших в Ленинграде подготовку кадров милиции.

Ключевые слова:

милиция в годы Великой Отечественной войны, милицмейское образование, школа милиции, ленинградская милиция, Четвертая Ленинградская школа рабоче-крестьянской милиции, курсы по подготовке оперативного состава милиции, Ленинградская оперативная школа НКВД СССР, Ленинградская офицерская школа МВД СССР, Ленинградская специальная средняя школа милиции, Санкт-Петербургская специальная средняя школа милиции МВД России, Санкт-Петербургский университет МВД России

Результаты. Учитывая, что первые милицейские школы появились после придания милиции органа, комплектуемого на штатной основе, в 1918 году, рассмотрены организационные предпосылки создания школ профессиональной подготовки советских милиционеров в Ленинграде; становление многоуровневой системы подготовки милицейских кадров различного профиля; особенности профессиональной подготовки кадров милиции в Ленинграде в предвоенные годы; специфика профессионального обучения милиционеров в Ленинграде в условиях Великой Отечественной войны. В экстремальных условиях войны корректировались формы и методы обучения, но подготовка милиционеров не прекращалась. Особое внимание обращено на перестройку работы милицейских школ Ленинграда в 1941 году с учетом требований военного времени, на участие курсантов и преподавателей школ милиции Ленинграда в боевых действиях на фронте, на организацию милицейского образования в Ленинграде после прорыва блокады.

Для цитирования:

Нижник Н. С., Стоцкий А. П. Милицейские школы Ленинграда: особенности подготовки кадров в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 28–43. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-28-43>.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025;
одобрена после рецензирования 18.05.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Dedicated to the 80th anniversary of the Great Victory

Militia schools of Leningrad: peculiarities of personnel training during the Great Patriotic War

Nadezhda S. Nizhnik¹, Doc. Sci. (Jurid.), Professor
Aleksandr P. Stockiy², Cand. Sci. (Jurid.), Docent

¹ Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

² Main Directorate of the MIA of Russia in St. Petersburg and the Leningrad region

12 Poltavskaya str., Saint Petersburg, 191024, Russian Federation

¹ n.nishnik@bk.ru, ² stotski@list.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-3369-9490>, ² <https://orcid.org/0000-0001-8996-0443>

Abstract:

Introduction. The history of the militia during the Great Patriotic War, the history of educational institutions that provided professional training of militiamen in 1941–1945, the fates of their graduates are the basis of patriotic education of modern police officers. Despite the fact that issues related to the professional training of militia personnel have been discussed in separate works on the history of the police, the history of educational institutions that trained militia personnel during the Great Patriotic War in Leningrad remains unexplored to this day.

Methods. The retrospective analysis of the organisation and activity of Leningrad militia schools during the Great Patriotic War was carried out on the basis of the principles of objectivity and comprehensiveness of the research. The main methodological approach was defined as systemic. The authors used general scientific (methods of deduction and induction, analysis and synthesis, generalisation and concretisation) and special (comparative-legal, problem-chronological, formal-legal, statistical) methods, as well as the specific-historical method, that allows to take into account the conditions, factors and circumstances in which the activity of militia schools was carried out, and the biographical method, focusing on the study of personal influence on the organisation and activity of educational institutions that trained militia personnel in Leningrad.

Results. Taking into account that the first police schools appeared after giving the police a staffed body in 1918, the organisational prerequisites for the establishment of professional training schools for Soviet policemen in Leningrad, the formation of a multi-level system of training police personnel of various profiles; the peculiarities of professional training of police personnel in Leningrad in the pre-war years; the specifics of professional training of policemen in Leningrad in the conditions of the Great Patriotic War are considered. The forms and methods of training were adjusted in the extreme conditions of the war, but the training of militiamen did not stop. Particular attention is paid to the restructuring of the work of police schools in Leningrad in 1941 to meet the requirements of wartime, to the participation of cadets and teachers of Leningrad police schools in combat operations at the front, and to the organisation of militia education in Leningrad after the blockade was broken.

Keywords:

militia during the Great Patriotic War, militia education, militia school, Leningrad militia, the 4th Leningrad School of Workers' and Peasants' Militia, courses for training operational militia personnel, Leningrad Operational School of the USSR NKVD, Leningrad Officers' School of the USSR Ministry of Internal Affairs, Leningrad Special High School of Militia, St. Petersburg Special High School of Militia of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

For citation:

Nizhnik N. S., Stockiy A. P. Militia schools of Leningrad: peculiarities of personnel training during the Great Patriotic War // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 28–43. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-28-43>.

The article was submitted March 28, 2025;
approved after reviewing May 18, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Великая Отечественная война – особая страница российской истории. Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне сегодня становится первоочередной государственной задачей и детерминантой профессиональной подготовки сотрудников всех правоохранительных органов, в т. ч. и полиции.

Подготовку кадров современной российской полиции в настоящее время осуществляют образовательные организации Министерства внутренних дел Российской Федерации, в числе которых: Академия управления МВД России, институты повышения квалификации сотрудников МВД России, университеты, академии, юридические институты, суворовские военные училища, кадетский корпус и школа служебно-розыскного собаководства МВД России¹. Важнейшей характеристикой профессиональных компетенций современных полицейских должна являться развитая правовая культура и ее концептуальная основа – патриотизм.

История милиции в годы Великой Отечественной войны, история учебных заведений, осуществлявших профессиональную подготовку милиционеров в 1941–1945 гг., судьбы их выпускников – основа патриотического воспитания сотрудников современной полиции. «Историческая память, предназначением которой является передача информации от одного поколения к другому, закрепление определенных ценностей... в условиях многополярности духовно-нравственных ценностей современного мира... способна солидаризировать социальные общности» [1, с. 226], формировать представления о настоящем как звене между прошлым и будущим, конструировать общее прошлое, делая его обоснованием преобразований настоящего².

Вопросы, касающиеся профессиональной подготовки милицейских кадров, получили освещение в трудах по истории милиции³ [2–11] и истории милицейского образования⁴ [12–21].

При этом история учебных заведений, осуществлявших подготовку кадров милиции в годы Великой Отечественной войны в Ленинграде, до настоящего времени продолжает оставаться неисследованной: вопросы организации и деятельности школ милиции в Ленинграде в военные годы нашли отражение лишь в нескольких работах, посвященных истории ленинградской милиции [22] и юбилейным датам Санкт-Петербургской специальной средней школы милиции МВД России [23]; 100-лет первой школе милиции Республики (10 ноября 1918 г. – 10 ноября 2018 г.) [24], а также в трудах М. А. Кожевиной по истории милицейского образования в советской России⁵ [25] в контексте рассмотрения авторами предметов своего исследования.

Для характеристики организации и деятельности учебных заведений, осуществлявших в Ленинграде подготовку кадров милиции в годы Великой Отечественной войны, необходимо исследование источников различных видов, в числе которых:

1) нормативные правовые акты, закреплявшие основы организации и деятельности учебных заведений, подведомственных НКВД;

2) нормативные правовые акты, регламентировавшие организацию и деятельность школ милиции в Ленинграде;

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/edu> (дата обращения: 17.02.2025).

² Нижник Н. С. Память о Великой Отечественной войне как детерминанта патриотического воспитания курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России / Актуальные направления развития стратегии патриотического воспитания : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию Великой Победы, г. Краснодар, 12–13 марта 2025 г. / редкол.: С. С. Зенгин, С. В. Килин, П. В. Невская [и др.]. Краснодар : Краснодарский государственный институт культуры, 2025. С. 152.

³ Биленко С. В. Советская милиция России: Организация советской рабоче-крестьянской милиции РСФСР и ее деятельность по охране революционного порядка (1917–1920 гг.) : учебное пособие. Москва : Академия МВД СССР, 1976. 96 с.

⁴ Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. Развитие системы подбора, расстановки и обучения кадров в органах внутренних дел : лекция. Москва : Академия МВД СССР, 1978. 40 с. ; Малыгин А. Я. Развитие кадровой функции органов советской милиции в период строительства социализма в СССР (1917–1936 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1979. 241 с. ; Зыбин С. Ф. Кадровое обеспечение деятельности органов внутренних дел: историко-правовой и теоретико-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 1997. 353 с. ; Шамаров В. М. Кадровая работа в милиции НКВД РСФСР [1917–1930] : (Правовые и организационные основы) : учебное пособие. Москва : Академия управления МВД России, 1997. 94 с. ; Лойт Х. Х. Государственная кадровая политика в России и ее реализация в органах внутренних дел: исторический и организационно-правовой аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 1998. 370 с. ; Проценко Е. Д. Государственная образовательная политика в системе МВД России: историко-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 1998. 398 с. ; Кожевина М. А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование (1918–1991 гг.) : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. 416 с. ; Проценко Е. Д., Байкеев Е. В. Деятельность военно-учебных заведений войск НКВД по подготовке офицерских кадров в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2 (26). С. 72–75 ; Проценко Е. Д. Правовые основы развития профессионального образования в системе МВД в послевоенный период // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 1 (37). С. 37–45 ; Кузнецов А. Ф., Торопов В. А. Физическая подготовка в образовательных учреждениях МВД России: исторический аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1 (49). С. 136–141.

⁵ Кожевина М. А. Указ соч.

3) документы и материалы государственных и партийных органов, позволяющие оценить их заинтересованность в профессиональной подготовке кадров для милиции;

4) статистические источники, позволяющие определить количественные характеристики системы милицейского образования и место в ней учебных заведений, осуществлявших подготовку милицейских кадров в Ленинграде;

5) документы личного происхождения, позволяющие выявить специфику образовательного процесса в школах милиции в Ленинграде.

Выявление опубликованных и архивных источников, позволяющих исследовать организацию и деятельность учебных заведений, осуществлявших в Ленинграде подготовку кадров милиции в годы Великой Отечественной войны, представляет сложный процесс, обусловленный особенностями ведения и сохранности документов в военном Ленинграде.

При этом поиск источников по истории создания системы профессиональной подготовки милиционеров в Ленинграде позволил в фондах Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга выявить: списки сотрудников политотделов Управления милиции Ленобласти и направляемых на учебу в Центральную и Ленинградскую школы рабоче-крестьянской милиции НКВД (1940)⁶; докладные записки начальников отделов кадров Управления рабоче-крестьянской милиции и начальников курсов переподготовки начсостава милиции о реорганизации и работе курсов и об аттестации работников милиции (1940)⁷; отчеты секретаря парторганизации № 5 Ленинградской школы милиции (1939–1943)⁸; информацию парторганизации Ленинградской школы милиции (1939–1943)⁹; отчет Ленинградской Межобластной школы рабоче-крестьянской милиции о политико-моральном состоянии личного состава школы (1941)¹⁰; материалы документооборота первичной партийной организации Ленинградской специальной средней школы милиции МВД СССР (1944–1988)¹¹, протоколы партсобраний (1945)¹²; списки комсомольцев, рекомендованных для работы в органы НКВД (1945)¹³; протоколы партсобраний курсов усовершенствования офицерского состава НКВД (1945)¹⁴, а также материалы, позволяющие охарактеризовать деятельность начальника Ленинградской межобластной школы среднего начсостава рабоче-крестьянской милиции Евгения Давыдовича Траутмана¹⁵.

Определенный интерес при исследовании проблемы вызывают материалы фондов Государственного архива Российской Федерации (ф. Р-393 «Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР)»; ф. 9401 «Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД СССР) – Министерство внутренних дел СССР (МВД СССР). 1934–1960»; ф. 9415 «Главное управление милиции (ГУМ) Наркомата внутренних дел СССР. 1931–1960») и Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (фотоизображения: слушателей 1-й Ленинградской школы среднего комсостава милиции и агентов угрозыска республики (1926)¹⁶, курсантов 1-й Ленинградской школы среднего комсостава милиции, играющих в шахматы и шашки в ленинском уголке (1932)¹⁷, выпускников 1-й Ленинградской школы среднего комсостава милиции и агентов угрозыска республики (1932)¹⁸, парада выпускников Ленинградской школы милиции на площади Урицкого (1933)¹⁹, оркестра народных инструментов Ленинградских городских курсов сержантов милиции (1939)²⁰, занятия со служебными собаками в Ленинградской школе начальствующего состава служебно-розыскного собаководства рабоче-крестьянской милиции (1940)²¹, хора Ленинградских городских курсов сержантов милиции (1941)²²).

⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. Р-24. Оп. 7. Д. 483.

⁷ Там же. Д. 432.

⁸ Там же. Ф. Р-408. Оп. 2. Д. 612.

⁹ Там же. Ф. Р-408. Оп. 2. Д. 627.

¹⁰ Там же. Ф. Р-24. Оп. 2В-5. Д. 5171.

¹¹ Там же. Ф. Р-3516.

¹² Там же. Ф. Р-3516. Оп. 1. Д. 2.

¹³ Там же. Ф. Р-598К. Оп. 6. Д. 1056.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1431. Оп. 3. Д. 954.

¹⁵ Там же. Ф. Р-1728. Оп. 1-41. Д. 326659; Оп. 1-16. Д. 120133; Оп. 1-60. Д. 479015; Оп. 1-49. Д. 391083; Оп. 1-63. Д. 498454; Ф. Р-1728. Оп. 1-59. Д. 467750.

¹⁶ Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАКФФД СПб). Фотодокументы. Оп. 1ГР-19. Л. 27298, 27300..

¹⁷ Там же. Оп. 1ВР-13. Л. 12604.

¹⁸ Там же. Фотодокументы. Оп. 1ДР-5. Л. 2985.

¹⁹ Там же. Фотодокументы. Оп. 1ГР-15. Л. 20299.

²⁰ Там же. Фотодокументы. Оп. 1ГР-34. Л. 51144.

²¹ Там же. Фотодокументы. Оп. 1АР-20. Л. 34164.

²² Там же. Фотодокументы. Оп. 1ГР-34. Л. 51143.

Методы

Методологическая основа исследования включила в себя методологический инструментарий разного уровня. Методологические принципы предусматривают проведение ретроспективного анализа с учетом требований объективности и комплексности исследования. Основным методологическим подходом исследования был определен системный. Использованы общенаучные (методы дедукции и индукции, анализа и синтеза, обобщения и конкретизации) и специальные (сравнительно-правовой, проблемно-хронологический, формально-юридический, статистический) методы, а также конкретно-исторический метод, позволяющий учесть условия, факторы и обстоятельства, в которых осуществлялась деятельность школ милиции, и биографический, акцентирующий внимание на изучении личностного влияния на организацию и деятельность учебных заведений, осуществлявших в Ленинграде подготовку кадров милиции.

Результаты

Организационные предпосылки создания школ профессиональной подготовки советских милиционеров

Начало комплектованию милиции на штатной основе и необходимости профессиональной подготовки милиционеров положило решение Коллегии НКВД 10 мая 1918 г. о том, что «милиция существует как постоянный штат лиц, исполняющий специальные функции» [26, с. 217–218]. Первые милицмейские курсы и школы появились уже во второй половине 1918 года. Одна из них – Московская школа комсостава милиции – после выпуска своих первых курсантов стала базой для создания Всероссийской школы инструкторов милиции, которая начала свою работу в 1919 году²³.

В Петрограде, который с мая 1918 года по февраль 1919 года был административным центром Северной области, объединявшей в своем составе Петроградскую, Псковскую, Новгородскую, Олонецкую, Вологодскую, Архангельскую, Северо-Двинскую и Череповецкую губернии, 10 октября 1918 г. состоялось официальное открытие школы дружинников наружной охраны²⁴. 14 октября в школе начались занятия по специальной программе²⁵. Для двухмесячной подготовки были вызваны почти 200 сотрудников милиции²⁶. Первый выпуск обучавшихся в школе состоялся 17 декабря 1918 г. [25, с. 12].

Для подготовки пришедших служить в советскую милицию к профессиональной деятельности в Петрограде были организованы краткосрочные курсы милиционеров, которые в декабре 1918 года уже направили своих выпускников в территориальные органы²⁷. Изъявление желания служить в милиции женщин [27; 28], получивших в Советской республике одинаковые с мужчинами права, в т. ч. и право выбирать профессию, актуализировало вопрос о создании курсов и специально для них. В июне 1919 года в Петрограде были организованы курсы для милиционеров, на которых в течение трех недель они получали первоначальную профессиональную подготовку²⁸.

Поиск форм профессиональной подготовки продолжался [15]. В Петрограде был открыт Рабоче-крестьянский университет, в котором работали факультеты советской милиции и уголовного розыска²⁹. Первый выпуск составили 982 закончивших обучение на факультете советской милиции и 60 выпускников факультета уголовного розыска³⁰.

В июле 1919 года на базе Петроградского рабоче-крестьянского университета начала работать инструкторская школа, обучающимися которой одновременно могли стать 200 работников милиции [25, с. 11]. К концу года в школе было организовано отделение уголовного розыска, слушателями которого стали более 60 милиционеров, а выпускниками за год – 982 сотрудника милиции³¹.

²³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 6. Д. 20. Л. 14.

²⁴ Петроградская правда. 1918. 10 октября.

²⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 142. Оп. 8 Д. 182. Л. 3.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 58. Л. 266.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 6. Д. 106. Л. 34–35.

²⁸ Там же. Оп. 10. Д. 14. Л. 115.

²⁹ Биленко С. В. Указ соч. С. 47–48.

³⁰ Власть Советов. 1920. № 8. С. 6.

³¹ Там же.

Советской республике нужна «действительно коммунистическая милиция»³², подчеркивалось в решениях III Всероссийского съезда заведующих отделами управления исполкомов (29–31 января 1920 г.). А значит, необходимо, «чтобы все милиционеры были обязательно ознакомлены с партийной программой, советским строительством и своими обязанностями»³³. Для этого «по вопросам политическим, советского строительства» с сотрудниками необходимо проводить занятия, формируя их профессиональные умения и навыки, и открывать «курсы по подготовке в милицию»³⁴.

С учетом того, что к началу 1920 года штат милиции составлял 87 843 сотрудника³⁵, а на открытых по всей стране курсах ежегодно обучались 1 500–2 500 человек, проблема пополнения рядов милиции подготовленными кадрами не могла быть решена за короткий срок. К тому же «создаваемые милицейские курсы задачи профессионального образования кадров милиции перед собой не ставили, а носили ознакомительный характер, фактически осуществляя первичное»³⁶ ознакомление с профессией, ликвидируя общую и профессиональную неграмотность и малограмотность сотрудников милиции. Обучение всех категорий милицейских работников было определено как приоритетное направление деятельности Главного управления милиции НКВД РСФСР [25, с. 19]. В 1921 году было разработано «Положение о типах школ в милиции»³⁷, на основании которого школы первого типа предполагалось создавать в каждой губернии и осуществлять в них обучение старших милиционеров и первоначальных агентов³⁸. Школы второго типа предназначались для подготовки специалистов «повышенной квалификации»; их число должно было определяться реальными потребностями региона. Немногочисленные школы третьего типа предназначались для подготовки «высшего комсостава» [19, с. 8].

«Первичными ячейками» подготовки рядового и младшего состава милиции рассматривались резервы при губернских управлениях милиции. Через резервы постепенно должны были быть «пропущены» весь личный состав милиционеров и все вновь прибывшие» [25, с. 27]. Такая форма обучения предназначалась для старших милиционеров, политруков, агентов уголовного розыска второго разряда и каптенармусов. Для начальников отделений, агентов уголовного розыска первого разряда, делопроизводителей, квартирмейстеров и казначеев уездной и городской милиции создавались школы младшего командного состава (окружные школы), для высшего командного состава – начальников уездных и городских отделов милиции, комиссаров, помощников по политической части, инспекторов уголовного розыска, заведующих хозяйственной частью уездного управления – высшие милицейские курсы³⁹.

Учебные милицейские резервы должны были открыться при каждом управлении губернской милиции, школы младшего командного состава – в Петрограде, Москве, Саратове, Ростове-на-Дону, Перми и Томске [25, с. 28], высшие милицейские курсы – при Главном управлении милиции⁴⁰. Определялось количество переменного состава в школах: в резервах – 60 человек, для Москвы и Петрограда – до 120 человек, в окружных школах – 120–150 человек, на высших милицейских курсах – 200 человек [25, с. 28]. Так был «заложен фундамент планомерного обучения в среде рядовых работников милиции и введена отчетность по проведению его в жизнь»⁴¹, подчеркивалось в отчете Главного управления милиции за 1921 год.

Открыть высшие курсы комсостава милиции планировалось в Петрограде. Петроградским исполкомом было выделено помещение по улице Гоголя (дом 3), было опубликовано объявление об условиях набора на высшие курсы комсостава милиции⁴². Одновременно с этим начальник курсов внес предложение объединить создаваемые курсы с петроградской окружной школой милиции и организовать Академию рабоче-крестьянской советской милиции Республики [25, с. 31]. Главное управление милиции сочло это предложение «технически невыполнимым и преждевременным»⁴³.

³² Власть Советов. 1920. № 2–3. С. 5.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Власть Советов. 1919. № 11. С. 31.

³⁶ Кожевина М. А. Указ. соч. С. 24.

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 31. Д. 328. Л. 138.

³⁸ Школы начсостава Рабоче-крестьянской милиции и Угро : Справочник для командировающих организаций и для поступающих в школы / сост. И. Ю. Цветопольский и В. Г. Постников ; под ред. Ф. Киселева. Москва : Издательство Народного комиссариата внутренних дел, 1927. С. 14.

³⁹ Кожевина М. А. Указ. соч.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 31. Д. 328. Л. 138.

⁴¹ Власть Советов. 1922. № 1–2. С. 52.

⁴² Красная звезда. 1922. 26 марта.

⁴³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 31. Д. 331. Л. 70.

Высшие курсы комсостава милиции в Петрограде были открыты 1 июня 1922 г. [25, с. 38]. При комплектовании⁴⁴ и организации работы в первом семестре (15 июня – 15 октября 1922 г.) был учтен опыт курсов, которые в 1921 году были организованы в Сибири в Омске [29]. Главная задача профессиональной подготовки – сделать так, чтобы «милиционер... < [был] > ...истинным коммунистом»⁴⁵; сформировать «из него работника с цельным и стройным мировоззрением, каждое действие которого, каждый шаг в работе... < [имел бы] > ...определенный общественный смысл и значение не только в ограниченных пределах местной жизни, но и... < [являлся бы] > ... звеном в длинной цепи мирового общественного прогресса»⁴⁶. В контексте ожиданий мировой революции профессиональная подготовка милиционеров должна была дать сотруднику милиции «возможность чувствовать свою связь не только со своими непосредственными товарищами по работе, но и со всеми трудящимися мира в их борьбе за лучшее будущее»⁴⁷. По окончании семестра, 15 ноября 1922 г., Первые Петроградские высшие курсы комсостава милиции продолжили свою работу как Первая Петроградская школа среднего комсостава милиции.

М. А. Кожевина считает, что к концу 1922 года завершилось формирование системы профессиональной подготовки кадров милиции, состоящей из нескольких уровней обучения:

- 1) первоначальной подготовки милиционеров и вновь прибывших в органы милиции на 6–8-недельных курсах в резервах при губернских управлениях милиции;
- 2) губернских милицмейстерских школ для подготовки лиц на должности младшего командного состава со сроком обучения 8 месяцев;
- 3) двухгодичных школ среднего командного состава для подготовки начальников милиции городского и губернского масштаба [30].

Однако реализовать планы организации многоуровневой системы профессиональной подготовки удалось не в полном объеме. В мае 1923 года из 69 губерний милицмейстерские школы и курсы работали только в 21⁴⁸. К 1 июля 1923 г. число губернских школ сократилось до 10, число обучающихся в них – до 1 200 человек. В резервах проходили обучение около 9 000 человек. Осуществлять подготовку специалистов продолжали Петроградская, Новочеркасская и Омская школы среднего комсостава⁴⁹.

Становление многоуровневой системы подготовки милицмейстерских кадров различного профиля

26 января 1924 г. Петроград был переименован в Ленинград. Все предприятия и учреждения города изменили свои названия. Первая Петроградская школа среднего комсостава милиции с февраля 1924 года стала называться Первой Ленинградской школой среднего комсостава милиции.

Ленинградская школа среднего комсостава милиции готовила специалистов для северо-западных и центральных регионов России⁵⁰. Трудностей в организации работы школы было много – от необеспеченности материальными и техническими средствами школы и общежития⁵¹ до комплектования обучающимися. В 1923 году для поступления в школу прибыли 283 абитуриента. Испытания выдержали 133 соискателя, мандатную комиссию прошли 102, зачислены на учебу были 89 человек, характеристику которых составили такие данные: среднее образование имели 11 человек, 5 классов окончили 12 человек, 4 класса – 31 человек, 2 класса – 12 человек, сельскую школу – 9 человек; до поступления в школу в милиции служили 20 человек, остальные стажа милицмейстерской службы не имели; 56 человек обладали опытом армейской службы [25, с. 48]. Набранные для подготовки милиционеры «слабо подготовлены, плохо усваивают программу, обладают малым запасом слов, не могут излагать мысли и успешно усваивать научный материал»⁵², – констатировал подотдел подготовки Центрального административного управления НКВД РСФСР, объединившего при создании в 1923 году Главное управление милиции, Центроорозыск и Административный отдел НКВД. В 1924 году Центральное административное управление НКВД РСФСР разработало новые Положение и учебный план школы среднего

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 23. Д. 218. Л. 10.

⁴⁵ С. Р. Просвещение рабоче-крестьянской милиции // Рабоче-крестьянская милиция. 1922. № 1. С. 8–9.

⁴⁶ Кизичев. Политическая работа в милицмейстерских школах // Рабоче-крестьянская милиция. 1923. № 2–3. С. 13.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 44. Д. 29. Л. 2.

⁴⁹ Плотноков В. Школьно-воспитательное дело в милиции // Власть Советов. 1924. № 2. С. 91–92.

⁵⁰ Кренин С. Н. Постановка профессионального развития сотрудников Ленинградского губрозьыска // Рабоче-крестьянская милиция. 1924. № 5. С. 28–29.

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 44. Д. 30. Л. 23.

⁵² Там же. Д. 34. Л. 70.

командного состава, утвердило новый штат школы, определило цели, задачи и принципы обучения, обозначило критерии оценки работы в реальных жизненных обстоятельствах⁵³. Выпускники школы среднего комсостава милиции первого набора (195 человек) весной 1925 года были направлены в комплектующие органы милиции и назначены начальниками отделов и отделений милиции.

В дальнейшем набор курсантов в Ленинградскую школу среднего комсостава милиции осуществлялся с учетом циркуляра Центрального административного управления «О более тщательном отношении к командированию работников милиции и уголовного розыска в школы среднего и младшего комсостава милиции» (12 мая 1926 г.)⁵⁴. Однако сложившаяся в 1926 году картина не отвечала обозначенным требованиям: из 81 прибывшего абитуриента 46 не прошли испытания на местах (35 человек прошли, но 11 из них получили неудовлетворительные оценки); 31 человек не прошел медицинскую комиссию, здоровье 4 приехавших не соответствовало требованиям. В числе абитуриентов находились: 4 допризывника, 8 не желающих учиться, 10 не имеющих служебных характеристик, 2 самовольно покинувших школу до завершения работы мандатной комиссии, 13 не имевших годового стажа работы в милиции. Направление в школу часто носило спонтанный случайный характер, рассказ о котором иногда звучал и так: «... выехал я в течение пяти минут. Начальник ГАО позвонил по телефону, я был дежурным, он приказал заместителю начальника управления милиции сегодня же послать в школу. Начальник управления милиции сказал, что послать некого, есть только дежурный. Начальник ГАО приказал снять и послать дежурного, ну я и попал; если бы не дежурил, мне не пришлось бы ехать в школу»⁵⁵. Из 26 комплектованных органов условия, закрепленные в «Инструкции по комплектованию школ среднего командного состава милиции и о порядке командирования с мест в школы»⁵⁶, выполнили только 3. В результате из 81 абитуриента в школу были зачислены 32.

При этом надо учесть, что отсеб происходил и во время обучения, прежде всего из-за неуспеваемости и состояния здоровья (в Ленинградской школе среднего комсостава милиции в 1926/27 учебном году были отчислены 11 % обучавшихся по неуспеваемости, 5 % – по здоровью⁵⁷). Вместо 80 планируемых в 1927 году выпускников Ленинградская школа выдала документы о завершении обучения только 44.

Сложившаяся система профессиональной подготовки милиционеров была признана малоэффективной. Приказом НКВД РСФСР от 19 мая 1928 г. школы среднего начсостава милиции и школы младшего начсостава милиции были преобразованы в школы административно-милицийских работников. Ленинградская школа должна была принять на обучение на милицийском отделении, отделении уголовного розыска и пенитенциарном отделении 165 человек [25, с. 73].

В связи с тем, что милиционер рассматривался как проводник революционной законности, знающий советские законы, в 1920-е годы получила поддержку идея председателя ВЦИК М. И. Калинина, высказанная им на съезде деятелей советской юстиции⁵⁸, о необходимости получения командным составом милиции юридического образования. Предполагалось, что милиционер должен был разбираться в советских законах и знать прежде всего административное и налоговое право⁵⁹. Реализуя эту идею, в 1920-х годах в органах милиции начали создавать научные юридические кружки, в которых командный состав знакомился с нормативными правовыми актами и новой юридической литературой⁶⁰. Но на периферии эту форму подготовки не приняли, посчитав, что она приемлема лишь для столичных городов, где есть научные кадры и библиотеки, а в глубинке – кадров для руководства такими кружками нет, и работы у сотрудников милиции много – «не до кружков!»⁶¹. Несмотря на укрепление мысли о том, что обучение юридическим наукам должно быть установлено в обязательном порядке⁶², от практики кружковой работы руководство милицией не отказывалось, полагая, что при малейшей возможности

⁵³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 5. Л. 315–318.

⁵⁴ Бюллетень НКВД. 1926. № 13. С. 159.

⁵⁵ Знаменский. Первые итоги комплектования Ленинградской школы среднего командного состава милиции и уголовного розыска // Административный вестник. 1926. № 10. С. 45–47.

⁵⁶ Бюллетень НКВД. 1926. № 12. С. 153.

⁵⁷ Знаменский. Первые итоги комплектования... С. 67.

⁵⁸ Калинин М. И. IV Всероссийский съезд деятелей советской юстиции : Речь Председателя ВЦИК тов. М. И. Калинина // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 5. С. 6–7.

⁵⁹ Неслуховский К. Ф. Необходимость юридического образования для командного состава милиции // Административный вестник. 1925. № 4. С. 47.

⁶⁰ Усоленко С. А. Научные кружки и их значение в деле подготовки работников адморганов // Административный вестник. 1925. № 4. С. 50–51.

⁶¹ Ковальчук К. П. Еще раз о научных кружках // Административный вестник. 1925. № 7. С. 47–48.

⁶² Там же.

кружки нужно создавать, опираясь на самообучение и самообразование. При организации самостоятельной работы рекомендовалось обращать внимание на разработку программ, подготовку литературы и материалов для самообучения; необходимость самостоятельного изучения обучающимися материала и конспектирования ими литературы; проведение консультативных и итоговых занятий⁶³. Этими рекомендациями фактически были обозначены критерии заочного обучения специалистов и требования «широко поставить метод заочного обучения» в профессиональной подготовке начальствующего состава милиции. Правда, четких представлений о содержании и формах заочного обучения милиционеров не сложилось, поэтому возникали предложения о создании заочных курсов даже по физкультуре⁶⁴.

Созданием Высших курсов усовершенствования административных работников НКВД⁶⁵ и Института административного строительства⁶⁶ в 1930 году фактически завершилось формирование системы профессиональной подготовки сотрудников милиции, включавшей учебные заведения различного профиля, в числе которых действовали:

- Институт административного строительства (факультеты: административно-милицийский; научно-технической экспертизы и расследования; исправительно-трудовой; срок обучения – 3 года);
- Высшие курсы НКВД усовершенствования административных работников (отделения: административно-милицийское; уголовно-розыскное; исправительно-трудовое; срок обучения – 1 год);
- школы НКВД административных работников (отделения: административно-милицийское; уголовно-розыскное; исправительно-трудовое (в отдельных школах); срок обучения – 1 год);
- отделения подготовки кадров национальных меньшинств при Новочеркасской и Саратовской школах НКВД (срок обучения – 2 года);
- школы краевых и областных административных управлений (срок обучения – 6 месяцев);
- местные краткосрочные курсы по переподготовке (срок обучения – 3 месяца);
- курсы по переподготовке рядового состава милиции и работников мест заключения (срок обучения – 1 месяц)⁶⁷.

Профессиональная подготовка кадров милиции в Ленинграде в предвоенные годы

Постановлением ЦИК И СНК СССР от 3 февраля 1931 г. «О правовом и материальном положении работников рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска»⁶⁸ учебные заведения милиции и уголовного розыска наделены статусом военно-учебных заведений.

«Положение о рабоче-крестьянской милиции» (1931)⁶⁹ характеризовало милицию как «административно-исполнительный орган советской власти» (ст. 1), орган диктатуры пролетариата, деятельность которого была направлена на охрану революционного порядка и общественной безопасности, наблюдение за проведением в жизнь законов и распоряжений власти, борьбу с преступностью, расследование дел о преступлениях, охрану государственного и общественного имущества⁷⁰. Главному управлению рабоче-крестьянской милиции при Совете народных комиссаров РСФСР вменялось в обязанность осуществлять «организацию и руководство милицийской, строевой и боевой подготовкой органов милиции, разрабатывать учебные планы и программы подготовки и переподготовки кадров милиции, утверждать штаты, укомплектовывать школы и курсы»⁷¹.

28 мая 1931 г. Первая Ленинградская школа среднего комсостава милиции была реорганизована в Ленинградскую школу среднего начсостава рабоче-крестьянской милиции и обрела статус межобластного учебного заведения, деятельность которого была направлена на подготовку кадров для различных регионов, автономных республик и областей. Школа была подчинена Ленинградскому областному управлению милиции и переведена на местный бюджет.

⁶³ Постников В. По пути самообразования // Административный вестник. 1925. № 12. С. 61.

⁶⁴ Заочные курсы по физкультуре // Административный вестник 1928. № 5. С. 63.

⁶⁵ Бюллетень НКВД. 1930. № 29. С. 606.

⁶⁶ Бюллетень НКВД. 1930. № 22. С. 431.

⁶⁷ Бюллетень НКВД. 1930. № 25. С. 508–510.

⁶⁸ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик (далее – СЗ СССР). 1931. № 8. Ст. 90.

⁶⁹ Об утверждении Положения о рабоче-крестьянской милиции : постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 25 мая 1931 г. № 390 // СЗ СССР. 1931. № 33. Ст. 247.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (далее – СУ РСФСР). 1931. № 59. Ст. 431.

В декабре 1932 года, после присоединения школы среднего начсостава милиции, дислоцировавшейся в поселке Хутынь Новгородского района, школа стала именоваться Ленинградской межобластной школой среднего начсостава рабоче-крестьянской милиции. Школа располагалась в Ленинграде на улице Гоголя (дом 8) [23, с. 8]. Возглавлял ее работу Е. Д. Траутман⁷².

В школах милиции СССР к 1936 году обучалось 8 270 человек [25, с. 124]. Для руководства подготовкой кадров для милиции приказом НКВД СССР от 19 апреля 1936 г. в составе отдела кадров НКВД СССР была создана часть учебных заведений, которая проработала недолго и в конце 1936 года была расформирована⁷³.

В ходе реорганизации учебных заведений НКВД СССР в 1937 году школам среднего начсостава милиции были присвоены номера, после чего ленинградская школа стала именоваться «Четвертая Ленинградская школа рабоче-крестьянской милиции» [23, с. 3–7]. В школе обучались 200 курсантов; преподавательский и учебно-вспомогательный состав школы состоял из 80 работников. Возглавлял работу школы В. И. Трофимов. В числе преподавателей были опытные сотрудники, служившие в сыскной полиции Российской империи: эксперт-криминалист Алексей Андреевич Сальков, сыщик уголовного розыска Ленинграда Сергей Николаевич Кренёв [21; 31].

В условиях роста напряженности международных отношений обязательным для милиционеров стало обучение военному делу. Военная подготовка проводилась в соответствии с задачами, поставленными в приказе Народного комиссара внутренних дел Союза ССР от 26 февраля 1941 г., и в соответствии с Положением о командирской учебе в системе органов внутренних дел⁷⁴. Особое внимание стало уделяться патриотическому воспитанию личного состава, обсуждалась возможность восстановления в милиции политотделов и института политруков. Учитывая актуальные проблемы организации и деятельности органов охраны правопорядка в стране, 26 декабря 1938 г. из Четвертой Ленинградской школы рабоче-крестьянской милиции была выделена Школа политработников, которую возглавил старший лейтенант Л. Н. Коновалов. Школа политработников разместилась в Ленинграде на набережной реки Мойки (дом 45).

Новой формой профессиональной подготовки милиционеров в 1930-х гг. стали летние палаточные лагеря, в которых курсанты проходили подготовку с участием представителей органов милиции. Рекомендации по организации этих лагерей Главное управление милиции разослало управлениям милиции краев и областей циркулярным письмом от 9 февраля 1934 г. В лагерях отрабатывались навыки противовоздушной обороны с газоокуриванием, тактика пехоты и топография, производились стрельбы из винтовок, нагана, ручного и станкового пулеметов. Лагерные сборы заканчивались подъемом по тревоге и ночным выходом личного состава для решения конкретной тактической задачи. В предвоенные годы лагерные сборы стали регулярными. Лагерные сборы ленинградских милиционеров проходили в парке Соновка Выборгского района.

В практику образовательной деятельности учебных заведений вошли военизированные переходы сотрудников милиции по трудным и дальним маршрутам – конные и пешие, в противогазах, с полной выкладкой, с проведением зачетных стрельб, ориентированием на местности и преодолением водных преград.

Несмотря на то, что в ведении Главного управления милиции в 1940 году находились: Центральная школа в Москве, Ленинградская школа политработников, 21 двухгодичная межобластная школа, 7 годичных школ младшего начальствующего состава, 5 школ служебного собаководства и 27 милицейских курсов [26, с. 257], на 1 июля 1940 г., по данным Управления кадрами НКВД СССР, среди начсостава число лиц, имеющих высшее образование, составляло 0,7 %, среднее – 17,2 %, низшее – 82,1 %. Среди лиц, занимающих должности рядового и младшего начсостава, с высшим образованием не было никого, со средним – 1,4 %, с низшим – 88,5 %, малограмотных – 10,1 %, неграмотных – 0,03 %⁷⁵. Специальную подготовку получили сотрудники государственной милиции, окончившие: Центральную школу рабоче-крестьянской милиции (0,7 % всего личного состава), школы усовершенствования рабоче-крестьянской милиции (1,4 %), школы рабоче-крестьянской милиции (4,9 %), курсы рабоче-крестьянской милиции (5,6 %). Прошли чекистскую подготовку 0,1 % личного состава государственной милиции, окончили военные училища – 0,07 %, школы и курсы Рабоче-крестьянской Красной армии – 9,1 %.

⁷² ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-63. Д. 498454: «Траутман Евгений Давыдович».

⁷³ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1-а. Д. 83. Л. 1.

⁷⁴ Об утверждении Положения о командирской учебе в системе органов внутренних дел : приказ НКВД СССР от 26 февраля 1941 г. // Экспозиция (постоянно действующая) Культурного центра ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Приказной фонд. Папка приказов за 1941 г. № 2.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 8. Д. 58. Л. 5, 20, 44.

Особенности профессионального обучения милиционеров в Ленинграде в условиях Великой Отечественной войны

Перестройка работы милицмейских школ Ленинграда с учетом требований военного времени
Великая Отечественная война внесла коррективы в организацию и деятельность всех органов государственной власти, в том числе в работу органов охраны правопорядка и систему подготовки кадров для них.

В Ленинграде и Ленинградской области уже 22 июня 1941 г. было введено военное положение. Введение военного положения означало, что все функции государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности передавались военным советам фронтов, армий, военных округов.

Для обеспечения четкой связи с Военным советом Северного фронта и координации всей служебно-оперативной деятельности войск и органов НКВД СССР в городе был учрежден Штаб оперативного руководства в составе руководителей административных органов и командования пограничных войск⁷⁶. Летом 1941 года Штаб приступил к реорганизации деятельности органов милиции, в т. ч. и их учебных подразделений, стремясь в условиях военного времени максимально подчинить деятельность милиции укреплению тыла, решению вопросов, касающихся интересов фронта, и подготовке личного состава ленинградской милиции к участию в боевых действиях против немецко-фашистских захватчиков.

Обязанности милиции в военные годы существенно усложнились. Штаб оперативного руководства в Ленинграде и Ленинградской области перед милицией поставил и новые задачи: обеспечение условий и режима военного или осадного положения; участие в организации местной противовоздушной обороны; осуществление строгого пропускного режима с целью своевременного выявления вражеских лазутчиков, шпионов и диверсантов, провокаторов и паникеров, и других дезорганизаторов тыла города-фронта, каким становился Ленинград. Милиция обеспечивала порядок, охрану и общественную безопасность при эвакуации населения и материальных ценностей, вела борьбу с мародерством, расхитителями государственной и общенародной собственности⁷⁷. На нее возлагались борьба с дезертирством и распространителями провокационных слухов; оказание всемерной помощи транспортным органам НКВД [22, с. 256]. Все телефонные станции и узлы связи, коммуникации, а также мосты, объекты оборонного значения и эвакуационные пункты были переданы под охрану милиции⁷⁸.

Система профессиональной подготовки кадров милиции и уголовного розыска, созданная накануне войны, позволяла и в экстремальных условиях войны продолжать подготовку милиционеров, обеспечивая потребности страны в квалифицированных кадрах охраны общественного порядка⁷⁹.

Для руководства школами и курсами, подведомственными НКВД, приказом Народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00301 «Об организации Управления учебными заведениями НКВД СССР» был создан специальный орган. В соответствии с приказом Народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00345 «О передаче учебных заведений органов НКВД в подчинение Управления учебными заведениями НКВД СССР» от 31 марта 1941 г. материально-техническое обеспечение, медико-санитарное обслуживание, обеспечение учебных заведений специальным учебным оборудованием и специальной литературой вузов, техникумов, школ и курсов НКВД с 1 апреля 1941 г. осуществлялось НКВД СССР по согласованию с Управлением учебными заведениями. Управлению учебными заведениями поручалось разработать Положение об учебных заведениях, но 31 июля 1941 г. этот орган был расформирован. 3 марта 1942 г. создан отдел военно-учебных заведений войск НКВД⁸⁰.

При этом приказом НКВД СССР «О перестройке работы учебных заведений НКВД СССР на период военного времени» от 26 июня 1941 г.⁸¹ личный состав ведомственных учебных

⁷⁶ Отдел специальных фондов и реабилитации Информационного центра ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 75. Л. 512.

⁷⁷ Отдел архивной информации Информационного центра Главного управления МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и ЛО). Приказной фонд.

⁷⁸ Постановление военного совета Ленинградского фронта № 239 от 8 сентября 1941 г. // ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и ЛО. Приказной фонд.

⁷⁹ Кожевина М. А. Милицмейское образование в Советской России организация и правовое регулирование (1918–1991 гг.) : автореф. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. С. 39.

⁸⁰ Лубянка : ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1960 : Справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. Р. Г. Пихоя. Москва : МФД, 1997. С. 142.

⁸¹ О перестройке работы учебных заведений НКВД СССР на период военного времени : приказ НКВД СССР от 26 июня 1941 г. // Экспозиция (постоянно действующая) Культурного центра ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Приказной фонд. Папка приказов за 1941 г. № 2.

заведений европейской части СССР направлялся в армию, а часть учебных заведений НКВД приостанавливали свою работу. К сентябрю 1941 года число обучающихся в школах милиции по сравнению с довоенным временем сократилось почти в 2,5 раза⁸². Главной задачей оставшихся ведомственных учебных заведений стала ускоренная подготовка сотрудников органов внутренних дел [16, с. 39].

В Ленинградской школе рабоче-крестьянской милиции в условиях военного времени срок обучения был сокращен с двух лет до девяти месяцев. Распорядок дня курсантов включал 12-часовой рабочий день, 7 часов из которых – ежедневные классные занятия. Чертами жизни школы стали: казарменное положение; отмена отпусков в город; повышение требовательности к пропускному режиму; строгие наказания за опоздания и нарушения распорядка дня; круглосуточное дежурство в школе и назначение в ночные часы патруля и часовых из числа курсантов.

В связи с изменением задач и сроков обучения была разработана специальная программа работа школы: Ленинградской школе было поручено вести подготовку оперуполномоченных уголовного розыска, помощников оперуполномоченных и участковых уполномоченных для Ленинграда, Ленинградской области и органов милиции других административно-территориальных единиц. Учебный план был переработан: существенно увеличен удельный вес специальных и военных дисциплин, приоритет отдавался формированию навыков практической деятельности. Обучение предполагалось начать 1 июля и 15 октября, но уже в июле стало ясно, из периферии абитуриенты в связи с призывом в действующую армию не придут. Нехватка работников в регионах была такой, что туда пришлось направлять курсантов, которые еще не успели завершить обучение в полном объеме. Из Ленинграда были направлены 12 выпускников, назначенных на различные должности среднего состава милиции в регионах [23, с. 30–31].

Курсанты и преподаватели школ милиции Ленинграда – участники фронтовых сражений

27 июня 1941 г. Военный совет Северного фронта и Ленинградский городской комитет ВКП(б) приняли решение о срочном формировании из трудящихся Ленинграда армии народного ополчения⁸³, а уже 9 июля 1941 г. был сформирован специальный батальон работников милиции из 300 добровольцев. Формирование батальона происходило в помещении школы милиции на набережной реки Мойки. Батальон вошел во 2-й стрелковый полк 4-й дивизии народного ополчения. Одна его рота полностью состояла из числа курсантов школы милиции. Командиром батальона был назначен сотрудник отдела БХСС, участник Гражданской войны А. П. Приезжев, командиром курсантской роты – завершавший обучение в Школе политработников Р. А. Арахамия.

20 июля батальон отбыл на фронт. Первое боевое крещение батальон, в т. ч. и курсантская рота, получил 8 августа под Кингисеппом в районе деревни Пустошка. Бои были постоянными. В одном из сражений, у деревни Лопец, был убит командир батальона А. Т. Приезжев. Долгое время батальон вел бои в окружении. Вырвавшись из окружения, батальон сражался под Гатчиной, вел тяжелые бои за населенные пункты Лукаши, Александровская, Красная Славянка, города Павловск и Пушкин. Потерявший в боях более половины своего личного состава, батальон был расформирован. Оставшихся в живых бойцов распределили по другим подразделениям полка.

На базе органов милиции стали формироваться подразделения и части, новые отделы и службы по типу воинских. Все органы милиции рассматривались как часть гарнизона города. Личный состав строевых подразделений и оперативных служб был переведен на казарменное положение. Органы милиции являлись важной частью внутренней обороны Ленинграда.

2 августа 1941 г. начальник Управления НКВД по Ленинградской области издал приказ «О формировании специальных строевых частей милиции». «Приказываю... 1. 2-й отдельный дивизион, 3-й отдельный дивизион и 4-й конвойный дивизион милиции г. Ленинграда, общей численностью 418 человек, свести в отдельную часть, присвоив ей наименование: „1-й батальон милиции“. 2. Школу политработников и межобластную школу милиции, придав им 100 человек рядового и младшего начсостава от Ленинградского Доротдела милиции и 50 человек рядового и младшего начсостава от Октябрьского Доротдела милиции, общей численностью 401 человек, свести в отдельную часть, присвоив ей наименование: „2-й батальон милиции“»⁸⁴.

Командиром 2-го батальона назначен начальник Межобластной школы милиции Д. В. Кезин, комиссаром батальона – начальник политотдела Ленинградской школы политработников

⁸² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 8. Д. 12. Л. 22.

⁸³ Огонь войны : 1418 дней : [сайт]. – URL: <https://thefireofthewar.ru/1418/index.php/1941/iyun-1941/1417-27-06-1941> (дата обращения: 18.02.2025).

⁸⁴ Приказ начальника Управления НКВД по Ленинградской области № 102 от 2 августа 1941 г. // ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и ЛО. Приказной фонд.

И. М. Масленников⁸⁵, начальником штаба батальона – начальник Ленинградской школы политработников Л. Н. Коновалов [22, с. 256].

2-й батальон милиции вошел в состав 20-й стрелковой дивизии НКВД СССР под руководством полковника А. П. Иванова, куда также были направлены батальоны НКВД и рабоче-крестьянской милиции, а также курсанты Пожарного техникума общей численностью 6 900 человек⁸⁶. Дивизия героически сражалась на Невском пятачке.

Курсанты школы милиции сражались с врагом и в составе 4-й Ленинградской стрелковой дивизии народного ополчения. Она была переброшена на правый берег Невы, где фашистам удалось прорвать оборону. Полк, в составе которого воевали сотрудники и курсанты милиции, на рассвете 1 сентября начал наступление на Усть-Тосно. Выбив фашистов из деревни Новой, полк атаковал их позиции в районе реки Тосны, закрепился на левом берегу. Именно там, где теперь на высоком холме стоит обелиск – памятник мужеству павших и героизму живых, были остановлены двигавшиеся к Ленинграду вражеские части. В середине сентября 4-ю дивизию перебросили на новый участок фронта под Невской Дубровкой – Невский пятачок.

Помощником командира полка по комсомольской работе был бывший курсант школы милиции Потапенко. По нескольку раз в день на лодке он перевозил раненых на правый берег. Вода кипела от разрывов мин и снарядов, но Потапенко, маневрируя между смертоносными фонтанами, умудрялся, рискуя жизнью, добираться до своих. Десятки солдат и офицеров обязаны ему жизнью.

Немногим удалось остаться в живых. Погиб смертью героя комиссар полка, бывший начальник политотдела Ленинградской школы политработников И. М. Масленников. Сложили головы в бою С. Я. Борисов, Д. Ф. Морозов, П. Горлов, И. Карпенко, Р. А. Арахамия [24, с. 16].

Организация милицейского образования в Ленинграде после прорыва блокады

8 сентября 1941 г. Ленинград оказался во вражеском кольце. Большинство из 13,5 тыс. ленинградских милиционеров добились отправки на фронт уже в первые дни войны. Вопреки их желанию, 5,9 тыс. сотрудников были оставлены в городе для обеспечения порядка в Ленинграде. Милиция продолжала свою работу и в блокадном Ленинграде.

Школа милиции фактически перестала функционировать, но 5 сентября 1942 г. при школе были созданы краткосрочные курсы по подготовке оперативного состава милиции, т. к. именно в этой категории сотрудников ощущалась острая потребность.

Общий уровень преступности в Ленинграде в годы блокады снизился, но количество тяжких преступлений – убийств, разбоев, грабежей – возросло. Выпускники курсов принимали активное участие в задержании более 5 тыс. преступников, у которых были изъяты: 16 пулеметов, 245 автоматов, 549 винтовок, более 3 тыс. мин и гранат [23, с. 36].

27 января 1943 г. блокада Ленинграда была прорвана. Вместе с горожанами в восстановлении города ежедневно принимали участие и сотрудники милиции, в т. ч. и курсанты, проходившие профессиональную подготовку.

Курсы по подготовке оперативного состава милиции, действовавшие в блокадные годы, сохранили базу для профессиональной подготовки кадров.

17 августа 1944 г. на основании приказа НКВД СССР № 995 на базе временно нефункционирующих Межобластной школы милиции и Ленинградской школы политработников была организована Ленинградская оперативная школа НКВД СССР⁸⁷, которую возглавил А. Е. Вдовиченко. Учебные занятия начались 1 ноября 1944 г. Школе был утвержден лимит переменного состава – 500 человек и срок обучения – 1 год. При школе продолжало работать отделение переподготовки со сроком обучения 4–6 месяцев⁸⁸, а в 1944–1946 гг. – отделение переводчиков с немецкого языка [24, с. 17]. Помимо учебы, курсанты выполняли различные задачи: обеспечивали общественный порядок в Ленинграде; участвовали в борьбе с бандами националистов в прибалтийских республиках; обеспечивали мероприятия по репатриации советских граждан, насильственно вывезенных в годы войны в Германию и на территорию поработанной фашистами Польши.

За годы войны состав милиции обновился более чем на 70 %⁸⁹. Острая нехватка кадров обусловила определение новых форм ускоренной подготовки сотрудников. Характер профессиональной подготовки кадров милиции в стране во второй половине 1944 г. стал меняться [32, с. 30–31]. Приказ НКВД СССР от 1 декабря 1944 г. «О текущей подготовке личного состава

⁸⁵ Приказ начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области за 1941 г. «О формировании специальных строевых частей милиции» // ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и ЛО. Приказной фонд.

⁸⁶ Директива начальника Управления милиции г. Ленинграда Е. С. Грушко от 4 июля 1941 г. // Там же.

⁸⁷ Приказ НКВД СССР № 995 от 17 августа 1944 г. // Экспозиция (постоянно действующая) Культурного центра ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Приказной фонд. Папка приказов за 1944 г. № 2.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 8. Д. 78. Л. 5.

органов и частей милиции» определил особенности обучения сотрудников милиции по различным специальностям, а в учебных планах увеличил объем практических занятий⁹⁰.

Важной составляющей профессиональной подготовки милиционеров было формирование их правовой культуры. Главная роль в воздействии на правосознание стражей правопорядка отводилась политической учебе. Изменения в программу занятий рядового и сержантского состава в системе политической учебы на 1945 год внесла Директива ГУМ НКВД СССР от 25 декабря 1944 г., которая требовала изучения Конституции СССР (всего 76 часов; по 8 часов занятий в месяц). Нормы типовых оценок успеваемости личного состава милиции в системе профессиональной и политической подготовки по различным критериям (по теоретической, практической, специальной, огневой, строевой подготовке) закрепила Директива ГУМ НКВД СССР от 18 июня 1945 г.⁹¹ В связи с тем, что вновь прибывшие на службу в милицию обладали «чрезвычайно низким уровнем образовательной подготовки», возобновлялась общеобразовательная подготовка, создавалась система заочного обучения с привлечением учителей общеобразовательных школ. Директива ГУМ НКВД СССР и Наркомпроса РСФСР от 6 января 1945 г. предусматривала проведение учета малограмотных, привлечение их к учебе в школах и организацию для них еженедельных консультаций⁹². В 1945 г. при школах милиции возобновилась работа летних учебных лагерей⁹³, которые расширяли возможности профессиональной подготовки кадров милиции и уголовного розыска.

На 1 января 1945 г. в милиции служили 202 191 человек. По подсчетам М. А. Кожевиной, из них имели специальное милицееское образование – 19 101 человек (9,4 % личного состава); среди начальников городских и районных отделов таких сотрудников было 31,5 %, среди начальников отделов по борьбе с бандитизмом – 7,2 %. Среди оперативного состава окончившие школы и курсы милиции составляли 4,3 %; низшее образование имели 86 % личного состава [25, с. 131]. Кадровый некомплект отдельных категорий милиционеров составлял от 6,1 % до 15,8 %; число вновь прибывших на службу в милицию превышало 28 % личного состава⁹⁴.

Так как некомплект милицееских кадров пополнялся прежде всего за счет демобилизованных военнослужащих⁹⁵, возникла потребность в переобучении и подготовке специалистов для нужд НКВД СССР. Система учебных заведений вернулась к прежнему опыту: не только учить с самого начала, но и вести интенсивную переподготовку кадров.

В приказе министра внутренних дел СССР № 378 от 10 ноября 1946 г. уровень подготовки и переподготовки руководящих и оперативных кадров в органах Министерства внутренних дел был оценен как неудовлетворительный. Отмечалось, что «многие из оперативных работников вовсе не имеют специальной подготовки... Среди руководящих работников МВД республик, УМВД краев и областей совершенно недостаточно лиц, имеющих высшее образование, а среди сотрудников районных и городских органов МВД значительное количество не имеет даже законченного среднего образования. Совершенно недопустимым в деле подготовки и переподготовки кадров органов МВД является то, что существующая школьная сеть не дает юридического образования окончившим школу. Отсутствие юридической подготовки затрудняет практическую деятельность руководящего и оперативного состава МВД, ежедневно связанного с соблюдением законов и утверждением прав граждан...»⁹⁶. В числе недостатков работы учебных заведений, осуществлявших подготовку кадров для органов внутренних дел: отсутствие стабильных учебных планов; произвольное определение сроков обучения; отсутствие учебных материалов, необходимых для изучения специальных дисциплин.

МВД определило ряд конкретных мер по реформированию ведомственной системы учебных заведений: расширение профиля общеобразовательной и специальной подготовки руководящего и оперативного состава; введение и развитие юридического образования во всех школах; развитие системы заочного обучения; переименование школ⁹⁷.

Образованная в 1944 году Ленинградская оперативная школа НКВД СССР с 10 ноября 1946 г. стала именоваться Ленинградской офицерской школой МВД СССР [23, с. 37–38; 33, с. 182].

Занятия в Ленинградской офицерской школе МВД СССР строились на основе программы юридической подготовки, аналогичной программам юридических школ. Занятия проходили

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 23. Л. 226.

⁹¹ Там же. 9415. Оп. 3. Д. 25. Л. 197–201.

⁹² ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 25. Л. 15.

⁹³ Там же. Д. 23. Л. 180.

⁹⁴ Там же. Ф. 9401. Оп. 8. Д. 78. Л. 10.

⁹⁵ Проценко Е. Д. Правовые основы развития профессионального образования в системе МВД в послевоенный период // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 1 (37). С. 38.

⁹⁶ Приказ МВД СССР № 378 от 10 ноября 1946 г. // Экспозиция (постоянно действующая) Культурного центра ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Приказной фонд. Папка приказов за 1946 г. № 4.

⁹⁷ Проценко Е. Д. Правовые основы развития... С. 38.

с 1 сентября по 30 июля (зимние каникулы - с 24 января по 6 февраля; летние каникулы - с 1 августа по 1 сентября). Устанавливался срок обучения - два года⁹⁸. Школа комплектовалась абитуриентами, годными по состоянию здоровья к службе в органах внутренних дел и имевшими законченное среднее образование. Учебным планом устанавливалась специальная подготовка для оперативных работников, которая обязательно учитывалась при их назначениях и выдвижениях на вышестоящую должность.

3 заключение

Этапами истории учебных заведений, осуществлявших профессиональную подготовку кадров для милиции в Ленинграде, явились создание различных милицейских школ, в числе которых:

- 1918 - школа дружинников наружной охраны;
- 1919 - инструкторская школа работников милиции;
- 1922 - курсы высшего командного состава;
- 1922 - Первая Петроградская школа среднего комсостава милиции;
- 1924 - Первая Ленинградская школа среднего комсостава милиции;
- 1931 - Ленинградская школа среднего начсостава рабоче-крестьянской милиции;
- 1932 - Ленинградская межобластная школа среднего начсостава рабоче-крестьянской милиции;
- 1937 - Четвертая Ленинградская школа рабоче-крестьянской милиции;
- 1942 - краткосрочные курсы по подготовке оперативного состава милиции;
- 1944 - Ленинградская оперативная школа НКВД СССР;
- 1946 - Ленинградская офицерская школа МВД СССР;
- 1956 - Ленинградская специальная средняя школа милиции;
- 1991 - Санкт-Петербургская специальная средняя школа милиции МВД России;
- 1998 - Санкт-Петербургский университет МВД России;
- 2007 - включение Санкт-Петербургской специальной средней школы милиции МВД России в состав Санкт-Петербургского университета МВД России.

Великая Отечественная война вписала отдельную страницу в историю профессиональной подготовки сотрудников милиции. В экстремальных условиях войны корректировались формы и методы обучения, но подготовка милиционеров не прекращалась [34].

За образцовое выполнение заданий в период Великой Отечественной войны, за доблесть и мужество, проявленные личным составом ленинградской милиции, в т. ч. преподавательским составом и курсантами учебных заведений, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1944 г. Ленинградская городская милиция была награждена орденом Красного Знамени.

Приближение к Победе увеличивало потребность в квалифицированных кадрах для органов охраны правопорядка, поэтому восстановление учебных заведений, осуществляющих профессиональную подготовку сотрудников органов внутренних дел, и организация их деятельности стали основными задачами НКВД в послевоенные годы.

Список источников

1. Нижник Н. С., Нижник В. А. Сохранение исторической памяти как атрибут укрепления духовно-нравственных ценностей / Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности : К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали : материалы Международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 13-14 октября 2023 г. / отв. ред. С. И. Шишкин, П. А. Новиков. Иркутск, 2023. С. 226-237.
2. История советской милиции : В 2 т. / С. М. Крылов (руководитель), А. П. Косицын, С. В. Биленко и др.; под ред. Н. А. Щелокова. Москва : [б. и.], 1977. Т. 2: Советская милиция в период социализма (1936-1977 гг.). 338 с.
3. Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я. Советская милиция: этапы развития / под ред. А. П. Косицына. Москва : [б. и.], 1985. 148 с.
4. Полубинский В. И. Из истории советской милиции. Москва : Знание, 1987. 62 с.
5. Советская милиция: история и современность, 1917-1987 / А. П. Косицын, Р. С. Мулукаев, С. В. Биленко и др.; под ред. А. В. Власова. Москва : Юридическая литература, 1987. 335 с.
6. Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я. Советская милиция: дела и люди. Москва : Прогресс, 1989. 277 с.
7. Мулукаев Р. С., Карташов Н. Н. Милиция России (1917-1993 гг.): Историко-правовой очерк. Орел : [б. и.], 1995. 235 с.
8. Борисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. История советской милиции / под ред. Р. С. Мулукаева. Москва : Академия управления МВД России, 2015. 190 с.
9. Борисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. Три века российской полиции : служение обществу - защита Отечеству! Москва : РИПОЛ классик, 2017. 605 с.
10. Минаер В. Л., Гасанов К. К. История полиции России : В 3 т. / под ред. И. А. Калининченко. 2-е изд., доп. Москва : Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2019.
11. Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я. Государственный Комитет Обороны и органы внутренних дел в годы Великой Отечественной войны : монография. Москва : Академия управления МВД России, 2023. 180 с.

⁹⁸ Приказ МВД СССР № 378 от 10 ноября 1946 г. ...

12. Гольдман В. С. Из истории организации школ и курсов милиции РСФСР в 1917–1925 годах // Труды Высшей школы МООП СССР. Москва : ИИРиО ВШ МООП СССР, 1968. Вып. 20. С. 80–98.
13. Николаев П. Ф. Подготовка командных кадров милиции в СССР. (1917–1929 гг.) : Краткий очерк / под ред. И. Р. Алексеева. Омск : [б. и.], 1969. 106 с.
14. Шатилов С. П. Профессиональная подготовка кадров органов милиции в годы Великой Отечественной войны в районах тыла // История государства и права. 2006. № 4. С. 39–40.
15. Степанов М. М. Милицееобразование в России в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 1 (23). С. 101–108.
16. Пеструилов А. С. К вопросу о периодизации дореволюционной истории ведомственного образования в системе МВД России / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции, г. Новороссийск, 22–23 сентября 2016 г. / под общ. ред. В. А. Сосова. Новороссийск : Издательский Дом – Юг, 2017. С. 546–551.
17. Кубышко В. Л. История полиции России: проблемы развития и научного изучения / Российская полиция: три века служения Отечеству : сборник статей Юбилейной международной научной конференции : В 2 ч., г. Москва, 21 декабря 2018 г. / под ред. В. Л. Кубышко. Москва : Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1. С. 11–24.
18. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А., Артемченко А. В. Третья школа младшего состава рабоче-крестьянской милиции в системе образовательных организаций НКВД РСФСР : монография. Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2019. 209 с.
19. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Создание областных школ младшего командного (начальствующего) состава в середине 20-х годов XX века в контексте формирования системы милицееобразования в Советской России // Научный портал МВД России. 2021. № 3 (55). С. 7–17.
20. Стоцкий А. П. Школа, училище, университет: история зданий по адресу: Санкт-Петербург, 4-я линия Васильевского острова, дом 43 / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) : материалы XX международной научно-теоретической конференции : В 2 ч., г. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2526–2532.
21. Стоцкий А. П. Историческая территория Санкт-Петербургского университета МВД России: храм Знамения Божьей матери / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) : материалы XX международной научно-теоретической конференции : В 2 ч., г. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2533–2539.
22. Дела и люди Ленинградской милиции : Очерки истории / Скилягин А., Лесов В., Пименов Ю., Савченко И. Ленинград : Лениздат, 1967. 376 с.
23. Санкт-Петербургская специальная средняя школа милиции МВД России : Краткий исторический очерк к 80-летию юбилею / рук. Г. В. Бондаренко [и др.]. Санкт-Петербург : [б. и.], 1998. 86 с.
24. 100-лет первой школе милиции Республики : 10 ноября 1918 года – 10 ноября 2018 года. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. 60 с.
25. Кожеева М. А. История милицееобразования в Советской России. Организация и правовое регулирование (1917–1991 гг.) : [монография]. Омск : Омская академия МВД России, 2004. 204 с.
26. Органы и войска МВД России : Краткий исторический очерк / Некрасов В. Ф., Борисов А. В., Детков М. Г. [и др.] ; гл. ред. Горлов А. Г. Москва : Объединенная редакция МВД России, 1996. 462 с.
27. Нижник Н. С., Засовенко А. Ю. Из кухарок в милиционерки: опыт создания женской милиции в Петрограде // Advances in Law Studies. 2018. Т. 6, № 4. С. 21–25.
28. Нижник Н. С. Милиционерка: новый образ трудящейся женщины в России // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности : [сборник]. Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2019. С. 214–219.
29. Кожеева М. А. Омская милицееобразовательная школа в системе профессионального образования МВД России: этапы развития // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 2 (37). С. 3–6.
30. Кожеева М. А. К вопросу о периодизации истории полицейского (милицееобразовательного) образования в России / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы XIV международной научно-теоретической конференции, г. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. Т. 2. С. 216–219.
31. Стоцкий А. П. Первый советский музей милиции в Ленинграде: предпосылки создания и особенности деятельности / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX международной научно-теоретической конференции : В 2 ч., г. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 2051–2060.
32. Кожеева М. А. Омская «школа сыщиков»: вековой опыт и уроки истории // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26, № 2 (77). С. 66–73; <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2020-12011>.
33. Симакова Т. С. Ленинградская школа милиции: профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX международной научно-теоретической конференции : В 2 ч., г. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. / под ред. Н. С. Нижник, сост. Н. С. Нижник, Е. Н. Козинникова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. Ч. II. С. 179–185.
34. Нижник Н. С., Стоцкий А. П. Учебные заведения НКВД: милицееобразование и деятельность в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) : материалы XXII международной научно-практической конференции : В 2 ч., Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 года. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. Ч. I. С. 482–488.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 340.01

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-44-49>

Социокультурная антропология права как историко-правовая методология

Илья Львович Честнов¹, доктор юридических наук, профессор

Ирина Борисовна Ломакина², доктор юридических наук, профессор

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт

(филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Санкт-Петербург (191104, Литейный проспект, д. 44), Российская Федерация

¹ ichestnov@gmail.com, ² lomakina7311@gmail.com

¹ <https://orcid.org/0000-0003-2083-5876>, ² <https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>

Аннотация:

Введение. Авторы статьи раскрывают перспективы социокультурной антропологии права как историко-правовой методологии. Современная история и история права становятся важнейшей дисциплиной в политике образования. В то же время содержание истории (и истории права), ее методология изменяется в связи с процессами и явлениями, происходящими в постсовременном обществе.

Методы. В истории (и истории права) во второй половине XX века возникают и активно развиваются новые методологические подходы, которые задают онтологию восприятия и оценки прошлого: история ментальностей и историческая антропология; история понятий и дискурса; новая интеллектуальная история; нарративная история; микроистория; устная история и др.

Результаты. Авторы приходят к выводу, что адекватное изучение истории права сегодня основывается на новых подходах, акцентирующих внимание на правосознании, конструировании правовой реальности и социальных аспектах правопорядка. В качестве принципов новой, постклассической социокультурной исторической антропологии права авторы выделяют следующие. Во-первых, признание человека основой правовой системы. Во-вторых, акцент на практиках, которыми люди во все времена конструируют и воспроизводят правовую реальность. В-третьих, необходимость анализа правосознания правящей элиты, основных референтных групп, правоприменителей и обывателей (обыденного правосознания), соответствующей эпохи и данного социума. В-четвертых, контекстуальность, обуславливающая все правовые инновации. В-пятых, исследование эффективности изучаемых правовых институтов.

Вывод. Такая программа позволяет дать максимально полную картину исторического прошлого.

Ключевые слова:

история права, антропология права, социокультурная антропология права, историческая социокультурная антропология права, историко-правовая методология

Для цитирования:

Честнов И. Л., Ломакина И. Б. Социокультурная антропология права как историко-правовая методология // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 44–49. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-44-49>.

Статья поступила в редакцию 02.03.2025;
одобрена после рецензирования 08.05.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Sociocultural anthropology of law as a historical and legal methodology

Ilya L. Chestnov, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

Irina B. Lomakina, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

^{1,2} Saint Petersburg Law Institute

(branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

44, Liteyny Ave., Saint Petersburg, 191104, Russian Federation

¹ ichestnov@gmail.com, ² lomakina7311@gmail.com

¹ <https://orcid.org/0000-0003-2083-5876>, ² <https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>

© Честнов И. Л., Ломакина И. Б., 2025

Abstract:

Introduction. The authors of the article reveal the perspectives of sociocultural anthropology of law as a historical and legal methodology. Modern history and the history of law are becoming the most important disciplines in educational policy. At the same time, the content of the history (and the history of law) and its methodology are changing according to the processes and phenomena taking place in post-modern society.

Methods. In the history (and the history of law) in the second half of the twentieth century, new methodological approaches emerged and actively developed, shaping the ontology of perception and evaluation of the past: history of mentalities and historical anthropology; history of concepts and discourse; new intellectual history; narrative history; microhistory; oral history etc.

Results. The authors conclude that the appropriate understanding of the history of law today is based on new approaches emphasising legal consciousness, construction of legal reality and social aspects of the rule of law. The authors identify the following as the principles of the new, post-classical sociocultural historical anthropology of law. First, the recognition of the human being as the backbone of the legal system. Second, the emphasis on the practices used by people at all times to construct and reproduce legal reality. Third, the need to analyse the legal consciousness of the governing elite, the main reference groups, law enforcers and ordinary people (ordinary legal consciousness), the relevant era and the given society. Fourth, contextuality, determining all legal innovations. Fifth, the study of the effectiveness of the legal institutions under consideration.

Conclusion. Such a programme makes it possible to give the fullest possible overview of the historical past.

Keywords:

history of law, anthropology of law, sociocultural anthropology of law, historical sociocultural anthropology of law, historical and legal methodology

For citation:

Chestnov I. L., Lomakina I. B. Sociocultural anthropology of law as a historical and legal methodology // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 44–49. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-44-49>.

The article was submitted March 2, 2025;
approved after reviewing May 8, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

История и история права в постсовременном обществе, которое датируется концом XX – началом XXI вв., приобретает новое значение. Сошлемся в этой связи на мнение Председателя общероссийской общественной организации «Ассоциация историков права» Д. А. Пашенцева, который заявляет: «Историко-правовая наука сегодня выходит на иной, чем в прошедшие три десятилетия, уровень востребованности» [1, с. 22]. По нашему мнению, это ко всему прочему связано с тем, что сегодня история активнее, чем прежде (хотя это было всегда) используется в политико-идеологических баталиях в качестве важнейшего способа легитимации государственной власти, «видения и делания» социального мира. Это же относится в еще большей степени к праву: историю привлекают к конструированию желательной для власти и общества (хотя всегда ограниченной) структурными рамками контекста и фактическими возможностями) правовой реальности. А этот процесс практически всегда предполагает использование истории. По мнению Д. А. Пашенцева, роль истории права также связана с тем, что «глобальные трансформации актуализируют вопросы сохранения исторической памяти и исторического наследия» [1, с. 22]. Не случайно изучение и преподавание истории (включая все виды исторических и историко-юридических дисциплин) сегодня становится одним из главных направлений в политике образования.

Методы

В связи с этим возникает важнейший и самый сложный вопрос: как следует описывать и объяснять (или понимать) прошлое (историю, включая историю права), а также преподавать эту дисциплину? Сложность усугубляется тем, что «классический» подход к изображению исторического прошлого претерпел глубокие изменения в конце XX – начале XXI вв. Вызовы современного мира вынуждают пересмотреть методологию историко-правовых исследований, справедливо утверждает Д. А. Пашенцев в своей программной статье [2, с. 5–13]. История как знание о том, что было «на самом деле» (в этом состояла программа Л. фон Ранке, с именем которого связывают институционализацию исторической науки в XIX веке)¹, трансформируется в многогранное, использующее междисциплинарную методологию предприятие по конструированию образа прошлого, отвечающего критериям когерентной и прагматической истины. «Историко-правовые исследования должны стать мультидисциплинарными, – заявляет Д. А. Пашенцев, – историк права наряду с использованием специальных юридических методов вынужден сегодня обращаться к социологии и исторической антропологии, ему требуются сведения, полученные специалистами по этнографии и исторической психологии. Историко-

¹ История, по мнению Х. Уайта, одного из ведущих историков конца XX – начала XXI вв., как профессиональная деятельность и научная дисциплина возникла в середине XIX века в качестве «политики интерпретации» и «блюстителя реализма в политическом и социальном мышлении» (См.: Уайт Х. Практическое прошлое / пер. с англ. К. Митрошенкова, А. Арамяна; предисл. А. Олейникова. Москва: Новое литературное обозрение, 2024. С. 19–20).

правовая наука приобретает тот междисциплинарный характер, который определяется переходом к постнеклассическому этапу развития научной рациональности» [3, с. 391].

Заметим, что корреспондентской истины в исторических (и историко-правовых, как и в юридических) исследованиях достичь невозможно «по определению», т. к. исчерпывающе полная картина прошлого недостижима, хотя во многих случаях имеющейся информации достаточно для формирования адекватного представления о прошедшем, как и для разрешения так называемых «простых юридических дел». «Знание истории всегда фрагментарно, неполно, частично», – утверждает Х. Уайт [4, с. 105]. Соотнесение с другими образами прошлого и убедительность представления информации обеспечивает когерентность и прагматичность как важные сегодня критерии научности исторических (и не только исторических) исследований. Это не означает, что принцип верификации благополучно забыли. Вовсе нет. Однако современные историки и историки права понимают, что его нужно дополнять неклассическими или постклассическими критериями научности.

Все это приводит к тому, что в истории (и истории права) во второй половине XX века возникают и активно развиваются новые методологические подходы, которые задают онтологию восприятия и оценки прошлого: история ментальностей и историческая антропология; история понятий и дискурса; новая интеллектуальная история; нарративная история; микроистория; устная история и др. Почему традиционная или классическая история права не в полной мере удовлетворяет запрос на исторические исследования? Дело в том, что изучение права прошлого практически всегда ограничивалось описанием и комментированием действовавшего в соответствующую эпоху законодательства (включая, разумеется, и иные формы внешнего выражения нормативности права, правовые обычаи, мифы и ритуалы, свойственные, например, архаичным обществам и их квазиправовым системам). «Традиционно историко-правовая наука, – пишет Д. А. Пашенцев, – главное внимание уделяла нормам и институтам, при этом не всегда удавалось проследить практическую реализацию этих норм. В итоге реальная правовая жизнь того или иного конкретного исторического периода оставалась до конца не познанной учеными» [3, с. 390]. Очевидно, что правовая реальность (или система) – это отнюдь не только нормы законодательства, тем более, что в некоторых случаях, например, применительно к законам Хаммурапи, вопрос об их действенности (фактическом или социальном действии) остается открытым. В этой связи невозможно не согласиться с мнением Д. А. Пашенцева о том, что «задача историко-правовой науки на современном этапе состоит в том, чтобы реконструировать реальную правовую жизнь прошлого, показать особенности правосознания и правового поведения в каждую конкретную историческую эпоху. При этом стоит учитывать, что содержание памятников законодательства, привлекающее внимание историков права, в первую очередь может иметь к реальной правовой жизни достаточно опосредованное отношение» [5, с. 46].

Результаты

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что адекватное изучение истории права сегодня основывается на новых подходах, акцентирующих внимание на правосознании, конструировании правовой реальности и социальных аспектах правопорядка. Такой подход вслед за выдающимся отечественным медиевистом А. Я. Гуревичем уместно назвать «тотальным» (или «глобальным») историческим синтезом, который «начертали на своем знамени» представители Школы Анналов [6, с. 283]. Смысл состоит в том, чтобы «не раскладывать изучаемые явления по отдельным полочкам», но выявлять «глубинные, сущностные связи между ними. Прежде всего речь идет о преодолении разобщенности между материальной и духовной сторонами общественной жизни, о понимании их в качестве разных ипостасей социальной истории». При этом возможны два подхода: «в явлениях ментального порядка искать отражения социальной жизни; или ... устанавливать воздействие идеальных мотивов на материальную действительность» [6, с. 284].

Такой «тотальный» подход по большому счету – это не отбрасывание классических исторических методов, используемых в историко-правовых исследованиях, но их дополнение постклассическими приемами и способами экспликации смысла прошлого. Принципами постклассической историко-правовой науки, по мнению Д. А. Пашенцева, являются: «междисциплинарный характер исследований, основанный на понимании сложных взаимосвязей между различными сферами научного знания о праве; понимание того, что личность исследователя-правоведа неотделима от исследуемых процессов, происходящих в правовой сфере, и получаемых научных результатов; осознание аксиологического значения получаемого нового теоретико-правового знания; отрицание жесткого детерминизма в трактовке правовых явлений; трактовка права как открытой динамической системы, активно взаимодействующей с окружающей социальной средой; признание многомерности и сконструированного характера правовой реальности и т. д.» [2, с. 7].

Именно смыслы и значения (которые, с нашей точки зрения отличаются индивидуальным характером для первых и социальностью для вторых) образуют содержание социальных явлений и процессов, включая, несомненно, и право. Постклассическая наука тем и отличается от классической, что она нацелена на выявление смыслов и значений, приписываемых людьми – акторами (участниками социальных взаимодействий) своим действиям, поступкам других людей, результатам человеческой деятельности, природным явлениям и процессам, всему, что окружает человека в его повседневной жизни, в соотношении с представлением о том, как все это должно восприниматься – в соотношении с позицией внешнего наблюдателя, с официальной инстанцией, объективированной в т. ч. в нормах права. Другими словами, внутренняя позиция актора (в нашем случае – участника правовых взаимодействий), дополненная внешней точкой зрения (нашими представлениями о ней) и ситуацией или контекстом образует контрапункт постклассической науки, включая науку историко-правовую, изучающую юридически значимое прошлое.

В связи с этим требуется четко обозначить свою позицию по поводу содержания антропологии права как таковой и исторической антропологии права в частности. Дело в том, что имеет место несколько антропологий, т. е. существуют различные подходы к конструированию предмета этой дисциплины, включая историко-правовую антропологию. Антропология XIX века, которая включала в себя политико-правовое измерение, была ориентирована, с одной стороны, на универсальность человека, его разум как гуманистический идеал и эпистемологическую аксиому: предполагалось не только то, что люди рождаются равными (и это величайшее достижение, которое не ставится под сомнение и сегодня, правда критерии равенства всегда вызывали и вызывают «сущностную оспоримость»). С другой стороны, эта же программа использовалась в освоении и колонизации незападного мира как «миссия белого человека». В результате западные, навязывались всем незападным народам в надежде на их аккультурацию.

Во второй половине XX века такой подход признается устаревшим и противоречащим принципам культурного равноправия: нет «некультурных» или «нецивилизованных» народов и их культур, все они самоценны и самодостаточны. Одновременно были поставлены под сомнение модернистские критерии социального прогресса. При этом нельзя не отметить, что такой новый подход чреват серьезными проблемами, главнейшая из которых – культурный релятивизм. Все ли культуры (сообщества) должны признаваться самодостаточными цивилизованными образованиями и в их отношении проводиться политика невмешательства, если, например, некоторые из них проводят геноцид малых групп, проживающих в границах данного сообщества, или практикуют каннибализм? Применительно к истории права эта проблема связана с оценкой соответствующих практик, имеющих, очевидно, в т. ч. юридическое значение. Сложность усугубляется тем, что универсальных и одновременно содержательных критериев такого рода оценок выработать в принципе невозможно (например, категорический императив наполняется конкретным содержанием только в соответствующем историческом и социокультурном контексте: с позиций сегодняшнего дня многие практики инициации, исповедуемые в прошлом, признаются недопустимыми, однако в иные времена воспринимались как само собой разумеющееся). Все это свидетельствует о том, что социокультурная антропология истории права всегда должна эксплицировать контекст объекта проводимого исследования, трансформируемого тем самым в предмет.

Каковы методологические принципы исторической социокультурной антропологии права?

Во-первых, это признание человека центром правовой системы, правовой реальности. Именно люди конструируют и воспроизводят право, наделяя юридическими значениями и смыслами некоторые социальные и природные явления, события и процессы.

Во-вторых, люди совершают все это практиками, поэтому историческая социокультурная антропология права призвана исследовать этот практический или прагматический аспект. «Именно правовое поведение, – пишет Д. А. Пашенцев, – применительно к той или иной конкретной исторической эпохе может выступать главным предметом историко-правового исследования, отвечающего принципам постнеклассической научной рациональности. ... Предмет историко-правовой науки на современном этапе её развития – правовая жизнь прошлого, конструируемая повседневными действиями субъектов права и обусловленная большим количеством не правовых и даже иррациональных факторов, тесно взаимосвязанная с правосознанием и правовым поведением» [5, с. 47, 49]. В то же время важно учитывать взаимодополнительность, о которой упоминалось выше, поведенческих и психических моментов: одно всегда связано с другим (поступок человека мотивируется психикой, которая, в свою очередь, обуславливается поведением).

В-третьих, необходимо соотносить формальную определенность как важнейший принцип права (хотя его достижимость всегда относительна) с правосознанием властвующей элиты, основных референтных групп данного общества, юристов-практиков и широких слоев населения.

В-четвертых, для адекватного исследования истории правовой реальности необходим анализ исторического и социокультурного контекста в диалогической взаимосвязи с днем сегодняшним. Какие внешние факторы способствовали принятию того или иного нормативного правового акта? Какие идеи закладывали авторы правовой инновации в ее форму? Как оценивали принятие нового нормативного правового акта разные социальные группы? Как он реализовывался на практике? Это важный и сложный вопрос, требующий специального рассмотрения. Сейчас же заметим, что все нормы, закрепленные в законодательстве, реализуются не сами по себе, автоматически, а зачастую через их конкретизацию в подзаконных нормативных правовых актах и всегда через правовые обычаи-практики, а также навыки и умения правоприменителей и обывателей.

В-пятых, социокультурная историческая антропология права должна ответить на вопрос о том, какова эффективность изучаемой правовой инновации? Как она воспринимается с позиций сегодняшнего дня (например, используется в политико-идеологических баталиях)? Эти и другие вопросы настоятельно требуют своего осмысления и образуют проблемное поле исторической социокультурной антропологии права.

Сегодня историко-правовую антропологию достаточно активно развивают в нашей стране и ближнем зарубежье такие авторы, как И. А. Исаев, Д. А. Пашенцев, А. А. Дорская, в частности, применительно к исследованию историко-правовой идентичности через «политики памяти» [7], В. И. Павлов, который провел замечательное исследование византийских корней политико-правовой культуры Белоруссии [8]. Использование антрополого-правовой методологии можно обнаружить в историко-правовых исследованиях В. Г. Графского, который увязывал описание политико-правовых институтов прошлого с правопониманием соответствующей эпохи. Н. В. Разуваев эксплицитно применяет антрополого-правовую методологию к изложению истории римского права [9, с. 299]. С. В. Кодан в последнее время активно разрабатывает междисциплинарную методологию применительно к историко-правовым исследованиям, тем самым имплицитно развивая «тотальный» подход к анализу истории права [10]. Полагаем, что исследования Н. С. Нижник правового регулирования семейных отношений в дореволюционной России [11], а также анализ идей дореволюционных российских специалистов в области полицейского права [12] также можно отнести к антрополого-правовому направлению. Есть и другие интересные исследования, которые находятся в русле исторической антропологии права (некоторую лепту в развитие данного подхода внесли авторы настоящего исследования) [13; 14]. Это свидетельствует о востребованности данной научно-исследовательской программы и ее перспективах.

Требуем уточнения вопрос об институциональном статусе исторической антропологии права. Антропология применительно к истории права, как и антропология права, с нашей точки зрения, – это не самостоятельная научная дисциплина, а именно методология или научно-исследовательская программа [15, с. 106]. Социокультурная антропология права – это постклассический подход к постсовременной юриспруденции, сама юридическая теория, фундированная человекомерностью в контексте правовой культуры, а историческая социокультурная антропология права – это такой подход к исследованию правового прошлого, который акцентирует внимание на правовой ментальности людей, конструирующих и воспроизводящих правовую реальность в историческом и социокультурном контексте соответствующей эпохи [16, с. 117].

Важность антропологической методологии применительно к историко-правовым исследованиям состоит в том, что лишь она позволяет дать полную (насколько это возможно) картину прошлого: эксплицировать не только законодательство и юридическую догматику, прежде всего, технику его толкования, но и показать, как формировалась и воспроизводилась правовая система данного социума [17, с. 142]. Это в свою очередь предполагает анализ того, как воспринимались внешние факторы, выступающие источником права (в социолого-правовом смысле) юридических инноваций властью и основными референтными социальными группами, как воспринимало и оценивало эти инновации население. Только такой подход даст возможность выявить реальную картину юридически значимого прошлого.

3 заключение

Важность антропологической методологии применительно к историко-правовым исследованиям состоит в том, что лишь она позволяет дать полную (насколько это возможно) картину прошлого: эксплицировать не только законодательство и юридическую догматику, прежде всего, технику его толкования, но и показать, как формировалась и воспроизводилась правовая

система данного социума [17, с. 142]. Это в свою очередь предполагает анализ того, как воспринимались внешние факторы, выступающие источником права (в социолого-правовом смысле) юридических инноваций властью и основными референтными социальными группами, как воспринимало и оценивало эти инновации население. Только такой подход даст возможность выяснить реальную картину юридически значимого прошлого.

Список источников

1. Пашенцев Д. А. Историко-правовая наука в условиях новой научной рациональности / Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций : сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, г. Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г. / под ред. А. А. Дорской, Д. А. Пашенцева. Саратов, 2022. С. 22–27.
2. Пашенцев Д. А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 5–13. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.090>.
3. Пашенцев Д. А. Наука истории государства и права в условиях постнеклассической научной рациональности / Правоприменение в публичном и частном праве : материалы Международной научной конференции, г. Омск, 26 марта 2021 г. Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2021. С. 389–392.
4. Уайт Х. Практическое прошлое / пер. с англ. К. Митрошенкова, А. Арамяна ; предисл. А. Олейникова. Москва : Новое литературное обозрение, 2024. 192 с.
5. Пашенцев Д. А. Антропоцентризм как преодоление нарратива в историко-правовых исследованиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 44–50. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2022-3-44-50>.
6. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» : [монография]. Москва : Индрика, 1993. 328 с.
7. Дорская А. А. Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение : монография. Санкт-Петербург : Астерион, 2023. 176 с.
8. Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования : монография. Москва : Юрлитинформ, 2021. 560 с.
9. Разуваев Н. В. Договорные обязательства в римском частном праве: социально-антропологический аспект // Антропология права: постклассическая научно-исследовательская программа : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алетей, 2025. С. 299–347.
10. Кодан С. В. Научная деятельность в сфере юриспруденции: методологические проблемы технологизации и технологий // Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы : монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. Москва : Проспект, 2022. С. 33–61.
11. Нижник Н. С. Год 1917: начало революции в семейно-брачных отношениях // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 25–31.
12. Нижник Н. С. Омnipотенция полицейского государства в оценке российской полицейстики // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 67–86.
13. Честнов И. Л. Историко-правовая наука в поисках исторического синтеза // История государства и права. 2024. № 3. С. 28–35. <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2024-3-28-35>.
14. Ломакина И. Б. Понимание первичных источников права: антрополого-правовой подход // Криминалист. 2020. № 4 (33). С. 37–43.
15. Ломакина И. Б. Когнитивное измерение права: антрополого-правовой подход // Криминалист. 2022. № 1 (38). С. 105–111.
16. Честнов И. Л. Постклассическая юридическая антропология: предметно-методологическая и институциональная проблематизация // Антропология права: постклассическая научно-исследовательская программа : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алетей, 2025. С. 17–27.
17. Ломакина И. Б. Постклассическая социокультурная антропология как ответ на вызов постгуманизма // Антропология права: постклассическая научно-исследовательская программа : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алетей, 2025. С. 142–164.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Научная статья

УДК 349.6

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-50-60>

Функции экологического права: понятие и классификация

Алексей Павлович Анисимов, доктор юридических наук, профессор

Донской государственный технический университет

Ростов-на-Дону (344003, пл. Гагарина, д. 1), Российская Федерация

anisimovap@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>

Аннотация:

Введение. Появление учения о функциях права относится к концу XIX – началу XX в., когда в юридической науке (как в европейской, так и в отечественной) вышло первое исследование по тематике этой категории. Впоследствии в советской юридической литературе наибольший вклад в теорию функций внес Т. Н. Радько, который провел большую работу по исследованию функций социалистического права, создав представление об общих закономерностях и свойствах функций права, проявляющих себя в отраслях и институтах права. Начиная с 80-х гг. прошлого века, наряду с классическими функциями права все чаще упоминается и экологическая функция. Продолжающееся ухудшение состояния окружающей среды требует не только практических природоохранных мер, но и глубокого научного осмысления механизма воздействия функций права на поведение участников экологических отношений.

Методы. Исследование функций экологического права осуществлялось с помощью системы общенаучных и специальных методов познания, отражающих специфику правового регулирования экологических отношений. В работе применялись следующие методы научного познания: диалектический метод; формально-юридический метод; сравнительно-правовой метод; метод системного анализа; историко-правовой метод; метод правового моделирования.

Результаты. Функции экологического права являются фундаментальной категорией, раскрывающей сущность и социальную роль экологического права как отрасли. Регулятивная и охранительная функции, реализуемые через свои подфункции (восстановительную, карательную, прогностическую, превентивную, воспитательную-образовательную, информационную, организационную и др.), обеспечивают всестороннее воздействие права на экологические отношения. Российская правовая доктрина выработала разнообразные подходы к пониманию и классификации функций права, что обогащает теорию экологического права и позволяет глубоко исследовать особенности и закономерности правового регулирования взаимодействия природы и общества. Анализ функций экологического права имеет не только академический интерес, но и практическую ценность, поскольку позволяет выявить сильные и слабые стороны экологического законодательства, наметить ориентиры для его развития.

Ключевые слова:

регулятивная функция, охранительная функция, экологическое право, экологическое образование, ответственность, подфункция

Для цитирования:

Анисимов А. П. Функции экологического права: понятие и классификация // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 50–60. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-50-60>.

Статья поступила в редакцию 07.04.2025;
одобрена после рецензирования 06.06.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Functions of environmental law: concept and classification

Aleksey P. Anisimov, Dr. Sci. (Jurid.), Professor

Don State Technical University
1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation
anisimovap@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>

Abstract:

Introduction. The emergence of the doctrine of functions of law dates back to the end of the XIX – beginning of the XX century, when the first research of this category was published both in European and domestic legal science. Subsequently, in the Soviet legal literature, the greatest contribution to the theory of functions was made by T. N. Radko. He undertook a significant research on the functions of socialist law, created a concept of the general regularities and properties of the functions of law, manifesting themselves in branches and institutes of law. Since the 80s of the last century, along with the classical functions of law, the environmental function is increasingly mentioned. The continuing deterioration of the environment requires not only practical environmental protection measures, but also a deep scientific understanding of the mechanism of the impact of the functions of law on the behaviour of participants in environmental relations.

Methods. The research of the functions of environmental law was carried out using a system of general scientific and special methods of cognition, reflecting the specificity of legal regulation of environmental relations. The following methods of scientific cognition were used in the paper: dialectical method; formal-legal method; comparative-legal method; method of system analysis; historical-legal method; method of legal modelling.

Results. The functions of environmental law are a fundamental category that reveals the essence and social role of environmental law as a branch. Regulatory and protective functions, implemented through their sub-functions (restorative, punitive, prognostic, preventive, educational, informational, organisational, etc.), provide a comprehensive impact of law on environmental relations. Russian legal doctrine has developed various approaches to understanding and classifying the functions of law, which enriches the theory of environmental law and allows to deeply explore the peculiarities and regularities of legal regulation of the interaction between nature and society. The analysis of the functions of environmental law is not only of academic interest, but also of practical value, as it allows to identify the strengths and weaknesses of environmental legislation, to outline guidelines for its development.

Keywords:

regulatory function, protective function, environmental law, environmental education, responsibility, sub-function

For citation:

Anisimov A. P. Functions of environmental law: concept and classification // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 50–60. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-50-60>.

The article was submitted April 7, 2025;
approved after reviewing June 6, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Появление учения о функциях права относится к концу XIX – началу XX вв., когда в юридической науке (как в европейской, так и в отечественной) впервые вышло первое исследование по этой тематике [1]. Впоследствии в советской юридической литературе наибольший вклад в теорию функций внес Т. Н. Радько, который провел большую работу по выявлению функций социалистического права, сформулировав представления об общих закономерностях и свойствах функций права, проявляющих себя в отраслях и институтах права¹.

Начиная с 80-х годов прошлого века, наряду с классическими функциями права все чаще упоминается и экологическая функция [2]. Продолжающееся ухудшение состояния окружающей среды требует не только практических природоохранных мер, но и глубокого научного осмысления того, как право воздействует на экологические отношения. Функции экологического права призваны выражать специфическую роль данной отрасли в системе российского права. Выявление такой роли требует раскрытия понятия функций экологического права как научной категории, предложить доктринальную классификацию таких функций с правовым анализом содержания каждой из них, а также рассмотреть новые современные подходы к их пониманию.

¹ Радько Т. Н. Основные функции социалистического права : учебное пособие. Волгоград, 1970. 142 с.

Методы

Исследование функций экологического права осуществлялось с помощью системы общенаучных и специальных методов познания, отражающих специфику правового регулирования экологических отношений. В работе применялись следующие методологические подходы: диалектический метод (позволил рассмотреть функции экологического права в развитии, выявить их взаимосвязи и противоречия, определить тенденции их эволюции в условиях изменяющегося законодательства и экологических вызовов); формально-юридический метод (использован для анализа норм экологического права, их систематизации и толкования для выявления их регулятивных и охранительных функций); сравнительно-правовой метод (использовался для сопоставления российских и зарубежных экологических норм, что позволило выявить особенности реализации функций экологического права в российской правовой системе); метод системного анализа (предоставил возможность рассмотреть экологическое право как целостную систему, где функции взаимодействуют между собой и с другими элементами правового регулирования); историко-правовой метод (использовался для понимания генезиса функций экологического права и их трансформации); метод правового моделирования (применялся для прогнозирования развития функций экологического права в условиях цифровизации и глобализации).

Комплексное применение указанных методов позволило обеспечить достоверность и научную обоснованность выводов, а также предложить пути совершенствования механизма реализации функций экологического права в России.

Результаты

В общем теоретическом понимании функция права – это основное направление правового воздействия на общественные отношения, обусловленное социальным назначением права и присущими ему свойствами. Иными словами, в функциях права аккумулируются ключевые черты и роль права в жизни общества. Именно в функциях проявляются наиболее существенные и главные черты права, посредством функций решаются основные задачи, которые ставятся перед отраслями права России на каждом историческом этапе их развития [3, с. 27]. Экологическое право, как самостоятельная отрасль права, обладает своими особенностями предмета и метода правового регулирования, что предопределяет своеобразие его функций. Функции экологического права отражают общие закономерности развития данной отрасли и свойства, присущие только ей, что проявляется в эколого-правовых нормах и институтах. По сути, функции экологического права могут быть определены как специфически направленное воздействие правовых норм на решение экологических проблем современности, обеспеченное в случае необходимости принудительной силой государства.

Следует отличать функции экологического права от родственных эколого-правовых категорий – целей, задач, принципов. Если цель экологического права состоит в обеспечении благоприятного состояния окружающей среды и экологической безопасности, то функции являются средствами достижения этой цели. В свою очередь основное отличие задач от функций в том, что задачи будут внешними по отношению к праву явлениями, выступая ориентирами правового регулирования и определяя направления воздействия права на общественные отношения [4, с. 74]. Принципы права – это его основные идеи, которые являются ядром отрасли права, тогда как функции – это основные направления правового воздействия на поведение участников общественных (экологических) отношений. Именно через функции проявляется социальное значение экологического права, что позволяет увидеть, каким образом нормы экологического права влияют на поведение субъектов и оценить эффективность такого воздействия.

В правовой доктрине вопросы функций экологического права исследуются с учетом как общетеоретических положений, так и специфики экологических отношений. Большинство ученых исходят из того, что экологическому праву присущи как общеправовые функции (регулятивная и охранительная), наполняемые отраслевым содержанием, так и особые функции, вытекающие из экологического назначения права [5]. Некоторые исследователи упоминают экологическую функцию как самостоятельное направление – под ней понимается целевое воздействие правовых норм на обеспечение благоприятного состояния окружающей среды и экологической безопасности. Например, отмечается, что экологическая функция направлена на поддержание

качества окружающей среды средствами права в современных условиях развития государства и общества [6]. Этот подход акцентирует внимание на особой миссии экологического права, отличной от других отраслей права – служить гармонизации отношений человека с природой.

Идет научная дискуссия и о классификации функций права, в т. ч. экологического. Наиболее убедительна классификация, включающая восстановительную, воспитательную, организационную, образовательную функции как отражение ключевых направлений эколого-правового регулирования [7, с. 215]. Некоторые исследователи объединяют воспитательную и образовательную функции в одну идеологическую (культурно-просветительскую) функцию, подчеркивая единство воздействия права на сознание людей [8]. Другие ученые доказывают необходимость разграничения информационной функции (обеспечения субъектов информацией) и функции правового воспитания граждан [9].

Эти разногласия носят во многом терминологический характер: все сходятся в том, что российское право выполняет комплекс перечисленных функций, хотя границы между ними могут трактоваться по-разному. Примечательно, что ряд авторов рассматривают функции экологического права во взаимосвязи с экологической функцией государства [10]. Действительно, государство как носитель публичной власти реализует свою экологическую функцию через управление природными ресурсами в интересах общества, предупреждая их истощение, через охрану окружающей среды от деградации и защиту экологических прав граждан.

Нормы права являются основным инструментом такой деятельности, поэтому функции экологического права фактически служат юридическим воплощением экологической функции государства. Поэтому, говоря о функциях экологического права как отрасли, вполне обоснованно подчеркивать и роль государства: только через эффективное правотворчество и правоприменение государство выполняет свою обязанность по обеспечению рационального природопользования и охране окружающей среды. Такой научный подход фокусируется на институциональных механизмах: оптимизация функций экологического права рассматривается как путь к более успешной реализации экологической политики государства. Поэтому в эколого-правовой доктрине обсуждается появление «зеленых функций» у налогового и иных отраслей права [11]. Для этой дискуссии есть все основания: под влиянием сложного состояния экологической обстановки объективно возрастает роль межотраслевого регулирования, требующего законодательного закрепления новых эффективных мер по охране окружающей среды. Особое значение тут приобретает воспитательно-образовательная функция, особенно в контексте формирования эколого-ориентированного общественного сознания.

Одновременно в науке сохраняется понимание того, что базовые функции остаются неизменными, а регулятивно-охранительные начала являются фундаментом теории функций. Современные научные работы призывают к комплексному исследованию функций экологического права, учитывающему реальные проблемы и вызовы времени. Только межотраслевой подход позволит эколого-правовой доктрине предложить рекомендации для развития экологического права.

Таким образом, как и любая иная отрасль права, экологическое право включает общеправовые функции, присущие праву в целом, но их подфункции отражают уникальные особенности экологических отношений. В эколого-правовой науке выделяются две основные общеправовые функции – регулятивная и охранительная – которые позволяют обеспечить качество окружающей среды правовыми средствами. Обе эти общеправовые функции включают в себя ряд подфункций, взаимодействие которых позволяет обеспечивать комплексное воздействие экологического права на природоохранные общественные отношения.

Регулятивная функция. Регулятивная функция выражается в упорядочении экологически значимых общественных отношений посредством установления юридических правил поведения. Экологическое право, как отрасль права, формирует модель поведения людей в сфере их взаимодействия с окружающей средой.

Посредством регулятивной функции экологического права устанавливаются *права и обязанности* субъектов экологических правоотношений, например, критерии рационального природопользования, нормативы предельно допустимого воздействия на окружающую среду, требования получения лицензий на осуществление деятельности, опасной для состояния окружающей среды, и т. д.

Регулятивное воздействие проявляется и в нормах, регулирующих использование природных ресурсов (земли, воды, лесов и др.), распоряжение и владение ими, а также в нормах об экологическом мониторинге, оценке воздействия на окружающую среду и экологической экспертизе. Данная функция должна обеспечить эффективное управление природопользо-

ванием и сбалансированное удовлетворение экономических потребностей общества при сохранении экосистем.

Значение регулятивной функции состоит в профилактике экологического вреда через четкое определение дозволенного и запретного поведения. Нарушение таких дозволений и запретов влечет возникновение охранительных правоотношений и реализацию охранительной функции экологического права. Важно отметить, что регулирующее воздействие экологического права проявляется как в его способности фиксировать достигнутый уровень развития социальных взаимосвязей в экологической сфере (посредством закрепления эколого-правового статуса граждан, принципов охраны окружающей среды и др.), так и в его нацеленности на дальнейшее развитие экологических отношений (с помощью создания системы технического регулирования в сфере охраны окружающей среды, внедрения показателей наилучших доступных технологий и др.) [12]. Необходимо различать регулятивную статическую и динамическую функции. Регулятивная статическая функция не требует совершения активных действий, более того, часто содержит ограничения (запреты) на определенное поведение (например, запрет на захламливание земельного участка). В свою очередь регулятивная динамическая функция права предполагает совершение активных действий (например, подачу документов для проведения экологической экспертизы).

В рамках регулятивной функции можно выделить несколько структурных подразделений (подфункций), направленных на охрану окружающей среды.

Воспитательная и образовательная функция. Экологическое право выполняет важную воспитательно-просветительскую роль в обществе. Это обстоятельство обуславливает вопрос о том, является ли данная функция общесоциальной, либо же это подфункция регулятивной функции права. В отличие от многих других видов воспитания и образования, применительно к его экологической разновидности позиция государства предельно четкая: данный вид деятельности рассматривается как имеющий большое общегосударственное значение и регулируется правовыми нормами, причем как ст. 71 Федерального закона от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды»², так и актами субъектов Российской Федерации (например, Законом Кемеровской области – Кузбасса от 24 декабря 2019 г. № 165-ОЗ «Об экологическом образовании и формировании экологической культуры»³).

Воспитательная функция проявляется в формировании у населения экологического сознания, бережного отношения к природе через воздействие норм права на ценностные установки людей. Нормы экологического права, устанавливая требования и ограничения, влияют не только через страх санкций, но и напрямую обращаются к сознанию граждан, формируя у них чувство ответственности за окружающую среду. Например, закрепляя обязанность рационального использования природных ресурсов, право тем самым воспитывает у субъектов понимание ценности природных благ. Образовательная функция тесно связана с воспитательной и направлена на распространение экологических знаний, развитие компетенций, необходимых для охраны окружающей среды. В законодательстве специально закреплена задача экологического образования и просвещения [13].

Государство обязано обеспечить условия для экологического образования, подготовки кадров и информирования населения. Через образовательную функцию экологическое право опосредует включение экологических тем в систему образования, поддержку экологической просветительской работы, проведение тематических кампаний (дни экологических знаний, акции по уборке территорий и др.). В результате совместного воздействия воспитательной и образовательной функций происходит повышение экологической культуры граждан. Без экологически грамотного и сознательного населения достижение целей природоохранного законодательства затруднительно. Поэтому воспитательно-образовательная функция – это долгосрочная основа эффективного применения норм экологического права, обеспечивающая поддержку экологической политики обществом.

Информационная функция. Данная функция заключается в обеспечении сбора, систематизации и доступности экологически значимой информации, необходимой для реализации права на благоприятную среду и участия общества в природоохранной деятельности. В России конституционное право каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (ст. 42

² Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2002. № 2. Ст. 133.

³ Об экологическом образовании и формировании экологической культуры : Закон Кемеровской области – Кузбасса от 24 декабря 2019 г. № 165-ОЗ (ред. от 24.06.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4200201912270012?rangeSize=1&index=1> (дата обращения: 14.02.2025).

Конституции Российской Федерации⁴) получило развитие в отраслевом законодательстве. Право граждан на экологическую информацию обеспечивается с помощью экологического мониторинга, учета и контроля, предусмотренных законом. Другими словами, реализация информационной функции происходит посредством закрепления обязанностей государства и хозяйствующих субъектов по наблюдению за состоянием окружающей среды, ведению государственных кадастров (реестров) природных ресурсов, публикации экологических докладов, информировании населения об экологических угрозах. В качестве примера можно привести создание и ведение Единой государственной системы экологического мониторинга, регулярное опубликование сведений о качестве воздуха, почвы и воды, регулярное проведение оценки воздействия на окружающую среду и экологической экспертизы, в рамках которых собирается и анализируется информация о предполагаемом негативном воздействии хозяйственной деятельности на природу. Значение этой подфункции в том, что она обеспечивает прозрачность экологически значимых решений. Получая полную и достоверную информацию, общество может эффективно участвовать в экологическом контроле, а органы власти – принимать обоснованные решения. Кроме того, информационная функция подкрепляет воспитательную: информированный гражданин более восприимчив к экологическим ценностям.

По мере развития цифровых технологий данная функция будет меняться.

Влияние цифровизации будет проявляться следующим образом: в рамках контрольно-надзорной деятельности (внедрение цифровых технологий повысит эффективность государственного экологического контроля (надзора), а автоматический мониторинг и сбор данных помогут оперативнее выявлять экологические правонарушения и предотвращать ущерб окружающей среде); улучшится эффективность превентивной функции права (в частности, посредством системы прогнозирования экологических рисков с помощью искусственного интеллекта повысится эффективность предотвращения негативного воздействия человека на природу); цифровые платформы позволяют оперативно информировать население и организации о потенциальных экологических угрозах и способах их предотвращения. Цифровизация окажет воздействие и на ряд других подфункций экологического права (например, воспитательную и образовательную) в результате повышения доступности в России экологической информации через цифровые ресурсы (порталы открытых данных, мобильные приложения), что делает население более осведомленным и вовлеченным в природоохранную деятельность. В свою очередь онлайн-обучение, а также новые цифровые эколого-просветительские платформы повысят уровень экологического сознания и культуры [14].

Отдельно следует отметить влияние цифровизации на реализацию правоохранительной функции государства и права России. Например, сбор с помощью цифровых технологий доказательств (с помощью видеонаблюдения, спутниковых снимков и датчиков) упростит привлечение нарушителей к ответственности, а использование блокчейн-технологий обеспечит неизменность и прозрачность данных о нарушениях, упростив судебную практику по экологическим делам. Таким образом, цифровизация усилит эффективность и качество выполнения экологическим правом своих функций, сделает регулирование более прозрачным, оперативным и ориентированным на предупреждение экологического вреда.

Организационная функция. Данная функция экологического права выражается в установлении порядка осуществления экологической деятельности и взаимодействия субъектов в сфере охраны природы. Правовые нормы, реализуя эту функцию, определяют систему органов и процедур управления природоохранной сферой. В рамках экологического права сформировались институты экологического управления: распределены полномочия между государственными органами (федеральными, региональными) и муниципальными в сфере охраны окружающей среды, определены административные режимы (особо охраняемых природных территорий, зон с особыми условиями использования территории). Например, нормативно закреплены полномочия таких органов исполнительной власти, как Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации, Роспотребнадзор и др., их компетенция в области контроля (надзора), мониторинга, нормирования, лицензирования и т. д. Организационная функция упорядочивает совместные действия различных субъектов экологических правоотношений (государственных органов, хозяйствующих субъектов, общественных экологических объединений) при реализации экологических мероприятий. Без четкой организационной структуры и процедур (например, проведения общественных слушаний) эффективное природоохранное управление невозможно. Это означает, что организационная функция обеспечи-

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 14.02.2025).

вает институциональные рамки функционирования всего механизма экологического права. Ее значение проявляется в повышении согласованности и оперативности правоприменения, когда обязанности и взаимодействие всех субъектов экологических правоотношений четко определены, а экологическое законодательство претворяется в жизнь более быстро и эффективно.

Прогностическая функция экологического права заключается в прогнозировании развития взаимодействия общества и природы, выявлении закономерностей (трендов) развития и проблем в природоохранных отношениях, которые могут возникнуть в будущем, и которые должны быть урегулированы правовыми нормами. Юридическое прогнозирование является важнейшим элементом правового регулирования, помогающим предвидеть будущее развитие правовых отношений, последствия реализации норм права, влияние принимаемых правовых актов на жизнь и деятельность людей⁵. Исследователи рассматривают юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы, выделяют уровни и этапы законодательного прогнозирования [15, с.32].

Наиболее ярким примером прогностической функции для экологического права является институт экологической экспертизы, суть которого заключается в оценке будущего негативного воздействия экологически опасной деятельности на состояние окружающей среды и здоровье граждан. Другим примером является осуществление территориального планирования, предусмотренного Градостроительным кодексом Российской Федерации⁶, в рамках которого определяется стратегия пространственного развития Российской Федерации в целом, ее субъектов и муниципалитетов (в т. ч. места размещения опасных производственных объектов) [16]. Третий пример – принятие высшими органами власти Российской Федерации экологических стратегий и концепций, где прогнозируются виды и объемы негативного воздействия деятельности человека на состояние окружающей среды и меры смягчения (противодействия) этому. В качестве примера можно привести национальный проект «Экологическое благополучие»⁷, реализация которого начата 1 января 2025 г. Он включает в себя разделы, посвященные охране вод, лесов, животного мира и т. д.

Охранительная функция. Данная функция экологического права направлена на охрану природы и защиту всех экологических благ от противоправных посягательств. Она выражается в установлении правовой ответственности за нарушение юридических запретов и ограничений посредством наложения санкций, обеспечивающих сохранение природы и восстановление нарушенных экосистем. Эта функция имеет четкое конституционное обоснование: ст. 42 Основного Закона России провозглашает право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением. Данное конституционное право отражает сущность охранительной функции – создать гарантии по экологической безопасности человека и общества. В отраслевом законодательстве охранительную функцию конкретизируют нормы об административной, уголовной и гражданско-правовой ответственности за экологические правонарушения.

Так, Федеральный закон «Об охране окружающей среды»⁸ устанавливает обязанность возмещения вреда, причиненного природе, а также жизни, здоровью и имуществу граждан (ст. 77–79). Охранительная функция реализуется посредством деятельности контрольно-надзорных органов (например, Росприроднадзора), призванных пресекать нарушения экологических требований. Значение этой функции состоит в том, что она обеспечивает реальную защиту экологических интересов: с ее помощью право выступает гарантом обеспечения охраны от разрушительного воздействия деятельности человека на окружающую среду, сдерживает потенциальных правонарушителей, защищает права граждан на благоприятную среду обитания. В итоге охранительная функция служит достижению главной цели – сохранению природных основ жизни общества.

В свою очередь в рамках охранительной функции можно выделить несколько подфункций, конкретизирующих ее содержание. В научной литературе отмечается, что охранительная функция права включает в себя следующие подфункции: карательную, превентивную, кон-

⁵ Тихомиров Ю. А. Юридическое прогнозирование : научно-практическое пособие. Москва : [Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации], 2018. 168 с.

⁶ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 16.

⁷ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

⁸ СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

трольно-надзорную, восстановительную [17, с. 30]. Рассмотрим эти подфункции экологического права подробнее.

Восстановительная подфункция. Данная подфункция направлена на оздоровление и воспроизводство окружающей среды, компенсацию экологического ущерба. Она заключается в том, что правовые нормы требуют восстановления нарушенных экосистем и улучшения качества окружающей среды. Специальные экологические предписания обеспечивают уменьшение неблагоприятного воздействия промышленной и иной хозяйственной деятельности человека на природу. Проявления восстановительной функции можно увидеть в нормах об обязательной рекультивации земель после добычи полезных ископаемых, о проведении компенсационного озеленения при вырубке лесов, об очистке водных объектов, загрязненных промышленными сбросами и т. д. Также эта подфункция реализуется через механизм возмещения вреда, причиненного окружающей среде.

Наряду с этим взимание платы за негативное воздействие на окружающую среду с предприятий-загрязнителей и иных субъектов (принцип «загрязнитель платит») также направлено на финансирование мероприятий по восстановлению экосистем. В современную эпоху глобальных экологических проблем значение восстановительной функции резко возрастает. На фоне колоссального загрязнения пластиком, выбросов парниковых газов, истощения ресурсов право должно не только охранять, но и активно восстанавливать окружающую среду. Поэтому реализация данной подфункции во многом определит перспективы решения проблемы накопленного экологического вреда и обеспечения устойчивого развития Российской Федерации, перехода страны на стандарты «зеленой» экономики.

Превентивная подфункция экологического права направлена на предотвращение экологических правонарушений. Превентивная функция – это способность права предупреждать правонарушения до их совершения, воздействуя на поведение субъектов превентивно, т. е. до наступления вредных последствий. Это может быть выражено через запреты, требования, ограничения, механизмы контроля, ответственность и воспитательное воздействие. Типичным примером проявления данной подфункции является просветительская работа с населением, разъяснение мер юридической ответственности за экологические правонарушения. В эту же подфункцию входит экологическое страхование, создающие стимулы для соблюдения экологических требований, а также предусмотренные ст. 56 Федерального закона «Об охране окружающей среды»⁹ меры по ограничению и приостановлению экологически опасной деятельности, осуществляемой с нарушением требований экологического законодательства. Сюда же следует отнести и ст. 1065 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой опасность причинения вреда в будущем может явиться основанием к иску о запрещении деятельности, создающей такую опасность¹⁰. Если причиненный вред является последствием эксплуатации предприятия, сооружения либо иной производственной деятельности, которая продолжает причинять вред или угрожает новым вредом, суд вправе обязать ответчика, помимо возмещения вреда, приостановить (прекратить) эту деятельность.

Необходимо различать прогностическую и превентивную функции экологического права, которые имеют сходные черты и взаимно дополняют друг друга.

Прогностическая функция помогает заранее понять, какие в будущем возникнут угрозы экологической безопасности, и какие надо принять меры для их предотвращения. В рамках **превентивной функции** прямо сейчас реализуются меры по профилактике экологических правонарушений, т. е. когда угрозы экологической безопасности стали реальностью и их надо немедленно пресекать.

Под **карательной подфункцией** понимается реакция государства на экологические правонарушения, выражающаяся в назначении и применении санкций к нарушителям с целью наказания за уже совершенное правонарушение. За экологические правонарушения предусматривается административная, уголовная и гражданско-правовая ответственность. Можно выделить еще и дисциплинарную ответственность, хотя применительно к экологическому праву у нее не просматривается особой специфики – действуют общие правила Трудового кодекса Российской Федерации¹¹.

⁹ СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

¹¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

Цель карательной функции в экологическом праве состоит в том, чтобы наказать виновного; восстановить справедливость; обеспечить неотвратимость наказания и этим способствовать предотвращению новых правонарушений (в чем проявляется взаимосвязь с превентивной функцией экологического права).

Контрольно-надзорная подфункция экологического права обеспечивает проверку соблюдения эколого-правовых норм и механизмов их реализации, а также выявление и пресечение правонарушений. Она выражается в деятельности специальных органов, уполномоченных следить за исполнением предписаний закона. Специфика контрольно-надзорной функции в экологическом праве состоит, во-первых, в наличии ряда особенностей у объектов экологического контроля (надзора). Это не только предприятия и организации, но и природные объекты: леса, водоемы, воздух, животный мир, охраняемые территории. Не всегда легко выявить правонарушение, поскольку выбросы могут быть скрыты, ущерб – отсрочен, а его последствия – долгосрочны. Часто нужны лабораторные анализы, замеры, экспертизы – без этого невозможно доказать факт нарушения. Во-вторых, существует многоуровневая система экологического контроля, включающая как федеральные, так и региональные органы (некоторые функции предусмотрены и на местном уровне). В-третьих, проверки бывают плановыми и внеплановыми, и могут включать дистанционный мониторинг состояния окружающей среды (например, аэрофотосъемка, спутниковый контроль вырубок, получение информации от автоматических датчиков загрязнения воздуха и воды). Надзорные органы не только фиксируют нарушения, но и выдают предписания об устранении загрязнений, направляют материалы в суд (например, о взыскании ущерба, причиненного вследствие незаконной рубки леса или аварийного сброса). Новые технологии активно используются при контроле и в ряде зарубежных стран [18].

В рамках настоящего исследования следует отдельно сказать о значении рассмотрения функций экологического права, поскольку данный вопрос носит не только чисто теоретический характер. Изучение функций права имеет прямую практическую пользу для совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Остановимся далее на этом аспекте более подробно.

Наука экологического права. Теоретический анализ функций права позволяет глубже понять природу и социальное назначение экологического права. Через категорию функций наука оценивает, насколько эффективно право выполняет возложенные на него экологические задачи, и выявляет возможные пробелы.

Исследование функциональных особенностей отрасли стимулирует разработку новых научных подходов, понятийного аппарата, методологии экологического права. Кроме того, сопоставление декларируемых функций с реальными результатами их реализации дает критический материал для научной дискуссии.

Представляется, что изучение функций экологического права в контексте актуальных проблем современности необходимо для выработки адекватных рекомендаций и направлений развития этой отрасли. В конечном счете такая работа обогащает теорию права, укрепляет экологическое право как самостоятельную отрасль науки, обеспечивает доктринальную поддержку правовой реформы.

Правотворчество. Понимание функций любой отрасли напрямую способствует улучшению законодательства и нормотворческой деятельности государственных органов. Зная, какие именно функции (например, карательная или восстановительная) слабо реализованы на практике, законодатель может целенаправленно вносить изменения в правовые нормы. Так, осознание важности воспитательной функции ведет к включению в федеральные законы норм об экологическом образовании, улучшении экологической информированности, важности участия граждан в принятии экологически значимых решений. Анализ функций дает возможность оценить, соответствует ли текущая правовая политика заявленным целям. Так, если нормативные акты преимущественно регулируют использование природных ресурсов, но слабо обеспечивают их охрану, значит, требуется усиление природоохранного компонента. Теоретические выводы о функциях становятся ориентирами при разработке новых законов – они помогают сделать так, чтобы нормы права не противоречили своему социальному назначению.

В итоге грамотное использование знаний о функциях права повышает качество правотворчества: законы становятся более цельными, эффективными и внутренне согласованными по отношению к задачам охраны окружающей среды.

Правоприменительная практика. Органам, применяющим экологическое законодательство (судам, исполнительной власти), учет функций права позволяет более результативно ре-

ализовывать нормы права. Понимая, что за каждой задачей стоит определенная функция (например, формирование эколого-правовой культуры в рамках воспитательно-образовательной функции), правоприменитель может выбирать оптимальный способ действий. В частности, органы экологического контроля, учитывая информационную функцию, должны стремиться к гласности своей деятельности, налаживанию обмена данными с населением.

Кроме того, знание функций помогает расставить приоритеты: в ситуации ограниченных кадровых ресурсов контролирующие органы могут сконцентрироваться на тех мерах, которые дают наибольший эффект для реализации ключевых функций (например, на предотвращении экологического вреда, что соответствует превентивному аспекту охранительной функции). В более общем плане степень реализации функций экологического права служит индикатором эффективности всей системы правоприменения. Если наблюдается систематическое невыполнение, например, восстановительной функции (окружающая среда продолжает деградировать), то это является сигналом о необходимости реформ – усиления контроля и ужесточения санкций. Таким образом, для практикующих юристов и должностных лиц функциональный анализ обеспечивает стратегическое видение применения норм экологического права, ориентированное на конечный результат – улучшение экологической обстановки и защиту экологических ресурсов.

Функции экологического права являются фундаментальной научной категорией, раскрывающей сущность и социальную роль данной отрасли. Не возражая в целом против разграничения общесоциальных и специальных (юридических) функций, замечу, что общесоциальные функции в сфере охраны природы четко регламентированы законодательством, а потому не могут рассматриваться как самостоятельные. Нет оснований выделять отдельную «экологическую функцию» – это, скорее, общее название направлений воздействия на экологические общественные отношения регулятивной и охранительной функции права и их подфункций (восстановительной, карательной, прогностической, превентивной, воспитательно-образовательной, информационной, организационной и др.). Именно они и обеспечивают всестороннее воздействие права на экологические отношения. Правовая доктрина накопила разнообразные подходы к пониманию и классификации функций права, что следует и далее использовать в теории экологического права для отражения сложности его предмета регулирования. Исследование функций экологического права показывает их взаимное воздействие и проникновение (образно говоря, они пересекаются и накладываются друг на друга, как олимпийские кольца), что наглядно видно на примере цифровизации охраны окружающей среды и профилактики экологических правонарушений.

Анализ функций экологического права имеет не только академический интерес, но и практическую ценность, поскольку позволяет выявить сильные и слабые стороны экологического законодательства, показать ориентиры для его дальнейшего развития и повысить эффективность правоприменения. В условиях нарастания экологических вызовов исследование функциональных основ экологического права является важным вкладом в развитие эколого-правовой науки и улучшение экологической ситуации в стране. Только четко осознавая, какие задачи должна выполнять российская правовая система в сфере экологии, можно выстроить действенную стратегию охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности в интересах нынешнего и будущих поколений.

Список источников

1. Киндяшова А. С. Анализ использования в советской юридической науке категории «функции права» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 9 (72). С. 90–92.
2. Петров В. В. Экологическая функция права // Советское государство и право. 1982. № 5. С. 86–94.
3. Радько Т. Н. Понятие и признаки функций права // Вестник Академии права и управления. 2016. № 3. С. 22–30.
4. Абрамов А. И. Понятие функции права // Журнал российского права. 2006. № 2 (110). С. 71–83.
5. Мурзабекова Ж. Т. Теоретические аспекты функций экологического права // Научный альманах. 2016. № 1-4 (15). С. 43–46. <https://doi.org/10.17117/na.2016.01.04.043>.
6. Куватова А. А. Понятие и сущность экологической функции российского права // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2015. № 20-2. С. 155–159.
7. Ведяшкин С. В. Функции экологического права России / Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей / под ред. Б. Л. Хаскельберга. Томск : Издательство Томского университета, 2001. С. 214–217.

8. Радько Т. Н. Об идеологической функции права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 72–78.
9. Рыженков А. Я. Функции гражданского права: вопросы теории // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 4. С. 44–49.
10. Габитов Р. Х. Теоретико-методологические аспекты функций экологического права // Евразийский юридический журнал. 2015. № 2 (81). С. 99–101.
11. Ялбулганов А. А. «Зеленая» функция налогового права // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 7. С. 116–129. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.107.7.116-129>.
12. Хлуденева Н. И. Регулятивная функция экологического права: проблемы реализации // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 142–151. <https://doi.org/10.12737/22732>.
13. Виноградова Е. В. Конституционные приоритеты экологического образования и воспитания экологической культуры – инвестиции в будущее России // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 3. С. 199–206. <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2022-3-199-206>.
14. Рыженков А. Я. Организационно-правовые и этические аспекты использования искусственного интеллекта в образовательной деятельности на юридических факультетах в России // Правовой порядок и правовые ценности. 2025. Т. 3, № 1. С. 9–18. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-1-9-18>.
15. Агамиров К. В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы // Журнал российского права. 2018. № 8 (260). С. 25–36. https://doi.org/10.12737/art_2018_8_3/
16. Рыженков А. Я. Принципы градостроительного права : монография. Москва : Юрлитинформ, 2019. 174 с.
17. Лапушина О. С. Основные подфункции охранительной функции права // Бизнес в законе. 2010. № 4. С. 30–33.
18. Yang Y., Liang O. Digital economy, environmental regulation and green eco-efficiency – Empirical evidence from 285 cities in China // Frontiers in Environmental Science. 2023. Vol. 11. P. 1113293. <https://doi.org/10.3389/fenvs.2023.1113293>.

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-61-71>

К вопросу о презумпции невиновности в российском публичном праве: взгляд конституционалиста

Павел Александрович Астафичев, доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация

pavel-astafichev@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6801-9822>

Аннотация:

Введение. Статья посвящена исследованию проблемы конституционно-правового содержания презумпции невиновности в доктринальном, законодательном и правоприменительном аспектах. На основе анализа практики Конституционного Суда Российской Федерации автор приходит к ряду выводов и обобщений, касающихся реализации конституционного принципа презумпции невиновности в российском публичном праве. Презумпция невиновности не имеет ничего общего со стремлением законодателя к освобождению действительно виновных лиц от юридической ответственности. При надлежащей доказанности вины лицо не избежит наказания, даже если оно откажется свидетельствовать против самого себя и свою вину не признает. Но вина должна быть доказана в надлежащей правовой процедуре: пользование ненадлежащими доказательствами, предвзятое отношение к обвиняемому в связи с его молчанием (уклонением от ответа на вопрос о признании вины) или отрицанием вины – обстоятельства, от которых непосредственно защищает ст. 49 Конституции Российской Федерации. Трактовка конституционно гарантируемой презумпции невиновности в противоположном смысле представляла бы дефект правосознания, нуждающийся в преодолении.

Методы. В работе применялся комплекс методов, которые выработаны и апробированы конституционно-правовой наукой, историей государства и права. Особенно активно использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический подход, метод сравнительного правоведения.

Результаты. Автор доказывает, что основное содержание (ядро) презумпции невиновности заключается в трех его фундаментальных компонентах: справедливом распределении бремени доказывания; установлении виновности компетентной инстанцией и на соответствующей стадии правоприменительного процесса; соблюдением надлежащей правовой процедуры при доказывании фактов и установлении юридически значимых обстоятельств. При исследовании конституционно-правового содержания презумпции невиновности актуализируется вопрос о соответствии естественному праву и здравому смыслу конкретных составов уголовных правонарушений, реально складывающейся практике уголовного преследования, защиты обвиняемых и уголовного наказания.

Ключевые слова:

конституционализм, права человека, презумпция невиновности, надлежащая правовая процедура, привилегия против самоизобличения, бремя доказывания, правосудие, прокуратура, следствие, полиция

Для цитирования:

Астафичев П. А. К вопросу о презумпции невиновности в российском публичном праве: взгляд конституционалиста // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 61–71. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-61-71>.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025;
одобрена после рецензирования 26.05.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

To the question of presumption of innocence in Russian public law: a constitutionalist's perspective

Pavel A. Astafichev, Dr. Sci. (Jurid.), Professor

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

pavel-astafichev@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6801-9822>

© Астафичев П. А., 2025

Abstract:

Introduction. The article focuses on examining the problem of constitutional and legal content of the presumption of innocence in doctrinal, legislative and law enforcement aspects. On the basis of the analysis of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation the author makes a few conclusions and generalisations concerning the implementation of the constitutional principle of presumption of innocence in the Russian public law. The presumption of innocence has nothing in common with the legislator's desire to exempt really guilty persons from legal liability. If the guilt is properly proved, a person cannot avoid punishment even if refusing to testify against him/herself and does not plead guilty. But the guilt must be proved in a proper legal procedure: the use of improper evidence, prejudice due to a defendant's keeping silent (avoiding answering the question about confessing guilt) or denial of guilt – these are the circumstances that Article 49 of the Constitution of the Russian Federation directly protects against. Interpretation of the constitutionally guaranteed presumption of innocence in the opposite regard would represent a defect in legal consciousness to be overcome.

Methods. The author applied a set of methods developed and tested by constitutional and legal science, history of the state and law. The methods of analysis and synthesis, induction and deduction, dialectical approach, method of comparative jurisprudence were particularly involved.

Results. The author proves that the main content (core) of the presumption of innocence lies in its three fundamental components: fair distribution of the burden of proof; establishment of guilt by a competent authority and at the appropriate stage of the law enforcement process; respect for proper legal procedure in proving facts and identifying legally relevant circumstances. When analysing the constitutional and legal content of the presumption of innocence, the issue of compliance of the actual practice of criminal prosecution, defence of the accused and criminal punishment with the natural law and common sense of specific corpus delicti of criminal offences is actualised.

Keywords:

constitutionalism, human rights, presumption of innocence, proper legal procedure, privilege against self-incrimination, burden of proof, justice, prosecution, investigation, police

For citation:

Astafichev P. A. To the question of presumption of innocence in Russian public law: a constitutionalist's perspective // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 2 (106). P. 61–71. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-61-71>.

The article was submitted March 31, 2025;
approved after reviewing May 26, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Согласно ст. 49 Конституции Российской Федерации¹, «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана» в предусмотренном законом порядке и «установлена вступившим в законную силу приговором суда»; «обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность»; «неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого» [1, с. 67]. В развитие этих нормативных положений принята и действует ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – УПК РФ), согласно которой «обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана» в предусмотренном УПК РФ порядке (конкретизация ст. 49 Конституции Российской Федерации, какой именно закон имеется в виду); «бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения»; «все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены» в порядке, установленном УПК РФ, «толкуются в пользу обвиняемого»; «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях».

Исходя из буквального смысла ст. 49 Конституции Российской Федерации, речь идет о преступлениях и гарантиях прав подозреваемых или обвиняемых в совершении уголовно наказуемых деяний [2, с. 51]. Однако законодательство и правоприменительная практика расширяют действие презумпции невиновности, в частности, до уровня административно-деликтных правоотношений, о чем свидетельствуют нормативное содержание ст. 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях³ (далее – КоАП РФ), практика Конституционного Суда Российской Федерации⁴; до сферы применения мер налоговой ответственности

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 14.02.2024).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

⁴ Например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 октября 2024 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части 1 статьи 24.5, части 5 статьи 28.2, пункта 4 части 1 статьи 29.4 и частей 1 и 2 статьи 29.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина В. В. Кашина» // СЗ РФ. 2024. № 42. Ст. 6296; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // СЗ РФ. 2017. № 9. Ст. 1422 и др.

(ч. 6 ст. 108 Налогового кодекса Российской Федерации⁵). Эти и ряд иных обстоятельств свидетельствуют, что презумпция невиновности признана действующим российским правом как конституционный и межотраслевой принцип публичного права [3, с. 41], распространяющий свое действие, главным образом, на уголовные, административные и налоговые отношения [4, с. 109], включая их материально-правовое и особенно процессуальное регулирование [5, с. 149].

Методы

В работе применялся комплекс методов, которые выработаны и апробированы конституционно-правовой наукой, историей государства и права. Особенно активно использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический подход, метод сравнительного правоведения.

Результаты

1. Историко-правовые предпосылки конституционного и международно-правового регулирования презумпции невиновности

Зарождение презумпции невиновности в историко-правовой ретроспективе [6, с. 87] принято связывать с Дигестами Юстиниана (22.3.2), в которых было установлено общее правило доказывания *“ei incumbit probatio qui dicit, non qui negat”* (доказывает тот, кто утверждает, а не тот, кто отрицает). В толковании данной латинской максимы следует учитывать содержание слов *“probatio”* (доказательства), *“dicit”* (говорить, утверждать), *“negat”* (отрицать). В приложении к публично-деликтному праву это основывается на презумпции, что подозреваемый или обвиняемый склонен при прочих равных условиях скорее отрицать, чем признавать свою вину. Если вина отрицается, бремя доказывания (*“probatio”*) возлагается на лицо, которое в судебном процессе осуществляет функцию обвинения (*“dicit”*). Отрицание в доказывании не нуждается (*“negat”*).

Непосредственную формулировку презумпции невиновности историко-правовая наука связывает с профессиональной деятельностью английского юриста Уильяма Гарроу (William Garrow), который в адвокатской речи в 1791 году в процессе в Old Bailey (Central Criminal Court of England and Wales) произнес фразу *“presumed innocent until proven guilty”* (обвиняемый предполагается невиновным, пока не будет доказана его вина). Из этого следует англоязычное происхождение современной юридической категории «презумпция невиновности» (*“presumption of innocence”* vs *“presumption of guilt”*). В английском языке глагол *“to presume”* (синонимы – *to assume, to suppose*), что означает «предполагать», «допускать», «подразумевать», формирует отглагольное существительное *“presumption”*, которое на современный русский юридический язык переводится как «презумпция».

Примечательно, что глагол *“to assume”* также имеет отглагольное существительное *“assumption”*; глаголу *“to suppose”* корреспондирует более адекватное в юридическом смысле слово *“supposition”* (предположение, гипотеза). Таким образом, современный термин «презумпция невиновности» во многом обязан персональным вкусам и лингвистическим предпочтениям сэра Уильяма Гарроу, который мог бы с тем же успехом ввести в будущий юридический оборот гипотетические термины *“assumption of innocence”* или *“supposition of innocence”*, которые в юриспруденции не прижились.

Начиная с 1791 года, презумпция невиновности проходит сложный путь от зарождения до всеобщего признания [7, с. 122]. Многие детали этого процесса современным исследователям неизвестны, однако следует особенно выделить такие его важные стадии, как: во-первых, институционализация до статуса обыкновения английской судебной практики правоприменения (в 1935 году британский суд при разбирательстве дела *“Woolmington vs Director of Public Prosecutions”* квалифицировал презумпцию невиновности как «золотую нить» (*“the golden thread”*) в «сети» уголовного права); во-вторых, экспансия до практической юриспруденции в зарубежных странах (первоначально во Франции и в США, затем в подавляющем большинстве государств, признающих ценности конституционализма); в-третьих, международно-правовое признание (ст. 11 Всеобщей декларации прав человека⁶, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах⁷) [8, с. 291].

⁵ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

⁶ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 декабря.

⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.

Сегодня презумпция невиновности закреплена на конституционном уровне в Великобритании (*Human Right Act* от 1998 года⁸), в Бразилии (ст. 11 Конституции⁹), в Колумбии (ст. 29 Конституции¹⁰), во Франции (ст. 9 Декларации прав и свобод человека и гражданина¹¹), в Иране (ст. 37 Конституции¹²), в Италии (ст. 27 Конституции¹³), в Румынии (ст. 23 Конституции¹⁴), в Новой Зеландии (ст. 25 Конституции¹⁵) и др. Признает данный принцип и правовая система современной России, что особенно символично выражено в ст. 49 Конституции Российской Федерации от 1993 года. Презумпция невиновности в российской юриспруденции находит, по существу, безоговорочное подтверждение на уровне законодательного регулирования и в деятельности судебного конституционного контроля, хотя правоприменительная практика судов общей юрисдикции и функционирование ряда правоохранительных органов (полиции, следствия, прокуратуры) дают зачастую примеры весьма скептического к ней отношения.

2. Проблемы толкования конституционного принципа презумпции невиновности

Презумпция невиновности как конституционный и межотраслевой принцип публичного права России нуждается в адекватном истолковании [9, с. 22]. Анализ научной литературы, содержания законодательства и практики Конституционного Суда Российской Федерации показывает наличие весьма дифференцированных подходов [10, с. 110], построенных на основе методологии сужения или расширения содержания интерпретируемой категории права [11, с. 40]. Наиболее «узкий» вариант истолкования ограничивается теорией доказательств и распределением бремени доказывания (презумпция невиновности – это обязанность обвинения доказать виновность лица в инкриминируемом деянии; аналогично для иных видов публичного юрисдикционного процесса) [12, с. 7].

Далее, по мере расширения содержания интерпретируемого юридического термина, предмет действия презумпции невиновности охватывает новые сферы и области: значение и роль для процесса «царицы доказательств» (чистосердечное признание), стандарты доказательств (вне разумного сомнения, баланс вероятностей, неустранимые сомнения в виновности), привилегию против самоизобличения (право не свидетельствовать против себя и близких родственников), запрет использования противоправных доказательств (доктрина «плодов отравленного дерева»), право на очную ставку со свидетелями обвинения и их перекрестный допрос, право на квалифицированную юридическую помощь и т. д.

Действует также функционально-темпоральный фактор (с этой точки зрения презумпцию невиновности интерпретируют как состояние невиновности до вступления в законную силу обвинительного приговора суда). Наконец, наблюдаются случаи расширительного истолкования презумпции невиновности вплоть до ее отождествления (в приложении к публично-деликтным процессам и процедурам) с принципами верховенства права, связанности правом, справедливости, конституционности, законности, достоинства личности, гуманизма, равенства перед законом и судом [13, с. 234].

При подобных обстоятельствах вызывает интерес анализ практики Конституционного Суда Российской Федерации, где данный орган публичной власти непосредственно высказался о конституционном содержании презумпции невиновности (как правило, в мотивировочных частях постановлений, определений и заключений). Это, конечно, полностью не разрешает научную проблему идентификации презумпции невиновности и выявления ее квалифицирующих признаков, но имеет важное ориентирующее значение для законодательства и правоприменительной практики (воля Конституционного Суда Российской Федерации, в отличие

⁸ Great Britain. Human Rights Act 1998 // Disability Rights UK : [сайт]. URL: <https://www.disabilityrightsuk.org/resources/human-rights-act-1998> (дата обращения: 14.02.2024).

⁹ Constitution of the Federal Republic of Brazil – 1988 // Ministério da Justiça e Segurança Pública : [сайт]. URL: <https://www.gov.br/cade/en/content-hubs/legislation/brazilian-constitution> (дата обращения: 14.02.2024).

¹⁰ Политическая Конституция Колумбии от 6 июля 1991 года // Мастерская конституционного дизайна : [сайт]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=2749> (дата обращения: 14.02.2024).

¹¹ Declaration of Human and Civic Rights Of 26 August 1789 // Conseil constitutionnel : [сайт]. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/declaration-of-human-and-civic-rights-of-26-august-1789> (дата обращения: 14.02.2024).

¹² Конституция Исламской Республики Иран от 15 ноября 1979 г. // Мастерская конституционного дизайна : [сайт]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=83> (дата обращения: 14.02.2024).

¹³ Конституция Итальянской Республики от 22 декабря 1947 г. // Там же. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=148> (дата обращения: 14.02.2024).

¹⁴ Конституция Румынии от 21 ноября 1991 // Там же. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=111> (дата обращения: 14.02.2024).

¹⁵ The Constitution of New Zealand (updated 2008 and 2017 and 2023) // New Zealand Government : [сайт]. URL: <https://gg.govt.nz/office-governor-general/roles-and-functions-governor-general/constitutional-role/constitution> (дата обращения: 14.02.2024).

от научной доктрины, имеет обязательную юридическую силу в позитивном праве, хотя многие суждения Суда, высказанные им в мотивировочной форме, имеют скорее доктринальную, чем правоприменительную природу).

Во многих постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации¹⁶ толкование презумпции невиновности поддерживает *ограничительную позицию в аспекте распределения бремени доказывания*, что, однако, осуществляется посредством воспроизведения Судом в его решениях конституционной формулировки ст. 49 Конституции Российской Федерации, из чего сложно сделать вообще какие-либо выводы теоретико-методологического характера. При этом в ряде случаев встречаются важные конкретизирующие установления: при недоказанности действий и основании суждения о наличии правонарушения лишь на предположении в силу презумпции невиновности считается доказанным факт несовершенства лицом преступного деяния¹⁷; если вина не установлена и не доказана – лицо считается невиновным¹⁸; презумпция невиновности диктует признание судом всех фактов, свидетельствующих в пользу обвиняемого, пока они не опровергнуты стороной обвинения в должной процессуальной форме¹⁹.

Дальнейший анализ практики российского конституционного правосудия свидетельствует об использовании Судом *метода расширительного толкования*. Так, в постановлении № 2-П от 18 января 2024 г. Конституционный Суд Российской Федерации связал в единой конструкции принципы презумпции невиновности и виновной ответственности (ответственности за вину)²⁰. Согласно позиции, выраженной Судом в постановлении № 33-П от 19 июня 2023 г., презумпция невиновности «входит в основное содержание (ядро) права на судебную защиту»²¹. Из материалов постановления № 5-П от 7 марта 2017 г. следует, что презумпция невиновности находится в неразрывной логической связи с законностью (подозрение или обвинение в совершении преступления могут основываться только на положениях уголовного закона, иначе нарушается презумпция невиновности)²². В постановлении № 17-П от 20 июля 2016 г. Конституционный Суд Российской Федерации расширил содержание ст. 49 Конституции Российской Федерации вплоть до охвата положений нормы ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации (запрет на использование недопустимых доказательств) и ст. 51 Конституции Российской Федерации (привилегия против самоизобличения)²³, причем в постановлении № 33-П от 17 декабря 2015 г. Суд подчеркнул недопустимость «фактического обесценивания» права не свидетельствовать против самого себя в правоприменительной практике по уголовным делам²⁴.

Данный расширительно-интерпретационный подход соответствует международно-правовому содержанию ст. 11 Всеобщей декларации прав человека²⁵ и ст. 14 Международного пакта

¹⁶ Например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2024 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Емельянова» // СЗ РФ. 2024. № 30. Ст. 4442; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 53-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. В. Боголюбовской» // СЗ РФ. 2024. № 48. Ст. 7405 и др.

¹⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2023 г. № 51-П «По делу о проверке конституционности пункта 9 части 3 статьи 82 Федерального закона „О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданки Я. Ю. Бычковой» // СЗ РФ. 2023. № 47. Ст. 8494.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко» // СЗ РФ. 2012. № 2. Ст. 398.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2016 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона „О материальной ответственности военнослужащих“ в связи с жалобой гражданина Д. В. Батарагина» // СЗ РФ. 2016. № 47. Ст. 6723.

²⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2024 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. О. Вильке» // СЗ РФ. 2024. № 5. Ст. 763.

²¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2023 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В. Г. Скотникова» // СЗ РФ. 2023. № 26. Ст. 4846.

²² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 2017 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Е. Певзнера» // СЗ РФ. 2017. № 12. Ст. 1779.

²³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко» // СЗ РФ. 2016. № 31. Ст. 5088.

²⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других» // СЗ РФ. 2015. № 52 (ч. 1). Ст. 7682.

²⁵ Российская газета. 1998. 10 декабря.

о гражданских и политических правах²⁶, конституционно-правовому опыту ряда зарубежных стран. Содержание презумпции невиновности прежде всего предполагает конституционную гарантированность справедливого распределения бремени доказывания (*"burden of proof"*) [14, с. 15] по уголовным делам. Есть два принципиально важных факта, доказывание которых должно осуществляться обвинительной стороной: было ли совершено вменяемое преступление и был ли подсудимый тем лицом, которое его совершило. Но этим презумпция невиновности не исчерпывается. Большое значение имеет также отсутствие бремени доказывания в отношении фактов дела, которые свидетельствуют в пользу обвинения, из чего логически следует привилегия против самоизобличения (*"nemo tenetur se ibsem accusare"*) [15, с. 42].

Право не давать показания против самого себя и не представлять доказательства своей виновности – естественное конституционное право [16, с. 26] подозреваемого или обвиняемого, причем реализация данного права не должна использоваться против предполагаемого правонарушителя. Независимый и беспристрастный суд (будь то профессиональные судьи или суд с участием присяжных заседателей) осуществляет функцию *"trier of fact"* или *"finder of fact"*, т. е. не должен делать негативных выводов из того лишь обстоятельства, что обвиняемый находится под уголовным преследованием и присутствует в суде в этом качестве. Юридическое значение имеют только доказательства, которые представлены в суде в ходе состязательного процесса [17, с. 132], в котором стороны обвинения и защиты имеют отчасти неравные условия для доказывания своей позиции (в том смысле, что сторона защиты обладает преимуществом, чтобы не доказывать невиновность, которая имеет для суда статус *опровержимой презумпции*) [18, с. 7].

Именно опровержимость презумпции невиновности, пожалуй, – главный научный контраргумент в отношении скептической позиции ряда представителей правоохранительной системы по данному вопросу. Презумпция невиновности не имеет ничего общего со стремлением законодателя к освобождению действительно виновных лиц от юридической ответственности. При надлежащей доказанности вины лицо не избежит наказания, даже если оно откажется свидетельствовать против самого себя и свою вину не признает. Но вина должна быть доказана именно в надлежащей правовой процедуре: пользование «плодами отравленного дерева» (ненадлежащими доказательствами), предвзятое отношение к обвиняемому в связи с его молчанием (уклонением от ответа на вопрос о признании вины) или отрицанием вины – как раз те обстоятельства, от которых непосредственно защищает ст. 49 Конституции Российской Федерации. Трактовка конституционно гарантируемой презумпции невиновности в противоположном смысле представляла бы собой, на наш взгляд, дефект правосознания [19, с. 31], нуждающийся в преодолении.

Сторонники скептического направления могут возразить, что действительно виновному лицу следует прежде всего признать свою вину. Что это «честно» и «справедливо», что правоохранительная система не должна тратить силы и средства на сбор и обоснование доказательств, когда наблюдается состояние правовой определенности в главном вопросе – о вине предполагаемого правонарушителя (логика «царицы доказательств») [20, с. 22]. Хорошую иллюстрацию данной позиции дает фраза Глеба Жеглова в отечественном кинофильме «Место встречи изменить нельзя»: «Вор должен сидеть в тюрьме»²⁷.

Уголовно-процессуальный закон²⁸ (далее – УПК РФ) в современной России допускает такую процедуру, как вопрос обвиняемому, признает ли он себя виновным (ч. 2 ст. 273 УПК РФ). Данная процедура, взятая сама по себе, не противоречит презумпции невиновности. Но обвиняемый в силу конституционных гарантий и норм действующего законодательства вправе свободно и в своих интересах выбрать одно из трех юридически значимых действий: 1) признать свою вину; 2) не признавать своей вины; 3) отказаться отвечать на вопрос о виновности со ссылкой на статьи 49, 51 Конституции Российской Федерации (презумпция невиновности, привилегия против самоизобличения). Это – такое же гарантированное законом право субъекта правоотношений, как правомочие суда вынести обвинительный или оправдательный приговор подсудимому. Подчеркнем, что признание вины в силу действующего УПК РФ (ст. 77) все же имеет юридическое значение [21, с. 678] наряду с доказательствами по уголовному делу

²⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.

²⁷ К слову, герой актера Владимира Высоцкого – не вполне позитивный персонаж, поскольку использует подтасованные улики, вынуждает правоохранительную систему пользоваться «плодами отравленного дерева» и допускает, по сути, сам преступление, за что действующим законодательством предусмотрена уголовная ответственность; в большей мере положительный персонаж – Владимир Шарапов, который символизирует зарождавшийся в послевоенном СССР правовой гуманизм.

²⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

(обвиняемый вправе давать показания; признание обвиняемым вины «может быть положено в основу обвинения» при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств). Признание вины смягчает ответственность, в то время как отрицание вины не является отягчающим обстоятельством.

Факты признания вины подсудимыми часто наблюдаются в эмпирической действительности и мотивируются комплексом различных обстоятельств: стратегия защиты (с учетом совокупности имеющихся доказательств полагается бессмысленным отрицать факт преступления или совершения его данным лицом); незнание закона; непонимание сути уголовного процесса; притязание на смягчение ответственности в связи с признанием факта вины (вполне обоснованное ввиду действующего УК РФ); бравада представителей криминального сообщества или девиантных подростковых групп и т. п. Подобное процессуальное действие выглядит социально одобряемым в связи с содержанием ряда произведений классической художественной литературы, в которой воспиты участники судебного разбирательства (сравним героев Ф. М. Достоевского в книге «Преступление и наказание» и Т. Трайзера в романе «Американская трагедия»).

Обвиняемый вправе признать свою вину, в этом заключается его конституционное право. Но он не обязан этого делать, даже если действительно полагает себя виновным. В последнем случае, чтобы не оказаться лжесвидетелем (пусть и против самого себя), нравственные принципы обязывают, а закон гарантирует возможность хранения молчания [22, с. 120], уклонения от прямого ответа на поставленный вопрос. Не следует исключать вероятность добросовестного заблуждения (обвиняемый может ошибаться в самооценке виновности), самооговора, лжесвидетельства о виновности по разным причинам (например, «по совету» следователя, прокурора или адвоката; с целью взятия на себя чужой вины) [23, с. 158]. При этом следует учитывать, что стремление правонарушителя к несению уголовного наказания противостоит и его не следует смешивать с нравственным раскаянием и общественным покаянием, заглаживанием вины и добровольной компенсацией причиненного вреда.

Процессуальный интерес обвиняемого в уголовном процессе состоит в законном и обоснованном стремлении избежать уголовной ответственности или добиться смягчения наказания *юридическими средствами*, опираясь на помощь профессионального защитника-адвоката. Конституция и закон этому не препятствуют, но гарантируют мощнейшее средство противодействия – правоохранительную систему, одна из основных целей функционирования которой состоит в обратном: изобличении виновных, надлежащем доказывании их вины и привлечении в конечном итоге к соразмерной юридической ответственности строго на законных основаниях. Подчеркнем при этом, что инструментарий презумпции невиновности может послужить препятствием для того, чтобы стороне защиты добиться оправдательного приговора (если не подтверждать отрицательные факты, не заявлять спор о ничтожности доказательств и т. п.). Судьи не должны брать на себя функции защитника; мотивировка оправдательного приговора – сложная для судьи задача. В этом можно усматривать один из аргументов в пользу институционализации судов с участием присяжных заседателей.

3. Функционально-темпоральный аспект в содержании конституционного принципа презумпции невиновности

В силу презумпции невиновности предполагаемую вину правонарушителя следует не только *доказать*, но и *установить*. В этом проявляется функционально-темпоральный аспект исследуемой проблемы. В современном правовом государстве процессуальные функции обвинения, защиты и правосудия разделены, они осуществляются организационно обособленными субъектами правоотношений. Уголовный процесс представляет собой ряд стадий, последовательно сменяющих друг друга. Виновность лица может быть установлена только судом и лишь на стадии вступления обвинительного приговора в законную силу. Иные субъекты (полиция, следствие, прокуратура) правомочия «установления» виновности в уголовно-наказуемых деяниях лишены (они вправе лишь собирать факты, «подозревать» или «обвинять»; сбор доказательств сам по себе не дает оснований к окончательной юридической оценке деяния).

Но и судебная система уполномочена на законное опровержение презумпции невиновности только на определенной стадии уголовного процесса (вступление обвинительного приговора в законную силу). Таким образом одновременно проявляются функциональный (разделение функций обвинения, защиты и правосудия) и темпоральный (стадия уголовного процесса) факторы. В административно-юрисдикционном процессе наблюдаются аналогичные принципы, хотя и с рядом особенностей (разделение функций менее выражено, но именно орган или должностное лицо, уполномоченные на применение административного наказания, устанавливают

вину; законодательство об административных правонарушениях предусматривает ряд исключений из общего правила о презумпции невиновности, но лишь частично, в аспекте разграничения бремени доказывания, не затрагивая функционально-темпоральную сторону).

Конституционный Суд Российской Федерации²⁹ в связи с этим занял важную и заслуживающую внимания позицию: при определенных обстоятельствах (например, при автоматической фиксации правонарушений в сфере дорожного движения) презумпция невиновности действует частично, не полностью. С одной стороны, не применяется правило ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ³⁰ (отсутствие обязанности доказывать невиновность), с другой – сохраняют действие иные гарантии (ответственность за вину; лицо считается невиновным, пока вина не будет доказана и установлена; толкование неустранимых сомнений в пользу предполагаемого правонарушителя). Иными словами, корректировка правила о распределении бремени доказывания не свидетельствует о полном отрицании презумпции невиновности, особенно если учитывать функционально-темпоральный фактор.

Обстоятельства функционального и темпорального значения проявляются не только в вышеуказанном аспекте. Существенную проблему представляет отношение правовой системы к фактам и доказательствам, которые были выявлены полицией, следствием или прокуратурой, но не получили окончательной юридической оценки в силу незавершенности юрисдикционного процесса, законного «недоведения» его до судебной стадии [24, с. 27]. Конституционный Суд Российской Федерации многократно высказывался по этому поводу, включая проблемы административного и уголовного характера. Применительно к оценке конституционности законодательства об административных правонарушениях³¹ Суд установил, что если дело об административном правонарушении прекращено ввиду истечения сроков давности, лицо считается невиновным. Отказ государства от преследования за административное правонарушение не ставит под сомнение статус невиновного, поскольку отсутствуют законные основания к опровержению невиновности.

В отношении уголовных дел Конституционным Судом Российской Федерации³², в сущности, была занята аналогичная позиция: прекращение уголовного преследования не означает признания вины. Такие граждане приобретают конституционно-правовой статус лица, «привлекавшегося к участию в уголовном судопроизводстве ввиду выдвижения подозрения или обвинения». С точки зрения уголовно-правовых последствий, казалось бы, проблема выглядит разрешенной (лицо однозначно является невиновным в инкриминируемом преступлении). Однако законодательство и вслед за ним правоприменительная практика вводят ряд ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина на основании наличия указанного статуса, мотивируя это трансцендентными по отношению к уголовному праву, но имманентными в приложении к другим отраслям права и законодательства юридическими обстоятельствами [25, с. 131]. В частности, один лишь факт уголовного преследования и его прекращения по нереабилитирующим основаниям влечет за собой запрещение доступа к государственной службе правоохранительной направленности. Каким образом это следует оценивать с точки зрения конституционного содержания принципа презумпции невиновности?

Уникальность данной проблемы заключается в том, что она органически связана с институтами *“non bis in idem”* (недопустимость повторного наказания за одно и то же деяние, ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации), преюдиции (установления факта одним юрисдикционным субъектом достаточно, чтобы иной субъект в целях процессуальной экономии воздержался от повторных действий) [26, с. 36], с конституционным содержанием юридических принципов и их соотношением с отраслевым регулированием, но разрешение находит главным образом в толковании действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Различие между «реабилитирующими» и «нереабилитирующими» основаниями прекращения уголовного преследования заключается в том, подлежат или не подлежат применению

²⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2022 г. № 54-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Октябрьского районного суда города Екатеринбурга» // СЗ РФ. 2022. № 52. Ст. 9756.

³⁰ СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

³¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М. Ю. Карелина, В. К. Рогожкина и М. В. Филандрова» // СЗ РФ. 2009. № 27. Ст. 3382.

³² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2014 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Аникиева» // СЗ РФ. 2014. № 7. Ст. 735.

меры реабилитационного характера, которые предусмотрены уголовным и уголовно-процессуальным регулированием [27, с. 48]. Обусловлено это тем, что подозрение или обвинение в преступлении, которые сами по себе не нарушают презумпцию невиновности, тем не менее имеют правовые последствия для предполагаемого правонарушителя, существенным образом ограничивая его конституционное право на достоинство (ст. 21 Конституции Российской Федерации). При одних обстоятельствах (прекращение уголовного преследования по реабилитирующим основаниям) достоинство личности поражается до такой степени, что необходимы компенсационно-восстановительные меры; при других (нереабилитирующие основания) для соответствующих мер восстановления в правах нет достаточных оснований [28, с. 203].

Институт реабилитирующих и нереабилитирующих оснований имеет сугубо уголовное и уголовно-процессуальное значение, ему не должен придаваться общеправовой смысл, поскольку юридические факты судом не установлены, имело место исключительно предположение, подозрение или обвинение. О преюдиции здесь, на наш взгляд, не может идти и речи (пока факты не установлены в надлежащей правовой процедуре), однако принцип *"non bis in idem"* в данном случае применению не подлежит (в частности, потерпевший вправе добиваться защиты своих прав и законных интересов посредством использования гражданско-процессуального, административно-процессуального и иных механизмов вне института уголовного преследования).

3 заключение

Таким образом, изучение практики российского конституционного правосудия показывает, что основное содержание (ядро) презумпции невиновности заключается в трех его фундаментальных компонентах: во-первых, справедливом распределении бремени доказывания, во-вторых, установлении виновности компетентной инстанцией и на соответствующей стадии правоприменительного процесса, в-третьих, соблюдением надлежащей правовой процедуры при доказывании фактов и установлении юридически значимых обстоятельств. Однако «основное содержание» или «ядро», как известно, не исчерпывают весь правовой контент, хотя они и предопределяют важные приоритеты в теории, законодательстве и правоприменительной деятельности. Анализ ряда постановлений, определений и заключений Конституционного Суда Российской Федерации показывает, что в толковании презумпции невиновности Суд продвигается дальше, расширяя его юридический смысл³³.

При исследовании конституционно-правового содержания презумпции невиновности, в той или иной мере, актуализируется вопрос о соответствии естественному праву и здравому смыслу конкретных составов уголовных правонарушений, реально складывающейся практики уголовного преследования, защиты обвиняемых и уголовного наказания. Российская государственность, как и все без исключения зарубежные страны, формировалась в сложных и противоречивых условиях, которые весьма далеки от идеальной конструкции. Не следует преувеличивать и состояние защищенности правообладателей в России посредством инструментария презумпции невиновности.

Особенно яркие тому примеры дает ретроспективный анализ, изучение историко-правового опыта применения уголовно-правовой репрессии в РСФСР и в СССР. Так, Уголовный кодекс РСФСР от 1926 года давал основания для применения уголовного наказания не только за «свержение» или «подрыв», но и за «ослабление» власти³⁴. Изменой Родине считалось «бегство или перелет за границу». Если члены семьи военнослужащего знали о готовящемся побеге или перелете за границу, но не сообщили об этом властям, они объявлялись врагами трудящихся, лишались гражданства и подвергались изгнанию. Нарушение трудовой дисциплины при определенных обстоятельствах квалифицировалось как состав преступления. Уголовно наказуемыми объявлялись: «сокрытие обстоятельств, препятствующих вступлению в брак»; «участие в выборах лица, не имеющего на то права»; «возбуждение суеверия в массах населения»; «бесхозяйственность»; «выпуск недоброкачественной продукции»; «заключение невыгодных сделок»; «неисполнение обязательств по договору»; «нарушение правил фото-кино-цензуры» и др.

³³ Например, в постановлении № 23-П от 16.07.2015 г. было установлено, что использование несоразмерных процессуальных ограничений, которые несопоставимы по степени тяжести с уголовным наказанием и, тем более, превышают его, нарушает презумпцию невиновности (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей - седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Махина» // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4660).

³⁴ Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

Привлечение к уголовной ответственности за эти и им подобные деяния, даже если соблюдают-ся правила о бремени доказывания и надлежащая правовая процедура, с трудом можно квали-фицировать как соблюдение презумпции невиновности.

С современных позиций не следует оценивать опыт наших предков исключительно в не-гативном ключе. Уголовный кодекс РСФСР от 1926 года принимался в условиях завершения пролетарской революции и гражданской войны, необходимости восстановления и развития на-родного хозяйства, обеспечения дальнейшего генезиса страны (хотя «искривления» и «переги-бы» в уголовно-правовой политике постреволюционного периода более чем очевидны). Тезис о необходимости соответствия уголовно-правового механизма естественному праву и здравому смыслу не следует толковать как нигилистический, особенно в условиях современности, когда действуют демократически ориентированная Конституция РФ от 1993 г., имеются гарантии за-щиты прав и законных интересов граждан посредством норм действующего законодательства, ввиду реализации компетенции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, всей судебной и правоохранительной системы.

В современной России правомерно действует и признается презумпция конституцион-ности уголовного законодательства, пока иное не будет установлено Конституционным Су-дом Российской Федерации. Это не означает, что нормотворческая деятельность современного российского парламента безупречна, что правообладатели лишены возможности при экстраор-динарных обстоятельствах обращаться к конституционному правосудию, если иные средства правовой защиты демонстрируют недостаточную эффективность. Во многих этих и им подоб-ных случаях правообладателям придет на помощь конституционная норма (ст. 49 Конституции Российской Федерации) о презумпции невиновности.

Список источников

1. Кравцова Е. В. Презумпция невиновности как основной конституционно-правовой принцип уголовного процесса // Вестник научных конференций. 2020. № 2-2 (54). С. 67–69.
2. Истиховская М. Д. Проблемы реализации конституционного права на презумпцию невиновности в публичных выступлениях должностных лиц при осуществлении уголовного судопроизводства // Образование. Наука. Научные ка-дры. 2020. № 1. С. 50–55. <https://doi.org/10.24411/2073-3305-2020-10011>.
3. Мошарова А. С. Особенности реализации принципа презумпции невиновности в таможенном праве РФ // Пра-вовая позиция. 2024. № 2 (50). С. 41–44.
4. Омариева А. Н. Некоторые особенности реализации презумпции невиновности: отраслевой анализ // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 4. С. 109–116. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-109-116>.
5. Волкова И. В. Принцип презумпции невиновности в административном судопроизводстве и проблемы его реали-зации // Право и государство: теория и практика. 2021. № 2 (194). С. 149–152. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_2_149.
6. Варанкина О. О. Генезис принципа презумпции невиновности: краткий обзор с правовой точки зрения // Меж-дународный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 9-2 (84). С. 87–90. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-9-2-87-90>.
7. Бурага В. А. Некоторые вопросы периодизации развития принципа презумпции невиновности в российском праве XVIII–XX вв. / Духовно-нравственные основания национального единения и согласия в праве : сборник научных статей по результатам работы Всероссийской научно-практической конференции, г. Ростов-на-Дону, 1 ноября 2024 г. Ростов-на-Дону : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2025. С. 124–136.
8. Старчиков К. И. Проблемы применения презумпции невиновности в международном праве // Скиф. 2024. № 1 (89). С. 291–295.
9. Шахкелдов Ф. Презумпция невиновности обвиняемого и другие презумпции, используемые в уголовном судопроизводстве: соотношение и проблемы // Мировой судья. 2007. № 10. С. 22–25.
10. Печников Г. А. О зависимости принципа презумпции невиновности от типа уголовного процесса // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006. № 5. С. 110–112.
11. Барабаш А. С. Очерк развития теории презумпции невиновности в России. Часть 3. Презумпция невиновности в наше время // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 5. С. 40–49. <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-5-40-49>.
12. Лазарева В. А., Кирьянов А. Ю. Цель и предмет доказывания по уголовному делу в свете презумпции невиновно-сти // Юридический аналитический журнал. 2010. № 1-2. С. 7–13.
13. Лысюк Ю. В. Презумпция невиновности как гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном производстве // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2014. № 1 (27). С. 234–235.
14. Ахметова Е. П. Предмет доказывания и бремя доказывания: взаимодействие и влияние на результат рассмотре-ния дела // Юридический факт. 2019. № 52. С. 15–17.
15. Илющенко Н. В. Принцип *nemo tenetur se ipse accusare*: сравнительно-правовой анализ // Вестник Москов-ского университета. Серия 11: Право. 2015. № 3. С. 42–49.
16. Пономаренко Е. В. Концепция естественного права в конституционно-правовой науке и естественные права и свободы человека // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 4. С. 26–29.
17. Садонисов Д. Принцип презумпции невиновности в состязательной и объективно-истинной моделях уголовно-го процесса // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4. С. 132–137. [10.25724/VAMVD.EXYZ](https://doi.org/10.25724/VAMVD.EXYZ).
18. Борякин А. Д. Механизм опровержения правовой презумпции // Вопросы экономики и права. 2014. № 11 (77). С. 7–10.

19. Толстик В. А. Концепт нормального правосознания // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 31–36. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-4-31-36>.
20. Клефьел М. Э., Потемкина Е. В. А. Я. Вышинский о доказательственном процессе в советском праве // Интер-наука. 2020. № 1-3 (130). С. 22–24.
21. Иваньшина А. Э. Стимулирование обвиняемого к добровольному признанию своей вины: проблема минимизации рисков // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 678–681.
22. Костенко К. А. «Правило Миранды» в российском уголовном процессе: проблемы теории и практики правоприменения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 4 (10). С. 120–126.
23. Падва Г. П. Оговор и самооговор // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 1. С. 158–161.
24. Победкин А. В. Иллюзия презумпции невиновности (зачем нужен уголовный проступок) // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 27–30.
25. Ермакова А. О. Реализация принципа презумпции невиновности при прекращении уголовного дела (уголовно-го преследования) по нереабилитирующим основаниям // Инновационная наука. 2019. № 4. С. 131–134.
26. Мирошниченко Д. В. О месте уголовной преюдиции в системе правовых преюдиций // Евразийская адвокатура. 2017. № 2. С. 36–38.
27. Вологина Е. В. Проблемы признания права на реабилитацию в уголовном процессе Российской Федерации // Форум. 2019. № 1 (18). С. 48–51.
28. Магомедов А. И. Основания возникновения прав на реабилитацию в уголовном процессе // Государственная служба и кадры. 2022. № 4. С. 203–205. https://doi.org/10.56539/23120444_2022_4_203.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-72-79>

«Организация производства по делам об административных правонарушениях» в теории, законодательстве и судебной практике

Ирина Геннадьевна Бавсун, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Западный филиал Университета правосудия им. В. М. Лебедева
Санкт-Петербург (197046, Александровский парк, д. 5), Российская Федерация
ibavsun@mail.szfrgup.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8953-031X>

Аннотация:

Введение. «Организация производства по делам об административных правонарушениях» – категория, слабо разработанная в административно-правовой науке, лишь отчасти урегулированная законодательством, но имеющая большое значение для создания эффективного механизма административно-юрисдикционной деятельности. Несогласованность организационных и процедурных аспектов производства по делам об административных правонарушениях влечет за собой возникновение разного рода проблем в правоприменительной практике, вплоть до признания некоторых положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не соответствующими Конституции Российской Федерации. Анализ законодательства субъектов Российской Федерации и нормативных актов органов исполнительной власти показал отсутствие единого подхода к регулированию организационных аспектов производства по делам об административных правонарушениях на федеральном и региональном уровнях. В то же время эффективное решение задач производства по делам об административных правонарушениях на всех его стадиях невозможно без должного внимания к его организационному обеспечению.

Методы. Исследование основывалось на системном подходе и диалектическом методе познания, применялись общенаучные методы (синтез и анализ, индукция и дедукция), формально-юридический и статистический методы.

Результаты. В работе делается вывод об отсутствии комплексных теоретических разработок и фрагментарном правовом регулировании вопросов организации производства по делам об административных правонарушениях. Наделение субъектов Российской Федерации полномочиями по правовому регулированию в этой сфере требует определения на федеральном уровне границ данной деятельности. Обосновывается необходимость системного подхода к правовому регулированию производства по делам об административных правонарушениях во взаимосвязи его процессуальных и организационных сторон. Выявлена важная роль решений Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации в разрешении существующих в данной сфере коллизий.

Ключевые слова:

организация производства по делам об административных правонарушениях, законодательство субъектов Российской Федерации об административной ответственности, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации

Для цитирования:

Бавсун И. Г. «Организация производства по делам об административных правонарушениях» в теории, законодательстве и судебной практике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 72–79. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-72-79>.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025;
одобрена после рецензирования 24.04.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

“Organisation of proceedings in cases of administrative offences” in theory, legislation and judicial practice

Irina G. Bavsun, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

North-Western branch of the University of Justice named after V. M. Lebedev
5, Alexandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation
ibavsun@mail.szfrgup.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8953-031X>

© Бавсун И. Г., 2025

Abstract:

Introduction. Organization "Organisation of proceedings in cases of administrative offences" is a category, poorly developed in administrative-legal science, only partly regulated by the legislation, but of great importance for the creation of an effective mechanism of administrative-jurisdictional activity. Inconsistency of organisational and procedural aspects of proceedings in cases on administrative offences entails the emergence of various kinds of problems in law enforcement practice, up to the recognition of some provisions of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences as nonconforming to the Constitution of the Russian Federation. Analysis of the legislation of the subjects of the Russian Federation and normative acts of executive authorities has shown the lack of a unified approach to the regulation of organisational aspects of proceedings in cases of administrative offences at the federal and regional levels. At the same time, the effective solution of tasks of proceedings in cases on administrative offences at all its stages is impossible without due attention to its organisational support.

Methods. The research was based on the system approach and dialectical method of cognition, general scientific methods (synthesis and analysis, induction and deduction), formal-legal and statistical methods were used.

Results. The paper concludes about the lack of comprehensive theoretical developments and fragmentary legal regulation of the issues of organisation of proceedings in cases of administrative offences. Vesting the subjects of the Russian Federation with powers of legal regulation in this area requires the definition at the federal level of the boundaries of this activity. The necessity of a systematic approach to the legal regulation of proceedings in cases of administrative offences in the interrelation of its procedural and organisational aspects is substantiated. The important role of the decisions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation in resolving the existing conflicts in this area has been revealed.

Keywords:

organization of proceedings in cases on administrative offences, legislation of subjects of the Russian Federation on administrative responsibility, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation

For citation:

Bavsun I. G. "Organisation of proceedings in cases of administrative offences" in theory, legislation and judicial practice // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 72–79. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-72-79>.

The article was submitted February 20, 2025;
approved after reviewing April 24, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (далее – КоАП РФ), определяя предметы ведения Российской Федерации и ее субъектов, относит к сфере регулирования федерального законодательства «порядок производства по делам об административных правонарушениях» (п. 4 ч. 1 ст. 1.3), а к сфере регулирования регионального законодательства – «организацию производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации» (п. 2 ч. 1 ст. 1.3.1). Однако, разделив таким образом нормотворческие полномочия, законодатель не сформулировал нормы – дефиниции, раскрывающие содержание этих терминов, тем самым создав неопределенность в вопросе их разграничения.

Ситуация, когда предметы регулирования Российской Федерации и ее субъектов имеют отчасти неопределенный характер, а вопрос о границе между ними остается открытым, ставит региональных законодателей в сложное положение, заставляя балансировать на грани процессуальных и организационных аспектов производства по делам об административных правонарушениях, рискуя выйти за пределы своих нормотворческих полномочий. Разрешение этой проблемы требует научного обоснования и законодательного урегулирования, потому что «неоднозначность, неясность, недосказанность и противоречивость правового регулирования, неустранимые даже с помощью предпринимаемых судами усилий, неизбежно препятствуют адекватному уяснению установленных законом правил и создают предпосылки для их произвольного применения, чем ослабляют гарантии защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина»².

Методы

Исследование построено на системном подходе к производству по делам об административных правонарушениях, предполагающем единство и взаимосвязь всех его элементов – как процессуальных, так и организационных. Метод материалистической диалектики позволяет раскрыть содержание «организации производства по делам об административных правонарушениях» во взаимосвязи с процедурной стороной административно-юрисдикционной деятельности. В работе были использованы общенаучные методы исследования (синтез и анализ,

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2024 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части 1 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда» // СЗ РФ. 2024. № 23 (ч. II). Ст. 3268.

дедукция и индукция). При анализе правовых основ организации производства по делам об административных правонарушениях использовался формально-юридический метод.

Результаты

Производство по делам об административных правонарушениях давно является предметом научных исследований. Отсутствие его нормативной дефиниции порождает большой диапазон мнений относительно его понятия, которые, тем не менее, сходятся в одном – большинство авторов определяют его как процессуальную деятельность уполномоченных субъектов административной юрисдикции, осуществляемую в строгой процессуальной последовательности [1, с. 13]. Характерной чертой этой охранительной правоприменительной деятельности является специально установленный порядок, требующий высокой степени регламентации соответствующих юридических действий³. Именно нормативным установлением и соблюдением последовательности деятельности обеспечивается процессуальная форма производства. Процедуры, алгоритм их проведения и документирования, субъекты и сроки их осуществления – все это содержательные элементы порядка производства по делам об административных правонарушениях, характеризующие его как процессуальную деятельность, которой в научной литературе уделено достаточно внимания [2; 3, с. 16; 4, с. 28; 5–7].

Организация же производства по делам об административных правонарушениях в российской административно-правовой науке до сих пор не стала предметом комплексного исследования. Ряд авторов в своих работах затрагивают отдельные аспекты данной деятельности, рассматривая: организацию производства по делам о правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации [8], организационное обеспечение административно-юрисдикционных полномочий отдельных органов исполнительной власти [9; 10] или организацию осуществления мер обеспечения рассматриваемого производства⁴ [11]. Заявляя в качестве предмета исследования «организацию производства по делам об административных правонарушениях», авторы работ по данной тематике в большинстве своем не ставят задачу определения его понятия и содержания⁵ [8, с. 6], фокусируя свое внимание на процессуальных аспектах производства⁶ [9, с. 2] или выделяя весьма ограниченный круг вопросов его организации (например, компетенцию административно-юрисдикционного органа, механизмы ведомственного контроля и некоторые другие)⁷ [10, с. 185]. Лишь в некоторых работах анализируется содержание производства по делам об административных правонарушениях с учетом его организационно-правовых особенностей [12], освещаются вопросы именно организационного обеспечения данной деятельности [13], рассматривается организация взаимодействия субъектов, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях [14, с. 71], раскрываются организационные механизмы первоначальных административно-процессуальных действий, рассмотрения дела об административном правонарушении, обжалования и исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях, дается классификационно-организационная характеристика принципов производства⁸ [12].

В теории управления термин «организация» (от лат. *organizo* – делать сообща, придавать стройный вид, устраивать) имеет множество значений. Организация в процессуальном смысле представляет собой совокупность действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого⁹ [13, с. 4], в результате чего формируются и поддерживаются устойчивые соединения между элементами системы для ее эффективного функционирования.

³ Якимов А. Ю. Статус субъекта административной юрисдикции и проблемы его реализации : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1996. С. 5, 7.

⁴ Организация и порядок проведения сотрудниками ГИБДД отдельных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях : практические рекомендации / Фомичев А. Ю. [и др.]. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2021. 39 с.

⁵ Михайленко А. П. Организация и осуществление производства по делам об административных правонарушениях в органах внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000. С. 6.

⁶ Равнюшкин А. В. Организация производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого сотрудниками органов внутренних дел : учебное пособие. Симферополь : Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2018. 96 с.

⁷ Правовые и организационные основы производства по делам об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции таможенных органов : учебное пособие / Зубач А. В., Колесов В. А., Козловский А. Ю., Файфер В. А. Москва : Российская таможенная академия, 2007. 185 с.

⁸ Гришин Д. А., Дергачев А. В., Поникурова Т. В. Организация и правовые основы производства по делам об административных правонарушениях в уголовно-исполнительной системе в современных условиях : учебное пособие. Рязань : Академия ФСИН России, 2012. 75 с.

⁹ Смирнов Э. А. Теория организации : учебное пособие. Москва : Инфра-М, 2016. С. 4.

Организация предполагает распределение задач, ресурсов и полномочий между участниками деятельности для достижения общих целей. Организационная функция реализуется через проектирование и создание организационных структур, определение порядка их функционирования и взаимодействия, обеспечения деятельности необходимой документацией¹⁰ [14, с. 28]. Ключевыми признаками организации как деятельности являются: целенаправленность (подчинение действий общей задаче), системность (создание структур и обеспечение взаимосвязей между элементами системы), координация (согласование усилий участников процесса), ресурсное обеспечение (распределение кадровых, финансовых, материально-технических, информационных и иных ресурсов).

Примеряя функцию «организация» к производству по делам об административных правонарушениях, авторы называют ее «новым видом правоохранительной деятельности»¹¹ [12, с. 3, 74], полагают, что она состоит «в своевременном, правильном, профессиональном и современном процессе формирования финансовой, материально-технической, кадровой, организационной, информационно-аналитической и информационно-правовой политики» [15, с. 164]. Но организация производства по делам об административных правонарушениях направлена в первую очередь на согласование и обеспечение деятельности его участников, поиск наиболее эффективных способов решения задач производства и законодательства об административных правонарушениях.

К организационным следует отнести вопросы информационного, материально-технического, организационно-штатного и кадрового обеспечения производства по делам об административных правонарушениях [10, с. 34], а также организационно-структурное построение административно-юрисдикционных органов; распределение функций, компетенций и полномочий должностных лиц и органов, участвующих в производстве; определение порядка их взаимодействия и координация их деятельности; аналитическое и документационное обеспечение производства, его информатизация и многие другие аспекты организации.

Важной сущностной характеристикой любой государственной деятельности являются ее целевые ориентиры. Поэтому дифференциацию организационной и процессуальной сторон производства по делам об административных правонарушениях можно осуществить в контексте задач этих разных по своему содержанию видов деятельности. В соответствии со ст. 24.1 КоАП РФ задачами производства по делам об административных правонарушениях являются всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела; разрешение его в соответствии с законом; обеспечение исполнения вынесенного постановления; выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений. В процессуальной плоскости решение этих задач достигается деятельностью участников производства в рамках установленного КоАП РФ порядка производства, предусматривающего разного рода процедуры, сроки их проведения, определенный алгоритм действий их участников, оформление документов и т. д. В свою очередь организация производства предполагает создание разного рода организационных механизмов, позволяющих обеспечить достижение вышеперечисленных задач максимально эффективно.

В последнее время в литературе предпринимаются попытки очертить границы организационных аспектов производства по делам об административных правонарушениях, отделив их от процессуальных. В юридическую лексику водятся понятия «процессуально-правового механизма осуществления правосудия по делам об административных правонарушениях» [16, с. 7, 227–228] и «организационно-правовых механизмов производства по делам об административных правонарушениях»¹² [12, с. 3]. Но организация юрисдикционной деятельности и порядок ее осуществления связаны между собой в единый правовой механизм, поэтому разделить процессуальную и организационную стороны рассматриваемого производства весьма сложно, а их несогласованность порождает существенные проблемы правоприменительной практики.

Так, постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2024 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части 1 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда» названная норма была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации «в той мере, в какой неопределенность его нормативного содержания в системе действующего правового регулирования не позволяет однозначно разрешить вопрос об определении территориальной подсудности рассмотрения жалобы на постановление по делу об

¹⁰ Веснин В. Р. Менеджмент : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2006. С. 28.

¹¹ Гришин Д. А., Дергачев А. В., Поникурова Т. В. Указ. соч.

¹² Там же.

административном правонарушении, вынесенное административной комиссией, созданной в соответствии с законом субъекта Российской Федерации»¹³.

Проблема заключается в том, что административные комиссии создаются субъектами Российской Федерации, которые в отсутствие в федеральном законодательстве общих (единых) требований, предъявляемых к организации системы этих административно-юрисдикционных органов, вправе по своему усмотрению решать вопрос о целесообразности их создания в каждом муниципальном образовании. В большинстве регионов не предусмотрено создание административных комиссий во внутригородских районах (они действуют только в муниципальных районах, муниципальных и городских округах). В этой ситуации представляется невозможным в соответствии с законом разрешить важный процессуальный вопрос: Какова территориальная подсудность жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное административной комиссией городского округа, границами которого охватываются несколько судебных районов?

Еще одно противоречие между процессуальными и организационными аспектами производства, на которое обратил внимание Конституционный Суд Российской Федерации, обусловлено тем, что в соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации работа административных комиссий организована таким образом, что заседания могут проводиться как в местах их постоянного нахождения, так и по месту совершения административного правонарушения или по месту работы, учебы, жительства лица, привлекаемого к административной ответственности. При этом КоАП РФ не регулирует процессуальный вопрос о территориальной подсудности жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное административной комиссией на выездном заседании.

Разрешая указанные противоречия, Конституционный Суд Российской Федерации постановил до внесения в законодательство об административных правонарушениях изменений, направленных на устранение недостатков (дефектов), территориальная подсудность рассмотрения районным судом жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное административной комиссией, созданной в соответствии с законом субъекта Российской Федерации, должна определяться местом нахождения такой комиссии. Приведенный пример наглядно показал, что рассогласованность организационных и процессуальных аспектов производства по делам об административных правонарушениях создают опасную ситуацию неопределенности, неоднозначности и произвольности применения норм КоАП РФ, что не может быть признано отвечающим конституционным критериям определенности правового регулирования и подрывает доверие граждан к закону, не позволяя им соотносить свои действия (бездействие) с его предписаниями и предвидеть их последствия.

Приведенный пример далеко не единственный, подтверждающий, что отсутствие внимания к вопросам организации производства по делам об административных правонарушениях влечет за собой сложности применения процессуальных норм КоАП РФ. Рассогласованность процедурных и организационных аспектов производства по делам об административных правонарушениях становится очевидной при более внимательном взгляде на деятельность коллегиальных органов административной юрисдикции. Процессуальные аспекты принципа коллегиальности лишь фрагментарно отражены в КоАП РФ, что заставляет региональных законодателей, создавая соответствующие органы, одновременно самостоятельно разрешать ряд вопросов стадии рассмотрения дела об административном правонарушении, рискуя выйти за пределы своих нормотворческих полномочий [17, с. 182].

В частности, на федеральном уровне не урегулированы полномочия членов административной комиссии на этапе подготовки дела к рассмотрению – КоАП РФ не раскрывает субъекта, осуществляющего подготовительные действия и принимающего решение по результатам данного этапа, которые в свою очередь имеют важное процессуальное значение, вплоть до прекращения производства по делу. Как правило, подготовка дела об административном правонарушении к рассмотрению осуществляется ответственным секретарем административной комиссии; в законах некоторых субъектах Российской Федерации допускается возложение данной обязанности по указанию председателя комиссии на одного из ее членов¹⁴. Но если такое распределение функциональных обязанностей представляет собой организационный вопрос производства, то принятие решения по результатам подготовки дела к рассмотрению является процессуальным моментом, регулирование которого относится к ведению Российской Федерации.

¹³ Гришин Д. А., Дергачев А. В., Поникарова Т. В. Указ. соч.

¹⁴ Об административных комиссиях : Закон Мурманской области от 5 июня 2003 г. № 408-01-ЗМО (в ред. от 30.05.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru): URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=128012159&rdk=&backlink=1> (дата обращения 01.02.2025).

При этом КоАП РФ не дает ответ на вопрос, кто принимает решение по результатам подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению в коллегиальном органе: председатель, секретарь или комиссия в целом. В целях оптимизации производства представляется возможным наделение секретарей административных комиссий процессуальными полномочиями по принятию определений на этапе подготовки дела к рассмотрению, что с организационной стороны потребует от секретарей достаточного уровня юридической квалификации. Завершение же подготовки дела к рассмотрению в коллегиальном органе принятием постановления о прекращении производства по делу при наличии обстоятельств, его исключающих (ст. 24.5 КоАП РФ), в силу специфики именно организации его деятельности невозможно. Для устранения такой несогласованности организационных и процессуальных аспектов производства по делам об административных правонарушениях в коллегиальных органах необходимо внесение дополнений в статью 29.4 КоАП РФ.

В сложившихся условиях неопределенности субъекты Российской Федерации с осторожностью подходят к регулированию вопроса организации производства по делам об административных правонарушениях. Большинство их законодательных актов в этой части просто отсылают к разделу IV КоАП РФ «Производство по делам об административных правонарушениях» [18, с. 26] либо ограничиваются общими фразами (например, «обеспечение организации производства осуществляется органами, уполномоченными на составление протоколов и рассмотрение дел об административных правонарушениях»¹⁵), либо ассоциируют организацию производства с компетенцией должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, а также с подведомственностью дел¹⁶.

Но встречаются и противоположные ситуации, когда в законодательстве субъектов Российской Федерации в статьях «Организация производства по делам об административных правонарушениях» затрагиваются вопросы, по своей сути являющиеся процессуальными (основания рассмотрения дела, решения, принимаемые по результатам рассмотрения дел, и многие другие)¹⁷, что относится к исключительной компетенции федерального законодателя. Подобные примеры демонстрируют отсутствие единого подхода к регулированию вопросов организации производства по делам об административных правонарушениях на уровне Российской Федерации и ее субъектов. Думается, что организационными вопросами административно-юрисдикционного производства в коллегиальных органах, регулируемые законами субъектов Российской Федерации, должны быть, например, периодичность и правомочность проведения заседаний административных комиссий, порядок принятия решений, порядок создания и формирования составов комиссий, требования, предъявляемые к членам комиссии, полномочия председателя, заместителя председателя, секретаря и членов комиссии¹⁸. Все процессуальные аспекты должны получить свое закрепление в КоАП РФ.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»¹⁹ указал, что применению подлежат только те законы субъектов Российской Федерации, которые приняты с учетом положений ст. 1.3 КоАП РФ, определяющей предметы ведения и исключительную компетенцию Российской Федерации, а также ст. 1.3.1 КоАП РФ, определяющей предметы ведения субъектов Российской Федерации. В условиях, когда далеко не все процессуальные аспекты производства по делам об административных правонарушениях получили надлежащее регулирование в нормах КоАП РФ, а пределы организации данного производства не обрели четкие правовые очертания, легитимность

¹⁵ Об административных правонарушениях : Закон Новгородской области от 1 февраля 2016 г. № 914-ОЗ // Pravo.gov.ru: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5300201602030005?index=1> (дата обращения 01.02.2025).

¹⁶ Об административных правонарушениях в Калужской области : Закон Калужской области от 28 февраля 2011 г. № 122-ОЗ (в ред. от 20.09.2024) // Pravo.gov.ru: URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=108039471&backlink=1&&nd=108039125> (дата обращения 01.02.2025).

¹⁷ Об административных комиссиях в Смоленской области : Закон Смоленской области от 25 июня 2003 г. № 29-3 (в ред. от 01.02.2013) // Pravo.gov.ru: URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=115021355&backlink=1&&nd=115021153> (дата обращения 01.02.2025).

¹⁸ См., например: О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований Краснодарского края отдельными государственными полномочиями по образованию и деятельности административных комиссий : Закон Краснодарского края от 14 декабря 2006 г. № 1144-КЗ // Pravo.gov.ru: URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=140014572&backlink=1&&nd=140008921&rdk=0&refoid=140162407/> (дата обращения 01.02.2025) ; Об административных комиссиях Санкт-Петербурга : Закон Санкт-Петербурга от 22 апреля 2004 г. № 211-35 (в ред. от 11.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс» // Pravo.gov.ru: URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=131024983&backlink=1&&nd=131023268> (дата обращения 01.02.2025).

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 (ред. от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 6.

многих положений законов субъектов Российской Федерации, пытающихся разрешить это противоречие самостоятельно, может быть поставлена под сомнение.

Функцию организации производства по делам об административных правонарушениях выполняют и органы исполнительной власти, издавая нормативные акты и методические рекомендации в данной сфере²⁰. И если регулирование аналогичных вопросов в субъектах Российской Федерации весьма ограничено в силу обозначенных выше причин, то многообразие форм и содержания актов, издаваемых по этому вопросу органами публичной администрации, поражает разнообразием подходов к организационной деятельности, что в свою очередь также подтверждает необходимость активизации исследований в данной сфере и урегулирования ее на основе единого научно обоснованного понимания организации производства по делам об административных правонарушениях.

Результат работы по согласованию организационных и процедурных моментов производства должен найти свое отражение в проекте нового КоАП РФ, но его затянувшаяся подготовка дает мало надежд на скорейшее разрешение данного вопроса. В сложившихся условиях необходим поиск механизмов, позволяющих оперативно и в рамках правового поля разрешать возникающие противоречия и устранять неопределенности. Одним из таких средств являлось разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум) по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации²¹. Понятие «организация производства по делам об административных правонарушениях» в решениях Пленума прямо не используется, однако отдельные элементы этой деятельности проявляются в контексте анализа разъяснений норм КоАП РФ и практики их применения. Давая заключения относительно правильности оформления документов, обеспечения прав участников производства, порядка рассмотрения дел, обжалования и исполнения решений, Пленум таким образом определяет и ряд организационных моментов производства по делам об административных правонарушениях с тем, чтобы задачи, стоящие перед ним, были решены в полном объеме.

В частности, в постановлении от 24 марта 2005 г. № 5²² (далее – Постановление) Пленум Верховного Суда Российской Федерации, уделяя внимание соблюдению сроков на различных стадиях производства, предписывает судье принимать меры для организации быстрого извещения участвующих в деле лиц о времени и месте судебного рассмотрения, выбирая способом передачи информации (что, несомненно, относится к организационному аспекту производства) любые доступные средства связи, позволяющие контролировать получение информации лицом, которому оно направлено (п. 6 постановления).

Поскольку статьей 25.9 КоАП РФ эксперту не предоставлено право истребовать доказательства для производства экспертизы и выяснять у участников производства какие-либо обстоятельства, на суды возлагается организационное обеспечение экспертной деятельности в рамках производства по делам об административных правонарушениях (все необходимые для производства экспертизы данные должны быть установлены и собраны судьей, назначившим экспертизу, и предоставлены эксперту (п. 12 Постановления). Организуя исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях при назначении наказания в виде административного приостановления деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица, судьи должны решить вопрос о мероприятиях, необходимых для обеспечения его исполнения (п. 23.3 Постановления), а определяя организационную форму рассмотрения надзорных жалоб и протестов на вступившие в законную силу постановления и (или) решения по делам об административных правонарушениях, Пленум постановил, что в данном случае не требуется проведение судебного заседания (п. 34 Постановления). Эти и многие другие аспекты, нашедшие свое отражение в решениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, позволяют говорить о его роли организатора судебного производства по делам об административных правонарушениях.

²⁰ Например: Об утверждении «Методических рекомендаций по организации производства по делам об административных правонарушениях в Государственной инспекции по маломерным судам МЧС России»: приказ Министерства природных ресурсов Российской Федерации от 31 мая 2002 г. № 29 // Справочно-правовая система «Гарант» (далее – СПС «Гарант»): URL: <https://base.garant.ru/400165060/> (дата обращения: 01.02.2025); Об утверждении Инструкции об организации контрольно-наблюдательного производства по делам об административных правонарушениях: приказ Федеральной таможенной службы от 13 октября 2015 г. № 2041 // СПС «Гарант»: URL: <https://base.garant.ru/71371264/> (дата обращения: 01.02.2025); Об утверждении регламента подготовки и ведения дел об административных правонарушениях в центральном аппарате ФАС России: приказ Федеральной антимонопольной службы от 19 июля 2019 г. № 980/19 // СПС «Гарант»: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72704452/> (дата обращения: 01.02.2025) и др.

²¹ О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

²² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 6.

3 заключение

Привлечение внимания научного сообщества и законодателя к проблеме разграничения понятий «порядок производства по делам об административных правонарушениях» и «организация производства по делам об административных правонарушениях» обусловлено не только теоретическим интересом, но и весомой практической значимостью. Активизация исследований в данной сфере последнее время является закономерным следствием проблемности ее правового регулирования. Влияние организации производства по делам об административных правонарушениях на решение его задач не вызывает сомнения, но открытым остается вопрос о его понятии, содержании, характере и месте в административно-юрисдикционном процессе.

Попытки региональных законодателей урегулировать данный вопрос в условиях отсутствия каких бы то ни было разъяснений о том, где проходит граница между процессуальным и организационным аспектами производства по делам об административных правонарушениях, в большинстве нельзя признать удачными. «Параллельное существование» организационных и процедурных аспектов производства по делам об административных правонарушениях порождает множество проблем правоприменительной практики и должно стать предметом внимания законодателя при разработке проекта нового КоАП РФ. Термин «организация производства по делам об административных правонарушениях» должен получить достаточную теоретическую проработку и нормативное закрепление как деятельность, призванная создать взаимосвязи между всеми элементами данного производства для эффективного решения задач, стоящих перед ним.

Список источников

1. Дорохин В. В. Понятие и содержание производства по делам об административных правонарушениях // Научный портал МВД России. 2011. № 3 (15). С. 7–13.
2. Старилов Ю. Н. Производство по делам об административных правонарушениях и административный процесс / Актуальные проблемы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : материалы всероссийской научно-практической конференции, г. Омск, 1 июня 2004 г. / под общ. ред. Ю. П. Соловья. Омск : Омский юридический институт, 2004. С. 12–32.
3. Щепалов С. В. Производство по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции : монография / науч. ред. С. А. Старостин. Москва : Норма, 2023. 220 с.
4. Дрозд А. О., Хмара А. М., Шамрай В. Н. Производство по делам об административных правонарушениях в органах внутренних дел : монография. Санкт-Петербург : Издательство СПбУ МВД России, 2020. 136 с.
5. Панова И. В. Производство по делам об административных правонарушениях : монография. Саратов : Светопись, 1999. 192 с.
6. Зайцев И. А. Производство по делам об административных правонарушениях, осуществляемое участковыми уполномоченными полиции : монография / под науч. ред. А. С. Дугенца. Москва : ВНИИ МВД России, 2011. 136 с.
7. Власова Е. Л. Производство по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела (на нарушениях таможенных правил): проблемы теории и практики : монография. Иркутск : Издательство Иркутского государственного технического университета, 2010. 184 с.
8. Васильева Я. В. Организация производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации / «Кутафинские чтения» – Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции : сборник докладов IV Международная научно-практической конференции, г. Москва, 4–6 апреля 2014 г. Москва : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2014. С. 18–24.
9. Шенишин В. М. Особенности организации и осуществления Росгвардией производства по делам об административных правонарушениях в рамках административно-юрисдикционной деятельности // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 51–54. 10.18572/2071-1166-2021-10-51-54.
10. Руднев А. С. Организационное обеспечение осуществления должностными лицами Госавтоинспекции МВД России производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, совершенных юридическими лицами // Безопасность дорожного движения. 2023. № 2. С. 34–40.
11. Куратов А. А. Организация меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в виде принудительного привода // Административное право и процесс. 2011. № 6. С. 18–20.
12. Цуканов Н. Н. Производство по делам об административных правонарушениях в органах внутренних дел: общая теоретико-правовая характеристика : монография. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2010. 220 с.
13. Миронов А. Н., Кнышов Е. В. Организация производства по делам об административных правонарушениях в органах внутренних дел // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 2 (37). С. 84–89.
14. Круглов В. А. Производство по делам об административных правонарушениях. Минск : Амалфея, 2002. 272 с.
15. Васильева Я. В. Проблемы организации производства по делам об административных правонарушениях в субъектах Российской Федерации // Научное мнение. 2014. № 10. С. 164–167.
16. Панкова О. В. Правосудие по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции : монография. Москва : Статут, 2023. 450 с.
17. Бавсун И. Г. Особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях коллегиальными органами административной юрисдикции / От Псковской судной грамоты к принципам современного правосудия: традиции и новации в российском судопроизводстве : сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, г. Псков, 26–27 сентября 2024 г. Санкт-Петербург : Астерион, 2024. С. 180–185.
18. Васильева Я. В. Полномочия субъектов Российской Федерации при производстве дел об административных правонарушениях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 4, ч. II. С. 26–28.

Научная статья

УДК 351/354

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-80-91>

Классификация и типология беспилотных летательных аппаратов в контексте обеспечения общественной безопасности

Сергей Владимирович Соловьёв, адъюнкт

Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д. 1), Российская Федерация

seregasolo96@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0009-5497-973X>

Аннотация:

Введение. С ростом возможностей применения беспилотной авиации появляется множество вызовов и угроз государственной безопасности. Эффективное внедрение новых технологий должно сопровождаться созданием соответствующей правовой базы и унифицированного терминологического аппарата. В настоящее время существует проблема терминологической неоднородности в рассматриваемой области, влияющая на эффективность правового регулирования.

Методы. В исследовании использовались такие общенаучные методы, как анализ, категоризация, классификация, типологизация и статистический метод, а также частно-правовые методы – формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой.

Результаты. В результате исследования предложены классификация и типология беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) на основе признаков беспилотного воздушного судна (далее – БВС). Данные результаты могут быть применимы в правоохранительной практике при квалификации правонарушений, связанных с использованием БВС, а также при подготовке нормативных правовых актов и выработке эффективных мер противодействия исходящим от неправомерного использования БПЛА угрозам. Теоретическая значимость статьи заключается в разработке методологически выверенной и функционально обоснованной типологии БПЛА, устраняющей терминологическую и правовую неопределенность в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова:

беспилотное воздушное судно, беспилотный летательный аппарат, воздушное судно, беспилотная авиация, беспилотники, признаки беспилотного воздушного судна, типология, классификация

Для цитирования:

Соловьёв С. В. Классификация и типология беспилотных летательных аппаратов в контексте обеспечения общественной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 80–91. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-80-91>.

Статья поступила в редакцию 16.12.2024;
одобрена после рецензирования 10.05.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Classification and typology of unmanned aerial vehicles in the context of public security

Sergey V. Soloviev, Postgraduate

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

seregasolo96@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0009-5497-973X>

Abstract:

Introduction. With the growing popularity of unmanned aircraft, many challenges anWith the growing possibilities of unmanned aviation use, there are many challenges and threats to state security. Effective introduction of new technologies should be accompanied by the creation of an appropriate legal framework and unified terminological apparatus. Currently, there is a problem of terminological diversity in the area in question, affecting the efficiency of legal regulation.

Methods. The research was based on general scientific methods such as analysis, categorisation, classification, typology and statistical method, as well as private legal methods such as formal-legal, comparative-legal and historical-legal methods.

Keywords:

unmanned aircraft, unmanned aerial vehicle, aircraft, unmanned aviation, drones, characteristics of unmanned aircraft, typology, classification

Results. As a result of the research, the author provides a classification and typology of unmanned aerial vehicles (hereinafter referred to as UAVs) using the characteristics of unmanned aircraft systems (hereinafter referred to as UASs). These results can be applied in law enforcement practice in the qualification of offences related to the use of UASs, as well as in the development of normative legal acts and effective measures to counteract threats coming from the unlawful use of UAVs. The theoretical significance of the article consists in the development of a methodologically verified and functionally substantiated typology of UAVs, eliminating terminological and legal uncertainty in this area.

For citation:

Solovyov S. V. Classification and typology of unmanned aerial vehicles in the context of public security // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 80–91. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-80-91>.

The article was submitted December 16, 2024;
approved after reviewing May 10, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена стремительным развитием технологий в области беспилотной авиации и расширением сфер ее применения. Согласно данным Росавиации от 27 мая 2024 г., в России на государственный учет поставлены 100 тысяч беспилотных воздушных судов (далее – БВС), из которых в Москве и Санкт-Петербурге, городах с установленными ограничениями на эксплуатацию БВС, более 17 и 10 тысяч соответственно¹.

В целях обеспечения терминологической однозначности в настоящем исследовании используется следующая иерархия понятий: беспилотное мобильное средство (далее – БМС) рассматривается как широкое научное понятие, включающее в себя воздушные, наземные и иные беспилотники². БПЛА – обобщающее, родовое понятие для всех летательных аппаратов без экипажа. БВС, в свою очередь, является подвидом БПЛА, подпадающим под регулирование Воздушного кодекса Российской Федерации.

В условиях расширения возможностей применения БВС сохраняется неопределенность правового статуса беспилотного летательного аппарата (далее – БПЛА), создающая риски в сфере обеспечения общественной безопасности. При этом повышается вероятность их применения в противоправном контексте, что указывает на значимость выработки понятного унифицированного терминологического аппарата, который может применяться при оценке правомерности эксплуатации БВС, квалификации противоправных деяний и принятии мер административного реагирования. Вместе с тем отсутствие единого терминологического аппарата порождает правовую неопределенность при проведении профилактических мероприятий, обеспечении общественного порядка и защите охраняемых государством объектов, к числу которых относятся государственные предприятия стратегического назначения, охрана частной жизни, конфиденциальность сведений и т. д.

Предпосылками для проведения настоящего исследования послужили:

1) Проблема нормотворчества в сфере беспилотной авиации.

Стратегия развития беспилотной авиации Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2035 года³ подчеркивает необходимость создания правовой базы для эксплуатации БВС, которая в настоящее время не учитывает стремительного развития технологий и динамику их применения, а также не имеет унифицированного терминологического подхода.

2) Проблемы правоприменения.

В связи с отсутствием единых законодательных стандартов и подходов многие аспекты эксплуатации и правового статуса отдельных видов БПЛА остаются неурегулированными, что может приводить к правовым коллизиям и препятствовать осуществлению контроля за использованием воздушного пространства.

3) Правовые несоответствия с международным законодательством.

Существующие различия между национальными правовыми нормами и международными стандартами создают неопределенность как для разработчиков и пилотов, так и для правоохранительных органов. Гармонизация законодательств приобретает особую актуальность в контексте обеспечения безопасной и эффективной эксплуатации БВС, способствуя не только выработке универсальных стандартов, но и облегчая процесс взаимодействия между государствами путем разрушения правовых барьеров.

¹ В России поставили на учет 100-тысячный беспилотник // Федеральное агентство воздушного транспорта (Росавиация) : [официальный сайт]. URL: <https://favl.gov.ru/novosti-novosti/?id=11803> (дата обращения: 16.12.2024).

² Термин «беспилотник» в исследовании используется исключительно как обиходный синоним БМС, без претензий на нормативную точность.

³ Об утверждении Стратегии развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года и плана мероприятий по ее реализации : распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 июня 2023 г. № 1630-р (ред. от 21.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2023. № 27. Ст. 5055.

Решением указанных проблем в настоящей статье выступает исследование терминов «беспилотный летательный аппарат» и «беспилотное воздушное судно», их характеристик в российском и зарубежном законодательствах, позволяющее выявить их признаки, выстроить классификацию и предложить типологию. С этой целью в статье решаются следующие задачи:

- 1) анализ международного и отечественного законодательства, а также позиций исследователей и практиков в сфере беспилотной авиации;
- 2) определение признаков БВС и построение на их основе классификации БПЛА;
- 3) формулирование типологии БПЛА.

В последние годы проблема правового регулирования беспилотной авиации привлекла внимание многих исследователей. Так, вопросы международного правового статуса БПЛА были рассмотрены в аналитических обзорах МВД России⁴ и ФСИН России [1].

Параллельно исследуются организационно-правовые средства противодействия неправомерному использованию БПЛА⁵ [2–4], изучаются вопросы правового регулирования порядка регистрационно-разрешительного производства при использовании воздушного пространства и эксплуатации БВС [5–7], а также ведутся исследования перспектив применения автономных систем⁶ [8].

Данные исследования представляют достаточную базу для анализа подходов к терминологии, используемой в области беспилотной авиации, что в свою очередь будет способствовать формированию более полного и глубокого представления о правовом регулировании данной сферы.

Методы

В настоящей работе применялись общенаучные методы исследования, такие как анализ международного и российского законодательства, позиций исследователей и практиков в контексте терминологического единства в области беспилотной авиации. Категоризация использовалась для определения ключевых признаков, позволяющих отличить БВС от иных видов БПЛА. Классификация использовалась для упорядочивания БПЛА по видам. Типологизация БПЛА применялась для их систематизации по рассматриваемым критериям и нормативному регулированию. Статистический метод использовался для исследования количественной стороны эксплуатации БВС.

Также в исследовании использовались такие частно-правовые методы научного исследования, как формально-юридический, применяемый для изучения правовых норм с целью определения свойств, признаков юридических понятий и категорий БПЛА, и сравнительно-правовой – при сопоставлении отечественной правовой системы сферы беспилотной авиации с международной для выявления их общих и особенных свойств нормативного регулирования рассматриваемой темы.

Кроме того, в работе применялся историко-правовой метод, который позволил выявить предпосылки формирования и развития понятийного аппарата, связанного с беспилотной авиацией. При его помощи выявлялись источники правовой неопределенности, а также исследовалось влияние технического прогресса на нормативное регулирование рассматриваемой категории объектов.

Результатами исследования выступают классификация и типология БПЛА, выведенные на основе комплекса их характеристик. Под классификацией понимается специфический вид логической операции, которая заключается в делении родового понятия некоторой совокупности предметов на виды, классы или подвиды на основе их общих признаков с образованием определенной системы классов данной совокупности предметов [9, с. 166]. В свою очередь, «типология как процесс (типологизация) – это метод научного познания, в основе которого лежит расчленение объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа» [10, с. 88]. Классификация превосходит типологизацию в степени строгости, уступая ей в универсальности. Многие системы, именуемые классификациями, при ближайшем рассмотрении обнаруживают явные черты типологии [10, с. 91].

⁴ Зарубежный опыт правового регулирования использования отдельных видов беспилотных летательных аппаратов : аналитический обзор / Калмыков Г. И., Запаренко А. М., Горячев А. А., Андреянов М. В. Москва : ВНИИ МВД России, 2021. 30 с.

⁵ Михайлов А. В., Бушев Р. Б. Методика противодействия беспилотным воздушным судам при охране общественного порядка и противодействия преступности : методические рекомендации. Домодедово : ВИПК МВД России, 2022. 35 с.

⁶ Бояринов Е. Искусственный интеллект в беспилотных летательных аппаратах // Вестник науки. 2023. Т. 4, № 5 (62). С. 770–773.

В первой части статьи представлен обзор терминов, понятий и определений. Во второй части исследования будет выполнена категоризация признаков БВС. В третьей части отображена типология БПЛА.

Результаты

Постановка проблемы и констатация терминологической неопределенности в сфере беспилотных мобильных средств

В начале XX века в России возникла проблема несогласованности терминологии и определений, применяемых в области авиации [11, с. 151]. В настоящее время аналогичная ситуация сложилась в сфере беспилотной авиации. Так, например, в научных исследованиях и законодательных актах беспилотники именуются по-разному.

1. В. С. Фетисов с соавторами⁷ используют термин «БМС»⁸, который, по мнению М. С. Фокина и Н. С. Рязанова [12, с. 104], является наиболее точным переводом международного термина “Unmanned vehicle”.

2. Ряд исследователей [13, с. 10], помимо термина «БМС», используют термин «беспилотное транспортное средство», утверждая, что первый является родовым по отношению ко второму и недостаточно точно передает сущность рассматриваемых средств именно как транспортных, а не просто мобильных.

3. В Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» применяется термин «беспилотный аппарат», который является собирательным, объединяя в себе «беспилотные воздушные, подводные и надводные суда и аппараты, беспилотные транспортные средства и иные автоматизированные беспилотные комплексы»⁹.

Терминологическая неопределенность в области беспилотников является серьезной преградой для эффективного правового регулирования и интеграции данных технологий в различные сферы деятельности. Многообразие используемых терминов приводит к путанице и затруднениям в правоприменении, а также создает сложности в процессе разработки стандартов и формулирования нормативных актов. Из этого следует настоятельная необходимость выработки единого согласованного подхода к терминологии в данной области, что поможет обеспечить более четкое правовое регулирование и содействовать дальнейшему развитию беспилотных технологий в России.

В перспективе, с появлением универсальных беспилотников, обладающих возможностью перемещения в нескольких средах, термин «беспилотное мобильное средство» может стать основой для дальнейшего развития законодательства. В отличие от термина «беспилотное транспортное средство» он обладает высокой степенью универсальности и позволяет учитывать перспективные направления развития гибридных моделей, фиксируя признак мобильности в пространстве.

Терминология правоприменителей в сфере беспилотных летательных аппаратов и беспилотных воздушных судов

В международном законодательстве основным нормативным правовым актом гражданской авиации является утвержденная в 1944 году в Чикаго (США) Конвенция о международной гражданской авиации¹⁰, согласно которой БВС обозначается на английском языке термином “Pilotless aircraft”¹¹.

В Глобальной эксплуатационной концепции системы организации воздушного движения, утвержденной Генеральным секретарем Международной организации гражданской авиации

⁷ Беспилотная авиация: терминология, классификация, современное состояние // Фетисов В. С., Неугодинова Л. М., Адамовский В. В., Красноперов Р. А. ; под ред. В. С. Фетисова. Уфа : ФОТОН, 2014. С. 10–11.

⁸ Искусственный мобильный объект многоразового или условно-многоразового использования, не имеющий на борту экипажа (человека-пилота) и способный самостоятельно целенаправленно перемещаться в пространстве для выполнения различных функций в автономном режиме (с помощью собственной управляющей программы) или посредством дистанционного управления (осуществляемого человеком-оператором или диспетчерским центром).

⁹ О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

¹⁰ Конвенция о международной гражданской авиации (закл. в г. Чикаго 07.12.1944) (с изм. от 26.10.1990) // СЗ РФ. 2006. № 44.

¹¹ Воздушное судно, способное совершать полеты без пилота (ст. 8 Конвенции о международной гражданской авиации).

(далее – ИКАО)¹² в 2005 году, содержится термин “*Unmanned aerial vehicle*”¹³, который в официальном переводе на русский язык означает БПЛА¹⁴.

В 2011 году ИКАО вводит еще один термин «беспилотное воздушное судно»¹⁵.

Схожая ситуация сложилась и в современном российском законодательстве. Так, помимо используемого в Воздушном кодексе Российской Федерации¹⁶ (далее – ВК РФ) термина «БВС» в Федеральных правилах использования воздушного пространства Российской Федерации¹⁷ применялся термин «БПЛА»¹⁸. На первый взгляд может показаться, что в настоящее время законодатель путем принятия изменений, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2020 г. № 74¹⁹, пришел к единому термину, заменив в Федеральных правилах использования воздушного пространства Российской Федерации термин «БПЛА» на термин «БВС». Однако в п. 3.1.1 введенного в 2017 году в действие ГОСТа Р 57258-2016 указано, что термин «БПЛА» используется наряду с термином «БВС»²⁰, который является переводом уже упомянутого международного термина “*Unmanned aircraft*”.

Согласно ВК РФ, БВС – «воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот)» (ст. 32).

В связи с тем, что БВС в первую очередь является воздушным судном, необходимо разобраться, что подразумевает отечественный законодатель под данным понятием. Так, с точки зрения вышеприведенной ст. 32 ВК РФ, воздушным судном является «летательный аппарат, поддерживаемый в атмосфере за счет взаимодействия с воздухом, отличного от взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли или воды».

Признаки и категории беспилотных летательных аппаратов и беспилотных воздушных судов в российском нормативно-правовом регулировании

Анализ приведенных понятий показывает, что для всех БПЛА имеются два обязательных общих признака:

- отнесение к категории летательных аппаратов²¹;
- способность совершать полеты без пилота.

Исходя из указанных признаков БПЛА и анализа понятия БВС, сформулируем гипотезу о том, что БВС является подвидом БПЛА. Обосновывая данную гипотезу, приведем ключевые признаки, характерные для БВС с точки зрения российского законодательства, что даст нам ориентиры, которые позволят четко отграничить БВС от других БПЛА.

Такие признаки целесообразно разделить на две группы.

1. Прямые признаки, обозначенные в определении БВС в ВК РФ:

Вид воздушного судна. ВК РФ подразделяет все воздушные суда на пилотируемые²² и беспилотные (п. 4 и 5 ст. 32). Следовательно, при определении БВС нужно принимать во внимание также признаки воздушного судна.

¹² Является одним из учреждений Организации Объединенных Наций, оказывающим содействие входящим в нее государствам во взаимовыгодном сотрудничестве по совместному использованию своего воздушного пространства.

¹³ Воздушное судно без пилота, которое выполняет полет без командира воздушного судна на борту и либо полностью дистанционно управляется из другого места (с земли, с борта другого воздушного судна, из космоса), либо запрограммировано и полностью автономно (См.: Глобальная эксплуатационная концепция ОрВД... С. 39).

¹⁴ Глобальная эксплуатационная концепция ОрВД...

¹⁵ Термин «беспилотное воздушное судно» в переводе с англ. *Unmanned aircraft* (См: ICAO Circular 328-2011 *Unmanned Aircraft Systems (UAS) Беспилотные авиационные системы (БАС)* : Международный (зарубежный) стандарт от 1 января 2011 г. № ICAO Circular 328-2011 // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564161792> (дата обращения: 15.11.2024)).

¹⁶ Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

¹⁷ Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138 (ред. от 13.06.2018) // СЗ РФ. 2010. № 14. Ст. 1649.

¹⁸ Летательный аппарат, выполняющий полет без пилота (экипажа) на борту и управляемый в полете автоматически, оператором с пункта управления или сочетанием указанных способов.

¹⁹ О внесении изменений в Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2020 г. № 74 (ред. от 21.06.2023) // СЗ РФ. 2020. № 6. Ст. 680.

²⁰ Воздушное судно, управляемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого ВС, или выполняющее автономный полет по заданному предварительно маршруту (ГОСТ Р 57258-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы беспилотных авиационных. Термины и определения. Москва : Стандартинформ, 2016. С. 5).

²¹ В действующем российском законодательстве отсутствует нормативное определение летательного аппарата. В технических стандартах под летательным аппаратом понимается устройство для полетов в атмосфере Земли или в космическом пространстве.

²² Управляемые в полете пилотом, находящимся на его борту. № 6. Ст. 680.

Управляемость и контролируемость в полете внешним пилотом. Согласно Циркуляру 328 Международной организации гражданской авиации «Беспилотные авиационные системы (БАС)» под внешним пилотом понимается «лицо, манипулирующее²³ органами управления дистанционно пилотируемого воздушного судна (далее – ДПВС)²⁴ в течение полетного времени»²⁵, т. е. управляемость БВС обеспечивается внешним пилотом.

ВК РФ, определяя критерий контролируемости²⁶, устанавливает права командира БВС, одним из которых является право на «принятие окончательного решения о прекращении полета и возвращении на аэродром или о вынужденной посадке в случае явной угрозы безопасности полета БВС».

Исходя из вышеуказанного, можно сделать следующие выводы:

а) термин «ДПВС», применяемый в ИКАО, и термин «БВС», используемый в российском законодательстве, являются синонимами;

б) сфера отечественного правового регулирования не охватывает предусмотренные ИКАО классы БВС, управляемые автономно (автоматически), а также управляемые смешанно – автономно и (или) наземным пилотом.

Можно прогнозировать, что перед российским законодателем в ближайшее время встанет вопрос о расширении толкования термина «БВС» путем включения в его понятие, указанное в ч. 5 ст. 32 ВК РФ, признака автономности (например, в формулировке ИКАО: «...или выполняющее автономный полет по заданному предварительно маршруту»²⁷). Это обусловлено динамичным развитием и постоянным расширением сферы беспилотной авиации, что не дает возможности игнорировать влияние таких изменений на существующие правовые рамки. Уже сейчас существуют полностью автономные БПЛА, которым оператор нужен только для инициирования работы системы. Так, ряд исследователей [14] считает, что внедрение технологий искусственного интеллекта позволит расширить возможности и сферы применения БПЛА. Однако директор Института воздушного и космического права «АэроХелп» О. И. Аксаментов утверждает, что в настоящей формулировке понятия БВС «важным является то, что в каждый момент времени человек осуществляет контроль за ходом выполнения полета или, по крайней мере, в любой момент может вмешаться в него»²⁸.

2. Косвенные признаки, указанные в иных положениях ВК РФ. К таким признакам можно отнести следующие:

*Вид летательного аппарата*²⁹.

Среда полета. Исходя из определения воздушного судна, указанного в ВК РФ, термином «беспилотное воздушное судно» обозначаются летательные аппараты, перемещающиеся в атмосфере³⁰.

Однако ошибочно полагать, что космический аппарат, находящийся в атмосфере иного космического объекта, будет считаться БВС. В связи с этим, необходимо учитывать, что воздушное судно должно взаимодействовать именно с воздухом³¹.

Принцип полета. Не каждое взаимодействие с воздухом позволяет классифицировать летательный аппарат как воздушное судно. Чтобы летательный аппарат являлся таковым, необходимо его поддержание в атмосфере за счет взаимодействия с воздухом, отличного от взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли или воды.

Возможность поддержания полета. Одним из критериев отнесения летательного аппарата к воздушному судну законодатель определил его (аппарата) физическую способность определенным

²³ Умело обращающееся или управляющее беспилотным воздушным судном с рабочего места пилота, которое не находится на борту воздушного судна, то есть дистанционно пилотирующее.

²⁴ Согласно положениям ИКАО под дистанционно пилотируемым воздушным судном подразумевается воздушное судно, которое пилотирует пилот, не находящийся на борту этого воздушного судна. При этом ДПВС является одним из видов БВС наряду с автономными воздушными судами ("Autonomous aircraft"), выполнение полетного задания которых не предусматривает вмешательство пилота.

²⁵ URL: <https://docs.cntd.ru/document/564161792> (дата обращения: 15.11.2024).

²⁶ Свойство объекта, обеспечивающее возможность, удобство и надежность контроля его состояния, который осуществляется на основе наблюдения за поведением управляемой системы с целью обеспечения оптимального функционирования последней.

²⁷ URL: <https://docs.cntd.ru/document/564161792> (дата обращения: 15.11.2024).

²⁸ Комментарий к ВК РФ : Статья 32. Воздушное судно // Юридического бюро AERONHELP : [сайт]. URL: <https://aerohelp.ru/infocenter/aircode/article32/> (дата обращения: 16.10.2024).

²⁹ Согласно Воздушному кодексу Российской Федерации, воздушное судно является одним из видов летательного аппарата, поэтому БВС, являясь разновидностью воздушного судна, также является одним из видов летательного аппарата.

³⁰ Газообразная оболочка небесных тел, движущаяся с ними как единое целое.

³¹ Воздух составляет воздушную оболочку Земли и отсутствует на других небесных телах.

образом перемещаться в атмосфере, т. е. изменять свое местоположение в воздушном пространстве в результате воздействия на него аэродинамических сил или плавучести³².

Обобщение признаков БВС позволяет нам сформулировать критерии классификации и типологизации БПЛА (таблица 1).

Таблица 1

Основные критерии классификации и типологии БПЛА

Table 1

Main criteria for classification and typology of UAVs

Пример БПЛА	Критерий			
	Среда полета	Принцип полета	Возможность постоянного полета	Возможность управления и контроля
БВС	Атмосфера, а именно воздушное пространство*	За счет взаимодействия с воздухом, отличного от взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли или воды*	Способны самостоятельно поддерживать постоянный полет*	В каждый момент времени пилот осуществляет управление и контроль за ходом выполнения полета*
Автономное воздушное судно	То же	То же	То же	Управление происходит автономно, контроль за ходом выполнения полета может происходить только с помощью искусственного интеллекта, а человек не может вмешаться в полет ³³ ***
Беспилотный экраноплан или другой аппарат, перемещающийся за счет экранного эффекта ³⁴	«	За счет взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли или воды**	«	Могут быть: – управляемыми и контролируруемыми*; – полностью автономными**
Воздушный змей	«	За счет взаимодействия с воздухом, отличного от взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли или воды, а именно за счет давления ветра на поверхность, создавая подъемную силу при натяжении леера ³⁵ (веревки)*	Способны поддерживать постоянный полет только при наличии внешнего воздействия и за счет леера **	Управление и полет зависят от внешнего воздействия в виде давления ветра, т. е. не могут быть полностью контролируемыми**
Парашюты и парашютисты	«	За счет взаимодействия с воздухом, отличного от взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли или воды, а именно передвижение путем спуска с высоты с использованием сопротивления воздуха (принцип свободного падения)*	Не поддерживаются в воздухе длительное время и не могут контролироваться изменять свое местоположение**	Если управление и возможно, то контроль отсутствует полностью**

³² URL: <https://aerohelp.ru/infocenter/aircode/article32/> (дата обращения: 16.10.2024).

³³ С точки зрения ГОСТа Р 57258-2016 «Системы беспилотные авиационные. Термины и определения» и классификации ИКАО БВС является разновидностью БВС.

³⁴ Экранный эффект или эффект влияния земли – увеличение аэродинамической подъемной силы и уменьшение силы лобового сопротивления крыла, движущегося над экраном. Прирост подъемной силы крыла вблизи экрана вызывается повышением давления на его нижней поверхности (динамическая воздушная подушка).

³⁵ Веревка или трос.

Продолжение таблицы 1

Пример БПЛА	Критерий			
	Среда полета	Принцип полета	Возможность постоянного полета	Возможность управления и контроля
Ракета или снаряд на реактивном двигателе	« космическое пространство**	Движение основано на реактивной тяге**	Способны самостоятельно поддерживать постоянный полет*	Могут быть: – управляемыми и контролируемые*; – полностью автономными**
Беспилотный космический аппарат	Космическое пространство или атмосфера других небесных тел, т. е. не воздушное пространство**	Движение основано на взаимодействии с вакуумом, отсутствием атмосферы или воздушного пространства**	То же	То же
Баллистические снаряды	Атмосфера, а именно воздушное пространство*	Двигаются по баллистической траектории и не используют подъемную силу воздуха для полета**	Не способны самостоятельно поддерживать постоянный полет**	В большинстве своем находятся в неуправляемом движении. Однако существуют разновидности баллистических ракет, управление которыми осуществляется с помощью инерциальной системы, но полный контроль отсутствует**
Примечания: * Признаки БПЛА, совокупность которых по всем четырем критериям позволит определить БПЛА как БВС. ** Признаки, отличающие иные БПЛА от БВС. *** Признак, который одни нормативные правовые акты позволяют отнести к БВС, а другие – препятствуют этому.				

Необходимость их применения обусловлена следующими факторами:

1. *Стандартизацией.* Наличие четких критериев для классификации будет способствовать выработке единого подхода к оценке и регулированию сферы беспилотников, что позволит точно фиксировать границу между различными типами БПЛА.

2. *Повышением эффективности регулирования.* Критерии, отраженные в таблице, содержат необходимую информацию для разработки правовых норм, технических требований и стандартов, что особенно важно в условиях непрерывного развития отрасли беспилотников и их внедрения в различные сферы.

3. *Оптимизацией процесса нормотворчества, правоприменения и обучения.* Сформированная структура признаков будет служить основой для создания целенаправленных норм, которые станут учитывать специфические характеристики БПЛА. Предложенная автором структура позволит систематизировать подходы к разработке нормативных актов, ускорив процесс нормотворчества. Признаки и категории БПЛА будут также способствовать повышению уровня подготовки специалистов и улучшению координации действий при реагировании на потенциальные угрозы, связанные с использованием БПЛА.

Обсуждение

Завершая анализ, констатируем, что БВС является видом БПЛА, относящимся к классу воздушных судов. Для идентификации БПЛА как БВС нужно, чтобы он:

- использовал воздушное пространство для полетов;
- поддерживался в атмосфере за счет взаимодействия с воздухом, отличного от взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли или воды;
- мог самостоятельно поддерживать постоянный полет;
- был управляемым и контролируемым в каждый момент времени.

Вместе с тем предложенная классификация не лишена недостатков и оспорима. Ряд исследователей считает, что, несмотря на законодательно закрепленные признаки БВС, они недостаточно полно отражают все свойства, закладываемые в этот термин.

Так, В. С. Фетисов с соавторами³⁶ и Е. Л. Карякин выделяют критерий многоразовости³⁷ [15, с. 130] или условной многоразовости³⁸. Данный признак позволяет отличить БВС от, например, крылатой ракеты, т. к. по сути «крылатая ракета – это прежде всего средство доставки до цели боевого заряда, который является главным компонентом ракеты и интегрирован с ее другими подсистемами, подчиненными главной задаче – поражению цели, после чего ракета перестает существовать»³⁹.

Кроме того, часть специалистов считает, что из-за невозможности таких объектов, как, например, метеорологический зонд, самостоятельно перемещаться в пространстве (они зависят от ветра или других самостоятельно перемещающихся объектов), их нельзя считать БВС⁴⁰.

С учетом изложенных критериев и признаков БПЛА определим их классификацию, которая позволит нам понять их разнообразие и функциональные возможности. Классификация будет проводиться по следующим параметрам:

1. По среде полета:
  - использующие атмосферу Земли, т. е. воздушное пространство;
  - использующие космическое пространство или атмосферу других небесных тел;
  - универсальные, т. е. использующие и атмосферу, и космическое пространство.
2. По принципу полета:
  - поддерживаемые в полете за счет взаимодействия с воздухом, отличного от взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли или воды;
  - поддерживаемые в полете за счет взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли или воды;
  - поддерживаемые в полете за счет реактивной тяги;
  - поддерживаемые в полете за счет взаимодействия силы тяготения с вакуумным полем, отсутствием воздушного пространства;
  - находящиеся в полете за счет силовой установки или запускающего устройства, движущиеся по баллистической траектории и не использующие подъемную силу воздуха для полета.
3. По способности постоянного полета:
  - способные самостоятельно поддерживать постоянный полет;
  - способные поддерживать постоянный полет только при наличии внешнего воздействия;
  - не способные самостоятельно поддерживать постоянный полет.
4. По возможности управления и контроля:
  - а) управляемые и контролируемые пилотом в каждый момент времени полета;
  - б) не управляемые и не контролируемые пилотом в каждый момент времени полета, которые, в свою очередь, подразделяются на:
    - не управляемые и не контролируемые вообще;
    - управляемые, но не контролируемые;
    - автономные;
    - универсальные, т. е. способные как поддерживать постоянный полет автономно, так и за счет постоянного контроля и управления пилота.

Кроме того, сформулированные критерии БПЛА позволяют нам провести типологизацию. Типология будет включать пять типов БПЛА (рисунок 1):

1 тип. Включает только БВС, которое соответствует всем признакам, предъявляемым к нему российским и международным законодательством.

2 тип. Содержит только АВС, которое согласно руководству ИКАО и основанного на нем ГОСТ Р 57258-2016 является видом БВС, однако не подходит под требования ВК РФ в существующей ныне формулировке.

3 тип. Включает беспилотные аппараты, которые по классификации Международной морской организации⁴¹ (ИМО) относятся к морским судам. Однако в настоящее время существует

³⁶ Беспилотная авиация...

³⁷ Там же. С. 11.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 12.

⁴¹ International Maritime Organization (IMO) – является специализированным учреждением Организации Объединенных Наций, отвечающим за безопасность и надежность судоходства и предотвращение загрязнения морской среды и атмосферы судами.

несколько проектов управляемых компьютером экранопланов (экранолеты), способных увеличивать высоту полета за пределы действия «экранного эффекта». В таком режиме они будут по всем критериям подходить под признаки БВС.

4 тип. Охватывает воздушные змеи, парашюты и параглайдеры, которые согласно Федеральным правилам использования воздушного пространства Российской Федерации⁴² используют воздушное пространство класса G⁴³. В связи с этим для полетов БПЛА данного типа не нужно проходить регистрацию и получать разрешение, однако необходимо правильно знать и определять структуру воздушного пространства в районе предполагаемого полета.

5 тип. Объединяет ракеты и снаряды с реактивным двигателем, БКА и БС, которые имеют двойное назначение и требуют особого контроля и регулирования национальными и международными правовыми нормами. Кроме того, конверсионная история, которая предполагает возможность адаптации БПЛА, разработанных для военных целей, для гражданского применения, либо наоборот – о гражданских БПЛА, модифицированных для военных нужд. Такая история развития обуславливает необходимость особых требований к регистрационно-разрешительной системе и предполагает системный подход и междисциплинарное взаимодействие для формирования целостной правовой среды использования данного типа БПЛА.

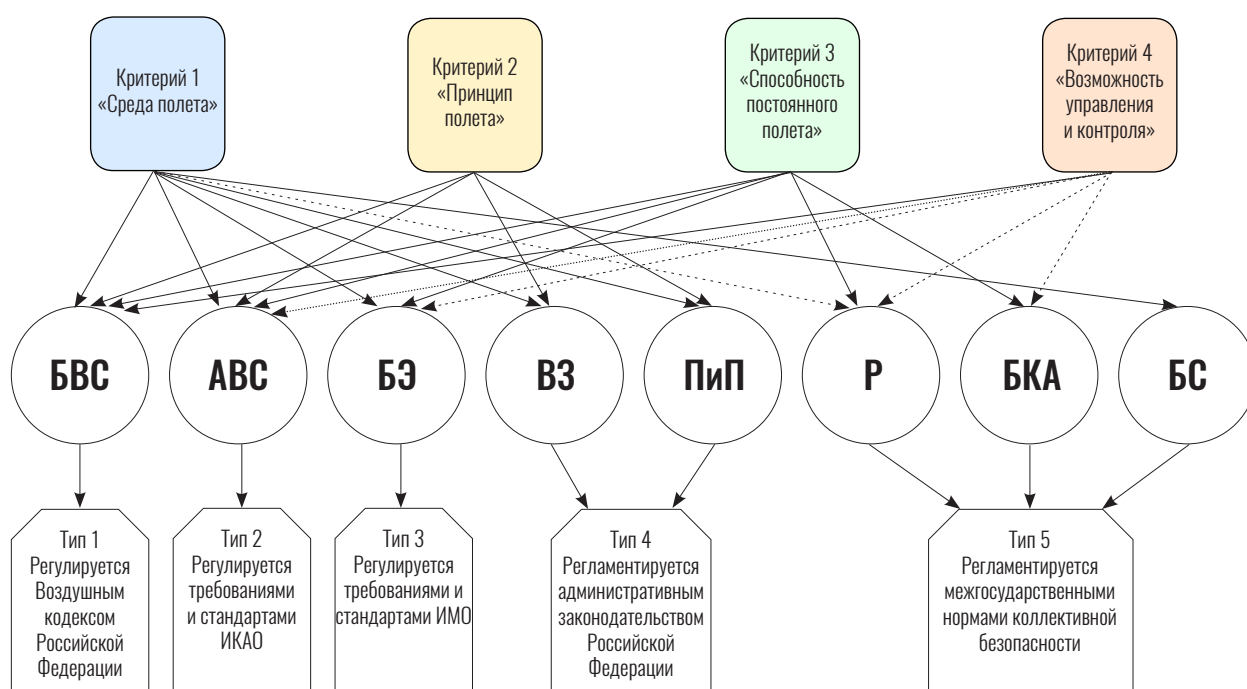

Рис. 1. Типология БПЛА

Fig. 1. UAVs typology

Разработанные критерии и типология БПЛА обладают практической значимостью для правоохранительных органов, обеспечивая оперативную оценку угроз, связанных с противоправной эксплуатацией БВС. Кроме того, они играют важную роль при проведении проверок и экспертиз. Применение типологического подхода позволяет правоприменителям идентифицировать объекты правонарушения, корректно соотносить их с действующим законодательством и избегать правовых коллизий при административной или уголовной квалификации деяний.

⁴² СЗ РФ. 2010. № 14. Ст. 1649.

⁴³ Разрешаются полеты, выполняемые по правилам полетов по приборам и правилам визуальных полетов. Эшелонирование воздушных судов не производится. Все полеты по запросу обеспечиваются полетно-информационным обслуживанием. Для всех полетов на высотах ниже 3 050 м действует ограничение по скорости, составляющее не более 450 км/ч. Воздушные суда, выполняющие полеты по правилам полетов по приборам, обязаны иметь постоянную двухстороннюю радиосвязь с органом обслуживания воздушного движения (управления полетами). При полетах воздушных судов по правилам визуальных полетов наличие постоянной двухсторонней радиосвязи с органом обслуживания воздушного движения (управления полетами) не требуется. При выполнении всех полетов воздушных судов наличие разрешения на использование воздушного пространства не требуется.

3 заключение

Проведенный в настоящем исследовании анализ выявил внутренние логические связи между терминами «БПЛА» и «БВС», что дало возможность на основе выявленных ключевых признаков, отличающие БВС от иных типов БПЛА, предложить пути устранения терминологических противоречий в российской правовой системе.

Вместе с тем исследование позволило определить критерии БПЛА, такие как «среда полета», «принцип полета», «возможность постоянного полета» и «возможность управления и контроля». На основе данных критериев осуществлена классификация БПЛА, способствующая более четкому пониманию их функциональных возможностей и упрощению нормотворчества и правоприменения в области беспилотной авиации.

Кроме того, на основе выявленных критериев проведена типологизация БПЛА, подразделяющая рассматриваемые модели БПЛА на 5 типов:

- 1) регулируемые ВК РФ;
- 2) регулируемые руководствами и стандартами ИКАО;
- 3) регулируемые требованиями и стандартами ИМО;
- 4) регламентируемые административным законодательством Российской Федерации;
- 5) регулируемые межгосударственными нормами коллективной безопасности.

Выделенные типы показывают связь каждой группы как с выявленными критериями, так и с определенной сферой законодательства.

Таким образом, настоящее исследование обладает не только теоретико-правовым, но и прикладным аспектом, поскольку результаты классификации и типологии БПЛА могут быть использованы в деятельности органов внутренних дел при обеспечении правопорядка, мониторинге воздушного пространства, а также при выявлении и предотвращении противоправного использования БВС, что подчеркивает актуальность работы в рамках публично-правовых наук.

Полученные результаты могут служить основой для дальнейшей разработки стандартов безопасности и регулятивных норм, устранив неопределенности в правоприменении. Кроме того, они могут стать отправной точкой не только для гармонизации законов на федеральном уровне, но и синхронизации с международными нормами, что обеспечит повышение уровня международного сотрудничества в сфере авиации и позволит им быть модельными в силу своей проработанности.

Полученные в ходе настоящего исследования знания также послужат основой для дальнейших научных изысканий, направленных на выработку единых объективных, научно обоснованных и адаптированных к новым разработкам и технологиям определений понятий «БПЛА» и «БВС».

Список источников

1. Быков А. И. Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства, регулирующего ввоз и реализацию беспилотных летательных аппаратов // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 4 (30). С. 14–19.
2. Александров А. Н., Дизер О. А. Организационно-правовые аспекты применения полицией специальных технических средств противодействия беспилотным воздушным судам / Актуальные проблемы полицейского права : материалы международной научно-практической конференции, г. Омск, 1–2 июня 2023 г. Омск : Омская академия МВД России, 2023. С. 3–7.
3. Александров А. Н., Дизер О. А. Особенности применения полицией специальных технических средств противодействия беспилотным воздушным судам как административный элемент управления / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 24 марта 2023 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 747–751.
4. Гадельшин Р. Р., Сатишев Р. П., Павленко С. А. Противодействие применению беспилотных воздушных судов в противоправных целях // Вестник науки. 2023. Т. 1, № 12 (69). С. 813–820.
5. Громова Е. А. Правовые аспекты регистрации и использования беспилотных летательных аппаратов в России и за рубежом // Право и экономика. 2019. № 7. С. 59–63.
6. Грищенко Г. А. Правовое регулирование беспилотных летательных аппаратов: российский подход и мировая практика // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 129–136. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.64.12.129-136>.
7. Быков А. И. К некоторым вопросам правового регулирования полетов беспилотных летательных аппаратов на территории Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 4 (35). С. 194–199.
8. Макаренко С. И. Робототехнические комплексы военного назначения – современное состояние и перспективы развития // Системы управления, связи и безопасности. 2016. № 2. С. 73–132.
9. Маркова-Мурашова С. А. Классификация, типология, систематизация правовых понятий как методологические предпосылки конкретизации законодательства // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 164–171.

10. Коновалов С. И., Маркова-Мурашова С. А. Систематизация и типологизация как методологические процедуры правовых исследований // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1–2. С. 86–97.

11. Перетерский И. С. Самолет как объект гражданского права по советскому законодательству // Вопросы воздушного права : Вып. 1–2 : сборник трудов секции воздушного права Союза Осоавиахим СССР и Осоавиахим РСФСР / под ред. П. И. Баранова, В. А. Зарзара [и др.]. Москва : Государственное издательство, 1930. С. 150–164.

12. Фокин М. С., Рязанов Н. С. Актуальные проблемы уголовно-правовой регламентации противоправного использования беспилотных мобильных средств // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1 (86). С. 103–110. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.86.1.103-110>.

13. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex Russica. 2019. № 2 (147). С. 9–28. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.147.2.009-028>.

14. Пешкова Г. Ю., Плотников Г. А. Взаимодействие автономных беспилотных воздушных судов с использованием технологий искусственного интеллекта // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 8 (ч. 2). С. 285–289. <https://doi.org/10.17513/vaael.2378>.

15. Карякин В. В. Беспилотные летательные аппараты – новая реальность войны // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 3 (30). С. 130–145.

Научная статья

УДК 342.98

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-92-98>

Проблемы оптимизации системы административных наказаний в Российской Федерации

Диана Рафаэлевна Усманова, кандидат юридических наук

Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д. 1), Российская Федерация

udrdiana2017@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6101-8077>

Аннотация:

Введение. В статье раскрываются понятие и цели административного наказания, анализируется эффективность административных наказаний, предусмотренных действующим законодательством, в контексте систематизации таких наказаний. Определено, что, несмотря на наличие отдельных признаков систематизации, в целом вести речь о четком законодательном закреплении системы административных наказаний нет оснований. Текущее состояние законодательного регулирования системы административных наказаний не позволяет однозначно определить их взаимную соразмерность с точки зрения строгости, подобрать оптимальное наказание для достижения его целей с учетом особенностей конкретного правонарушителя. Такое положение вещей является одним из ключевых факторов, снижающих эффективность института административной ответственности в целом.

Методы. В работе использовались общенаучные методы познания – сравнения, анализа, синтеза, абстрагирования, системного, структурного и функционального подхода.

Результаты. Предложено законодательно определить градацию административных наказаний по интенсивности их воздействия на правонарушителя, т. е. по их строгости. При этом следует не только расположить виды административных наказаний в порядке повышения их строгости, но и сделать это обособленно для физических и юридических лиц. Аргументировано положение, что законодательное закрепление системы административных наказаний не должно сводиться к их простому перечислению в порядке «увеличения строгости» и дифференциации на основные и дополнительные. Системность административных наказаний необходимо раскрыть за счет совершенствования законодательного регулирования общих правил их назначения, закрепления механизмов взаимной замены таких наказаний, возможности назначения отдельных видов наказаний сверх либо ниже установленных пределов при наличии предусмотренных законом обстоятельств. Сформулированы отдельные законодательные предложения по совершенствованию системы административных наказаний.

Ключевые слова:

административная ответственность, административное принуждение, административное наказание, система, санкция, предупреждение правонарушений, цели наказания

Для цитирования:

Усманова Д. Р. Проблемы оптимизации системы административных наказаний в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 92–98. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-92-98>.

Статья поступила в редакцию 26.07.2024;
одобрена после рецензирования 31.03.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Challenges in optimising the system of administrative punishments in the Russian Federation

Diana R. Usmanova, Cand. Sci. (Jurid.)

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

udrdiana2017@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6101-8077>

© Усманова Д. Р., 2025

Abstract:

Introduction. The article reveals the concept and purposes of administrative punishment, analyses the effectiveness of administrative sanctions specified by the current legislation in the context of systematisation of such punishments. The author determines that, despite the presence of certain features of systematisation, there is no reason to talk about a clear legislative consolidation of the system of administrative punishments. The current state of legislative regulation of the system of administrative punishments can not definitely assess their mutual proportionality with regard to severity, as well as determine the optimal punishment in achieving its goals, taking into account the characteristics of a particular offender. Such a situation is one of the key factors in reducing the effectiveness of the institute of administrative liability as a whole.

Methods. The research involved general methods of cognition – comparison, analysis, synthesis, abstraction, systemic, structural and functional approach.

Results. The author proposed to legislatively determine the gradation of administrative punishments according to the intensity of their impact on an offender, i.e. according to their severity. In this regard, it is necessary not only to arrange types of administrative punishments in the order of increasing of their severity, but also to ensure the implementation of this process separately for individuals and legal entities. Besides, the author substantiates the idea that legislative consolidation of the system of administrative punishments should not be simplified down to their listing in the order of 'increasing severity' and differentiating them into basic and additional ones. The systemic nature of administrative punishments should be revealed through the improvement of legislative regulation of the general rules of their imposition, consolidation of mechanisms of mutual replacement of such punishments, the possibility of imposing certain types of punishments above or below the established limits under circumstances provided by the law. Some legislative proposals for improving the system of administrative punishments are formulated.

Keywords:

administrative liability, administrative coercion, administrative punishment, system, sanction, prevention of offences, purposes of punishment

For citation:

Usmanova D. R. Challenges in optimising the system of administrative punishments in the Russian Federation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 92–98. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-92-98>.

The article was submitted January 9, 2025;
approved after reviewing April 9, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Как известно, нормы права – это разновидность социальных норм поведения, ключевой особенностью которых является их обеспечение государственным принуждением. Несоблюдение юридической нормы, как правило, становится основанием для привлечения субъектов права к юридической ответственности. Видом и мерой ответственности выступают негативные последствия, которые претерпевает правонарушитель. Не является в этом смысле исключением институт административной ответственности и административные наказания – как вид и мера такой ответственности.

Административная ответственность – это административно-правовой институт, предназначенный для охраны общественных отношений в различных областях государственного управления, а также для охраны конституционных прав и свобод граждан. Административные наказания применяются в профилактических целях и являются одним из административно-правовых средств обеспечения стабильности и устойчивости системы государственного управления. При этом административные наказания – вид санкций, применяемый в России чаще всего. Ежегодно органами административной юрисдикции назначается несколько миллионов административных наказаний¹.

Стоит отметить, что сегодня имеется множество неразрешенных вопросов, дискуссий связанных с административными наказаниями, с их системой, назначением и исполнением. С 2001 года, когда был принят действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях² (далее – КоАП РФ), на протяжении двух десятилетий в него многократно вносились поправки и изменения³. При этом количество возбужденных дел об административных правонарушениях, рассмотренных судами общей юрисдикции, продолжает расти: в 2022 году их рост составил 18 %, а аналогичных дел, рассмотренных арбитражными судами, – на 16 %⁴.

Оценивая эффективность административных наказаний на современном этапе в России, необходимо прежде всего оценить степень достижения целей такого наказания в правовой действительности. Отметим, что изо всех административных наказаний самым частым является административный штраф. По статистике Судебного департамента при Верховном Суде

¹ Судебная статистика. Форма 1АП // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 20.01.2024).

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

³ См. подробнее: Пояснительная записка к проекту Федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России 30.01.2020) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов : [официальный сайт]. URL: <http://www.regulation.gov.ru> (дата обращения: 20.01.2024).

⁴ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 20.05.2024)..

Российской Федерации, в 2022 году судами судебной системы назначено 411 687 административных штрафов на общую сумму 80 млрд 329 млн руб. В 2021 году сумма назначенных штрафов была значительно ниже и составила 56 млрд 800 млн рублей. При этом в 2021 году из всего объема назначенных административных штрафов уплачено лишь 18 %, а в 2022 году – 23,5 %⁵.

Таким образом, статистика применения наиболее распространенного вида административного наказания позволяет сделать вывод, что один из важнейших принципов административной ответственности – принцип неотвратимости административного наказания – в настоящее время не реализован. В такой ситуации, очевидно, не может быть и речи и о достижении целей административного наказания в виде частной и общей превенции административных правонарушений. Одна из причин складывающегося положения вещей, как представляется, связана с недостаточным законодательным регулированием системы административных наказаний. Подобное регулирование, надлежащим образом законодательно оформленное, позволило бы правоприменителю выбирать оптимальный вид и меру наказания с учетом особенностей лица, в отношении которого ведется производство: его финансового положения (платежеспособности), социального статуса, иных характеристик.

Методы

В работе использовались общие методы познания – сравнения, анализа, синтеза, абстрагирования, системного, структурного и функционального подхода. При анализе законодательных основ, закрепляющих виды административных наказаний, применялся формально-юридический метод.

Результаты

В административно-правовой литературе понятие административного наказания (взыскания) используется в самых различных значениях:

- 1) «как реакция государства на совершенное административное правонарушение» [1];
- 2) «мера ответственности за административное правонарушение» [2, с. 195];
- 3) «санкция за совершение административных проступков или как применение государством предусмотренных в административно-правовой норме карательных (штрафных) санкций к правонарушителям» [3, с. 4];
- 4) «выражение отрицательной оценки государством совершенного правонарушения и самого правонарушителя» [4, с. 15];
- 5) «кара, т. е. причинение виновному в совершении административного правонарушения определенных страданий, лишений и т. д.» [5, с. 59];
- 6) «вид административного принуждения или принудительная мера государственного воздействия на нарушителя соответствующих административных правил» [6, с. 132] и т. п.

Учитывая, что единственными целями административного наказания, закрепленными в действующем законодательстве, выступает частная и общая превенция правонарушений (ст. 3.1 КоАП РФ), важно, чтобы привлекаемое к административной ответственности лицо воспринимало принимаемое к нему административное наказание как справедливое и соразмерное. Только в таком случае можно рассчитывать на действительное исправление лица, привлеченного к административной ответственности. В этом смысле административная ответственность как разновидность юридической ответственности имеет ярко выраженный воспитательный и предупредительный характер. Отдельные специалисты даже называют цель административной ответственности превентивно-воспитательной [7, с. 44].

Верными представляются суждения о том, что бесконечные изменения и дополнения, вносимые в КоАП РФ, принципиально изменили облик современного кодекса по сравнению с его первоначальной редакцией. Налицо нарушение «правового баланса в сфере федеративных отношений», тенденция к безграничному увеличению запретов, которые нарушают принцип соразмерности вины и ответственности, «слишком высокие административные штрафы», что свидетельствует о системности проблемы правового регулирования [8, с. 1]. Сказанное в полной мере следует отнести к правовому регулированию системы административных наказаний.

Согласимся и с тем, что одной из негативных тенденций развития административно-деликтного законодательства является нестабильность Общей части КоАП РФ, регулирующей статус субъектов административных правонарушений с точки зрения их соответствия системе административных наказаний. По существу, общие правила превратились в перечень изменений, диктуемых Особенной частью КоАП РФ [9, с. 62].

⁵ URL: <http://www.cdep.ru/idx.php?id=5> (дата обращения: 20.05.2024).

В настоящее время в соответствии со ст. 3.2 КоАП РФ предусмотрено десять видов административных наказаний. Характеризуя их систему, необходимо отметить, что они делятся на две группы: основные и дополнительные. Предупреждение, административный штраф, лишение специального права, предоставленного физическому лицу, за исключением права управления транспортным средством соответствующего вида, административный арест, дисквалификация, административное приостановление деятельности и обязательные работы могут устанавливать-ся и назначаться судом только в качестве основных административных наказаний.

В свою очередь, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, лишение специального права в виде права управления транспортным средством соответствующего вида, административное выдворение, а также административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения могут применяться в качестве не только основного, но и дополнительного наказания.

С учетом некоторой системы административных правонарушений и их многочисленных научных дифференциаций у автора вполне естественно возникает вопрос о возможности и необходимости систематизации мер государственного реагирования на подобное системное административно-деликтное образование. Ибо, на наш взгляд, бессистемное противодействие административной деликтности, характеризующейся комплексом системообразующих признаков, бесперспективно [10, с. 80].

На проблемы в контексте систематизации административных наказаний указывают и авторы Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Так, в разделе 6 упомянутой Концепции сказано, что система исполнения административных наказаний прежде всего должна быть ориентирована на формирование в обществе четкого понимания обязанности самостоятельного и добровольного их исполнения⁶. На несистемность изменений, вносимых в законодательство об административных правонарушениях, указывают также представители научного сообщества [11, с. 19; 12, с. 320].

В действующем административно-деликтном законодательстве такая категория, как «система административных наказаний», не используется. При этом не применяется аналогичный термин и в уголовном законе. Однако теоретики уголовного права традиционно настаивают на наличии в уголовном праве системы уголовных наказаний [13, с. 66; 14, с. 189].

В науке понятие «система» рассматривается с различных ракурсов:

- порядок, обусловленный правильным расположением чего-либо в определенной связи⁷;
- четко расчлененное целое, элементы которого по отношению к целому и остальным его частям занимают соответствующие им места⁸;
- множество связанных между собой компонентов той или иной природы, упорядоченное по отношениям, связанное вполне определенными свойствами [15, с. 82].

При этом общепринято, что любая система характеризуется не только наличием связей между ее структурными элементами, но и неразрывным единством с окружающей действительностью. Именно во взаимодействии с окружающей действительностью (в нашем случае речь идет о социально-правовой действительности) система проявляет свою целостность⁹.

Научно обоснованное определение системных свойств предусмотренной законодательством совокупности административных наказаний, нормативно-правовое закрепление таких свойств лежит, как представляется, в основе повышения эффективности института административной ответственности. Такой подход обеспечит большую действенность применяемых административных наказаний с точки зрения достижения их целей за счет повышения гибкости их применения, возможности выбора такого наказания, которое в значительной степени будет учитывать индивидуальный характер каждого дела.

Например, назначая наказание субъекту предпринимательской деятельности, правоприменитель обязан учитывать не только необходимость административного воздействия на правонарушителя, но и публичный интерес, связанный со свободой экономической деятельности, предпринимательством. Если назначаемое наказание может повлечь несоразмерные последствия деянию (банкротство, необходимость сокращений персонала и т. п.), даже если при этом соблюдены все формально-юридические требования (материального

⁶ Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (по состоянию на 10.06.2019) // Правительство Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://static.government.ru> (дата обращения: 20.05.2024).

⁷ Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Ленинград : Издательство и 1-я типография Издательства Академии наук СССР в Ленинграде, 1962. Т. 13. С. 854.

⁸ Философский энциклопедический словарь. Москва : ИНФРА-М, 1998. С. 415.

⁹ Бондаренко Г. В. Проблемы взаимоотношения системы и целого в объективном мире и в познании : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Москва, 1984. С. 3.

и процессуального характера), то такое применение административного законодательства сложно признать эффективным.

В этом смысле система административных наказаний должна быть гибкой и давать предусмотренную законодательством возможность замены одних административных наказаний другими с учетом конкретных обстоятельств дела. Отметим, что законодателем на данном пути определенные шаги делаются: например, ст. 4.1.1 КоАП РФ предусматривает замену административного штрафа на предупреждение за впервые совершенное административное правонарушение, выявленное в рамках государственного контроля.

Тем не менее о полноценной систематизации административных наказаний говорить пока не приходится. Система предполагает определенную иерархию множества при расположении ее структурных элементов и частей в порядке убывания их величины и значимости от высшего элемента к низшему и (или) наоборот – в порядке возрастания (восхождения) от низшего элемента к высшему. Применительно к любым правовым наказаниям, включая и административные наказания, их иерархичность не только имеет познавательное и теоретическое значение, но и выполняет сугубо практическую роль. Она проявляется, например, при оценке степени общественной опасности деяний (особенно правонарушений с формальным составом и разнородными непосредственными объектами противоправных посягательств), совершенных в условиях крайней необходимости или необходимой обороны.

При этом, безусловно, проблема определения иерархии (по степени строгости) административных наказаний – одна из самых сложных. Действительно, сложно определить, какие последствия для лица, в отношении которого ведется производство по делу, более неблагоприятные: административный штраф, административный арест или обязательные работы. Для безработного человека, например, выбор неочевиден. То же можно сказать о соотношении административного штрафа и административного приостановления деятельности для юридических лиц.

Если говорить об административном аресте, необходимо отметить, что данный вид наказания согласно действующему законодательству носит исключительный характер (ч. 2 ст. 4.9 КоАП РФ). Иные виды административных наказаний признаком исключительности законодатель не наделяет, что, на наш взгляд, указывает на наивысшую строгость административного ареста.

Вместе с тем дисквалификация как вид административного наказания, применяемый по отношению к специальному субъекту – должностному лицу, очевидно, влечет для носителя специального статуса гораздо более существенные последствия, чем административный арест. Последствия применения данного вида наказания выражаются для наказанного не только в финансовом эквиваленте (в форме невыплаты заработной платы в период действия наказания), но, что более важно, – в карьерных рисках. Назначение наказания в виде дисквалификации с высокой долей вероятности существенно затруднит деятельность физического лица в качестве должностного даже после истечения срока дисквалификации, поэтому логичным шагом в рамках оптимизации системы административных наказаний представляется отграничение административных наказаний, назначаемых в отношении должностных лиц, от иных видов наказаний. Действующее законодательство предусматривает только один вид административного наказания, применяемого в отношении должностных лиц, что, однако, может измениться в будущем. Последний тезис справедлив также и для наказаний, применяемых как к физическим, так и к юридическим лицам.

На наш взгляд, закрепление системы административных наказаний в действующем законодательстве целесообразно осуществить дифференцированно для физических и юридических лиц. Это связано с тем, что отдельные виды наказаний могут применяться только к физическим лицам, а административное приостановление деятельности – только к юридическим лицам, поэтому следует не только расположить виды административных наказаний в порядке повышения их строгости, но и сделать это обособленно для граждан и организаций.

Помимо этого представляется, что законодательное закрепление системы административных наказаний не должно сводиться лишь к их простому перечислению в порядке «увеличения строгости» и разделения на основные и дополнительные. Системность административных наказаний должна раскрываться за счет совершенствования законодательного регулирования общих правил их назначения, закрепления механизмов взаимной замены таких наказаний, возможности назначения отдельных видов наказаний сверх либо ниже установленных пределов при наличии предусмотренных законом обстоятельств. Так, перспективным законодательным решением представляется закрепление возможности замены назначенного физическому лицу административного штрафа на обязательные работы, даже если данный вид наказания не предусмотрен конкретной статьей Особенной части КоАП РФ, если есть

основания полагать, что административный штраф в конкретной ситуации неэффективен с точки зрения достижения целей наказания.

Обобщая сказанное, предлагается внести в статью 3.2 КоАП РФ следующие изменения:

– статью 3.2 КоАП РФ назвать «Система административных наказаний», изложив часть первую в следующей редакции: «Система административных наказаний представляет собой совокупность наказаний, применяемых в отношении физических лиц, должностных лиц и юридических лиц, дифференцированных на основные и дополнительные. Основные административные наказания в настоящей статье расположены в порядке повышения их строгости. Дополнительные административные наказания признаются равнозначными с точки зрения строгости, устанавливаются и назначаются в случаях, когда основное наказание не позволяет в полной мере достичь целей, предусмотренных в статье 3.1 настоящего Кодекса.»;

– часть вторую ст. 3.2 КоАП РФ изложить в следующей редакции:

«За совершение административных правонарушений физическим лицам в качестве основных могут применяться следующие административные наказания: предупреждение; административный штраф; лишение специального права, предоставленного физическому лицу; обязательные работы; административный арест.

За совершение административных правонарушений к физическим лицам в качестве дополнительных могут устанавливаться и применяться следующие административные наказания: конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения; административное выдворение; административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения.»;

– часть третью ст. 3.2 КоАП РФ изложить в следующей редакции:

«За совершение административных правонарушений должностным лицам в качестве основного административного наказания может устанавливаться дисквалификация.»;

– дополнить частью четвертой в следующей редакции:

«За совершение административных правонарушений юридическим лицам в качестве основных могут устанавливаться и применяться следующие административные наказания: предупреждение; административный штраф; административное приостановление деятельности.

За совершение административных правонарушений юридическим лицам в качестве дополнительного может устанавливаться и применяться конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения»;

– дополнить частью пятой в следующей редакции:

«Административный штраф, назначенный физическому лицу, заменяется на обязательные работы, даже если данный вид наказания не предусмотрен конкретной статьей Особенной части КоАП РФ, в случае:

– если в ходе производства по делу установлено, что лицо, в отношении которого ведется производство, не имеет стабильного источника к существованию и неплатежеспособно;

– если в ходе производства по делу установлено, что лицо, в отношении которого ведется производство, ранее неоднократно уклонялось от исполнения наказания в виде административного штрафа».

3 **Заключение**

В завершение еще раз отметим, что одна из системных проблем правового регулирования административной ответственности лежит в плоскости определения системы административных наказаний. С точки зрения целей административного наказания, реализации принципа справедливости административной ответственности необходимо законодательно определить градацию административных наказаний по интенсивности их воздействия на правонарушителя, т. е. по их строгости. При этом следует не только расположить виды административных наказаний в порядке повышения их строгости, но и сделать это обособленно для граждан и организаций.

Кроме того, законодательное закрепление системы административных наказаний не должно сводиться к их простому перечислению в порядке «увеличения строгости» и дифференциации на основные и дополнительные. Системность административных наказаний необходимо раскрыть за счет совершенствования законодательного регулирования общих правил их назначения, закрепления механизмов взаимной замены таких наказаний, возможности назначения отдельных видов наказаний сверх либо ниже установленных пределов при наличии предусмотренных законом обстоятельств.

На наш взгляд, научно обоснованное определение системных свойств предусмотренной законодательством совокупности административных наказаний, нормативно-правовое закрепление таких свойств лежит в основе повышения эффективности института административной ответственности. Такой подход обеспечит большую действенность применяемых административных наказаний с точки зрения достижения их целей за счет повышения гибкости их применения, возможности выбора такого наказания, которое в значительной степени будет учитывать индивидуальный характер каждого дела с учетом баланса частных и публичных интересов. В рамках данной научной статьи предложен один из возможных юридико-технических вариантов законодательного закрепления системы административных наказаний.

Список источников

1. Вороненко О. А., Скокова А. Н. Административное наказание как мера административной ответственности / Поколение будущего: взгляд молодых ученых – 2015 : сборник научных статей 4-й Международной молодежной научной конференции, г. Курск, 19–20 ноября 2015 г. : в 4 т. / отв. ред. А. А. Горохов. – Курск : Университетская книга, 2015. Т. 2. С. 204–211.
2. Микулин А. И. Назначение административного наказания: принцип соразмерности // Казанская наука. 2014. № 11. С. 193–195.
3. Панов А. Б. Особенности административной ответственности за налоговые правонарушения // Административное право и процесс. 2014. № 6. С. 41–49.
4. Суворова Ю. В. Система, принципы и цели административных наказаний // Российская юстиция. 2012. № 12. С. 14–15.
5. Мокарейко Н. В. Назначение административного наказания: проблемы нормативно-правового регулирования и практики реализации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 4 (19). С. 57–60.
6. Аскеров М. М. Цели назначения административных наказаний // Черные дыры в Российском законодательстве. 2014. № 6. С. 132–134.
7. Чуприянов Ю. А. Понятие административной ответственности в свете трансдисциплинарного принципа научного исследования // Административное право и процесс. 2022. № 6. С. 43–46.
8. Зорькин В. Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3 (45). С. 1–5.
9. Панкова О. В. Тенденции развития законодательства об административной ответственности в России в современный период // Административное право и процесс. 2023. № 7. С. 60–65.
10. Шубин И. В. К вопросу о системности и системе административных наказаний, месте и роли в ней административного штрафа // Административное право и процесс. 2021. № 8. С. 80–82.
11. Старилов Ю. Н. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и «судьба» административно-деликтного права: два новейших вопроса в современной правовой теории // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 2 (41). С. 14–41.
12. Малахов С. А. К проблеме системности законодательства об административных правонарушениях России // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 319–321; <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-5-319-321>.
13. Серебrenникова А. В. Современная уголовная политика в Российской Федерации: понятие и основные направления // Экономика, социология и право. Журнал научных публикаций. 2016. № 9. С. 62–65.
14. Петин И. А. Принцип системности, его значение и отражение в уголовном праве России. Москва : Юрист, 2007. 297 с.
15. Тютин В. С. Отражение, системы, кибернетика : Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода. Москва : Наука, 1972. 256 с.

Научная статья

УДК 340.01

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-99-109>

Вопросы ограничений мирных собраний в контексте прав человека

Эрдэнэбат Хишигбайгаль¹**Амарсанаа Вандан-Иш²**, кандидат юридических наук^{1, 2} Университет внутренних дел Монголии

г. Улан-Батор (13301, ул. Хилчин), Монгольская Республика

¹ khishigbaigal138@gmail.com, ² amurskiitigr23@gmail.com¹ <https://orcid.org/0009-0000-2660-3289>, ² <https://orcid.org/0009-0007-5478-8517>**Аннотация:**

Введение. Основная цель исследования – всесторонне изучить правовую базу, регулирующую право на мирные собрания в Монголии, с особым акцентом на основные принципы, закрепленные в международном праве в области прав человека, Конституции Монголии, и на практических аспектах ограничения этого права. Монголия является участником Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 21 которого признает право на мирные собрания и устанавливает, что любые ограничения должны быть законными, необходимыми в демократическом обществе и преследовать легитимные цели, такие как национальная безопасность, общественная безопасность или защита прав других лиц. В Конституции Монголии, в частности, ст. 16 также гарантирует это право. Однако процедуры и ограничения определяются национальным законодательством. Несмотря на эти юридические гарантии, последние законодательные проекты и судебные дела выявили сохраняющиеся опасения по поводу соразмерности и справедливости ограничений, особенно в периоды кризиса (например, пандемия COVID-19).

Методы. Исследование было проведено посредством онлайн-опроса 110 респондентов, являющихся профессиональными юристами или адвокатами с опытом практической работы. Использованы современные инструменты анализа данных, включая SMART PLS-3.0 для структурного моделирования и SPSS-25.0 для статистического анализа, обеспечена надежность анкеты с помощью индекса альфа Кронбаха. Методология исследования включала метрологический, корреляционный, мультифакторный и путевой анализы для сопоставления полученных результатов с работами других ученых и тщательной оценки влияния различных факторов на ограничения права на мирные собрания и их более широкие последствия для прав человека.

Результаты. Две независимых переменных – ограничения в соответствии с международными стандартами и конституционным правом – измерялись с помощью пятибалльной шкалы Лайкерта для оценки их воздействия на одну зависимую переменную – ограничение свободы мирных собраний. Результаты исследования показали, что ни ограничения, основанные на международных стандартах, ни ограничения, предусмотренные конституционным правом, не оказывают положительного влияния на сокращение ограничений права на мирные собрания в Монголии. Это свидетельствует о разрыве между правовой базой и реальной практикой, подчеркивая необходимость дальнейших реформ для полного выполнения Монголией своих международных обязательств и эффективной реализации конституционных гарантий в повседневной жизни.

Ключевые слова:

права человека, свобода, конституционное право, ограничение, мирные собрания

Для цитирования:

Хишигбайгаль Э., Вандан-Иш А. Вопросы ограничений мирных собраний в контексте прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 99–106. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-99-109>.

Статья поступила в редакцию 02.03.2025;
одобрена после рецензирования 13.05.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Limitations on the Right to Peaceful Assembly Within the Human Rights Framework

E. Khishigbaigali¹

A. Vandan-Ish², Cand. Sci. (Jurid.)

^{1,2} University of Internal Affairs of Mongolia

Hilchni srt., Ulaanbaatar, 210332, Mongolian Republic

¹ khishigbaigali138@gmail.com, ² amurskiitigr23@gmail.com

¹ <https://orcid.org/0009-0000-2660-3289>, ² <https://orcid.org/0009-0007-5478-8517>

Abstract:

Introduction. The primary objective of this study is to comprehensively examine the legal framework governing the right to peaceful assembly in Mongolia, with particular emphasis on fundamental principles enshrined in international human rights law, the Mongolian Constitution, and practical aspects of limiting this right. Mongolia is a party to the International Covenant on Civil and Political Rights, Article 21 of which recognises the right to peaceful assembly and stipulates that any limitation must be lawful, necessary in a democratic society, and pursue legitimate aims such as national security, public safety, or protection of other persons' rights. Article 16 of the Mongolian Constitution similarly guarantees this right. However, specific procedures and limitations are determined by national legislation. Despite these legal safeguards, recent legislative initiatives and court cases have revealed persistent concerns regarding the proportionality and fairness of restrictions, particularly during crises (e.g., COVID-19).

Methods. The study was conducted through an online survey of 110 respondents, all of whom were professional lawyers or practising barristers/solicitors with field experience. Modern data analysis tools were employed, including SMART PLS-3.0 for structural equation modeling and SPSS-25.0 for statistical analysis, with questionnaire reliability ensured via Cronbach's alpha. The methodology incorporated metrological, correlational, multifactorial, and path analyses to compare findings with existing scholarly work and rigorously assess the impact of various factors on restrictions to the right of peaceful assembly, as well as their broader implications for human rights.

Results. Two independent variables – limitations under international standards and constitutional law – were measured using a 5-point Likert scale to evaluate their effect on the dependent variable: limitations on freedom of peaceful assembly. The results revealed that neither internationally grounded limitations nor constitutional limitations positively influenced the reduction of limitations on this right in Mongolia. This highlights dichotomy between legal norms and practical application, underlining the need for further reforms to ensure Mongolia's full compliance with its international obligations and the effective enforcement of constitutional guarantees in practice.

Keywords:

human rights, freedom, constitutional law, limitations, peaceful assembly

For citation:

Khishigbaigali E., Vandan-Ish A. Limitations on the Right to Peaceful Assembly Within the Human Rights Framework // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 99–109. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-99-109>.

The article was submitted March 2, 2025; approved after reviewing May 13, 2025; accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Быть человеком с убеждениями и свободно выражать свои взгляды (вместе с правом исповедовать или не исповедовать религию) является ядром интеллектуальных прав и свобод человека. Это право прежде всего включает в себя самостоятельное решение человека о том, реализовывать ли свои мысли, поддерживать ли определенные интеллектуальные ценности, верить или не верить во что-либо, находясь вне контроля какой-либо идеологии. Таким образом, право иметь убеждения, свободно выражать свои взгляды, а также право исповедовать или не исповедовать религию вместе составляют изначально присущие человеку права его разума и свободы¹.

Авторы изучали конституционное право, права человека и ограничения прав. Конституционное право, права человека и ограничения прав неразрывно связаны и необходимы для понимания властных отношений между личностью и государством.

¹ Совд Г., Жанцан Н., Амарсанаа Ж., Жанцан С. Монгол улсын үндсэн хуулийн тайлбар [Разъяснение Конституции Монголии]. Улаанбаатар хот, 2000.

Права человека – это права, которыми мы все обладаем просто потому, что являемся людьми. Они принадлежат нам в равной степени независимо от возраста, инвалидности, расы, религии, убеждений, пола, сексуальной ориентации или иного статуса. Эти права основаны на таких ценностях, как справедливость, уважение, равенство и достоинство, но они – не просто красивые идеи; они защищены законом².

«Мы, народ Монголии, укрепляя независимость и суверенитет нации, дорожа правами и свободами человека, справедливостью и национальным единством, наследуя традиции национальной государственности, истории и культуры, уважая достижения человеческой цивилизации и стремясь к высшей цели построения гуманного, цивилизованного и демократического общества в стране, настоящим провозглашаем Конституцию Монголии»³.

Всеобщая декларация прав человека⁴ была принята Организацией Объединенных Наций (далее – ООН) 10 декабря 1948 года в ответ на ужасы Второй мировой войны. Приняв Декларацию, Генеральная Ассамблея ООН признала права человека основой более свободного и мирного будущего.

Статья 11 «Право на свободу собраний и объединений» Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года провозглашает: «Каждый имеет право на свободу мирных собраний и свободу объединения с другими, включая право создавать и вступать в профсоюзы для защиты своих интересов»⁵.

Как пример можно привести Закон о правах человека Соединенного Королевства 1998 года⁶, который важен тем, что возлагает на государственные органы обязанность уважать и защищать права во всех своих действиях. Это означает, что при взаимодействии с государственными органами люди могут рассчитывать на защиту своих прав, а в случае их нарушения имеют право оспорить это.

В контексте гражданских свобод и прав человека ограничения на мирные собрания являются весьма важной проблемой. Ограничения права на мирные собрания (ст. 21) были отмечены в Общем комментарии Агентства ООН по делам беженцев к праву на мирные собрания⁷. В период с 2017 по 2022 годы проходило множество социальных и мирных собраний. Нас заинтересовало, как сегодня в Монголии решаются эти вопросы.

Обзор литературы и теория социального контракта

Пол Сибрайт и др. [1] исследовали теорию социального контракта, разработанную ранними политическими философами (Гоббс, Локк и Руссо), которые рассматривали социальный контракт как средство сравнения «естественного» состояния человека с его поведением в обществе. Томас Гоббс основывал свою теорию социального контракта (теория общественного договора в российской традиции) на своем понимании человеческой природы, предприняв одну из первых попыток секуляризации политической мысли [2]. Локк разделял с Гоббсом доктрину договора государства, а также стремился основать эту доктрину в противовес ранее доминировавшей теории божественного права королей, изложенной в Писании [3; 4]. Руссо ставил своей целью определить источник и принципы законной политической власти [1; 5].

² London Communities Human Rights Programme “What are human rights?” [Программа по правам человека в лондонских сообществах «Что такое права человека?»]. London, UK : British Institute of Human Rights, 2024.

³ Конституция Монгольской Народной Республики от 13 января 1992 г. (с изм. и доп. от 14.12.2000) // Национальный институт юстиции : [сайт]. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/367> (дата обращения: 15.01.2025).

⁴ Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10.12.1948) // Организация Объединенных Наций: [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 15.01.2025).

⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (закл. в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Совет Европы : [сайт]. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=005> (дата обращения: 15.01.2025).

⁶ Human Rights Act 1998 [Закон о правах человека 1998 г.] // Disability Rights UK : [сайт]. URL: <https://www.disabilityrightsuk.org/resources/human-rights-act-1998> (дата обращения: 15.01.2025).

⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах «Замечание общего порядка № 37 (2020) о праве на мирные собрания (статья 21)» // Агентство Организации Объединенных Наций по делам беженцев : [официальный сайт]. URL: <https://www.refworld.org/legal/general/hrc/2020/en/149609?prevPage=/node/149609> (дата обращения: 15.01.2025).

Джон Винфред О'Тул отмечает, что Локк, чтобы обосновать свою доктрину политической власти, сначала должен объяснить состояние природы [6]. Он писал: «Чтобы правильно понять политическую власть и вывести ее из первоначального состояния, мы должны рассмотреть, в каком состоянии все люди находятся естественно, а это – состояние совершенной свободы распоряжаться своими действиями и имуществом, как им угодно, в пределах закона природы, без разрешения или зависимости от воли другого человека»⁸.

Авторы согласны с теоретической оценкой Пола Сибрайта и др., что для Гоббса истинная свобода существует под защитой сильного правительства, даже если это означает отказ от некоторых свобод; Локк считает, что люди в состоянии природы свободны и равны, но связаны естественным законом уважать права друг друга на жизнь, свободу и собственность; Руссо критикует представительные правительства, считая, что они часто предают общую волю.

Международное сообщество согласно с учеными, что права человека являются⁹:

- универсальными – это значит, что права человека принадлежат всем без исключения и являются неотъемлемыми, хотя некоторые могут быть временно ограничены при соблюдении четких критериев (например, человек может быть заключен в тюрьму за совершение преступления);

- взаимозависимыми и неделимыми – все права равны по важности, и для их полноценной реализации необходимо одновременное обеспечение конституционных и иных прав (например, право на жизнь зависит от наличия достаточного количества пищи, право создавать семью предполагает наличие жилья для воспитания детей);

- равными и недискриминационными – каждый человек равен по значимости и достоинству с момента рождения до конца жизни, никто не должен сталкиваться с препятствиями в реализации своих прав из-за возраста, инвалидности, расы, религии, убеждений, пола, сексуальной ориентации или иного статуса;

- участвующими и расширяющими возможности – процесс реализации прав так же важен, как и конечная цель. Изменения достигаются совместно с другими людьми, а не для них, и каждый должен иметь возможность быть услышанным на всех этапах реализации прав. Это может включать образование, обучение и повышение потенциала общественности, организаций и активистов.

В Конституции Монголии ст. 16 гарантируется свобода мысли, мнения, выражения, слова, прессы и мирных собраний. Порядок организации демонстраций и других собраний определяется законом.

Закон Монголии о порядке проведения демонстраций и собраний направлен на «обеспечение конституционной свободы граждан на мирные демонстрации и собрания, установление порядка их проведения и регулирование отношений, связанных с обеспечением общественного порядка и безопасности граждан во время массовых мероприятий»¹⁰.

Ограничение – это ограничивающее условие или мера (особенно юридическая). В общем смысле можно утверждать, что либералы придерживались оптимистического взгляда на человеческую природу, в то время как их оппоненты придерживались более пессимистических взглядов. Пессимисты обычно выступали за абсолютную монархию, ограничения личной свободы, подавление привилегированных или несогласных групп, господство традиций и навязывание государственной религии¹¹.

На основе обзора научной литературы авторы выдвинули следующие гипотезы (рисунок 1):

1. Ограничения в соответствии с международными стандартами позволяют эффективно осуществлять права на свободу мирных собраний.

2. Ограничения, предусмотренные конституционным правом, позволяют эффективно осуществлять права на свободу мирных собраний.

⁸ O'Toole J. W. The Right of Revolution: An Analysis of John Locke and Thomas Hobbes' Social Contract Theories : Boston College Electronic Thesis or Dissertation. Boston, 2011. P. 50. URL: <http://hdl.handle.net/2345/1940> (дата обращения: 15.10.2024).

⁹ URL: <https://www.refworld.org/legal/general/hrc/2020/en/149609?prevPage=/node/149609> (дата обращения: 15.01.2025).

¹⁰ Жагсаал, цуглаан хийх журмын тухай 1994 оны 7 дугаар сарын 7-ны өдөр [Закон Монголии о порядке проведения демонстраций и собраний от 7 июля 1994 г.] // Национальный институт юстиции : [сайт]. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/252> (дата обращения: 15.01.2025).

¹¹ Abernethy G. L. The theory of social contract in England: 1642–52 : A Dissertation : Submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy, in the University of Michigan. Michigan : Ann Arbor, 1936. P. 3.

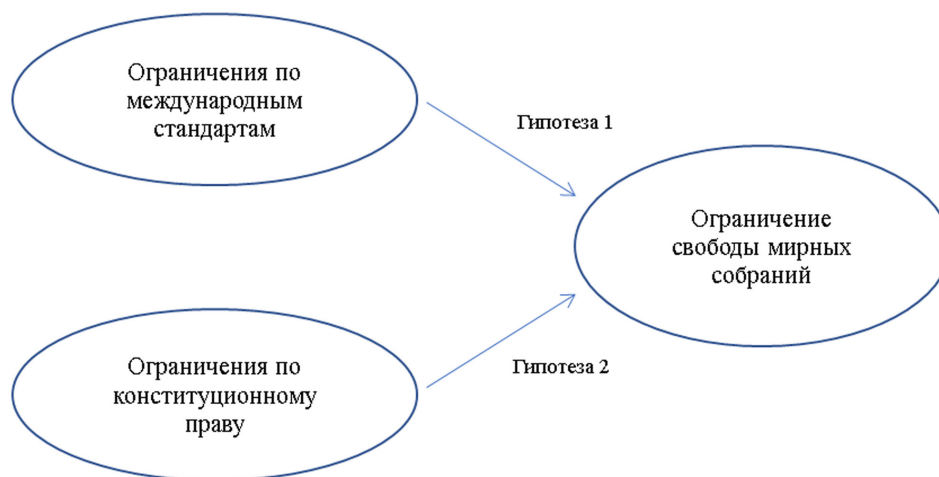

Рис. 1. Концептуальная модель ограничения свободы мирных собраний
Fig. 1. Conceptual model of limitations of freedom of peaceful assembly

Методы

В ходе исследования использованы современные инструменты анализа данных, включая SMART PLS-3.0 для структурного моделирования и SPSS-25.0 для статистического анализа. Надежность проведенного посредством онлайн-опроса анкетирования 110 респондентов (профессиональные юристы либо адвокаты с опытом практической работы) обеспечена с помощью индекса альфа Кронбаха.

Методология исследования включала метрологический, корреляционный, мультифакторный и путевой анализы для сопоставления полученных результатов с работами других ученых и тщательной оценки влияния различных факторов на ограничения права на мирные собрания и их более широкие последствия для прав человека.

Результаты

В нашем исследовании приняли участие 110 респондентов.

В таблице 1 показано, что возраст участников варьируется от 20 до 50 лет, при этом респондентов в возрасте:

- 34 лет и младше – 50 %;
- 38 лет и младше – 71 %;
- 44 лет и младше – 90 %.

Количество опрошенных в возрасте 34 лет – 10 %, 39 лет – 7,3 %, 35 лет – 7,3 %, 38 лет – 6,4 %, 25 лет – 6,4 %, 23 и 28 лет – по 5,5 %. Распределение участников по возрасту не является абсолютно равномерным, что в контексте исследования важно для интерпретации результатов. Эти данные указывают на широкий возрастной диапазон и средний возраст респондентов около 34 лет.

В таблице 2 показано распределение участников по профессиональным категориям «юрист» или «адвокат». Подавляющее большинство участников нашего исследования классифицируются как «адвокаты» (89,1 %), меньшую долю составляют «юристы» (10,9 %).

Из числа респондентов группа «государственные служащие» составляет подавляющее большинство (74,5 %), значительная доля приходится на «бизнес-сектор» (21,8 %), а на «другие» категории – незначительное количество (3,6 %).

Общая информация об участниках позволяет сделать следующий вывод: в исследовании приняли участие 110 респондентов в возрасте от 20 до 50 лет, средний возраст которых составляет около 34 лет, большинство классифицированы как «адвокаты», являющиеся государственными служащими.

В исследовании использовано программное обеспечение SmartPLS¹², SmartPLS является одним из ведущих приложений для структурного моделирования с помощью метода частичных

¹² SmartPLS – это программное обеспечение с графическим интерфейсом пользователя для вариационного структурного моделирования уравнений (SEM) с использованием метода моделирования пути по методу частичных наименьших квадратов (PLS) (См.: SmartPLS 4 : [сайт]. URL: <https://www.smartpls.com/>).

наименьших квадратов (PLS-SEM). Метод PLS-SEM применяется во многих областях, таких как бихевиористические науки [6], маркетинг [7], организация [8], информационные системы управления [9].

Таблица 1

Статистические данные респондентов (по возрасту)

Table 1

The respondents' statistical data (by age group)

Age	Fre	%	Cum %	Age	Fre	%	Cum %
20,00	1	0,9	0,9	36,00	3	2,7	60,0
21,00	1	0,9	1,8	37,00	5	4,5	64,5
22,00	1	0,9	2,7	38,00	7	6,4	70,9
23,00	6	5,5	8,2	39,00	8	7,3	78,2
24,00	4	3,6	11,8	40,00	4	3,6	81,8
25,00	7	6,4	18,2	41,00	1	0,9	82,7
27,00	2	1,8	20,0	42,00	2	1,8	84,5
28,00	6	5,5	25,5	43,00	4	3,6	88,2
29,00	3	2,7	28,2	44,00	2	1,8	90,0
30,00	2	1,8	30,0	45,00	4	3,6	93,6
31,00	5	4,5	34,5	46,00	1	0,9	94,5
32,00	2	1,8	36,4	47,00	2	1,8	96,4
33,00	4	3,6	40,0	48,00	2	1,8	98,2
34,00	11	10,0	50,0	50,00	2	1,8	100,0
35,00	8	7,3	57,3	Итого	110	100,0	
Примечания: Age – возраст. Fre – количество (от англ. frequency – частота). Cum % – кумулятивный (от англ. cumulative) или накопительный процент, который рассчитывается путем прибавления процента к сумме предыдущих процентов.							

Таблица 2

Статистические данные респондентов (по специальности)

Table 2

The respondents' statistical data (by occupation)

Speciality	Fre	%	Cum %
юрист	12	10,9	10,9
адвокат	98	89,1	100,0
Всего	110	100,0	–
Примечания: Speciality – возраст. Fre – количество (от англ. frequency – частота). Cum % – кумулятивный (от англ. cumulative) или накопительный процент, который рассчитывается путем прибавления процента к сумме предыдущих процентов.			

Для проверки надежности использовался коэффициент альфа Кронбаха, который подтверждает надежность переменных. Минимальное пороговое значение принято равным 0,7 [10]. Коэффициент детерминации измеряет общий размер эффекта и объясненную дисперсию в эндогенной конструкции структурной модели, служит показателем предсказательной точности модели [11].

R^2 (коэффициент детерминации) – это статистическая мера в регрессионной модели, показывающая долю дисперсии зависимой переменной, объясненную независимой переменной. Иными словами, R^2 показывает, насколько данные соответствуют регрессионной модели (качество подгонки). Согласно исследованиям (Jörg Henseler u Joseph F. Hair), значение R^2 в 0,75 считается высоким, а 0,50 – умеренным [12–14].

Значения R^2 для каждой зависимой конструкции отражают меру предсказательной точности модели и объясненную дисперсию каждой из зависимых конструкций [15]. Это значение варьируется от 0 до 1: чем выше R^2 , тем выше предсказательная точность [13]. Исследователи должны учитывать значения R^2 зависимых латентных переменных в структурной модели исследования следующим образом: 0,75 – высокое, 0,50 – умеренное и 0,25 – низкое [14].

В таблице 3 и на рисунках 2 и 3 отражены результаты структурного анализа внешних нагрузок по 10 пунктам, измеряющим «ограничение свободы мирных собраний», которые варьируются от 0,671 до 0,920. Коэффициент альфа Кронбаха составил 0,952, средняя извлеченная дисперсия (Average Variance Extracted) – 0,699, а композитная надежность – 0,958. Внешние нагрузки по 6 пунктам, измеряющим «ограничение в соответствии с международными стандартами», находились в диапазоне от 0,734 до 0,922. Коэффициент альфа Кронбаха составил 0,916, средняя извлеченная дисперсия – 0,748, композитная надежность – 0,937. Внешние нагрузки по 6 пунктам, измеряющим «ограничение по Конституционному праву Монголии», варьировались от 0,866 до 0,910. Соответственно коэффициент альфа Кронбаха – 0,910, средняя извлеченная дисперсия – 0,785, композитная надежность – 0,936.

Таблица 3

Перечень пунктов для каждой конструкции
ограничения свободы мирных собраний

Table 3

List of items for each construct Restrictions on freedom of peaceful assembly

Фактор	Вопросы (элементы)	Факторный анализ	Альфа Кронбаха	AVE	CR
Ограничение свободы мирных собраний	Организация демонстрации и собрания организацией (RFPA-1)	0,726	0,952	0,699	0,958
	Участие в демонстрациях и собраниях: государственных служащих (RFPA-2)	0,671			
	военнослужащих (RFPA-3)	0,747			
	на остановках общественного транспорта (RFPA-4)	0,887			
	в местах, находящихся под государственной охраной (RFPA-5)	0,919			
	возле федеральных учреждений в столице (RFPA-6)	0,811			
	в местах проведения международных или национальных общественно значимых мероприятий (RFPA-7)	0,920			
	на территории городских рынков (RFPA-8)	0,890			
	на территории медицинских учреждений (RFPA-9)	0,919			
	Ограничения на проведение демонстраций и собраний в местах, находящихся под государственной охраной (RFPA-10)	0,828			

Продолжение таблицы 3

Фактор	Вопросы (элементы)	Факторный анализ	Альфа Кронбаха	AVE	CR
Ограничения по международному стандарту	защита национальной безопасности (ris-1)	0,922	0,916	0,748	0,937
	защита общественной безопасности (ris-2)	0,857			
	защита общественного порядка (ris-3)	0,907			
	защита общественного здоровья и нравственности (ris-4)	0,734			
	защита прав и свобод других лиц (ris-5)	0,892			
Ограничения в соответствии с Конституционным законом Монголии	при объявлении чрезвычайного положения или войны (rmcl-1)	0,887	0,910	0,785	0,936
	защита национальной безопасности (rmcl-2)	0,866			
	защита общественного порядка (rmcl-3)	0,920			
	защита прав и свобод других лиц (rmcl-4)	0,871			

Примечания: RFPA – ограничение свободы мирных собраний.
Ris – ограничение в соответствии с международными стандартами.
Rmcl – ограничение по Конституционному праву Монголии.
AVE – средняя извлеченная дисперсия.
CR – композитная надежность.

Источник: результаты исследования.

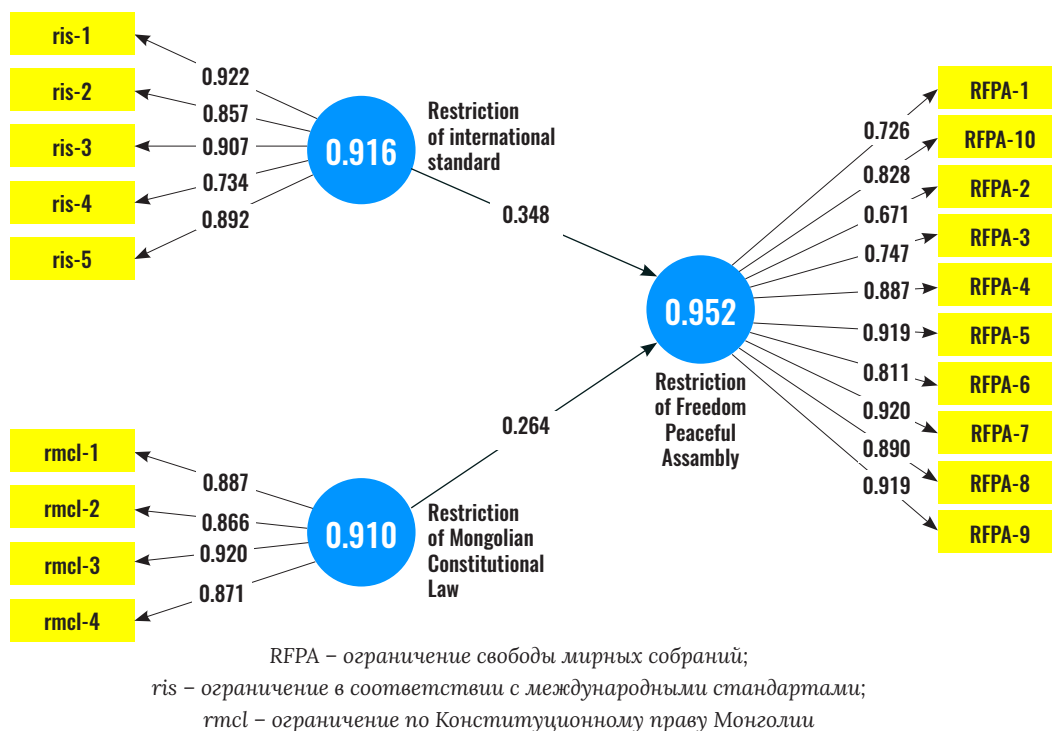
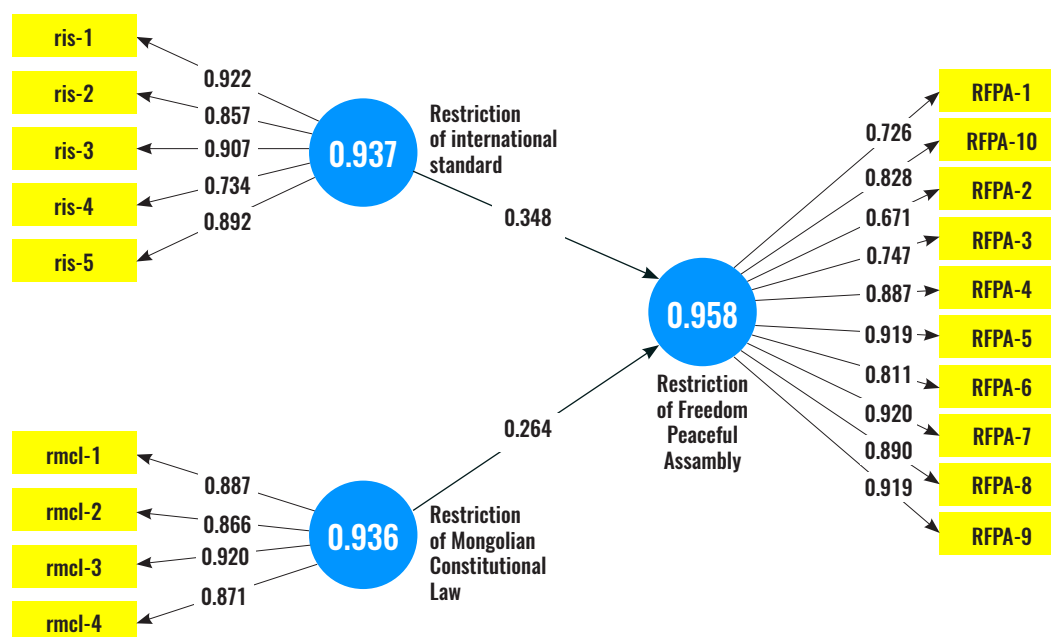

Рис. 2. Результаты структурного анализа ограничения свободы мирных собраний (альфа Кронбаха)

Fig. 2. Results of structural analysis of limitations of freedom of peaceful assembly (Cronbach's alpha)

RFPA – ограничение свободы мирных собраний;
ris – ограничение в соответствии с международными стандартами;
rmcl – ограничение по Конституционному праву Монголии

Рис. 3. Результаты структурного анализа ограничения свободы мирных собраний (композитная надежность)

Fig. 3. Results of structural analysis of limitations of freedom of peaceful assembly (composite reliability)

Авторы пришли к выводу, что структурный анализ выявил высокие внешние нагрузки, высокие значения альфа Кронбаха, адекватные показатели средней извлеченной дисперсии и устойчивую композитную надежность для пунктов, измеряющих «ограничение свободы мирных собраний», «ограничение в соответствии с международными стандартами» и «ограничение по Конституционному праву Монголии».

В ходе исследования получены следующие результаты: коэффициент детерминации (R^2) равен 0,339, что составляет 33,90 %, а скорректированный коэффициент детерминации (R^2) равен 0,296, что составляет 29,60 % соответственно. Скорректированный коэффициент детерминации ниже, чем R^2 , что говорит о том, что не все предикторы улучшают соответствие модели. Скорректированный R^2 компенсирует добавление переменных и увеличивается только в том случае, если новый компонент улучшает модель больше, чем это было бы получено по вероятности. В то же время он уменьшается, когда предиктор улучшает модель меньше, чем это предсказывается случайностью. Авторы пришли к выводу, что, хотя модель и объясняет часть дисперсии, в Монголии могут существовать другие варианты ограничения свободы мирных собраний, которые не были охвачены нашим исследованием.

Контроль и фактический взгляд на надежность полученных в ходе исследования результатов структурных моделей, описывающих значимость рассматриваемых нами гипотез, обеспечены методом *Bootstrap* (метод бутстрапа или бутстраппинг). Это метод повторной выборки, при котором генерируется множество подвыборок (в литературе рекомендуется 5 000 подвыборок [16]). Процедура бутстреппинга включает в себя случайное выпадение и замену наборов наблюдений из исходных данных для получения подвыборок, затем каждая из подвыборок используется для оценки модели и получения результатов PLS-SEM. Затем эти оценки будут использованы для получения полных распределений (средних и стандартных отклонений для результатов PLS-SEM) и проведения тестов на значимость.

В таблице 4 приведены Т-статистики для коэффициентов процедур ограничения свободы мирных собраний с использованием метода бутстреппинга.

В нашем исследовании изучена предложенная структурная модель и связи между конструкциями, выдвинутыми в качестве гипотез. В результате статистический анализ показывает:

1. Ограничение международных стандартов не приводит к усилению ограничения свободы мирных собраний. Гипотеза 1 не получила подтверждения.

2. Ограничение конституционного права не приводит к усилению ограничения свободы мирных собраний. Гипотеза 2 не была подтверждена результатами исследования.

Таблица 4

Анализ коэффициентов процедур ограничения свободы мирных собраний

Table 4

Results of structural analysis of limitations
of freedom of peaceful assembly (composite reliability)

Гипотеза	Стандартное отклонение	T-статистика	Значение	Результат
Гипотеза 1: RIS → RSPA	0,264	1,316	0,189	не поддерживается
Гипотеза 2: RMCL → RSPA	0,253	1,044	0,297	не поддерживается
Примечания: RFPA – ограничение свободы мирных собраний. Ris – ограничение в соответствии с международными стандартами. Rmcl – ограничение по Конституционному праву Монголии.				

3 заключение

Исследовательские данные показывают, что, хотя статистические модели и инструменты измерения воздействия международных стандартов и Конституционного права Монголии на ограничение свободы мирных собраний являются высоконадежными и валидными, ни одна из переменных существенно не предсказывает степень ограничений в Монголии. Это свидетельствует о том, что правовые рамки хоть и важны, но сами по себе не раскрывают основных факторов, влияющих на практику ограничительных мероприятий. Результаты объясняют значительную часть дисперсии ограничений, но также указывают на наличие иных, неучтенных факторов.

Данное заключение совпадает с недавними наблюдениями в Монголии, где правовые гарантии мирных собраний закреплены как в Конституции (ст. 16), так и в международном праве¹³. Несмотря на рамки практических ограничений (например, в период пандемии COVID-19), они осуществлялись через административные постановления, штрафы и избирательное применение закона, что зачастую непропорционально воздействовало на гражданское общество и организаторов протестов. Эти выводы подтверждаются Национальной комиссией по правам человека Монголии, которая отмечает слабость правовой защиты на практике и склонность властей злоупотреблять чрезвычайными мерами, что приводит к непоследовательному и порой дискриминационному применению.

Наш комплексный анализ, включающий качественные, количественные и многофакторные подходы, подчеркивает сложность проблемы. Отсутствие значимой корреляции между правовыми переменными и ограничением собраний свидетельствует о том, что практики исполнения, политическая культура, административная дискреция и, возможно, общественные настроения или другие социально-политические факторы играют решающую роль в формировании реального опыта реализации этого права. Это подтверждается также недавними юридическими анализами и международными комментариями, которые рекомендуют реформирование законодательства и политики Монголии сфокусировать не только на приведении норм в соответствие с международными стандартами, но и на обеспечении пропорциональности, ясности и недискриминационного применения.

Р рекомендации

1. Исследование практики правоприменения. Провести целенаправленные исследования практики использования правоохранительными и административными органами норм права в отношении мирных собраний с целью выявления несоответствий, предвзятости или чрезмерных

¹³ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 15.01.2025); URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=005> (дата обращения: 15.01.2025).

ограничений (анализ применения действующих законов, выдачи разрешений на проведение мероприятий, проведения протестов).

2. Оценка социально-политических факторов. Провести исследования политической культуры и общественных настроений, влияющих на реализацию права на мирные собрания, для оценки общественного восприятия, выявления потенциальных предубеждений и понимания политической динамики, формирующей принятие решений (опросы, интервью и фокус-группы).

3. Повышение прозрачности и пропорциональности законодательства. Продвигать законодательные реформы, направленные на повышение ясности, пропорциональности и последовательности законов, регулирующих мирные собрания (пересмотр административных процедур, сокращение дискреционных полномочий и введение более жестких гарантий для предотвращения злоупотребления чрезвычайными мерами).

4. Правовое образование в области прав человека. Разработать и внедрить комплексные программы дополнительного образования в сфере соблюдения прав человека для правоохранительных органов, государственных служащих и широкой общественности. Основное внимание должно уделяться повышению осведомленности о праве на мирные собрания, важности защиты этого права в демократическом обществе и обязанностях государства и граждан по его соблюдению.

5. Укрепление независимых механизмов надзора. Расширить возможности и независимость контрольных органов, таких как Национальная комиссия по правам человека, для мониторинга реализации права на мирные собрания и привлечения правительства к ответственности за их нарушения (увеличение финансирования, расширение мандата и предоставление полномочий для расследования жалоб, вынесения рекомендаций и обеспечения возмещения ущерба пострадавшим).

Список источников

1. Seabright P., Stieglitz J., Van der Straeten K. Evaluating social contract theory in the light of evolutionary social science // *Evolutionary Human Sciences*. 2021. Vol. 3. P. 1-45. <https://doi.org/10.1017/ehs.2021.4>.
2. Hobbes T. *Leviathan* / Macpherson, C. B. (Crawford Brough). London: Penguin, 1985. 223 p.
3. Локк Д. Два трактата о правлении : Книга II // *Гражданское общество в России* : Научная электронная библиотека : [сайт]. URL: <https://www.civisbook.ru/publ.html?id=555> (дата обращения: 10.12.2024).
4. Огольцова Е. Г., Павина Е. В. Сравнительный анализ теорий общественного договора Т. Гоббса и Дж. Локка // *Молодой ученый*. 2022. № 51 (446). С. 311-313. URL: <https://moluch.ru/archive/446/98084/> (дата обращения: 10.12.2024).
5. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре : трактаты / вступ. ст. А. Филиппова [и др.] ; коммент. В. С. Алексеева-Попова, Л. В. Борщевского. Москва : Кучково поле, 1998. 414 с.
6. Sarstedt M., Ringle C. M., Smith D., Reams R. Partial Least Squares Structural Equation Modeling (PLS-SEM): A Useful Tool for Family Business Researchers // *Journal of Family Business Strategy*. 2014. Vol. 5, no 1. P. 105-115. <https://doi.org/10.1016/j.jfbs.2014.01.002>.
7. Bass B. M., Avolio B. J., Jung D. I., Berson Y. Predicting unit performance based on transformational and transactional leadership assessment // *Journal of Applied Psychology*. 2003. Vol. 88, № 2. P. 207-218. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.88.2.207>.
8. Henseler J. R., Ringle C. M., Sinkovics R. R. The Use of Partial Least Squares Path Modeling in International Marketing. In: Sinkovics R. R. and Ghauri P. N. (ed.) *New Challenges to International Marketing (Advances in International Marketing, Vol. 20)*. Leeds : Emerald Group Publishing Limited, 2008. P. 277-319. [https://doi.org/10.1108/S1474-7979\(2009\)0000020014](https://doi.org/10.1108/S1474-7979(2009)0000020014).
9. Sosik J. J., Kahai S. S., Piovoso M. J. Silver Bullet or Voodoo Statistics? : A Primer for Using the Partial Least Squares Data Analytic Technique in Group and Organization Research // *Group & Organization Management*. 2009. Vol. 34, № 1. P. 5-36. <http://dx.doi.org/10.1177/1059601108329198>.
10. Bayasgalan T., Tsevegsuren O., Galbadrakh L., Byambaarai Yu. The Empirical Study of Graduates' Leadership and Career: The Case of Mongolia // *International Journal of Asian Social Science*. 2021. Vol. 11, № 8. P. 230-237. <http://dx.doi.org/10.55493/5007.v12i7.4543>.
11. Nunnally J. C. *Psychometric theory*. 2d ed. New York : McGraw-Hill, 1978. 701 p.
12. Hussain Sh., Fangwei Zhu, Siddiqi A., Ali Z. Structural Equation Model for Evaluating Factors Affecting Quality of Social Infrastructure Projects // *Sustainability*. 2018. Vol. 10, № 5. P. 1415. <http://dx.doi.org/10.3390/su10051415/>
13. Sarstedt M., Ringle C. M., Henseler J., Hair J. F. On the Emancipation of PLS-SEM: A Commentary on Rigdon // *Long Range Planning*. 2014. № 47. P. 154-160. <http://dx.doi.org/10.1016/j.lrp.2014.02.007>.
14. Hair J. F., Sarstedt M., Ringle C. M., Mena J. A. An assessment of the use of partial least squares structural equation modeling in marketing research // *Journal of the Academy of Marketing Science*, 2011. Vol. 409, № 3. P. 414-433.
15. Hair J. F., Ringle C. M., Sarstedt M. Partial Least Squares Structural Equation Modeling: Rigorous Applications, Better Results and Higher Acceptance // *Long Range Planning*. 2013. Vol. 46, № 1-2. P. 1-12. <http://dx.doi.org/10.1016/j.lrp.2013.08.016>.
16. Okechukwu L. E., Sleimi M. Do employee attitudes mediate the relationship between strategic human resource management practices and organizational effectiveness? A SEM based investigation using SMART-PLS software // *Business and Economic Horizons*. 2017. Vol. 13. № 1. P. 42-59. <http://dx.doi.org/10.15208/beh.2017.04>.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

PRIVATE LEGAL (CIVILISTIC) SCIENCES

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-110-117>

Место цифрового образа человека в системе объектов гражданских прав

Елена Николаевна Абрамова, кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург (191023, наб. канала Грибоедова, д. 30-32), Российская Федерация
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
Санкт-Петербург (196605, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10), Российская Федерация
abramova.e@unecon.ru
<https://orcid.org/0009-0008-0698-4166>

Аннотация:

Введение. В современных условиях проблема фейков приобрела не только правовой, но и социально-экономический и даже психологический и политический оттенок, превращаясь в угрозу для прав и свобод человека, трансформируя его мироощущение и осознание своей идентичности в новом цифровом мире, создавая угрозы общественным и национальным интересам. Правовые механизмы представляются способными обеспечить надлежащую защиту фундаментальным ценностям человеческого общества, если при этом феномен фейка или цифрового образа найдет свое место в системе объектов гражданских прав, что позволит выявить эффективные способы защиты прав и законных интересов всех субъектов, чьи права нарушаются в результате использования субъектом своего цифрового образа или цифрового образа третьего лица.

Методы. Основным методом при проведении исследования стал метод синтеза и анализа, позволивший провести систематизацию высказанных в цивилистической доктрине подходов к определению места цифрового образа человека в системе объектов гражданских прав. Историко-правовой метод был применен для выявления правовой квалификации цифрового образа человека и определения его правовой природы.

Результаты. Несмотря на наличие разнообразных доктринальных позиций, в результате проведенного исследования в качестве оптимальной обоснована точка зрения, в соответствии с которой право на цифровой образ человека рассматривается в качестве нематериального блага. Доказано, что цифровой образ человека является современной вариацией такого традиционного объекта гражданских прав, как «образ человека», который в результате технологических достижений трансформировался не просто в визуальный образ, а в копию любых личных характеристик, отображающих разнообразные аспекты человеческих индивидуальных проявлений, включая голос, специфику движений и мимики, особенности

Ключевые слова:

цифровой образ человека, аватар, цифровая копия личности, цифровой двойник человека, изображение, право на цифровой образ

Для цитирования:

Абрамова Е. Н. Место цифрового образа человека в системе объектов гражданских прав // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 110–117. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-110-117>.

поведения, реакции и т. п. Автор приходит к выводу, что цифровой образ является нематериальным благом, на который можно распространить правовой режим изображения, но с учетом его технологических особенностей, и предлагает основные элементы правового механизма его защиты.

Статья поступила в редакцию 29.03.2025;
одобрена после рецензирования 03.06.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

The Place of digital image of a person in the system of objects of civil rights

Elena N. Abramova, Cand. Sci. (Jurid.), Docent
Saint-Petersburg State University of Economics
30-32, Griboyedov channel emb., Saint-Petersburg, 191023, Russian Federation
Pushkin Leningrad State University
10, Petersburg high., Pushkin, Saint-Petersburg, 196605, Russian Federation
abramova.e@unecon.ru
<https://orcid.org/0009-0008-0698-4166>

Abstract:

Introduction. In the present day, the issue of fakes has evolved beyond its legal implications, encompassing socio-economic, psychological and political connotations, thus turning a threat to human rights and freedoms, transforming person's worldview and sense of identity in a new digital world and endangering public and national interests. If the phenomenon of "fake" or digital image is integrated into the system of objects of civil rights, legal mechanisms will be capable of providing adequate protection to the fundamental values of human society. This will make it possible to identify effective strategies to protect the rights and legitimate interests of all subjects whose rights violated as a result of the subject's use of his or her digital image or the digital image of a third party.

Methods. The main research method was synthesis and analysis, which helps the systematisation of civilist doctrine approaches to determining the place of digital images of a person in the system of objects of civil rights. The legal-historical method was applied to identify the legal qualification of the digital image of a person and to determine its legal nature.

Results. Despite the variety of doctrinal positions, the findings of the research indicates that the point of view digital image right of a person as an intangible benefit is both well-founded and the most appropriate. Recent research has shown that the digital image of a person is a modern variation of the traditional object of civil rights as "the image of a person", which, as a result of technological advances, has evolved into more than just a visual representation; it has become a digital copy of various personal characteristics, encompassing the forms of nonverbal communication, such as voice, specific body movements and facial expressions, specific behaviour, reactions and etc. The author concludes that digital image is an intangible benefit that can be subject to legal framework of image, taking into account its technological features and also proposes the key elements of the mechanism of legal protection.

Keywords:

digital image of a person, avatar, digital copy of a person, Human Digital Twin, image, digital image right

For citation:

Abramova E. N. The Place of digital image of a person in the system of objects of civil rights // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 110–117. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-110-117>.

The article was submitted March 29, 2025;
approved after reviewing June 3, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Развитие цифровых технологий привело к возникновению нового явления, которое пока не получило устойчивых общепринятых наименования и понятия. В цивилистической литературе чаще всего встречается наименование «цифровой образ человека», но есть и иные синонимичные термины, передающие значение этого явления: цифровой аватар, цифровая копия личности, цифровой двойник человека и другие. Однако наиболее предпочтительным представляется термин «цифровой образ человека», который этимологически связан с таким давно известным цивилистике континентальной системы права понятием как «персональный образ человека», возникшим еще в XIX веке в связи с технологическим рывком, выразившимся, в т. ч. в создании фотозаписи, а позже и кинозаписи, и появившейся в связи с этим возможностью широкого копирования образа человека.

Как представляется, «цифровой образ человека» является частным случаем «образа человека», который обозначился в результате очередного технологического прорыва на современном этапе развития человеческой цивилизации и глубоким проникновением цифровых технологий в жизнь каждого человека. Это обуславливает необходимость единообразной квалификации таких образов и применения к защите прав на них единых правовых механизмов.

Исследователи единодушны в том, что цифровой образ представляет собой объект гражданских прав, на который у субъекта гражданского права возникает субъективное гражданское право, имеющее абсолютный характер. Несмотря на то, что правовые исследования цифрового образа человека начались не так давно, современная гражданско-правовая наука за последние несколько лет выработала такое разнообразие подходов к понятию цифрового образа, что сегодня возникает необходимость их систематизации.

Методы

Основным методом при проведении исследования стал метод синтеза и анализа, позволивший провести систематизацию высказанных в цивилистической доктрине подходов к определению места цифрового образа человека в системе объектов гражданских прав. Историко-правовой метод был применен для выявления правовой квалификации цифрового образа человека и определения его правовой природы.

Результаты

В зависимости от того, к какому именно объекту гражданских прав относят цифровой образ, можно выделить два основных цивилистических подхода.

Согласно первому, цифровой образ рассматривается в рамках авторского права, и правовая квалификация дается ему как одному из охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, а право на него рассматривается как исключительное право. В рамках данного направления цифровой образ чаще всего квалифицируется или как смежное произведение [1] или как производное произведение [2]. В последнем случае также наблюдается разнообразие вариантов относительно исходного произведения, на основе которого возникает цифровой образ как производное произведение. Высказано даже мнение, что исходным произведением является сам человек, собственную личность которого он создает путем формирования коммуникативного стиля в киберпространстве [3].

Однако следует учитывать, что при таком подходе объектом выступает результат творческого труда автора, хотя при создании цифрового образа человека может отсутствовать как творческий труд, так и сам автор. В ряде случаев набор характеристик человека, объединяемых в результате в единый образ, может быть получен не в результате творческой деятельности, а путем технического процесса, заключающегося, например, в считывании, сборе и обработке больших массивов информации при помощи сквозных цифровых технологий, в т. ч. технологии искусственного интеллекта, либо даже в результате приема с помощью специальной техники сигналов о работе организма. Например, сегодня активно развивается биопринтинг – технология, позволяющая создать цифровую трехмерную модель тела человека в медицинских, здоровьесберегающих и иных целях. Датчики считывают и анализируют информацию о состоянии работы организма и его систем, записывая полученную информацию в особый файл, содержащий цифровую трехмерную модель. Исследователи отмечают, что созданный образ нуждается в защите и относительно него возникает абсолютное неимущественное право на цифровой образ [4; 5]. В этом случае исходного произведения не существует ни в каком смысле, в т. ч. и в смысле формируемого самим человеком коммуникативного стиля, поскольку созданный образ является образом тела (снятыми аппаратурой показаниями работы его органов и систем, являющихся «произведением» природы). Сегодня ни природа, ни искусственный интеллект не признаются авторами произведений и субъектами авторского права, поэтому и результаты их деятельности не могут быть признаны ни исходными, ни производными произведениями.

Другим дефектом указанного подхода можно признать одностороннюю сферу применения его последствий, поскольку он направлен на защиту прав только того субъекта, который «создал» цифровой образ. Но современная практика правоприменения показывает, что наибольшее число нарушений прав касается не столько авторов, сколько тех людей, образы которых тиражируются в информационном пространстве, в т. ч. без их согласия, а иногда и без ведома. Помимо рисков, связанных с нарушением традиционных личных неимущественных прав, возникают и иные риски, иногда новые и неожиданные, пока не имеющие правовых эффектов в связи с потенциальностью и отдаленностью по времени их наступления, что влечет на современном этапе отсутствие их осознания и анализа доктриной и правоприменением.

Так, исследователи отмечают, что «квантифицированный образ тела создает эффект доступа к „настоящему“ телу и риски разрыва между личными ощущениями и цифровыми данными» [6], последствия которых пока не известны в связи с экспериментальным и единичным характером использования подобных образов.

Таким образом, не представляется возможным согласиться с правовой квалификацией цифрового образа человека как результата интеллектуальной деятельности, поскольку таковая не даст ответов на большинство вызовов, появляющихся на современном уровне развития техники, экономики и маркетинга.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о правовой квалификации аватара человека в игровой среде и его соотношении с понятием цифрового образа человека, что требует дополнительных исследований. В настоящее время его, как правило, квалифицируют в рамках обозначенного выше подхода либо как часть произведения (его персонаж) [7], либо как результат виртуального самовыражения человека [8]. Но уже начинает формироваться и такой революционный взгляд на аватар, который условно можно назвать «субъектно-представительский», поскольку за аватаром признается особая роль заместителя субъекта в цифровой среде, где не субъекты гражданского права, а аватары вступают в отношения и приобретают имущество [9].

Второй подход к определению места цифрового образа человека в системе объектов гражданских прав заключается в поиске для него иного места, отдельного от объектов авторского права.

В публичном праве цифровой образ квалифицируется как персональные данные, поскольку является биометрическими данными, к которым допустимо применение правового режима персональных данных [10 с. 397]. Однако публично-правовой характер такой квалификации не позволяет решать проблемы гражданско-правового характера. Меры по обеспечению безопасности персональных данных предусмотрены в ст. 19 Федерального закона «О персональных данных»¹ и касаются они деятельности уполномоченных органов и оператора информационной системы, обрабатывающего персональные данные. Для защиты субъективных гражданских прав, нарушаемых использованием цифрового образа человека, они не подходят.

Представители гражданско-правовой науки в целом единодушны в вопросе о месте цифрового образа в системе объектов гражданских прав. Как правило, его квалифицируют как объект, не обладающий вещественной природой, т. е. нематериальное благо, неотчуждаемое и тесно связанное с личностью. Однако относительно правовой природы абсолютного права на такое благо единообразия не наблюдается.

В соответствии с одной из точек зрения данное право носит имущественный характер и представляет собой имущественное право на использование соответствующего нематериального блага [11]. Подобный подход связан с процессом комодификации, начавшимся в XIX веке, который отражал превращение нематериальных благ человека в товар, поскольку они стали приобретать ценность не только для самого их обладателя, но и для других лиц в связи с известностью и широким их узнаванием². Поскольку по законам рынка спрос рождает предложение, появилась необходимость придания оборотоспособности праву, не являвшемуся передаваемым до изменений в обществе, порожденных развитием технологий.

Сегодня данный процесс приобрел дополнительный импульс, и его развитие продвинулось, поскольку широта узнавания уже не играет никакой роли для появления у информации о любом человеке ценности. Как отмечают специалисты, персональные данные пользователей лежат в основе современного маркетинга³. В целом обоснованным представляется дать возможность получать доходы от имеющего ценность образа для добросовестных участников оборота, например, лицу, чей образ используется, или его наследникам.

Однако следует учитывать, что такой подход аналогичен распространенному в странах англо-американской системы права «праву на публичность», применение которого порождает определенные проблемы, поскольку полностью приравнивает оборот права на образ человека к имуществу, в результате чего наблюдается «отрыв» нематериального по своей природе блага от личности.

¹ О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

² Ромовская З. Л. Личные неимущественные права граждан СССР : понятие, виды, классификация, содержание, гражданско-правовая защита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1968. 70 с.

³ Цырульников И. Использование персональных данных в маркетинге: законы и этика // РБК : [сайт]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/615fdf6f9a794719ca4d1ddc?ysclid=m3ubh5ix5m871118346> (дата обращения: 29.03.2025).

Практика показывает, что сами обладатели нематериальных благ, лишённые имущественного права на публичность с помощью различных договорных и иных правовых конструкций, т. е. формально на законных основаниях, вынуждены нести допустимый законом в их отношении ущерб от использования их образа, поскольку правом на его эксплуатацию обладают не они. Использование цифрового образа актёра им самим или компанией, которой право на цифровой образ принадлежит по закону, формально одинаково правомерно, однако в последнем случае нередко нарушения прав самих актёров, не только не получивших достойного вознаграждения за «сформированный им образ у зрителей», но и теряющих работу в связи с отсутствием необходимости в их личном участии, поскольку теперь человека может заменить его цифровой образ без ущерба конечному продукту кино- или иного производства.

Кроме того, не может быть признан оправданным полный переход в разряд имущества права на цифровой образ и по иным причинам, имеющим моральный, этический, социокультурный и иной характер. Любой человек вправе ожидать, что его личность будет связана исключительно с теми действиями и продуктами, с которыми он лично связан или с которыми он желает иметь дело. Наконец, придание имущественного характера праву на цифровой образ противоречит таким конституционным правам, как право «на покой», «на забвение», которые сегодня рассматриваются представителями публично-правовых наук.

Эти же аргументы актуальны и в отношении прав умерших людей, которые также должны защищаться и после их смерти [12, с. 240]. Поэтому оправданным представляется рекомендация Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, предусмотренная в рамках модельного закона «О цифровых правах» 2023 года, в соответствии с п. 1 ст. 6 которого создание и использование цифрового образа допускается только в государственных, общественных или иных публичных интересах или с согласия лица, информацию о котором содержит цифровой образ, а в случае его смерти – с согласия его родителей, детей и пережившего супруга⁴. Таким образом, цифровой образ выводится модельным актом из наследственной массы и не может перейти любому наследнику, а также из категории полностью оборотоспособного имущества, хотя и признаётся возможность имущественного вознаграждения за его использование.

Поэтому можно сделать вывод, что конструкция имущественного права не является обоснованной и полностью применимой, поскольку приводит к нарушению личных нематериальных прав человека.

Поэтому более обоснованным представляется подход, приравнивающий цифровой образ человека к традиционному нематериальному благу. Но также обоснованным является предложение трансформации и существенной модернизации института нематериальных благ⁵, который в сформировавшемся виде не способен адекватно решать проблемы современного правоприменения.

Во-первых, в условиях цифровой трансформации появился новый способ нарушения прав и новый субъект, права которого нарушаются использованием цифрового образа. Как отмечают исследователями, бурное распространение технологии «чёрного пиара» и фейков «затрудняет адекватное восприятие информации в цифровом пространстве» [13]. Цифровой образ может быть использован для любых, в т. ч. неправомерных целей, как на широкую аудиторию, так и точно в отношении одного конкретного лица (например, в целях введения его в заблуждение или обмана о личности собеседника в телефонном или видеоразговоре). Многочисленные способы использования любой информации, в т. ч. сформированной в цифровой образ, могут привести к имущественным и моральным потерям не только лица, чей образ использовался, но и введенных в заблуждение лиц. «Доцифровой» образ человека и ранее мог использоваться в корыстных, недобросовестных и преступных целях, и в подобных случаях получал квалификацию в качестве соответствующего преступления или административного правонарушения. Однако сегодня подобного последствия для эффективной защиты прав и поддержания правопорядка уже недостаточно.

Необходимо учитывать, что нарушения носят комплексный характер, в результате чего традиционная квалификация конкретного правонарушения в рамках одной отрасли права оставляет вне зоны внимания иные аспекты, в т. ч. имеющие негативные правовые последствия.

⁴ О цифровых правах : Модельный закон (принят 14.04.2023 в г. Санкт-Петербурге Постановлением 55-12 на 55-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ)) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. 2023. № 78 (ч. 2).

⁵ Чернякова М. Д. Правовая охрана голоса в условиях развития искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 2 (44). С. 283–293. https://doi.org/10.58741/23134852_2024_2_19.

Так, долгое время в литературе преобладало мнение, что фейковая информация не может оцениваться как неприкосновенность частной жизни, поскольку не происходит сбора и распространения реальных сведений о лице и достаточна квалификация по ст. 242 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶ [14], что не учитывает психологических страданий потерпевшего, ущерба его чести и достоинству [2].

Цифровой образ несет такие специфические риски, как «неконтролируемость распространения результата» и «подрыв доверия общественности к достоверности изображений и новостей в целом» [15], что приводит к повышенной степени общественной опасности таких деяний [16]. Указанное свидетельствует о необходимости формирования более жестких и системных, в т. ч. межотраслевых, мер государственного реагирования, выработки новых форм и мер уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности.

Во-вторых, в литературе отмечается как упрощение процесса доказывания факта нарушений права (поскольку в цифровой среде используются изображения лиц в конкретных ситуациях, которых не было в действительности, что согласно абз. 4 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3, безоговорочно относится к недостоверной информации⁷), так и невозможность однозначного вывода об этом на основе текстового анализа, который всегда будет иметь лишь вероятностный характер⁸, и необходимости выработки новых способов установления фейкового характера информации. Например, в качестве нового подхода судебной экспертизы предлагается экспертное лингвистическое исследование, включающее выявление специфических характеристик содержания, направленности, языковой формы и прочих вербализованных признаков «притворности» [17].

Наконец, в-третьих, необходимо отметить отсутствие системного правового учения об образе человека как нематериальном благе. Как правило, говоря об образе, имеют в виду исключительно его визуальный аспект, выражающийся в формировании похожей внешности человека, что повлекло появление такой формы защиты права на образ, как защита права на изображение. Никакой иной образ, помимо визуального, таким образом, фактически законом традиционно не защищается, если не приводит к самостоятельным составам закрепленных законом правонарушений. Но если ранее таких мер было достаточно, то сегодня, с появлением цифровых технологий, границы понятия «образ человека» значительно расширились, что требует адекватного реагирования со стороны права. Так, технология дипфейка способна «с невероятной точностью имитировать интонацию, характерные паузы между словами, акцент, корректировать эмоции при произношении слов» [2], т. е. создавать голосовой образ, а уже упоминавшаяся технология биопринтинга создает биологического двойника человека. Все эти и иные «образы» могут быть воспроизведены, украдены, придуманы и распространены, что приведет к нарушению прав как их обладателей, так и лиц, вводимых в заблуждение. Кроме того, такие образы могут использоваться в личных целях, не всегда соответствующих целям и интересам их обладателей (например, в научных, маркетинговых, управленческих и иных отраслях). Также не следует забывать об общественных интересах, которые могут нарушаться введением в заблуждение отдельных граждан, их групп, и даже всего населения страны, созданием атмосферы недоверия средствам массовой информации, социальной нервозности и прочим неблагоприятным последствиям.

3 заключение

Таким образом, несмотря на то, что в целом правовая квалификация цифрового образа человека в качестве новой разновидности «образа человека», а значит, нематериального блага, соответствует его правовой природе, институт нематериальных благ в современных условиях требует модернизации и выработки новых форм защиты, в т. ч. технологических мер, как стимулирования профилактики нарушения прав на нематериальные блага, так и реагирования на свершившиеся нарушения.

Прежде всего требуется пересмотреть категорию «образ человека», который следует рассматривать не только как визуальное отражение человека, но как любое отражение любых

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁷ О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 № 3 // СПС Консультант-Плюс.

⁸ Стернин И. А., Шестернина А. М. Маркеры фейка в медиатекстах : учебное пособие. Воронеж : РИТМ, 2020. 34 с.

аспектов существования субъекта. Например, в модельной дефиниции цифрового образа (цифровой копии личности) в ст. 3 Модельного закона «О цифровых правах»⁹ к цифровому образу отнесена любая информация о физическом лице, включая биометрические, психоэмоциональные и физиогномические. Важно, что указанный перечень видов образов сформирован в указанном модельном акте как открытый. В таком случае любое использование любого образа сможет получить правовую защиту, механизм которой еще только предстоит выработать. Сегодня только институт защиты права на изображение может применяться для защиты субъективных гражданских прав на образ, однако нельзя игнорировать факт, что он направлен на защиту визуального образа и не всегда может эффективно защитить право на иные виды образов. В то же время данный институт позволяет одновременно решать проблемы, связанные с защитой интеллектуальных прав, возникающих в связи с созданием образа человека, в т. ч. цифрового. Таким образом, представляется обоснованным принятие института права на защиту изображения в качестве отправной точки при формировании механизма защиты права на образ человека, но следует дополнить его иными мерами, носящими комплексный характер.

Во-первых, необходимо принятие новых способов защиты в рамках конкретной отрасли права. Например, в абз. 2 п. 2 ст. 6 Модельного закона «О цифровых правах» устанавливается возможность требовать от лица, незаконно использующего цифровой образ без согласия его обладателя, суммы полученного от использования цифрового образа неосновательного обогащения. Такая возможность позволит более эффективно, чем возмещение морального ущерба, защитить права обладателя образа.

Во-вторых, должны быть выработаны технические решения, позволяющие защитить право на образ, поскольку без учета технологической специфики нарушения невозможно эффективно защитить право, нарушенное с помощью технологий. К таким решениям можно отнести формирование особых обязанностей для операторов цифровых платформ по профилактике, предупреждению использования фейков, а также по устранению последствий их использования. Цифровая платформа не должна рассматриваться как «площадка, на которой возможно все, поскольку никто на ней ни за что не отвечает», хотя именно такой подход на протяжении последних лет исповедуют основные маркетплейсы и иные операторы цифровых платформ, позиционирующие себя как «посредника», «доску объявлений», но не как полноправного участника складывающихся на платформе отношений, который должен нести ответственность за последствия своей деятельности. Как минимум, необходима корреляция деятельности цифровых платформ и торговых сетей, учитывая, что последние отвечают перед потребителями за товары и услуги, которые в сети реализуются.

В-третьих, необходима разработка системы цифровых образов, которые могут копировать не только образ конкретного человека, но и отдельных целевых групп людей или обобщенный образ человека как представителя определенной профессии, социального слоя, национальности и т. п. Последние виды образов также нуждаются в своей специфической защите, поскольку нарушение прав субъекта возможно через использование обобщенных образов (например, путем использования против него результатов анализа таких обобщенных образов, либо путем использования его образа в анализируемых данных и т. п.). В свою очередь, цифровой образ человека как нематериальное благо необходимо отграничивать от иных объектов гражданских прав, в частности, от трехмерного изображения в цифровой среде как объекта интеллектуальной собственности, не являющегося личным неотчуждаемым благом конкретного субъекта, а представляющего собой исключительно созданный творческим трудом, придуманный автором образ, к которому должен применяться традиционный режим охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

Список источников

1. Петкилев П. И. «Цифровой двойник» как новый объект смежных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 4 (38). С. 93–100. https://doi.org/10.58741/23134852_2022_4_93.
2. Добробаба М. Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex Russica. 2022. № 11. С. 112–119. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119>.
3. Будник Р. А. Исключительное право на самокопирование // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2023. № 3. С. 5–17.
4. Галлямова А. А. Биопринтинг и право человека на цифровой образ: правовые проблемы // Право и бизнес. 2023. № 2. С. 39–44.

⁹ Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. 2023. № 78 (ч. 2).

5. Богданов Д. Е. Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 50. С. 678–704. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-50-678-704>.
6. Богомякова Е. С. Цифровой образ тела пользователей устройств для селф-трекинга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16, № 2. С. 183–196. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.205>.
7. Архипов В. В. Персонажи (аватары) в многопользовательских компьютерных играх: вопросы правовой квалификации в свете междисциплинарных исследований // Закон. 2022. № 3. С. 58–74. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-18-3-58-74>.
8. Косовская И. М., Писарев В. В. Формирование рынка интеллектуальной собственности в виртуальных мирах (на примере метавселенных): анализ основных проблем // Арбитражные споры : [электронный журнал]. 2024. № 4. С. 4. URL: <https://arbspor.ru/articles/2448/>.
9. Нугматзянова Д. А. NFT как основа экономики метавселенных // Право и бизнес. 2022. № 4. С. 26–31.
10. Масликова Я. А. Дипфейки как угроза персональным данным / Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Оренбург, 29 марта 2021 г. Ногинск : АНАЛИТИКА РОДИС, 2021. С. 396–400.
11. Яценко Т. С. Проблемы гражданско-правового регулирования посмертного использования нематериальных благ // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 7. С. 35–46. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.077>.
12. Флейшиц Е. А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Москва : Статут, 2015. Т. 1. 510 с.
13. Кац Е. Репутация как мотивация // Банковское обозрение. 2024. № 4 (302). С. 10–13.
14. Капитонова Е. А. Шантаж «нюдсами» и смежные деяния: проблемы уголовно-правовой квалификации // Уголовное право. 2021. № 6. С. 19–27.
15. Капитонова Е. А. Визуальный фейк, созданный посредством нейросети: социально-правовые риски и проблемы квалификации // Закон . 2024. № 1. С. 39–48. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-1-39-48>.
16. Терещенко Л. К. Фейки и треш-стримы как угроза информационной безопасности // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 11. С. 103–114. <https://doi.org/10.61205/jrp.2023.131>.
17. Кузнецов В. О. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о распространении заведомо ложной (недостоверной) информации под видом достоверных сообщений // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17, № 2. С. 49–57. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-2-49-57>.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-118-128>

Неисполнение обязанностей родителями по воспитанию несовершеннолетнего как причина кибербуллинга

Анна Геннадьевна Богомолова¹, кандидат юридических наук

Ирина Анатольевна Копьёва², кандидат юридических наук

^{1,2} Тульский государственный университет

Тула (300012, пр-т Ленина, д. 92), Российская Федерация

¹ a.g.reznikova@mail.ru, ² kopyovairinaclld@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0005-2984-376X>, ² <https://orcid.org/0009-0006-4642-9314>

Аннотация:

Введение. В условиях цифровизации общественных отношений кибербуллинг становится распространенным явлением среди несовершеннолетних. Кибербуллинг может содержать признаки состава соответствующего преступления, способом совершения которого выступает травля (психическое насилие) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая интернет). Представляется, что одним из факторов, детерминирующих преступления, осуществляемые способом интернет-травли, является неисполнение обязанностей родителями по воспитанию несовершеннолетнего.

Методы. Методологическую основу научного исследования составил всеобщий диалектический метод научного познания. Кроме того в ходе исследования применялись следующие методы: системно-структурный, формально-логический, конкретно-социологический, анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, обобщение данных, статистический, метафизический, криминологическое моделирование.

Результаты. К неисполнению или ненадлежащему исполнению обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего отнесены отсутствие заботы о ребенке, проявление при осуществлении воспитания грубости, унижения человеческого достоинства, использование оскорблений, эксплуатация, использование родительских прав в ущерб интересам ребенка. Проанализирован вопрос о толковании понятия «жестокое обращение». На основе анализа научной литературы авторами сделан вывод о влиянии неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего на формирование личностей преступника и потерпевшего в преступлениях, совершенных способом интернет-травли. В ходе характеристики личностей преступника и потерпевшего в соответствующих преступлениях, была выявлена характерная особенность несовершеннолетних лиц – обособленность, изолированность от родителей, и как следствие, невовлеченность родителей в произошедшее событие. Анализ характеристики

Ключевые слова:

кибербуллинг, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, жестокое обращение, предупреждение

Для цитирования:

Богомолова А. Г., Копьёва И. А. Неисполнение обязанностей родителями по воспитанию несовершеннолетнего как причина кибербуллинга // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 118–128. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-118-128>.

личности преступника и потерпевшего в преступлениях, совершенных способом травли в информационно-телекоммуникационных сетях (включая интернет), а также имеющаяся связь с неисполнением обязанностей родителями по воспитанию несовершеннолетнего позволили сформулировать меры по предупреждению кибербуллинга среди несовершеннолетних.

Статья поступила в редакцию 18.12.2024;
одобрена после рецензирования 18.04.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Neglect of parents' duties in bringing up a minor as a cause of cyberbullying

Anna G. Bogomolova¹, Cand. Sci. (Jurid.)

Irina A. Kopyova², Cand. Sci. (Jurid.)

^{1,2} Tula State University

92, Lenin Ave., Tula, 300012, Russian Federation

¹ a.g.reznikova@mail.ru, ² kopyovairinacl@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0005-2984-376X>, ² <https://orcid.org/0009-0006-4642-9314>

Abstract:

Introduction. In the context of the digitalisation of social relations, cyberbullying is becoming a widespread phenomenon among minors. Cyberbullying may have elements of the corpus delicti of the relevant offence, the means of committing which is bullying (mental violence) with the use of information and telecommunications networks (including the Internet). It seems that one of the factors determining the offences committed by the method of Internet bullying is the parents' neglect of their duties to bring up a minor.

Methods. The methodological basis of the scientific research was the universal dialectical method of scientific cognition. In addition, the following methods were used during the study: system-structural, formal-logical, concrete-sociological, analysis and synthesis, induction and deduction, analogy, generalisation of data, statistical, metaphysical, criminological modelling.

Results. Neglect or inadequate fulfilment of obligations to bring up a minor is defined as neglect of the child, rudeness, humiliation of human dignity, use of insults, exploitation and use of parental rights to the detriment of the child's interests. The question of the interpretation of the concept of "ill-treatment" is analysed. Based on the analysis of the scientific literature, the authors concluded that the neglect of duties of bringing up a minor influences the formation of the personalities of the offender and the victim in crimes committed by means of Internet bullying. In the course of characterising the personalities of the perpetrator and victim in the related offences, a characteristic feature of juveniles was identified – their isolation from their parents and, as a consequence, their parents' lack of involvement in the event. Analysis of the characteristics of the personality of the perpetrator and the victim in crimes committed by means of bullying in information and telecommunications networks (including the Internet), as well as the connection with the neglect of parental responsibilities for the upbringing of minors, made it possible to formulate measures to prevent cyberbullying among minors.

Keywords:

cyberbullying, failure to fulfill responsibilities for the upbringing of a minor, cruel treatment, crime prevention

For citation:

Bogomolova A. G., Kopyova I. A. Neglect of parents' duties in bringing up a minor as a cause of cyberbullying // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. XXX–XXX. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-118-128>.

The article was submitted December 18, 2024;
approved after reviewing April 18, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

В последнее время продолжает сохраняться криминальная активность несовершеннолетних. По итогам 2023 года количество несовершеннолетних, совершивших преступления, составило 22 340, а уголовно-наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними, – 27 325¹.

Согласно распоряжению Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года»² в России особого контроля требуют такие

¹ Состояние преступности (январь – декабрь 2023 года) // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/15304733> (дата обращения: 04.06.2024).

² Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года (вместе с «Планом мероприятий на 2021 – 2025 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года»)

антиобщественные действия как запугивание, травля (буллинг) ребенка со стороны одноклассников, распространение лживой, порочащей ребенка информации в социальных сетях, размещение в интернете видеосюжетов со сценами побоев, истязаний и иных насильственных действий в отношении малолетних детей и подростков, что усугубляет психологические травмы жертв. Кроме того, сам факт распространения в социальных сетях подобных видеоматериалов способствует культивированию насилия среди несовершеннолетних и провоцирует их на подобные съемки.

В соответствии с Планом основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства на период до 2027 года, утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 января 2021 года № 122-р, разработаны и организуются различные меры «по профилактике травли и кибертравли (буллинг и кибербуллинг); по обучению безопасному поведению в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет”»³. В связи с этим можно констатировать признание существования проблемы травли несовершеннолетних на государственном уровне.

В соответствии с распоряжением Минпросвещения России от 25 декабря 2019 г. № Р-145 «буллинг – это проявление агрессии, в том числе физическое насилие, унижение, издевательства в отношении обучающегося образовательной организации со стороны других обучающихся и / или учителей. Одна из современных разновидностей буллинга – кибербуллинг, травля в социальных сетях»⁴.

Законодательство не содержит специальных норм, предусматривающих юридическую ответственность за кибербуллинг, подобные действия могут получить правовую оценку в виде административного правонарушения или преступления. Способом совершения кибербуллинга выступает травля (психическое насилие) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Несовершеннолетние лица более подвержены негативным последствиям рассматриваемого явления в силу психических особенностей, связанных с незрелостью личности. Психическая особенность возрастной группы несовершеннолетних характеризуется эмоциональной нестабильностью, наступлением возрастных кризисов, стремлением к самостоятельности и независимости и др. Данный вид преступности латентен, поскольку в силу возрастных особенностей, несовершеннолетние могут длительное время скрывать проявления кибербуллинга. Анализ практики показывает, что данные о возбуждении дел по фактам противоправного поведения в интернете, имеющего признаки кибербуллинга в отношении несовершеннолетних, практически отсутствуют. Несовершеннолетние лица легко замыкаются в себе и не сообщают о проявлениях кибербуллинга родителям, кроме этого, как правило, не располагают информацией о цифровой грамотности в сфере кибербезопасности.

Вышеизложенное обуславливает сложности в противодействии данному явлению и представляет научный интерес в изучении кибербуллинга среди несовершеннолетних и влияния на существование последнего неисполнения обязанностей родителями по воспитанию несовершеннолетнего.

Методы

Методологическую основу научного исследования составил всеобщий диалектический метод научного познания. Дополнительно в ходе исследования применялись следующие методы: системно-структурный, формально-логический, конкретно-социологический, анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, обобщение данных, статистический, метафизический, криминологическое моделирование.

: распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р (ред. от 18.03.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2017. № 14. Ст. 2088.

³ Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 января 2021 г. № 122-р (ред. от 27.10.2023) // СЗ РФ. 2021. № 5. Ст. 914.

⁴ Об утверждении методологии (целевой модели) наставничества обучающихся для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по общеобразовательным, дополнительным общеобразовательным и программам среднего профессионального образования, в том числе с применением лучших практик обмена опытом между обучающимися : распоряжение Министерства просвещения Российской Федерации от 25 декабря 2019 г. № Р-145 // Официальные документы в образовании. 2020. № 5.

Результаты

Буллинг (травля) в настоящее время стал распространенным явлением: по статистике каждый десятый несовершеннолетний сталкивался с буллингом в интернете (кибербуллинг)⁵. Большинство несовершеннолетних имеет практически неограниченный доступ к интернету посредством смартфонов, ноутбуков, планшетных и стационарных компьютеров и других электронных устройств, позволяющих беспрепятственно пользоваться современными информационными ресурсами (интернет-сервисами). К таким информационным ресурсам можно отнести социальные сети, сервисы обмена мгновенными сообщениями, видео-фотохостинги и др. Более трети родителей в России (35 %) разрешают детям младше 12 лет пользоваться интернетом. При этом 15 % родителей не принимают никаких мер, чтобы ограничить ребенку доступ к нежелательной информации⁶. Все это формирует у подрастающего поколения чрезмерную увлеченность виртуальным пространством и наряду с положительным его влиянием (видеолекции, обучающие программы, доступ к всемирным библиотекам, современной литературе и др.) способно оказывать негативное воздействие.

Кибербуллинг представляет особую опасность в связи с особенностями места его совершения – информационного пространства, которому присущи такие свойства, как анонимность (сложность в выявлении личности преступника), виртуальность (нереальность коммуникации и социально-эмоциональных реакций), вневременность (доступность интернета в любое время, отправка сообщений с изменением времени), дистанционность (возможность коммуникации из любого местоположения, где есть доступ к интернету), широта охвата аудитории и др. [1, с. 28].

Кроме этого, существуют определенные сложности при расследовании преступлений, совершенных посредством кибербуллинга ввиду неочевидности преступного деяния, необходимости использования специальных знаний в области информационных технологий и проведения процессуальных действий с учетом возрастных особенностей несовершеннолетних и др. В связи с этим кибербуллинг как разновидность буллинга представляет особый научный интерес.

Кибербуллинг – это травля (психическое насилие) с использованием цифровых технологий. В письме Минобрнауки России от 14 мая 2018 г. № 08-1184 дается определение указанного термина как «...преследование сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, запугивание; хулиганство; социальное бойкотирование с помощью различных интернет-сервисов»⁷. Стоит отметить, что в отечественном законодательстве это единственная дефиниция данного явления. Нормативного правового акта, предусматривающего его в качестве самостоятельного вида правонарушения, не принято. При этом неоднократно были предприняты попытки решения проблемы буллинга путем разработки соответствующих законопроектов⁸.

Кибербуллинг может содержать признаки состава соответствующего преступления, способом совершения которого выступает травля (психическое насилие) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, например, доведение до самоубийства (п. «д» ч. 2 ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации⁹ (далее – УК РФ)), публичная клевета (ч. 2 ст. 128¹ УК РФ), склонение к потреблению наркотических средств (п. «д» ч. 2 ст. 230 УК РФ), использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (п. «г» ч. 2 ст. 242² УК РФ) и др. В целях противодействия использованию для совершения

⁵ Каждый десятый ребенок в России хотя бы раз сталкивался с буллингом в сети // Коммерсантъ : [сетевое издание]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6014816> (дата обращения: 04.06.2024).

⁶ Спицына А. ВЦИОМ: 15% родителей не ограничивают детям доступ к информации в интернете // Российская газета : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2023/06/21/vciom-15-roditelej-ne-ogranichivaiut-detiam-dostup-k-informacii-v-internete.html> (дата обращения: 04.06.2024).

⁷ О направлении информации (вместе с «Методическими рекомендациями о размещении на информационных стендах, официальных интернет-сайтах и других информационных ресурсах общеобразовательных организаций и органов, осуществляющих управление в сфере образования, информации о безопасном поведении и использовании сети „Интернет“») : [письмо] Министерства просвещения Российской Федерации от 14 мая 2018 г. № 08-1184 // Вестник образования России. 2018. № 15.

⁸ Меликян А. В Госдуме разработают законопроект против буллинга // Газета.Ru : [сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/12/13/n_17005927.shtml?updated (дата обращения: 03.09.2024) ; Замахина Т. В Госдуме подготовлен законопроект о борьбе с травлей детей в школах // Российская газета : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2022/10/12/v-gosdume-podgotovlen-zakonoproekt-o-borbe-s-travlej-detej-v-shkolah.html> (дата обращения: 03.09.2024) ; Балабаева Е. Для родителей буллеров предлагают ввести штрафы // Парламентская газета : [электронное издание]. URL: <https://www.pnp.ru/social/dlya-roditeley-bullerov-predlagayut-vvesti-shtrafy.html> (дата обращения: 03.09.2024).

⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

преступления информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. интернет-травле, законодатель предусмотрел в качестве квалифицирующего признака составов соответствующих преступлений совершение преступления в информационно-телекоммуникационных сетях (включая интернет), а также предусмотрел это обстоятельство в качестве отягчающего наказание (п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Стоит отметить, что кибербуллинг несовершеннолетних, являясь формой психического насилия, в научной литературе рассматривается преимущественно как психологическое явление. Однако в области психологии не выработано единого мнения относительно ролевой структуры кибербуллинга. Большинство ученых-психологов выделяют следующие индивидуально-психологические роли участников: организатор (агрессор), помощники организатора, жертва, наблюдатели, защитники [2; 3]. Особенно характерна для интернет-среды инверсия ролей, а именно: сами агрессоры становятся жертвами травли или наоборот [4, с. 18]. В результате четкие грани при психологической характеристике участников кибербуллинга стираются, в связи с этим классификации индивидуально-психологических ролей данного явления носят весьма условный характер. Опираясь на позиции ученых в области психологии, полагаем, что одной из причин формирования личностей преступника и потерпевшего являются внутрисемейные отношения. И здесь важным является рассмотрение, с одной стороны, вопросов криминологической характеристики личности преступника и потерпевшего, а с другой – анализ признаков состава ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Для выявления факторов, влияющих на совершение преступлений способом травли в информационно-телекоммуникационных сетях (включая интернет) и успешной выработки стратегии предупреждения таких преступлений, интересным представляется изучение криминологической характеристики личности преступника и потерпевшего. Основываясь на имеющемся в научной литературе анализе материалов судебно-следственной практики, можно выделить определенные личностные характеристики преступника и потерпевшего в рассматриваемых преступлениях [5, с. 77].

Кибербуллинг, являясь формой психического насилия, наибольшую угрозу представляет для несовершеннолетних, у которых уже имеются какие-либо проблемы и психологические переживания, например, непонимание в семье, уровень физического или психологического здоровья, произошедшая психологически травмирующая ситуация и др. Потерпевшим свойственны проявления депрессивных состояний, одиночества, психологическая изолированность, повышенная тревожность, ранимость.

Именно потерпевшие с отчужденностью от родителей и сверстников наиболее длительное время скрывают проявления кибербуллинга в отношении себя, что может привести к серьезным последствиям.

Пропуски занятий в образовательных учреждениях, безучастность в мероприятиях, некоммуникабельность, проявление агрессивности, обидчивость, низкая самооценка и иные индивидуальные личностные характеристики несовершеннолетних в совокупности определяют личность потерпевшего. При этом все потерпевшие являются пользователями интернета и имеют аккаунты в различных информационных ресурсах.

Исследование страниц в социальных сетях, данных и информации, находящейся в персональных аккаунтах интернет-сервисов (музыкальные композиции, тематические сообщества, имеющийся мультимедийный материал), может стать важным источником криминалистически значимой информации. Комментарии, графические изображения профиля, количество друзей и подписчиков в социальных сетях могут характеризовать личность как положительно, так и отрицательно, и позволяют составить информационно-психологический портрет несовершеннолетнего. Материалы, размещенные на персональной странице, могут свидетельствовать о проблемах, внутренних переживаниях и иных социально-психологических особенностях личностей потерпевшего и преступника.

Личность преступника характеризуется агрессивностью, однако не всегда такое поведение проявляется в реальной социальной среде. Существуют так называемые скрытые агрессоры, когда агрессия осуществляется только в интернет-пространстве. Интернет позволяет действовать анонимно или путем подмены личности, что добавляет смелости, решительности и формирует представление о безнаказанности за подобное девиантное поведение, которое в реальном общении не проявляется. Наличие агрессивных, антисоциальных материалов на персональной странице несовершеннолетнего может характеризовать его как лицо, склонное к антиобщественному поведению.

Бывают ситуации, когда буллинг из вербальной агрессивной коммуникации в реальной социальной среде переходит в интернет-пространство и наоборот, что в совокупности

приводит к серьезным последствиям. К примеру, «травля» ребенка ФИО-5 группой одноклассников вместе с ФИО-26 началась около двух месяцев назад. ФИО-5 оскорбляли, били, производили съемку этих оскорблений на телефон, затем размещали эти видео в группе одноклассников... Систематические унижения и издевательства со стороны одноклассников над ребенком, которые выражались в придумывании обидных, унижающих человеческое достоинство оскорблений, с последующим публичным голосованием за эти оскорбления в общем чате одноклассников; добавлении номера ребенка в СМС «Бомбер»¹⁰; провоцировании на ответную реакцию. ... Высмеивали и снимали его на видео, выкладывали в своей группе, что порождало новую волну насмешек и издевательств одноклассников, причиняя ребенку нравственные страдания. Безнаказанность за издевательства над ребенком привела к тому, что несовершеннолетний ФИО-26 напал на ФИО-5 и причинил тяжкий вред его здоровью¹¹.

Мотивами такого поведения могут быть гнев, месть, развлечение, выгода, самоутверждение и др. Поскольку агрессор осуществляет активные действия с использованием интернета, он, как правило, обладает знаниями в области информационных технологий, в частности, о способах сохранения анонимности, сокрытия следов.

К способам кибербуллинга можно отнести:

- личный (когда агрессия осуществляется посредством личной переписки);
- публичный (когда агрессия происходит в «присутствии» других пользователей, например, посредством комментариев к публикациям).

Публичный кибербуллинг характеризуется наличием свидетелей – пользователей интернета. При этом с точки зрения психологии свидетелей подразделяют на наблюдателей и защитников. Наблюдатели стремятся находиться вне конфликта: не препятствуют и не сдерживают агрессивные действия. Защитники характеризуются повышенной ответственностью за чужие поступки и вмешиваются в конфликт для его разрешения.

Кибербуллинг может осуществляться в текстовой форме, а также с помощью мультимедиа-сопровождения, таких как фотографии, аудиозаписи, видео, инфографика и др., оказывая дополнительное психическое давление на потерпевшего.

Способами проявления кибербуллинга могут также являться: высказывания в отношении потерпевшего оскорблений; распространение заведомо ложных сведений, унижающих честь и достоинство; распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну; угрожающие сообщения, запугивание; создание ложных персональных страниц; взлом персональных страниц в целях оказания психологического давления на потерпевшего; принуждение к совершению каких-либо действий; социальная изоляция и бойкотирование и др.

Сбор и выявление следов преступлений, совершенных посредством кибербуллинга, требует от правоохранительных органов применения специальных знаний в области информационных технологий. Переписка между преступником и потерпевшим является главным источником криминалистически значимой информации. Однако виртуальные следы возможно скрыть при наличии соответствующих познаний у преступника, что обуславливает временные и технические трудности в их обнаружении, фиксации и изъятии правоохранительными органами.

В связи с этим к характеристике преступника можно отнести: рациональность, расчетливость, знания в области информационных технологий, желание самоутвердиться или личные неприязненные отношения к потерпевшему, двуличность.

В ходе криминологической характеристики личности преступника и потерпевшего в преступлениях, совершенных способом травли в информационно-телекоммуникационных сетях (включая интернет), можно выделить общую характерную особенность несовершеннолетних лиц – обособленность, изолированность от родителей, отсутствие родительского контроля и, как следствие, невовлеченность родителей в произошедшее событие. В связи с этим кибербуллинг среди несовершеннолетних может носить длительный характер и при этом долгое время оставаться скрытым от взрослых, что затрудняет его своевременное выявление и предупреждение.

Как было отмечено ранее, в целях настоящего исследования особый интерес представляет изучение влияния ненадлежащего исполнения обязанностей родителей по воспитанию несовершеннолетнего как одного из условий формирования личностей преступника и потерпевшего, поскольку выбор той или иной модели поведения зависит в т. ч. от детско-родительских отношений, и может послужить одним из источников получения сведений для установления

¹⁰ СМС «Бомбер» – программа по массовой рассылке спама.

¹¹ Решение Ленинградского районного суда г. Калининграда от 2 ноября 2023 г. по делу № 2-3621/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (далее – СудАкт.Ру) : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JIHP0fv7atlj/?ysclid=lxolt0sgle94268422> (дата обращения: 03.09.2024).

событий преступления, дальнейшего расследования уголовного дела, а также предупреждения преступления. Анализ теоретических подходов различных психологических школ (А. Адлер, Д. Боумрид, А. Болдуин, В. Н. Дружинин, А. Е. Личко, А. И. Спиваковская, Э. Г. Эйдемиллер и др.) подтверждает вывод о том, что формирование личности несовершеннолетнего закрепляется в родительской семье. Отсутствие доверительных отношений в семье, авторитарность воспитания, невовлеченность, пренебрежение и иные стили воспитания способны повлиять на возникновение кибербуллинга и, напротив, надлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего играет значимую роль в профилактике и предотвращении данного явления. Таким образом, одной из причин формирования девиантного или виктимного поведения в контексте рассматриваемого явления становятся внутрисемейные взаимоотношения, в т. ч. ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем.

Запрет на любые формы насилия и эксплуатации, оскорбления, пренебрежительное отношение, грубое обращение в отношении ребенка со стороны родителей провозглашается в Конвенции о правах ребенка¹². В зависимости от степени общественной опасности нарушения родительских обязанностей предусмотрена административная (ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹³) или уголовная (ст. 156 УК РФ) ответственность. Общим для этих норм признаком является деяние в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, а разграничительным – жестокое обращение с ребенком, имеющее уровень общественной опасности, характерный для преступления. Понятие «жестокое обращение» является оценочным. Ориентиры толкования содержания объективных признаков указанных норм содержатся в ст. 63, 65 Семейного кодекса Российской Федерации¹⁴ (далее – СК РФ) и судебной практике.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»¹⁵ не дает прямого толкования деяний в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию ребенка. Однако в перечне случаев, когда по решению суда родители могут быть лишены родительских прав, приводятся такие деяния, как уклонение родителей от выполнения своих обязанностей и злоупотребление своими родительскими правами, которые по своей природе тождественны неисполнению или ненадлежащему исполнению обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Воспитание – это деятельность, направленная на развитие личности, формирование трудолюбия, создание условий для самоопределения и социализации¹⁶. Родители обязаны в пределах своих способностей и финансовых возможностей обеспечить условия жизни, необходимые для развития ребенка¹⁷. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего представляет собой бездействие, а ненадлежащее исполнение – действия по осуществлению воспитания, выполненные в объеме, не обеспечивающем надлежащую реализацию прав и интересов несовершеннолетнего.

Основываясь на анализе СК РФ и толковании указанных деяний высшей судебной инстанцией, к случаям неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего можно отнести:

1. Отсутствие заботы о здоровье ребенка, его физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, об обучении (проявление пренебрежения). Отдельными случаями такого поведения представляется целесообразным признать: неуплату средств на содержание детей и злостное уклонение от уплаты алиментов; отказ без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций; отсутствие

¹² Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

¹³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

¹⁴ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2018. № 1.

¹⁶ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

¹⁷ Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

контроля за деятельностью ребенка, в т. ч. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и т. п.

2. Проявление при осуществлении воспитания грубости, унижения человеческого достоинства, использование оскорблений, эксплуатации.

3. Использование родительских прав в ущерб интересам ребенка (например, создание препятствий к получению общего образования, вовлечение в совершение преступления или антиобщественных действий, вовлечение в деятельность общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности).

Не давая исчерпывающего перечня случаев жестокого обращения, высшая судебная инстанция указывает в качестве частных случаев физическое или психическое насилие над ребенком и посягательство на его половую неприкосновенность. Отсутствие понятия «жестокое обращение» в уголовном законе и указание лишь на отдельные его случаи в судебной практике обуславливают дискуссионность вопроса о толковании этого понятия. В доктрине уголовного права жестокое обращение с ребенком в первую очередь понимается как применение к нему физического или психического, а также сексуального насилия. Распространенным мнением является отнесение к случаям жестокого обращения применения недопустимых способов воспитания, что обуславливается более широким толкованием понятия «жестокое обращение» в утратившем силу п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»¹⁸, включавшем помимо насилия и покушения на половую неприкосновенность еще грубое, пренебрежительное, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление и эксплуатацию, нежели в приведенном выше действующем постановлении от 14 ноября 2017 г. № 44. К недопустимым способам воспитания ученые также относят лишение пищи, сна, одежды, отдыха, неоказание медицинской помощи и т. п. [6, с. 109]. В связи с этим существуют две позиции по вопросу соотношения насилия и жестокого обращения: 1) насилие и жестокое обращение является тождественными понятиями [7, с. 92; 8, с. 187] и 2) жестокое обращение является понятием шире по объему, нежели насилие [9, с. 19; 10, с. 70].

Дискуссионным также является вопрос оценки деяния (действия или бездействия) как жестокого обращения по характеру его длительности. Можно выделить четыре точки зрения:

- 1) обязательность систематического характера (совершение три и более раза)¹⁹;
- 2) обязательность неоднократного характера (совершение два и более раза) [11, с. 23];
- 3) возможность как систематического, так и однократного совершения²⁰ [9, с. 70];
- 4) возможность как систематического, так и однократного совершения, но в последнем случае, чтобы признать деяние жестоким обращением, оно должно длиться на протяжении определенного времени [12, с. 142].

На наш взгляд, критерием разграничения неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего как административного правонарушения и как преступления, когда такое деяние имеет характер жестокого обращения, можно признать вред жизни или здоровью (физическому или психическому) ребенка либо угрозу его причинения. В связи с этим мы разделяем позицию И. И. Нагорной о недопущении избыточного применения уголовного закона. Ученый характеризует жестокое обращение как деяние, имеющее интенсивность, которая может выражаться как в систематических деяниях, так и в однократном деянии. Умышленное деяние, образующее жестокое обращение, должно находиться в причинной связи с негативными последствиями для физического или психического здоровья ребенка или угрозой их наступления [13, с. 153]. В связи с этим, например, систематическое непосещение ребенком школы по вине родителя, бесспорно, является недопустимым способом воспитания, но само по себе, без совокупности иных деяний, способных причинить вред жизни или здоровью ребенка, не образует жестокого обращения.

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (ред. от 26.12.2017) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 7.

¹⁹ Никулин С. И. Преступления против семьи и несовершеннолетних // Уголовное право России : Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. И. Рарога. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2004. С. 366.

²⁰ Бородин С. В. Преступления против семьи и несовершеннолетних // Курс российского уголовного права. Особенная часть / Бородин С. В., Дубовик О. Л., Келина С. Г., Кригер Г. Л. [и др.] ; под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. Москва : Спарк, 2002. С. 297.

3 заключение

Таким образом, жестокое обращение образуют действия, которые непосредственно причиняют вред жизни или здоровью ребенка или создают угрозу его причинения (побои, истязания, причинение вреда здоровью, сексуальное насилие, систематическое унижение достоинства, угроза причинения насилия, вовлечение в систематическое употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции и т. п.), так и действия или бездействие, которые опосредованно, т. е. через действия иных факторов, вызывают такие последствия (оставление без заботы ребенка, находящегося в беспомощном состоянии, т. е. лишение пищи, сна, неоказание лечения, длительное запираение одного в помещении или выставление из жилья и т. п.). Такой подход подтверждается и судебной практикой. Так, в приговоре от 27 апреля 2017 г. по делу № 1-22/2017 мировой судья в качестве ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенного с жестоким обращением, признал длительное употребление спиртных напитков и курение при грудном вскармливании ребенка, а также оставление грудного ребенка без регулярного грудного вскармливания, что причинило вред здоровью ребенка²¹. По мнению Т. А. Плаксиной, жестокое обращение в форме неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего возникает только в случае, если оно характеризуется умышленным причинением вреда здоровью либо умышленным причинением физических страданий [14, с. 133]. Представляется, что жестокое обращение является умышленным действием или бездействием, а отношение к вреду здоровью либо созданию угрозы его причинения как результату такого обращения может быть как умышленным, так и неосторожным. Так, в приговоре от 22 мая 2017 г. по делу № 1-19/2017 в качестве жестокого обращения с несовершеннолетними мировой судья признал бездействие матери, вызвавшее опасность возникновения у детей инфекционных заболеваний. Мать проживала с пятью детьми в двухкомнатной квартире, в которой: были беспорядок, грязь; отключен газ; не изолирована электрическая проводка, находящаяся в доступном для детей месте; жили в большом количестве животные. Мать не предпринимала мер по улучшению условий для нормального проживания, не обеспечивала питанием, необходимым для нормального физического развития детей, систематически не проводила детям водные процедуры. При этом в приговоре прямо указано, что мать, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий своего бездействия для жизни и здоровья несовершеннолетних детей, без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывала на их предотвращение²².

Применяемые родителями способы воспитания являются основополагающим фактором в формировании психологических особенностей поведения ребенка: влияют на самооценку, чувство собственного достоинства, отношение к чувствам других, уровень самоконтроля, импульсивности и гнева, способность справляться с тревогой. Исследователи в области психологии выделяют следующие основные семейные факторы, порождающие буллинг: 1) конфликты и насилие в семье; 2) родительская холодность и отчужденность по отношению к ребенку; 3) непоследовательный тип воспитания (попеременное наказание, поощрение, игнорирование негативного поведения ребенка); 4) восприятие агрессивного поведения и насилия родителями как нормы и обыденности [15, с. 89].

Жестокое обращение с несовершеннолетним следует признать одной из причин формирования личностей преступника и потерпевшего в преступлениях, совершенных способом травли в информационно-телекоммуникационных сетях (включая интернет). Так, желание сатисфакции за насилие, унижение человеческого достоинства и пренебрежение со стороны родителей, восприятие насилия как нормы поведения побуждают ребенка к агрессивному поведению. Что касается потерпевшего, то насилие в семье выступает главным фактором заниженной самооценки и пониженного чувства собственного достоинства, высокого уровня тревоги, чувства одиночества и замкнутости.

Анализ характеристики личности преступника и потерпевшего в преступлениях, совершенных способом травли в информационно-телекоммуникационных сетях (включая интернет), а также имеющаяся связь с неисполнением обязанностей родителями по воспитанию несовершеннолетнего позволяют предложить меры по предупреждению кибербуллинга среди

²¹ Приговор мирового судьи судебного участка № 33 Оричевского судебного района Кировской области от 27 апреля 2017 г. по делу № 1-22/2017 // СудАкт.Ру : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/zNqlJelmFxUR/> (дата обращения: 20.08.2024).

²² Приговор мирового судьи судебного участка № 11 города Энгельса Саратовской области от 22 мая 2017 г. по делу № 1-19/2017 // СудАкт.Ру : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/OMWlQlSlCHJm/> (дата обращения: 20.08.2024).

несовершеннолетних. Такие меры могут осуществляться правоохранительными органами по нескольким направлениям (профилактическая работа):

- с несовершеннолетними лицами;
- с родителями (законными представителями) несовершеннолетних лиц;
- с педагогическим составом, психологической службой коллективов несовершеннолетних.

Меры по общему и индивидуальному предупреждению кибербуллинга среди несовершеннолетних должны иметь моральное, правовое и виктимологическое направление. Эти меры должны включать в себя освещение информации:

- повышающей уровень правосознания и цифровой грамотности в сфере кибербезопасности;
- о необходимости систематического контроля и мониторинга персональных страниц и информации в социальных сетях несовершеннолетних родителями (законными представителями) и педагогами;
- о правилах сетевого этикета и поведения в интернете (в т. ч. посредством освещения социальных реклам, практики привлечения к юридической ответственности);
- о возможности получения психологической помощи, помощи служб доверия (в т. ч. анонимной);
- о необходимости сообщения родителям (законным представителям), педагогам и правоохранительным органам о случаях кибербуллинга;
- о необходимости выстраивания внутрисемейных доверительных отношений между родителями и детьми и др.

Разъяснительные беседы с родителями должны формировать представления об обязанностях родителей по воспитанию несовершеннолетнего, освещать вопросы нормативно-правового регулирования в области ответственности за воспитание детей, ответственности за совершение противоправных действий несовершеннолетними в интернете. С неблагополучными семьями учащихся необходимо проводить индивидуальную информационно-профилактическую работу. При возникновении проблем семейного воспитания родителям следует оказывать психолого-педагогическую помощь. Профилактические мероприятия должны осуществляться совместно педагогическими работниками (классным руководителем), психологической службой под руководством правоохранительных органов. Данные мероприятия позволят своевременно выявить, устранить или нейтрализовать причины и условия кибербуллинга среди несовершеннолетних.

Список источников

1. Богомолова А. Г. Криминалистические аспекты кибербуллинга как формы деструктивного поведения в сети Интернет / А. Г. Богомолова, Е. А. Кот // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2. С. 25–32; <https://doi.org/10.5922/sikbfu-2023-2-3>.
2. Мишина М. М., Воробьева К. А. Психологические особенности личности участников кибербуллинга в популярных социальных сетях // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 29–43; <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-3-29-43>.
3. Глазман О. Л. Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 105. С. 159–165.
4. Солдатова Г. У., Ярмина А. Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. 2019. № 3 (35). С. 17–31; <https://doi.org/10.11621/nprj.2019.0303>.
5. Волчецкая Т. С., Кот Е. А. Преступления, связанные с деятельностью «групп смерти»: проблемы выявления, расследования и профилактики : монография. Москва : Юрлитинформ, 2023. 240 с.
6. Боровиков В. Б. Жестокое обращение с несовершеннолетним как признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С. 108–112.
7. Галкин В. Д. Жестокое обращение : проблемы толкования и доказывания // Проблемы правоприменения. 2016. № 4 (113). С. 88–94; <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.113.4.088-094>.
8. Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву : монография / науч. ред. Г. И. Чечель. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. 291 с.
9. Коваль Н. В. К вопросу о необходимости определения понятия «жестокое обращение с ребенком» // Национальный психологический журнал. 2015. № 1 (17). С. 16–25.
10. Петрова А. И. Неисполнение обязанности по воспитанию несовершеннолетних детей : дискуссионные вопросы уголовно-правовой оценки // Наука и мир. 2014. № 7 (11). С. 69–71.

11. Власенкова Э. А. К вопросу о содержании жестокого обращения с несовершеннолетним при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по его воспитанию // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (71). С. 20–24.

12. Решетникова Г. А. Вопросы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. Т. 25, вып. 2. С. 138–143.

13. Нагорная И. И. Жестокое обращение с ребенком как оценочное уголовно-правовое понятие // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 142–154; <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2017.2.142.154>.

14. Плаксина Т. А. Бездействие как форма жестокого обращения с несовершеннолетним в составе преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 3 (35). С. 131–133.

15. Волкова Е. Н., Волкова И. В. Психология подросткового буллинга : монография. Нижний Новгород : Мининский университет, 2021. 206 с.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 343.2

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-129-134>

О совершенствовании системы и структуры Уголовного кодекса Российской Федерации

Сергей Владимирович Векленко, доктор юридических наук, профессорКалининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
Калининград (236006, ул. Генерала Галицкого, д. 30) Российская Федерация

veklenkosv@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8625-8656>**Аннотация:**

Введение. Основное предназначение отечественного уголовного права и уголовного законодательства, как известно, состоит в охране наиболее важных и ценных прав и законных интересов отдельных членов социума, различных социальных групп, организаций и государства, мира и безопасности человечества. Эффективность этой охраны напрямую зависит от действенности механизма уголовно-правового противодействия преступлениям, центральное место в котором по праву принадлежит Уголовному кодексу Российской Федерации (далее – УК РФ). Закономерным следует признать зависимость между соответствием уголовного закона современным реалиям жизни общества, своеобразным отражением которых он по своей сути и должен быть, и способностью его максимально четко и минимально затратно достигать поставленных целей. Принимая во внимание, что современная реальность не только не статична, но и постоянно ускоряет ход своего развития, динамика совершенствования рассматриваемого нормативного правового документа не вызывает сомнений.

Методы. В ходе научного поиска использовался метод системного анализа. С помощью метода диалектического развития изучено присущее практически любой системе внутреннее движение отдельных частей механизма (в нашем случае уголовно-правового воздействия) относительно целого. Такие общенаучные методы, как синтез, индукция, обобщение и абстрагирование, составили методологическое ядро настоящего исследования. Историко-правовой метод помог выявить закономерности развития и совершенствования уголовного законодательства России при различных политических, экономических и социальных условиях. При помощи формально-юридического метода проведен анализ норм отечественного уголовного законодательства и содержащихся в них отягчающих и смягчающих уголовную ответственность признаков. Сочетание логического и технико-юридического методов позволило сформулировать авторские предложения по совершенствованию системы и структуры УК РФ.

Результаты. В ходе научного исследования современного состояния и тенденций развития отечественного уголовного законодательства выявлена взаимозависимость между простотой и доступностью понимания правоприменителей законодательных конструкций уголовно-правовых запретов и их правильным и эффективным применением в следственно-судебной практике. Для повышения этой доступности сформулированы предложения по совершенствованию системы и структуры УК РФ.

Ключевые слова:

система, структура, эффективность правоприменения, отягчающие обстоятельства, конструктивные признаки

Для цитирования:

Векленко С. В. О совершенствовании системы и структуры Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 129–134. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-129-134>.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025;
одобрена после рецензирования 09.04.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

On improving the system and structure of the Criminal Code of the Russian Federation

Sergey V. Veklenko, Dr. Sci. (Jurid.), ProfessorKaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia
30, Generala Galitskogo str., Kaliningrad, 236006, Russian Federation

veklenkosv@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8625-8656>

© Векленко С. В., 2025

Abstract:

Introduction. The main purpose of domestic criminal law and criminal legislation is known to be the protection of the most important and valuable rights and legitimate interests of individual members of society, various social groups, organisations and the state, peace and security of mankind. The effectiveness of this protection directly depends on the efficiency of the mechanism of criminal law counteraction to crimes with the Criminal Code of the Russian Federation being the central part of it. It is reasonable to recognise the dependence between the correspondence of the criminal law to the present-day realities of the life of society, whose reflection it should be by its very nature, and its potential for achieving the stated goals as accurately and as cost-effectively as possible. Taking into account that current reality is far from being static, but is continuously speeding up in its development, the dynamics of improving the normative legal document in question is beyond doubt.

Methods. The research involved the method of system analysis. With the help of the method of dialectical development, the internal movement of particular parts of the mechanism (in our case of criminal-legal impact) in relation to the whole system was studied. Such general scientific methods as synthesis, induction, generalisation and abstraction formed the methodological core of the scientific work. The historical-legal method was useful in identifying the regularities of development and improvement of the Russian criminal legislation under different political, economic and social conditions. The formal-legal method was considered as a tool in analysing the norms of domestic criminal legislation and the signs of aggravating and mitigating criminal liability. The combination of logical and technical-legal methods made it possible to formulate the author's proposals on improving the system and structure of the Criminal Code of the Russian Federation.

Results. While carrying out the scientific research of the current state and tendencies in the development of domestic criminal legislation, the author revealed the interdependence between the simplicity and accessibility of understanding of legislative constructions of criminal-legal prohibitions by law-enforcers and their correct and effective implementation in investigative and judicial practice. In order to increase this accessibility, a set of proposals on improving the system and structure of the Criminal Code of the Russian Federation were formulated.

Keywords:

system, structure, effectiveness of law enforcement, aggravating circumstances, constructive signs

For citation:

Veklenko S. V. On improving the system and structure of the Criminal Code of the Russian Federation // *Vestnik of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. № 2 (106). P. 129–134. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-129-134>.

The article was submitted January 9, 2025;
approved after reviewing April 9, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

В уголовно-правовой доктрине существует мнение, что Уголовный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) является основным, но далеко не единственным источником уголовного права [1, с. 109; 2, с. 157; 3, с. 27]. Некоторые ученые относят к источникам Конституцию Российской Федерации, решения Конституционного Суда Российской Федерации, общепризнанные нормы и принципы международного права, международные договоры, ратифицированные Российской Федерацией, отдельные акты иных отраслей законодательства Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации [4]. Развитие отечественной юридической науки привело к глубокому разделению понятия «источник права» в материальном и формальном смыслах. Материальный смысл стал рассматриваться в контексте правообразования при исследовании вопросов об адекватном отражении в позитивном праве сложившихся правоотношений. Материалистический детерминизм позволяет точно устанавливать рассматриваемый смысл источника права. Он представляет собой условия, ресурсы общества, имеющиеся для реализации соответствующей формы права. Идеальный смысл источника права соответствует правовому сознанию, пожеланию, которое представляет собой отношение к имеющемуся, реальному праву, деятельности правоприменителя и законодателя, а также к желаемому праву².

Часть 1 статьи 1 УК РФ, раскрывая содержание уголовного законодательства Российской Федерации, в императивной форме требует обязательного включения в свой состав всех новых законов, предусматривающих уголовную ответственность. Об императивном характере положений Общей части уголовного закона писал еще Н. Д. Дурманов [5, с. 73]. В части 2 той же статьи закреплено, что основой Кодекса является Конституция Российской Федерации и общепризнанные принципы и нормы международного права. Таким образом, не вдаваясь в научную полемику по поводу источников уголовного права, с уверенностью можно заявить, что УК РФ выступает основным регулятором современных отечественных уголовно-правовых отношений и, соответственно, основным правовым средством защиты интересов личности, общества и государства от преступных посягательств. Следовательно, уровень этой защищенности напрямую зависит

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

² Бошко В. С. Форма права: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2016. С. 21.

от правильного конструирования и эффективного практического применения содержащихся в данном нормативном документе правовых запретов.

Согласен с мнением тех ученых, которые считают, что стопроцентная эффективность нормативных правовых актов является правовым и социальным идеалом, которого вряд ли возможно достичь. Однако трудность достижения этого идеала лишь подчеркивает необходимость его научного осмысления, поиска путей и форм приближения к нему в конкретных обществе и государстве в конкретный исторический период³.

Методы

В ходе научного поиска использовался метод системного анализа, позволяющий описывать отдельно взятые в состоянии отсутствия внешнего воздействия объекты исследования в единстве и взаимозависимости с другими элементами изучаемой системы. С помощью метода диалектического развития изучено присущее практически любой системе внутреннее движение отдельных частей механизма (в нашем случае уголовно-правового воздействия) относительно целого. Такие общенаучные методы, как синтез, индукция, обобщение и абстрагирование, составили методологическое ядро настоящего исследования. Историко-правовой метод помог выявить закономерности развития и совершенствования уголовного законодательства России при различных политических, экономических и социальных условиях. При помощи формально-юридического метода проведен анализ норм отечественного уголовного законодательства и содержащихся в них отягчающих и смягчающих уголовную ответственность признаков. Сочетание логического и технико-юридического методов позволило сформулировать авторские предложения по совершенствованию системы и структуры УК РФ.

Результаты

Современное общество динамично развивается, научные открытия, новейшие технологии и другие достижения научно-технического прогресса радикально изменили окружающий мир и характер бытия людей, повлекли качественное обновление общественных отношений [6, с. 5–6]. Главное предназначение уголовного закона как юридической формы отображения устойчивых связей и процессов общественного развития заключается в способности оперативно влиять на возникающие противоречия, находить компромиссы и способствовать стабильности и порядку в обществе.

Концепцией уголовного закона в уголовно-правовой доктрине признается система основополагающих идей и правил, в соответствии с которыми должны определяться цели, задачи, принципы, состав и содержание как кодифицированного уголовного закона, так и законов, его изменяющих и дополняющих. Концепция уголовного закона включает также обоснование необходимой криминализации и декриминализации, других изменений действующего уголовного законодательства и моделирование последствий предполагаемых изменений [7, с. 51].

Идеальных законов, по-видимому, не бывает, поскольку охватить множество динамично развивающихся отношений между людьми, попадающими в сферу влияния права, и построить оптимальную модель закона или его отдельной части невозможно. Форма и содержание закона под воздействием различного рода внешних и внутренних факторов становятся подвижными и эластичными, что неизбежно влечет пробельность кодифицированного законодательства. Но, несмотря на сказанное, к совершенству кодифицированного права необходимо стремиться, ибо только тогда всеобщая воля людей, воплощенная в нормативную форму с помощью установленных государством средств, сможет дать ожидаемые от нее результаты.

Сосредоточение всех уголовно-правовых предписаний в одном документе, безусловно, способствует упрощению их поиска и единообразного применения в практической деятельности правоохранительных органов и судопроизводстве. Однако это сосредоточение накладывает и дополнительные требования в виде, в первую очередь, системности и непротиворечивости его отдельных положений. Трудно также переоценить значение логики, стиля и языка для законотворчества, поскольку вряд ли можно назвать какую-либо иную область общественной практики, где ошибочно построенная фраза, разрыв между мыслью и ее текстуальным выражением, неверно или неуместно использованное слово способны повлечь за собой такие тяжкие, иногда даже трагические последствия, как в области уголовно-правового законотворчества. Нарушение логики закона, неточность его формулировок, неопределенность использованных

³ Жинкин С. А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 3.

терминов порождают многочисленные запросы, влекут дополнения, толкования и разъяснения, вызывают незапланированную трату времени, сил и энергии, являются питательной почвой для бюрократической волокиты и злоупотреблений, позволяют извращать смысл закона и неправильно его реализовывать. Чем совершеннее текст закона, тем меньше вызовет он затруднений при его исполнении, соблюдении и применении.

Современная концепция построения уголовного законодательства формировалась на протяжении нескольких столетий, пройдя путь от неписаного обычая до УК РФ 1996 года. Как бы общественно опасное поведение людей в истории права ни называлось («обида», «головщина», «лихое дело», «вина», «зло», «воровство», «проступок», «общественно опасное действие или бездействие» либо «преступление») и какой бы смысл ни вкладывался в эти названия, оно всегда выступало предметом запретов и санкций уголовного права [8, с. 42].

Прослеживается постепенный переход и усовершенствование российских уголовных законов от принципа талиона «око за око, зуб за зуб» до демократических принципов гуманизма, законности, равенства всех перед законом, приоритета защиты интересов личности перед государством, неприменения смертной казни. Тем не менее нынешнее российское уголовное законодательство нуждается в совершенствовании. Вопрос о полном соответствии его современным жизненным реалиям, социально-экономическим и политическим отношениям в стране, а также Конституции и международным стандартам недостаточно разработан. Отдельные его аспекты требуют дальнейшего исследования и разработки.

Начиная с 1997 года, в действующий УК РФ свыше трехсот федеральных законов внесли тысячи изменений: добавлено более 150 новых статей; некоторые диспозиции и санкции отдельных уголовно-правовых норм (например, ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство») подверглись многократным изменениям [9, с. 106]; существенно (с 20 до 32) расширен перечень преступлений, за которые уголовная ответственность установлена с 14 лет; изменена категоризация преступлений и система уголовных наказаний; значительно расширены полномочия судей; возрождена, получила законодательное закрепление и динамичное развитие административная преюдиция; новое уголовно-правовое значение приобрела конфискация имущества; расширены возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением причиненного преступлением ущерба и выплатой судебного штрафа. Динамика таких изменений имеет тенденцию к росту: только в ноябре 2024 года пятью федеральными законами (от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ⁴, от 9 ноября 2024 г. № 384-ФЗ⁵, от 9 ноября 2024 г. № 387-ФЗ⁶, от 23 ноября 2024 г. № 406-ФЗ⁷, от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ⁸) внесены изменения в Общую и Особенную части действующего УК РФ.

Анализируя происходящие изменения, большинство научных исследователей не признают, что происходит совершенствование уголовного законодательства, и адресуют государственной власти упреки в том, что качество УК РФ только ухудшается, что он утратил свою системность [7, с. 49; 10, с. 34]. По мнению В. Ф. Щепелькова, которое я полностью разделяю, назрела насущная необходимость разработки законотворческой технологии, позволяющей «не допускать или, по крайней мере, минимизировать неполноту и противоречия в уголовном законе» [11, с. 4].

Государственно организованный правопорядок предполагает возможность быстро находить и использовать надлежащие правовые нормы, что невозможно без совершенствования юридической техники [4, с. 65]. Структурирование, как совершенно верно заметил профессор А. И. Бойко, свойственно только целостным объектам, в которых внутренние связи преобладают над внешними [12, с. 15].

Учитывая неразрывную и взаимообуславливающую связь системы и структуры уголовного законодательства, заметим, что определенный интерес представляет весьма оригинальная и образная позиция тех ученых, которые считают, что «структура – это система уголовного закона в статике, а система – это структура уголовного закона в динамике» [13, с. 18].

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 46. Ст. 6911.

⁵ О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 384-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 46. Ст. 6912.

⁶ О внесении изменения в статью 104¹ Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 387-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 46. Ст. 6915.

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 28¹ и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 23 ноября 2024 г. № 406-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 48. Ст. 7213.

⁸ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7412.

В целях совершенствования системы действующего уголовного законодательства и оптимизации процесса его правоприменения предлагается внести следующие изменения в его структуру:

1) все отягчающие уголовную ответственность обстоятельства, которые в настоящее время законодатель использует в качестве конструктивных признаков так называемых «квалифицированных» и «особо квалифицированных» составов преступлений Особенной части УК РФ, перенести в Общую часть УК РФ;

2) для более качественного учета влияния данных обстоятельств на уголовную ответственность лиц, нарушивших уголовные запреты, в зависимости от их социального и правового значения данные обстоятельства следует разделить на четыре группы: а) обстоятельства, которые могут быть учтены судом при назначении уголовного наказания; б) обстоятельства, усиливающие уголовную ответственность; в) обстоятельства, существенно усиливающие уголовную ответственность; г) обстоятельства, особо усиливающие уголовную ответственность;

3) для каждой группы обстоятельств следует определить и законодательно закрепить четкие пределы их влияния на вид и размер назначаемого наказания или иных мер уголовно-правового характера, применяемых к преступнику.

3 **а** **к** **л** **ю** **ч** **е** **н** **и** **е**

По заслуживающему внимания мнению профессора В. Г. Смирнова, которое он высказал еще в середине прошлого века, «если правовое регулирование нераздельно включает в себя организацию и охрану общественных отношений, то законодатель при издании закона в соответствии с социальными потребностями нашего общества и государства может придать ему преимущественно либо функцию организации, либо функцию охраны общественных отношений» [14, с. 9]. Высказанные мною предложения в первую очередь направлены не на расширение сферы уголовно-наказуемых деяний, а на оптимизацию процесса правоприменения.

Современная система уголовного законодательства, постоянно увеличиваясь в объеме, неизбежно входит сама с собой в противоречие, становится чрезмерно громоздкой, утрачивает целостность и единство. Для реального обеспечения свойства системности необходимы научная проработка и нормативное закрепление правовых форм противодействия преступности. Практика уголовного законотворчества нашей страны последних лет демонстрирует тенденцию изменения и усложнения структуры УК РФ, что требует внесения определенной рациональности в данный процесс [12, с. 17].

Считаю, что одним из резервов повышения эффективности уголовно-правовой охраны важнейших прав и интересов личности, общества и государства от преступных посягательств является максимально возможная простота правоприменения. Чем доступнее пониманию сотрудников судебно-следственных органов содержащаяся в уголовно-правовом запрете мысль законодателя, тем меньше ошибок будет ими допущено при ее практической реализации. Следовательно, упрощение структуры уголовно-правовых норм путем избавления статей Особенной части УК РФ от большого количества отягчающих ответственность обстоятельств способно, на мой взгляд, оказать благоприятное воздействие на эффективность противодействия преступности.

Согласен с мнением тех ученых, которые считают, что «существенному улучшению качества правосудия будут служить определенная формализация судебного усмотрения, уточнение его пределов на уровне закона» [15, с. 11]. Развивая данную мысль, Т. В. Непомнящая вполне обоснованно, на мой взгляд, предлагает уточнить пределы судейского усмотрения при назначении наказания, в том числе и путем «введения в Уголовный кодекс правил назначения наказания при наличии смягчающих и отягчающих обстоятельств» [16, с. 133]. И судебное, когда речь идет о сложившейся практике применения судами закона, и судейское, подразумевающее правосознание конкретного судьи, усмотрение, безусловно, являются очень важными и неотъемлемыми элементами современной системы уголовного правосудия. Высказанные мной предложения о необходимости законодательного закрепления четких пределов влияния тех или иных обстоятельств на вид и размер назначаемого уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера, применяемых к преступнику, ни в коей мере не направлены на сужение этого усмотрения, а лишь на создание точных ориентиров, которыми могли бы пользоваться все без исключения судьи на всей территории нашей самой большой в мире страны.

Список источников

1. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права : монография. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. 348 с.
2. Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств : монография / под ред. С. С. Пирвагидова. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 295 с.
3. Иванчин А. В. Реальный круг источников уголовного права России // Российский следователь. 2024. № 1. С. 27–30.
4. Бибик О. Н. Источники уголовного права РФ : монография. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006. 310 с.
5. Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон : монография. Москва : Издательство Московского университета, 1967. 320 с.
6. Козаев Н. Ш. Уголовное право в условиях научно-технического прогресса : монография. Владикавказ : Олимп, 2013. 270 с.
7. Кленова Т. В. 25-летие Уголовного кодекса Российской Федерации : проблемы кодификации // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 4. С. 45–51.
8. Мальцев В. В. Введение в уголовное право : монография / науч. ред. А. С. Сенцов. Волгоград : Волгоградский юридический институт МВД России, 2000. 204 с.
9. Лопашенко Н. А. О кризисе российского уголовного права (перечитывая А.Э. Жалинского) // Государство и право. 2023. № 9. С. 97–111.
10. Крайнова Н. А. О тенденциях современной уголовной политики в сфере противодействия преступности // Российский следователь. 2024. № 5. С. 34–38.
11. Щепельков В. Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты : монография. Москва : Юрлитинформ, 2003. 416 с.
12. Бойко А. И. Структурализм и строение УК РФ 1996 года // Российский следователь. 2024. № 1. С. 15–17.
13. Коняхин В. П., Аслаян Р. Г. Первичные системно-структурные элементы российского уголовного права // Российский следователь. 2024. № 1. С. 18–22.
14. Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права : (Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования) : монография. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1965. 188 с.
15. Уголовный закон : Опыт теоретического моделирования : монография / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. Москва : Наука, 1987. 278 с.
16. Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания : Теория, практика, перспективы : монография. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006. 779 с.

Научная статья
УДК 343.98
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-135-141>

Версии защиты как объект криминалистического исследования

Александр Юрьевич Головин, доктор юридических наук, профессор

Тульский государственный университет
Тула (300012, пр-т Ленина, д. 92), Российская Федерация
golovintula@rambler.ru
<https://orcid.org/0009-0004-1761-2473>

Аннотация: Введение. В криминалистике в последние два десятилетия появилось немало точек зрения и концепций, отличающихся от традиционных представлений об объектно-предметной области, задачах, системе и языке этой юридической науки. Попыткам теоретического переосмысления подвергаются в т. ч. положения учения о криминалистических версиях. В частности, на волне отдельных дискусионных идей о частичном переориентировании криминалистики с сугубо задач борьбы с преступностью на отдельные сферы правозащитной и иной юридической деятельности учеными-правоведами высказываются суждения о необходимости изучения версий, выдвигаемых адвокатом-защитником и другими участниками уголовного процесса со стороны защиты. Такие версии получают различные терминологические обозначения и определения в юридической литературе. Отдельными исследователями вносятся предложения о возможности отнесения подобных предположений к числу криминалистических версий, а также разработке криминалистических средств и методов их проверки. Такие предложения должны выступать предметом научного анализа и дискуссии, направленной на уточнение сущности и признаков версий защиты как объекта криминалистического исследования.

Методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формальной логики (анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический, системный, сравнительного исследования, герменевтический и ряд других.

Результаты. В статье проведен анализ и осуществлен критический разбор взглядов ученых-правоведов на сущность и признаки версий, формулируемых участниками уголовного процесса со стороны защиты, а также используемой для обозначения таких версий научной терминологии. Дается авторское определение версий защиты, отмечается дискуссионность выводов о возможности их отнесения к видам криминалистических версий. Обосновывается вывод автора о том, что версии защиты выступают объектом криминалистического исследования как элемент посткриминальной деятельности участников уголовного процесса со стороны защиты. Приводятся задачи оценки и проверки версий защиты в ходе предварительного расследования и судебного следствия.

Ключевые слова:

криминалистика, версия, следователь, сторона защиты, защитник, посткриминальная деятельность, противодействие расследованию и судебному разбирательству

Для цитирования:

Головин А. Ю. Версии защиты как объект криминалистического исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 135–141. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-135-141>.

Статья поступила в редакцию 08.02.2025;
одобрена после рецензирования 21.04.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Defense case as an object of forensic research

Alexander Yu. Golovin, Dr. Sci. (Jurid.), Professor

Tula State University
92, Lenin Ave., Tula, 300012, Russian Federation
golovintula@rambler.ru
<https://orcid.org/0009-0004-1761-2473>

Abstract:

Introduction. During the last two decades in criminalistics there have appeared many points of view and concepts that differ from the traditional ideas about the object-subject area, tasks, system and language of this legal science. Among other things,

Keywords:

forensics, version, investigator, defence, defender, post-criminal activity, countering investigation and judicial proceedings

© Головин А. Ю., 2025

the theoretical rethinking of the doctrine of forensic versions is being attempted. In particular, some discussion ideas about the partial reorientation of criminology from the tasks of fighting crime to specific spheres of human rights and other legal activities legal scholars make judgments about the need to study the versions put forward by the defence lawyer and other participants in criminal proceedings on the part of the defence. Such versions have different terminological designations and definitions in the legal literature. Some researchers make proposals on the possibility of attributing such assumptions to the number of forensic versions, as well as the development of forensic means and methods of their verification. Such proposals should be the subject of scientific analysis and discussion aimed at clarifying the essence and attributes of defence case as an object of forensic research.

Methods. The methodological basis of the study was formed by general scientific and private scientific methods of cognition: dialectical, formal logic (analysis, synthesis, induction, deduction), historical, systemic, comparative study, hermeneutic and a number of others.

Results. The analysis and critical review of legal scholars' views on the essence and attributes of versions formulated by participants of criminal proceedings on the part of the defence, as well as the scientific terminology used to designate such versions is carried out in the article. The author's definition of the defence versions is given and the discussion of the conclusions about the possibility of their attribution to the types of forensic versions is noted. The author concludes that defence case is an object of forensic research as an element of post-criminal activity of participants of criminal proceedings on the part of the defence. The tasks of evaluation and verification of defence versions during preliminary investigation and judicial investigation are given.

For citation:

Golovin A. Yu. Protection versions as an object of forensic research // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 2 (106). P. 135–141. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-135-141>.

The article was submitted February 8, 2025; approved after reviewing April 21, 2025; accepted for publication June 20, 2025.

Введение

В числе частных криминалистических учений (теорий) особо выделяется учение о криминалистических версиях, являющееся одним из наиболее теоретически проработанных и устоявшихся в криминалистике. Его основы были сформированы еще в советский период развития криминалистики под влиянием научных трудов видных ученых-криминалистов Г. Н. Александрова, Г. В. Арцишевского, Р. С. Белкина, А. Н. Васильева, Л. Я. Драпкина, А. М. Ларина, И. М. Лузгина, И. Ф. Пантелеева, Я. Пешака, Н. А. Селиванова, Л. А. Соя-Серко, А. Г. Филиппова, Н. П. Яблокова и многих других авторов. Однако некоторые аспекты учения о криминалистических версиях до сих пор остаются дискуссионными, в частности, вопрос определения субъектов выдвижения и проверки криминалистических версий, а также возможности выделения в числе видов таких версий так называемых «версий защиты».

В современной юридической литературе можно встретить разные научные подходы к определению версий защиты и субъектов их выдвижения. При этом до сих пор не сформулировано четкое понимание этого явления как объекта криминалистического исследования, наблюдается большое разнообразие в терминах, используемых для обозначения подобных версий. Например, встречаются термины «защитные версии», «версии стороны защиты», «защитительные версии», «версии адвоката-защитника», «версии в защиту обвиняемого (подозреваемого, подсудимого)». Также отсутствует единый подход к определению и систематизации таких версий, что, конечно же, усложняет и понимание версий защиты с криминалистических позиций, и возможности прикладного применения неустоявшейся научной терминологии.

Перечисленные вопросы требуют дополнительного научного анализа и изучения.

Методы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формальной логики (анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический, системный, сравнительного исследования, герменевтический и ряд других.

Результаты

В советский период учеными-криминалистами не отрицалась возможность выдвижения версий, отличных по направленности от сущности (формулы) обвинения. Для их обозначения преимущественно использовались термины «контрверсии» или «оправдательные версии» (как противоположность обвинительным версиям). В то же время при определении криминалистических версий традиционно подчеркивалось, что такие версии должны быть не только выдвинуты, но и приняты к проверке субъектом уголовно-процессуального доказывания, наделенным властными полномочиями. Указанная особенность отдельными учеными-криминалистами обозначалась как признак «авторитарности» криминалистической версии [1, с. 11].

По мнению Ю. П. Гармаева, «несмотря на ключевую роль следователя в расследовании, зачастую субъектом, инициатором выдвижения и проверки защитных версий, может, а точнее, обязан быть адвокат». При этом автор осторожно высказывается относительно криминалистической природы защитных версий, подчеркивая, что направление их научных исследований носит междисциплинарный характер [14, с. 75–76]. Отмечая некоторую дискуссионность утверждения об «обязанности» защитника выдвигать версии, согласимся с тем, что правовая природа этого явления нуждается в уточнении с позиций криминалистики.

Л. В. Бормотова полагает, что «особенности выдвижения защитительных версий обусловлены ограниченностью доступа к материалам дела на досудебных стадиях». Эта позиция поясняется тем, что защитники обладают меньшей «самостоятельностью», чем профессиональные участники стороны обвинения, низкой активностью защитников при использовании права на собирание доказательств, а также обязанностью защитника следовать позиции, избранной его подзащитным, даже вопреки собственному мнению [15, с. 264–265]. Других признаков «защитительных версий» автор, к сожалению, четко не выделила, что затрудняет понимание приведенной позиции.

В. А. Шефер, также относя версию защитника к числу криминалистических версий, определил ее как «предположение, выдвигаемое с целью отстаивания интересов подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. Позиция, сформулированная в версии защитника, должна быть выгодной для подзащитного. Версия защитника, опираясь на некоторую совокупность фактических данных, предлагает такое видение событий прошлого, которое или опровергает причастность или виновность подзащитного, или опровергает другие невыгодные для подзащитного фактические обстоятельства»¹. Заметна некорректность предложенной автором дефиниции, отождествляющей, по сути, версию защиты и позицию защитника, «выгодную для подзащитного».

Видятся ошибочными и некоторые другие представленные в юридической литературе точки зрения, также во многом отождествляющие версию защиты и позицию защиты по уголовному делу. При этом одни авторы под версией защиты предлагают понимать «кратко выраженную защитительную позицию, представляющую собой фактическое и юридическое объяснение случившегося факта с точки зрения стороны защиты» [16, с. 66]. Другие исследователи версию защиты рассматривают как «обоснованное фактами, логически верное изложение обстоятельств и доводов участников дела, представляемой адвокатом в пользу подзащитного на основе избранной им правовой цели» [17, с. 204].

Очевидно, что в подобных дефинициях потерян ключевой признак любой версии – ее предположительный характер, в т. ч. для субъекта ее выдвижения. Стоит также обратить внимание на мнение ученых-правоведов, что позиция защиты – это «прочно сложившееся мнение адвоката-защитника относительно подозрения или обвинения в инкриминируемом доверителю преступном деянии, целью реализации которого выступает достижение лучшего из возможных результатов для подзащитного с учетом его законных интересов»². Как следствие, идеи об отождествлении или соподчинении терминов «позиция защиты» и «версия защиты», имеющих разную смысловую нагрузку, представляются весьма спорными.

Кроме того, анализ предложений о дифференциации криминалистических версий на версии обвинения и версии защиты, исходя из субъекта их выдвижения (построения), позволяет сделать вывод о концептуальной ошибочности такого подхода. Например, практически все исследователи признают, что деятельность адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве направлена исключительно на обеспечение прав и законных интересов подзащитного, а достижение задач расследования преследуется им лишь в той части, в которой это связано с интересами подозреваемого или обвиняемого, которому им оказывается юридическая помощь при производстве по уголовному делу. Как следствие, относить защитника к числу субъектов криминалистической деятельности, направленной в своей основе на раскрытие и расследование преступлений, вряд ли обоснованно.

Кроме того, дифференциация криминалистических версий по субъекту их выдвижения на версии обвинения и защиты имеет и еще один очевидный изъян. Из этой системы полностью выпадают судебные версии. Как отмечается в криминалистической литературе, в случаях сомнения в доказанности следствием обстоятельств предмета доказывания строятся судебные версии. При этом основанием для построения судебной версии судьей, помимо прочего, является

¹ Шефер В. А. Криминалистические версии: теоретические и практические аспекты формирования и проверки с позиций ситуационного подхода : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2016. С. 89.

² Заика С. В. Формирование и реализация позиции адвоката-защитника в предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. 259 с.

любая информация о событии, сообщаемая стороной защиты и отличная от версии обвинения. Указанная информация может иметь характер предположения [18, с. 28; 19, с. 153].

Необходимо отметить, что некоторые сторонники криминалистической природы версий защиты конкретизируют направленность таких версий по отношению к формуле обвинения и включают в круг субъектов выдвижения «защитных» версий участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

Термин «версии защиты» и его дефиниции в криминалистической литературе советского периода встречаются значительно реже. Например, как отмечал В. З. Лукашевич, версия защиты могла рассматриваться как объяснения адвоката или обвиняемого, предлагаемые следователю или суду, в которых они дают определенную оценку фактам, событиям в защиту обвиняемого и которые могут поколебать или вообще опровергнуть обвинение [2]. В. С. Буданова, дискутируя с В. З. Лукашевичем, предложила использовать термин «версия защиты» в широком смысле, как все возможные доводы «за» обвиняемого независимо от того, кем они выдвигаются. При этом автором пояснялось, что объяснения, предложенные обвиняемым или его защитником, нужно считать «версиями защиты» только при принятии их следователем к проверке [3, с. 113].

В постсоветский период развития криминалистики в силу ряда причин появилось немало идей расширения традиционной объектно-предметной области криминалистики, в т. ч. на сферу защиты прав подозреваемого (обвиняемого) в уголовном судопроизводстве, деятельность адвоката-защитника. Предлагались концепции подобных теоретико-прикладных исследований, определяемых как «криминалистика защиты», «криминалистическая адвокатология», «криминалистическая тактика защиты прав в уголовном судопроизводстве» (например, О. Я. Баев, М. О. Баев, Г. А. Зорин, В. В. Конин, Е. В. Бочкарева, В. Л. Кудрявцев и ряд других авторов) [4–10]. В основу таких предложений их авторами, как правило, были положены доводы, связанные с изменениями уголовно-процессуального законодательства, особенностями состязательности сторон обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве России. Не преследуя цель подробного освещения таких концепций, тем более что их критический анализ уже был проведен нами ранее [11, с. 3], следует подчеркнуть, что идеи криминалистического характера выдвижения и проверки версий защиты во многом основываются на тех же доводах.

Так, существование версий защиты в системе криминалистических версий современные исследователи нередко пытаются обосновать именно с процессуальных позиций. Например, упоминаются нормы ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³ (далее – УПК РФ), определяющей назначение уголовного судопроизводства, включая защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, делается акцент на принципах состязательности и презумпции невиновности, а также процессуальном праве защитника на собирание доказательств.

В частности, А. Н. Халиков, рассуждая о дуализме предположительных суждений представителей сторон обвинения и защиты, полагает, что в силу ст. 15 УПК РФ версии правоохранительных органов и стороны защиты равноправны, а свобода оценки версий обвинения и защиты требует, чтобы при оценке доказательств судья, прокурор, следователь, дознаватель оценивали доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Далее А. Н. Халиков, анализируя ранее представленные учеными-криминалистами позиции о сущности криминалистических версий, делает вывод, что понятие версий в криминалистике должно иметь «более глубокое значение, чем это принято в научной литературе». Автор полагает, что «ни одно из представленных определений версии не указывает на ее окончательное разрешение и не дает каких-либо гарантий истинности принятого решения по результатам работы по выдвинутым версиям» [12, с. 25].

Учитывая, что А. Н. Халиков прямо относит версии защиты к числу криминалистических версий, видится необходимым дать некоторые пояснения относительно представленной позиции. Во-первых, следует учитывать, что термин «версия» не имеет процессуального закрепления. Как следствие, выводы о «равноправии версий обвинения и защиты», «свободы оценки версий» имеют характер авторского суждения и достаточно декларативны. Во-вторых, в традиционном понимании криминалистическая версия – это специфическая разновидность предположения (гипотезы). Со всей очевидностью можно утверждать, что версия не может одновременно отражать результат ее проверки (разрешения), поскольку в этом случае, будучи подтвержденной или опровергнутой, она утрачивает характер предположения.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

О. Я. Баев высказал мнение, что защитными являются версии, «выдвигаемые и формулируемые соответственно субъектом профессиональной защиты от обвинения по уголовному делу – адвокатом. По сути своей, защитные версии – контрследственно-прокурорские версии» [13, с. 400]. При этом автор подчеркивал, что в силу своей процессуальной функции и специфики деятельности адвокат, основываясь на известной ему информации по делу, просто обязан выдвигать и проверять (добиваться проверки) версии о том, что его подзащитный невиновен в инкриминируемом ему деянии.

Так, А. Ф. Реховский высказал мнение, что защитник как субъект уголовно-процессуальной деятельности может выдвигать свои версии защиты, являющиеся криминалистическими. При этом поясняется, что версии защиты могут также выдвигать другие участники процесса (прокурор, суд, потерпевший, но всегда такие версии выдвигаются в защиту обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) в подтверждение его невиновности [20, с. 158]. Интересен факт, что в более ранних исследованиях автор определял круг субъектов выдвижения криминалистических версий по-иному (судья; прокурор; следователь; лицо, производящее дознание). Более того, А. Ф. Реховский особо подчеркивал условность «версий потерпевшего» и «версий обвиняемого», возможность использования таких терминов только для обозначения источников происхождения высказываемых предположений⁴.

В концепции И. М. Полякова защитная версия представляет собой «обоснованное предположение следователя, адвоката и иных субъектов поисково-познавательной деятельности по поводу невиновности заподозренного, подозреваемого, обвиняемого; об обстоятельствах, смягчающих его ответственность или наказание; об иных обстоятельствах, улучшающих его положение, и дающее одно из возможных и допустимых объяснений уже выявленных исходных данных, позволяющее на их основе во взаимодействии с теоретической базой, вероятно (неоднозначно) установить еще неизвестные обстоятельства, имеющие значение для дела»⁵.

Однако и при таких научных подходах теоретико-криминалистическая модель версий защиты далека от совершенства.

Как уже было отмечено ранее, классификация версий в зависимости от формулы обвинения делится на обвинительные и оправдательные (контрверсии), присутствует в криминалистике достаточно давно. Более того, в ряде случаев выдвижение и проверка таких версий следователем является тактически оправданной. Например, как обоснованно подчеркивали Л. Я. Драпкин и В. К. Гавло, в ходе расследования контрверсии выполняют важную «подстраховочную функцию»⁶.

Представляется, что сегодня оправдательной направленностью при предъявленном обвинении в отношении конкретного лица будут обладать версии, представляющие собой предположения:

- о совершении инкриминируемого преступления другим лицом (лицами), и здесь важно подчеркнуть, что оправдательное предположение в отношении одного лица, становится, по сути, обвинительной версией в отношении другого;

- об отсутствии в инкриминируемом деянии состава или события преступления;

- о совершении обвиняемым менее тяжкого преступления, чем инкриминируемое, что предполагает другую уголовно-правовую квалификацию деяния.

Версии такой направленности могут быть сформулированы как следователем или другим субъектом криминалистической деятельности, так и адвокатом-защитником, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем и другими лицами, в т. ч. не являющимися участниками уголовно-процессуальных отношений (например, консультантами-наставниками, журналистами и пр.). Однако само по себе формулирование версии оправдательной направленности, пусть даже с использованием доступной доказательственной и иной криминалистически значимой информации по уголовному делу, еще не делает ее видом криминалистических версий. Это связано во многом с тем, что необходимым признаком любой криминалистической версии выступает возможность ее проверки в процессуальном порядке, преимущественно в ходе следственных действий, и с использованием других возможностей правоохранительных органов. Ни защитник, ни тем более подозреваемый или обвиняемый такими возможностями не обладают. Собираемые и предоставляемые ими сведения оправдательного характера (в соответствии с ч. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ), в т. ч. в обоснование формулируемых ими версий защиты, в любом случае подлежат проверке со стороны уполномоченных субъектов (следователя, дознавателя, суда) и только по решению последних могут быть приобщены к материалам уголовного дела.

⁴Реховский А. Ф. Проблемы криминалистических версий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 11.

⁵Поляков И. М. Выдвижение и проверка защитных версий по уголовным делам о взяточничестве : дис. ... канд. юрид. наук. Улан-Удэ, 2024. С. 10–11.

⁶Криминалистика : учебник : В 3 ч. / под ред. Л. Я. Драпкина. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2019. Ч. 3. С. 27.

Здесь следует отметить мнение Л. Я. Драпкина о том, что в процессе предварительного расследования различные предложения могут высказываться подозреваемым, обвиняемым, защитниками. Однако указанное нужно рассматривать как «потенциальные версии», которые могут стать «реальными» только после того, как будут приняты в этом качестве следователем или судом [21, с. 83]. Заслуживает внимания и позиция А. В. Руденко, полагающего, что на досудебных стадиях не существует как таковых версий защиты, обвиняемого, потерпевшего. Существует лишь информация, предлагаемая стороной защиты следователю в качестве основания для построения версий с их последующей проверкой [22, с. 51].

Иными словами, для того, чтобы версия, озвученная стороной защиты, полноценно проверялась процессуальным и другим криминалистическим путем, особенно на досудебных стадиях уголовного процесса, она должна быть оценена и принята к проверке следователем или другим субъектом криминалистической деятельности. И только с момента такого принятия к проверке она может рассматриваться как криминалистическая версия (следственная или судебная).

Таким образом, версии защиты ошибочно называть видом криминалистических версий. Тем не менее предположения такого рода являются объектами криминалистического исследования. Действия адвоката-защитника, подозреваемого или обвиняемого, в т. ч. по формулированию и доведению до следователя версий в своих интересах, выступают элементами посткриминальной деятельности, связанной с процессом раскрытия и расследования преступлений. Опираясь на современные представления о такой деятельности, в т. ч. осуществляемой участниками уголовного процесса со стороны защиты⁷, можно сделать вывод, что такая деятельность может иметь позитивный или негативный характер для достижения задач предварительного расследования и уголовного судопроизводства в целом.

Позитивной направленностью обладает посткриминальная деятельность, активно способствующая раскрытию и расследованию преступления, выявлению всех преступных эпизодов, установлению преступной роли каждого из соучастников, местонахождения скрывающихся преступников или предмета преступного посягательства, а также иное сотрудничество со следствием. В этих целях адвокат-защитник в интересах подзащитного, подозреваемого или обвиняемый в своих интересах могут формулировать разные версии, которые должны быть оценены и при необходимости проверены следователем.

С указанных позиций посткриминальная деятельность выступает объектом криминалистического исследования на научном и практическом уровнях. На научном уровне познание посткриминальной деятельности способствует разработке и совершенствованию криминалистических средств, методов и рекомендаций по производству следственных действий и решению других криминалистических задач в уголовном судопроизводстве.

На практическом уровне анализ и оценка следователем и другими субъектами криминалистической деятельности посткриминального поведения участников уголовного процесса со стороны защиты, включая формулируемые ими версии, выступает необходимой задачей тактически грамотного производства предварительного расследования или судебного следствия. Принятие к проверке версий такого рода (с уточнением или без) видится целесообразным в целях:

- обеспечения всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования, устранения информационных пробелов и противоречий в позиции обвинения;
- выявления и своевременного устранения следственных ошибок;
- выявления и преодоления противодействия установлению истины по уголовному делу, подтверждения необоснованности действий стороны защиты и злоупотребления процессуальными правами.

3 заключение

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. Версии защиты выступают объектом криминалистического исследования как элемент системы посткриминальной деятельности участников уголовного процесса со стороны защиты. При этом версия защиты может быть определена как предположение таких лиц о расследуемом преступлении (ином событии) и его отдельных обстоятельствах, отличающееся от позиции или версии стороны обвинения. Использование в криминалистике наряду с термином «версии защиты» иных словосочетаний для обозначения рассматриваемого явления (например, «защитные версии», «защитительные версии» и пр.) представляется семантически избыточным.

2. Для того чтобы версия защиты полноценно проверялась процессуальным и другим криминалистическим путем, она должна быть оценена и принята к проверке следователем,

⁷ Андреев А. С. Посткриминальная деятельность как объект познания в криминалистике и практике расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2020. С. 12.

дознанием или судом. И только с момента такого принятия к проверке она может рассматриваться как криминалистическая версия, но уже следственная или судебная.

3. Анализ и оценка следователем и другими субъектами криминалистической деятельности версий защиты, принятие при необходимости мер по их проверке выступает необходимым элементом тактически грамотного производства предварительного расследования или судебного следствия.

Список источников

1. Филиппов А. Г. Некоторые дискуссионные вопросы учения о криминалистической версии / Версии и планирование расследования : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред.. И. Ф. Герасимов, Л. Я. Драпкин. Свердловск : [б. и.], 1985. С. 9–19.
2. Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе : монография. Ленинград : Издательство Ленинградского государственного университета, 1985. 193 с.
3. Бурданова В. С. Выдвижение и проверка версий защиты при доказывании вины / Проблемы доказывания виновности в советском уголовном процессе : межвузовский сборник / отв. ред. В. Г. Заблочкий. Красноярск : [б. и.], 1989. С. 112–120.
4. Гармаев Ю. П. Правозащитная деятельность с использованием уголовно-правовых, криминалистических и оперативно-розыскных мер как актуальное направление междисциплинарных исследований // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 151–159; <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-151-159>.
5. Баев М. О., Баев О. Я. О криминалистической адвокатологии как подсистеме науки криминалистики // Избранные работы : В 2-х т. Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2011. Т. 1. С. 289–310.
6. Баев М. О. Криминалистическая адвокатология: место и роль в предмете криминалистики // Воронежские криминалистические чтения. 2019. № 21. С. 36–41.
7. Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования : сборник статей / под ред.: Л. Я. Драпкина, В. Н. Карагодина. Екатеринбург : Чароид, 2002. 191 с.
8. Конин В. В. Использование адвокатом специальных знаний в уголовном судопроизводстве как необходимость для повышения качества защиты // Адвокат. 2015. № 5. С. 14–18.
9. Кудрявцев В. Л. Пределы защиты в деятельности адвоката-защитника: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2011. № 3 (6). С. 102–110.
10. Вандраков С. Ю. Применение криминалистических знаний в профессиональной деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве : (информационный подход) : монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. 160 с.
11. Головин А. Ю. Тактика профессиональной защиты в уголовном судопроизводстве и ее место в системе юридических наук // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 4. С. 3–10.
12. Халиков А. Н. Правда и обман как криминалистические версии сторон обвинения и защиты // Южноуральские криминалистические чтения сборник тезисов конференции, г. Уфа, 24 декабря 2020 г. Уфа : Башкирский государственный университет, 2021. С. 23–27.
13. Баев О. Я. Избранные работы по проблемам криминалистики и уголовного процесса : [сборник]. Москва : Эксмо, 2011. 609 с.
14. Гармаев Ю. П. Версии стороны защиты по уголовным делам и их проверка как направление криминалистических научных исследований / Енисейские политико-правовые чтения : сборник статей по материалам XV Всероссийской научно-практической конференции, г. Красноярск, 29–30 сентября 2023 г. Красноярск : Общественный комитет по защите прав человека, 2023. С. 73–77.
15. Бормотова Л. В. Криминалистические аспекты уголовно-процессуальной деятельности защитника // Известия Оренбургского государственного университета. 2012. № 1 (33). С. 264–266.
16. Разгулин А. В. Стратегические принципы участия адвоката-защитника в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2009. № 3 (10). С. 64–75.
17. Терещенко А. И. К вопросу о построении версий защиты в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы деятельности правоохранительных органов Российской Федерации : материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Самара, 28 марта 2024 г. Чебоксары : Среда, 2024. С. 203–205.
18. Зеленский В. Д., Корчагин А. Ю. О построении судебных версий // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 27–29.
19. Куемжиева С. А., Корчагин А. Ю. К вопросу о построении судебных версий // Государственные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 2. С. 152–154; <https://doi.org/10.23672/i6638-6937-8507-k>.
20. Реховский А. Ф. Учение о криминалистических версиях : монография. Germany : LAP LAMBERT, 2012. 163 с.
21. Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций : [монография]. Свердловск : Уральский университет, 1987. 163 с.
22. Руденко А. В. Содержательная логика доказывания : монография. Москва : Проспект, 2023. 272 с.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-142-149>

Общественная опасность преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых мигрантами

Павел Владимирович Голубоцких

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117997, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация
peshauto@mail.ru

Аннотация:

Введение. Безопасность дорожного движения является специфической сферой общественных отношений, которая отличается высокой степенью криминализации. Актуальность исследования преступлений, совершаемых в данной сфере, определяется не только постоянной технологизацией и увеличением числа транспортных средств, но и вовлечением в нее новых субъектов. Возрастание криминальных угроз в сфере безопасности дорожного движения связано в т. ч. и с вовлечением в данную сферу такой категории лиц, как мигранты. Одной из сфер общественных отношений, преступные посяательства в которой совершают мигранты, является сфера безопасности дорожного движения.

Методы. Методами исследования в данной научной статье выступают анализ научной литературы и официальных статистических материалов Министерства внутренних дел Российской Федерации, касающихся использования в качестве водителей, в т. ч. и общественного транспорта, мигрантов, порой даже нелегальных.

Результаты. Показана общественная опасность преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых мигрантами, их угроза для общественной безопасности, а также совокупности иных общественных отношений – прежде всего по охране жизни и здоровью человека, а также собственности. Будучи широко вовлеченными в сферу дорожного движения, в т. ч. оказания транспортных услуг, мигранты совершают резонансные преступления, связанные с причинением вреда жизни и здоровью многих людей, тем самым подрывая авторитет органов власти, негативно влияя на формирование и уровень ксенофобии в обществе. Установлено, что латентность преступлений, обусловленная миграционными факторами, порождает отсутствие доверия населения к правоохранительным органам и органам власти в целом, негативно влияя на уровень правового нигилизма среди населения. Также прослежена связь преступлений данного вида с иными видами преступной деятельности, такими как коррупция, организация нелегальной миграции, торговля оружием, наркотиками, а также экстремистской и террористической деятельностью.

Вывод. Общественная опасность преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых мигрантами, определяется их вредоносностью (причинением вреда или угрозой его причинения) для общественной безопасности, а также совокупности иных общественных отношений – прежде всего по охране жизни и здоровья человека, собственности. Данные преступления, особенно в случае совершения их нелегальными мигрантами, подрывают авторитет органов власти, а массовость проявления преступного поведения мигрантов в сфере безопасности и дорожного движения – это фактор, влияющий на формирование и уровень ксенофобии в обществе, крайней формой проявления которой является совершение в отношении мигрантов преступлений на почве ненависти и вражды и по иным экстремистским мотивам. Латентность преступлений, обусловленная миграционными факторами, порождает отсутствие доверия населения к правоохранительным органам и органам власти в целом, негативно влияя на уровень правового нигилизма среди населения. Автор вносит некоторые предложения, в какой-то мере снижающие уровень обозначенной угрозы общественной безопасности.

Ключевые слова:

общественная опасность, безопасность дорожного движения, миграция, преступность мигрантов, общественная безопасность, жизнь и здоровье, собственность, авторитет органов власти

Для цитирования:

Голубоцких П. В. Общественная опасность преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых мигрантами // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 142–149. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-142-149>.

Статья поступила в редакцию 18.03.2025;
одобрена после рецензирования 05.06.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Social danger of road safety offences committed by migrants

Pavel V. Golubotskikh

Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation
peshauto@mail.ru

Abstract:

Introduction. Road safety is a specific sphere of social relations, characterised by a high degree of criminalisation. The relevance of the research of offences committed in this area is determined not only by constant technologisation and increase in the number of vehicles, but also by the involvement of new subjects. The increase in criminal threats to the road safety is particularly associated with the involvement of migrants in this area. One of the spheres of social relations, where migrants commit criminal offences, is that of road safety.

Methods. The main research method is the analysis of scientific literature and official statistical materials of the Ministry of the Interior of Russia concerning migrants, sometimes illegal ones, as drivers of both private and public transport.

Result. The research reveals the social danger of road traffic offences committed by migrants, their threat to public safety and to other social relations – primarily to the protection of human life and health, as well as property. Being widely involved in the sphere of road traffic, including transportation services, migrants commit high-profile offences associated with harm to life and health of many people, undermining the reputation of the authorities, negatively affecting the formation and level of xenophobia in society. According to the research findings, the latency of offences caused by migration factors generates a lack of public confidence in law enforcement agencies and authorities in general, and negatively affects the level of legal nihilism among the population. The correlation of this type of offences with other types of criminal activity, such as corruption, organisation of illegal migration, weapons and drug trafficking, as well as extremist and terrorist activities, is also identified.

Conclusion. The social danger of road safety offences committed by migrants is determined by their harmfulness (causing harm or threat of harm) to public safety, as well as to other social relations, primarily to the protection of human life and health, as well as property. Such offences, especially when committed by illegal migrants, undermine the reputation of the authorities. Numerous cases of migrants' criminal behaviour in the sphere of road safety is a factor in fostering the formation and level of xenophobia in society, the extreme form of which is committing crimes against migrants motivated by hatred and enmity and other extremist motives. The latency of offences caused by migration factors generates a lack of public confidence in law enforcement agencies and authorities in general, and negatively affects the level of legal nihilism among the population. The author provides some suggestions to reduce the indicated threat to public safety.

Keywords:

public danger, road safety, migration, offences by migrants, public safety, life and health, property, reputation of authorities

Для цитирования:

Golubotskikh P. V. Social danger of road safety offences committed by migrants // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 142–149. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-142-149>.

Статья поступила в редакцию 18.03.2025;
одобрена после рецензирования 05.06.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Введение

Безопасность дорожного движения является специфической сферой общественных отношений, которая отличается высокой степенью криминализации. Актуальность исследования преступлений, совершаемых в данной сфере, определяется не только постоянной технологизацией и увеличением числа транспортных средств, но и вовлечением в нее новых субъектов. Возрастание криминальных угроз в сфере безопасности дорожного движения связано в т. ч. и с вовлечением в данную сферу такой категории лиц, как мигранты. Глава 27 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) «Преступления против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта» содержит статьи, которыми предусматривается уголовная ответственность за различные преступления в рассматриваемой сфере. Разнородный характер данных преступлений обуславливает то, что в литературе для определения предмета

¹Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954

исследования используются понятия «автотранспортные преступления»², «дорожно-транспортные преступления»³, «водно-транспортные преступления» [1] и др. В качестве обобщающей категории используется понятие «транспортные преступления»⁴, которое, однако, не получило четкого определения ни в криминологической науке, ни в теории уголовного права.

Методы

Методами исследования в данной научной статье выступают анализ научной литературы и официальных статистических материалов Министерства внутренних дел Российской Федерации, касающихся использования в качестве водителей, в т. ч. и общественного транспорта, мигрантов, порой даже нелегальных.

Результаты

Наиболее точной обобщающей категорией, отражающей криминологическую сущность преступлений, предусмотренных главой 27 УК РФ, связанных непосредственно с дорожным движением, является понятие «преступления в сфере безопасности дорожного движения». В соответствии с Концепцией общественной безопасности Российской Федерации (далее – Концепция) под общественной безопасностью понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества⁵. В уголовно-правовой доктрине общественная безопасность рассматривается как обеспечение защищенности жизненно важных интересов населения, отдельной личности, общества в целом [5, с. 97; 6]. Согласно п. 13 Концепции, обеспечение общественной безопасности во многом зависит от «эффективности функционирования системы обеспечения безопасности населения на железнодорожном, автомобильном, водном и воздушном транспорте»⁶, из чего следует, что безопасность движения и эксплуатации транспорта является одним из элементов системы общественной безопасности.

На законодательном уровне понятие «безопасность движения транспорта» не закреплено. В уголовно-правовой доктрине под безопасностью движения транспорта понимают «обеспечение безопасности жизни и здоровья людей, сохранности материальных ценностей в период движения любого вида транспорта»⁷. Безопасность эксплуатации транспортных средств рассматривается как «отражение состояния защищенности личности от дорожно-транспортных происшествий и их последствий как результат соответствия технического состояния транспортного средства предъявляемым требованиям» [7]. На наш взгляд, категория «безопасность в сфере дорожного движения» является наиболее широкой и охватывает как понятие «безопасность движения транспорта», так и понятие «безопасность эксплуатации транспортных средств» относительно процесса перемещения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дорог.

Действующее законодательство раскрывает дефиницию безопасности дорожного движения как «состояние данного процесса, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий»⁸. В исследованиях под безопасностью дорожного движения понимают «реальную (фактическую) степень защищенности

² Ходасевич О. Н. Криминологическая характеристика и предупреждение автотранспортных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 22 с.

³ Любимов Л. В. Дорожно-транспортные преступления: проблемы законодательного конструирования составов и дифференциации ответственности участников дорожного движения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 29 с. ; Кравцов А. Ю. Криминологическая характеристика и предупреждение дорожно-транспортной преступности в условиях крупного города : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 35 с.

⁴ Чучаев А. И. Транспортные преступления: проблемы механизма, квалификации и наказания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1990. 94 с. ; Звoryгина С. А. Уголовно-правовая характеристика специального субъекта транспортного преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 22 с. и др.

⁵ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г.) // Юридическая информационная система «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» (ЮИС Легалакт) : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-obshchestvenno-bezopasnosti-v-rossiiskoi-federatsii-utv/> (дата обращения: 21.01.2025).

⁶ Там же.

⁷ Уголовное право. Общая и Особенная части : учебное пособие / Агаев Г. А., Бычков С. Н., Готчина Л. В. [и др.] ; под общ. ред. Л. В. Готчиной, А. В. Никуленко. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2018. С. 402.

⁸ О безопасности дорожного движения : Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

от возможных угроз причинения вреда жизни или здоровью людей, экологии, а также имущественного ущерба, обеспечиваемое мерами экономического, технического, организационного, социального и правового характера»⁹. Безопасность в сфере дорожного движения предполагает отсутствие соответствующих угроз как в отношении, так и со стороны участников дорожного движения, а также защищенность третьих лиц, не принимающих непосредственного участия в дорожном движении, от вреда, который может быть причинен в результате дорожно-транспортного происшествия.

Выделение конкретных преступлений, ответственность за которые предусмотрена в главе 27 УК РФ, не означает, что эти нормы направлены исключительно на безопасность движения и эксплуатации транспорта. Объект данных преступлений в теории уголовного права определяется с точки зрения следующих ключевых позиций. Так, одни ученые считают, что наряду с безопасностью движения и эксплуатацией транспорта дополнительными объектами данных преступлений могут выступать жизнь и здоровье человека, собственность, а также окружающая среда [8–10]. С точки зрения других ученых, жизни и здоровью человека, а также собственности может причиняться вред такими преступлениями, но это не определяет их сущность [11, с. 27; 12, с. 60–66].

Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта по своей конструкции преимущественно предполагают наряду с основным непосредственным объектом (безопасностью движения и эксплуатации транспорта) наличие и дополнительного непосредственного объекта, прежде всего, жизни и здоровья человека. В связи с этим необходимо отметить, что лицо, совершая преступление в сфере безопасности дорожного движения, действительно не преследует цель лишения жизни человека или причинения вреда его здоровью. В данном случае содеянное охватывается составом преступлений против жизни и здоровья человека.

Особенностью преступлений в сфере безопасности дорожного движения является то, что причинение вреда общественной безопасности, а также жизни и здоровью человека (имуществу, окружающей среде), как правило, связано с нарушением правил использования источников повышенной опасности. Следовательно, их общественно опасный характер определяется не только причинением вреда родовому объекту – общественной безопасности, но и иным общественным отношениям, связанным с использованием источников повышенной опасности. Так, совершение рассматриваемых преступлений может угрожать собственно безопасности человека, его жизни и здоровью, экологической безопасности и пр.

Общественная опасность преступлений в сфере безопасности дорожного движения определяется их вредоносностью (причинением вреда или угрозой его причинения) для общественной безопасности, а также совокупности иных общественных отношений – прежде всего по охране жизни и здоровья человека, а также собственности. Общеизвестно, что общественная опасность преступлений находится в прямой зависимости от социальной ценности и значимости тех общественных отношений, на которые они посягают. Однако общественная опасность не сводится только к причинению вреда объекту уголовно-правовой охраны, она зависит и от распространенности и типичности преступного поведения, способа его реализации и характеристик субъекта, его реализующего.

В случае совершения преступлений в сфере безопасности дорожного движения мигрантами их общественная опасность возрастает в связи с характеристиками субъекта преступления. Данные статистики указывают на увеличение количества дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) с участием водителей, имеющих иностранные права.

Водители-мигранты регулярно становятся участниками ДТП. Практически каждую неделю в России происходят серьезные автомобильные аварии с легковыми такси, за рулем которых оказываются именно иностранцы¹⁰. За 2023 год рост числа аварий составил 6,5 %, пострадавших стало больше почти на 8,5 %, а погибших – на 4,5 %. В информационно-аналитическом обзоре МВД России за девять месяцев 2023 года приведены такие цифры: в стране по вине иностранных водителей произошло более 4 000 ДТП, т. е. почти 5 % всех аварий. Санкт-Петербург занял по этому показателю пятое место – в городе зарегистрировано 378 ДТП по вине мигрантов (15,8 % от общего числа). Иностранные водители были виновны почти в двух третях (64,9 %) от всех ДТП с их участием. Чаще всего виновниками аварий оказывались граждане Туркменистана

⁹ Любимов Л. В. Указ. соч. С. 7.

¹⁰ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году : Информационно-аналитический обзор. Москва : НЦ БДД МВД России, 2024. С. 54–55.

(69,4 %), Армении (66,8 %), Таджикистана (66,8 %), Узбекистана (63,6 %) и Киргизии (60,8 %)». «Всего же в минувшем году в Санкт-Петербурге и Ленинградской области выявили 128 тысяч нарушений правил дорожного движения, участниками которых стали мигранты», – сообщил начальник главного управления МВД по Петербургу и Ленобласти Р. Плугин в рамках ежегодного отчета перед депутатами Законодательного Собрания Санкт-Петербурга¹².

Мигранты могут выступать в роли различных участников дорожного движения. В соответствии с законодательством, участником дорожного движения является «лицо, принимающее непосредственное участие в процессе дорожного движения в качестве водителя транспортного средства, пешехода, пассажира транспортного средства»¹³. При этом ст. 268 УК РФ предусматривает уголовную ответственность иных участников движения. Таким образом, законодатель очертил достаточно широкий круг субъектов, которые могут нарушать безопасность дорожного движения. В уголовно-правовой доктрине к другим участникам дорожного движения относят в т. ч. «рабочих, осуществляющих ремонтные работы на транспортных магистралях, техническое обслуживание средств регулирования движения транспортных средств; лиц, осуществляющих загрузку или разгрузку транспортного средства; лиц, производящих на дороге аварийные работы, и т. д.» [2].

На общественную опасность преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых мигрантами, влияет и конкретная роль мигранта как участника дорожного движения. Широкий общественный резонанс вызывают преступления, совершенные мигрантами – водителями транспортного средства, особенно управляющими общественным транспортом, а также такси. Допуск данной категории лиц к управлению указанными видами транспорта, связанному с риском для жизни и здоровья многих граждан вызывает справедливую негативную реакцию общества.

Также следует отметить, что в случае совершения преступления в сфере безопасности дорожного движения мигрантами, выступающими в роли иных участников дорожного движения (пешехода, пассажира транспортного средства и др.), как правило, отсутствует специфика субъекта преступления, обусловленная специфическими субъективными факторами детерминации его преступного поведения. Вопросы миграционной политики, и без того стоявшие остро в последнее время, еще более обострились после трагедии с автобусом, упавшим в р. Мойка в Санкт-Петербурге, водителем которого был уроженец Таджикистана. С января 2024 года в некоторых российских регионах введен запрет на прием мигрантов для работы в общественном транспорте и такси (в Калининградской, Калужской, Магаданской, Тюменской, Тульской, Челябинской областях, в Краснодарском крае, в Ханты-Мансийском автономном округе). С января 2025 года ограничения работы мигрантов в сфере транспорта коснулись Ленинградской, Курской, Костромской и Нижегородской областей, Хабаровского края.

Крайне негативную реакцию общества вызывают преступления, в т. ч. в сфере безопасности дорожного движения, совершаемые нелегальными мигрантами. Общественная опасность нелегальной миграции заключается в том, что она часто сопровождается комплексом антисоциальных проявлений, а именно, усилением межэтнической напряженности на основе формирования замкнутых национальных анклавов, участием нелегальных мигрантов в экстремистской и террористической деятельности и др.

Общественная опасность преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых мигрантами, обуславливается тем, что такие преступления посягают не только на общественную безопасность, но и подрывают авторитет органов власти, поскольку воспринимаются населением как проявление просчетов и недостатков государственной политики в сфере миграции, особенно в случае причинения вреда здоровью или гибели граждан.

Кроме того, общественная опасность рассматриваемых преступлений определяется тем, что массовость проявления преступного поведения мигрантов в сфере безопасности дорожного движения является фактором, влияющим на формирование и уровень проявления в обществе ксенофобии. Безответственное отношение к нормам права, в т. ч. Правилам дорожного движения, имеющее своими последствиями причинение вреда жизни и здоровью граждан,

¹² Колокольцев М. Петербург попал в топ городов с наибольшим числом ДТП по вине мигрантов. 2023. 1 ноября. 78.RU : [сетевое издание]. URL: <https://78.ru/news/2023-11-01/peterburg-popal-v-top-gorodov-s-naibolshim-chislom-dtp-po-vine-migrantov> (дата обращения: 21.01.2025)

¹² Рейберстофер А. Более 120 тысяч нарушений ПДД мигрантами выявили в Петербурге и Ленобласти за 2024 год. // Комсомольская правда в Санкт-Петербурге : [сетевое издание]. URL: <https://www.spb.kp.ru/online/news/6239053/> (дата обращения: 21.01.2025).

¹³ СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

их собственности, воспринимается населением как демонстрация открытого неуважения к нормам и правилам поведения в нашем обществе. Крайней формой проявления негативного отношения к мигрантам является совершение в отношении них преступлений на почве ненависти и вражды и по иным экстремистским мотивам [13; 14].

Рассматривая проблему общественной опасности преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых мигрантами, следует учитывать не только непосредственный вред, причиняемый данными преступлениями указанным объектам уголовно-правовой охраны, но и их связь с иными видами преступной деятельности.

Будучи широко вовлеченными в сферу дорожного движения, в т. ч. оказания транспортных услуг, мигранты совершают преступления, детерминация и общественно опасные последствия которых отягощены факторами нарушения миграционного законодательства. Занятость мигрантов в сфере транспортных услуг нередко связана с нарушением трудового законодательства, поскольку на основании легальных документов трудовую деятельность фактически могут осуществлять несколько человек. Миграционные процессы, особенно нелегальная миграция, непосредственно связаны с коррупционной преступностью, и по этой причине общественную опасность совершаемых мигрантами преступлений в сфере безопасности дорожного движения необходимо рассматривать с учетом их взаимосвязи с проявлениями коррупции, как в миграционной сфере, так и в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, прежде всего при выдаче водительского удостоверения и получении права на управление транспортным средством.

Доступ мигрантов к управлению транспортными средствами, особенно в условиях все возрастающей популяризации сервисов каршеринга, определяет возможность использовать их как средства совершения целого ряда наиболее опасных видов преступлений – организации нелегальной миграции, торговли оружием, наркотиками и прочих, прежде всего деятельности экстремистской и террористической направленности. Так, например, распространенным способом осуществления террористического акта стал наезд транспортного средства, управляемого террористом, на скопление людей.

Проблемы привлечения виновных к ответственности, характерные для преступлений, совершаемых мигрантами, также влияют на степень общественной опасности рассматриваемых преступлений, поскольку отсутствие у граждан уверенности в том, что виновные неизбежно понесут наказание, порождает недоверие к правоохранительным органам и органам власти в целом, негативно влияет на уровень правового нигилизма среди населения [15–18]. В ряде случаев преступления, фактически совершенные мигрантами, регистрируются без учета особенностей субъекта. Это может иметь место как в случае подмены реального субъекта преступления, когда за содеянное к уголовной ответственности фактически привлекается иное лицо, взявшее на себя ответственность (родственные или иные близкие отношения, отношения подчинения, корысть и пр.), а также когда виновное лицо скрывается с места преступления и его личность остается неустановленной, а преступление регистрируется без учета особенностей субъекта, его совершившего. Миграционные процессы обуславливают определенные трудности установления лица, скрывшегося с места совершения преступления, особенно если это нелегальный мигрант.

Меры уже принимаются, правда, только в отдельных регионах России. Так, с 2025 года вступил в силу документ Минтруда, предусматривающий сокращение допустимого числа иностранных работников в 11 регионах России с учетом пожеланий самих субъектов. Дополнительные ограничения для иностранцев вводятся в Оренбургской, Челябинской, Калужской, Магаданской, Рязанской, Самарской, Амурской областях, в республиках Удмуртия и Дагестан, в Краснодарском и Красноярском краях. Многие из этих ограничений касаются именно транспортной сферы. Еще в мае прошлого года лидер думской фракции «Справедливая Россия – За правду» С. Миронов предложил запретить мигрантам работать на общественном транспорте и привел в пример Объединенные Арабские Эмираты, где мигранты работают по системе «кафала» или вахтовым методом: приехали, отработали и уехали из страны без преференций и возможности получить гражданство¹⁴. Депутаты Законодательного Собрания Санкт-Петербурга выступили против этой инициативы, Председатель комиссии по транспорту и развитию транспортной инфраструктуры А. Цивилев сослался на справку комиссии по транспорту и развитию транспортной инфраструктуры, где долю мигрантов оценили в 20 %. Перевозчики при этом сообщают об уже накопленной нехватке водителей в 25 %. Запрет мигрантам работать

¹⁴ Рябов И. В Госдуме предложили запретить мигрантам водить автобусы // Газета.ru : [сетевое издание]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/05/10/22980637.shtml> (дата обращения 05.02.2025).

в транспортной отрасли грозит ее обрушением, заявили противники идеи¹⁵. Несмотря на это, губернатор Санкт-Петербурга принял решение запретить с 1 июля 2025 года и до конца года иностранным гражданам, которым для легальной трудовой деятельности в Российской Федерации необходим патент, работать в такси и службах доставки¹⁶.

3 заключение

Общественная опасность преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых мигрантами, определяется их вредоносностью (причинением вреда или угрозой его причинения) для общественной безопасности, а также совокупности иных общественных отношений – прежде всего по охране жизни и здоровья человека, собственности. При совершении преступлений в сфере безопасности дорожного движения мигрантами их общественная опасность возрастает в связи с характеристиками субъекта преступления. Данные преступления, особенно в случае совершения их нелегальными мигрантами, подрывают авторитет органов власти, а массовость проявления преступного поведения мигрантов в сфере безопасности дорожного движения – это фактор, влияющий на формирование и уровень ксенофобии в обществе, крайняя форма проявления которой – совершение в отношении мигрантов преступлений на почве ненависти и вражды и по иным экстремистским мотивам. Следует учитывать не только непосредственный вред, причиняемый данными преступлениями указанным объектам уголовно-правовой охраны, но и их связь с иными видами преступной деятельности, такими, как коррупция, организация нелегальной миграции, торговля оружием, наркотиками, а также экстремистской и террористической деятельностью. Латентность преступлений, обусловленная миграционными факторами, порождает отсутствие доверия населения к правоохранительным органам и органам власти в целом, негативно влияет на уровень правового нигилизма среди населения.

Учитывая уже введенные в некоторых регионах России запреты на работу мигрантов в сфере общественного транспорта, по нашему мнению, для повышения транспортной безопасности следует решить следующие задачи:

1. Мигрантов, имеющих национальные водительские права, переэкзаменовывать по действующим в этой сфере российским требованиям (если они устраиваются на работу водителями не на общественный транспорт).
2. При сдаче экзамена на право управления автомобилем в обязательном порядке проверять знание мигрантом русского языка на достаточном уровне, а также ориентирование в городе.
3. Не ограничивать данный запрет временными рамками.
4. Обязать транспортные компании заключать договоры с мигрантами только на определенный срок (к примеру, на два года) без возможности его продления.

Список источников

1. Захаров С. Н. Водно-транспортные преступления: расследование и предупреждение : монография. Москва : Юридическая литература, 1977. 128 с.
2. Коробеев А. И. Транспортные преступления и транспортная преступность : монография. Москва : Юрлитинформ, 2015. 486 с.
3. Расследование дорожно-транспортных происшествий, совершенных с участием большегрузных автомобилей: модульная методика : монография / Попов Е. А., Волчецкая Т. С., Авакьян М. В. Москва : Юрлитинформ, 2020. 211 с.
4. Дорожно-транспортные преступления : монография / Мешков В. М., Маханёк А. Б., Тарасова В. И. Москва : Юрлитинформ, 2014. 149 с.
5. Общественная безопасность и ее законодательное обеспечение : материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Астрахань, 19–20 апреля 2001 г. / редкол.: С. Ш. Ахмедова [и др.]. Астрахань : Астраханский государственный технический университет, 2001. 243 с.
6. Законодательство о гражданстве и правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации – 20 лет: опыт, тенденции и перспективы развития : сборник статей. Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2022, 156 с.
7. Аюпова Г. Ш., Макеева И. С. К вопросу об объекте нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 95–99.
8. Квашин В. Е. Ответственность за правонарушения на транспорте. Москва : Знание, 1974. 63 с.
9. Кудрявцев В. Л. Преступления против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2012. № 2 (8). С. 89–100.

¹⁵ Депутаты Петербурга выступили против запрета мигрантам работать на транспорте // Ведомости (Vedomosti) : [сетевое издание]. URL: <https://www.vedomosti.ru/strana/northwestern/news/2024/10/14/1068597-deputati-peterburga-vistupili> (дата обращения: 05.02.2025).

¹⁶ Краев В. В Петербурге готовятся ввести ограничения на работу иностранцев // Российская газета : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2025/06/04/reg-szfo/patenta-budet-malo.html> (дата обращения: 05.02.2025).

10. Экстремальные ситуации, конфликты, социальное согласие : современное обеспечение общественной безопасности: теоретические, правовые и организационные проблемы : сборник материалов XXVI Международной научно-практической конференции. Москва : Академия управления МВД России, 2024. 519 с.

11. Кичигина Е. В. Ответственность за нарушения безопасности движения городского транспорта. Москва : Юридическая литература, 1966. 124 с.

12. Кузьмина А. С. Об объекте автотранспортных преступлений / Проблемы борьбы с преступностью : : сборник научных трудов / редкол.: Г. Б. Виттенберг [и др.]. Омск : Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1976. С. 60–66.

13. Игнатов А. Н., Торопов С. А. Социальная напряженность как фактор терроризма и экстремизма / Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью : материалы V Всероссийской научно-практической конференции, г. Краснодар, 23 декабря 2019 г. : / отв. ред.: Н. В. Генрих. Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2020. С. 59–63.

14. Деятельность подразделений по противодействию экстремизму, терроризму и организованной преступности : сборник научных трудов / ред. кол.: С. Ф. Самойлов [и др.]. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2024. 126 с.

15. Иванцов С. В., Добренков А. И. Органы внутренних дел в системе предупреждения дорожно-транспортных преступлений несовершеннолетних: функции и проблемные вопросы // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 174–179. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10164>.

16. Иванцов С. В. Криминологическое прогнозирование в планировании предупреждения преступности // Общество и право. 2015. № 3 (53). С. 122–127.

17. Игнатов А. Н. Об уровне преступности и деятельности правоохранительных органов. Часть 1 // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (27). С. 48–59.

18. Власть и общество: история, современное состояние и тенденции развития : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, г. Абакан, 26 апреля 2024 г. / ред. кол.: В. Н. Козлова [и др.]. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета, 2024. 211 с.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-150-158>

Научно-методическое обеспечение расследования организованных форм преступной деятельности экстремистской направленности

Владимир Олегович Давыдов, доктор юридических наук, доцент

Тульский государственный университет

Тула (300012, пр. Ленина, д. 92), Российская Федерация

VladDv71@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5224-649X>

Аннотация:

Введение. В статье рассмотрен ряд теоретических вопросов, связанных с разработкой и содержанием базовой методики расследования организованных форм преступной деятельности экстремистской направленности. Акцентируется внимание на двукомпонентности вектора научно-методического обеспечения в аспекте снабжения субъекта расследования криминалистическими методами и приемами ведения следствия. Проанализированы технологические особенности реализации механизма преступной деятельности экстремистских формирований. Сделан вывод, что именно последние закономерно определяют сложность следственной деятельности по делам подобного рода. Доказана объективная необходимость формирования базовой (укрупненной) методики расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных в организованных преступных формах. Исследованы критерии разработки криминалистической характеристики как информационной основы создания комплексов методических рекомендаций, предложены элементы для включения в содержание рассматриваемой методики. Особое значение уделено типичным криминальным ситуациям и сопутствующим им источникам информации о преступном событии, а также рекомендациям по формированию исходной криминалистически значимой информации.

Методы. Методологической основой исследования избран всеобщий диалектический метод, применение которого обусловило анализ объективной реальности, связанной как с преступной деятельностью экстремистской направленности, совершаемой в организованных формах, так и с деятельностью правоохранительных органов по ее расследованию. Автор применял методы сравнительного и системно-структурного анализа, синтеза структурных элементов следственной деятельности по делам такого рода, моделирования процесса формирования исходной криминалистически значимой информации применительно к типичным источникам сведений о подобном преступном событии.

Результаты. Очевидно, что с учетом сложности механизма реализации рассматриваемого рода преступной деятельности следственные задачи не могут быть эффективно решены без надлежащего научно-методического обеспечения следственного процесса. Данная ситуация детерминирует потребность научного осмысления и формирования на его основе результатов концептуальных основ базовой методики расследования преступлений, совершенных экстремистскими формированиями.

Ключевые слова:

научно-методическое обеспечение, расследование, экстремистская деятельность, преступное формирование, базовая методика, структура, криминалистические рекомендации

Для цитирования:

Давыдов В. О. Научно-методическое обеспечение расследования организованных форм преступной деятельности экстремистской направленности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 150–158. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-150-158>.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Scientific and methodological support for the investigation of organised forms of extremist criminal activity

Vladimir O. Davydov, Dr. Sci. (Jurid.), Docent

Tula State University

92, Lenina ave., Tula, 300012, Russian Federation

VladDv71@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5224-649X>

© Давыдов В. О., 2025

Abstract:

Introduction. The article deals with a number of theoretical issues related to the development and content of the basic methodology of investigation of organised forms of criminal activity of extremist orientation. The attention is emphasised on the two-component vector of scientific and methodological support in the aspect of supplying the subject of investigation with forensic methods and techniques of investigation. The technological features of the implementation of the mechanism of criminal activity of extremist formations are analysed. It is concluded that the last ones naturally predetermine the complexity of investigative activity in cases of this kind. The objective necessity of formation of the basic (enlarged) methodology of investigation of extremist crimes committed in organised criminal forms is proved. The criteria for the development of criminalistic characteristics as an information basis for the creation of complexes of methodological recommendations are studied, the elements for inclusion in the content of the considered methodology are proposed. Special attention is paid to typical criminal situations and accompanying sources of information about the criminal event, as well as recommendations for the formation of initial forensically significant information.

Methods. The methodological basis of the research is the universal dialectical method, the application of which led to the analysis of objective reality related both to criminal activity of extremist orientation, committed in organised forms, and to the activities of law enforcement agencies in its investigation. The author used methods of comparative and system-structural analysis, synthesis of structural elements of investigative activity in cases of this kind, modelling of the process of formation of initial forensically significant information in relation to typical sources of information about such a criminal event.

Results. It is obvious that given the complexity of the mechanism of implementation of the considered type of criminal activity, investigative tasks cannot be effectively solved without proper scientific and methodological support of the investigative process. This situation determines the need for scientific comprehension and formation on its basis the results of the conceptual foundations of the basic methodology of investigation of crimes committed by extremist formations.

Keywords:

scientific and methodological support, investigation, extremist activity, criminal formation, basic methodology, structure, forensic recommendations

For citation:

Davydov V. O. Scientific and methodological support for the investigation of organised forms of extremist criminal activity // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 150–158. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-150-158>.

The article was submitted March 10, 2025;
approved after reviewing June 9, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

В современных условиях развития социума экстремизм (экстремистская деятельность) занимает особое место среди наличествующих форм социальной агрессии, отличаясь разрушительностью и масштабностью проявлений.

Очевиден и следующий факт: во втором десятилетии XXI века рассматриваемого рода деятельность приобрела наиболее опасную организованную форму развития. Российскому обществу в большинстве случаев противопоставляют себя уже не одиночные приверженцы радикальной идеологии, а экстремистские преступные формирования¹, отличающиеся профессионализмом в осуществлении деструктивной деятельности. Подобным структурам присущи следующие черты, значимые, на наш взгляд, в аспекте предмета криминалистического исследования:

- участники таких формирований организационно сведены в функциональные структурные элементы, а последние объединены вокруг руководящего центра (ядра, штаба и т. п.);
- членов формирований отличают высокий уровень сплоченности и криминальной дисциплины, а также нормы поведения, основанные на экстремистской мотивации;
- они используют продуманную тактику конспирации и противодействия органам правопорядка;
- деятельность таких формирований активно финансируется, в т. ч. «спонсорами» недружественных зарубежных государств.

Подобная ситуация, несмотря на усилия государства и гражданского общества по борьбе с деструктивными проявлениями рассматриваемого рода, выступает значимой детерминантой тенденции роста случаев проявления экстремистского поведения. Результаты проведенного нами анализа данных официальных статистических показателей Министерства внутренних дел Российской Федерации за период 2020–2024 гг. позволяют обосновать вывод об увеличении количества таких преступных деяний за последние пять лет более чем в два раза (с 833 уголовных составов в 2020 году до 1 719 в 2024 году), что, в свою очередь, может свидетельствовать как о повышении эффективности деятельности правоохранительной системы в этой сфере, так и о сохранении высокого уровня экстремистских угроз. Одновременно количество преступлений,

¹ Применительно к настоящему исследованию нами предлагается использовать обобщенную категорию «экстремистское преступное формирование», под которой следует понимать систему деятельности организованных форм элементов экстремистской направленности достаточно обширного структурного диапазона (ячеек и групп, организаций и сообществ), различающихся по размерам и квалификации, исповедуемой идеологии и применяемой тактике, используемым механизмам преступной деятельности, территории распространения криминальной и квазикриминальной активности и ряду других параметров.

связанных с организацией экстремистского сообщества (статья 282¹ Уголовного кодекса Российской Федерации²), также возросло с 21 факта в 2020 году до 51 факта в 2024 году³.

Представляется, что изменить сложившееся положение возможно лишь посредством дальнейшей целенаправленной реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму, основу которой согласно положениям Указа Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» образуют инструменты законодательного, правоприменительного, информационного и научно-исследовательского характера⁴. Считаем, что особое место в выработке и совершенствовании последних традиционно принадлежит отечественной криминалистике, ключевым результатом исследований которой выступают методы, средства и рекомендации раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, отвечающие современным реалиям.

Приведенный выше тезис, на наш взгляд, с одной стороны, обусловлен нарастающей в последнее время тенденцией развития современных организованных форм экстремистской деятельности [1, с. 28], а с другой потребностью субъекта расследования как в системном знании о механизме такой преступной деятельности, так и в научно-методическом обеспечении процесса расследования фактов ее проявления.

Думается, что применительно к криминалистическому обеспечению процесса расследования организованных форм преступной деятельности экстремистской направленности весьма значим вопрос определения направлений научно-методического обеспечения следственной деятельности. Полагаем, что одним из них должно выступить научное обоснование и формирование структуры базовой (укрупненной) методики расследования преступлений такого рода, а также описание содержания образующих ее элементов. Подобная методика, как писал еще в 1978 году известный российский криминалист В. Г. Танасевич, является промежуточным звеном между общими положениями и частной методикой [2, с. 172].

Полагаем, что применительно к предмету настоящего исследования концепция формирования рассматриваемой нами методики должна преследовать цель оптимизации работы субъекта расследования и, как следствие, предполагать объединение комплексов научно обоснованных и апробированных практикой рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений экстремистской направленности, совершаемых преступными формированиями, а также по их предупреждению криминалистическими средствами и методами.

Методы

С позиций науки криминалистики успешное разрешение сформулированной нами задачи закономерно предполагает изучение наличествующих научных подходов к логике конструирования структуры базовой (укрупненной) методики расследования, а также к определению круга элементов, подлежащих включению в ее содержание. Затронутая проблема представляет особый интерес и по причине следующего обстоятельства: относясь к числу дискуссионных, она приводит к разнообразным исследовательским результатам и, закономерно, к трудностям их освоения практикой.

В связи с этим в качестве методологической основы исследования нами был избран всеобщий диалектический метод, применение которого обусловило анализ объективной реальности, связанной как с преступной деятельностью экстремистской направленности, совершаемой в организованных формах, так и с деятельностью правоохранительных органов по ее расследованию, рассматриваемых в системе их диалектических связей и противоречий, требующих научно-методического обеспечения. Использованы методы системно-структурного анализа, изучения материалов криминалистической литературы и архивных уголовных дел, которые нашли свое отражение в синтезе элементов базовой методики расследования, анализе процессов формирования исходной криминалистически значимой информации применительно к типичным источникам сведений о преступной деятельности такого рода, установлении структурных связей между элементами системы взаимодействия следователя с оперативно-розыскным органом.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Статистика и аналитика. Состояние преступности (архивные данные) // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 24.03.2025).

⁴ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 // СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8669.

Результаты

Изучение теоретических основ методики расследования преступлений следует соотносить с первым десятилетием XX столетия, а именно, с третьей частью исследования И. Н. Якимова «Методология. Применение методов уголовной техники и тактики к расследованию преступлений» (1925), в котором автор отмечал, что «только при употреблении рекомендуемых уголовной техникой и тактикой научных приемов можно достигнуть верного успеха в решении той задачи, которую ставит себе всякое уголовное расследование» [3, с. 336].

Впоследствии В. А. Образцов в труде «Общие положения криминалистической методики расследования» предложил включать в структуру методики следующий круг элементов: криминалистическую характеристику события; обстоятельства установлению; общие положения расследования; особенности расследования в условиях типичных ситуаций; особенности подготовки и производства следственных действий⁵.

Продолжив исследование проблем методик расследования, А. Н. Васильев определил структуру рассматриваемой категории «как разработанную на основе изучения следственной практики, способов преступления и механизма образования их следов систему рекомендаций о криминалистической классификации преступлений, организации начальных и последующих периодов расследования, а также об особенностях применения тактических приемов и научно-тактических средств в целях эффективного расследования» [4, с. 43]. По сути, автор предложил определять методику расследования посредством перечисления ее основных составляющих элементов.

Н. П. Яблоков выделял в структуре методики расследования первоначальный, последующий и заключительный этапы, содержательно объединяющие следующий элементный состав: криминалистическую характеристику преступлений; круг обстоятельств, подлежащих первоначальному и последующему установлению; типичные следственные ситуации; версии и их планирование; методики собирания доказательственной информации; тактико-методические особенности отдельных следственных действий и криминалистических операций; особенности использования специальных знаний [5, с. 48–51].

Аргументы о целесообразности выделения этапов, указанных Н. П. Яблоковым, приводил в научных трудах и Р. С. Белкин, отмечая при этом, что «методика расследования, являясь конечным „продуктом“ всей криминалистической науки, представляет собой комплексы теоретически обоснованных рекомендаций, имеющих прикладной характер и предназначенных следователям для оптимизации их работы при раскрытии, расследовании и предотвращении различных видов преступлений»⁶.

Интересен в аспекте рассматриваемой нами проблемы научный подход М. В. Кардашевской. По мнению автора, структура методики «должна объединять основу построения следственных версий, особенно на первоначальном этапе расследования, когда неизвестны многие обстоятельства преступления; алгоритмизацию действий следователя в зависимости от складывающейся следственной ситуации; формы преломления существующих общих тактических приемов их проведения» [6, с. 263].

Информационно-познавательный аспект в качестве логического подхода предложил избрать В. Я. Колдин, изложив структуру методики в виде последовательности действий по «обнаружению источников криминалистически значимой информации о расследуемом событии; извлечению криминалистически значимой информации из данных источников; созданию частных информационных систем и установление отдельных обстоятельств расследуемого события; формированию общей информационной системы и установлению фактической структуры расследуемого события» [7, с. 45].

По мнению И. А. Возгина, структура методики расследования преступлений должна состоять из следующих четырех основных элементов: «криминалистической характеристики преступления, типичных следственных ситуаций и программ расследования; тактических рекомендаций по проведению отдельных следственных действий и реализации мер розыскного характера, организационных мер предупредительной деятельности следователя [8, с. 386].

К иному несколько выводу в своем исследовании пришел С. Н. Чурилов, предложивший включать в круг элементов методики расследования «криминалистическую характеристику

⁵ Образцов В. А. Общие положения криминалистической методики расследования // Криминалистика : курс лекций. Москва : Закон и право, 1997. С. 276.

⁶ Белкин Р. С. Криминалистические средства, приемы и рекомендации // Курс криминалистики : в 3 т. : учебное пособие. Москва : Юрист, 1997. Т. 3. С. 299.

преступлений, начальный этап расследования и последующий этап расследования», а системообразующими методологическими звеньями считать «характеристику типичных следственных ситуаций и вытекающих из них непосредственных задач расследования; совокупность типичных следственных версий; систему типичных следствий, вытекающих из каждой следственной версии; систему вопросов, подлежащих выяснению; характеристику типичных тактических комбинаций» [9, с. 63].

Н. Н. Давыдова в диссертационном исследовании, посвященном теоретическим проблемам криминалистических классификаций преступлений и методик их расследования, предложила понимать под базовой (комплексной) методикой расследования «систему научно-практических рекомендаций по организации и осуществлению расследования отдельных видов преступлений, построенную в соответствии с типовой структурой частных методик»⁷.

Не вдаваясь в дальнейшую научную дискуссию в рамках настоящей статьи, позволим отметить, что логику рассмотренных выше методологических подходов объединяет следующий единый тезис: элементы структуры методики должны являться типовыми независимо от вида расследуемого преступления.

Нами (безусловно, в порядке научной дискуссии) предлагается авторский подход, основанный на соотношении структуры базовой методики расследования организованных форм преступной деятельности экстремистской направленности со следующей последовательностью разрешения узловых задач ведения следствия:

- познание криминальной ситуации;
- выявление и анализ первоначальной криминалистически значимой информации;
- построение версий;
- планирование расследования;
- реализация плана расследования.

По нашему мнению, непосредственное содержание базовой методики расследования организованных форм преступной деятельности экстремистской направленности надлежит структурно разделять на две основных части: научно-информационную и прикладную.

Первая (научно-информационная) часть содержательно должна объединять такие элементы:

- криминалистическая характеристика типичных организованных форм преступной деятельности экстремистской направленности;
- типичные криминальные ситуации применительно к преступной деятельности рассматриваемого рода, а также сопутствующие каждой из таких ситуаций типичные источники информации о преступном событии;
- комплекс рекомендаций по формированию исходной криминалистически значимой информации применительно к каждому типичному источнику сведений о преступном событии;
- обстоятельства, подлежащие первоочередному и последующему установлению.

Элементы, образующие вторую (прикладную) часть рассматриваемой базовой методики расследования, по нашему мнению, должны являться типовыми независимо от конкретного вида преступлений экстремистской направленности и последовательно описывать:

- типичные исходные следственные ситуации и комплекс рекомендаций по разрешению вытекающих из них непосредственных задач расследования;
- комплекс рекомендаций по проведению отдельных следственных действий, тактических комбинаций и оперативно-розыскных мероприятий начального этапа ведения следствия;
- типичные общие, а также частные версии (в т. ч. типичные следствия, вытекающие из каждой следственной версии) и комплекс рекомендаций по планированию проверки версий с учетом содержания исходных следственных ситуаций;
- комплекс рекомендаций по проверке выдвигаемых версий;
- типичные ситуации последующего этапа расследования и комплекс рекомендаций по их разрешению;
- комплекс рекомендаций по проведению отдельных следственных действий, тактических комбинаций и оперативно-розыскных мероприятий последующего этапа ведения следствия;
- комплекс рекомендаций по взаимодействию следователя с органом дознания в формах раздельной деятельности, следственно-оперативной группы, специализированной следственной группы;
- комплекс рекомендаций по использованию специальных знаний, назначению и использованию результатов судебных экспертиз.

⁷ Давыдова Н. Н. Криминалистические классификации преступлений и методик их расследования: теоретические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 23.

Очевидно и то, что научно-методическое обеспечение как элемент обеспечения криминалистического применительно к расследованию организованных форм преступной деятельности экстремистской направленности должно представлять систему знаний, позволяющих сформировать типовые профессиональные навыки и умения следственного работника по практической реализации выработанных криминалистикой методов, средств и рекомендаций в целях эффективного реализации задач уголовного судопроизводства в отношении преступных деяний рассматриваемого рода.

Следует акцентировать внимание на двукомпонентности вектора научно-методического обеспечения в аспекте снабжения субъекта расследования организованных форм преступной деятельности экстремистской направленности криминалистическими методами и приемами ведения следствия. Бесспорно, свое значение будут сохранять уже ставшие традиционными частные методики расследования преступлений экстремистской направленности отдельных видов. Однако крайне значимо формирование основ методики большей степени общности – базовой методики расследования организованных форм преступной деятельности экстремистской направленности, в основе которой лежит специфика проведения следствия в отношении экстремистских преступных формирований.

И если частные методики расследования отдельных видов преступлений экстремистской направленности уже стали традиционным «продуктом» для осмысления криминалистической наукой и использования практикой, то базовая методика выступает сравнительно новым типом методик, непосредственно связанных с преступными деяниями, характеризующимися общим отличительным признаком – признаком организованной формы. По данному поводу Р. С. Белкин отмечал, что такие методики «должны состоять из характеристики основания комплекса и раскрытия тех особенностей методики расследования, которые обусловлены данной характеристикой и в которой она проявляется» [10, с. 199]. В свою очередь, Ю. П. Гармаев и Д. А. Степаненко, поддерживая научный подход Р. С. Белкина, подчеркивают, что «их предметом должна являться не вся преступная деятельность, охватываемая разнородными преступлениями, а только ее часть, ограниченная криминалистическим классификационным критерием» [11, с. 79].

Позволим высказать несколько тезисов по поводу отдельных аспектов элементного состава рассматриваемой нами базовой методики расследования.

Криминалистическая характеристика организованных форм преступной деятельности экстремистской направленности должна, по нашему мнению, объединять типичные сведения, как об особенностях организованных преступных форм экстремистской направленности, так и о функционально-личностных характеристиках их членов.

К числу особенностей организованных преступных форм экстремистской направленности, которые, на наш взгляд, должны выступать предметом криминалистического исследования, предлагается относить:

- обособленность организационной структуры экстремистского формирования, основу которой составляет иерархически-сетевой принцип выстраивания криминальных связей;

- присутствие в структуре специально выделенных элементов, предназначенные для решения задач, связанных с обеспечением процесса функционирования экстремистского формирования;

- устойчивость, как отдельных элементов, так и структуры экстремистского формирования в целом⁸, а также численность последнего;

- наличие лидера, отвечающего за разработку идеологических и организационных установок, и группы менеджеров, реализующих управленческий функционал в отношении профильных элементов (разведки, собственной безопасности, информационно-пропагандистской поддержки и других) экстремистского формирования;

- устойчивая финансовая логистика, осуществляемая по каналам следующего характера:

- а) негласный канал – финансовая поддержка, скрытно предоставляемая со стороны политиков, представителей бизнеса, разведывательных и специальных служб недружественных иностранных государств, использующих функционал экстремистских формирований для достижения собственных целей;

- б) легитимный канал – финансовая поддержка, официально предоставляемая источниками недружественных иностранных государств посредством инструментов некоммерческих и неправительственных организаций, а также отчисления от законной экономической деятельности на территории российского государства.

⁸ Об этом факте, по нашему мнению, могут свидетельствовать такие признаки, как обособленность руководящего ядра, криминальная специализация структурных элементов, наличие системы защиты от социального контроля и другие.

Говоря о механизме реализации организованных форм преступной деятельности экстремистской направленности, следует отметить сложность последнего по сравнению с механизмом неорганизованных экстремистских преступлений. Вектор его направленности корреспондирует двум узловым комплексам преступной деятельности:

- непосредственное совершение преступлений экстремистской направленности;
- совершение преступлений, обусловленных потребностью обеспечения функционирования экстремистского формирования.

В аспекте криминалистического анализа интерес представляют данные о технологии формирования механизма организованных форм преступной деятельности экстремистской направленности, основу которой, на наш взгляд, составляют следующая совокупность действий:

- проникновение представителей иерархического модуля преступного формирования в регион планируемой экстремистской активности в целях преобразования среды предстоящего функционирования путем эскалации агрессии в политической, религиозной либо социальной сферах;
- подбор, отработка и последующая вербовка лиц для участия в деятельности сетевого модуля экстремистского формирования, их обучение методам деструктивной деятельности;
- определение возможных источников финансовой поддержки сетевого модуля, создание системы обеспечения его криминальной безопасности (подбор коррумпированных агентов влияния в органах власти и правопорядка; выработка правил конспирации; организация контрразведывательных мероприятий и т. п.);
- завершение формирования сетевого звена, определение его лидера, распределение криминальных ролей среди завербованных членов сетевого модуля;
- реализация совокупности действий по подготовке, непосредственному совершению конкретных деяний экстремистской направленности, сокрытию их следов, в отдельных случаях – намеренному афишированию преступного результата.

Описанные технологические особенности механизма закономерно предопределяют сложность следственной деятельности по делам подобного рода. В силу этого обстоятельства особое значение в базовой методике расследования должно быть уделено типичным криминальным ситуациям и сопутствующим им источникам информации о преступном событии и, как следствие, комплексу рекомендаций по формированию исходной криминалистически значимой информации. Заметим, что в свое время Р. С. Белкин подчеркивал, что «данный этап можно считать завершенным лишь только в том случае, когда обнаружена, надлежащим образом закреплена первоначальная доказательственная информация, реализованы все обязательные следственные действия» [12, с. 356].

Безусловно, рассматриваемый этап следственной деятельности в большинстве случаев неизбежно сопряжен со значительным тактическим риском. В этой связи нами поддерживается исследовательский вывод Р. В. Кулешова о том, что членами преступного формирования экстремистской направленности «изначально будут предприниматься активные меры, направленные на уничтожение (сокрытие, маскировку) следов деяния и, в первую очередь, свидетельствующих о самом факте существования экстремистского преступного формирования» [13, с. 29].

Ввиду данного обстоятельства, выявление исходной криминалистически значимой информации может и должно осуществляться в следующем порядке:

- отыскание в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, первичных ориентирующих сведений, представляющих интерес в аспекте доказывания факта деятельности по созданию преступного формирования экстремистской направленности, руководства им либо участия в нем;

- тщательная проверка зафиксированных первичных сведений следственным и оперативно-розыскным путем, в том числе путем их сопоставления с традиционными признаками состава преступлений экстремистской направленности⁹, в интересах определения достоверности и полноты полученных данных и потенциальной перспективы их дальнейшего использования в интересах решения задач уголовного судопроизводства;

- принятие, исходя из результатов анализа первичных сведений, процессуального решения.

Еще один значимый аспект рассматриваемого этапа – это организация розыска лиц, заподозренных в участии в преступном формировании экстремистской направленности. В числе последних, на наш взгляд, следует выделить такие категории, как:

- лицо, непосредственно совершившее преступное деяние экстремистской направленности, т. е. исполнитель;

⁹ Полагаем необходимым акцентировать внимание на признаках, характеризующих противоправные действия экстремистской направленности, антиобщественное поведение, лиц, совершающих противоправные деяния экстремистской направленности, а также признаках, присущих способам и средствам совершения рассматриваемого рода преступлений.

- организатор преступления;
- вербовщик, подыскивающий новых членов для участия в деятельности сетевого модуля экстремистского формирования;
- пособник, содействующий совершению преступного деяния (например, подыскивающий необходимые орудия, автотранспортные средства, места для проживания и т. п.);
- иные лица, поведение которых свидетельствует о намерениях совершения преступления экстремистской направленности.

Традиционно, достаточно эффективной формой организации розыска заподозренных лиц выступает дача следователем письменного поручения органу дознания по реализации розыскных мероприятий на территории административного обслуживания, а также на объектах, которые традиционно пользуются «популярностью» у членов преступных формирований рассматриваемого рода (клубы спортивных единоборств, религиозные объекты, рынки, кафе этнической окраски и т. п.).

Еще одним источником исходной криминалистически значимой информации рассматриваемого рода должны выступать информационные массивы, традиционно накапливаемые в подразделениях органов внутренних дел: оперативные суточные сводки дежурных частей; дела оперативного учета; уголовные дела и отказные материалы в отношении лиц, причастных к совершению преступлений экстремистской направленности, находящиеся на архивном хранении.

Информационно-аналитическая составляющая деятельности субъекта расследования в ситуации рассматриваемого рода должна быть направлена на уяснение следующих ключевых моментов:

- обстоятельства совершения преступного деяния и, в первую очередь, место, время, организаторы и участники экстремистского формирования;
- источник исходной криминалистически значимой информации, а именно лицо, передавшее сведения, а также лица, способные подтвердить либо опровергнуть изложенные факты;
- предметы и документы, которые могут быть потенциально использованы в процессе доказывания в качестве вещественных доказательств.

Результаты проведенного следователем анализа первичной криминалистически значимой информации, а также степень владения им знаниями о типичных общих и частных версиях закономерно позволит выдвинуть собственные версии и сформировать план их проверки с учетом содержания исходной следственной ситуации. Заметим, что применительно к последней нами разделяется научная позиция Т. С. Волчецкой и Д. В. Кима, заключающаяся в том, что «именно ситуационный подход может и должен быть использован на этапе формирования исходной криминалистически значимой информации, поскольку здесь требуется сформулировать и оценить исходные следственные ситуации, отображающие тактические и иные особенности действий следователя» [14, с. 111–114; 15, с. 100].

Акцентируем внимание также и на следующем обстоятельстве: при уяснении элементов механизма преступления рассматриваемого рода надлежит понимать составной характер субъектной составляющей, заключающийся в наличии специфических сторон: сторона виновная, сторона потерпевшая, сторона которой адресована экстремистская угроза.

Первые из названных нами сторон достаточно традиционны. Третья сторона, которой адресована экстремистская угроза, в ряде случаев может быть достаточно неопределенной по своим характеристикам. К ней, как правило, могут быть отнесены следующие типичные субъекты:

- само государство, его органы власти, а также объединения гражданского общества, в адрес которых обращены деструктивные требования;
- население, как потенциальная цель устрашения;
- представители определенной национальности, социальной группы, религиозной конфессии, по отношению к которым выражается вражда или ненависть экстремистами.

Заметим, что в отдельных случаях совершения действий, направленных на возбуждение вражды или ненависти членами преступных формирований экстремистской направленности, вектор распространения деструктивного контента может иметь двойственную природу:

- первая его часть адресуется представителям национальности, религиозной конфессии, социальной группы по отношению к которой возбуждается ненависть или вражда;
- вторая часть, т.н. «позитивного» характера (призывы к объединению, совместным действиям), адресуется представителям национальности, религиозной конфессии, социальной группы, к которой относятся сами преступники-экстремисты.

В случае осуществления подобных преступных действий с использованием инструментария информационно-телекоммуникационных технологий число адресатов обозначенных выше направлений деструктивного воздействия, безусловно, возрастает кратно.

3 заключение

Изложенные выше тезисы позволяют, на наш взгляд, сделать некоторые промежуточные выводы в аспекте затронутой в статье проблематики.

1. Ввиду сложности механизма реализации организованных форм преступной деятельности экстремистской направленности задачи уголовного судопроизводства не могут быть решены с достаточной степенью эффективности без надлежащего научно-методического обеспечения следственного процесса. Данное обстоятельство закономерно детерминирует потребность научного осмысления и формирования на основе его результатов концептуальных основ базовой методики расследования преступлений, совершенных экстремистскими формированиями.

2. Рассматриваемая методика расследования, на наш взгляд, с точки зрения своего содержания должна комплексно объединять, как методические рекомендации, представленные в частных методиках расследования экстремистских деяний того или иного вида (ставшие, в определенной степени, уже традиционными), так и методические рекомендации, обладающие совокупностью новых свойств, свойственных процессу расследования экстремистских преступлений, но совершенных в организованной преступной форме.

3. Безусловно, осмысление концептуальных основ базовой методики расследования организованных форм преступной деятельности экстремистской направленности не ограничивается лишь вопросами, затронутыми в рамках настоящей статьи и, безусловно, будет нуждаться в дальнейшей научной проработке с учетом трансформаций современных форм экстремизма.

В данном аспекте следует учитывать и изменения, происходящие в самом процессе уголовного преследования по делам такого рода, как единого комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на решение ключевой задачи избличения и привлечения к ответственности членов экстремистских формирований на территории Российской Федерации.

Вышеупомянутая в статье проблематика направлена на инициирование научного дискурса, который закономерно приведет к ее осмыслению и поиску путей эффективного разрешения с позиций криминалистического обеспечения.

Список источников

1. Давыдов В. О. Научные основы базовой методики расследования преступлений и их развитие в практике борьбы с транснациональным экстремизмом : монография. Москва : Юрлитинформ, 2020. 496 с.
2. Советская криминалистика : Теоретические проблемы : монография / Селиванов Н. А., Танасевич В. Г., Эйсман А. А., Якубович Н. А. Москва : Юридическая литература, 1978. 192 с.
3. Якимов И. Н. Криминалистика : Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 года. Москва : ЛексЭст, 2003. 496 с.
4. Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. Москва : ЛексЭст, 2002. 64 с.
5. Яблоков Н. П. О некоторых проблемах разработки криминалистической методики расследования // Вестник криминалистики. 2005. № 3 (15). С. 11–18.
6. Субботина М. В. Структура криминалистической методики расследования преступлений как раздела криминалистики / Криминалистика. Экспертиза. Розыск : Научное обеспечение деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : сборник научных статей. Саратов : Саратовский юридический институт МВД России, 2007. С. 262–269.
7. Колдин В. Я. Криминалистическая методика : особенности или стратегия расследования?! // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2014. № 4. С. 43–49.
8. Возгрин И. А. Введение в криминалистику : История, основы теории, библиография. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 473 с.
9. Чурилов С. Н. Криминалистическая методика расследования : Проблемы, тенденции, перспективы : монография. Москва : Юстицинформ, 2011. 125 с.
10. Белкин Р. С. Криминалистика : проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике : монография. Москва : Юридическая литература, 1988. 303 с.
11. Гармаев Ю. П., Степаненко Д. А., Степаненко Р. А. Расследование коррупционного посредничества : монография. Москва : Юрлитинформ, 2017. 206 с.
12. Белкин Р. С. Избранные труды. Москва : Норма, 2009. 767 с.
13. Кулешов Р. В. Теоретические основы научной категории «Криминалистическая характеристика преступлений» и ее потенциал для формирования информационной модели преступлений экстремистского и террористического характера // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 2(61). С. 28–31.
14. Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия : монография. Калининград : Калининградский государственный университет, 1997. 245 с.
15. Ким Д. В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве : монография. Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 2006. 205 с.

Научная статья

УДК 343.85

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-159-169>

Обеспечение защищенности биометрических персональных данных от использования в криминальных целях

Михаил Александрович Желудков^{1,2}, доктор юридических наук, доцент
Анна Павловна Алексеева³, доктор юридических наук, профессор

¹ Юридический институт Тамбовского государственного технического университета
Тамбов (392000, ул. Советская, д. 106/5), Российская Федерация

² Юго-Западный государственный университет

Курск (305040, ул. 50 лет Октября, д. 94), Российская Федерация

³ Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
Калининград (236006, ул. Генерала Галицкого, д. 30), Российская Федерация

¹ kandydat1@yandex.ru, ³ alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-4482-125X>, ³ <https://orcid.org/0000-0002-4569-7564>

Аннотация:

Введение. Проблема создания с помощью нейросети и технологии «Дипфейк» поддельных образов человека на основе незаконно полученных достоверных биометрических персональных данных для последующего совершения с их помощью преступления остается в настоящее время нерешенной. В эпоху всеобщей цифровизации обеспечение безопасности персональных данных, включая биометрические, часто зависит не столько от самой потенциальной жертвы, чьи данные могут быть незаконно использованы, сколько от третьих лиц, которые их собирают и хранят, что способствует созданию криминальных ситуаций. При разработке современных программ предупреждения преступности, внедрении новых правил использования цифровых устройств и программного обеспечения необходимо учитывать, что последние достижения науки и техники значительно изменили формы общения людей, перевели многие процессы и документооборот в виртуальное пространство, в то время как пути обеспечения безопасности биометрических персональных данных, которые могут быть подделаны и использованы для последующего совершения преступлений, в современной практике проработаны недостаточно.

Методы. При написании статьи были использованы различные методы познания: диалектический, статистический, метод анализа, изучения документальных фактов. Материалом исследования послужили нормативные правовые акты, статистические сведения, а также научные работы авторов, изучающих проблемы использования поддельных биометрических персональных данных при создании аудиозаписей и видеоизображений в целях последующего совершения преступлений.

Результаты. В ходе исследования были выявлены проблемы нормативного, организационного и другого характера в сфере контроля за сбором, обработкой и хранением биометрических персональных данных, а также доступа к ним при генерации поддельных аудиозаписей и видеоизображений. Предложено дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации новой нормой, предусматривающей уголовную ответственность за создание и распространение заведомо поддельных аудиозаписей и видеоизображений, созданных с применением нейросети и технологии «Дипфейк» на основе полученных незаконным путем биометрических персональных данных.

Ключевые слова:

биометрические персональные данные, незаконный доступ, нейронная сеть, Дипфейк, спуфинг, видеоизображение человека, аудиозапись голоса

Для цитирования:

Желудков М. А., Алексеева А. П. Обеспечение защищенности биометрических персональных данных от использования в криминальных целях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 159–169. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-159-169>.

Статья поступила в редакцию 23.02.2025;
одобрена после рецензирования 09.04.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Ensuring the security of biometric personal data against the use for criminal purposes

Mikhail A. Zheludkov^{1,2}, Doc. Sci. (Jurid.), Docent
Anna P. Alekseeva³, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

¹ Law Institute of Tambov State Technical University
106/5 Sovetskaya str., Tambov, 392000, Russian Federation

² Southwest State University
94, 50 let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation

³ Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia
30, Generala Galitskogo str., Kaliningrad, 236006, Russian Federation

¹ kandydat1@yandex.ru, ³ alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-4482-125X>, ³ <https://orcid.org/0000-0002-4569-7564>

Abstract:

Introduction. Creating synthetic human images by neural networks and Deepfake technology, based on illicitly obtained authentic biometric personal data for the subsequent commission of an offence using them, remains a significant and unresolved problem. In the age of digital transformation, the security of personal data, particularly biometric data, often depends not so much on the potential victim, whose data may be unlawfully misappropriated, but on third parties that collect and keep it, thereby inadvertently facilitating the emergence of criminal scenarios.

In the development of contemporary crime prevention programmes and the introduction of new regulations pertaining to the use of digital devices and software, it is necessary to acknowledge the profound impact of scientific and technological advancements on the evolution of human communication. These advancements have pushed many processes and document flow into the virtual space. Concurrently, the methods to ensure the security of biometric personal data, which can be falsified and used for the subsequent commission of offences, are not sufficiently developed in contemporary practice.

Methods. In writing article, various methods of cognition were used: dialectical, statistical, analytical method and documentary analysis techniques. The material of the study encompasses normative legal acts, statistical data, as well as scientific publications of authors examining the issues of using of fake biometric personal data in the creation of audio and video recordings for the subsequent commission of crimes.

Results. The study revealed regulatory, organisational and other problems in controlling the collection, processing and storage of biometric personal data, as well as access to them during the creation of fake audio and video recordings. It is suggested that the Criminal Code of the Russian Federation be amended with a new provision stipulating criminal liability for the creation and distribution of fake audio and video recordings created by neural networks and Deepfake technology based on illicitly obtained biometric personal data.

Keywords:

biometric personal data; illegal access; neural networks; Deepfake; spoofing; human video recording; audio recording

For citation:

Zheludkov M. A., Alekseeva A. P. Ensuring the security of biometric personal data against the use for criminal purposes // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 159–169. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-159-169>.

The article was submitted February 23, 2025; approved after reviewing April 9, 2025; accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Обеспечение защиты биометрических персональных данных с учетом возможности их незаконного использования в ходе генерации поддельных аудиозаписей и видеоизображений для совершения преступлений является актуальной задачей государства. В разные периоды технологические и экономические преобразования в стране влияли на показатели преступности, основанной на применении информационно-телекоммуникационных технологий. Так, если в 2020 году таких деяний было зарегистрировано 510 396, то в 2021 – 517 722 (+ 1,4 %), в 2022 – 522 065 (+ 0,8 %), в 2023 – 676 951 (+ 29,7 %), в 2024 – 765 365 (+ 13,1 %)¹. Это неудивительно, поскольку, анализируя причины и условия преступности, ученые и практики неизбежно приходят к выводу о сочетании внешних и внутренних факторов, воздействующих на личность преступника, формирующих ее структуру и механизм преступного поведения. Согласимся с тем, что «изучение преступности и ее причин, а также организация противодействия ей в первую

¹ Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 09.01.2025).

очередь определяются пониманием той опасности, которую она представляет на данном этапе развития общества. Это понимание требует устранения негативных явлений, порождающих тот или иной вид преступности, и разработки соответствующих профилактических мер для решения этой проблемы»². Придерживаясь такого криминологического подхода к разработке специальных профилактических мер, мы должны не только изучать количественные и качественные характеристики преступности, но и с учетом выявленных тенденций ее изменения, закономерностей существования и прогнозов развития своевременно корректировать систему мер безопасности, способную защитить граждан от потенциальных опасностей, постоянно повышая ее эффективность. Это в свою очередь невозможно сделать, если не учитывать стремительно развивающиеся технологии, которые, с одной стороны, призваны облегчить труд человека, но с другой – представляют потенциальную угрозу в случае их применения в криминальных целях [1, с. 69]. В противном случае можно недооценить способности преступников и переоценить возможности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Нужно понимать, что преступники, использующие неправомерно полученные персональные данные в криминальных целях, разрабатывают все новые способы совершения преступлений. Правоохранительные органы всегда отстают в этом направлении, реагируя лишь на новые появившиеся угрозы. Безусловно, в последнее время наметился некоторый прогресс в области защиты персональных данных, но современные технологии, такие как «Дипфейк», открывают все новые возможности для обмана граждан, позволяя генерировать аудиозаписи и видеоизображения, которые очень сложно отличить от реальных.

Слово «Дипфейк» было заимствовано из английского языка, оно объединило в себе значение двух слов: «глубинное обучение» (англ. *deep learning*) и «подделка» (англ. *fake*)³. Изначально данная технология позволяла вносить изменения в подлинные фотографии, записанные видеоизображения и голосовые треки, искажая после обработки их содержание и смысл. Разработчики придумали это ради развлечения, шутки. Однако с развитием генеративно-состязательных нейросетей (GAN) появилась возможность вносить сознательные изменения не только в материалы, ранее записанные на электронные носители, но и генерировать новые цифровые образы конкретных людей, которые стали подменять реальность, имитируя их поведение, разговоры, манеры общения, жесты и т. д. Технологии «Дипфейк» позволяют создавать поддельные фотографии, аудиозаписи и видеоизображения с участием людей, к чьим биометрическим персональным данным был получен доступ, причем генерируемые таким способом материалы являются лишь реализацией выдуманного сценария, тогда как в реальности воспроизводимые события могли никогда не происходить. Технологии «Дипфейк» базируются на методике компьютерного синтеза, которая использует искусственный интеллект для переноса с высокой степенью достоверности черт лица, голоса одного человека на подставное изображение или голосовой файл [2, с. 113]. Таким образом сегодня технология «Дипфейк» перешла из развлекательной и технической сферы в область, представляющую серьезную угрозу для личности, общества и государства. Она представляет собой процесс создания поддельного образа человека, сгенерированного на основе имеющейся о нем информации, которую нейросеть может собирать из социальных сетей, различных открытых ресурсов, куда пользователи часто сами размещают свои изображения, видеозаписи, описания вариантов своей трудовой занятости и свободного времяпрепровождения.

Появившаяся новинка по вполне понятным причинам всерьез заинтересовала криминальные структуры, которые начали использовать технологию «Дипфейк» в преступных целях. Сгенерированные таким способом поддельные образы реально существующих людей преступники стали использовать для атаки на конкретную жертву, а само явление получило название «спуфинг» (англ. *spoofing* – подделка). В отличие от технологии «Дипфейк» «спуфинг» – это собирательный термин, используемый для обозначения кибератак, при которых преступник выдает себя за доверенное лицо или организацию, чтобы получить выгоду или причинить вред пользователю. Основные элементы, задействуемые во время спуфинг-атаки, – это подменный адрес электронной почты, сайт или другие фальшивые ресурсы. Для спуфинг-атаки также необходим сценарий, основанный на принципах социальной инженерии, который побуждает жертву к нужным преступнику действиям. Успешная спуфинг-атака может привести к серьезным негативным последствиям: к распространению вредоносного программного обеспечения; к получению

² Серебрякова В. А., Зырянов В. Н. Корыстные преступления, совершаемые женщинами : методическое пособие. Москва : ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка. 1990. С. 24.

³ Brandon J. Terrifying high-tech porn: Creepy «deepfake» videos are on the rise (February 16, 2018) // Fox News : [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20180615160819/http://www.foxnews.com/tech/2018/02/16/terrifying-high-tech-porn-creepy-deepfake-videos-are-on-rise.html> (дата обращения: 09.01.2025).

неправомерного доступа к личной или корпоративной информации; к взлому аккаунтов и неправомерному завладению учетными данными для дальнейших атак; к получению несанкционированного доступа к сети, а также расширенных прав такого доступа. Для организаций это может закончиться сбоем в доступе к компьютерной информации, обусловленным шифрованием файлов или другими причинами, с последующим шантажом, требованием выкупа, а в случае отказа – потерей данных, которая причинит серьезный материальный вред.

В настоящее время пока нет механизмов, позволяющих не просто отслеживать случаи применения информационно-телекоммуникационных технологий для совершения преступлений, а иметь достоверную информацию об использовании технологий «Дипфейк» в криминальных целях. Это было бы возможно в случае внесения изменений в документы статистического учета преступлений, которые бы позволили видеть все подобные эпизоды в отчетности. Тем не менее специально организованные наблюдения позволили экспертам отобрать некоторые сведения, характеризующие современную ситуацию в этой сфере. Так, на заседании Общественного совета при МВД России в 2024 году была представлена информация, из которой следует, что «удельный вес киберпреступлений в общем массиве за год составил около 40 % от всех зарегистрированных посягательств, причем практически в каждом втором преступлении фигурировали какие-либо электронные средства или устройства, а по тяжким и особо тяжким составам этот показатель приблизился к 60 %. С начала 2024 года общая сумма ущерба по данной категории дел превысила 116 миллиардов рублей. Способы совершения преступлений стали более изощренными, активно использовалась технология «Дипфейк». Особенно часто это происходило при совершении мошенничеств, когда преступники действовали от имени руководителей различных ведомств, в том числе МВД России, генерируя с помощью нейросетей их изображения и голоса»⁴. Из этого можно сделать вывод о стремительном развитии технологии «Дипфейк», с помощью которой создается заведомо поддельный контент, применяемый к потенциальным жертвам. По мнению экспертов, в 2024 году в интернет-пространстве было выявлено более 12 миллионов сообщений с ложной информацией, распространяемой под видом достоверной, которые набрали несколько миллиардов просмотров⁵. Потенциальная жертва может долгое время даже не осознавать, что имеет дело с обманом. Такая отсрочка обращения в правоохранительные органы позволяет преступникам скрыть следы преступления, значительно затрудняет быстрое выявление этих преступлений, их пресечение, а также полное, всестороннее и объективное расследование.

Особенно актуальна описанная ситуация для дистанционных хищений, число которых значительно выросло в последние годы. Так, если в 2020 году в России доля мошенничеств в общей структуре преступности составляла 16,4 %, то в 2024 году она выросла до 23,3 %⁶. По мнению многих экспертов, такой значительный рост обусловлен именно применением методов социальной инженерии в совокупности с технологиями, позволяющими подменять аудиовизуальное восприятие происходящих событий.

Со стороны органов государственной власти сегодня предпринимаются значительные усилия, направленные на защиту потенциальных жертв от возможных мошеннических действий. Так, в соответствии с достигнутыми договоренностями банки стали добровольно возмещать материальный ущерб, причиненный их клиентам в результате совершенного хищения. Однако это правило действует только в том случае, если хищение произошло без непосредственного участия жертвы: пострадавший не сообщал сведения о банковской карте, не передавал коды из СМС, логин или пароль, не предоставлял преступникам доступ к своим средствам. Как показывает практика, таких случаев в общей массе хищений насчитывается сравнительно немного. В основном жертвы, будучи обманутыми, добровольно переводят свои сбережения злоумышленникам, либо способствуют этому, что исключает применение механизма банковских компенсаций⁷.

Осенью 2024 года группа компаний Б1 совместно с MTS AI провели опрос представителей бизнеса из различных отраслей, чтобы оценить угрозы, исходящие от использования технологии «Дипфейк» и других подобных разработок. При этом более 60 % респондентов были руководителями высшего и среднего звена, остальные представляли компании со штатом более 1 000 человек. В ходе исследования 21 % респондентов сообщили, что уже сталкивались с технологиями «Дип-

⁴ Серков Д. Колокольцев заявил об ущербе в более 1100 млрд от киберпреступлений // РБК : сетевое издание : [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/politics/25/09/2024/66f3cda19a79477a70eff34f?from=from_main_6 (дата обращения: 09.01.2025).

⁵ Терещенко М. Эксперт сообщил, что в сети выявили 12 млн копий фейков // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21868693> (дата обращения: 09.01.2025).

⁶ URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 09.01.2025).

⁷ Ильина Н. Банки отбили более 20 млн попыток похитить деньги клиентов // Известия : [сайт]. URL: <https://iz.ru/1642179/natalia-ilina/banki-otbili-bolee-20-mln-popytok-pokhitit-dengi-klientov> (дата обращения: 09.01.2025).

фейк», но ущерб от их использования был незначительным. При этом 92 % респондентов выразили уверенность в том, что целенаправленные спуфинг-атаки представляют реальную угрозу для бизнеса и граждан. Только 3 % респондентов выразили полную уверенность в собственной защищенности и защищенности своей компании от угроз, связанных с применением технологий, работающих на основе искусственного интеллекта, и спуфинг-атаками. Остальные опрошенные в той или иной степени обозначили обеспокоенность существованием потенциальных угроз. Результаты исследования показывают, что технологии «Дипфейк» становятся серьезной угрозой как для бизнеса, так и для всех россиян. Отечественные компании оказались пока не готовы эффективно защищаться от нее, хотя все понимают, что количество спуфинг-атак будет только увеличиваться⁸. Все это наглядно демонстрирует актуальность существующей проблемы, которая требует комплексного подхода с использованием правовых, технологических механизмов, а также других форм регулирования.

Цель исследования – показать специфику неправомерного использования биометрических персональных данных для генерации поддельных аудиозаписей и видеоизображений в целях последующего совершения с их помощью преступлений и, как следствие, целесообразность усовершенствования уголовного законодательства для достижения его адекватности современному состоянию киберпреступности, усиления его ориентированности на борьбу с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Задачи исследования: проанализировать способы применения технологии «Дипфейк» для совершения преступлений; сформулировать системные решения, направленные на защиту биометрических персональных данных от преступных посягательств.

Методы

При написании статьи были использованы различные методы исследования: диалектический – для познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними; статистический – для извлечения полезной информации из собранных сведений о киберпреступности, выявления закономерностей и зависимостей; метод анализа – для изучения признаков и свойств процесса применения нейросети и технологии «Дипфейк» в криминальных целях; документального изучения фактов – обобщения судебной практики рассмотрения уголовных дел о преступлениях, основанных на спуфинг-атаках. Материалом исследования послужили нормативные правовые акты, статистические сведения, а также научные работы авторов, изучающих проблемы использования поддельных биометрических персональных данных при генерации аудиозаписей и видеоизображений в целях последующего совершения преступлений.

Результаты

Сегодня каждый человек стал частью цифрового мира: в повседневной жизни он сталкивается с тем, что его регулярно фотографируют, снимают на видео, записывают его голос. Прогрессивные технологии часто служат на благо общества, например, когда позволяют реализовать алгоритмы распознавания лиц, которые могут помочь не только в раскрытии преступлений, но и в их своевременном предотвращении, пресечении. Вместе с тем социальные сети переполнены изображениями, размещенными самими гражданами, которые не всегда задумываются о том, кто и как может воспользоваться этими данными в деструктивных целях, реализуемых с помощью технологии «Дипфейк».

Криминальное использование цифровых технологий, нарушающее безопасность людей, может не только ограничить их дальнейшее развитие, но и создать в обществе атмосферу страха, снижая уровень защищенности персональных данных, формируя недоверие ко всем телефонным звонкам, фото- и видеоконтенту в интернете. Ситуация осложняется тем, что «на человеческий голос не распространяется право собственности. В России использование чужой речи для создания похожего голоса прямо не запрещено законодательством. Имитация голоса, например, телефонными пранкерами, также не является нарушением и зависит скорее от содержания сказанного, которое может повлечь за собой уголовную ответственность» [2, с. 116].

Развитие технологии «Дипфейк» привело к тому, что даже профессиональные программы не всегда могут отличить поддельное видео от подлинного. Так, «в период с 3 марта по 12 июня

⁸ Спуфинг и дипфейки: бизнес под прицелом : Исследование MTS AI и Группы компаний Б1 // Б1 – Консалт : [сайт]. URL: <https://b1.ru/analytics/b1-mts-ai-deepfake-and-spoofing-threats-for-business-survey-2025/> (дата обращения: 27.01.2025).

2020 года компании «Майкрософт», «Фейсбук» и «Амазон» провели конкурс *Deepfake Detection Challenge* (DFDC) для демонстрации возможностей генерации поддельных видео, созданных с помощью голосовых или лицевых манипуляций, и их идентификации. В конкурсе приняли участие 2 114 экспертов, которые представили более 35 000 моделей для определения подделок. В результате были объявлены победители, однако выяснилось, что многие сгенерированные видео так и не удалось идентифицировать как поддельные»⁹.

Мы изучили экспертные мнения и научные разработки в этой области и пришли к обоснованному выводу о том, что технологии «Дипфейк» постоянно совершенствуются. Алгоритм подмены истинных данных на ложные постоянно улучшается, и существует риск, что в будущем новая версия такой технологии сможет в случае необходимости по заказу разработчика полностью скорректировать «нужным» образом все аудиозаписи и видеоизображения, размещенные в интернете. И здесь возникает угроза массовой манипуляции сознанием людей с помощью поддельных изображений, видеозаписей или голосов реальных людей, которая требует незамедлительного реагирования путем решения массы юридических, управленческих и моральных вопросов [3, с. 267; 4, с. 381]. В научной литературе в связи с этим высказываются мнения об опасности технологии «Дипфейк» для интересов государства в целом [5].

Итак, новая технология основана на современных алгоритмах искусственного интеллекта, таких как сеть кодер-декодер (*Encoder-Decoder*); конволюционная нейронная сеть (*Convolutional neural network*); генеративная состязательная сеть (*Generative adversarial network*); архитектура Pix2Pix; циклическая генеративная состязательная сеть (*CycleGAN*); рекуррентная нейронная сеть (*Recurrent neural network*) [6, с. 22]. Если раньше для того, чтобы скопировать голос человека, требовалось 20 минут записанной речи, то сегодня появилась методика, которая позволяет изменить речь, используя всего несколько произнесенных им слов. «Все более совершенный алгоритм GANS способен полностью автоматизировать процесс синтеза и подделки изображений, аудио и видео. Индивидуальные особенности голоса, мимики, движений тела и другие биологические маркеры, поведенческие черты могут быть успешно перенесены, создавая иллюзию подлинности», – утверждают специалисты [7, с. 119].

Преступления, связанные с незаконным использованием биометрических персональных данных, в отличие, например, от бытовых, не происходят спонтанно, они тщательно планируются и подготавливаются. Алгоритм действий потенциальных преступников при совершении самого распространенного «Дипфейк»-посягательства – мошенничества – сводится к реализации следующих этапов.

1. На первом этапе злоумышленники изучают цифровой профиль потенциальной жертвы, включая его фотографии, видеоизображения в социальных сетях, круг общения – по работе, дружбе или в микрогруппах, а также материальные возможности, основываясь на информации о путешествиях и покупках. Они оценивают кредитную историю потенциальной жертвы и вероятность одобрения банком кредита на большую сумму. Важно отметить, что эту информацию потенциальная жертва может неосознанно предоставить преступникам самостоятельно, совершая какие-либо операции в интернете. Кроме того, персональные данные могут быть скомпрометированы в органах и организациях, которые их собирают и хранят [8, с. 75].

2. На втором этапе с помощью искусственного интеллекта и психологических алгоритмов создается индивидуальный сценарий обмана потенциальной жертвы. В основе обмана лежит разработка вариантов эффективной коммуникации с потенциальной жертвы с применением технологии «Дипфейк». Для этого изучаются аккаунты руководителей, начальников, друзей и знакомых. Некоторые голосовые сообщения создаются заранее по сведениям, собранным о потенциальной жертве [9, с. 238].

3. Завершающим этапом является прямой контакт с потенциальной жертвой по телефону или видеосвязи, в ходе которого используются различные приемы психологической обработки. Для имитации в режиме реального времени голоса и изображения известного жертве человека применяются нейросети и технологии «Дипфейк». Схемы таких преступлений в целом схожи, их цель – получить доступ к денежным средствам жертвы [10, с. 379]. Тенденцией последнего времени стало использование хищения у жертвы денег в качестве преступления, обеспечивающего совершение другого преступления: жертву обманом путем заставляют совершить какие-либо преступные деяния в обмен на обещание вернуть похищенные деньги [11, с. 10].

Для определения характерных способов применения технологии «Дипфейк» в совершении преступлений с использованием подложных биометрических персональных данных нами было

⁹ Deepfake Detection Challenge (DFDC) // Deepfake Detection Challenge : [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20200112102819/https://deepfakedetectionchallenge.ai/> (дата обращения: 09.01.2025).

предпринято эмпирическое исследование (изучение приговоров судов общей юрисдикции¹⁰), которое позволило сформулировать наиболее типичные варианты действий с участием цифровых клонов физического лица.

1. Просьба о финансовой помощи. Преступники с помощью нейросети синтезируют голос члена семьи, родственника или коллеги, а затем по телефону передают просьбу о финансовой помощи в сложной жизненной ситуации (такой как болезнь, привлечение к ответственности, пожар или другая трагедия) [12, с. 34]. Особенно часто подобные провокации осуществляются в ночное время, когда люди, по большей части пожилые, наиболее уязвимы, что создает «благоприятные» условия для хищения их денежных средств.

2. Фальшивый видеоконтент. Преступники с помощью нейросети и технологии «Дипфейк» синтезируют голос, создаются поддельное фото или видеоизображение, на которых потенциальная жертва якобы совершает аморальные или даже преступные деяния. Затем с потенциальной жертвой связываются преступники, предлагающие «уничтожить» эту информацию за определенную плату. Подобный контент может использоваться не только для получения денег, но и для последующей дискредитации человека [13, с. 76]. Например, в ходе предвыборной агитации опубликованное в социальных сетях аморальное видео может опорочить любого кандидата или создать условия для манипулирования действиями жертвы под угрозой его распространения.

3. Обман в предпринимательской сфере. Преступники с помощью нейросети и технологии «Дипфейк» синтезируют голос и видеоизображение руководителя, который якобы дает подчиненному поручение о переводе денежных средств на определенный счет [14, с. 189]. При этом все поручения выдаются только в дистанционном формате, исключая непосредственный контакт с подчиненным, производящим перевод денег.

4. Взлом платежных систем. Преступники с помощью технологий 3D-печати и 3D-масок, которые открывают абсолютно новые возможности для взлома платежных систем, подделывают реалистичное биометрическое изображение лица жертвы в реальном времени. Поскольку в современных платежных системах активно внедряются инструменты из разряда «Плати улыбкой», лицо каждого гражданина, подключившего эту функцию, становится ключом к его счету в платежных приложениях. «Бесконечные атаки на платформы онлайн-кредитования, супермаркеты, мобильные телефоны, которые имеют низкий коэффициент информационной безопасности, наносят всем субъектам значительный материальный ущерб» [8, с. 76]. В связи с этим особое внимание заслуживает нововведение, внесенное Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 521-ФЗ¹¹, в соответствии с которым в России до 15 июля 2025 г. должны быть реализованы меры, направленные на обеспечение в рамках экспериментального правового режима возможности банков проводить удаленную идентификацию клиентов, в т. ч. с использованием видео-конференц-связи [9, с. 216]. Однако пока остается неясным, будет ли эта идентификация учитывать возможность криминального участия в видеоконференции цифрового двойника реального человека.

5. Ложные конкурсы и розыгрыши. Преступники с помощью нейросети и технологии «Дипфейк» синтезируют голос и создают поддельное видеоизображение с участием известных людей (политиков, артистов), которые заманивают пользователей на фишинговый сайт, обещая выигрыши или призы за участие в какой-либо акции. Перед этим формируется множество ложных комментариев и аккаунтов, которые создают видимость независимого или альтернативного мнения, но на самом деле побуждают людей присоединиться к акции или поучаствовать в конкурсе. Как только пользователь переходит на фишинговый сайт, ему на устройство скачивается вредоносное программное обеспечение, открывающее преступникам доступ ко всем установленным на нем приложениям [15, с. 121].

Таким образом, создание с помощью нейросетей и технологии «Дипфейк» цифровых клонов физического лица может нести в себе серьезные риски. В первую очередь они касаются всех традиционных киберугроз: преступники могут использовать цифровую копию для мошенничества; шантажа; создания контента, дискредитирующего оригинал; звонков подчиненным от имени руководителей; взлома приложений финансово-кредитных организаций и т. д. Приведенные примеры позволяют сделать однозначный вывод о том, что условия, способствующие совершению преступлений, заключаются в несогласованности нормативного регулирования

¹⁰ Всего было изучено 300 приговоров судов общей юрисдикции, вынесенных в 2024 году, опубликованных на сайте «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)» (URL: <https://sudact.ru/regular/>).

¹¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 521-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8531.

использования и защиты биометрических персональных данных человека. Утрата или подделка таких данных может привести к необратимым последствиям.

Для исправления ситуации для начала требуется проработать вопрос нормативно-правового регулирования оборота биометрических персональных данных физического лица. Область их применения охватывает множество важных сфер: финансы, здравоохранение, образование, ретейл, электронную коммерцию и государственные услуги. Вместе с тем должен быть обеспечен высокий уровень защиты такой информации. Однако в настоящее время даже сам термин «биометрические персональные данные физического лица» не имеет четкого законодательного закрепления. В Федеральном законе от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» п. 4 ст. 3 изложен следующим образом: «В единой биометрической системе размещаются и обрабатываются биометрические персональные данные следующих видов:

- 1) изображение лица человека, полученное с помощью фото- и видеоустройств;
- 2) запись голоса человека, полученная с помощью звукозаписывающих устройств»¹².

Соответственно, в качестве биометрических персональных данных в приоритете рассматриваются только голос и изображение лица, которые, как мы выяснили, при современном уровне развития технологий, позволяющем их копировать, не являются уникальными идентификаторами личности. Равно как и другие, не вошедшие в этот список биометрические характеристики (отпечатки пальцев, сетчатки глаза, биологические или поведенческие особенности), которые, как известно, можно подделать. На данный момент современные технологии пока не могут повторить лишь такие уникальные черты человека, как генетический код и рисунок вен, которые также не входят в список законодательно определенных биометрических персональных данных, позволяющих достоверно идентифицировать личность.

Кроме того, в законодательстве нет единого подхода к характеристикам голоса и изображения лица человека, пригодным для его идентификации. В январе 2025 года был опубликован проект приказа о внесении изменений в приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации № 453 от 12 мая 2023 г. В этом документе ранее уже были изменены правила обработки биометрических персональных данных и введены новые технические параметры: увеличена неравномерность яркости изображения лица в области щек и носа с 0,3 до 0,6 единиц измерения; переработаны требования к детализации черт лица, длине чистой речи голоса и содержанию произносимых сообщений. Причем п. 11, 12 и 13, которые уже подвергались коррекции, сейчас содержат достаточно строгие требования к параметрам биометрических персональных данных для размещения и хранения их в Единой биометрической системе. В этих пунктах присутствуют слова «должен» и «должно», что указывает на то, что несоответствие перечисленным параметрам может привести к отклонению системой собранных биометрических данных. Работу по ужесточению правил сбора и обработки биометрических персональных данных планируется продолжить. Нормативное регулирование работы Единой биометрической системы осуществляется на основании Указа Президента Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 693¹³ и постановления Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2022 г. № 2326¹⁴, функции единого оператора Единой биометрической системы выполняет АО «Центр биометрических технологий», в качестве партнеров в этой системе выступают ПАО «Ростелеком», Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России) и Центральный банк Российской Федерации.

Итак, в соответствии с приказом Минцифры России № 453, «если в ходе контроля качества, проводимого банками, многофункциональными центрами и другими организациями,

¹² Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 19.

¹³ Об определении организации, обеспечивающей развитие цифровых технологий идентификации и аутентификации : Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 693 // СЗ РФ. 2022. № 40. Ст. 6791.

¹⁴ О возложении на акционерное общество «Центр Биометрических Технологий» функций оператора единой информационной системы персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица, а также о признании утратившими силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2018 г. № 293-р и пункта 4 изменений, которые вносятся в акты Правительства Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 24 июня 2021 г. № 982 : постановление Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2022 г. № 2326 // СЗ РФ. 2022. № 52. Ст. 9598. Документ утратил силу.

будет выявлено несоответствие параметров биометрических персональных данных требованиям, указанным в пунктах 11 и 13, такие биометрические персональные данные не будут переданы в Единую биометрическую систему»¹⁵. Получается, что биометрические персональные данные могут быть собраны, обработаны, но не приняты Центром биометрической технологии. При этом в приказе не прописан механизм их утилизации. Подобный пробел обладает серьезным криминальным потенциалом, поскольку открывает широкие возможности для хищения или незаконного использования биометрических персональных данных, которые были отклонены Центром биометрической технологии и не вошли в Единую биометрическую систему.

Таким образом, несмотря на наличие множества нормативных правовых актов, посвященных защите персональных данных, а также технологических разработок, направленных на обеспечение их безопасности, проблему использования подложных биометрических персональных данных для совершения преступлений с применением нейросетей и технологии «Дипфейк» решить пока не удастся. Поддельный контент не только вводит в заблуждение граждан, но и активно используется в различных преступлениях, что снижает уровень защиты биометрических персональных данных. При создании поддельных фотографий, аудиозаписей и видеоизображений потенциальные преступники не получают согласия на использование указанных биометрических персональных данных человека, следовательно, они фактически нарушают его личные неимущественные права. В связи с этим создание фальшивого контента и его последующее использование в криминальных целях должно быть законодательно запрещено, а за нарушение этого запрета должна наступать ответственность.

В целях обеспечения выполнения перечисленных требований, на наш взгляд, стоит внести изменения в действующую редакцию Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁶ (далее – УК РФ), дополнив ее новой нормой, предусматривающей уголовную ответственность за невыполнение установленных правил в этой сфере – ч. 61 ст. 272¹ УК РФ «Незаконное создание и (или) передача, использование аудио, видео, голосовых материалов, сгенерированных с помощью нейронной сети на основе биометрических персональных данных физического лица, полученных без его согласия». Подобные изменения не подменяют собой ч. 6 ст. 272¹ УК РФ, где объектом защиты выступает вся компьютерная информация, содержащая персональные данные. Они лишь создают новые профилактические возможности для защиты биометрических персональных данных на стадии подготовки к совершению другого более тяжкого преступления. Причем вопрос об уголовной ответственности за использование поддельных биометрических персональных данных неоднократно поднимался на уровне законопроектов. В частности, в законопроекте № 718538-9¹⁷ было предложено сделать незаконную генерацию биометрических персональных данных физического лица с помощью нейронной сети квалифицирующим признаком нескольких составов преступлений, а в законопроекте № 718834-8¹⁸ предлагалось закрепить правовой статус голоса и изображения человека в виде личного неимущественного права. Оба законопроекта находятся на стадии рассмотрения, но в заключениях правового управления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации уже имеются отрицательные аргументы, которые могут негативно сказаться на перспективе принятия данных документов.

В предлагаемой нами новой ч. 61 ст. 272¹ УК РФ компьютерная информация, сгенерированная с помощью нейронной сети на основе незаконного доступа к биометрическим персональным данным физического лица, может выступать только в качестве дополнительного объекта преступления, ведь подмена таких сведений о личности в качестве основного объекта подразумевает посягательство на права и свободы физического лица, а именно, его биометрические

¹⁵ О порядке обработки биометрических персональных данных и векторов единой биометрической системы в единой биометрической системе и в информационных системах аккредитованных государственных органов, Центрального банка Российской Федерации в случае прохождения им аккредитации, организаций, осуществляющих аутентификацию на основе биометрических персональных данных физических лиц : приказ Минцифры России от 12 мая 2023 г. № 453 (ред. от 29.11.2023) (зарег. в Минюсте России 30.05.2023, № 73620) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305310045> (дата обращения: 09.01.2025).

¹⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹⁷ Законопроект № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (далее – СОЗД ГАС «Законотворчество») : [официальный сайт]. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 09.01.2025).

¹⁸ Законопроект № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (об охране голоса) // СОЗД ГАС «Законотворчество» : [официальный сайт]. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8> (дата обращения: 09.01.2025).

персональные данные. Нарушение личных неимущественных прав происходит здесь на стадии создания и последующего использования поддельных аудиозаписей и видеоизображений, что не охватывается ч. 6 ст. 272¹ УК РФ, в которой ответственность предусмотрена за «Создание и (или) обеспечение функционирования информационного ресурса (сайта в сети „Интернет” и (или) страницы сайта в сети „Интернет”, информационной системы, программы для электронных вычислительных машин), заведомо предназначенного для незаконных хранения, передачи (распространения, предоставления, доступа) компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной незаконным путем»¹⁹. Следовательно, в ч. 6 ст. 272¹ УК РФ речь идет только о подлинных персональных данных, а не о заведомо поддельных, сгенерированных с помощью нейронной сети.

3 заключение

Для обеспечения безопасности биометрических персональных данных необходима надежная и достоверная система правовых и технических средств. Решить данную проблему, по мнению законодателей, можно, введя тотальную аутентификацию всех пользователей в цифровой среде, когда каждый компьютер и аккаунт будет зарегистрирован на конкретного человека, чья личность подтверждена двухфакторной системой. Подобный подход исключает анонимность, следовательно, гарантирует абсолютную прозрачность всех действий в интернете. Кроме этого необходимо законодательно регламентировать понятийный аппарат и прописать основные правила использования нейросетей и технологии «Дипфейк», в частности, определить, какие изображения граждан, созданные нейросетями, можно использовать без разрешения обладателя биометрических персональных данных, а какие – только с его согласия. Одновременно нужно полностью исключить использование цифровых клонов в новостных передачах и социальных сетях, где затрагиваются вопросы защиты личности, общества и государства, а также экономические интересы страны. Следует прописать правила использования таких технологий для обеспечения общественной безопасности (например, для распознавания лиц с использованием комплекса «Безопасный город»). В таких случаях контент должен быть промаркирован соответствующей меткой. Признавая неизбежность научно-технического прогресса и внедрения новых разработок в нашу жизнь, считаем, что лишь законодательными или техническими мерами обеспечить полную безопасность биометрических персональных данных вряд ли удастся. Необходимо в перспективе разработать концепцию эффективной защиты биометрических персональных данных, на основе которой будет осуществляться скоординированная деятельность всех заинтересованных лиц и организаций в этом направлении.

Список источников

1. Милованова М. М., Шурухнов В. А. Кибермошенничество: взаимосвязь способа совершения преступления и личности преступника // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2024. № 2 (44). С. 63–71; <https://doi.org/10.54217/2411-1627.2024.44.2.006>.
2. Добробаба М. Б. Дипфейки как угроза правам человека // *Lex Russica*. 2022. Т. 75, № 11 (192). С. 112–119; <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119>.
3. Желудков М. А. Изучение влияния новых цифровых технологий на детерминацию мошеннических действий (технология deepfake) // *Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных вызовов обществу : сборник трудов по материалам всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием, г. Саратов, 16 октября 2020 г.* Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2021. С. 262–270.
4. Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. 2020. Т. 7, № 4. С. 379–386; <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-4-379-386>.
5. Киселев А. С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция*. 2021. № 3. С. 54–64; <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2021-3-54-64>.
6. Ли Я. Использование технологии «дипфейк» в Китае: проблемы правового регулирования и пути их решения // *Lex Russica*. 2024. Т. 77, № 11 (216). С. 21–31; <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.216.11.021-031>.
7. Свиридова Е. А. Правила использования технологий дипфейк в праве США и КНР: адаптация зарубежного опыта правового регулирования // *Современное право*. 2024. № 3. С. 119–123; <https://doi.org/10.25799/NI.2024.96.67.019>.
8. Поздняк И. Н. Цифровые угрозы в современном мире: технология deepfake // *Судебная экспертиза Беларуси*. 2024. № 2 (19). С. 72–77.
9. Виноградов В. А., Кузнецова Д. В. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк» // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2024. № 2. С. 215–240; <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.2.215.240>.
10. Купка И. П., Щербakov С. С. Дипфейк как информационное оружие современности // *Динамика медиасистем*. 2023. Т. 3, № 1. С. 375–381.

¹⁹ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

11. Алексеева А. П., Белокобыльская О. И. Виды преступности, обеспечивающие совершение других преступлений, и возможности их предупреждения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (76). С. 9–15.
12. Климова Я. А. Криминалистический анализ преступлений, совершенных с использованием дипфейк-технологии // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (76). С. 29–35.
13. Голятина С. М. Криминалистическое прогнозирование дистанционного мошенничества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 75–80.
14. Захаров Н. Д. Правовые основы регулирования отношений в информационно-телекоммуникационных сетях в Российской Федерации в рамках противодействия преступности (часть 1) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 181–190.
15. Захаров Н. Д. Правовые основы регулирования отношений в информационно-телекоммуникационных сетях в Российской Федерации в рамках противодействия преступности (часть 2) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 119–127.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-170-178>

Организованная этническая преступность: понятие и механизмы образования

Александр Николаевич Игнатов, доктор юридических наук, профессор

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117997, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация
aleksandrignatov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0976-167X>

Аннотация:

Введение. В статье на основе анализа содержательных характеристик и конституирующих признаков предложено понятие организованной этнической преступности, обосновано выделение ее в качестве отдельного вида преступности, который образует деятельность преступных объединений, формирующихся по этническому признаку. Сделан акцент на том, что не сам факт принадлежности лиц, участвующих в организованных формах преступной деятельности, к определенному этносу позволяет выделить вид организованной этнической преступности, а осознание данными лицами этнической принадлежности как фактора формирования преступного объединения и осуществления преступной деятельности. Существование организованной этнической преступности определяется участием лиц в совместной преступной деятельности исходя из групповой этнической принадлежности, определяющей внутригрупповое единство на основе этнической самокатегоризации и противопоставлении группы другим общностям, а также принятия ценностей и норм, традиций и обычаев этнической группы, в т. ч. криминальных, определяющих образ окружающего мира и место индивида (группы) в нем. Цель данной статьи составляет вербализация понятия организованной этнической преступности и установление механизмов ее формирования.

Методы. В основе исследования лежит всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений во всей полноте взаимосвязей общественных отношений, в т. ч. связей между уровнем организации преступной деятельности и личностью преступника, а также совокупность общенаучных (анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, системный метод и др.) и частнонаучных (формально-юридический, логический, статистический, контент-анализ средств массовой информации и сети «Интернет» и др.) методов познания.

Результаты. Сформулировано понятие организованной этнической преступности и установлены механизмы ее формирования. В зависимости от механизма образования необходимо выделять криминальные объединения, формирующихся по этническому признаку, классического (традиционного), смешанного и сетевого типов. Рассмотрены характеристики каждого типа рассматриваемых объединений.

Ключевые слова:

преступность, организованные формы, этнос, личность преступника, преступное объединение

Для цитирования:

Игнатов А. Н. Организованная этническая преступность: понятие и механизмы образования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 170–178. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-170-178>.

Статья поступила в редакцию 18.01.2025;
одобрена после рецензирования 26.05.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Organised ethnic crime: concept and mechanisms of formation

Aleksandr N. Ignatov, Dr. Sci. (Jurid.), Professor

Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation
aleksandrignatov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0976-167X>

Abstract:

Introduction. The article proposes the concept of organised ethnic crime on the basis of the analysis of content characteristics and constitutive features. It is substantiated the allocation of it as a separate type of crime, which forms the activities of criminal

Keywords:

crime, organised forms, ethnicity, criminal personality, criminal association

© Игнатов А. Н., 2025

associations formed on ethnic grounds. The emphasis is made on that it is not the fact of belonging of persons involved in organised forms of criminal activity to a certain ethnicity that allows to identify a type of organised ethnic crime, but the awareness of these persons of ethnic belonging as a factor in the formation of a criminal association and the implementation of criminal activity. The existence of organised ethnic crime is determined by the participation of individuals in joint criminal activity on the basis of group ethnicity, which determines intragroup unity on the basis of ethnic self-categorisation and opposition of the group to other communities, as well as the adoption of values and norms, traditions and customs of the ethnic group, including criminal ones, which determine the image of the surrounding world and the place of the individual (group) in it.

The purpose of this article is to verbalise the concept of organised ethnic crime and to establish the mechanisms of its formation.

Methods. The research is based on the universal dialectical method of cognition of socio-legal phenomena in the entirety of interrelations of social relations, including the relationship between the level of organisation of criminal activity and the personality of the offender. A set of general scientific (analysis and synthesis, induction and deduction, abstraction, system method, etc.) and private scientific (formal-legal, logical, statistical, content analysis of mass media and the Internet, etc.) methods of cognition were used as well.

Results. The concept of organised ethnic crime has been formulated and the mechanisms of its formation have been determined. Depending on the mechanism of formation it is necessary to distinguish criminal associations formed on ethnic grounds, of classical (traditional), mixed and network types. The characteristics of each type of the considered associations are considered.

For citation:

Ignatov A. N. Organised ethnic crime: concept and mechanisms of formation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 170–178. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-170-178>.

The article was submitted January 18, 2025;
approved after reviewing May 26, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Одной из наиболее негативных тенденций развития преступности являются ее организованные формы. Серьезной проблемой для государства является рост организованной преступности, имеющей тесную взаимосвязь с социально-экономическими условиями жизни, а также с миграционными и иными глобальными геополитическими процессами.

Понятие этнической преступности, в т. ч. ее организованных форм, широко используется в доктрине, правоприменительной практике и практической деятельности в сфере противодействия преступности. При этом имеет место плюрализм в понимании данного феномена и подходах к его исследованию, что влечет за собой отсутствие системности в практике превентивного воздействия. Сказанное касается как определения понятия организованной этнической преступности, так и понимания механизмов ее образования, что в современных условиях трансформации мироустройства имеет существенное теоретико-прикладное значение.

Во всем множестве характеристик преступности как массового, системного, криминального (уголовно запрещенного) поведения части членов общества, интегрирующим фундаментальным признаком, определяющим системную целостность данного феномена, выступает противоправное (уголовно наказуемое) поведение человека как биосоциального существа [1]. Преступное поведение, как и другие формы поведения человека, могут реализовываться как единолично, так и коллективно. Исходя из данного свойства, можно выделять групповые и организованные формы преступного поведения.

Организованная преступность в зависимости от целей исследования и уровня анализа может рассматриваться в широком диапазоне проявлений – от отдельных организованных форм преступной деятельности, определяемых уголовным законом, до сплоченной системы криминальных сообществ, функционирующей на уровне страны, региона, мира [2, с. 54–55].

В широком понимании организованную преступность можно определить как сложные виды коллективной криминальной деятельности, осуществляемой устойчивыми сплоченными, внутренне структурированными объединениями (сообществами), получающими материальную прибыль и приобретающими власть посредством создания и эксплуатации рынков незаконных услуг и товаров, а также легализации доходов, полученных преступным путем.

Методы

В основе исследования лежит всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений во всей полноте взаимосвязей общественных отношений, в т. ч. связей между уровнем организации преступной деятельности и личностью преступника, а также совокупность общенаучных (анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, системный метод и др.) и частнонаучных (формально-юридический, логический, статистический, контент-анализ средств массовой информации и сети «Интернет» и др.) методов познания.

Результаты

При определении отдельных видов преступности одним из традиционных подходов в криминологии является использование критерия личности преступника. При этом используется как непосредственно криминологический аспект данного классификационного критерия (личность преступника и ее характеристики), так и уголовно-правовой, т. е. специфика (признаки) субъекта преступления. Обоснованность применения данного критерия определяется ключевой ролью личности преступника в детерминации и механизме реализации преступного поведения. Личность преступника может обладать объективно присущими ей специфическими признаками (в т. ч. определяемыми уголовным законом – признаки специального субъекта), которые существенным образом определяют специфику преступного поведения и, соответственно, характер совершаемых преступлений.

Одним из признаков личности преступника, позволяющим выделять отдельный вид организованной преступности, является этническая принадлежность преступника, выступающая интегрирующим фактором коллективной (совместной) преступной деятельности.

При выделении организованной этнической преступности, по нашему мнению, следует исходить из понимания этноса как «исторически сложившейся на определенной территории устойчивой совокупности людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (в т. ч. языка), а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), зафиксированным в самоназвании (этнониме)»¹. Одной из ключевых характеристик этноса является, как отмечает большинство исследователей, этническое самосознание (этнический менталитет)², поскольку «этносы становятся реальностью тогда, когда появляется ощущение внутригруппового единства в противопоставлении с другими, окружающими их общностями, т. е. формируется этническое самосознание»³.

Организованную этническую преступность образует деятельность преступных объединений, формирующихся по этническому признаку, т. е. из числа представителей определенного этноса (родственных этносов). Фактический состав таких объединений может быть и смешанным, а их этническая принадлежность определяется доминирующим (занимающим лидирующее положение) этносом. Необходимо понимать, что не сам факт принадлежности лиц, участвующих в организованных формах преступной деятельности, к определенному этносу позволяет выделить вид организованной этнической преступности, а осознание данными лицами этнической принадлежности – как фактор формирования преступного объединения и осуществления преступной деятельности.

Как подчеркивает А. П. Писаренко, «этническая идентичность – это осознание индивидом принадлежности к определенному этносу, наличие типичных для его представителей качеств. Понятие этнической идентичности не эквивалентно понятиям “этничность” и “этническая принадлежность”» [3, с. 84]. Этничность определяет не только и не столько биологический фактор, сколько социокультурные феномены. С точки зрения метафизической методологии, «межэтнические отношения регулируются внеправовыми социальными нормами, а их соблюдение обеспечивается институтами, сложившимися в системе этноса» [4]. В свою очередь, как пишет Е. И. Фойгель, «особенности этнизации – социализации в условиях определенного этноса или этнической общности неизбежно влекут за собой усвоение норм и правил поведения, ценностей, мотивов, а также особенностей анализа, восприятия и оценки информации» [5, с. 111]. Исходя из сказанного, следует учитывать, что «этнический фактор» может проявляться как в механизме формирования криминальных объединений, так и непосредственно в механизме преступности деятельности⁴.

Таким образом, существование организованной этнической преступности определяется участием лиц в совместной преступной деятельности, исходя из: 1) групповой этнической принадлежности, определяющей внутригрупповое единство на основе этнической самокатегоризации и противопоставления группы другим общностям; 2) принятия ценностей и норм, традиций и обычаев этнической группы, в т. ч. криминальных, определяющих образ окружающего мира и место индивида (группы) в нем.

¹ Садохин А. П., Грушевидная Т. Г. Этнология : учебник. Москва : Academia, 2000. С. 158.

² Вартанян В. М. Уголовная ответственность за геноцид : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 158.

³ Кравченко С. А., Мнацаканян М. О., Покровский Н. Е. Социология: парадигмы и темы : [Курс лекций для вузов]. Москва : МГИМО-университет, 1997. С. 219

⁴ Чехходзе Р. Г. Этнические аспекты преступности : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1999. С. 8.

Сказанное позволяет определить организованную этническую преступность как массовое, системное, криминальное (уголовно запрещенное) поведение, реализуемое в организованных формах в деятельности криминальных (преступных) объединений, формирующихся по этническому признаку.

Организованной этнической преступности присущи общие черты, свойственные всем видам организованной преступности в целом, а также специфические черты, определяемые этническим фактором [6; 7]. Этнический фактор формирования преступного объединения и осуществления преступной деятельности проявляется в том, что такого рода криминальные объединения отличаются максимальной сплоченностью и консолидацией усилий их членов, конспиративностью деятельности и латентностью совершаемых преступлений. Этому способствует наличие помимо общих криминальных целей и интересов также родовых (в т. ч. родственных), тухумных, клановых связей между членами преступного объединения, соответственно, разделяемых ими норм и правил поведения, ответственности за их нарушение. Кроме того, во многих случаях этническая идентичность неразрывно связана с религиозным фактором.

Религиозный фактор может влиять не только на формирование организованных преступных объединений, но и на организацию и тактику их преступной деятельности и определять специфику мер противодействия им [8; 9]. Радикализированная религиозность детерминирует этноцентризм (абсолютизацию ценностей и норм, традиций и обычаев этноса) и интолерантность (нетерпимость) к приверженцам других религий, представителям иных этносов или обществу в целом. Указанный фактор существенно затрудняет выявление и пресечение, а также доказывание преступной деятельности организованных этнических криминальных объединений, поскольку в данном случае имеет место не просто противостояние представителей криминалитета правоохранительной системе, а противостояние «врагу».

Именно система «ценностей» этнической группы во многом позволяет преступным объединениям, формирующимся по этническому признаку, избегать и успешно противодействовать социальному контролю. Характерные для организованной преступности коррупционные и иные защитные механизмы [10] в данном случае дополняются социальными механизмами защиты системы общих этнорелигиозных ценностей. Этническая общность позволяет не только успешно устанавливать контакты с представителями государственной власти и правоохранительных органов, но и манипулировать их сознанием и поведением.

С указанным фактором наряду с социально-экономическими условиями и нестабильной внешнеполитической обстановкой, создающими благоприятную почву для различного рода коррупционных злоупотреблений в сфере миграционных отношений, связан существенный рост числа преступлений, совершенных должностными лицами в составе организованных групп или преступных организаций (преступных сообществ), сформированных по этническому принципу⁵.

При исследовании организованной этнической преступности непосредственное значение имеет этнический состав криминальных объединений, определяемый как в зависимости от конкретной этнической принадлежности их членов, так и от их моно- или полиэтничности.

Учитывая влияние миграционных процессов на организованную, в т. ч. этническую преступность, необходима классификация криминальных объединений, формирующихся на этнической основе, в зависимости от гражданства их членов. Так, применительно к нашему государству следует выделять этнические криминальные объединения, которые образуются: гражданами России, гражданами ближнего зарубежья (Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Узбекистан, Украина и др.) и гражданами дальнего зарубежья (Африка, Вьетнам, Китай, Корея и др.). В зависимости от целей исследования целесообразно в рамках данной классификации выделять также объединения, образуемые выходцами из стран постсоветского пространства и стран Европы.

В зависимости от локализации (масштабов, уровня) преступной деятельности следует выделять организованную этническую преступность: регионального, государственного, международного и транснационального уровня. Наличие этнических (родовых и пр.) связей и коммуникации, в зависимости от формы и численности криминального объединения, позволяют вести криминальную деятельность самых различных масштабов.

Как подчеркивают специалисты, этнические связи позволяют криминальным объединениям поддерживать коммуникацию не только с родиной, но и представителями этноса (земляками),

⁵ Сводный отчет по России «О результатах борьбы с организованной преступностью» (Ф. 582 кн. 1) : Данные ГИАЦ МВД России за 2021–2023 гг. // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: https://xn--blaew.xn--plai/%D0%BE%D1%82%D0%BA%D1%80%D1%8B%D1%82%D1%8B%D0%B5-%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5/772739372-MVD_GIAC_3.6 (дата обращения: 08.01.2025).

проживающими в других странах, обеспечивая устойчивые транснациональные связи. Кроме того, на основе этнических связей происходит объединение этнических преступных групп, действующих на одной территории, в этнические преступные сообщества [11; 12].

Необходимо учитывать и то, что для организованной этнической преступности значимым фактором является «ареал» функционирования криминальных объединений. Тот факт, функционирует ли преступное объединение, сформированное по этническому признаку, на территории проживания его членов или же на иной территории во многом определяет их структуру и характер преступной деятельности, специфику взаимодействия с местным населением, в т. ч. криминалитетом и, соответственно, специфику деятельности правоохранительных органов по противодействию им.

Характерной особенностью организованной преступности, в частности, этнической, является специализация на определенных видах криминальной деятельности. Для организованной этнической преступности характерны самые разнообразные сферы и виды криминальной деятельности: нелегальный оборот наркотиков, торговля оружием, вымогательство, торговля людьми, хищения, заказные убийства, нелегальная миграция, оборот контрафактной продукции, незаконные азартные игры, контрабанда редких животных и культурных ценностей, отмывание денег, финансовое мошенничество, киберпреступность и пр.

Непосредственно со специализацией криминальных формирований связан такой аспект, как профессиональная преступная деятельность. Как полагает С. В. Иванцов, организованная профессиональная преступность является «венцом» и источником эволюции криминалитета [13]. От уровня криминального профессионализма зависит длительность и успешность преступной деятельности [14, с. 14]. Исследования показывают, что «профессиональная преступная деятельность предполагает владение и использование преступником специфическими (узкопрофессиональными) знаниями, умениями, навыками и компетенцией по осуществлению определенных видов преступной деятельности (криминальную специализацию) и определенный уровень развития криминальных способностей и наличие у преступника практического опыта соответствующей преступной деятельности (криминальную квалификацию)» [15]. Влияние криминального профессионализма на дифференциацию криминальной специализации определяет зависимость видов преступной деятельности, которую осуществляют преступные объединения, от наличия (вовлечения) в их рядах преступников-профессионалов. Данный фактор обуславливает наличие смешанных по своему составу криминальных объединений, формирующихся по этническому признаку.

Говоря о структуре криминальных объединений, формирующихся по этническому признаку, следует отметить отсутствие какой-либо единой унифицированной формы их организации. Структура, в рамках которой функционируют организованные этнические преступные сообщества, варьируется от преступных группировок до кланов, синдикатов, сетей и пр. [16]. Этнические преступные объединения «возникают и развиваются при поддержке или на базе диаспор и землячеств, а в некоторых случаях – при их непосредственном участии»⁶. Это во многих случаях определяет копирование организационной структуры диаспоры (землячества, анклава) в структуре преступного объединения. Следует отметить, что указанная проблема нашла отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 года, в которой подчеркивается, что обеспечение государственной и общественной безопасности требует в т. ч. и предупреждения формирования этнических и религиозных анклавов⁷.

Что касается механизма образования организованной этнической преступности, то специалисты, исходя из времени возникновения, выделяют две группы организованных этнических преступных формирований: традиционные – осуществляющие криминальную деятельность на протяжении десятилетий или сотен лет, а также возникшие в наши дни – формирования нового типа⁸. Во многом соглашаясь с данным предложением, считаем, что помимо временного фактора, необходимо учитывать и иные факторы и закономерности возникновения подобных объединений, деятельность которых на системном уровне образует феномен организованной этнической преступности.

На наш взгляд, в зависимости от механизма образования необходимо выделять следующие типы криминальных объединений, формирующихся по этническому признаку.

⁶ Касьяненко М. А. Криминологические особенности и основы противодействия организованной преступности с признаками этнической идентичности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. С. 14.

⁷ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

⁸ Кузнецов К. В. Криминологическая характеристика и предупреждение организованной этнической преступности : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. С. 20–47.

1. Классический (традиционный) тип криминальных объединений, формирующихся по этническому признаку.

Веками известна деятельность китайских этнических преступных формирований – «Триад», сформировавшихся из сообществ пиратов и работоторговцев, осуществляющих сегодня по всему миру торговлю оружием, наркотиками и биологическими ресурсами, организовывающих нелегальную миграцию и проституцию, азартные игры и занимающихся иными видами преступной деятельности. Не менее известна деятельность возникшей в семнадцатом веке из сообщества свободных самураев японской «Якудзы», насчитывающей ныне десятки преступных сообществ, осуществляющих по всему миру торговлю наркотиками и оружием, похищение и торговлю людьми, организацию проституции, азартных игр, а также торговлю на фондовых биржах и легализацию преступных доходов в легальных секторах мировой экономики. Также к данному типу относятся классические криминальные объединения мафиозного (семейного) типа, деятельность которых получила распространение с начала девятнадцатого века. Ярким примером представителей итальянской мафии является сообщество «Коза Ностра», действующее в Испании, Западной Европе, Северной Америке и Южной Африке, Венесуэле и в основном специализирующееся на торговле наркотическими веществами, незаконных операциях на финансовых рынках и легализации (отмывании) преступных доходов. К классическому (традиционному) типу организованных этнических преступных объединений также относятся широко известные мексиканские, ирландские, африканские и иные этнические преступные формирования.

Отличительными характеристиками криминальных объединений данного типа являются: глубокие исторические корни формирования; классическая жестко иерархическая структура с вертикальным, реже вертикально-горизонтальным подчинением лидеру при жесткой субординации; транснациональный характер деятельности; историческая преемственность этнических ценностей и морально-этических норм поведения, следование определенному кодексу чести, в том числе относительно допустимости различных видов преступной деятельности; неоднозначное отношение со стороны соотечественников, в т. ч. в связи с исторической (защита населения от разбойников в прошлом, борьба с уличной преступностью сегодня – «Якудза», партизанская борьба с маньчжурами – «Триады», борьба с фашистскими захватчиками – «Коза Ностра» и пр.) и социально-политической ролью в жизни общества.

2. Смешанный тип криминальных объединений, формирующихся по этническому признаку.

Появлению данного типа способствовали процессы глобализации, в т. ч. миграционные процессы, а также вмешательство в жизнь различных государств западных агрессоров. Примером организованных этнических криминальных формирований данного типа является деятельность этнических формирований, образовавшихся (распространившихся) после распада Югославии и осуществляющих криминальную деятельность на территории Черногории, Боснии и Герцеговины, Болгарии, Чехии, Швеции, Германии, а также Великобритании и США. Под влиянием указанных процессов сформировались и активно действуют, особенно в Западной Европе, нигерийские и иные западноафриканские этнические криминальные формирования, а также арабские преступные группы, формируемые выходцами из Сирии и Ирака [17].

Основные характеристики криминальных объединений данного типа существенно отличаются от объединений классического (традиционного) типа. Они утрачивают «традиционность» как структурного построения и качественного состава, так и специализации на определенных видах криминальной деятельности. Для них нехарактерно выстраивание и следование определенной модели взаимоотношения с населением и представителями криминального мира.

Одной из определяющих черт современной организованной преступности является тенденция отхода от «воровских» традиций и сращивание общеуголовной и экономической преступности⁹. Та же тенденция характерна и для преступных объединений данного типа, которые, обладая этнической организационно-функциональной спецификой, утрачивают характеристики, свойственные объединениям традиционного типа. Результатом таких трансформаций стало появление объединений, формирующихся по этническому признаку, но смешанных по составу.

Для преступных объединений данного типа характерна ориентация на любые доступные виды преступной деятельности от общеуголовных преступлений до высокотехнологичных видов преступной деятельности, что определяет вовлечение в деятельность данных криминальных объединений различных лиц и групп лиц, а также коллаборацию с иными элементами организованной преступности.

⁹ Ахмедов А. Г., Бозиев Т. О. Организованная этническая преступность: оперативно-розыскная характеристика, тенденции, вопросы, требующие разрешения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 89–97; Ахмедов А. Г., Жидков А. С. Оперативно-розыскная характеристика преступлений, совершаемых этническими преступными сообществами // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3. С. 144–150.

В свою очередь неразборчивость в видах и способах преступной деятельности, ориентация исключительно на получение доходов и власти обуславливает взаимодействие данных сообществ с населением исключительно на его устрашении. Это касается и взаимоотношений с населением родной страны – с одной стороны, этнические связи позволяют пополнять ряды сообщества и осуществлять необходимую коммуникацию в самых разных масштабах, с другой стороны, примитивно криминальная направленность деятельности таких преступных объединений существенно ограничивает их поддержку со стороны земляков. При этом во многих случаях сохраняется опора этнического сообщества в регионе пребывания на представителей диаспор и землячеств «обладающих в известных пределах властным и управленческим влиянием, способных обеспечивать безопасность и функционирование механизма преступных связей» [18].

3. Сетевой тип криминальных объединений, формирующихся по этническому признаку.

Переживаемый сегодня человечеством структурно-цивилизационный кризис и формирование новых цивилизационно-политических конгломератов непосредственно влияют на трансформации организованной этнической преступности. Влияние глобализации во всех ее проявлениях, а также интенсивные геополитические процессы, в т. ч. создание западными агрессорами новых и управление имеющимися очагами напряженности и нестабильности, религиозные и межнациональные конфликты, военные конфликты, обусловили эволюционные трансформации преступности, прежде всего ее организованных форм. Под воздействием данных факторов происходит миграция криминалитета, а также радикально настроенных лиц, в том числе участников различных экстремистских и террористических объединений и их консолидация в местах пребывания. Указанные процессы обуславливают криминализацию и радикализацию вновь образуемых и уже существующих диаспор и землячеств и детерминирует их взаимодействие (от консолидации до открытого противостояния) с криминальными и радикальными объединениями из числа местного населения [19].

Данные факторы определяют принципиально новые тенденции образования и функционирования криминальных объединений, формирующихся по этническому признаку. В настоящее время наметилась тенденция отхода организованных этнических преступных формирований от совершения устоявшихся видов преступной деятельности и их вовлеченность в осуществление деструктивной деятельности, посягающей на основы конституционного строя и безопасность государства. Криминальная деятельность данных объединений смещается к полюсу экстремизма и терроризма, сохраняя при этом ориентацию на иные виды преступной деятельности, обеспечивающие (в случае полной радикализации) или позволяющее, с точки зрения материального и иного ресурсного обеспечения, наряду с получением доходов и власти, осуществлять экстремистскую и террористическую деятельность.

Что же касается механизма образования криминальных объединений данного типа, то вместо жесткой вертикали в данном случае имеет место сетевой тип внутриорганизационного построения.

Сетевые структуры по своей сути являются самоорганизующимися децентрализованными системами, формирование которых представляет собой гибрид матричной (наличием нескольких центров управления) и дивизионной (наличием нескольких однотипных структурных подразделений) организации. Данная система организационного построения позволяет обладать достаточной самостоятельностью ее подразделений (функционально или территориально типизированных, соответственно взаимодополняемых и взаимозаменяемых), благодаря чему практически неограниченно расширяться и оперативно адаптироваться под социальный контекст и местность. Сетевая структура дает возможность криминальному объединению оперативно консолидировать ресурсы и возможности ее подразделений, а большая самостоятельность последних и инициативность деятельности на местах позволяет при необходимости жертвовать локальной структурой исполнителей без снижения эффективности всей сетевой структуры [20]. При внутреннем единстве и устойчивости, обеспечиваемых этнической основой организации, сетевая организационная структура обеспечивает большую эффективность данного типа криминальных этнических объединений и их меньшую уязвимость к воздействию правоохранительной системы.

Следует учитывать, что современные информационно-коммуникационные технологии позволяют принципиально изменить механизм вовлечения лиц в организованные формы преступной деятельности. На смену необходимому ранее непосредственному «живому» общению, доверительным отношениям с вовлекаемым лицом пришло бесконтактное (в ряде случаев по сути анонимное) вовлечение лица в преступную деятельность. При этом этническая идентичность является фактором, позволяющим устанавливать общность интересов и ценностей и дистанционно выстраивать доверительные отношения как в процессе вовлечения лица в криминальное

объединение, так и в процессе дальнейшей коммуникации в рамках его функционирования.

При сетевом типе криминальных объединений, формирующихся по этническому признаку, сохраняется определяющая роль организационного центра. В данном случае речь идет об организационной деятельности отдельных представителей криминального мира, в т. ч. и руководства с родины [18]. В случае ориентации этнического преступного объединения на осуществление экстремистской и террористической деятельности данную роль выполняют различные геополитические акторы, от международных террористических организаций до руководства отдельных государств и транснациональных корпораций.

Одним из факторов, определяющих исключительную общественную опасность криминальных объединений сетевого типа, формирующихся по этническому признаку, является то, что современные технологии позволяют вовлекать в осуществление организованной преступной деятельности абсолютно разных лиц. При этом в отличие от объединений смешанного типа, в которых состав участников возможен лишь при определенных условиях, обусловленных этнической принадлежностью его «титального» состава, сетевая организация дает возможность дистанционного, в т. ч. анонимного, привлечения любого лица в качестве «преступника-дроба».

3 заключение

Под организованной этнической преступностью следует понимать массовое системное криминальное (уголовно запрещенное) поведение, реализуемое в организованных формах в деятельности криминальных (преступных) объединений, формирующихся по этническому признаку. Необходимо понимать, что не сам факт принадлежности лиц, участвующих в организованных формах преступной деятельности, к определенному этносу позволяет выделять вид организованной этнической преступности, а осознание данными лицами этнической принадлежности как фактора формирования преступного объединения и осуществления преступной деятельности.

Образующая организованную этническую преступность деятельность преступных объединений, формирующихся по этническому признаку, отличается максимальной сплоченностью и консолидацией усилий их членов, конспиративностью деятельности и латентностью совершаемых преступлений. Этому способствует наличие помимо общих криминальных целей и интересов также родовых (в т. ч. родственных), тукхумных, клановых связей между членами преступного объединения, соответственно, разделяемых ими норм и правил поведения, ответственности за их нарушение. Во многих случаях этническая идентичность неразрывно связана с религиозным фактором. Религиозный фактор и система «ценностей» этнической группы непосредственно влияют не только на формирование организованных преступных объединений, но и на организацию и тактику их преступной деятельности, позволяют избегать и успешно противодействовать социальному контролю.

Социально-экономические и геополитические факторы определяют эволюционные тенденции образования и функционирования трансформации организованной этнической преступности. В зависимости от механизма образования необходимо выделять криминальные объединения, формирующиеся по этническому признаку, классического (традиционного), смешанного и сетевого типов. Специфика организации и функционирования данных типов криминальных этнических объединений должны учитываться при разработке и реализации мер по предупреждению, выявлению, пресечению, документированию и расследованию совершаемых ими преступлений.

Список источников

1. Игнатов А. Н. Преступность как система // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 9. С. 97–104; <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-9-6>.
2. Иванцов С. В. Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении и предупреждении организованной преступности : монография / под ред. С. Я. Лебедева. Москва : ЮНИТИ, 2012. 287 с.
3. Писаренко А. П. Феномен «Этническая преступность» и его криминологическо-социологическая характеристика // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2016. № 2 (24). С. 84–86.
4. Лысенко И. С. Межэтнические и межнациональные отношения. Социально-философский анализ понятий // Современные проблемы науки и образования : сетевое издание. 2013. № 6. С. 998. <https://doi.org/10.17513/spno.2013.6>.
5. Фойгель Е. И. Использование информации об этнических характеристиках личности при реализации стратегий противодействия преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 106–114. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(1\).106-114](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1).106-114).
6. Куликов А. В., Шелег О. А. К вопросу о понятиях организованной этнической преступности и организованных этнических преступных групп // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (46). С. 15–18.

7. Иванов П. И. Об организованной экономической преступности и этнической ее составляющей // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2 (230). С. 290–298. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_2_290
8. Богданов А. В., Ильинский И. И., Иванцов С. В., Хазов Е. Н. Роль оперативных подразделений криминальной полиции по предупреждению и раскрытию преступлений в сфере незаконной миграции на территории современной России // Международный журнал конституционного и государственного права. 2016. № 2. С. 110–114.
9. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Терроризм и экстремизм как одна из мировых проблем борьбы с преступностью // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 231–236.
10. Иванцов С. В. Организованная преступность в системе криминально-экономических отношений // Российский криминологический взгляд. 2012. № 1. С. 375–380.
11. Грибунов О. П., Баских Е. И. Криминологическая профилактика преступлений, совершаемых организованными преступными группами, созданными на этнической основе // Российский следователь. 2013. № 22. С. 23–25.
12. Грибунов О. П., Баских Е. И. Этническая организованная преступность в транспортной сфере // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 120–124.
13. Иванцов С. В. Криминальный профессионализм в системе российской организованной преступности и вопросы его предупреждения органами внутренних дел // Человек: преступление и наказание. 2008. № 3 (62). С. 181–186.
14. Воронин Ю. А. Криминальный профессионализм: современные тенденции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18, № 1. С. 13–17. <https://doi.org/10.14529/law180102>.
15. Гринберг С. А. Классификация организованных форм профессиональной преступной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2021. № 4. С. 110–114. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2021-4-110-114>.
16. Кетенчиева Е. С. Этнические преступные группировки как часть организованной транснациональной преступности / Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : материалы всероссийской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 4 декабря 2020 г. / сост. А. А. Сарсенова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 101–103.
17. Кузнецов К. В. Особенности формирования и реализации криминальной деятельности организованных этнических преступных формирований в зарубежных странах (на примере наиболее влиятельных этнических преступных сообществ и группировок) // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 61–66.
18. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Причины и условия появления и распространения преступности в молодежной среде экстремистской и террористической направленности // Криминологический журнал. 2019. № 2. С. 18–22.
19. Игнатов А. Н. Влияние геополитических факторов на преступность // Вестник экономической безопасности. 2023. № 6. С. 59–63. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2023-6-59-63>.
20. Игнатов А. Н. Современные экстремизм и терроризм и их трансформации в условиях смены миропорядка // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 71–76. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-71-76>.

Научная статья

УДК 343.01

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-179-186>

Понятие категории «ответственность» в уголовном и уголовно-исполнительном праве

Алексей Александрович Кузнецов, кандидат юридических наук, доцент

Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
Сочи (354000, Краснодарский край, ул. Дагомысская, д. 42), Российская Федерация

omsklaw07@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-7894-338X>

Аннотация:

Введение. Современная уголовно-правовая доктрина представляет собой довольно изолированную систему знаний относительно четко обозначенного блока проблем, находящихся либо строго в пределах сферы действия уголовного законодательства, либо на стыке с другими отраслями права, в частности, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным. Отсюда, несмотря на более чем тысячелетнюю историю своего развития, многие категории уголовного права не выходят за пределы его содержания, хотя изначально содержат серьезный межотраслевой потенциал. Ответственность – одна из таких категорий, способность которой пронизывать несколько сфер правового регулирования не вызывает каких-либо сомнений.

Методы. Для достижения целей исследования применялись различные научные методы: материалистическая диалектика как универсальный метод познания, общенаучные методы познания (системно-структурный, анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический метод в сочетании с герменевтическим, а также частнонаучные методы, такие как сравнительно-правовой, метод правового моделирования и экстраполяции, опросы и анкетирование, как разновидность социологического метода.

Результаты. Выстраивание единого механизма государственного принуждения без его искусственного деления возможно именно за счет тех возможностей, которые заложены в самой идее государственного насилия над теми, кто допускает возможность общественно опасного поведения. В отличие от объединенного Запада и той концепции, которая была в нем заложена уже довольно давно, а сейчас реализуется лишь на новом уровне, в российской доктрине, законодательстве и, соответственно в общественном сознании доминируют несколько иные идеи к заявленной проблеме. Во многом, в том числе и исторически, это проявляется именно через отношение общества к ответственности, наказанию, репрессии, каре, отдельно – смертной казни, насилию в целом и воле власти в отношении того, кто совершил преступление. От этого система принуждения до сих пор не является выстроенной, а ее дифференциация носит излишне детализированный характер, будучи разделенной на несколько отраслевых направлений, каждое из которых зачастую практически изолировано друг от друга. Ответственность представляется той категорией, которая способна их объединить, позволив вести речь об уголовно-правовом принуждении в целом.

Ключевые слова:

ответственность, уголовное право, уголовно-исполнительное право, государственное принуждение, уголовно-правовое воздействие

Для цитирования:

Кузнецов А. А. Понятие категории «ответственность» в уголовном и уголовно-исполнительном праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 179–186. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-179-186>.

Статья поступила в редакцию 08.04.2025;
одобрена после рецензирования 10.06.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

The concept of the category of “responsibility” in criminal and penal law

Alexey A Kuznetsov, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice

42. Dagomysskaya str., Sochi, Krasnodar Krai, 354000, Russian Federation

omsklaw07@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-7894-338X>

© Кузнецов А. А., 2025

Abstract:

Introduction. Modern criminal law doctrine is a rather isolated system of knowledge regarding a clearly defined block of problems that are either strictly within the scope of criminal law or at the interface with other branches of law, in particular, criminal procedure and penal enforcement. Despite more than a thousand years of its development, many categories of criminal law do not go beyond its content, although they initially contain serious inter-branch potential. Responsibility is one of such categories, the ability of which to permeate several spheres of legal regulation is beyond any doubt.

Methods. To achieve the objectives of the study, various scientific methods were used: materialist dialectics as a universal method of cognition, general scientific methods of cognition (system-structural, analysis, synthesis, induction, deduction), historical method in combination with hermeneutic, as well as private scientific methods, such as comparative-legal, method of legal modelling and extrapolation, surveys and questionnaires as a kind of sociological method.

Results. The development of a unified mechanism of state coercion without its artificial division is possible precisely due to the possibilities inherent in the very idea of state violence against those who allow the possibility of socially dangerous behaviour. In contrast to the united West and the concept that was laid down in it quite a long time ago, and now it is implemented only at a new level, in the Russian doctrine, legislation and, accordingly, in the public consciousness dominate slightly different ideas to the stated problem. In many aspects, including historically, it is manifested through the attitude of society to responsibility, punishment, repression, retribution, and especially the death penalty, violence in general and the will of the authorities in relation to the one who committed the offence. As a result, the system of coercion is still not aligned, and its differentiation is excessively detailed, being divided into several sectoral areas, each of which is often practically isolated from each other. Responsibility is the category that can unite them, making it possible to talk about criminal-legal coercion as a whole.

Keywords:

responsibility, criminal law, penal law, criminal-executive law, state coercion, criminal-legal impact

For citation:

Kuznetsov A. A. The concept of the category of "responsibility" in criminal and penal law // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 2 (106). P. 179–186. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-179-186>.

The article was submitted April 8, 2025;
approved after reviewing June 10, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Как это ни парадоксально, но сегодня уголовное и уголовно-исполнительное право не объединены между собой такой категорией, как ответственность. Сложность ситуации лежит далеко за пределами сугубо теоретических рассуждений и исключительно методологических проблем. Скорее речь необходимо вести о доминировании вопросов практического плана, т. к. факт назначения наказания в рамках уголовно-правовых отношений должен иметь непосредственную связь с фактом его реализации в уголовно-исполнительной сфере. Ответственность в широком ее понимании не может быть лишь уголовной или уголовно-исполнительной. По сути это единая категория, содержание которой должно охватывать весь объем воздействия на лицо, признанное судом виновным в совершении преступления. Между тем для этого требуется как минимум формулирование ее общего понятия, а точнее, формирование общего представления об ответственности в целом в уголовно-правовой сфере регулирования общественных отношений. К сожалению, работа в данном направлении в отечественной уголовно-правовой доктрине практически не ведется, а все фундаментальные наработки в этой части в основном относятся к 60–80-м годам прошлого столетия.

В связи с этим мы наблюдаем сегодня ситуацию, в которой, с одной стороны, уже были проведены серьезные исследования заявленной проблемы, с другой – их предел уже давно пройден. В новых современных условиях с учетом принципиально иной объективной реальности также требуются и новые знания, способные не просто объяснить происходящие процессы, но и дать правильное направление их развития. Более того, обращаясь к исследованиям прошлого столетия, нельзя не отметить их догматизм, давление которого сегодня не просто преодолено, а продолжает оставаться, представляя ранее сформулированные знания как единственно возможные и, соответственно, доминирующие на всех уровнях применения полученных ранее достижений. Преодоление, выход за те стереотипы, которые сегодня кажутся незыблемыми, представляется первоочередной задачей, которая должна быть решена в ходе исследования настоящей проблемы.

Во многом это обусловлено тем, что с начала нынешнего века, а особенно в последнее десятилетие, российское общество стало стремительно меняться. Это мировой процесс, а мы в нем лишь та часть, которая в силу значительного числа объективных и субъективных факторов вступила на путь таких изменений чуть позже, чем коллективный Запад. И тем не менее такие изменения идут достаточно активно. Идеи постмодерна, постпостмодерна, нового постиндустриального общества и даже постчеловека дошли и до российской реальности, изменив не просто правила поведения, а глубоко трансформировав самого человека, его систему ценностей, духовный мир, ментальность. Вполне естественно, что в таких условиях сложно требо-

вать эффективного результата от наработок прошлого столетия, основу которых составляли знания еще более раннего периода. Механизм функционирования общественных отношений, не говоря уже о механизме реализации государственного принуждения, неизбежно менялся, подстраиваясь под новые идеи, которые в той или иной мере и проявлениях начали доминировать в современной реальности.

Методы

При проведении исследования автором использовались общенаучные методы познания (системно-структурный, анализ, синтез, индукция, дедукция), позволяющие рассмотреть изучаемое нами понятие через призму сущности и содержания ответственности. Применение исторического метода в сочетании с герменевтическим и сравнительно-правовым методами дало возможность рассмотреть сущность категории «ответственность» в смежных отраслях права: уголовном и уголовно-исполнительном. Частнонаучные методы, такие как сравнительно-правовой, метод правового моделирования и экстраполяции, социологические методы помогли автору сформулировать выводы о единой природе категории «ответственность» применительно к уголовному и уголовно-исполнительному праву.

Результаты

Наполняемость механизма функционирования общественных отношений сегодня меняется, причем гораздо более стремительно, чем когда-либо. Так, развитие медицины в виде ее генетического направления, биоинженерии, биотехнологий и разработки на их основе все более совершенных технологических императивов указывает на неизбежность появления у государства дополнительных возможностей по контролю за осужденными к отбыванию любого из видов наказаний. В целом технологические императивы начинают занимать все больше места в жизни человека, оказывая соответствующее влияние в т. ч. и на сферу приложения ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве¹. И здесь новые технологии начинают вторгаться практически в незыблемую сферу, в ту, которая считалась вечной, разработанной и давно закрытой для исследователей. В этом отношении такие относительно новые явления, как контроль, уже сейчас составляет и особенно в дальнейшем будет составлять основу той части ответственности (ее этапа), которая характерна для собственно реализации (исполнения) [1, с. 171]. И это – суть одного из этапов, а не сущность ответственности как правовой категории в целом. Ее сущность способна охватывать любой из этапов ее реализации, не указывая при этом на ее трансформацию. Скорее, наоборот: чем дальше идет развитие общественных отношений, тем больше у нас появляется поводов и оснований для утверждений, что и для уголовного, и для уголовно-исполнительного права сущность ответственности одна, и меняется она одновременно. Невозможно представить себе ее трансформацию отдельно в уголовном и самостоятельно в уголовно-исполнительном законодательстве. Все направлено на достижение единого результата, соответственно, любые меры существуют и применяются для его обеспечения, не будучи способными претендовать на некую исключительность.

В связи с этим статична ответственность как правовая категория на данный момент или изменчива, по большому счету не так уж и важно. Важно другое – ее соответствие критериям обеих отраслей, способность их объединить между собой, создать тот монолит правового регулирования, который будет способен генерировать систему средств противодействия преступности, на протяжении всего существования личности преступника, на весь период принудительного воздействия на него (с момента признания виновным), а не только на момент совершения общественно опасного деяния.

Отсюда следует, что в качестве основных элементов, самого «каркаса механизма» уголовной ответственности, вне зависимости от периода его существования, должны выступать:

во-первых, оценка уголовного и уголовно-исполнительного права, как единого правоотношения, основанного на признании лица виновным в совершении преступления и его последующего осуждения (назначения ему установленного Уголовным кодексом Российской Федерации² наказания);

¹ См. об этом более подробно: Бавсун М. В. Технологические императивы как альтернативное средство регулирования общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 10–16. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-10-16>.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

во-вторых, оценка уголовной ответственности с позиции ее пределов с момента вступления обвинительного приговора суда в законную силу (исключив таким образом обеспечительный – уголовно-процессуальный) блок;

в-третьих, объединение всех видов принуждения (в рамках отбывания наказания), применение которых происходит на основе факта преступления, осуждения, отбывания наказания, нарушения правил отбывания наказания и последующего периода претерпевания социальных последствий, порождаемых судимостью;

в-четвертых, наполняемость целевыми установками, которые помимо возмездия за ранее совершенное преступление, должна содержать в себе доминирующую идею, направленную на тотальный контроль над лицом, осужденным за факт совершенного преступного деяния;

в-пятых, обязанность самого виновного-осужденного претерпевать возложенные на него тяготы и лишения, в т. ч. и в рамках того контроля, который следует как в итоге осуждения за преступление, так и особенно в связи с нарушением его условий в процессе отбывания наказания или по итогам его отбывания в течение установленного уголовным законом периода времени.

Наличие перечисленных элементов способно, по крайней мере, обеспечить логику воздействия, из которой не может настолько откровенно выпасть вся стадия реализации ответственности. Особенно это непонятно на фоне того, что традиционно в уголовно-правовой доктрине моментом окончания уголовной ответственности признается момент снятия или погашения судимости³ [2, с. 48], т. е. речь идет о стадии, следующей за наказанием (тяготами и лишениями). Применительно к институту судимости интересную мысль, на наш взгляд, высказывает А. А. Нечепуренко: «Парадокс сложившейся правовой ситуации применительно к институту судимости заключается в том, что, говоря о последствиях судимости, законодатель тем самым не проясняет вопрос о ее содержании» [3, с. 4]. Между тем не меньший парадокс также заключается в том, что традиционно в уголовном праве уголовная ответственность, охватывая собой все правоограничения, сохраняющиеся в рамках судимости, даже при отсутствии самого списка таких правоограничений, не содержит даже примерного перечня тех средств, которые применяются к осужденным, нарушающим условия отбывания наказания, которые почему-то претендуют на роль каких-то особых мер, существующих в рамках еще более особых правоотношений. Согласно общепринятому, но нигде официально не зафиксированному мнению, уголовная ответственность включает в себя тяготы и лишения чуть ли не с момента реализации оперативно-розыскных мер и завершается не менее непонятным, а точнее, максимально абстрактным объемом правоограничений в рамках судимости, но совершенно игнорирует при этом все, что происходит в уголовно-исполнительной сфере, просто придав ей статус особой⁴ [4, с. 148; 5, с. 30].

Между тем ее пребывание в состоянии надрегулирования⁵, вне рамок той или иной сферы, будучи полностью погруженной в отношения службы, профессии, правил режима отбывания наказания (также существенно отличающихся друг от друга), дисциплинарной и административной ответственности и т. д., не позволяет ей в достаточной мере раскрыться в рамках уголовно-правового поля. Узость представления о таковой, к сожалению, не преодолевается традиционным подходом, а, скорее наоборот, лишь усугубляется, тем самым формируя очередную догму, уйти от которой крайне сложно в силу сформировавшихся традиций. Традиций, которые затронули абсолютно все аспекты данного направления, от самой системы до процесса образовательной деятельности, в рамках которого формируются не только требуемые знания, но и соответствующая психология будущих сотрудников исполнения наказаний.

Что характерно, при всей широте такой позиции непосредственно ограничения, которые заложены в ходе реализации уголовно-исполнительных отношений, не составляют ее содержания, также не менее традиционно игнорируясь, хотя в действительности, это как минимум нелогично в силу того, что именно в ходе реализации наказания осуществляются реальные ограничения прав и свобод человека, причем происходит это при установленном факте виновности лица в совершении конкретного преступления. Парадокс ситуации заключается в выраженном

³ См. об этом более подробно: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / Бабурин В. В., Баландюк В. Н., Векленко С. В. [и др.] ; под общ. ред. В. В. Векленко. Омск : Омская академия МВД России, 2016. С. 70.

⁴ Ткачевский Ю. М. Уголовная ответственность и ее основания // Советское уголовное право. Общая часть : учебник / Борзенков Г. Н., Дурманов Н. Д., Красиков Ю. А., Кригер Г. А. [и др.] ; под ред. Г. А. Кригера, Б. А. Куринова, Ю. М. Ткачевского. Москва : Издательство Московского университета, 1981. С. 32.

⁵ На самом деле подобного рода надрегулирование представляет собой создание правового вакуума, когда регулирование, с одной стороны, присутствует, а с другой – оно, во-первых, практически полностью отдано на откуп непосредственного исполнителя, а, во-вторых, никак не коррелирует с другими мерами уголовно-правового воздействия. Более того, как раз наоборот, во главу угла ставится их именно особый статус, что уже само по себе сложно вписывается в общее представление об идее законности, представляя собой крайние формы проявления начала целесообразности.

стремлении при определении границы уголовной ответственности по максимуму обойти все, что происходит в уголовно-исполнительной сфере в связи с ее якобы особым статусом. Соответственно, и отношение к тем средствам, которые там используются, не менее особое, что в конечном итоге приводит к полной деградации сам подход к исследованию данной проблемы так же, как и состояние знаний в данном направлении. Отсутствие ответов на элементарные вопросы, возникающие в связи с его воплощением в жизнь, уже давно обращают на себя внимание и требуют их соответствующего теоретического обоснования, что представляется возможным исключительно с позиции наполнения уголовной ответственности иным содержанием.

Не работает в данном случае и достаточно распространенная ссылка на так называемые «тяготы и лишения»⁶ [6, с. 8]. Несмотря на всю широту формулировки, тем не менее нельзя не обратить внимание на то, что, собственно, анализом их содержания толком никто и никогда не занимался, так и оставив в конечном итоге всю уголовно-исполнительную сферу за пределами твердого понимания, каков же именно ее статус и к чему конкретно следует относить те или иные меры, которые применяются в рамках реализации уголовного наказания, но собственно им не являющиеся. Незавершенность теории очевидна даже в ходе преподавания курса уголовного права, когда на вопрос о том, что же все-таки необходимо отнести к тяготам и лишениям помимо наказания, крайне сложно дать сколько-нибудь предметный ответ.

С учетом системы принуждения, выстроенной на Западе, невозможно игнорировать иной, значительно отличающийся опыт подхода к решению данного вопроса (и самого отношения), сформировавшегося в другом обществе. Принуждение в тюрьме, согласно западной концепции, представляет собой не что иное, как апофеоз узаконенного насилия (голого насилия). «Дисциплинарная власть узаконена как технология морального принуждения. В тюрьме заворачивает то, что в ней власть в кои-то веки не прячется и не маскируется, она разоблачает себя как тиранию, отточенную до мельчайших деталей; она цинична, но в то же время безупречна и абсолютно законна в силу того, что практика тюрьмы может быть вписана в дискурс морали. В результате жестокая тирания машины правосудия предстает невозмутимым преобладанием Добра над Злом, порядка над анархией» [7, с. 18]. Ни много ни мало – борьба двух вечных противоположностей представляет всю идею ответственности, где не может быть никаких граней. А государство в данном вопросе лишь демонстрирует свою позицию, всегда действуя, что называется, вторым номером, в конечном итоге узаконивая все, что мешает его нормальному функционированию и классифицируя в зависимости от тяжести допущенного нарушения. Все, на чем на Западе поставлено клеймо – идеология, целесообразность, репрессия, подавление, контроль, как и любые другие проявления жесткости со стороны государства, на самом деле используются значительно более откровенно, чем у нас. Отсутствие иллюзий дает свои результаты. Нет ограничений в выборе средств ответственности, нет ее пределов. Таким образом исключаются «страдания» относительно прав и законных интересов личности, а обеспечение безопасности общества автоматически ставится во главу угла всей деятельности по противодействию преступности.

Демонстрация столь широкой идеи, а по сути, концептуального подхода к любому узаконенному насилию («тяготам и лишениям»), которое составляет неотъемлемую часть каждого наказания вне зависимости от времени и пространства, с неизбежностью влечет за собой соответствующее отношение и к самому насилию. Признание его неизбежности, согласно представленному пониманию, практически полностью исключает его искусственное дробление (а уж тем более взаимоисключение), оставляя место лишь для трансформации с учетом того, что происходит в современном обществе, а также новых технологий контроля над человеком, его здоровьем, психикой и даже процессом репродуктивной деятельности. При учете совершения виновным преступления любое насилие в его отношении приобретает законные основания⁷ [8, с. 7–8], а факт его реализации после вступления в законную силу приговора суда по-прежнему

⁶ Данная позиция характерна, например, для «Омской школы» уголовного права (Марцев А. И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений : учебное пособие. Омск : [б. и.], 1973. с. 23).

⁷ Интересным видится тот факт, что лишь в настоящем столетии заговорили о так называемом чрезвычайном законодательстве. Речь идет о том, что ведется как некое благо и как об одном из способов выйти за пределы законности в силу жизненно важной необходимости. Представляется, что само явление – чрезвычайное законодательство, не что иное, как продукт игры современности в демократию и толерантное общество, не позволявшей длительное время выйти на требуемый уровень жесткости правосудия. Однако события, начиная с последней четверти прошлого века, привели к достаточно своеобразному пересмотру концепции, а точнее, ее корректировке. В самом регулировании ничего не изменилось (как основная часть уже сформированной идеи), а в его надстройке – чрезвычайшине, стало позволяться значительно больше, чем это могло быть позволено на так называемом «базовом уровне». Но опять же, это все продукт современного правового регулирования и неких попыток его трансформации. Для ретроспективы это не актуально, так как государство всегда шло на крайние меры для сохранения самого себя, и никогда это не выходило за пределы правового регулирования. Достаточно для этого вспомнить казнь Дамьена, как апофеоз демонстрации власти государства над человеком (растворение личности во времени и в пространстве).

придает ему лишь форму, наполненную с учетом перечисленных выше факторов несколько трансформированным содержанием. Основной спор традиционно идет лишь вокруг того, что признавать преступным, а что девиантным [9, с. 89, 99], хотя, впрочем, и то и другое требует средств контроля (включая и репрессивного) со стороны государства [10, с. 104]. Следовательно, и вопрос ответственности во многом будет решаться в зависимости от того, что (какие деяния), кто и за что подлежит контролю. Выбор его средств, интенсивности, оперативности и других свойств и качеств – это уже вторичный процесс по отношению к процессу определения девиантности поведения личности преступника (нарушителя).

Все это не может не оказывать соответствующего (что важно – доминирующего) влияния на само понятие ответственности в системе уголовного принуждения как единого явления. Именно понятие всегда отображает суть тех процессов, которые происходят на данном отрезке исторического развития. Отсюда следует, что странным было бы надеяться на способность понятия уголовной ответственности (именно уголовной), сформулированного практически полвека назад, удовлетворять новым потребностям в современном трансформированном времени и пространстве. Речь в данном случае идет не о верности или неверности ранее сформированного подхода и самого определения исследуемой нами категории, а скорее о признании его несоответствия тем процессам, которые происходят сегодня и, что самое главное, их возможной подвижности уже в ближайшем и вполне обозримом будущем.

Это, кстати, немаловажно и с позиций происхождения самой категории «уголовная ответственность», а также хорошо известных знаний, касающихся ее развития в отечественной уголовно-правовой доктрине⁸. Дело в том, что все рассуждения о ней идут чуть более ста лет, с момента ее появления в Основах уголовного судопроизводства СССР в 1924 году⁹ [11, с. 8–9; 12, с. 38–39; 13, с. 40]. Ее так называемое «отпочкование» от наказания было достаточно неожиданным для всех. Точно такой же неожиданной, спонтанной оказалась и разработка данной категории в несколько более поздний период. По большому счету, именно это и обусловило процесс познания уголовной ответственности лишь до определенного предела, ограничив его установлением некоего набора тягот и лишений, место которых в системе правового регулирования так и не было определено до конца. Отсюда и то количество вопросов, на которое нет ответа сегодня, как, впрочем, и нежелание в них разбираться. Вполне естественно, что сегодня мы можем наблюдать лишь деградацию так до конца и не сформированного подхода, который окончательно перестал соответствовать требованиям современных реалий с учетом случившихся трансформаций. Итог – понятие, пронизанное догматизмом. С одной стороны, это жесткая конструкция, не выходящая за пределы уголовно-правовых отношений, с другой, с учетом отсутствия единства мнений относительно понятия уголовной ответственности, а следовательно, и ее содержания, максимально абстрактная категория¹⁰ [14, с. 47; 15, с. 22]. Абстракция, отягощенная отсутствием ее места в системе воздействия в силу размытости содержания и отсутствия конкретного перечня средств и способов принуждения, а также ее пределов – момента начала и завершения. По сути, при всей своей важности наряду с вполне практическим смыслом в настоящее время исследуемая категория оказалась неким промежуточным звеном между преступлением и наказанием, имеющими гораздо более осязаемые черты.

В связи с этим идея так называемого ухода от собственно уголовной ответственности и ее смещения в сторону уголовно-исполнительного содержания представляет не что иное, как идеологически иное отношение, казалось бы, к хорошо известному, но еще явно не в должной мере изученному явлению. В свою очередь наполняемость ответственности во многом уголовно-исполнительной составляющей наряду с пересмотром уголовно-правового блока невольно обязывает и к принципиально новому анализу тех тягот и лишений, которые в ее рамках невольно необходимо рассматривать. Другими словами, все, что так или иначе относится к уголовно-правовому блоку государственного принуждения, в данном случае приобретает особую

⁸ Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Т. 1. Общая часть. 2-е изд. ГИЗ, 1928 // Революция права. 1928. № 3. С. 138–139.

⁹ Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : Постановление ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. Москва : Госюриздат, 1956. 15 с.

¹⁰ На сегодняшний день это, пожалуй, наиболее «размытая» категория, у которой нет даже минимально устоявшегося определения. По большому счету можно утверждать, что такого понятия, как уголовная ответственность, на данный момент просто не существует нигде, что уже само по себе, с учетом ее значимости, нонсенс. Например, согласно данным, полученным В. В. Чердниченко, только 14,3 % респондентов (докторов и кандидатов юридических наук) считают, что наказание и иные меры уголовно-правового характера служат формами реализации уголовной ответственности. Причем 65,7 % полагают, что в качестве таковой может выступать только наказание, а иные меры уголовно-правового характера представляют собой альтернативу и (или) дополнение наказания и должны назначаться в тех случаях, когда применение наказания, в силу тех либо иных обстоятельств, либо невозможно, либо нецелесообразно (неэффективно).

актуальность, вынуждая нас в рамках новой концепции выстраивать новую систему средств и методов воздействия на лицо, виновное в совершении преступления.

Именно на это указывают и данные собственных эмпирических исследований, проведенных в рамках настоящей работы. Так, из 93 специалистов в области уголовного права, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права, которым был задан вопрос относительно того, каково их отношение к уголовной ответственности с позиции ее более широкого содержания, более 50 % (51 респондент) указали на очевидную устарелость представления об исследуемой категории. Практически каждый из них в отдельном разделе – «иное», позволил себе особо подчеркнуть неопределенность самой уголовной ответственности, ее пределов, содержания, а следовательно, и конкретных средств ее выражения в тексте уголовного закона и в практической деятельности¹¹.

Вполне ожидаемо, что мнение специалистов разделилось при ответе на вопрос, связанный с тем, что должно составлять содержание уголовной ответственности: уголовно-процессуальный, уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и последующий – социально-правовой блоки? И здесь не было никакой определенности, что позволило нам разделить всех участников опроса на условных пять групп, часть из которых перечислены в самом вопросе. В итоге: 32 % респондентов пришли к выводу о тройственной природе происхождения уголовной ответственности; 31 % полагают, что содержание уголовной ответственности могут составлять только уголовно-правовые и уголовно-исполнительные отношения; 18 % специалистов видят содержание уголовной ответственности исключительно в уголовном блоке; 14 % ученых отметили, что ее необходимо рассматривать максимально широко, включая социально-правовые последствия; оставшиеся 5 % полагают, что уголовная ответственность представляет собой не что иное, как юридическую фикцию, больше мешающую, нежели помогающую в практической деятельности, вносящую дисбаланс между уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительными сферами правового регулирования¹² [16, с. 77; 17, с. 13].

В любом случае проведенный опрос относительно понятия и значения исследуемой нами категории указывает, во-первых, на высочайший уровень затронутой проблемы, а во-вторых, на необходимость ее глубокой проработки на концептуальном уровне. Именно идея, положенная в основу данной категории, а не ее незначительная корректировка, способна кардинальным образом поменять само состояние тех знаний, которыми мы сегодня оперируем. Отсюда и те разногласия, которыми пронизана не только доктрина, но и вся правоохранительная деятельность.

3 заключение

В свою очередь, проведенный анализ понятия и значения категории «ответственность» позволил, в первую очередь, такую идею определить через объединение двух сфер воздействия – уголовно-правовой и уголовно-исполнительной, что дало нам все основания для формулирования в соответствии с этим понятия уголовной ответственности. Его идейное наполнение должно позволить сформировать принципиально иное отношение к сфере государственного принуждения применительно к уголовно-правовой сфере правового регулирования общественных отношений. Именно это должно составить основу самого знания о принуждении в уголовно-правовой сфере в целом, а сама ответственность послужить выражением основных идей государства, реализация которых позволит обеспечить общую и частную превенцию.

В связи с этим полагаем, что под ответственностью в уголовном и уголовно-исполнительном праве следует понимать совокупность средств и методов, регламентируемых уголовным и уголовно-исполнительным законодательством, применяемых в целях обеспечения безопасности общества и государства, к лицу, признанному судом виновным в совершении преступления, и допускающую любые формы их реализации, имеющие при этом: карательное (репрессивное), стимулирующее (поощрительное), контролирующее (ограничительное, режимное), компенсирующее (возмездное) и иное (воспитательное) содержание.

В настоящее время именно данные формы реализации ответственности (ее функции) наиболее характерны и проявляются в таких отраслях правового регулирования, как уголовное и уголовно-исполнительное право. С учетом современных тенденций, но в то же время при сохранении исторического контекста развития ответственности в российском уголовном законодательстве, ее карательная составляющая вполне сочетается с контролирующей, воспитательной и иными, изначально в данной отрасли права практически не реализуемыми функциями. Вопрос лишь в их трансформации, которая произошла под давлением внешних обстоятельств в современных условиях, а также в изменении приоритетности по отношению друг к другу.

¹¹ Анкетирование проводилось в период 2023–2025 гг. в городах Москве, Омске, Краснодаре, Сочи, Уфе.

¹² Данная точка зрения также нашла соответствующее выражение и в некоторых научных публикациях.

Список источников

1. Карпов К. Н. Систематизация «общеправовых» последствий совершения преступления как средств социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 170–177.
2. Фильченко А. П. Возникновение, смягчение и прекращение уголовной ответственности (проблемы отраслевого и межотраслевого согласования) : монография / под ред. А. В. Наумова. Москва : Юрлитинформ, 2014. 292 с.
3. Нечепуренко А. А. Разграничение содержания и последствий судимости // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4 (75). С. 3–7. <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2019-14001>.
4. Коробов П. В. Момент возникновения уголовной ответственности // Правоведение. 2001. № 2. С. 147–163.
5. Лукашевич В. З. Уголовно-правовое отношение и возникновение уголовной ответственности / Уголовная ответственность и ее реализация : межвузовский сборник научных статей. Куйбышев : Издательство Куйбышевского университета, 1985. С. 3–10.
6. Нечепуренко А. А. Содержание уголовной ответственности: подходы к переосмыслению и перспективы законодательного регулирования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 1(36). С. 3–10.
7. Хикс С. Объясняя постмодернизм / пер. с англ. А. С. Шуваловой. Москва : Рипол-Классик, 2021. 320 с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. Москва : Ад Маргинем Пресс, 1999. 480 с.
9. Гилинский Я. И. Девиантность и социальный контроль в мире постмодерна: краткий очерк // Общество и человек. 2015. № 3–4 (12). С. 89–99.
10. Гурина А. Л. Позитивистская традиция и критическое направление в криминологической мысли США и Великобритании: сравнение теоретических подходов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 2. С. 101–112.
11. Брагинин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. Москва : Юридическая литература, 1963. 275 с.
12. Курляндский В. И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. Москва : Юридическая литература, 1965. 142 с.
13. Загородников Н. И. О пределах уголовной ответственности // Советское государство и право. 1967. № 7. С. 39–46.
14. Чердынченко В. В. Принципы уголовного законодательства : понятие, система, проблемы законодательной регламентации / отв. ред. Н. А. Лопашенко. Москва : Волтерс Клувер, 2007. 192 с.
15. Карпов К. Н. Иные меры уголовно-правового характера: система, виды : монография. Москва : Юрлитинформ, 2012. 205 с.
16. Бавсун М. В. Уголовная ответственность как юридическая фикция // Российской правосудие. 2017. № 5 (133). С. 68–78. <https://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2017.5.68-78>.
17. Коробов А. Е., Хохлов Е. Б. Позитивная ответственность как теоретическая и практическая проблема // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 3 (278). С. 4–13.

Научная статья

УДК 343.3/.7

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-187-193>

Запрещенные методы ведения войны (часть 1 статьи 356 Уголовного кодекса Российской Федерации): вопросы квалификации и особенности содержания бланкетной нормы

Валентина Влодо Лисаускайте, кандидат юридических наук, доцент

Восточно-Сибирский институт МВД России

Иркутск (664074, ул. Лермонтова, д. 110), Российская Федерация

vlado@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3694-9966>

Аннотация:

Введение. Статья 356 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за совершение наиболее общественно опасных преступлений, признанных всем мировым сообществом, – военных преступлений. В то же время указанная норма их не конкретизирует. Соответственно, при квалификации преступлений возникают вопросы. Автор раскрывает проблему закрепленной, но не конкретизированной в статье терминологии, особенностей толкования и применения правоприменителем международного договора Российской Федерации. В результате проведенного исследования сформулированы выводы о недостатках конструкции диспозиции рассматриваемой нормы уголовного закона. Обосновывается необходимость ее изменения – выделения в качестве самостоятельного состава военных преступлений применения методов ведения войны, запрещенных международным договором Российской Федерации. Исследование, без сомнений, актуально, поскольку в настоящее время происходит немало вооруженных конфликтов и, соответственно, совершаются подобные преступления. Декларируя неотвратимость наказания за совершение военных преступлений, Россия, соблюдая нормы международного права, должна иметь юридическую возможность реализации механизма такой ответственности.

Методы. Применены методы описания, анализа, сравнения и системный метод исследования.

Результаты. Результатами работы стали итоговые выводы автора относительно особенностей определения квалификации запрещенных методов ведения войны как альтернативного деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ. В заключении сформулированы рекомендации и предложения по возможному изменению рассмотренной нормы уголовного закона в целях более эффективного ее применения в части установления применения запрещенных методов ведения войны как альтернативного общественно опасного деяния при квалификации военных преступлений.

Ключевые слова:

преступления против мира и безопасности человечества, военные преступления, запрещенные методы ведения войны, международный договор Российской Федерации, Женевские конвенции

Для цитирования:

Лисаускайте В. В. Запрещенные методы ведения войны (часть 1 статьи 356 Уголовного кодекса Российской Федерации): вопросы квалификации и особенности содержания бланкетной нормы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 187–193 <https://doi.org/10.35750/2071-82842025-2-187-193>.

Статья поступила в редакцию 13.11.2024;
одобрена после рецензирования 27.05.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Prohibited methods of warfare (part 1 of article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation): qualification issues and peculiarities of the content of the blanket norm

Valentina V. Lisauskaite, Cand. Sci (Jurid.), Docent

East Siberian Institute of the MIA of Russia

110, Lermontova str., Irkutsk, 664074, Russian Federation

vlado@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3694-9966>

© Лисаускайте В. В., 2025

Abstract:

Introduction. Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation establishes criminal liability for committing the most socially dangerous crimes recognised by the entire world community – war crimes. The use of methods of warfare prohibited by international treaties of the Russian Federation is enshrined as alternative actions of committing the offence. At the same time, this norm does not contain their specification. Accordingly, questions in the qualification of offences are raised. The author reveals the problems of the terminology enshrined but not specified in the article, peculiarities of interpretation and problems of application of international treaties of the Russian Federation by law enforcers. As a result of the study, independent conclusions are formulated on the shortcomings of the construction of the disposition of the considered norm of the criminal law and the need to change it by singling out as an independent corpus delicti of war crimes the use of methods of warfare prohibited by an international treaty of the Russian Federation. The relevance of the study is undoubted, since at present there is a large number of armed conflicts and similar offences are committed. Defending the inevitability of punishment for the commission of war crimes, Russia, complying with the norms of international law, should have a legal opportunity to implement the mechanism of such responsibility.

Methods. The methods of description, analysis, comparison and systematic method of research were applied.

Results. The results of the research are the final conclusions of the author regarding the peculiarities of determining the qualification of prohibited methods of warfare as an alternative act provided for by Part 1 of Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation. The conclusion formulates recommendations and proposals for possible changes in the considered norm of the criminal law. In order to more effectively apply it in terms of establishing the use of prohibited methods of warfare as an alternative socially dangerous act in the qualification of war crimes.

Keywords:

crimes against peace and security of humanity, war crimes, prohibited methods of warfare, international treaties of the Russian Federation, Geneva Convention

For citation:

Lisauskaite V. V. Prohibited methods of warfare (part 1 of article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation): qualification issues and peculiarities of the content of the blanket norm // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 2 (106). P. 187–193. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-187-193>.

The article was submitted November 13, 2024; approved after reviewing May 27, 2025; accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Длительное время составы преступлений, получившие закрепление в главе 34 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), не встречались в правоприменительной практике и выступали предметом рассмотрения в сугубо доктринальном формате. Однако в результате различных общемировых событий и активного участия в них России, отстаивания ею позиции относительно соблюдения международного права, преступления против мира и безопасности человечества, предусмотренные национальным уголовным законодательством, стали активно расследоваться. В силу получения распространения на практике такие деяния объективно потребовали уголовно-правовой оценки с позиции их квалификации. Положения ст. 356 УК РФ приобрели особую актуальность в связи с проведением специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины [1, с. 73].

Определенные недостатки законодательной конструкции составов преступлений, закрепленных в главе 34, которые уже давно обсуждаются теоретиками уголовного права, нашли отражение в правоприменительной практике, вызывая некоторые сложности в реализации всего объема уголовной репрессии за их совершение. Таким образом, представляется весьма актуальным исследование и обсуждение сложных вопросов квалификации преступлений против мира и безопасности человечества в целях выработки предложений по возможному совершенствованию рассматриваемых норм и повышению уровня их эффективного применения.

В настоящее время органами Следственного комитета Российской Федерации ведется активная работа по расследованию фактов совершения преступлений, предусмотренных главой 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества», в т. ч. преступлений, ответственность за которые предусмотрена ч. 1 ст. 356 УК РФ. Целью данного исследования является характеристика запрещенных методов ведения войны как альтернативной составляющей объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ, и анализ с проведением сравнения с положениями международного договора Российской Федерации. Поскольку сама диспозиция содержит бланкетную отсылку относительно выполнения одного из альтернативных деяний объективной стороны преступления, существует необходимость в его конкретизации для качественной квалификации деяния и привлечения виновных к ответственности.

В рамках данного исследования представлен детальный анализ особенностей международных обязательств нашей страны, нарушение которых следует рассматривать в качестве применения запрещенных методов ведения войны в рамках объективной стороны ч. 1 ст. 356 УК РФ. Работа основана на анализе публикаций ведущих специалистов в области международного гуманитарного права Р. А. Адельханяна [2], А. Г. Кибальника [3], И. И. Котлярова [4] и др.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Методы

Содержание работы построено на применении методов описания, анализа, сравнения и системного метода исследования. Описание использовано для характеристики терминов, встречающихся в диспозиции нормы, и их закрепления в иных нормативных документах национального законодательства. С помощью анализа исследованы правила поведения, устанавливающие конкретные запреты относительно методов ведения войны и специфика их применения в контексте квалификации преступных деяний по ст. 356 УК РФ. Метод сравнения позволил выявить в работе достоинства и недостатки правового регулирования в рассматриваемой сфере. Посредством применения системного метода исследования были сформулированы итоговые выводы работы.

Результаты

Применение методов ведения войны, запрещенных международным договором Российской Федерации, исходя из законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ, представляет собой одно из альтернативных деяний совершения военного преступления. Как отмечает А. Н. Смирнова, «в международно-правовых актах о запрещенных методах и средствах ведения войны, и практическом их применении зачастую не делается разграничений, а говорится, как о равноценных положениях, важно понимать, что эти понятия различны и имеют свои собственные определения и классификации» [5, с. 183]. Как правило, в научной литературе юридический анализ альтернативных деяний осуществляется в групповом формате, не дробя на самостоятельные виды единую закрепленную формулировку «применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации» [6, с. 237–244]. Юридическое установление запрета на применение того или иного метода ведения войны начиналось с Гаагских конвенций 1899² и 1907³ гг., принятых в рамках мирных конференций [7, с. 33–46]. Эти нормы также имеют групповой формат: средства и методы указаны совокупно. Большинство из них отражено в рамках Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года [8].

Последующая конкретизация правил относительно применения или запрета методов ведения войны получила отражение в Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 года⁴ (далее – Женевские конвенции) и дополнительных протоколов к ним 1977 года⁵ [9]. Однако структура этих договоров не предусматривает конкретного перечня всех методов, поэтому литература по международному уголовному праву, как правило, ограничивается обобщенным анализом всей совокупности методов ведения войны без их глубокого исследования. В то же время, изучение

² Конвенция о законах и обычаях военного времени на суше (г. Гаага, 29 июля 1899 г.) // Договоры и другие международные соглашения Соединенных Штатов Америки 1776–1949 гг. / сост. Ч. И. Беванс. Вашингтон, Колумбия : Государственная типография, 1968. Т. 1: Многосторонние договоры 1776–1917 гг. URL: https://avalon.law.yale.edu/19th_century/hague02.asp (дата обращения: 10.10.2024).

³ Конференция о законах и обычаях сухопутной войны (г. Гаага 18 октября 1907 г.). Санкт-Петербург : Издательство Российского МИД, 1908. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753259> (дата обращения: 10.10.2024).

⁴ Женевская Конвенция об обращении с военнопленными (вместе с «Типовым соглашением по вопросу непосредственной репатриации и госпитализации в нейтральной стране раненых и больных военнопленных», «Положением о смешанных медицинских комиссиях», «Правилами, касающимися коллективных посылок помощи военнопленным» и «Типовыми правилами, касающимися денежных переводов...») (заключена в г. Женеве 12.08.1949) (с изм. от 08.12.2005) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Москва, 1957. Вып. XVI. С. 125–204, 279–280. ; Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (заключена в г. Женеве 12.08.1949) (с изм. от 08.12.2005) // Там же. С. 101–124, 279 ; Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (вместе с «Проектом Соглашения о санитарных зонах и местностях») (заключена в г. Женеве 12.08.1949) (с изм. от 08.12.2005) // Там же. С. 71–100, 279 ; Женевская Конвенция о защите гражданского населения во время войны (вместе с «Проектом Соглашения о санитарных и безопасных зонах и местностях», «Проектом Правил, касающихся коллективной помощи гражданским интернированным») (заключена в г. Женеве 12.08.1949) (с изм. от 08.12.2005) // Там же. С. 204–278, 280.

⁵ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) (вместе с «Правилами, касающимися опознавания», «Удостоверением журналиста, находящимся в опасной командировке») (подписан в г. Женеве 08.06.1977) // Сборник международных договоров СССР. Москва, 1993. Вып. XLVI. С. 134–182 ; Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) (подписан в г. Женеве 08.06.1977) // Там же. С. 182–191 ; Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы (Протокол III) (подписан в г. Женеве 08.12.2005) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру» (далее – «Гарант.ру») : сетевое издание. <https://base.garant.ru/71622214/> (дата обращения: 10.09.2024).

методов в контексте совершения военных преступлений требует конкретизации определенных признаков и особенностей, позволяющих обосновать такой запрет.

Применение методов ведения войны, запрещенных международным договором Российской Федерации, как вариант выполнения объективной стороны ч. 1 ст. 356 УК РФ является одним из наиболее дискуссионных (в контексте доктринального рассмотрения) и, пожалуй, одним из самых сложных по характеристике общественно опасным деянием. Подобного рода сложность в первую очередь связана с бланкетным характером самой нормы и в связи с этим необходимостью анализа значительного количества международных правил.

Юридическое определение термина «методы ведения войны» в самой норме отсутствует. Характеристику его содержания принято давать с учетом анализа доктринальных позиций, представленных довольно скупо. Методы – это то, как осуществляются боевые действия по достижению целей вооруженного конфликта. Методами ведения войны являются порядок и способ использования средств по их прямому назначению, т. е. подавления вооруженных сил и инфраструктуры противника и нанесения повреждений на самом минимальном допустимом уровне [10, с. 190].

По мнению И. И. Котлярова, «методы войны – это определенные способы использования сил и средств ведения войны» [4, с. 49]. Такой же позиции придерживаются и другие исследователи [11, с. 67; 12, с. 263; 13, с. 165]. Данный подход, на наш взгляд, основан, скорее всего, на нормах Наставления по международному гуманитарному праву для Вооруженных сил Российской Федерации⁶ (далее – Наставление). В этом документе фактически ставится знак равенства между методами и способами, поскольку первый термин указан в скобках по отношению ко второму. Однако само содержание их не раскрывается, а конкретные запрещенные действия указываются просто перечислением.

Такой подход создает определенные сложности, поскольку для международного права характерен и юридически в нем закреплен именно термин «методы». И хотя между терминами «методы» и «способы» фактически стоит знак равенства, но применение термина «методы» при толковании более логично, хотя и второй термин не меняет смыслового значения. Исходя из этого, при дальнейшем анализе мы будем использовать именно его: характеристика запрещенных методов ведения войны и их юридическое закрепление имеют международно-правовую регламентацию, а установление уголовной ответственности является реализацией международных обязательств Российской Федерации.

В отличие от средств ведения войны, его методы большей частью закреплены в Женевских конвенциях. Соответственно, их запрет или ограничение носит императивный характер (обязательно для всех государств). Исключением являются методы, установленные в дополнительных протоколах к указанным Женевским конвенциям, поскольку не все государства являются их участниками. В то же время следует отметить, что, по мнению экспертов, Дополнительный Протокол I содержит более детальное и объемное перечисление запрещенных методов ведения войны [14, с. 63].

В данном случае мы сталкиваемся со спецификой реализации публичных отношений (между государствами), которая влияет на возможность привлечения к уголовной ответственности конкретных физических лиц за совершение военных преступлений. Существует международный договор, предусматривающий обязательства государств по неприменению запрещенных методов ведения войны. Государства его подписывают и придают его положениям обязательную юридическую силу на своей территории. Такой страной в рассматриваемом случае является Россия. Однако далеко не все государства стали участником этого международного договора. Соответственно, для последних положения такого договора не являются обязательными и, гипотетически, они могут применять запрещенные для других стран методы ведения войны. Согласно официальным данным, число государств – участников Женевских конвенций – 188; число государств – участников дополнительного Протокола I – 148. Следует отметить, что, например, США (среди прочих стран) не подписали и не ратифицировали ни один дополнительный протокол к указанным конвенциям⁷.

⁶ Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации (вместе с «Правилами применения норм международного гуманитарного права, касающихся опознавания») (утв. Министром обороны Российской Федерации 08.08.2001) // «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/71314428/> (дата обращения: 10.09.2024).

⁷ Перечень международных договоров без участия США // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://mid.ru/ru/maps/us/1914053/> (дата обращения: 10.03.2025) ; Базы данных по международному гуманитарному праву // МККК : [официальный сайт]. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/apiii-2005/state-parties> (дата обращения: 10.03.2025).

В контексте международного права возникает вопрос ответственности государства в случае, если сторонами вооруженного конфликта являются государство – участник соглашения и государство – не участник соглашения, т. е. одно обязано соблюдать его нормы, а другое – нет. Так, все четыре Женевские конвенции по своей юридической силе рассматриваются как соглашения, содержащие общеобязательные (императивные) правила, вне зависимости от того, является ли государство участником данных соглашений. Однако дополнительный Протокол I не имеет такой юридической силы, и его положения являются обязательными только для государств – участников этого договора. При этом сам Протокол содержит весьма детальную регламентацию отдельных методов ведения войны, которые в Женевских конвенциях отсутствуют. По этой причине теоретики ставят вопрос о применении норм ответственности за нарушение положений Протокола (т. е. совершения военных преступлений) в отношении государства – не участника данного документа. Отсюда вытекает и возможность (необходимость) рассмотрения уголовной ответственности физических лиц за применение запрещенных методов ведения войны, поскольку сами военные преступления совершаются конкретными индивидами от лица конкретного государства. К настоящему времени решение этой проблемы в правовом ключе пока не найдено.

И снова вернемся к уголовно-правовому аспекту. В случае установления факта применения запрещенного метода ведения войны, например, из перечня дополнительного Протокола I, для решения вопроса о привлечении конкретного лица к уголовной ответственности по УК РФ необходимо установить, является ли государство, от имени которого действовало это физическое лицо, участником данного международного договора, т. е. являются ли положения соглашения обязательными для него, и, соответственно, может (или не должно) это государство использовать запрещенные методы в рамках своих военных действий. Таким образом, поскольку применение запрещенных методов ведения войны как военное преступление в УК РФ является результатом имплементации положений международного договора Российской Федерации, при решении вопроса об уголовной ответственности конкретного физического лица необходимо устанавливать дополнительные факты.

Следует отметить также, что методы ведения войны могут быть как ограничены, так и полностью запрещены. В Наставлении⁸ закреплён перечень запрещённых методов, применение которых в вооружённом конфликте неоспоримо свидетельствует о совершении военного преступления. Он сформулирован с использованием положений Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним и представляет собой определённую форму имплементации в национальное законодательство. В качестве таких методов в документе указаны:

- убийство или ранение гражданских лиц;
- убийство или ранение лиц, которые, сложив оружие или не имея средств защищаться, сдались в плен;
- отдача приказа никого не оставлять в живых, угрожать этим или вести боевые действия на этой основе;
- вероломство;
- террор в отношении гражданского населения;
- использование голода среди гражданского населения для достижения военных целей; уничтожение, вывоз или приведение в негодность объектов, необходимых для его выживания;
- огневое поражение населённых пунктов, портов, жилищ, храмов, госпиталей при условии, что они не используются в военных целях;
- уничтожение культурных ценностей, исторических памятников, мест отправления культа и других объектов, составляющих культурное или духовное наследие народов, а также их использование в целях достижения успеха в боевых действиях, и др.⁹.

Это перечисление может быть использовано правоприменителем при квалификации военных преступлений и во многом упрощает его работу. В то же время следует отметить ряд недостатков. Некоторые использованные в перечне термины требуют пояснения как с позиции понимания (нападение неизбирательного характера), так и с позиции возможности применения норм национального законодательства об ответственности (террор в отношении гражданского населения). Ни то, ни другое в Наставлении не отражено. К сожалению, в рассматриваемом документе отсутствует и указание, в каком конкретно договоре закреплены перечисленные запрещённые методы ведения войны. Как отмечено ранее, данное обстоятельство имеет значение при установлении факта совершения такого военного преступления.

⁸ URL: <https://base.garant.ru/71314428/> (дата обращения: 10.09.2024).

⁹ Там же.

Так, такие запрещенные методы, как «вероломство», «отдача приказа не оставлять в живых» закреплены в дополнительном Протоколе I. Соответственно, в случае их использования необходимо установить, является ли государство, от имени которого они применялись, участником данного договора. Если нет, то вопрос о привлечении к уголовной ответственности соответствующих физических лиц является спорным.

На наш взгляд, в данном перечне присутствуют определенные неточности относительно безусловного понимания конкретного запрета. Например, такой метод, как «убийство гражданских лиц», не всегда выступает именно методом ведения войны, поскольку такое преступление может быть совершено вне целей войны, вне боевых действий, однако при осознании преступником того факта, что он их совершает в рамках вооруженного конфликта. В таком случае военное преступление выражается в нарушении правового статуса лица, находящегося под защитой. С точки зрения действующей диспозиции, закрепленной в ч. 1 ст. 356 УК РФ, это деяние относится к категории «жестокое обращение с гражданским населением». Например, убийство гражданских лиц представителями вооруженных сил государства-противника вне рамок боевых действий или военных операций на оккупированной территории, при отсутствии приказа командования о совершении таких действий. Совершение убийства гражданских лиц в такой обстановке (боевые действия или военная операция) и в отсутствие приказа свидетельствует о том, что преступные действия не являются тактической формой ведения боевых действий, т. е. лицо их совершает по собственной инициативе в результате личных мотивов и целей, связанных с вооруженным конфликтом. Наличие же такого приказа (убийство гражданских лиц) будет свидетельствовать о применении запрещенного метода ведения войны, поскольку сам приказ отдается вышестоящим командиром (должностным лицом) в целях достижения определенных стратегических задач вооруженного конфликта (захват населенного пункта вне зависимости от последствий).

Поскольку в настоящее время в диспозиции перечислены разные по своей правовой природе и объектам посяательства альтернативные деяния, совершение которых в целом нарушает установленные законы и обычаи ведения войны, правоприменитель не может учесть специфику каждого дополнительного объекта посяательства при квалификации конкретного преступления.

Рассматривая конструкцию анализируемой статьи уголовного закона, мы видим, что законодатель фактически разделил два деяния – «жестокое обращение» и «применение в вооруженном конфликте методов, запрещенных международным договором Российской Федерации». По мнению многих исследователей, убийство гражданских лиц как военное преступление можно рассматривать как жестокое обращение, если эти действия совершены не в рамках тактических, намеренных боевых действий [13, с. 204; 14, с. 277].

Позиция автора данного исследования схожа с мнением А. В. Берко, который считает, что «деяние в виде применения в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором, является общим (родовым) по отношению к иным деяниям, указанным в той же норме. Соответственно, квалификация содеянного как „применения в вооруженном конфликте средства или метода, запрещенного международным договором Российской Федерации” возможна только в том случае, если данное средство или метод не подпадают под содержание иных деяний, указанных в частях 1 и 2 ст. 356 УК РФ» [15, с. 56].

Проведенное исследование свидетельствует о сложности понимания весьма объемного по содержанию общественно опасного деяния, закрепленного в ч. 1 ст. 356 УК РФ, на примере характеристики только одного из альтернативных вариантов выполнения объективной стороны. Учитывая особенности бланкетности данной нормы и специфики применения положений международного договора, ч. 1 ст. 356 УК РФ, возможно, нуждается в корректировке. Поэтому, на наш взгляд, необходимо обособить «применение запрещенных методов ведения войны» в самостоятельный состав преступления либо в рамках отдельной статьи уголовного закона, либо, используя законодательную технику, выделить его из диспозиции ч. 1 ст. 356 УК РФ, например, в ч. 3 ст. 356 УК РФ и указать в примечании к статье необходимость использования положений Наставления¹⁰ для установления признаков объективной стороны. Текст самого Наставления необходимо дополнить, указав все запрещенные методы ведения войны с учетом положений международного договора Российской Федерации и соответственно классифицировать их. В Наставлении должны быть даны определения каждого такого метода для единообразного их понимания и практического применения.

¹⁰ URL: <https://base.garant.ru/71314428/> (дата обращения: 10.09.2024).

3 заключение

Проведенное исследование свидетельствует о сложности и многогранности характеристики общественно опасного деяния «применение методов ведения войны, запрещенных международным договором Российской Федерации», закрепленного в ч. 1 ст. 356 УК РФ. Специфика представленной бланкетности требует изучения различных международных правил ведения войны и наличия специальных профессиональных знаний у правоприменителя. Полагаем, запрещенные методы ведения войны должны найти отражение в уголовном законе в качестве самостоятельного военного преступления с учетом особенностей отдельных правил квалификации, принимая во внимание предложенные выше изменения.

Список источников

1. Меркурьев В. В., Пичугин С. А., Тараканов И. А. Специфика уголовной ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 3 (101). С. 73–81.
2. Адельханян Р. А. Военные преступления в современном праве : монография. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва : Научная книга. 2006. 319 с.
3. Кибальник А. Г., Соломонович И. Г. Преступления против мира и безопасности человечества / под науч. ред. А. В. Наумова. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. 383 с.
4. Котляров И. И. Международное гуманитарное право об ограничении воюющих в выборе методов ведения войны // Московский журнал международного права. 2009. № 2 (74). С. 44–62. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2009-2-44-62>
5. Смирнова А. Н. Ограничение воюющих в выборе методов и средств ведения войны // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 182–184.
6. Трикоз Е. Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты : монография. Москва : Юрлитинформ, 2007. 504 с.
7. Саямов Ю. Н. О Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 33–46.
8. Лисаускайте В. В. Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. Как источник толкования военных преступлений в контексте рассмотрения ч. 1 ст. 356 УК Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (107). С. 213–224. <https://doi.org/10.55001/2312-3184.2023.52.46.019>.
9. Лисаускайте В. В. Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям 1949 года как источник толкования военных преступлений, предусмотренных статьей 356 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 1 (55). С. 101–110. <https://doi.org/10.37973/KUI.2024.43.10.011>.
10. Перебейносов М. С. Разновидности применения запрещенных средств и методов ведения войны как преступления // Modern Science. 2021. № 1–2. С. 187–193.
11. Акимов В. А., Бодаевский В. П., Кодинцев С. А. Военные преступления в уголовном праве России : монография / под общ. ред. В. П. Бодаевского. 2-е изд. Симферополь : Издательство Типография «Ариал», 2022. 614 с.
12. Смирнова А. Н. Классификация запрещенных методов ведения войны // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 17–1. С. 262–263.
13. Ермолович Я. Н. Квалификация применения в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 159–173.
14. Козирник Р. Протоколы 1977 г. – важный этап развития международного гуманитарного права // Международный Журнал Красного Креста. Специальный выпуск, посвященный 50-летию Женевских конвенций 1949 года. Москва : Международные отношения, 1999. С. 60–82.
15. Берко А. В., Кибальник А. Г. Применение запрещенных средств и методов ведения войны : [монография]. Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2002. 104 с.

Научная статья
УДК 336.225.68
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-194-199>

Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате уклонения от уплаты налогов

Анатолий Николаевич Панкратьев, кандидат юридических наук

Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России
Москва (107078, Рязанский переулок, д. 1), Российская Федерация
a.pankratev@gmail.com

Аннотация:

Введение. Противодействие легализации преступных доходов длительное время является предметом многих исследований, по результатам которых выработаны теоретические подходы по целому ряду принципиальных вопросов уголовно-правового и криминологического характера. Между практические результаты работы правоохранительных органов указывают на отсутствие единого подхода к выявлению и доказыванию подобных преступлений в случаях, когда доход получен в результате совершения экономического преступления. В подобной ситуации наблюдается смешение предмета доказывания первичной и вторичной преступной деятельности, что в конечном счете приводит к оправдательным судебным решениям. Исследование направлено на выработку конкретных предложений относительно юридических приемов описания способа легализации денег или иного имущества, приобретенных лицом в результате уклонения от уплаты налогов.

Методы. В рамках работы проведено исследование статистических показателей, характеризующих качественные и количественные результаты работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России по противодействию отмыванию преступных доходов. В целях объективности результатов исследования осуществлена выборка судебной практики по вопросам совместной квалификации налоговых преступлений и легализации. Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания и такие специальные методы познания, как формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой.

Результаты. По итогам исследования выделены наиболее типичные способы легализации, а также критерии, позволяющие отделить их от способов уклонения от уплаты налогов. Особенности применяемой схемы уклонения от уплаты налогов оказывают влияние на дальнейшие приемы легализации денежных средств. Данная закономерность представляется перспективной основой для совершенствования форм и методов деятельности правоохранительных органов в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова:

налоговая преступность, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, уклонение от уплаты налогов, правоохранительная деятельность

Для цитирования:

Панкратьев А. Н. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате уклонения от уплаты налогов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 194–199; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-194-199>.

Статья поступила в редакцию 17.04.2025;
одобрена после рецензирования 06.06.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Legalisation (laundering) of money or other property acquired as a result of tax evasion

Anatoly N. Pankratev, Cand. Sci. (Jurid.)

Main Department of Economic Security and Anti-Corruption of the MIA of Russia
1, Ryazansky lane, Moscow, 107078, Russian Federation
a.pankratev@gmail.com

Abstract:

Introduction. Countering the legalization of criminal proceeds has long been the subject of numerous studies, the results of which have led to the development of theoretical approaches to a number of fundamental issues of a criminal law and criminological nature. However, the practical results of law enforcement agencies indicate that there is no uniform approach to identifying and proving such crimes in cases where income is obtained as a result of economic crime. In such situations, there is confusion between the subject of proof of primary and secondary criminal activity, which ultimately leads to acquittals. The research is aimed at developing specific proposals regarding legal techniques for describing the method of legalizing money or other property acquired by a person as a result of tax evasion.

Methods. Within the research the investigation of statistical indicators characterising the qualitative and quantitative results of the work of economic security and anti-corruption units of the Ministry of the Interior of Russia in combating criminal income laundering was carried out. For objectivity of the research findings, the sampling of judicial practice on the issues of joint qualification of tax crimes and money laundering was made. The dialectical method of cognition and such special methods of cognition as formal-legal, system-structural, comparative-legal formed the methodological basis of the research.

Results. According to the research findings, the most typical methods of legalisation were identified, as well as the criteria to distinguish them from tax evasion methods. Specifics of the existing tax evasion scheme determine further techniques of money laundering. This tendency seems to be a promising basis for improving the forms and methods of law enforcement activities in this area.

Keywords:

tax crime, legalisation (laundering) of money or other property, tax evasion, law enforcement activity

For citation:

Pankratev A. N. Legalisation (laundering) of money or other property acquired as a result of tax evasion // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 194–199; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-194-199>.

The article was submitted April 17, 2025;
approved after reviewing June 6, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Противодействие легализации имущества и денежных средств, добытых преступным путем, является не только элементом уголовно-правового воздействия на преступность, но и важной составляющей восстановления социальной справедливости, когда преступник не может легально распоряжаться незаконно полученными материальными и финансовыми благами.

Теоретические и практические аспекты выявления и расследования преступлений, предусмотренных статьями 174¹ УК РФ, в различное время становились предметом исследований многих ученых¹, можно констатировать, что к настоящему времени в теоретическом плане сформулированы основные элементы уголовно-правовой [1], криминологической [2] и оперативно-розыскной [3] характеристик таких преступлений.

Достаточно подробно в последнее время изучаются вопросы использования цифровых валют как инструмента легализации [4–5].

Основные уголовно-правовые аспекты, в т. ч. главные объективные и субъективные признаки рассматриваемых преступлений обобщены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации².

Однако, несмотря на это, анализ практики правоприменения показывает отсутствие единой модели выявления и доказывания фактов легализации в случаях, когда предикатом выступает налоговое преступление.

Проблема заключается в том, что при уклонении от уплаты налогов денежные средства, полученные в результате совершения преступления, трудно отделимы от легальных доходов налогоплательщика, а способы уклонения и легализации схожи между собой. Отсутствие четких юридических критериев разграничения данных элементов порождают сложности квалификации действий налогоплательщиков по ст. 174¹ УК РФ.

¹ Алиев В. М. Теоретические основы и прикладные проблемы борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2001. 467 с. ; Жубрин Р. В. Основы профилактики легализации преступных доходов : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2013. 550 с. ; Прошунин М. М. Финансовый мониторинг в системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма: российский и зарубежный опыт : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2010. 416 с. ; Третьяков В. И. Организованная преступность и легализация криминальных доходов : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 363 с. ; Ганихин А. А. Легализация (отмывание) имущества, приобретенного преступным путем: финансово-экономический и уголовно-правовой аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 184 с. ; Лупырь М. В. Уголовно-правовая оценка легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2019. 214 с. ; Эм В. Ю. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 213 с.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9.

Методы

Нами проведено исследование статистических показателей, характеризующих качественные и количественные результаты работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России по противодействию отмыванию преступных доходов.

В целях обеспечения объективности результатов исследования осуществлена выборка судебной практики по вопросам совместной квалификации налоговых преступлений и легализации. Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания и такие специальные методы познания, как формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой.

Результаты

Наличие закономерной связи преступления, выступающего предикатом, и способа легализации представляется объективной закономерностью, оказывающей существенное влияние на методику выявления и доказывания соответствующих деяний. Например, А. В. Буданицкий предлагает дифференцировать риски легализации применительно к преступлениям террористической направленности [6]. Схожие выводы обоснованы и в диссертационных исследованиях³.

Взаимосвязь первичной и вторичной преступной деятельности преимущественно исследованы в части общеуголовных преступлений [7–8].

Аналогичная работа применительно к практике подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (далее – ЭБиПК МВД России) практически не проводилась. Публикации в большинстве своем ограничиваются достаточно обстоятельным изложением имеющихся проблем в данной сфере [9–10], однако в своей совокупности подобные исследования не привели к формированию единой модели организации практической работы.

Во многом это обусловлено тем, что до 2013 года преступления, предусмотренные статьями 193, 194, 198–199² Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ (далее – УК РФ), были исключены из числа предикатов легализации⁵. В силу указанного обстоятельства в отечественной правовой науке сформировалась позиция, при которой уклонение от уплаты налогов рассматривается как действие, тождественное легализации [11]. Изменение законодательства кардинально не трансформировало указанного теоретического тезиса. Например, С. В. Дмитриев [12] в публикации 2020 года резюмирует, что уклонение от уплаты налогов можно считать легализацией доходов, полученных преступным путем.

Применительно к налоговым преступлениям вопросы легализации преимущественно изучаются либо в теоретической плоскости, либо с позиции анализа зарубежного опыта [13–16]. Не оспаривая значимости подобных исследований, необходимо отметить, что их результаты с трудом применимы в практической деятельности. А. В. Федоров [17] предлагает использовать возможности Федеральной налоговой службы Российской Федерации для противодействия легализации преступных доходов, однако не приводит каких-либо конкретных предложений практического характера. В свою очередь А. И. Анапольская и М. Ю. Дворецкий [18], выделяя налоговую составляющую в системе легализации преступных доходов и описывая соответствующие способы легализации, в конечном счете ограничиваются упоминанием «фирм-однодневок», не разделяя способ уклонения от уплаты налога и способ легализации.

Таким образом, в теоретическом плане взаимосвязь налоговых преступлений и легализации признается большинством исследователей, однако четких критериев практического разграничения предикатного и последующего преступления не сформулировано.

В соответствии с проведенным исследованием, в 2020–2024 годах ЭБиПК МВД России ежегодно выявлялось около 450 преступлений, предусмотренных ст. 174¹ УК РФ (2020 год –

³ Юсупов Н. В. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) имущества, полученного от преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов) : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. 177 с. ; Плешакова Е. В. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: по материалам Южного федерального округа : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 214 с.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям : Федеральный закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3207.

442 преступлений, 2021 – 478, 2022 – 474, 2023 – 450, 2024 – 425). В среднем 300 уголовных дел по итогам расследования были направлены в суд (2020 год – 286 уголовных дел, 2021 – 300, 2022 – 319, 2023 – 286, 2024 – 326). При этом в суд направлялись дела только в отношении относительно небольшого количества лиц (2020 год – 17 лиц, 2021 – 18, 2022 – 34, 2023 – 34, 2024 – 46). Таким образом, существенные различия в количестве выявленных преступлений и лиц, в отношении которых дела направлены в суд, подтверждают тезис о наличии практических сложностей расследования и доказывания преступлений рассматриваемой категории.

Указанная тенденция в равной мере применима к фактам легализации имущества и денежных средств, полученных в результате уклонения от уплаты налогов. Проблемы в указанной сфере достаточно подробно изложил П. И. Иванов [19], который, приводя результаты собственного исследования, указал, что практически каждое экономическое преступление связано с легализацией. Эти преступления имеют высокий уровень латентности (95 %), большинство из них не получают уголовной квалификации.

Проведенное исследование говорит о наличии практики возбуждения уголовных дел по фактам легализации денег, полученных от налоговых преступлений, в г. Москве⁶, Московской, Липецкой⁷ и Брянской⁸ областях, Красноярском крае⁹ и других регионах. Факты возбуждения уголовных дел с рассматриваемой квалификацией, а также проведение по ним процессуальных и следственных действий достаточно широко обжаловались стороной защиты, что позволяет составить представление о том, какие именно действия первично квалифицировались по ст. 174¹ УК РФ. Большинство следователей при описании объективной стороны легализации единообразно указывают на проведение финансово-хозяйственных операций с денежными средствами, выведенными из-под налогообложения. Чаще всего это выражается в перечислении денег со счетов подставных лиц на реквизиты иных организаций лиц, в т. ч. в счет оплаты товаров и услуг в интересах обвиняемого.

Между тем большинство подобных уголовных дел либо не оканчиваются вынесением приговора в части легализации.

Впервые положительная судебная практика привлечения к уголовной ответственности по рассматриваемой категории дел была сформирована в 2018 году за счет приговоров, вынесенных судебными органами Кабардино-Балкарской Республики в отношении А. А. Апажева¹⁰ и Самарской области в отношении А. Н. Тарасова¹¹.

В обоих случаях рассмотрение дела происходило в особом порядке, подсудимые признали свою вину. Из текста судебных решений следует, что легализация была осуществлена налогоплательщиком путем перечисления денег на счета подставных организаций по фиктивным основаниям, т. е. фактически суд использовал модель идеальной совокупности способа уклонения от уплаты налогов и способа легализации.

Указанные приговоры не привели к формированию единой следственной и судебной практики. В 2019 году схожая модель доказывания использована в приговоре в отношении Д. В. Федорова и М. Л. Сухневой¹². В качестве легализации им вменялось перечисление средств на карты

⁶ Апелляционное постановление Московского городского суда от 20 сентября 2023 г. по делу № 10-18425/2023 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы : [сайт]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/e95058f0-40fb-11ee-8d93-efe7e818475c> (дата обращения: 25.05.2025); Апелляционное постановление Московского городского суда от 1 июля 2019 г. по делу № 10-12338/2019 // Там же. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/8e663b96-0484-48ff-9fc5-ef84ae17efe> (дата обращения: 25.05.2025).

⁷ Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 08 ноября 2018 г. по делу № 22-1282/2018 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WY0WOnyhJ56v/> (дата обращения: 25.05.2025).

⁸ Апелляционное постановление Брянского областного суда от 28 ноября 2023 г. по делу № 22К-1786/2023 // Там же. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ANcP20UPENbP/> (дата обращения: 25.05.2025).

⁹ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Красноярского краевого суда от 22 июля 2024 г. по делу № 33-8404/2024 // Судебные Решения.рф : [сайт]. URL: <https://new.sudebnyeresheniya.rf/84101819> (дата обращения: 25.05.2025).

¹⁰ Приговор Прохладненского федерального районного суда Кабардино-Балкарской Республики № 1-381/2018 1-50/2019 от 21 февраля 2019 г. по делу № 1-381/2018 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/abZkheO9AeNy/> (дата обращения: 25.05.2025).

¹¹ Приговор Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 6 декабря 2018 г. по делу 1-477 // Актофакт : [сетевое издание]. URL: <https://actofact.ru/case-63RS0031-1-477-2018-2018-09-19-2-0/> (дата обращения: 25.05.2025).

¹² Приговор Звериноголовского районного суда Курганской области от 29 мая 2019 г. по делу № 22-1165/2019 // Там же. URL : <https://actofact.ru/case-45OS0000-22-1165-2019-2019-06-26-2-1/> (дата обращения: 25.05.2025).

подконтрольных лиц и снятие денег в наличном виде. В апелляционном порядке данное решение было отменено. При оправдании осужденных суд указал, что операции с деньгами, сокрытыми от налогообложения, сами по себе не свидетельствуют о легализации¹³.

Аналогичным образом в 2019 году фактически оправдан генеральный директор ООО «Новые технологии» Н. С. Онищенко¹⁴. Первоначально в качестве легализации рассматривались его действия по перечислению денежных средств ООО «Новые технологии» в адрес подставных лиц и их обналичивание. По мнению государственного обвинителя, названные действия охватываются ст. 199 УК РФ и не требуют дополнительной квалификации по ст. 174¹ УК РФ.

Приведенные примеры показывают, что в условиях состязательного процесса само по себе установление факта распоряжения денежными средствами и имуществом, добытыми в результате уклонения от уплаты налогов, не могут рассматриваться как основание дополнительного вменения ст. 174¹ УК РФ.

Способ уклонения от уплаты налогов уже предусматривает проведение целого ряда финансово-хозяйственных операций. При доказывании ст. 174¹ УК РФ необходимо разграничивать действия, направленные на уклонение, и действия, направленные на легализацию.

К числу последних наиболее явно относятся операции, не дающие сами по себе налоговой выгоды для фигуранта, но позволяющие ему объяснить появление средств или имущества. Под данные критерии наиболее очевидно подпадают получение и возврат займов.

В качестве примера использования фиктивного займа для легализации можно привести приговор в отношении генерального директора ООО «Судоходная компания „Баренц-Транс“» А. Б. Зигаева¹⁵.

В рамках уклонения от уплаты налогов денежные средства ООО «Судоходная компания „Баренц-Транс“» по подложным основаниям перечислены на ООО «Новые технологии». В дальнейшем они были использованы для безналичной оплаты за автомобиль, приобретаемый на имя жены Зигаева. При этом был оформлен договор беспроцентного займа между женой и ООО «Новые технологии». Суд признал указанные действия легализацией, однако оправдал Зигаева, поскольку сумма легализованных денег не соответствовала крупному размеру.

Заслуживает внимания приговор в отношении И. И. Ченцова, С. А. Ченцовой, Е. Ю. Капуза и Н. А. Масловой¹⁶, когда в качестве способа легализации суд указал многочисленные взаимные платежи между подконтрольными подсудимым организациями, в результате которых были погашены банковские кредиты ООО «Андромакс» – организации, налоги от деятельности которой не были уплачены.

В качестве прецедентного следует рассмотреть приговор в отношении блогера Е. О. Блиновской¹⁷. Применяя схему дробления бизнеса Блиновская, являясь индивидуальным предпринимателем, направляла часть собственной прибыли, сокрытой от налогообложения, на счета подконтрольных лиц и организаций, таким образом необоснованно применяя упрощенную системы налогообложения. По итогам схемы денежные средства находились на счетах подставных лиц, и каких-либо законных оснований для распоряжения ими Блиновская не имела.

В качестве действий по легализации вменены операции, в рамках которых деньги со счетов подставных лиц перечислялись на расчетные счета самой Блиновской и подконтрольных ей организаций под видом займов, внесения в уставной капитал последних и производства оплат различных товаров в интересах подконтрольных юридических лиц.

Организации получатели денежных средств были подконтрольны Блиновской и ее мужу, вели реальную коммерческую деятельность, не связанную с деятельностью Блиновской. Указанные операции в большинстве своем не облагались НДС в силу правовой природы и не влияли на налоговые обязательства ИП Блиновской, однако позволили ввести в оборот средства, которые формально Блиновской не принадлежали. Именно указанные обстоятельства позволили квалифицировать перечисленные операции в качестве объективной стороны ст. 174¹ УК РФ.

¹³ Апелляционное постановление Курганский областной суд от 25 июля 2019 г по делу № 22-1165/2019 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VAA3BHCEE4dO/> (дата обращения: 25.05.2025).

¹⁴ Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 23 мая 2019 г. по делу № 1-63 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EYRSbBj4lANX/> (дата обращения: 25.05.2025).

¹⁵ Приговор Октябрьского районного суда города Архангельска от 31 октября 2016 г. № 1-10/2016 1-252/2015 по делу № 1-10/2016 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/D4sBvh7TjMl5/> (дата обращения: 25.05.2025).

¹⁶ Приговор Новоалександровского районного суда Ставропольского края от 27 февраля 2019 г по делу № 1-2/2019 // Новоалександровский районный суд : [сайт]. URL: <https://novoaleksandrofsky.stv.sudrf.ru/> (дата обращения: 25.05.2025).

¹⁷ Приговор Савёловского районного суда г. Москвы от 3 марта 2025 г. по делу № 1-75/25 (1-674/24) // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы : [сайт]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/services/cases/criminal/details/c0389a70-530d-11ef-b9ef-9193d0ad16fe?participant=Блиновская> (дата обращения: 25.05.2025).

При этом покупка Блиновской предметов роскоши и иные расходы со счетов подставных лиц не были квалифицированы как легализация, поскольку не создавали видимости правомерного владения и распоряжения денежными средствами.

3 заключение

На основании результатов проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Использование денежных средств, сокрытых от налогообложения, само по себе не является их легализацией в отсутствие дополнительных действий, направленных на придание им видимой правомерности.

Способ уклонения от уплаты налогов и способ легализации не могут совпадать и представляют собой хотя и взаимосвязанные, но различные по содержанию и цели финансово-хозяйственные операции.

Одним из признаков способа легализации является отсутствие налоговых последствий для налогоплательщика соответствующих финансово-хозяйственных операций.

В качестве наиболее типичных способов легализации денег, сокрытых от налогообложения, выступают операции, связанные с выдачей (возвратом) фиктивных и реальных займов, а также сделки с долями уставного капитала.

Список источников

1. Быстрова Ю. В. Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: уголовно-правовая и криминологическая характеристики // Вестник ОРЕЛГИЭТ. 2009. № 4 (10). С. 51–58.
2. Зылин О. В., Быстрова Ю. В. Некоторые аспекты криминологической характеристики легализации преступных доходов // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 2. С. 65–72.
3. Иванов П. И. Об оперативно-розыскной характеристике легализации доходов, полученных преступным путем // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4 (28). С. 130–136.
4. Прасолов В. И., Фешина С. С. Влияние цифровой трансформации на процессы выявления легализации доходов, полученных преступным путем // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 8-1. С. 130–145. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.22.83.014>.
5. Трухин Н. Н., Гришин Д. А. Особенности и меры противодействия использованию криптовалюты как инструмента легализации доходов, полученных преступным путем // Академическая наука. 2025. № 2. С. 156–160. <https://doi.org/10.24412/3034-4042-2025-2-156-160>.
6. Буданицкий А. В. Современные механизмы обеспечения противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: риск-ориентированный подход // Вестник евразийской науки : сетевое издание. 2023. Т. 15, № s2. URL: <https://esj.today/PDF/62FAVN223.pdf>.
7. Алizada В. А., Волеводз А. Г. Судебная практика применения ст. 174¹ УК РФ по делам о наркопреступлениях, совершенных с использованием криптовалюты // Наркоконтроль. 2017. № 4. С. 8–14. <https://doi.org/10.18572/2072-4160-2017-4-8-14>.
8. Селищева Е. Г. О проблемах совершенствования уголовного законодательства в сфере борьбы с легализацией (отмыванием) средств, полученных от незаконного оборота наркотиков, и дополнительных путях подрыва экономических основ организованной наркопреступности // Наркоконтроль. 2011. № 2. С. 14–18.
9. Жубрин Р. В., Лавроненко Р. А. Легализация преступных доходов в кредитно-финансовой системе // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 2 (64). С. 11–16.
10. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 151–157. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10281>.
11. Хомицкий Е. В. Уклонение от уплаты налогов как составляющая легализации незаконных доходов // Экономический журнал. 2010. № 4 (20). С. 53–57.
12. Дмитриев С. В. К вопросу о взаимосвязи легализации доходов, полученных преступным путем, и уклонения от уплаты налогов / Цифровая экономика как вектор трансформации правосубъектности участников налоговых отношений в России и за рубежом : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции в рамках IV Саратовских финансово-правовых чтений научной школы Н. И. Химичевой : в 2 ч., г. Саратов, 23 мая 2019 г. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2020. Ч. 2. С. 15–19.
13. Мигел А. А., Шуликова М. А. Совершенствование валютного контроля в системе противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма в России // Российский экономический вестник. 2020. Т. 3, № 2. С. 177–181.
14. Международное налогообложение: размытие налоговой базы с использованием офшоров : монография / Пинская М. Р. [и др.] ; под ред. М. Р. Пинской. Москва : ИНФРА-М, 2015. 191 с.
15. Варсеев В. В., Ларионова Л. И. Зарубежный опыт противодействия финансовым преступлениям // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 134–138.
16. Абакарова Р. Ш. Налоговые преступления международного уровня // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 478–480.
17. Федоров А. В. Совершенствование оперативно-розыскной деятельности в области противодействия легализации доходов, полученных преступным путем // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 11 (102). С. 94–97.
18. Анапольская А. И., Дворецкий М. Ю. Основные способы и механизм легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем с использованием электронных расчетных операций // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13, № 1 (45). С. 53–58. <https://doi.org/10.46741/2076-4162-2019-13-1-53-58>.
19. Иванов П. И. Проблемы противодействия легализации преступных доходов и пути их решения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2020. № 3. С. 9–19.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-200-210>

Расширение понятийного аппарата как основы для формирования уголовного судопроизводства в особых условиях

Дмитрий Михайлович Сафронов, кандидат юридических наук, доцент

Омская академия МВД России

Омск, (644092, пр. Комарова, д.7), Российская Федерация

dimsafronov@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8202-991X>

Аннотация:

Введение. Нестандартные условия, получившие отражение в правовых режимах военного положения, чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации и контр-террористической операции, оказывают серьезное воздействие на уголовное судопроизводство. Осуществление при их введении уголовно-процессуальной деятельности по прежним правилам может не только не способствовать достижению поставленных задач, но и дополнительно осложнить ситуацию. В связи с этим, как представляется, важно адаптировать уголовное судопроизводство к деятельности в иных реалиях. Для этого необходимо на теоретическом и прикладном уровнях признать, что уголовное судопроизводство в стандартных условиях и в условиях действия иных правовых режимов должно различаться. Это влечет постановку вопроса о введении в понятийный аппарат терминов, характеризующих деятельность органов, осуществляющих уголовное судопроизводство в условиях повседневной деятельности и в особых условиях как основы для формирования нового направления развития уголовно-процессуального законодательства в особых условиях.

Методы. В процессе исследования использовались методы анализа, синтеза и сравнительного правоведения.

Результаты исследования состоят в формулировании новых уголовно-процессуальных терминов: «режим повседневной деятельности», «специальный правовой режим», «особый правовой режим» для введения их в доктринальное уголовно-процессуальное регулирование.

Ключевые слова:

уголовное судопроизводство в особых условиях, правовой режим, особые условия, условия повседневной деятельности

Для цитирования:

Сафронов Д. М. Расширение понятийного аппарата как основы для формирования уголовного судопроизводства в особых условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 200–210; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-200-210>.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024;
одобрена после рецензирования 31.03.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Expanding the conceptual apparatus as a basis for the formation of criminal proceedings in special conditions

Dmitrii M. Safronov, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Omsk Academy of the MIA of Russia

7, Komarov Ave., Omsk, 644092, Russian Federation

dimsafronov@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8202-991X>

Abstract:

Introduction. Non-standard conditions reflected in the legal regimes of martial law, state of emergency, emergency situation and counter-terrorist operation have a serious impact on criminal proceedings. The implementation of criminal procedural activities under their introduction according to the previous rules may not only not contribute to the achievement of tasks, but also additionally complicate the situation. In this regard, it seems important to adapt criminal proceedings to activities in other realities. For this purpose, it is necessary at the theoretical and applied levels to admit that criminal

Keywords:

criminal proceedings in special conditions, legal regime, special conditions, conditions of daily activities

© Сафронов Д. М., 2025

proceedings in standard conditions and in conditions of other legal regimes should be different. This entails raising the question of adding to the conceptual apparatus the terms characterising the activities of the bodies carrying out criminal proceedings under everyday conditions and under special conditions as a basis for the formation of a new direction for the development of criminal procedural legislation under special conditions.

Methods. *The methods of analysis, synthesis and comparative jurisprudence were used in the research process.*

The results *of the research consist in the formulation of new criminal procedural terms: 'regime of everyday activity', 'special legal regime', 'special legal regime' in order to introduce them into doctrinal criminal procedural regulation.*

For citation:

Safronov D. M. Expanding the conceptual apparatus as a basis for the formation of criminal proceedings in special conditions // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 2 (106). P. 200–210; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-200-210>.

The article was submitted October 2, 2024; approved after reviewing March 31, 2025 accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Нестандартные условия, получившие отражение в правовых режимах военного положения, чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации и контртеррористической операции оказывают серьезное воздействие на уголовное судопроизводство. Ведение в таких условиях уголовно-процессуальной деятельности с использованием обычной процедуры и предоставляемым объемом гарантий прав личности может не только не способствовать достижению поставленных задач, но и выступить фактором, дополнительно осложняющим ситуацию, что и обуславливает постановку вопроса об адаптации уголовного судопроизводства к иным реалиям.

При этом в сфере, связанной с правовым регулированием, изменения должны начинаться с основных правовых норм, касающихся условий осуществления деятельности. К ним, на наш взгляд, и должны относиться условия осуществления уголовно-процессуальной деятельности, что и создает предпосылки для постановки вопроса о введении в понятийный аппарат уголовного судопроизводства терминов, описывающих возможность осуществления деятельности в различных условиях. Признание этого обстоятельства создаст фундамент для правового реформирования уголовного судопроизводства с целью подготовки его к деятельности в особых условиях.

Методы

В процессе исследования использовались методы анализа, синтеза и сравнительного правоведения.

Результаты

Результаты исследования состоят в формулировании новых уголовно-процессуальных терминов: «режим повседневной деятельности», «специальный правовой режим», «особый правовой режим» для введения их в доктринальное уголовно-процессуальное регулирование.

Обсуждение

Государственные органы Российской Федерации, к которым относятся органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, выполняя возложенные на них обязанности по защите национальных интересов, обеспечивают безопасность общества, основ конституционного строя, безопасность государства, мир и безопасность человечества, закрепленные в законодательстве правовыми средствами.

Эффективное осуществление такой деятельности предполагает организацию работы, при которой они должны продолжить функционировать и в случае проявления неожиданных возмущающих воздействий (социального, биологического, техногенного и др. характера) [1, с. 6]. Законодатель стремился учесть множество видов таких воздействий, формируя для их преодоления различные правовые режимы деятельности государственных органов. Вне зависимости от видов таких режимов в процессе их обеспечения наряду с деятельностью, направленной на ликвидацию причин и условий, вызвавших их введение, продолжают осуществляться и иные виды, в т. ч. расследование преступлений и рассмотрение уголовных дел в судах. При этом данное обстоятельство практически не учитывается законодательством, что снижает эффективность этого процесса.

Между тем публичные (государственные) виды деятельности должны взаимодействовать между собой в любых условиях – как в стандартных, так и в нестандартных. Для этого законодательством должна быть учтена возможность продолжения работы всех видов государственных органов в различных нестандартных условиях. Для облегчения понимания сути нестандартных условий следует отметить, что они, как правило, получают закрепление в нормативных правовых актах, в которых получили наименование различных административно-правовых режимов: чрезвычайных, специальных и особых. Нельзя не согласиться, что содержательное значение данных терминов неравнозначно и требует уточнения. Эту задачу предстоит решить.

Начнем с того, что режим означает «условия деятельности, работы»¹. В нормативных правовых актах это понятие содержательно не определено. Однако термин «порядок» наиболее точно отражает характеристику действий определенных лиц. В научной литературе понимание термина «правовой режим» существенно разнится: от максимально широкого – порядка деятельности всех государственных органов [2; 3], до узкоспециализированного – правового режима учреждений, исполняющих наказания [4, с. 93]. Для целей нашего исследования важно, что правовой режим обязательно охватывает, с одной стороны, статус субъектов отношений, а, с другой – методы, определяемые государством для его поддержания [5, с. 12]. Говорить об использовании средств, не закрепленных в нормативных актах, как средствах неправовых представляется юридически неосновательным [1, с. 3]. Более того, это может негативно сказаться на жизни и безопасности граждан нашей страны.

Чтобы оперировать термином «правовой режим», необходимо понимать его содержание, которое можно сформулировать как установленный нормативными правовыми актами для определенных субъектов порядок их деятельности, закрепляющий их права, обязанности, ответственность.

Правовой режим фактически установлен для каждого вида деятельности, особенно государственной. Более того, он должен иметься для любых условий деятельности, как стандартных, так и нестандартных. Его отсутствие при возникновении последних будет означать не отказ государственных органов от выполнения возложенных на них задач, а их достижение иными, в т. ч. и незаконными средствами. В связи с этим заметим, что каждый государственный вид деятельности подлежит правовому регулированию, учитывающему различные варианты развития событий, в т. ч. деятельность в нестандартных условиях.

Законодатель оперирует термином «правовой режим» не строго, используя различные сочетания.

В одних случаях он ограничивается термином «правовой режим». Например, правовой режим контртеррористической операции (ст. 11 Федерального закона (далее – ФЗ) «О противодействии терроризму»²), правовой режим военного положения (ст. 6 Федерального конституционного закона (далее – ФКЗ) «О военном положении»³). В других – «специальный правовой режим» в связи с прекращением деятельности в особой экономической зоне⁴. В-третьих – «особый правовой режим». Например, особый правовой режим чрезвычайного положения (ст. 1 ФКЗ «О чрезвычайном положении»⁵). В-четвертых – режим особых условий в исправительных учреждениях (ст. 85 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации⁶ (далее – УИК РФ)). В-пятых, когда в законе термин «правовой режим» применительно, например, к термину «чрезвычайная ситуация» как виду правового режима, не используется вообще⁷.

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва : Мир и Образование, 2019. С. 1008.

² О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2006. № 11. Ст. 1146.

³ О военном положении : Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

⁴ Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 280 ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 409-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7351 ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социально-экономического развития Калининградской области : Федеральный закон от 5 декабря 2017 г. № 393-ФЗ (ред. от 19.07.2018) // СЗ РФ. 2017. № 50 (ч. III). Ст. 7564.

⁵ О чрезвычайном положении : Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

⁶ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. №-1 ФЗ (ред. от 25.10.2024) // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

⁷ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

Такое правовое многообразие повлекло в научном сообществе дискуссии об их наименовании, сущности, градации. Например, С. А. Старостин для того, чтобы яснее понять виды правовых режимов, могущих быть реализованными в стандартных и нестандартных условиях деятельности государственных органов, предложил следующую их классификацию: режимы территорий, режимы организаций и специальные административно-правовые режимы [1]. Данное деление осуществлено по сфере распространения правового режима: в определенной организации или на определенной территории.

Продолжая устанавливать содержание правовых режимов, предложим еще два классификационных основания: по видам воздействия, оказываемым на государственный орган; и по условиям реализации правовых режимов.

Так, в зависимости от видов воздействия, их обусловившего, правовые режимы могут быть вызваны обстоятельствами социального, природного либо техногенного характера. В отдельных случаях воздействие также может носить комплексный характер: природный катаклизм мог причинить вред населению определенной местности и спровоцировать техногенную катастрофу.

Кроме того, в зависимости от условий реализации, все существующие правовые режимы могут быть разделены на стандартные и нестандартные.

Первую группу образуют такие правовые режимы, описывающие ежедневный порядок действий государственных органов, в которых они, опираясь на типовые полномочия постоянно действующего законодательства, решают возложенные на них задачи, используя обычные правовые средства.

В настоящее время можно выделить не менее четырех видов стандартных правовых режимов: «правовой режим повседневной деятельности», «правовой режим государственной границы» и «правовой режим закрытого административно-территориального образования», «правовой режим учреждения, исполняющего наказание».

В контексте проводимого исследования наибольший интерес представляет первый правовой режим – «правовой режим повседневной деятельности». Данный термин закреплен в Федеральном законе от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»⁸ (абз. 6 ст. 1), однако его содержание не раскрывается.

Устанавливая его содержание, можно выделить следующие признаки:

1. Режим повседневной деятельности осуществляется «органами повседневного управления» (ч. 1 ст. 4.1), т. е. обычными органами государственной власти, иными государственными органами и органами местного самоуправления. В ходе его осуществления данные органы используют ординарное законодательство, и решают возложенные на них задачи обычными, стандартными, регулярно и ежедневно применяемыми правовыми средствами.

2. Он действует «при отсутствии угрозы возникновения чрезвычайной ситуации» (п. «а» ч. 6 ст. 4.1) и иных угроз, оказывающих воздействие на порядок повседневной деятельности.

3. Этот режим не предполагает немедленного реагирования на чрезвычайные ситуации природного, техногенного и социального характера. Более того, для реагирования у органов, его осуществляющих, нет ни сил, ни средств.

4. Режим повседневной деятельности законодатель противопоставляет двум иным правовым режимам: повышенной готовности к чрезвычайной ситуации и чрезвычайной ситуации⁹.

Остановимся на этом моменте подробнее.

Режим чрезвычайной ситуации законодателем характеризуется как «обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей» (абз. 1 ст. 1). Государственные органы, не имея возможности при его введении эффективно использовать стандартные правовые средства, должны использовать нестандартные, позволяющие успешно преодолевать все возникающие виды воздействий. При угрозе возникновения данного режима вводится режим повышенной готовности к чрезвычайной ситуации.

На наш взгляд, противопоставление правового режима повседневной деятельности двум названным правовым режимам слишком сужает его понимание и сферу применения, поэтому предлагаем толковать его шире и считать базовым стандартным правовым режимом для всех

⁸ СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

⁹ Там же.

государственных органов и органов местного самоуправления в противоположность всем видам нестандартных правовых режимов.

Позволим себе на основе вышеизложенного предложить следующее рабочее определение термина «правовой режим повседневной деятельности» – это порядок деятельности органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, которые решают возложенные на них задачи, исполняют обязанности, используя предусмотренные законодательством типовые правовые средства.

По сути, органы государственной власти, иные государственные органы, включая органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, органы местного самоуправления постоянно работают в режиме повседневной деятельности.

Режим повседневной деятельности также можно назвать условиями повседневной деятельности.

По классификации С. А. Старостина правовой режим повседневной деятельности можно отнести к режимам организаций [1].

Помимо режима повседневной деятельности, можно выделить еще три вида иных стандартных правовых режимов, постоянно действующих на определенных объектах или территориях.

Во-первых, иной порядок деятельности складывается в «режиме пограничной зоны» (п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации¹⁰). Он включает в себя «режим Государственной границы», «Пограничный режим» и «режим в пунктах пропуска через Государственную границу» (абз. 5 ст. 3 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 года № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»¹¹. Все указанные режимы обеспечивают безопасность Российской Федерации и реализацию ее государственной пограничной политики.

Во-вторых, иной порядок деятельности имеет место в режиме, обеспечиваемом внутри закрытых административно-территориальных образований (ч. 1 ст. 1 Закона Российской Федерации от 14 июля 1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании»¹²).

В-третьих, на территории исправительных учреждений действует правовой режим учреждений, исполняющих наказание (глава 12 УИК РФ¹³).

Дополнительно названные правовые режимы имеют особенности деятельности, связанные с возложенным на них государством кругом решаемых задач. При этом все стандартные правовые режимы являются постоянно действующими. В рамках их реализации все органы используют стандартные правовые средства.

От стандартных правовых режимов отличаются нестандартные правовые режимы – это правовые режимы, которые вводятся в случае оказания на интересы национальной безопасности воздействия в виде угроз и опасностей социального, природного или техногенного характера, препятствующего либо исключаящего возможность государственным органам, органам местного самоуправления выполнять возложенные на них обязанности стандартными правовыми средствами.

Нестандартные правовые режимы действуют временно, и это создает предпосылки для формирования и закрепления в законодательстве особенностей деятельности на этот период.

В настоящее время единой позиции по наименованию таких правовых режимов не сформировано. Изучение законодательства и научной литературы позволяют предложить проанализировать три термина: «специальный административно-правовой режим», «чрезвычайный административно-правовой режим» и «особый административно-правовой режим».

Систематизацию представлений предлагаем начать с их общей основы: термина «административный», анализировать который мы будем только в той части, в которой его содержание может быть связано с уголовным судопроизводством.

На наш взгляд, наличие признака «административный» в наименовании правовых режимов мы обязаны двум группам обстоятельств.

¹⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://pravo.gov.ru>). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 18.09.2024).

¹¹ О Государственной границе Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 473 (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. 1993. 4 мая.

¹² О закрытом административно-территориальном образовании : Закон Российской Федерации от 14 июля 1992 г. № 3297-1 (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. 1992. 26 августа.

¹³ СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

Во-первых, использованием в актах Президента Российской Федерации: в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации¹⁴, Концепции общественной безопасности в Российской Федерации¹⁵, в указах «Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации»¹⁶, «О классификаторе правовых актов»¹⁷. Все эти акты носят комплексный характер, затрагивая не только административные, но и иные аспекты государственной деятельности, в т. ч. и уголовное судопроизводство.

Во-вторых, отнесением деятельности государственных органов к сфере административно-правового регулирования.

Такая позиция связана с тем, что исследуемый термин не только прочно вошел в научный обиход ученых в области административного права (С. А. Старостина [1; 6], А. В. Степанова [7], Н. В. Субановой [8], Л. З. Чеченовой [9], В. Н. Чорныго и Е. В. Сенатовой [10] и др.), но и активно используется в учебной литературе. Например, Л. Л. Попов и Ю. И. Мигачев пишут, что «административно-правовой режим – это определенный нормами административного права особый порядок функционирования его субъектов, направленный на упорядочение общественных отношений в соответствующей сфере государственного управления»¹⁸.

Возникла ситуация, когда режим приобрел признак «административный» ввиду его частого использования в одной отрасли права и сравнительно редкого использования в других.

Возможно, изначально такой подход был обоснован. Однако в настоящее время ситуация изменилась. Полагаем, что природа нестандартных ситуаций не только административная. Она сложнее и требует вовлечения в деятельность по их преодолению не только органов, на которые возложена задача по ликвидации причин и условий, способствовавших введению определенного вида специального правового режима, но и иных государственных и муниципальных органов. Так, вне зависимости от вида нестандартного правового режима необходимо осуществлять деятельность Вооруженным силам Российской Федерации (далее – ВС РФ), опирающимся на общевоинские уставы¹⁹; органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, руководствующимся ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»²⁰; органам предварительного расследования, действующим в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации²¹ (далее – УПК РФ). Названные и многие другие виды государственной деятельности, будут продолжены в любых нестандартных условиях.

Сам термин «административный», по сути, становится отражением того, что в эту деятельность вовлечено множество государственных органов. Однако они обеспечивают законность в различных сферах жизни, не только в административной. По этой причине при сложившихся обстоятельствах мы должны поставить вопрос об обоснованности наименования описываемых специальных правовых режимов как режимов исключительно административных, поскольку нормативные правовые акты, их описывающие, носят комплексный характер, содержат нормы, касающиеся правового регулирования различных видов государственной деятельности, в т. ч. и уголовного судопроизводства. При таких условиях его использование в наименовании вида специального правового режима не выглядит основательным.

Не менее интересно сложилась ситуация и с использованием иных признаков нестандартных правовых режимов: «чрезвычайный», «специальный» и «особый». Термин «чрезвычайный»

¹⁴ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009) // Российская газета. 2009. 20 октября.

¹⁵ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 14.11.2013 № Пр-2685) // Президент Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653> (дата обращения: 18.09.2024). Документ опубликован не был.

¹⁶ Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2018 г. № 174 // СЗ РФ. 2018. № 18. Ст. 2614.

¹⁷ О классификаторе правовых актов : Указ Президента Российской Федерации от 15 марта 2000 г. № 511 (ред. от 28.06.2005) // СЗ РФ. 2000. № 12. Ст. 1260.

¹⁸ Попов Л. Л., Мигачев Ю. И. Административное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. Л. Л. Попов. 2-е. изд., перераб. и доп. Москва : РГ-Пресс, 2020. С. 207–208.

¹⁹ Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») : Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 (ред. от 01.03.2024) // СЗ РФ. 2007. № 47 (ч. 1). Ст. 5749.

²⁰ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

²¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

следует понимать как исключительный, используемый в нестандартных условиях. При таком подходе данный признак можно истолковать весьма широко, и тогда он мог бы характеризовать все виды специальных правовых режимов. Однако этого не случилось. В его узком толковании признак «чрезвычайный» следует использовать лишь в наименовании специальных правовых режимов, когда он прямо назван: «чрезвычайной ситуации»²² и «чрезвычайного положения»²³.

Против использования данного термина в качестве обобщающего для других нестандартных ситуаций говорит и то, что отечественному законодательству известны иные правовые режимы, в наименовании которых данного термина нет. Например, режимы «военного положения»²⁴, «среднего уровня реагирования», «уровня повышенной готовности» и «базового уровня готовности»²⁵, «повышенной готовности» к чрезвычайной ситуации²⁶, «контртеррористической операции»²⁷, ограничительных мероприятий или карантина и, наконец, режима «особых условий»²⁸. В рассматриваемом аспекте использование термина, не охватывающего все в него входящие понятия, неоправданно. Данное обстоятельство позволяет окончательно отказаться от расширительного применения термина «чрезвычайный».

Мы вынуждены заметить, что в научной литературе можно обнаружить и иные эпитеты для нестандартных режимов: ситуационные, экстраординарные [11, с. 72] и даже спящие [11, с. 72, 76], однако, полагаем, их использование описывает скорее эмоциональную, чем правовую сторону характеристики нестандартных правовых режимов, поэтому в дальнейшем мы их учитывать не будем.

Непростая ситуация складывается с использованием двух оставшихся терминов: «специальный» и «особый».

В научной литературе встречаются сторонники обеих позиций. Например, первый указывают в своих работах С. М. Зырянов [11], Н. Ф. Попова [12], Д. В. Перевалов [13, с. 43], Л. З. Чеченова [9, с. 70.], второй – Д. А. Гришин [14, с. 57–61], Н. А. Морозова [15, с. 28], С. И. Харитонов [16, с. 53.]. При этом обе группы авторов, по сути, ведут речь об одних и тех же видах нестандартных режимов (условиях) деятельности.

Неочевидно различие терминов и для законодателя, который вкладывает в термин «особый правовой режим» различное содержание, ведя речь в первом случае об одном режиме чрезвычайного положения (ч. 1 ст. 1 ФКЗ «О чрезвычайном положении»²⁹), а во втором – о совокупности правовых режимов, введение в действие которых создает предпосылки для перехода учреждений, исполняющих наказание, на особый режим работы (ст. 85 УИК РФ).

Нам видится, что оба анализируемых термина не только имеют право на существование, но и требуют установления их самостоятельного правового содержания для дальнейшего единообразного применения в целях совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Отметим, что в большинстве случаев данные термины описываются как имеющие один смысл. Например, Большой энциклопедический словарь и Словарь антонимов слова «специальный» и «особый» рассматривают как синонимичные, имеющие одно и то же значение и определяемые друг через друга³⁰.

Вместе с тем, в Словаре С. И. Ожегова указывается, что «специальный» – это «... исключительно для чего-то предназначенный, ... относящийся к отдельной отрасли чего-н.»³¹, а «особый» или «особенный» раскрывается как «...не такой как все, ... не как обычно»³². Думается, такой подход можно взять за основу для дальнейших рассуждений.

²² СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

²³ СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

²⁴ СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

²⁵ О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 : Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757 (ред. от 25.08.2023) // СЗ РФ. 2022. № 43. Ст. 7382.

²⁶ СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

²⁷ СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

²⁸ СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

²⁹ СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

³⁰ См., например: Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений : Около 5000 синонимичных рядов ; 20 000 синонимов. 5-е изд., испр. и доп. Москва : Русские словари, 1994. 499 с.

³¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка... С. 1125.

³² Там же. С. 700.

Если специальный – это созданный для чего-то определенного, используемый в отдельной отрасли, а особый – созданный для другого, отличающийся от привычного, то можно сказать, что «специальный правовой режим» – это порядок деятельности органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, применяемый при воздействии, исключающем возможность выполнения ими своих задач типовыми правовыми средствами и непосредственно направленный на ликвидацию причин и последствий, обусловленных режимами военного положения, чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации, контртеррористической операции.

Специальный правовой режим предназначен для ликвидации специальными субъектами отдельных видов угроз, вынесенных в название режимов: военного положения, чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации, контртеррористической операции.

В таком случае «особый правовой режим» – это порядок деятельности органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, направленный на решение государственных задач, решение которых в нестандартных условиях не является основной деятельностью, но остается государственно важным, и косвенно способствует ликвидации причин и последствий, обусловленных режимами военного положения, чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации, контртеррористической операции.

Органы, деятельность которых напрямую не связана с ликвидацией причин и условий введения специальных правовых режимов, по нашему убеждению, должны иметь лишь два режима работы: режим повседневной деятельности и иной режим – режим особых условий как единый порядок действий, применяемый в нестандартных ситуациях и учитывающий все возможные виды воздействий. Поэтому и уголовному судопроизводству как деятельности, непосредственно не направленной на ликвидацию обстоятельств, обусловивших введение специальных правовых режимов, должны быть присущи лишь два режима работы: режим повседневной деятельности и режим особых условий.

В связи с этим, развивая доктринальную правовую идею о формировании уголовного судопроизводства в особых условиях, представляется возможным предложить отразить в УПК РФ ряд положений:

Во-первых, введя в отдельной норме после ст. 4 положение о действии уголовного судопроизводства в условиях повседневной деятельности и особых условиях. При этом необходимо указать, что уголовное судопроизводство осуществляется в режиме повседневной деятельности. При введении специальных правовых режимов военного положения, чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации и контртеррористической операции уголовное судопроизводство осуществляется в режиме особых условий.

Во-вторых, указать в ст. 5 УПК РФ понятие особых условий: это порядок действий органов, осуществляющих уголовное судопроизводство и иных лиц, устанавливаемый в целях обеспечения безопасности общества, основ конституционного строя, государства, мира и безопасности человечества, вводимый в условиях действия специальных правовых режимов, состоящий в установлении особенностей применения уголовно-процессуальных процедур и отдельных ограничений прав и свобод лиц.

Установив принципиальное различие между специальными и особыми правовыми режимами, выделим еще одну значимую для исследования идею. Государственный орган, осуществляющий деятельность в нестандартных условиях, может играть одну из трех ролей, обуславливающих объем реализуемых им полномочий.

Во-первых, он может быть прямо предназначен для ликвидации нестандартных условий. В этом случае он будет действовать в рамках правового режима, являющегося для него специально созданным, по отличающимся от обычных, специальным правилам.

Фактически для всех нестандартных условий есть специально созданные правовые режимы, в рамках которых установлены органы, первоочередной задачей которых является ликвидация нестандартных условий и восстановление первоначального порядка – условий повседневной деятельности.

При этом все другие государственные органы, деятельность которых не может быть приостановлена или прекращена, должны ее продолжить (например, органы здравоохранения, железнодорожного, морского, речного транспорта, топливно-энергетического комплекса, правоохранительные органы и т. д.).

Во-вторых, силы одного государственного органа могут быть привлечены для решения задач иного государственного органа, и в этом случае выполняемые ими обязанности будут соответствовать одному из направлений деятельности органа, для которого такие силы будут вспомогательными, а объем полномочий будет являться частью полномочий специального органа.

Например, ВС РФ могут привлекаться для участия в неспециализированной для них деятельности, к выполнению которой они специально не приспособлены, но, поскольку обладают значительными силами и средствами, могут оказать помощь. Это, например, участие в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, ликвидации чрезвычайных ситуаций, обеспечении режима чрезвычайного положения (подп. «р», «с», «т» п. 32 Военной доктрины Российской Федерации³³).

В-третьих, государственные органы могут оказаться в ситуации, когда они вынуждены продолжать свою деятельность, находясь под воздействием угроз и опасностей определенного вида.

Ликвидация этих воздействий с деятельностью таких органов может быть не связана. При этом они могут не иметь возможности приостановить либо прекратить свою деятельность ввиду ее важности и значимости для общества и государства. Это касается, например, учреждений здравоохранения, транспорта, органов, осуществляющих оперативно-розыскную и контрразведывательную деятельность, производство по делам об административных правонарушениях, уголовное судопроизводство.

Такая деятельность должна быть продолжена, но ее характер может измениться.

Полагаем, поскольку круг видов воздействия ограничен, то и порядок деятельности государственных органов, сменяющий режим повседневной деятельности, должен быть единым, универсальным для всех видов нестандартных правовых режимов.

Для характеристики такого вида деятельности предлагаем использовать термин «особый», а правовой режим деятельности органов, специально не уполномоченных ликвидировать угрозы определенного вида, именовать, соответственно, особым правовым режимом.

С учетом приведенных рассуждений выделим отличия особого правового режима деятельности от специального на примере уголовного судопроизводства.

Во-первых, деятельность в особом правовом режиме не направлена непосредственно на ликвидацию воздействий, обусловивших введение нестандартных правовых режимов.

К примеру, органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, не предназначены для решения задач по территориальной обороне страны, но обязаны расследовать все преступления, совершенные в этот период на территории, подвергшейся вооруженному нападению, и рассмотреть их в суде.

Во-вторых, особый правовой режим предназначен для описания функционирования государственных органов, действующих параллельно со специальными органами. Так, органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, будут действовать наряду с ВС РФ, осуществляющими территориальную оборону страны.

В-третьих, правовые средства в особых условиях должны учитывать все возможные виды воздействий. Поэтому они будут отличаться от используемых в условиях повседневной деятельности и при этом оставаться едиными для всех нестандартных правовых режимов, т. е. носить универсальный характер.

Вряд ли следовало создавать уголовный процесс для каждого из специальных правовых режимов: условий военного положения, условий чрезвычайного положения, условий чрезвычайных ситуаций или контртеррористической операции.

На наш взгляд, уголовное судопроизводство должно иметь единую систему уголовно-процессуальных средств, которые могли бы быть задействованы при введении любого из специальных правовых режимов и охватывались термином «уголовное судопроизводство в особых условиях».

В-четвертых, воздействие, оказываемое специальными правовыми режимами, может повлиять на корректировку приоритетно выполняемых задач с тем, чтобы реализовывать потребность государства в безопасности. Для этого цели такой деятельности должны быть приведены в соответствие с целями иных публичных отраслей права в нестандартных условиях.

Современное уголовное судопроизводство в стандартных условиях провозглашает и обеспечивает приоритетную защиту отдельной личности (ст. 6 УПК РФ). Однако в нестандартных

³³ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) // Российская газета. 2014. 30 декабря.

условиях, когда возникают угрозы безопасности общества, основам конституционного строя, государства, мира и человечества, система ценностей может быть пересмотрена. На первое место могут выйти субъекты коллективной безопасности: общество, государство, человечество, не защитив которые, вряд ли удастся защитить и отдельную личность.

3 заключение

Изложенные обстоятельства позволяют сделать следующие основные выводы.

1. В Российской Федерации государственные органы осуществляют деятельность как в стандартных, так и в нестандартных условиях.

Базовым режимом их деятельности в стандартных условиях является «правовой режим повседневной деятельности», под которым понимается порядок деятельности органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, которые решают возложенные на них задачи и исполняют обязанности, используя предусмотренные законодательством типовые правовые средства.

Правовое регулирование большинства видов государственной деятельности, включая уголовное судопроизводство, установлено для режима повседневной деятельности.

Условия реализации данного режима также можно именовать условиями повседневной деятельности.

2. Наряду с условиями повседневной деятельности государственные органы должны иметь возможность продолжать осуществлять свою деятельность в любых нестандартных условиях. В основе правового регулирования деятельности государственных органов в нестандартных условиях должно лежать единое понимание содержания терминов «специальный правовой режим» и «особый правовой режим».

На наш взгляд, «специальный правовой режим» – это порядок деятельности органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, применяемый при воздействии, исключающем возможность выполнения ими своих задач типовыми правовыми средствами и непосредственно направленный на ликвидацию причин и последствий, обусловленных режимами военного положения, чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации, контртеррористической операции.

«Особый правовой режим» – это порядок деятельности органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, направленный на решение государственных задач, решение которых в нестандартных условиях остается государственно важным, что способствует ликвидации причин и последствий, обусловленных режимами военного положения, чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации, контртеррористической операции.

Особый правовой режим в уголовном судопроизводстве (режим особых условий) – это порядок деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, и иных лиц, установленный в целях обеспечения безопасности общества, основ конституционного строя, государства, мира и безопасности человечества, вводимый в условиях действия специальных правовых режимов и состоящий в определении особенностей применения уголовно-процессуальных процедур и отдельных ограничений прав и свобод лиц.

На наш взгляд, уголовное судопроизводство должно иметь единую систему уголовно-процессуальных средств, которые могли бы быть задействованы при введении любого из специальных правовых режимов и охватывались термином «уголовное судопроизводство в особых условиях».

Список источников

1. Старостин С. А. Классификация административно-правовых режимов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 11. С. 3–10.
2. Самощенко И. С. Охрана режима законности Советским государством : (Правоохранительная деятельность Советского государства – метод обеспечения социалистической законности). Москва : Госюриздат, 1960. 200 с.
3. Керимов Д. А. Обеспечение законности в СССР. Москва : Госюриздат, 1956. 167 с.
4. Наташев А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права : [научная монография]. Москва : Юридическая литература, 1967. 191 с.
5. Рушайло В. Б. Административно-правовые режимы : монография. Москва : Щит-М, 2000. 263 с.

6. Старостин С. А. Чрезвычайные административно-правовые режимы : монография. Москва : Проспект, 2022. 112 с.
7. Степанов А. В. Понятие, признаки, структура и виды административно-правовых режимов миграционной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. 2022. № 3. С. 48–54; <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2022-3-48-54>.
8. Субанова Н. В. Разрешительные полномочия органов исполнительной власти в Российской Федерации. Москва : Юриспруденция, 2012. 288 с.
9. Чеченова Л. З. Принцип законности при реализации специальных административно-правовых режимов, обеспечивающих безопасность в пенитенциарной системе России // Административное право и процесс. 2022. № 4. С. 70–73; <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2022-4-70-73>.
10. Чорный В. Н., Сенатова Е. В. Административно-правовые режимы в уголовно-исполнительной системе // Административное право и процесс. 2021. № 4. С. 47 – 50; <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2021-4-47-50>.
11. Зырянов С. М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 72–81.
12. Попова Н. Ф. Полномочия милиции общественной безопасности по обеспечению специальных административно-правовых режимов // Административное право и процесс. 2009. № 3. С. 24–25.
13. Перевалов Д. В. Специальный комплексный административно-правовой режим обеспечения безопасности критически важных объектов в Республике Беларусь // Административное право и процесс. 2012. № 8. С. 43–50.
14. Гришин Д. А. О мерах государственного принуждения, обеспечивающих публичную безопасность уголовно-исполнительной системы // Административное право и процесс. 2020. № 11. С. 57–61; <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-11-57-61>.
15. Морозова Н. А. Административная ответственность как элемент особого правового режима // Административное право и процесс. 2017. № 10. С. 28–31.
16. Харитонов С. И. Гарантии конституционных прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов // Юрист. 2020. № 12. С. 53–58; <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2020-12-53-58>.

Научная статья
УДК 351.745.7
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-211-217>

Проблема определения и толкования понятия «защита тайны» в оперативно-розыскной деятельности

Андрей Иванович Тамбовцев, кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д. 1), Российская Федерация
bestcopat@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0004-9418-7060>

Аннотация:

Введение. Оперативно-розыскная деятельность объективно связана со сведениями оперативно-розыскного характера, которые содержат служебную или государственную тайну и должны быть гарантированно защищены от несанкционированного распространения. Правоприменительной практикой выработаны вполне действенные способы защиты тайн субъектов оперативно-розыскной деятельности, представляющие собой совокупность регламентно-режимных и негласно-конспиративных поведенческих актов носителей и пользователей этих тайн. В то же время среди ученых и правоприменителей до настоящего времени нет единства в понимании содержания понятия «защита тайны», что закономерно влечет различные подходы к ее реализации. Автором предпринята попытка проанализировать современные воззрения ученых и практиков на понятие «защита тайны» в рамках собственного исследования феномена негласности в оперативно-розыскной деятельности.

Методы. В исследовании применялись следующие методы: сравнительно-правовой и содержательного (контент) анализа нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы защиты государственных тайн; общенаучный диалектический и формально-логический методы при исследовании теоретических положений, определяющих категориально-понятийный аппарат института негласности в оперативно-розыскной деятельности и основы практической защиты тайн. Эти методы позволили выявить проблематику нормативной правовой регламентации защиты государственных и служебных тайн в области оперативно-розыскной деятельности.

Результаты. Основываясь на результатах анализа российского законодательства и многочисленных научных исследований, автор приходит к обоснованному заключению, что в настоящее время российское законодательство, регламентирующее оборот и защиту государственных тайн, содержит коллизионные нормы, порождающие их неоднозначное толкование, а потому нуждающиеся в коррекции. Автором предлагаются собственные аргументированные взгляды на отдельные понятия, используемые в законе о государственной тайне и способы защиты тайн.

Ключевые слова:

оперативно-розыскная деятельность, тайна, государственная тайна, частная тайна, теория негласности, негласность в оперативно-розыскной деятельности, обеспечение негласности, институт негласности, конспирация

Для цитирования:

Тамбовцев А. И. Проблема определения и толкования понятия «защита тайны» в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 211–217. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-211-217>.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025;
одобрена после рецензирования 09.04.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

The problem of defining and interpreting the concept of ‘secret protection’ in operative-investigative activities

Andrei I. Tambovtsev, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
bestcopat@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0004-9418-7060>

© Тамбовцев А. И., 2025

Abstract:

Introduction. Operative-investigative activities are inherently linked to confidential information, which may contain official secrets and must be reliably protected from unauthorised disclosure. Law enforcement practice has developed effective methods of secret protection of operative-investigative subjects, comprising a combination of regulatory, procedural, and covert-conspiratorial behaviour of keepers and users of this secret. However, there is no consensus on the interpretation of the concept of 'secret protection' among scholars and practitioners. This fact naturally leads to varying approaches in its implementation. The author attempts to analyse contemporary views of scholars and practitioners on the concept of 'secret protection' within the framework of his own study of the covert operations paradigm in operative-investigative activities.

Methods. The study employed comparative legal and content analysis of regulatory legal acts governing the protection of official secrets; general scientific dialectical and formal-logical methods in examining theoretical provisions defining the categorical and conceptual framework of the covert operations paradigm in operative-investigative activities and the foundations of practical secret protection. These methods helped identify issues in the legal regulation of official secret protection in the field of operative-investigative activities.

Results. Based on the analysis of Russian legislation and numerous scientific studies, the author concludes that current Russian laws regulating the handling and protection of official secrets contain conflicting norms leading to ambiguous interpretation, thus requiring correction. The author presents well-reasoned perspectives on certain concepts used in the Official Secrets Act and methods of secret protection.

Keywords:

operative-investigative activities, secret, official secret, private theory of covertness, covertness in operative-investigative activities, protection of undercover operations, principle of covert operations, secrecy

For citation:

Tambovtsev A. I. The problem of defining and interpreting the concept of 'secret protection' in operative-investigative activities // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 211–217. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-211-217>.

The article was submitted February 4, 2025; approved after reviewing April 9, 2025; accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Продолжая изучение понятия «тайна», проводимое нами в рамках диссертационного исследования и рассмотренное нами в статье «Проблемы определения и толкования понятия „тайна“ в оперативно-розыскной деятельности», мы логично переходим к детальному анализу его функциональной производной – понятию «сохранение / защита тайны». Составляющая основу этого понятия реализация комплекса неких действий по сохранению каких-то сведений в тайне от окружающих и предоставляет возможность обеспечения требуемого состояния неведения (неосведомленности) лица, группы лиц или социума о какой-либо информации. Именно в действенном (функциональном) аспекте понятия «тайна» отражается сущность деятельности субъекта (носителя) по ее защите. И здесь важнейшим нам видится именно двойственный характер понятия «информация», лежащего в основе понятия «тайна», т. к. именно эта особенность (дуалистичность) определяет характер и способы сохранения такой информации в секрете. В свете сказанного следует констатировать, что тайну может представлять информация в виде сведений о классических для теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) объектах учета – фактах (событиях), предметах (вещах), лицах¹, либо непосредственно сами перечисленные объекты учета (в т. ч. – некие действия / события), являющиеся информационным отражением существующей действительности. Нами выдвигается и обосновывается тезис, что именно дуалистичный характер информации как отражения бытия в окружающем мире определяет способы защиты этой информации от распространения, а также правовые нормы, регламентирующие понятийный аппарат и функциональную деятельность по непосредственной защите.

Методы

Для всестороннего анализа понятийно-категориального аппарата рассматриваемой области и практики защиты государственных тайн в сфере оперативно-розыскной деятельности применялись общенаучный диалектический, сравнительно-правовой, формально-логический методы и метод контент-анализа действующих положений нормативных правовых актов, регламентирующих правоотношения в указанных областях. Это позволило выявить проблемы теоретического и практического характера в части формирования и использования специального профессионального тезауруса и определения действенных способов по защите государственных тайн в сфере ОРД.

¹ См., например: Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2013. С. 204 ; Хармаев Ю. В. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие. Улан-Удэ: Издательство Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, 2015. С. 65 ; Алферов В. Ю., Гришин А. И., Ильин Н. И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / под общ. ред. В. В. Степанова. 3-е изд., испр. и доп. Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. С. 102 ; Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : учебник / Шхагапсоев З. Л. [и др.] ; под ред. З. Л. Шхагапсоева, Н. П. Голяндина. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2016. С. 101 ; Назаров С. В. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская юридическая академия, 2018. С. 160 и др.

Результаты

Анализируя содержание одного из основных нормативных первоисточников в данной сфере – Закона от 21 июля 1993 г. № 5485-І «О государственной тайне»² (далее – Закон о государственной тайне), а особенно – ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Законе» и раздела VI «Защита государственной тайны», можно обнаружить, что данный Закон оперирует сразу несколькими важными для нашего исследования понятиями и конструкциями, закладывая изначально как основы, так и некоторую коллизионность их непосредственного применения в сугубо теоретической (научно-исследовательской) и непосредственно правоприменительной сферах.

Во-первых, закон использует конкретный термин «защита государственной тайны» (не охрана, не сохранение, не соблюдение и пр.) для обобщенного определения системы активных действий по обеспечению этой самой защиты, тем самым официально вводя его в юридическое (правовое) поле. Но при этом само определение данного понятия в законе не дается. Оно оставлено на усмотрение непосредственного правоприменителя и тем самым создает изначальную неопределенность и от того – научную и юридическую спорность при толковании рассматриваемого правового термина (понятия).

Во-вторых, упомянутая защита согласно данному положению осуществляется в отношении именно сведений (задокументированной информации), а не информации как таковой, т. е. объективного феномена отражения действительности, что, по нашему убеждению, существенно сужает как круг потенциальных объектов, нуждающихся в защите, так и функциональную составляющую по ее (защите) реализации, на что мы уже указывали выше.

В-третьих, косвенно закон декларирует, что защита сведений направлена на их нераспространение, т. к. обратное (а именно – распространение) повлекло бы причинение военного, экономического, политического и пр. ущерба государству. Этим опять же на уровне федерального законодательства ограничиваются возможности соответствующих субъектов по защите государственной тайны, а также непосредственных субъектов оперативно-розыскной деятельности, нуждающихся в защите не только сведений (т. е., как указывалось выше, задокументированной информации об объектах учета), но и самих объектов – лиц, предметов, событий.

К тому же, если основываться на значении понятия «распространение информации», официально декларированном в п. 9 ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» иного правового первоисточника – Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»³ (далее – Закон об информации), то под ним следует понимать «действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц», т. е. целенаправленные действия обладателя такой информации по ее предоставлению бесконечному числу третьих лиц. В свете положений обоих рассматриваемых законов получается нонсенс – государство пытается защитить от распространения сведения, которые само же целенаправленно и распространяет среди неопределенного круга лиц.

Вышеизложенное указывает на неполное соответствие норм Закона о государственной тайне в такой регламентируемой им сфере государственной деятельности, как защита тайн (государственных, служебных, профессиональных), а также на несоответствие друг другу норм Закона о государственной тайне и Закона об информации, информационных технологиях и защите информации.

Некоторыми недостатками, аналогичными вышеуказанным, страдает и упомянутый выше Закон об информации. Статья 16 «Защита информации» данного закона дает следующее определение рассматриваемому понятию: «Защита информации представляет собой принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на:

- 1) обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации;
- 2) соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа;
- 3) реализацию права на доступ к информации»⁴.

² О государственной тайне : Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1997. № 41. С. 8220–8235.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) / СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

⁴ Там же.

Считаем, что оно (определение) обладает фактически всеми вышеупомянутыми пороками Закона о государственной тайне. Главный из них – рассмотрение информации (и дальнейших действий с ней) исключительно в виде сведений, на что мы уже указывали выше.

Учитывая названные недостатки обоих законов и в целях всестороннего исследования сущности «защиты тайны» как таковой, рассмотрим некоторые интересные в контексте нашего исследования научные воззрения.

Одними из первых, кто еще во второй половине XX века касался данной тематики в части определения и классификации способов сокрытия преступления как способов сохранения тайны вообще, являлись Р. С. Белкин⁵ и В. А. Овечкин⁶. В обобщенном виде эти способы можно представить в следующем виде:

- 1) утаивание информации и / или ее носителей;
- 2) уничтожение информации и / или ее носителей (полное или частичное);
- 3) маскировка информации и / или ее носителей;
- 4) фальсификация информации и / или ее носителей;
- 5) смешанные способы.

Позднее аналогичная классификация способов сокрытия преступления (а по сути – информации) признавалась и использовалась в трудах иных исследователей [1, с. 68–70; 2, с. 115–119], что говорит о ее во многом универсальном характере.

Отчасти упомянутые авторы и их научные сторонники, придерживающиеся данных взглядов, правы – подобная классификация допустима, последовательна и в целом правильна при рассмотрении всех без исключения гипотетических способов и методов «защиты тайны», а особенно – с криминалистических позиций, если соотносить их (способы) с преступными намерениями правонарушителей и отсутствием в связи с этим каких-либо морально-нравственных или правовых ограничений у субъектов. Однако подобная авторская позиция (а значит, и классификация) неприемлема при исследовании вопросов защиты тайны исключительно правовыми методами и инструментарием, что и рассматривается нами. Так, исключительно с правовых и гуманистических позиций осуществления ОРД и иных правоохранительных государственных видов деятельности, представляется невозможным уничтожение «нежелательных» носителей информации – лиц, ставших ее случайными обладателями (свидетелями), тел (трупов) жертв со следами насилия или технических устройств (например, автомобильных регистраторов, автоматических камер наблюдения и пр.), как это делалось многими преступниками и в России, и за рубежом.

Основываясь на вышеуказанных работах Р. С. Белкина, В. А. Овечкина и других, а также на работах Стивена МакКорнэка, исследовавшего теорию манипуляции информацией и межличностного общения [3–5], современные исследователи делают вывод, что «защита тайны представляет и в научном, и в практическом плане достаточно сложный и многосторонний процесс сокрытия информации. Возникший у кого-либо интерес к объекту, к тем или иным его свойствам возможно предотвратить двумя основными способами: отсутствием информации в принципе (можно охарактеризовать неразглашением) или целенаправленным искажением истины (дезинформация). Причем в общественных отношениях и то, и другое всегда производится умышленно, сознательно»⁷. Одна из наиболее распространенных классификаций способов защиты тайны выглядит следующим образом:

- 1) управление (манипулирование) количеством распространяемой информации – отнесем к ним утаивание, укрывательство;
- 2) управление (манипулирование) качеством распространяемой информации – наиболее соответствуют искажение, модификация;
- 3) сообщение неверной информации – маскировка, дезинформация;
- 4) доведение неконкретной (двусмысленной) информации – амбилогия;
- 5) распространение отвлекающей информации, обеспечивающее перенаправление внимания от опасных для защищающего тайну фактов⁸.

⁵ См., например: Белкин Р. С. Курс советской криминалистики : [Для преподавателей, адъюнктов, соискателей и слушателей вузов МВД СССР]. Москва : Издательство Академии МВД СССР, 1979. Т. 3. С. 235–242 ; Его же. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. Москва : Юридическая литература, 1988. С. 218–220 и др.

⁶ См., например: Овечкин В. А. Общее положение методики расследования преступлений, скрытых инсценировками : дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1979. 267 с. ; Его же. Расследование преступлений, скрытых инсценировками : учебное пособие. Харьков : Харьковский юридический институт, 1979. 64 с. и др.

⁷ Попандопуло Д. В. Проблемы защиты государственной тайны в оперативно-разыскной деятельности : монография. Ростов-на-Дону, 2016. С. 11.

⁸ Там же. С. 12.

Признавая обоснованность и прагматичность представленных способов и их достаточно универсальный характер, считаем возможным и необходимым частично уточнить и дополнить их с позиции именно теории негласности в ОРД и смежных с нею видов деятельности.

Во-первых, по нашему мнению, в перечень способов сохранения тайны необоснованно не включена система нормативных предписаний по обращению с информацией, сведениями, носителями, источниками и т. п. тайны, т. е. некий регламент (совокупность правил) специального делопроизводства и режима секретности, что, несомненно, является одним из действенных инструментов защиты тайны как таковой. Хотя его история составляет уже несколько веков [6–8], но и в наше время целый ряд исследователей предметно рассуждают об этом действенном способе, доказывая его прагматизм и конечную эффективность в деле защиты государственных и служебных тайн⁹.

Во-вторых, признавая возможность использования лжи (обмана) в межличностных отношениях и более того – в правоотношениях государства с его субъектами – гражданами, организациями и прочими, считаем целесообразным акцентировать внимание на следующем. Как совершенно верно отмечено в работах профессора Ю. В. Щербатых, за тысячелетия существования человеческой цивилизации люди придумали тысячи способов обмана и выразили это в десятках синонимичных терминов – обмануть, оболгать, ввести в заблуждение, перехитрить, одурачить, провести, оставить в дураках, облопошить, задурить и т. д. [9]. Те или иные виды такой формы обмана, как «введение в заблуждение», давно, активно и вполне успешно используются во многих совершенно легитимных сферах жизнедеятельности – разведка, правоохрана, реклама, торговля, медицина и др. Но при этом очевидно, что некоторые из данных терминов (например – «обман», «ложь»), будучи по сути своей совершенно идентичными, являются изначально «негативно / антисоциально окрашенными» в своем субъективно-нравственном значении, и оттого – неэтичными, непригодными для использования в сферах государственной деятельности и особенно в сфере правоприменения, там, где ложь может являться по сути орудием совершения такого преступления, как мошенничество. В связи с этим считаем «политически» верным использование в научных и учебных изданиях и уж тем более в материалах средств массовой информации таких профессиональных терминов, как «дезинформация» и / или «введение в заблуждение», отражающих соответствующие им понятия и явления (виды деятельности субъектов ОРД), имеющие отношение к защите тайн в области ОРД и конспирации. Наше исследование значительного количества тематических публикаций свидетельствует, что именно это предлагается целым рядом правоведов, изучающих рассматриваемую проблематику [10–14].

В-третьих, целенаправленное искажение истины достигается не только дезинформацией как одним из действенных инструментариев ОРД, воплощаемым самостоятельно или в рамках негласного содействия лиц органам, осуществляющим ОРД, о чем ранее писали вышеуказанные исследователи и автор настоящей работы [15], но и другими методами (способами) – мимикрией (маскировкой внешности и поведения), легендированием, зашифровкой и прочим, о чем мы также ранее упоминали в своих научных трудах [16]. При этом и сама дезинформация / введение в заблуждение возможна не только коммуникативным способом – устной или письменной речью, но и иными способами доведения информации до нужных реципиентов – посредством органов чувств [17–20].

Как неоднократно отмечали наши предшественники [21; 22], сохранение тайны в процессе осуществления ОРД предполагает использование достаточно вариативного инструментария, включающего совокупность целенаправленных действий, вовлеченных в ОРД должностных лиц и иных участников по соблюдению широкого ряда правил, предписаний и запретов, позволяющих обеспечить определенную негласность в отношении сил, средств и методов ОРД, ее планов и результатов. Указанные правила и предписания могут иметь официальный характер, охватывать собой конкретную целевую аудиторию, и содержаться в обязательных к исполнению ведомственных и межведомственных нормативных актах. Либо они могут быть сформулированы в качестве выработанных долговременной оперативно-розыскной, разведывательной, военной и иной практикой рекомендаций по действиям оперативных работников и иных участников

⁹ См., например: Административное право Российской Федерации : учебник / Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Москва : Зерцало-М, 2003. С. 40 ; Меркулова С. Н. Уголовно-правовая охрана профессиональной тайны : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 205 с. ; Азовцев В. С. Правовая охрана секретных изобретений в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 148 с. ; Делопроеизводство и режим секретности в органах внутренних дел / Десятов М. С., Васильченко Д. А., Поправко А. С., Шипицын В. А. ; под. ред. М. С. Десятова. Омск : Омская академия МВД России, 2017. 68 с. ; Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : постатейный / Савченко А. И., Федоров А. Н. Изд. 4-е, перераб. и доп. Москва : Деловой двор, 2023. 310 с. ; Вершинина Е. С., Морозов О. Л., Горюнов В. Ю. Государственная и иная охраняемая законом тайна : учебное пособие. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2022. 84 с. и др.

ОРД в различных оперативно-розыскных ситуациях. Безусловно, в обоих случаях речь ведется о различных по своему юридическому статусу основаниям, целевой аудиторией и инструментарии содержательных аспектах деятельности по сохранению тайны. Сюда надлежит отнести следующие аспекты данной деятельности:

- допуск и доступ лица к сведениям, составляющим государственную или служебную тайну;
- обеспечение пропускного и внутриобъектового режима;
- соблюдение режима секретности;
- особый порядок делопроизводства;
- соблюдение правил конспирации – сокрытие (маскировка или легендирование) принадлежности субъектов или объектов к правоохранительной системе, характера и результатов их деятельности.

3 заключение

Исходя из сказанного, целесообразно отметить следующие способы защиты тайны:

1. Максимально полное сокрытие информации от посторонних лиц (в т. ч. от сотрудников оперативных подразделений, не имеющих к этой информации прямого отношения). Данный способ является достаточно условным: зачастую невозможно полностью скрыть информацию (в самом широком понимании этого термина) с учетом объективного характера многих событий, количества вовлеченных в эти события лиц, объектов, предметов и пр. Способ более относится к сведениям как виду задокументированной информации и скорее является неким гипотетическим идеалом, к которому следует стремиться, а не реальным прикладным способом защиты тайн ОРД.

2. Обеспечение конспирации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и смежных с ней иных видов государственной деятельности.

3. Разработка, имплементация и использование правил специального делопроизводства и режима секретности – обязательного к строгому и точному исполнению набора требований и предписаний для работы со сведениями, составляющими государственную (или иную служебную) тайну.

При этом первые два способа фактически охватываются единой целью – обеспечение негласности – т. е. состояния постоянной или временной неосведомленности окружающих об истинной сути происходящего, хотя функционально эти способы «работают» совершенно по-разному.

Список источников

1. Трухачев В. В. Криминалистический анализ сокрытия преступной деятельности : монография. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2000. 224 с.
2. Присекин А. В. Классификация способов сокрытия преступлений // Право и государство: теория и практика. 2011. № 3 (75). С. 115–119.
3. McCornack S. A. Information Manipulation Theory // Communication monographs. 1992. Vol. 59. P. 1–16.
4. McCornack S. A. Interpersonal Communication and You : An Introduction. Bedford, St. Martin's; 2014. 336 p.
5. McCornack S. A., Morrison K. The Essential Guide to Interpersonal Communication. 3rd edition. Bedford, St. Martin's, 2017. 80 p.
6. Жаров С. Н. Становление режима секретности в Российском государстве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 5 (274). С. 171–183.
7. Клименко О. П., Слободяник А. Ю., Шевчик Д. В. История развития делопроизводства в Российской Федерации / Интеграция Республики Крым в систему экономических связей Российской Федерации: теория и практика управления : материалы XII межрегиональной научно-практической конференции с международным участием, г. Симферополь, 28 октября 2016 г. Симферополь : Диайпи, 2016. С. 267–268.
8. Шматов В. М., Чурикова Н. А. История делопроизводства в России / Актуальные вопросы теории и практики в деятельности подразделений полиции по охране общественного порядка и иных служб ОВД : материалы I Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 4 марта 2016 г. Астрахань : Научный центр «Олимп», 2016. С. 55–63.
9. Щербатых Ю. В. Психология лжи и обмана : методы искажения действительности, стратегия избегания обмана, способы выявления правды. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов-на-Дону : Феникс, 2011. 284 с.
10. Образцов В. А., Бертовская Н. Л. Уголовно-релевантное дезинформирование: понятие и критерии допустимости // Уголовное право. 2010. № 2. С. 112–117.
11. Елисов П. П. Использование оперативной дезинформации и инсценировки при проведении оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и документированию коррупционных преступлений: мнение аналитика // Научный портал МВД России. 2015. № 2 (30). С. 54–60.
12. Омелин В. Н. Соотношение оперативно-розыскных мероприятий и иных смежных оперативно-розыскных действий // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 6. С. 9–12.

13. Дубоносов Е. С. Дезинформация криминальной среды при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 2. С. 27–33; <https://doi.org/10.24412/2071-6184-2021-2-27-33>.
14. Нелюбин Р. В., Шевченко С. В., Жабкин А. С. Дезинформация как оружие в информационной войне // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4 (167). С. 402–403.
15. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Содействие граждан правоохранительным органам как социально-правовой феномен : монография. Москва : Проспект, 2022. 344 с.
16. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскной инструментарий : монография. Москва : Проспект, 2024. 304 с.
17. Образцов В. А., Андреев С. В., Бертовский Л. В. Использование дезинформации при выявлении и расследовании преступлений // Российский следователь. 2005. № 8. С. 2–6.
18. Алтухова Л. А., Шахов Н. Г., Дидрих И. В., Севенюк В. В. Модель распространения дезинформации / Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сборник материалов Международной научно-практической конференции, г. Воронеж, 23–24 мая 2018 г. Воронеж : Научная книга, 2018. С. 206–208.
19. Глазунова И. В., Ширкин Н. А. Криминалистическая дезинформация как элемент допустимых средств выявления и раскрытия преступлений // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2018. № 1 (45). С. 40–43.
20. Прохватилов В. В. Теория дезинформации. научные основы социального манипулирования // Информационные войны. 2021. № 4 (60). С. 18–24.
21. Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : материалы научно-практической конференции / под ред. К. К. Горяинова, И. А. Климова. Москва : Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 2002. 239 с.
22. Павличенко Н. В., Самоделкин А. С. Негласность в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России, 2012. № 3. С. 88–93.

Научная статья

УДК 343.01

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-218-225>

Структура состава преступления

Александр Александрович Турышев, кандидат юридических наук, доцент

Омская академия МВД России

Омск (644092, пр. Комарова, д. 7) Российская Федерация

lawtech15@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0003-7286-0528>

Аннотация:

Введение. В статье рассматривается изъян традиционной четырехзвенной структуры состава преступления, распространенной в научной и учебной литературе по уголовному праву, выявленный ввиду нарушения логики деления и многозначности структуры. Ставится под сомнение использование термина «признак» для характеристики структуры состава преступления. Автор предлагает провести ее стандартизацию и нормализацию, используя образ информационной структуры в базах данных для эффективного применения и моделирования в рамках Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Методы. Основным методом исследования структуры состава преступления является информационное моделирование, которое формируется через постановку и изучение проблемных вопросов и применение положений теории систем. Используются частнонаучные методы: анализ, синтез, контент-анализ, сравнительно-правовой при изучении мнений ученых, представлений в науке уголовного права и учебной литературе о составе преступления.

Результаты. Состав преступления представляет собой структурированное множество объективных и субъективных элементов формализованного описания общественно опасного поведения лица. Основу его структуры составляют взаимосвязанные элементы (объект, предмет, деяние, последствие, причинная связь, способ, орудие, средства, время, место, обстановка, субъект, вина, цель, мотив, аффект). Признак относится к элементам и отражает его существенную характеристику, что может использоваться для выделения видов. Автор предлагает двухзвенную группировку элементов в составе преступления – объективные и субъективные, что соответствует стандартизированной модели состава преступления, пригодной для использования в правотворческой, научной и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова:

состав преступления, структура состава преступления, элемент состава преступления, признак элемента состава преступления, приоритетность элементов, группировка элементов, двухзвенная структура, стандартизация состава преступления

Для цитирования:

Турышев А. А. Структура состава преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 218–225. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-218-225>.

Статья поступила в редакцию 20.12.2024; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Corpus delicti structure

Aleksandr A. Turyshev, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Omsk Academy of the MIA of Russia

7, Komarova Ave., Omsk, 644092, Russia

lawtech15@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0003-7286-0528>

Abstract:

Introduction. The article discusses the flaw of the traditional four-level corpus delicti structure, the concept of which is widespread in the scientific and educational literature on criminal law. The flaw is identified as a result of analysing the violation of the division logic of the structure and its multiple meanings. The use of the term “sign” to characterise the corpus delicti structure is put into question. The author proposes to implement its standardisation and normalisation on the basis of the image of information structure in databases for its effective application and modelling within the framework of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords:

corpus delicti, corpus delicti structure, corpus delicti element, corpus delicti element sign, priority of elements, grouping of elements, two-level structure, standardisation of corpus delicti structure

Methods. The main method of research of the corpus delicti structure is information modelling, formed through posing and examining problematic issues and applying the provisions of the theory of systems. The following private-scientific methods were used: analysis, synthesis, content analysis, comparative-legal method when studying scientists' opinions, ideas in criminal law science and educational literature on the corpus delicti.

Results. The corpus delicti is a structured set of objective and subjective elements of a formalised description of a person's socially dangerous behaviour. Its structure is based on interrelated elements (object, subject, act, consequence, causality, method, instrument, means, time, place, setting, subject, guilt, purpose, motive, affect). A sign refers to elements and reflects its essential characteristic and can be used to distinguish types. The author provides a two-level grouping of elements in the corpus delicti – objective and subjective. Such a grouping corresponds to a standardised model of the corpus delicti, appropriate for use in law-making, scientific and law enforcement activities.

For citation:

Turyshev A. A. Corpus delicti structure // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 218–225. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-218-225>.

The article was submitted December 20, 2024; approved after reviewing March 31, 2025; accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Вопрос о структуре состава преступления ранее не имел настолько важного значения, а представлял в большей степени научный интерес для отдельных ученых. С постановкой задачи моделирования Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), где состав преступления выступает основой, четкое понимание структуры становится ключевым вопросом как теории уголовного права, так и формирующейся технологической базы.

Состав преступления означает совокупность как «сочетание, соединение, общий итог чего-нибудь»², или систему как явление, обладающее собственной структурой. Как пишет Я. М. Браинин, «ни один элемент состава преступления не существует сам по себе, а существует только в тесной связи с другими элементами» [1, с. 163]. Однако с однозначностью понимания структуры возникают сложности, поскольку в уголовном праве нет материального объекта изучения, выступающего критерием истинности полученного знания, как, например, в естественных науках. Следует понимать, что состав преступления – результат научной деятельности, созданный интеллектуальный объект, восприятие которого трансформируется через внутренний мир автора, его описывающего. Уникальность исследователя, имеющего различные приоритеты, приводит к преломлению структуры через личные особенности. Осознавая этот факт, автор отдает себе отчет, что изложенное авторское видение структуры состава преступления все же лучше существующего ввиду того, что она создается для моделирования состава преступления и стандартизированного понимания (как часть технологии), а кроме того, строится на основе знаний об информационных системах, а также о системном анализе структурной реализации состава преступления в Особенной части УК РФ.

Методы

Основным методом исследования структуры состава преступления является информационное моделирование, построенное на анализе содержания мнений ученых о составе преступления и совмещении с описанием структуры в информатике и проектировании баз данных. Образ структуры состава преступления формируется через постановку проблемных вопросов и строится на положениях теории систем. Кроме того, отдельные моменты о структурном устройстве состава преступления изучались через контент-анализ существующих представлений в науке уголовного права и учебной литературе, а также применения сравнительно-правового метода исследования.

Результаты

Для дальнейшего развития науки уголовного права требуется переход к стандарту или единому пониманию структуры состава преступления, что обозначено целью данной статьи. Для ее реализации следует последовательно прояснить ряд вопросов:

- Что составляет единицу структуры: элемент или признак?
- Каково наполнение структуры состава преступления?
- Каков порядок приоритетности элементов?
- Каковы основы группировки элементов состава преступления?

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. Москва : Русский язык, 1987. С. 605.

Ответы на заданные вопросы помогут создать структурный образ состава преступления, нормализовать его и способствовать его использованию как отправной точки для последующих исследований в этой области, а также для построения технологии моделирования составов конкретных преступлений в Особенной части УК РФ.

Вопрос 1. Чем представлена единица структуры – элементом или признаком?

О неоднозначности используемой терминологии, характеризующей структуру состава, М. П. Карпушин и В. И. Курляндский говорили следующее: «В учебной и монографической уголовно-правовой литературе при рассмотрении вопросов о составе преступления в одних случаях употребляется понятие элемент состава преступления, в других – признак состава, причем между понятиями „элемент” и „признак”, как правило, не проводят различий, эти понятия отождествляются» [2, с. 173]. Так, А. Н. Трайнин утверждает, что «элементом состава является каждый из фактических признаков, совокупность которых определяет наличие и степень общественной опасности для социалистического государства, предусмотренного законом преступления» [3, с. 84]. Подобная терминологическая путаница продолжается. Одни авторы используют термин «признаки», другие – «элементы», а третьи их отождествляют. К примеру, Д. В. Токманцев считает, что «признаки состава преступления – закрепленные в уголовном законе обобщенные юридически значимые свойства преступлений определенного вида (кражи, грабежи и т. д.), в совокупности характеризующие сущность данных преступлений и позволяющие отграничить преступления одного вида от преступлений другого вида (например, бандитизм от разбоя)» [4]. Для научного мировоззрения такое вольное использование терминологии недопустимо, поскольку не позволяет сформировать однозначное понимание, а также развить на основании него дальнейшие изыскания.

Правильным видится подход А. И. Марцева по разграничению элементов и признаков состава преступления: «Под элементом понимается составная часть какого-либо сложного целого, а под признаком – существенная сторона того или иного явления. „Элемент” с точки зрения русского языка – это существительное, которое отвечает на вопрос „что такое”, а признак – прилагательное, которое отвечает на вопросы „какой”, „какая”, „какое”» [5, с. 53]. Философский словарь определяет элемент как «любой объект (который может иметь весьма сложное строение), связанный с другими объектами в единый комплекс, систему»³. Признак же определен как «показатель, примета, знак, по которым можно узнать, определить что-нибудь»⁴, поэтому составные части состава преступления следует именовать элементами, а их отличительные свойства – признаками.

Определенную сложность вызывает осознание того, что именно в составе преступления следует именовать элементами. М. П. Карпушин и В. И. Курляндский утверждают, что «когда речь идет о составе преступления, можно и нужно говорить о совокупности определенных, законом установленных признаков... применительно к таким понятиям, как объект, субъект, объективная и субъективная стороны преступления, обоснованным представляется употреблять термин элемент...» [2, с. 174]. Такая позиция в корне неверна, поскольку объективная сторона – компонент, который делится на другие составляющие (деяние, последствие и т. д.), а элемент – это все же неделимая единица. То, что названо элементами, является лишь названием группировки элементов, а ее роль в практическом применении состава преступления второстепенна.

Наиболее точно структуру сложного информационного объекта характеризует В. П. Мальков: «Элементами следует называть те составные части, из которых образуется преступление и его состав (субъект, объект, деяние, последствие, причинная связь, цель, мотив и пр.), а признаки – те свойства, которые имеются у отдельных элементов» [6, с. 110].

Спорным видится утверждение А. В. Иванчина, который считает, что «ряд элементов состава может быть расчленен на более дробные единицы (элементы второго порядка). Эти элементы выделяются как наиболее типовые (нередко альтернативные) формы существования элементов первого порядка. Так, деяние включает элементы действия и бездействия, вина – элементы умысла и неосторожности, связь – элементы причинной и обуславливающей связи и т. д.» [7, с. 104]. Такое представление не совсем верно, поскольку элемент относится к неделимой части системы и поэтому не может быть элементов первого или второго порядка. Это не структурное деление, а конкретизация элемента по свойству. Деяние как было конечным элементом, так им и остается, мы указываем лишь формы и виды. В данном случае уместно говорить о степени конкретизации модели состава преступления (соотношении общего и частного). В общей

³ Краткий словарь по философии / под общ. ред. И. В. Блауберга, И. К. Пантина. 3-е изд. Москва : Политиздат, 1979. С. 375.

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стер. Москва : Русский язык, 1988. С. 480.

модели состава элемент – деяние, в конкретной модели состава – действие / бездействие. Действие или бездействие – это типичные формы деяния, выделяемые по свойству (активности / пассивности). Таким образом, элемент состава преступления выступает обобщенным образом всех возможных значений данного элемента, реализованного в Особенной части УК РФ.

Таким образом, состав преступления состоит из элементов как объектов низкого уровня структуры (минимально неделимая, обязательная, целостная часть). К элементам состава преступления относятся: объект, предмет, деяние, последствие, причинная связь, способ, орудие, средства, время, место, обстановка, субъект, вина, цель, мотив, аффект. Признак можно определить как характеристику элемента, описывающую его существенные свойства. Например, пассивность, которая является определяющей характеристикой бездействия как формы элемента деяние.

Вопрос 2. Каковы границы структуры состава преступления?

Ответ на этот вопрос сложен, но если исходить из функциональной (практической) наполненности структуры состава преступления, то решаем. Вместе с тем в науке уголовного права существуют разнообразные мнения по наполняемости элементами.

Некоторые авторы предлагают исключить элементы из состава преступления по тем или иным основаниям. По мнению Н. Е. Крылова, «преступление – дело его рук, его воли, но сам человек находится вне преступления, а значит, и вне его структуры. Субъект не может одновременно совершать преступление и входить в качестве элемента в собственное поведение. Также вне преступления, по логике, должен находиться и объект посягательства, поскольку позитивное явление в виде охраняемых законом общественных отношений не может быть составной частью, элементом, признаком асоциального явления и понятия „состав преступления”» [8, с. 34]. Преступление – это результат субъектно-объектных отношений, в которых мы не можем игнорировать ни объект, ни субъекта, поскольку они характеризуют деяние. Кроме того, субъект как совершает преступление, так и несет ответственность, а без установления объекта невозможно определить общественную опасность деяния.

Е. В. Благов предлагает исключить значительное количество элементов: «Поскольку объект преступления – то, на что оно направлено; субъект преступления – тот, кто его осуществляет; место, время и обстановка совершения преступления – то, в каких условиях это происходит; вина – психическое отношение к преступлению; цель – представление о результате преступления; мотив – побуждение к совершению преступления; эмоции – психическое состояние в момент совершения преступления, все это в понятие состава преступления входить не может»⁵. По логике автора, состав преступления содержит: предмет, деяние, последствие, причинную связь, способ, орудия и средства, что фактически отражает внешнюю сторону преступления. Подобной позиции придерживается и А. Ю. Ширяев, считающий, что для правоприменительной практики целесообразно было бы закрепить узкое содержание понятия состава преступления, исключив из него признаки общего субъекта, личную вину как упречность индивида, а нарушенный объект инсталлировать в объективную сторону преступления [9].

В науке можно встретить компактное наполнение состава преступления элементами. В. П. Малков в составе преступления видит три элемента: «объект – деяние – субъект» [6, с. 111]. Подобная конструкция также упречна, поскольку не предусматривает последствий преступления.

Стремление некоторых ученых вернуть состав преступления к изначальному варианту контрпродуктивно по ряду причин. Во-первых, российская наука уголовного права значительно ушла вперед, подробно разработала конструкцию состава преступления, и бессмысленно отказываться от имеющихся наработок. Во-вторых, модель состава преступления впитала особенности национального мировоззрения, когда отечественное понимание исходит из целостности и универсальности оценки преступного поведения. Правильным будет не отказ, а использование достижений советской и российской науки уголовного права в области состава преступления и дальнейшее ее развитие с учетом информатизации всех сфер жизни общества.

Критерием отбора элементов будет практическая распространенность в уголовном законе (Особенной части УК РФ), на основе которого можно определить объем максимального списка элементов. Таким образом, элементная база состава преступления будет находиться в пределах от полного (объект, предмет (потерпевший), деяние, последствие, причинная связь, способ, орудия, средства, место, время, обстановка, субъект, вина, осведомленность, мотив, цель, аффект) до минимального списка (объект, деяние, субъект, вина). Объем элементной базы должен позволять выполнять все необходимые функции, которые возлагает уголовное право на состав преступления.

⁵ Благов Е. В. Основы применения уголовного права : учебное пособие. Ярославль, 1992. С. 15.

Вопрос 3. Какой из элементов является приоритетным?

В любом множестве всегда выделяют элемент, который является основным для построения конструкции. П. А. Фефелов считает, что «диалектика всегда указывает определяющую сторону, тот момент в единстве противоположностей, который в том или ином случае является доминирующей, ...определяющей стороной состава преступления является субъективная сторона» [10, с. 87–88]. Субъективная сторона важна для понимания причин совершения преступления, а также для оценки злонамеренности при определении меры воздействия, однако она не главная.

А. Н. Трайнин считал, что «...состав преступления всегда есть прежде всего общественно опасное действие. ...Всякое действие человека, в том числе и преступление, не может быть лишено субъективных, то есть человеческих признаков» [3, с. 53]. Только с момента появления преступления (совершения деяния) в социальном пространстве нас начинают интересовать субъект и субъективные признаки. Состав преступления есть определение, построенное на понятии множества, однако даже здесь мы должны учитывать закон приоритета, т. е. выделяем ключевой элемент, на котором завязываются остальные элементы для его характеристики.

В высказывании А. Н. Трайнина видится нарушение логики, когда он пишет, что состав преступления складывается из отдельных элементов, образующих в совокупности общественно опасное преступное действие [3, с. 87]. Деяние, с одной стороны, является одним из элементов состава, а с другой стороны, ключевым словом, через которое определяется преступление. Мы наблюдаем смешение понятий преступления и состава преступления, что приводит к путанице. Хотя деяние и главный элемент, но он недостаточен, чтобы говорить о наличии состава преступления, поскольку является прежде всего одним из множества элементов, характеризующих преступление. Правильная расстановка приоритетов позволяет отделить состав преступления от деяния, а все остальные элементы рассматривать как самостоятельные от него производные его характеризующие.

Из всех элементов главным является деяние, которое мы оцениваем в рамках всего преступного поведения, поэтому другие элементы носят хоть и подчиненный, но все же самостоятельный характер и необходимы нам для установления полноты формальной стороны общественной опасности совершенного деяния. Вторым – субъект, который характеризует общественную опасность личности. При этом эти два элемента подчиняют другие элементы для характеристики совершенного преступления.

Вопрос 4. Какова структура группировки элементов в составе преступления?

В науке уголовного права основной идеей является четырехкомпонентность состава преступления. А. Н. Трайнин предлагал различать четыре группы элементов состава преступления: 1) элементы состава, характеризующие объект преступления; 2) элементы состава, характеризующие объективную сторону преступления; 3) элементы состава, характеризующие субъекта преступления; 4) элементы состава, характеризующие субъективную сторону преступления [3, с. 121]. В дальнейшем многие авторы в учебной литературе поддержали подобную структуру. М. И. Ковалев писал: «К общему составу преступления обычно относятся следующие признаки: объект преступления, объективная сторона, субъект и субъективная сторона»⁶.

Контент-анализ учебной литературы по уголовному праву подтвердил, что подобная схема стала общепризнанной и нашла отражение в большинстве современных учебников⁷. В то же время в ее содержании присутствуют ошибки, на которые следует обратить внимание. Во-первых, наблюдается нарушение логики в иерархичности структуры относительно объекта и субъекта, что выражается в дублировании: «объект – это объект...», «субъект – это субъект...», причем большинство авторов либо игнорируют сей факт, либо идут на хитрость, переходя на перечисление признаков, характеризующих объект и субъект.

⁶ Ковалев М. И. Понятие и признаки преступления и их значение для квалификации : учебное пособие. Свердловск : Свердловский юридический институт, 1977. С. 59.

⁷ См.: Курс советского уголовного права / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чикиндзе : в 6 т. Москва : Наука, 1970. Т. 2. С. 97 ; Уголовное право. Общая часть : учебник / Ковалев М. И., Козаченко И. Я., Незнамова З. А. [и др.] ; отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. Москва : ИНФРА-М, 1999. С. 116 ; Боровиков В. Б., Смердов А. А. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник / под ред. В. Б. Боровикова. Москва : Юрайт, 2010. С. 58 ; Уголовное право. Общая часть : учебник / Мицкевич А. Ф. [и др.] ; отв. ред. А. Н. Тарбагаева. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва : Проспект, 2016. С. 90 ; Уголовное право России : Части Общая и Особенная : учебник / Журавлев М. П. [и др.] ; под ред. А. И. Рарога. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2012. С. 55 ; Уголовное право России. Общая часть : учебник / Балева С. А. [и др.] ; под ред. Ф. Р. Сундукова, И. А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2016. С. 197 ; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. В. В. Векленко. 3-е изд., перераб. и доп. Омск : Омская академия МВД России, 2016. С. 116 ; Уголовное право России. Общая часть : учебник / под общ. ред. С. А. Денисова, Л. В. Готчиной, А. В. Никуленко. Москва : ДГСК МВД России, 2018. С. 77–78 ; Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2021. С. 105 ; Уголовное право России. Общая часть : учебное пособие / Бавсун М. В., Вишнякова Н. В., Карпов К. Н., Николаев К. Д. Омск : Омская академия МВД России, 2022. С. 38.

Л. Д. Гаухман воспроизводит вполне приемлемое для учебников по уголовному праву утверждение: «Так, объекту присущ один обязательный признак – собственно объект и два факкультативных признака: 1) предмет преступления и 2) потерпевший от преступления» [11, с. 44], но все же в данном высказывании просматривается нарушение логики и здравого смысла. Получается, что объект – это объект плюс еще два элемента. При этом объект «как элемент» не равен по объему объекту как «обязательному признаку», хотя они имеют одинаковое название. О подобной проблеме Е. Н. Карабанова писала: «Однако применительно к составу преступления термин „объект преступления“ имеет двойственное значение. Им обозначают, с одной стороны, один из четырех элементов состава преступления, существующий наряду с объективной стороной, субъективной стороной и субъектом; с другой стороны, конкретные правовые блага, на которые посягает преступление» [12, с. 76–77].

Во-вторых, четырехзвенная группировка из-за изначальной неясности границ приводит к различным мнениям относительно их наполненности. Например, С. Д. Шапченко чрезмерно расширяет состав преступления: «Элементами, входящими в объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону состава преступления, являются классы признаков (непосредственный объект, деяние, последствия, вина, вменяемость и т. д.). Классы признаков – это первичные элементы структуры состава преступления. Наряду с ними в качестве особых элементов в состав входят некоторые обстоятельства, исключающие уголовную ответственность (обстоятельства, исключающие общественную опасность и (или) противоправность деяния; малозначительность деяния, предусмотренная ч. 2 ст. 7 Основ)»⁸. По нашему глубокому убеждению, не может быть никаких особых элементов, поскольку малозначительность деяния содержит состав и характеризуется отсутствием признака общественной опасности, а обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность, могут обладать собственным составом, отличным от преступного.

Ряд проблемных моментов структуры состава преступления обозначен В. П. Мальковым: нет никаких объективных и субъективных сторон и элементов, есть лишь элементы внешние (называемые условно физические) и внутренние (психические); последствие как элемент относится к объекту, а не к объективной стороне; причинная связь как элемент преступления не может быть включена в объективную сторону: кроме физических (объективных) элементов в нее должны входить и элементы психические (субъективные), а именно, предвидение последствий в форме умысла или неосторожности; место (пространство), время и обстановка совершения преступного деяния не могут быть отнесены к какой-либо из сторон, а являются такими же основными элементами преступления, как объект, субъект и деяние [6, с. 112]. Имеющаяся система группировки элементов не позволяет однозначно распределить их по структуре состава. Существуют предложения отказаться от отдельных структурных частей состава. Так, С. В. Проценко считает, что «субъективная сторона преступления – ненужный элемент состава преступления... Отсюда логично включить субъективную сторону преступления в структуру субъекта преступления как ее составную часть» [13, с. 22].

В науке уголовного права имеются попытки модернизировать четырехэлементную структуру состава преступления. К примеру, Н. А. Бабий предлагает делить структуру преступления на четыре подсистемы:

1. Объектная составляющая преступления: 1) объект преступления; 2) потерпевший от преступления; 3) предмет преступления.

2. Объективная сторона преступления: 1) деяние; 2) общественно опасный вред; 3) причинная связь; 4) способ совершения преступления; 5) пространственно-временной континуум; 6) событийная обстановка совершения преступления.

3. Субъект преступления: 1) физическая составляющая (физическое лицо, достигшее определенного возраста); 2) психическая составляющая.

4. Субъективная сторона преступления: 1) вина; 2) мотив; 3) цель [14, с. 355–358].

В изложенной структуре нарушена логика: «объект преступления» заменен на «объектную составляющую преступления», в то время как субъект преступления делится на составляющие (физические, психические), что ставит вопрос об уровне такой части, как «составляющая». При этом субъект завуалированно делится на признаки: физическое лицо, достижение возраста – и фактически не содержит в своем составе элементов.

Следует отметить, что независимо от подходов к формированию группировок элементов, их предельное количество не меняется, мы лишь можем по-разному относить их к той или иной группе. Поэтому выделение группировки верхнего уровня должно исходить из практической целесообразности и системной целостности.

⁸ Шапченко С. Д. Оценочные признаки в составах конкретных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1988. С. 15.

Полагаем, что все элементы состава преступления можно поделить на те, что характеризуют преступление с объективной или субъективной стороны. Лишь такая схема структурирования позволит избежать разноуровневых повторений и привести концепт состава преступления в целостное, законченное состояние. Предложение о двухзвенной группировке структуры высказывалось в науке уголовного права. А. А. Герцензон выделял два компонента группировки состава преступления: объективная сторона и субъективная сторона⁹. В. Ф. Ширяев утверждает, что «структура состава преступления должна быть максимально простой, но обеспечивающей охват всех элементов состава. Четырехзвенная структура не может в достаточной мере отвечать этим требованиям» [15, с. 648]. Двучленной группировки придерживался также А. И. Плотников: «Состав преступления – это некая мыслимая усредненная (обобщенная) модель преступления, поддающаяся разборке на основные элементы, где два основных блока – объективный и субъективный. Как понятие состав преступления представляет сведение в единое целое структурных элементов индивидуальных актов» [16, с. 228]. Как полагал А. Н. Трайнин, классификация элементов состава по объективным и субъективным признакам находится в полном соответствии с фактическим содержанием и юридической природой состава преступления [3, с. 119].

Следует отметить, что в англо-американской традиции состав преступления имеет двухэлементную структуру, включающую преступное действие (*actus reus*) и виновное отношение (*mens rea*). Что нам мешает рассматривать состав преступления через объективное и субъективное деление элементов, т. е. то, что выражено в объективной действительности, и то, что представляет субъекта и его внутреннее отношение к совершенному преступлению?

Исходя из изложенных доводов, полагаем, что элементы в составе преступления должны делиться на объективные и субъективные. Можно было бы использовать термины «объективная сторона» и «субъективная сторона», но данные термины ранее использовались и имеют свое содержательное наполнение, поэтому их применение в настоящий момент нецелесообразно. Таким образом, в составе преступления все элементы могут быть отнесены к объективным и субъективным.

Предложенная двухкомпонентная структура состава преступления является решением вышеобозначенных проблем: во-первых, исключает структурную ошибку деления на элементы состава преступления, а во-вторых, исключает многозначность, поскольку ни у кого не возникает сложности отнести элемент к объективному или субъективному.

Путаница со структурой состава преступления в науке уголовного права будет продолжаться, однако для ученых, решивших перейти к следующему этапу развития уголовного права, содержание структуры требует однозначного понимания, один из вариантов которого предложен в данной статье.

Таким образом, мы приходим к следующим положениям о структурном устройстве состава преступления:

1. Структуру состава преступления образуют взаимосвязанные элементы. Элемент – это самостоятельный объект низкого уровня иерархии, представляющий собой неделимую, обязательную, целостную часть. Признак – это характеристика элемента, описывающая его существенные свойства, она может выступать для выделения отдельных форм и видов элементов.

2. Элементами состава преступления являются: объект, предмет, деяние, последствие, причинная связь, способ, орудие, средства, время, место, обстановка, субъект, вина, цель, мотив, аффект.

3. Приоритетным элементом структуры является деяние, которое мы оцениваем в рамках всего преступного поведения, а остальные элементы состава носят подчиненный, но самостоятельный характер для всесторонней оценки общественной опасности. Вторым по приоритетности элементом является субъект, который характеризует общественную опасность личности.

4. Предлагаем установить двухзвенную группировку элементов в составе преступления:

– объективные (объект, предмет, деяние, последствие, причинная связь, способ, орудие, средства, время, место, обстановка);
– субъективные (субъект, вина, цель, мотив, аффект).

Таким образом, исходя из структурного понимания состав преступления – это система объективных и субъективных элементов формализованного описания общественно опасного поведения лица в уголовном законе и в правоприменительной деятельности.

⁹ Герцензон А. А. Уголовное право : Часть Общая : учебное пособие. Москва : РИО Военно-юридической академии Красной Армии, 1948. С. 285.

3 заключение

Согласно истокам русского космизма, все явления, попадающие в сферу наших интересов, получают полное, целостное содержание, встраиваются в систему миропонимания. Состав преступления прошел тот же процесс переосмысления от немецкого *Tatbestand* к отечественному составу преступления как целостному, многофункциональному явлению правовой мысли. Да, в результате получилось сложное, противоречивое, наиболее полное определение, но стоит правильно расставить акценты и оптимизировать структуру, и мы получим универсальный и эффективный уголовно-правовой инструмент.

Состав преступления – это прежде всего структура, которая описывает с формальной стороны совершенное преступление. Поэтому правильное понимание и определение состава преступления возможно, если правильно понимать структуру состава преступления. Многим может не понравиться процесс унификации состава преступления, но это необходимый шаг для формализации основ уголовного права для дальнейшего выхода уголовного права на новый уровень (научный и технологичный).

Дальнейшими шагами в области состава преступления нам видятся следующие направления:

- 1) проведение научных изысканий в области моделирования состава преступления;
- 2) разработка государственных стандартов состава преступления для науки, правотворчества и правоприменения;
- 3) разработка библиотеки стандартизированных элементов состава преступления для практического применения;
- 4) разработка технологии создания качественных составов преступлений в сфере правотворчества.

Список источников

1. Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применения. Москва : Юридическая литература, 1967. 240 с.
2. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. Москва : Юридическая литература, 1974. 231 с.
3. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. Москва : Госюриздат, 1957. 363 с.
4. Токманцев Д. В. К вопросу о структурных элементах и признаках состава преступления // Гражданин и право. 2018. № 9. С. 10–13.
5. Марцев А. И. Общее понятие состава преступления / Вопросы правовой теории и практики : сборник научных трудов. Омск : Омская академия МВД России, 2011. Вып. 6. С. 44–58.
6. Малков В. П. Состав преступления в теории и законе // Государство и право. 1996. № 7. С. 105–113.
7. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления : теория и практика : монография / отв. ред. Л. Л. Куликов. Москва : Проспект, 2014. 352 с.
8. Крылов Н. Е. Дискуссионные вопросы учения о составе преступления // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2012. № 4. С. 26–43.
9. Ширяев А. Ю. Понятие «состав преступления»: сравнительно-исторический очерк // Российский юридический журнал. 2011. № 5. С. 104–110.
10. Фефелов П. А. Основания уголовной ответственности в советском праве // Советское государство и право. 1983. № 12. С. 84–89.
11. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 3-е изд. перераб. и доп. Москва : Центр «ЮрИнфоР», 2005. 457 с.
12. Карабанова Е. Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 69–77. https://doi.org/10.12737/art_2018_6_7.
13. Проценко С. В. О субъективной стороне и субъекте преступления как элементах состава преступления // Российский следователь. 2016. № 14. С. 18–23.
14. Бабий Н. А. Учение о структуре и составе преступления : монография : в 2 кн. Москва : Юрлитинформ, 2019. Кн. I: Понятие структуры и состава преступления. 424 с.
15. Ширяев В. Ф. Состав преступления: история и современность / История развития уголовного права и ее значение для современности : материалы 5 Международной научно-практической конференции, г. Москва, 26–27 мая 2005 г. Москва : ЛексЭст, 2006. С. 648–652.
16. Плотников А. И. Объективное и субъективное в преступлении : монография. Москва : Проспект, 2011. 240 с.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-226-238>

Правовые и организационные аспекты осуществления процессуального контроля на этапе окончания предварительного следствия

Алексей Александрович Фельк

Барнаульский юридический институт МВД России

Барнаул (656038, Алтайский край, ул. Чкалова, д. 49), Российская Федерация

faa986@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0007-1111-3659>

Аннотация:

Введение. Актуальность изучения правовых и организационных аспектов осуществления процессуального контроля на этапе окончания предварительного следствия обусловлена тем, что таковой обеспечивает обоснованность, законность, а также справедливость итоговых решений следователя, которые имеют важное значение как для последующего движения уголовного дела, так и для судеб участников, задействованных в том или ином судебном процессе. Проблема заключается в ряде дискуссионных вопросов, связанных с правовым регулированием и организацией процессуального контроля на данном этапе, а также в недостаточной эффективности его осуществления на практике, о чем свидетельствуют материалы судебной практики. Цель данной статьи – анализ правовых и организационных аспектов процессуального контроля на этапе окончания предварительного следствия. Раскрывается понятие окончания предварительного следствия, процессуального контроля и его соотношения с ведомственным контролем, что позволяет выявить правовые и организационные основы функционирования процессуального контроля. Подчеркивается, что эффективность процессуального контроля определяется сочетанием правовых и организационных факторов.

Методы. В ходе исследования были использованы следующие методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-юридический метод, анализ судебной практики, системно-структурный метод.

Результаты. Были установлены правовые и организационные особенности процессуального контроля на этапе окончания предварительного следствия, выявлены проблемные аспекты в данной области, связанные с отсутствием должного регулирования сроков, на протяжении которых должен быть реализован процессуальный контроль на этапе окончания предварительного следствия. Также были выявлены недостатки требований к кандидатам на должность руководителя следственного органа, что, помимо прочего, негативно сказывается на процессуальном контроле на этапе окончания предварительного следствия. Данная проблема подтверждается материалами судебной практики. Предложены рекомендации, направленные на устранение обозначенных проблем.

Ключевые слова:

окончание предварительного следствия, процессуальный контроль, правовые и организационные аспекты, проблемы процессуального контроля

Для цитирования:

Фельк А. А. Правовые и организационные аспекты осуществления процессуального контроля на этапе окончания предварительного следствия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 226–238. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-226-238>.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025;
одобрена после рецензирования 10.06.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Legal and organisational aspects of procedural control during the completion stage of the preliminary investigation

Alexey A. Felk

Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

49, Chkalova str., Barnaul, Altai Krai, 656038, Russian Federation

faa986@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0007-1111-3659>

© Фельк А. А., 2025

Abstract:

Introduction. The relevance of the study of legal and organisational aspects of procedural control during the completion stage of the preliminary investigation is due to the fact that it ensures the validity, legality and fairness of the investigator's final decisions, which are important both for the subsequent criminal case flow and for the future of participants of legal proceedings involved in a particular trial. The problem lies in a number of debatable issues related to the legal regulation and organisation of procedural control at this stage, as well as in the insufficient effectiveness of its implementation in practice, as evidenced by the materials of judicial practice. The purpose of the article is to analyse the legal and organisational aspects of procedural control at the completion stage of the preliminary investigation. The concept of the completion stage of the preliminary investigation, procedural control and its correlation with departmental control is disclosed, which allows to reveal the legal and organisational basis for the functioning of procedural control. It is emphasised that the effectiveness of procedural control is determined by the combination of legal and organisational factors.

Methods. The following methods were used in the course of the research: analysis, synthesis, induction, deduction, formal-legal method, judicial practice analysis, system-structural method.

Results. Legal and organisational specifics of procedural control at the completion stage of the preliminary investigation were established, as well as the problematic aspects in this area related to the lack of proper regulation of the terms during which procedural control at the completion stage of the preliminary investigation should be implemented. Deficiencies in the requirements for candidates for the position of an investigative body head have also been identified, which, among other things, has a negative impact on procedural control at the completion stage of the preliminary investigation. This problem is confirmed by the materials of court practice. Recommendations aimed at eliminating outlined problems are suggested.

Keywords:

completion of preliminary investigation, procedural control, legal and organisational aspects, problems of procedural control

For citation:

Felk A. A. Legal and organisational aspects of procedural control during the completion stage of the preliminary investigation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 226–238. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-226-238>.

The article was submitted January 13, 2025;
approved after reviewing June 10, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Актуальность исследования правовых и организационных аспектов реализации процессуального контроля на стадии окончания предварительного следствия детерминирована тем, что указанный контроль выступает гарантией обоснованности, законности и справедливости итоговых решений следователя, имеющих принципиальное значение как для дальнейшего развития уголовно-процессуальных отношений по конкретному уголовному делу, так и для правового положения участников, вовлеченных в сферу соответствующего судопроизводства.

Процессуальный контроль на этапе окончания предварительного следствия призван обеспечить всестороннюю проверку материалов уголовного дела, оценку достаточности собранных доказательств, законности и обоснованности предъявленного обвинения, соблюдения прав и законных интересов участников уголовного процесса. От эффективности процессуального контроля на данной стадии во многом зависит качество предварительного расследования, возможность устранения допущенных нарушений и недостатков, защита прав личности в уголовном процессе и в конечном итоге – вынесение законного, обоснованного и справедливого решения по уголовному делу. Недостатки процессуального контроля на этапе окончания предварительного следствия могут привести к необоснованному привлечению лиц к уголовной ответственности, нарушению их прав и свобод, затягиванию сроков производства по уголовному делу и другим негативным последствиям. В связи с этим всестороннее исследование правовых и организационных аспектов реализации процессуального контроля на данном этапе имеет большое теоретическое и прикладное значение для повышения эффективности и качества предварительного расследования, обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Методы

В ходе исследования были использованы различные методы научного познания, такие как анализ и синтез, индукция и дедукция, формально-юридический метод, анализ судебной практики, системно-структурный метод.

Результаты

Прежде чем конкретизировать правовые и организационные аспекты осуществления процессуального контроля на этапе окончания предварительного следствия, целесообразно определить, что подразумевают под окончанием предварительного следствия в целом.

Несмотря на то, что термин «окончание предварительного следствия» неоднократно встречается в тексте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ), законодатель не закрепил его легальную дефиницию. Одним из ярких примеров использования данного понятия выступает наименование ст. 214 УПК РФ – «Окончание предварительного следствия с обвинительным заключением». Однако сама норма не раскрывает содержание данного термина, оставляя его интерпретацию на усмотрение правоприменителя.

Тем не менее в науке предпринимались попытки осмысления рассматриваемого понятия. Заслуживает внимания точка зрения Ю. В. Зиновьевой, которая подчеркивает, что термин «предварительное» применительно к стадии предварительного следствия указывает на неизбежность последующего судебного разбирательства. Иными словами, предварительное следствие выступает в качестве подготовительного этапа, создающего необходимые условия для дальнейшего разрешения уголовного дела по существу [1, с. 332].

В. К. Бобров дополняет, что финальной стадией предварительного следствия выступает его окончание, в процессе которого следователь, проанализировав совокупность собранных доказательств по уголовному делу, приходит к выводу о необходимости либо прекращения производства по делу, либо передачи материалов дела в судебную инстанцию с обвинительным актом для проведения судебного разбирательства и вынесения окончательного решения по существу рассматриваемого дела [2, с. 32].

Таким образом, анализ имеющихся научных подходов позволяет прийти к выводу, что окончание предварительного следствия представляет собой заключительный этап предварительного расследования, в рамках которого следователь формулирует итоговые выводы по расследуемому уголовному делу. В этом смысле окончание предварительного следствия следует рассматривать не как самостоятельную стадию уголовного процесса, а как составной субинститут, входящий в структуру института предварительного следствия.

Данный вывод подтверждается и системным толкованием норм УПК РФ. Положения, регламентирующие процессуальный порядок завершения предварительного следствия, содержатся в тех разделах кодекса, которые посвящены процессуальной деятельности на стадии предварительного расследования². Подобное расположение нормативного материала свидетельствует о том, что законодатель рассматривает окончание предварительного следствия в качестве неотъемлемого элемента предварительного расследования, а не как обособленную стадию уголовного судопроизводства.

Н. В. Григорьева отмечает, что выделение этапа окончания предварительного следствия в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса представляется нецелесообразным. Данный вывод основывается на том, что окончание предварительного следствия выступает неотъемлемым элементом, органично интегрированным в структуру предварительного расследования и находящимся в тесной взаимосвязи с другими его этапами. Внутренняя целостность и взаимообусловленность всех этапов предварительного расследования являются необходимыми условиями для достижения его главной цели – объективного, полного и всестороннего установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и подлежащих доказыванию [3, с. 38].

В целом обозначенный вопрос не получил обширной научной разработки, однако можно провести параллель с окончанием предварительного расследования. В этом случае целесообразно обратиться к позиции О. В. Галкина, который выделил этапы окончания предварительного расследования, после чего заключил, что эти этапы служат отражением общего порядка производства по делу [4, с. 501]. Тем самым автор подчеркнул, что окончание предварительного расследования является составной частью производства по делу в целом.

Исходя из вышеизложенного, окончание предварительного следствия предстает частью предварительного расследования, характеризующейся собственной спецификой, в т. ч. в области организационных и правовых аспектов процессуального контроля. Окончание предварительного следствия должно рассматриваться как неотъемлемая часть предварительного расследования, органично интегрированная в его структуру и обеспечивающая достижение целей досудебного производства.

Как и в случае с понятием «окончание предварительного следствия», законодатель не определяет понятие «процессуальный контроль», что предопределяет необходимость обращения к доктринальным подходам. При этом в данной области знаний имеются дискуссионные моменты. В частности, это вопросы, связанные с четким пониманием сущности процессуального

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

² СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

контроля, а также его соотношения с иными близкими понятиями, например, с ведомственным контролем. Отметим, что разрешение таких дискуссий является важной задачей, что можно связать с необходимостью выработки единого концептуального подхода к пониманию процессуального контроля. Это в свою очередь будет способствовать повышению эффективности его осуществления на практике.

Существует позиция, в рамках которой понятия «ведомственный контроль» и «процессуальный контроль» являются тождественными, взаимозаменяемыми. Подобная точка зрения прослеживается в исследовании И. А. Ретюнских, который среди видов контроля выделяет такие, как ведомственный процессуальный контроль, судебный контроль и прокурорский надзор [5, с. 24]. Таким образом, автор в перечне видов контроля, существующих в рамках уголовного судопроизводства, напрямую указывает на ведомственный процессуальный контроль, фактически отождествляя ведомственный контроль и процессуальный контроль.

Понятия «ведомственный процессуальный контроль» используют также Е. В. Блинова, И. Е. Зобнин и др. [6, с. 20; 7, с. 866]

Полагаем логичным мнение, высказанное Д. А. Ивановым, который считает, что сущность процессуального контроля состоит в возникновении правоотношений между руководителем следственного органа и следователем и связанных с соблюдением положений уголовно-процессуального и уголовного законодательства, а также криминалистических методик. Что касается ведомственного контроля, то таковой имеет под собой основу не только в виде норм уголовно-процессуального и уголовного законодательства, но и ведомственных нормативных-правовых актов. Как правило, использование термина «процессуальный» применительно к контролю, исходящему от руководителя следственного органа, чьи полномочия по его реализации находят свое закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве. Такой порядок является обоснованным, т. к., по мнению Д. А. Иванова, по своей сути уголовно-процессуальный закон регламентирует конкретно процессуальные полномочия [8, с. 104].

Признавая значимость позиции Д. А. Иванова, согласно которой соответствующие правоотношения возникают исключительно между руководителем следственного органа и следователем, хотелось бы внести в нее некоторые дополнения.

Важное замечание касательно субъекта процессуального контроля делает К. С. Бурцев. По его мнению, таковой может исходить не только от руководителя следственного органа. Взяв за основу смысл ч. 5 ст. 39 УПК РФ, К. С. Бурцев полагает, что «должностные лица, осуществляющие руководство методическими отделами, контрольно-зональными, контрольно-следственными подразделениями, криминалистическими отделами, могут наделяться соответствующими полномочиями руководителя следственного органа, которые необходимы им для выполнения своих функциональных обязанностей» [9, с. 185].

Можно сделать вывод, что процессуальный контроль на этапе окончания предварительного следствия может осуществляться как руководителем следственного органа, так и иным должностным лицом.

Возвращаясь к вопросу разграничения процессуального и ведомственного контроля, приведем точку зрения А. А. Нечаева. Автор утверждает, что в ходе реализации процессуального контроля происходит выполнение функций, которые можно озаглавить как процессуальные (предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством), в то время как при осуществлении ведомственного контроля речь идет большей частью об организационно-управленческих функциях (предусмотренных ведомственными нормативными правовыми актами) [10, с. 38].

С. И. Курилов считает, что понятия «ведомственный» и «процессуальный» контроль взаимосвязаны и дополняют друг друга. Процессуальный контроль, основанный преимущественно на нормах уголовно-процессуального законодательства, направлен на обеспечение прав и свобод человека, а также на выполнение целей и задач, поставленных перед органами предварительного следствия. Ведомственный контроль, помимо опоры на нормы процессуального законодательства, в первую очередь ориентирован на соблюдение внутренних правил, которые зачастую носят организационный характер. Это в свою очередь оказывает влияние на те аспекты, которые были описаны в рамках процессуального контроля [11, с. 92].

Однако будет ошибочно утверждать, что ведомственные нормативные правовые акты не затрагивают правовые аспекты реализации конкретного процессуального контроля, поскольку они зачастую содержат более детальную регламентацию процессуального контроля, конкретизируют и дополняют нормы УПК РФ.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что ведомственный контроль нельзя приравнивать к процессуальному контролю. Несомненно, между рассматриваемыми видами контроля присутствует некоторая взаимосвязь, однако они не аналогичны. Ведомственный

контроль – это широкое понятие, в которое структурно входят не только процессуальные аспекты деятельности следственных органов, но и вопросы материально-технического, организационного и иного характера. Реализация данного вида контроля происходит в административном порядке по вертикали, т. е. вышестоящими лицами в отношении подчиненных и нижестоящих в границах конкретного ведомства.

Процессуальный же контроль является одним из направлений ведомственного контроля, особенности которого обусловлены сущностью уголовно-процессуальных отношений. Он ориентирован исключительно на проверку обоснованности, законности процессуальных решений и действий следователя, реализация которых должна происходить в строгой процессуальной форме.

Аргументом может служить факт, что в ходе судебных разбирательств упоминается не «ведомственный процессуальный контроль», а именно «процессуальный контроль».

К примеру, Краснодарским краевым судом в январе 2024 г. было рассмотрено апелляционное постановление по жалобе заявителя (имярек) на постановление старшего следователя. В ходе судебного разбирательства суд подчеркнул, что процессуальный контроль за действиями следователя возлагается на прокурора и начальника следственного органа в силу ст. 37 и 39 УПК РФ³.

Приведем иной пример.

Суд апелляционной инстанции Смоленского областного суда в августе 2024 года рассмотрел жалобу (имярек), в которой он просил признать незаконными действия старшего следователя, совершенные в ходе очной ставки. При рассмотрении данной жалобы суд использовал формулировку «процессуальный контроль за действиями следователя»⁴.

Приведенные факты показывают, что в правоприменительной деятельности используется термин «процессуальный контроль», который четко отграничивается от понятия «ведомственный контроль», что подтверждает обоснованность позиции о нетождественности данных понятий.

Таким образом, процессуальный контроль надлежит рассматривать как особое направление ведомственного контроля, его составную часть, которая выделяется благодаря своим субъектам, формам реализации и целям, что, в свою очередь, предопределяет его правовые и организационные аспекты.

При раскрытии правовых аспектов процессуального контроля обратим внимание на то, что таковые зафиксированы преимущественно в положениях УПК РФ.

Отдельно стоит выделить ст. 39 УПК РФ, в которой определен перечень полномочий руководителя следственного органа, среди которых:

- 1) проверка материалов уголовного дела;
- 2) отмена незаконных или необоснованных постановлений следователя;
- 3) дача указаний следователю о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого и др.⁵

Соответственно, УПК РФ можно принять за базовую правовую основу, которая определяет основополагающие параметры процессуального контроля и направления его реализации. Вместе с тем нормы УПК РФ, регламентирующие процессуальный контроль, носят весьма общий характер, очерчивая лишь общие контуры полномочий руководителя следственного органа и не раскрывая детально порядок и формы их осуществления. В связи с этим возрастает значение ведомственных нормативных актов, конкретизирующих и дополняющих положения УПК РФ применительно к специфике деятельности того или иного следственного органа.

Правовые основы процессуального контроля содержатся также в ведомственных нормативных актах, регулирующих деятельность конкретных следственных органов. Например, применительно к Следственному комитету Российской Федерации ключевую роль играет приказ от 9 января 2017 г. № 2 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации»⁶. Приказ детализирует процедурные аспекты процессуального

³ Апелляционное постановление № 22-109/2024 22К-109/2024 22К-8938/2023 от 18 января 2024 г. по делу № 3/10-163/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру) : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wlaorckJUE6m/> (дата обращения: 06.10.2024).

⁴ Апелляционное постановление № 22К-1382/2024 от 16 августа 2024 г. по делу № 3/10-49/2024 // СудАкт.Ру : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eYoddrRi4bH4/> (дата обращения: 16.05.2025).

⁵ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁶ Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации : приказ Следственного комитета Российской Федерации от 9 января 2017 г. № 2 (зарег. в Минюсте России 28.04.2017, № 46546) Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705020035> (дата обращения: 06.10.2024).

контроля – порядок изучения материалов уголовных дел, сроки рассмотрения жалоб на действия следователя, формы реагирования на выявленные нарушения и т. д., в т. ч. применительно к окончанию предварительного следствия.

Исходя из анализа правовых основ процессуального контроля на стадии окончания предварительного следствия, его организационные аспекты должны включать в себя:

1) проверку полноты и всесторонности проведенного расследования. Руководитель должен убедиться, что следователем выполнены все необходимые следственные и процессуальные действия, что все обстоятельства, подлежащие доказыванию, установлены с достаточной полнотой;

2) оценку достаточности и достоверности собранных доказательств. Руководитель должен критически проанализировать имеющиеся в деле доказательства, определить их относимость, допустимость, достоверность и достаточность для принятия итогового решения;

3) проверку соблюдения прав и законных интересов участников процесса. Руководитель должен убедиться, что при производстве следственных и процессуальных действий были соблюдены все гарантии прав подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, что их ходатайства и жалобы были своевременно рассмотрены и по ним приняты необходимые организационные меры.

4) оценку правильности юридической квалификации деяния, вменяемого в вину обвиняемому. Руководитель должен проверить, соответствует ли предъявленное обвинение фактическим обстоятельствам дела, правильно ли применен уголовный закон;

5) проверку соблюдения требований уголовно-процессуального закона при оформлении процессуальных документов. Руководитель должен убедиться в отсутствии нарушений процессуальной формы, в полноте и правильности составления обвинительного заключения или другого итогового документа.

Только при положительных результатах проверки по всем указанным параметрам руководитель следственного органа может принять решение об утверждении итогового процессуального документа и направлении уголовного дела прокурору для последующей передачи в суд.

Таким образом, исходя из сущности окончания предварительного следствия, объем процессуального контроля на данной стадии расследования значительно возрастает по сравнению с предыдущими этапами. Это обусловлено тем, что на этапе окончания следствия руководитель следственного органа должен дать оценку не только законности и обоснованности конкретных следственных действий и процессуальных решений, но и всему ходу расследования в целом, достаточности собранных доказательств для принятия итогового решения.

По сути, на данном этапе руководитель выступает в роли «первого судьи», оценивающего качество и результаты работы следователя. От его принципиальной позиции, способности увидеть и устранить допущенные ошибки и нарушения во многом зависит дальнейшая судьба уголовного дела.

Представляется, что на этапе окончания предварительного следствия процессуальный контроль должен быть особенно тщательным и всесторонним, что позволяет заявить о специфике его организационных аспектов.

Отдельно хотелось бы выделить существенный организационный аспект реализации процессуального контроля, а именно, субъект его обеспечения. В рамках российского уголовно-процессуального законодательства это руководитель следственного органа, за исключением случаев, когда соответствующие полномочия выполняет иное уполномоченное лицо. Перечень полномочий руководителя следственного органа, определенный в ст. 39 УПК РФ, – важным инструментом процессуального контроля, позволяющим своевременно выявлять и устранять нарушения закона, обеспечивать качество и эффективность предварительного следствия. При этом особое значение они приобретают именно на этапе окончания предварительного следствия, когда проверяется законность и обоснованность итоговых решений следователя.

В данном аспекте востребованной является позиция А. Г. Исаенко. Как отмечает автор, процессуальное руководство является особым элементом в системе уголовно-процессуальных отношений власти-подчинения между субъектами, профессионально вовлеченными в расследование уголовных дел. Первый аспект касается «географического распределения» процессуального руководства в структуре уголовного судопроизводства. Анализ показывает, что концепция процессуального руководства характерна главным образом для досудебных стадий. На судебных этапах встречаются лишь отдельные элементы, напоминающие процессуальное руководство, но и их можно отнести к этой категории только с определенной долей условности. Следовательно, сфера применения процессуального руководства ограничивается досудебным производством, в основном этапом предварительного расследования [12, с. 92].

Таким образом, процессуальный контроль, выступающий, по сути, одним из элементов процессуального руководства, в т. ч. на этапе окончания предварительного следствия, осуществляется руководителем следственного органа. Это обусловлено особым процессуальным статусом последнего, который предполагает наличие властных полномочий по отношению к следователю.

Заслуживает поддержки позиция У. В. Садиоковой, в соответствии с которой процессуальный контроль не следует рассматривать как автономную функцию руководителя следственного органа, поскольку он выступает правовым средством процессуального руководства наряду с организацией расследования преступлений и определением его направлений. Следовательно, процессуальный контроль реализуется руководителем следственного органа через осуществление им процессуального руководства расследованием [13, с. 275]

Е. Э. Орманджян подчеркивает, что в современных реалиях уголовного процесса приоритеты сместились: обеспечение процессуальной самостоятельности следователя утратило свое первостепенное значение. На этапе предварительного следствия ведущую роль стали играть иерархические отношения субординации, в рамках которых руководитель следственного органа получил возможность активно влиять на процессуальную деятельность подчиненных следователей⁷.

И. М. Дикажаев указывает, что функции следователя и руководителя следственного органа в уголовном процессе различны: если первый выступает главным субъектом исследования обстоятельств дела, то второй осуществляет организационное управление предварительным следствием, отвечает за его эффективность и качество, используя инструменты процессуального контроля. Этим продиктована специфика полномочий руководителя следственного органа, большинство из которых отличается властно-распорядительной природой и позволяет ему давать следователю обязательные указания и поручения [14, с. 511].

В связи с изложенными позициями процессуальный контроль на этапе окончания предварительного следствия можно рассматривать как проявление принципа единоначалия в деятельности следственных органов.

Вместе с тем существует и иная точка зрения, согласно которой существующий порядок не расценивается в качестве утраты процессуальной самостоятельности следователя. Ряд авторов считают, что при правильной организации процессуального контроля он не подавляет, а напротив, поддерживает и стимулирует самостоятельность и инициативность следователя.

Так, К. А. Московцева полагает, что анализ полномочий руководителя следственного органа показывает: они не ущемляют процессуальной самостоятельности следователя, что, безусловно, является позитивным моментом. Это лишний раз подчеркивает центральную роль следователя в предварительном расследовании, его независимость и автономность в процессуальной деятельности. Заключительная стадия расследования отличается особой сложностью и насыщенностью, однако полномочия руководителя следственного органа ориентированы не на тотальный контроль за каждым шагом следователя и принимаемыми им решениями, а напротив, создают условия для реализации следователем своей процессуальной самостоятельности на данном этапе⁸.

Соответственно, процессуальный контроль на этапе окончания предварительного следствия должен вестись таким образом, чтобы обеспечивать разумный баланс между необходимостью обеспечения законности и обоснованности процессуальных решений и сохранением процессуальной самостоятельности следователя.

Важным организационным моментом осуществления процессуального контроля, в т. ч. на этапе окончания предварительного следствия, являются принципы его осуществления.

Процессуальный контроль, по мнению К. С. Бурцева, базируется на ряде основополагающих принципов, которые определяют его сущность и эффективность.

1. Одним из фундаментальных принципов является специфический субъектный состав. Это означает, что процессуальный контроль осуществляется строго определенными субъектами, наделенными соответствующими полномочиями в силу своего процессуального статуса.

2. Процессуальный контроль носит регулярный, систематический характер. Это не единичный акт, а непрерывный процесс, пронизывающий все стадии уголовного судопроизводства.

⁷ Орманджян Е. Э. Процессуальный контроль руководителя следственного органа как необходимое условие надлежащего расследования уголовных дел / Роль следственного аппарата МВД России в борьбе с преступностью : материалы Всероссийского круглого стола, посвященного 60-летию образования органов предварительного следствия в системе МВД России, г. Сочи, 7 апреля 2023 г. Ростов-на-Дону : Спутник науки, 2023. С. 91.

⁸ Московцева К. А. Процессуальный контроль руководителя следственного органа за деятельностью следователя в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. С. 151.

3. Своевременность выступает в качестве важнейшего принципа процессуального контроля. В отношении уже совершенных нарушений процессуального закона контроль ориентирован на их обнаружение и устранение негативных правовых последствий. Что касается потенциальных, еще не совершенных нарушений, то здесь контроль нацелен на их предотвращение, профилактику.

4. Процессуальный контроль всецело основывается на принципе законности. Это означает, что все действия субъектов контроля должны строго соответствовать нормам уголовно-процессуального права, не выходить за рамки предоставленных полномочий.

5. Процессуальный контроль имеет активный, деятельный характер. Он реализуется в форме конкретных действий, а не бездействия. Пассивное наблюдение не может считаться полноценным контролем, он всегда предполагает готовность активно вмешаться в процесс для предотвращения или устранения нарушений закона [9, с. 186].

Приведенная автором система принципов процессуального контроля представляется достаточно продуманной и логичной. Она охватывает ключевые аспекты организации и осуществления контрольной деятельности в сфере уголовного судопроизводства.

При этом анализ судебной практики показывает, что игнорирование руководителем следственного органа своих обязанностей по осуществлению процессуального контроля или ненадлежащее их исполнение может повлечь негативные последствия как для хода и результатов расследования, так и для самого руководителя. Приведем пример.

Судом было рассмотрено дело по иску (имярек) к Следственному управлению Следственного комитета Российской Федерации (далее – СУ СК РФ) по Псковской области, в котором истец оспаривал законность приказов о наложении на него дисциплинарных взысканий и решение аттестационной комиссии о признании его не соответствующим занимаемой должности. Центральным вопросом данного дела стало надлежащее исполнение истцом обязанностей по осуществлению процессуального контроля. В ходе разбирательства было установлено, что приказом от *** 2018 г. на истца было наложено дисциплинарное взыскание в виде предупреждения о неполном служебном соответствии. Основанием для этого послужило ненадлежащее исполнение им служебных обязанностей, выразившееся в отсутствии должного контроля за работой подчиненных следователей. Данный факт был выявлен в ходе инспектирования следственного отдела, проведенного контрольно-следственным отделом следственного управления. Суд, изучив материалы дела, пришел к выводу, что осуществление процессуального контроля за деятельностью сотрудников следственного отдела действительно входило в должностные обязанности истца согласно его должностной инструкции. Факт ненадлежащего исполнения этих обязанностей нашел свое подтверждение в представленных суду документах. Кроме того, решением аттестационной комиссии истец был признан не соответствующим занимаемой должности. Одной из причин этого также стало отсутствие с его стороны должного процессуального контроля при принятии решений подчиненными следователями. При вынесении данного решения аттестационная комиссия учла различные характеризующие истца материалы, в т. ч. заключение отдела процессуального контроля. Оценив обстоятельства дела и представленные доказательства, суд пришел к выводу о законности и обоснованности решения аттестационной комиссии. Суд указал, что данное решение было принято с учетом всех необходимых данных, всесторонне характеризующих отношение истца к исполнению своих должностных обязанностей по осуществлению процессуального контроля⁹.

Таким образом, рассмотренное судом дело наглядно продемонстрировало, насколько важным является надлежащее осуществление процессуального контроля со стороны руководителей следственных органов. Ненадлежащее исполнение данной функции может повлечь серьезные негативные последствия для сотрудника, вплоть до привлечения его к дисциплинарной ответственности и признания не соответствующим занимаемой должности. При этом суд своим решением подтвердил правомерность и обоснованность оценки действий сотрудника именно через призму качества осуществляемого им процессуального контроля.

В целом значение процессуального контроля непосредственно на этапе окончания предварительного следствия можно определить следующим.

1. Процессуальный контроль на этапе окончания предварительного следствия является важной гарантией обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса. Проверка законности и обоснованности итоговых решений следователя, руководитель следственного органа способствует предотвращению нарушений прав подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, обеспечивает возможность реализации ими своих процессуальных полномочий.

⁹ Решение № 2-1533/2019 2-1533/2019-М-887/2019 М-887/2019 от 16 мая 2019 г. по делу № 2-1533/2019 // СудАкт. Ру : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YDnNcfq85VWx/> (дата обращения: 06.10.2024).

2. Эффективный процессуальный контроль на данном этапе минимизирует риск направления в суд уголовных дел, расследование по которым проведено некачественно, с нарушением требований уголовно-процессуального закона. Таким образом процессуальный контроль выступает своеобразным фильтром, не допускающим передачу материалов, не отвечающих требованиям всесторонности, полноты и объективности расследования.

3. Процессуальный контроль на этапе окончания предварительного следствия имеет существенное значение, поскольку он представляет дополнительный механизм выявления и устранения ошибок и нарушений, допущенных в ходе расследования, причем на том этапе, когда, по субъективному мнению следователя, расследование завершено и исчерпаны все возможные средства и способы формирования доказательственной базы, подтверждающей причастность обвиняемого к инкриминируемому ему преступному деянию. Проверка обоснованности выводов следователя, руководитель следственного органа или иное уполномоченное на то лицо предотвращает формирование порочной практики обвинительного уклона.

4. Качественное осуществление процессуального контроля на заключительном этапе расследования является залогом обеспечения прав и интересов не только участников процесса, но и самого следователя. Выявляя и устраняя допущенные следователем ошибки и нарушения, руководитель тем самым защищает его от возможных жалоб, дисциплинарной или даже уголовной ответственности за незаконные действия.

5. Процессуальный контроль на этапе окончания предварительного следствия способствует повышению качества и эффективности взаимодействия следователя с органами прокуратуры. Выявление и устранение недостатков расследования еще на ведомственном уровне позволяет избежать возвращения уголовных дел для дополнительного следствия, конфликтных ситуаций между следователем и прокурором.

6. Эффективность процессуального контроля на заключительном этапе расследования напрямую влияет на степень доверия общества к органам предварительного следствия, уровень авторитета исполнительной власти в сфере уголовного судопроизводства. Тщательная проверка законности и обоснованности итоговых решений по уголовным делам укрепляет веру граждан в справедливость и объективность уголовного судопроизводства.

Таким образом, процессуальный контроль на этапе окончания предварительного следствия имеет ключевое значение для обеспечения законности и обоснованности уголовного преследования, защиты прав и интересов личности, повышения эффективности и качества предварительного расследования.

Несмотря на значимость процессуального контроля на этапе окончания предварительного следствия, его правовое регулирование в настоящее время нельзя назвать совершенным, поскольку многие важные аспекты его осуществления остаются недостаточно проработанными в законодательстве.

Одной из проблем, возникающих при осуществлении процессуального контроля на заключительном этапе предварительного следствия, является отсутствие четко регламентированных сроков, в течение которых руководитель следственного органа должен проверить материалы уголовного дела и согласовать обвинительное заключение. Как отмечает А. А. Сердюк, данный вопрос приобретает особую актуальность в случаях, когда уголовное дело состоит из нескольких десятков томов, а объем обвинительного заключения исчисляется сотнями или даже тысячами листов. В таких ситуациях руководителю следственного органа может потребоваться значительное время для детального изучения материалов дела и проверки обоснованности выводов следователя. В связи с этим некоторые исследователи предлагают предоставить руководителю следственного органа дополнительный пятидневный срок с момента составления и подписания обвинительного заключения следователем для качественного осуществления процессуального контроля [15, с. 214].

Заметим, что данная проблема проявляется на уровне положений УПК РФ. Вместе с тем конкретизация обозначенного вопроса происходит в п. 1.24 приказа СК России «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации». Данная норма предусматривает, что руководитель следственного органа обязан организовать изучение материалов уголовного дела не позднее чем за пять суток до момента, когда следователь в соответствии с ч. 2 ст. 215 УПК РФ направляет участникам процесса уведомление об окончании следственных действий. Кроме того, после составления следователем обвинительного заключения руководитель следственного органа должен обеспечить его изучение не позднее 24 часов с момента подписания¹⁰.

¹⁰ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705020035> (дата обращения: 06.10.2024).

Таким образом, на ведомственном уровне установлены конкретные сроки для осуществления руководителем следственного органа процессуального контроля на этапе окончания предварительного следствия. Однако, как представляется, эти сроки не всегда являются достаточными для полноценной реализации контрольных полномочий, в т. ч. по сложным, многоточным делам.

Так, уже рассмотренное судебное дело (имярек) против СУ СК РФ по Псковской области наглядно демонстрирует проблему отсутствия четкой регламентации сроков, в течение которых руководитель следственного органа должен проверить материалы уголовного дела и согласовать обвинительное заключение. Как следует из обстоятельств дела, в ходе проверки отделом процессуального контроля СУ СК РФ по Псковской области были выявлены многочисленные нарушения в работе следственного отдела по г. Великие Луки, в т. ч. нарушение сроков предоставления ходатайств о продлении сроков следствия, материалов прекращенных уголовных дел, факты волокиты при расследовании ряда дел. Причиной, по мнению руководства СУ СК РФ, стало отсутствие надлежащего контроля со стороны заместителя руководителя отдела (имярек) за работой подчиненных следователей, в связи с чем на него были наложены дисциплинарные взыскания вплоть до предупреждения о неполном служебном соответствии, а затем он был признан аттестационной комиссией не соответствующим занимаемой должности¹¹.

Таким образом, недостатки в осуществлении процессуального контроля со стороны руководства следственного отдела, обусловленные в т. ч. нечеткой регламентацией сроков такого контроля, привели к существенному снижению качества и сроков расследования уголовных дел, нарушению прав граждан

В связи с этим представляется необходимым дополнить статью 39 УПК РФ новой частью 1.1, в которой будут установлены дифференцированные сроки для осуществления процессуального контроля на этапе окончания предварительного следствия в зависимости от категории уголовного дела. Данный срок может составлять от пяти суток (для дел небольшой и средней тяжести) до 15 суток (для особо сложных, многоэпизодных дел) до планируемого окончания предварительного следствия, а также от 24 часов до пяти суток после подписания следователем обвинительного заключения. При этом для исключительных случаев может быть предусмотрено продление этих сроков вышестоящим руководителем следственного органа по мотивированному ходатайству руководителя следственного органа, но не более чем на 10 суток.

Включение предложенной нормы в текст УПК РФ позволит закрепить дифференцированные сроки для осуществления процессуального контроля на заключительном этапе предварительного расследования в зависимости от категории уголовного дела, четко определить пределы усмотрения руководителя следственного органа при определении момента реализации контрольных полномочий, создать необходимые условия для тщательной и всесторонней проверки качества и полноты проведенного следствия.

При этом в случае выявления нарушений закона руководитель следственного органа должен будет принять меры к их устранению, используя иные полномочия, закрепленные в ч. 1 ст. 39 УПК РФ (дача указаний следователю, отмена незаконных или необоснованных постановлений и т. д.).

Аналогичные коррективы потребуются внести и в соответствующие ведомственные нормативные акты, детализирующие процедурные аспекты процессуального контроля (в частности, в п. 1.24 приказа «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации»¹²).

Следующая проблема осуществления процессуального контроля на этапе окончания предварительного следствия связана с недостаточным уровнем профессиональной подготовки и опыта практической деятельности у некоторых руководителей следственных органов.

Обратимся к материалам судебной практики.

(Имярек) обратился в суд, требуя компенсации за нарушение его права на расследование уголовного дела в разумный срок. Он указал, что был признан потерпевшим по делу о пожаре, случившемся 22 мая 2013 г. на принадлежащем ему складе. Досудебное производство по этому делу длилось 7 лет 1 месяц 6 дней с момента признания (имярек) потерпевшим до прекращения дела. В ходе предварительного расследования действия следователей и руководителя следственного органа отличались неэффективностью и недостаточностью, отсутствовал должный процессуальный контроль за полнотой следствия, что привело к существенному затягиванию разумных сроков. Суд в ходе разбирательства подтвердил эти доводы. Выяснилось, что после

¹¹ Решение № 2-1533/2019 2-1533/2019-М-887/2019 М-887/2019 от 16 мая 2019 г. по делу № 2-1533/2019 [Электронный ресурс] // СудАкт.Ру : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YDnNcfq85VWx/> (дата обращения: 06.10.2024).

¹² URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705020035> (дата обращения: 06.10.2024).

передачи дела следователю предварительное расследование фактически не велось. В течение почти 5 лет не предпринималось никаких мер для установления обстоятельств дела и виновных лиц. Руководитель следственного органа не осуществлял должного процессуального контроля, дело многократно необоснованно приостанавливалось на длительные периоды. Суд заключил, что право (имярек) на судопроизводство в разумный срок было нарушено из-за нераспорядительности и неэффективности действий органов предварительного следствия при том, что дело не представляло фактической и правовой сложности. Учитывая это, суд частично удовлетворил иск, присудив компенсацию в 100 000 рублей и судебные расходы¹³.

Отсюда следует вывод: руководитель следственного органа допускал существенные нарушения в реализации процессуального контроля, в т. ч. на этапе предварительного следствия. Обоснование данной позиции сводится к тому, что на протяжении почти 5 лет расследование фактически не осуществлялось, следственные действия не проводились, а руководитель следственного органа не предпринял должных мер реагирования.

Формальный подход руководителя следственного органа к осуществлению процессуального контроля, его неспособность обеспечить соблюдение разумных сроков следствия свидетельствуют о недостаточном уровне его профессиональной квалификации и опыта. В результате было нарушено право потерпевшего на своевременный доступ к правосудию и возмещение причиненного преступлением вреда.

Для предотвращения подобных ситуаций представляется необходимым совершенствовать механизм подбора кадров на должности руководителей следственных органов, уделяя первоочередное внимание их профессиональной компетентности и опыту следственной работы. Только в этом случае можно рассчитывать на реальное повышение эффективности процессуального контроля на всех этапах предварительного следствия, включая его окончание.

В настоящее время требования к кандидатам на должности руководителей следственных отделов и управлений закреплены в п. 6 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»:

1. Возраст – не моложе 25 лет.
2. Стаж работы по юридической специальности – не менее трех лет, в следующих органах:
  - Следственный комитет;
  - следственные органы федеральных органов исполнительной власти (при соответствующих федеральных органах исполнительной власти);
  - органы прокуратуры;
  - судебные органы.
3. Назначение на должность производится на срок не более пяти лет.
4. Пребывание в занимаемой должности более двух сроков подряд не допускается¹⁴.

Предположим, что рассмотренные требования не позволяют в полной мере обеспечить назначение на должности руководителей следственных органов лиц, обладающих достаточным уровнем профессиональной подготовки и опытом практической деятельности. При этом недостатки в приведенных требованиях проявляются и в спорности уже установленных критериев, и в отсутствии ряда значимых критериев отбора.

Вызывает возражения отсутствие в числе требований к кандидатам наличия опыта именно следственной работы. Представляется, что для замещения должности руководителя следственного органа любого уровня обязательным условием должно быть наличие стажа работы в должности следователя не менее 5 лет. Только такой опыт позволяет в полной мере овладеть методикой расследования, специфическими следственными навыками, необходимыми для эффективного процессуального контроля.

Еще один недостаток рассматриваемой нормы – отсутствие требований к результативности предшествующей деятельности кандидата. Наличие формального стажа работы само по себе не свидетельствует о его компетентности и профессионализме. Необходимо законодательно закрепить обязательность учета таких показателей, как количество расследованных дел, качество и сроки их расследования, число дел, направленных в суд с обвинительным заключением, количество оправдательных приговоров и т.д. Только кандидаты, демонстрирующие стабильно высокие результаты следственной работы, должны рассматриваться на руководящие должности.

Наконец, действующая норма закона не предъявляет к кандидатам никаких требований, связанных с их деловыми и морально-психологическими качествами. Однако именно эти

¹³ Решение № 3А-204/2020 3А-204/2020-М-186/2020 М-186/2020 от 3 ноября 2020 г. по делу № 3А-204/2020 // СудАкт.Ру : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YDnNcfq85VWx/> (дата обращения: 04.01.2025).

¹⁴ О Следственном комитете Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (ред. от 14.10.2024) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

качества во многом определяют способность эффективно руководить подчиненными, планировать и организовывать их работу, своевременно предотвращать и устранять нарушения законности. Полагаем целесообразным ввести обязательное тестирование кандидатов на выявление их управленческого потенциала, лидерских качеств, стрессоустойчивости, коммуникативных навыков. Методической основой здесь могут стать современные психодиагностические методики и технологии ассессмент-центров.

Только по результатам комплексной оценки профессиональной компетентности, опыта практической деятельности и личностных качеств кандидатов можно принимать взвешенные кадровые решения о назначении на должности руководителей следственных органов. Формальный же подход, основанный на действующих нормативных требованиях, создает риск выдвижения недостаточно подготовленных и неэффективных руководителей.

Включение указанных критериев в п. 6 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» положительно скажется на деятельности руководителя следственного органа, в т. ч. в области процессуального контроля на этапе окончания предварительного следствия. Обладая необходимым опытом следственной работы, демонстрируя на протяжении длительного времени ее высокие результаты, руководитель сможет квалифицированно оценивать качество и полноту проведенного расследования, своевременно выявлять и устранять допущенные следователем ошибки и нарушения законодательства. Развитые управленческие и коммуникативные навыки позволят ему эффективно организовывать работу подчиненных, обеспечивать должное взаимодействие с органами прокуратуры и судом.

Кроме того, законодательное закрепление повышенных требований к кандидатам на должности руководителей следственных органов будет способствовать повышению их личной ответственности за результаты работы. Осознавая, что назначение на руководящую должность является не только карьерным ростом, но и свидетельством признания их профессиональных и личностных качеств, руководители будут стремиться более ответственно и инициативно подходить к осуществлению процессуального контроля.

Это в полной мере относится и к этапу окончания предварительного следствия. Зная о повышенных требованиях, предъявляемых к форме и содержанию обвинительного заключения, оценке относимости, допустимости и достоверности доказательств, руководитель следственного органа будет проводить тщательную проверку материалов уголовного дела, не допуская направления в суд некачественных документов.

3 заключение

Проведенное исследование правовых и организационных аспектов осуществления процессуального контроля на этапе окончания предварительного следствия позволяет сделать вывод о высокой значимости данного института для обеспечения законности, обоснованности и справедливости итоговых решений следователя. Эффективность процессуального контроля на данной стадии напрямую влияет на качество предварительного расследования, соблюдение прав участников процесса, возможность своевременного устранения следственных ошибок и недостатков.

Правовую основу процессуального контроля на этапе окончания предварительного следствия образуют нормы УПК РФ, закрепляющие общие полномочия руководителя следственного органа, а также ведомственные нормативные акты, детализирующие порядок их реализации. При этом нормы УПК носят рамочный характер и не всегда учитывают специфику заключительного этапа расследования.

Организационные аспекты процессуального контроля на данной стадии включают проверку полноты и всесторонности расследования, оценку достаточности и достоверности доказательств, проверку соблюдения прав участников процесса, оценку юридической квалификации и проверку процессуальной формы итоговых документов. Объем контрольных мероприятий на этапе окончания предварительного следствия существенно возрастает по сравнению с предыдущими стадиями.

Анализ правоприменительной практики позволил выявить ряд проблемных аспектов осуществления процессуального контроля на данной стадии. К ним относятся пробелы в правовом регулировании сроков для проверки материалов дела и утверждения обвинительного заключения, а также недостаточный уровень профессиональной подготовки отдельных руководителей следственных органов. Представляется целесообразным дополнить ст. 39 УПК РФ положением, устанавливающим дифференцированные сроки для его осуществления в зависимости от категории уголовного дела. Для повышения качества кадрового состава руководителей следственных

органов необходимо ужесточить требования к кандидатам на эти должности, закрепленные в Федеральном законе «О Следственном комитете Российской Федерации»¹⁵.

Совершенствование правовых и организационных основ процессуального контроля на этапе окончания предварительного следствия позволит повысить его эффективность, укрепить гарантии прав личности в уголовном процессе, обеспечить должное качество и законность предварительного расследования, что в конечном счете будет способствовать решению задач уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Зиновьева О. В. Предварительное следствие как форма предварительного расследования // Вестник науки. 2023. Т. 3, № 11 (68). С. 332–338.
2. Бобров В. В. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 32–39. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-32-39>.
3. Григорьева Н. В., Жалкова О. Е., Угольников Н. В. Научный взгляд на понятие окончания предварительного следствия // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 36–39. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-2-36-39>.
4. Галкин О. В., Кулаков Л. А. Окончание предварительного расследования: некоторые типичные нарушения уголовно-процессуального закона и пути их устранения // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 499–507.
5. Ретюнских И. А., Спирин А. В. Ведомственный процессуальный контроль, прокурорский надзор и судебный контроль как гарантии законности задержания подозреваемого // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2 (30). С. 23–30.
6. Блинова Е. В., Московцева Е. А., Скачко А. В. Исторические предпосылки формирования ведомственного процессуального контроля в России // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 20–25. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-20-25>.
7. Зобнин И. Е., Дерюшев Ю. В. Ведомственный процессуальный контроль и прокурорский надзор // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36. С. 866–871.
8. Иванов Д. А., Московцева К. А., Скачко А. В. Понятие и значение процессуального контроля в досудебном уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 102–108. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-102-108>.
9. Бурцев К. С. К вопросу о процессуальном контроле руководителя следственного органа / Актуальные проблемы организации правоохранительной и правозащитной деятельности : материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Тула, 6 февраля 2021 г. Тула : Тульский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. С. 183–187.
10. Нечаев А. А., Курилов С. И. Процессуальный и ведомственный контроль как направление деятельности начальника подразделения дознания // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3 (31). С. 38–41.
11. Курилов С. И., Трифонов С. Е. К вопросу о разграничении понятий «ведомственного» и «процессуального» контроля за органами предварительного следствия в системе МВД России // Академическая мысль : сетевое издание. 2021. № 1 (14). С. 90–93. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_45627200_37306191.pdf.
12. Исаенко А. Г. Процессуальное руководство как основа статуса руководителя следственного органа / Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сборник научных статей VIII Международной научной конференции, г. Могилев, 30 апреля 2022 г. Могилев : Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2022. С. 92–96.
13. Садиокова У. В. О современном процессуальном статусе руководителя следственного органа // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 2. С. 275–279.
14. Дикажаев И. М. Правовой статус руководителя органа предварительного следствия системы МВД России в области ведомственного и процессуального контроля // Инновации. Наука. Образование. 2021. Т. 1, № 44. С. 508–513.
15. Сердюк А. А. Роль процессуального контроля в устранении следственных ошибок на этапе окончания расследования / Современность в творчестве начинающего исследователя : материалы научно-практической конференции молодых ученых, г. Иркутск, 25 марта 2022 г. / ред.: О. А. Авдеева, Е. В. Авдеева, Е. З. Сидорова, Е. И. Третьякова [и др.]. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2022. С. 211–215.

¹⁵ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Научная статья

УДК 371

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-239-247>

Превентивная педагогика в контексте профилактики девиантного поведения подростков

Елена Васильевна Филипенко, кандидат педагогических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация

Filip-1217@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3922-459X>

Аннотация:

Введение. Современные социально-педагогические реалии обуславливают необходимость разработки действенных стратегий для предупреждения девиантного поведения подростков. В связи с этим превентивная педагогика выступает как перспективное направление, нацеленное на предупреждение и минимизацию негативных социальных явлений, оказывающих деструктивное влияние на развитие личности. Превентивная педагогика основывается на интеграции педагогических и психологических знаний, что позволяет формировать устойчивые механизмы ранней профилактики. Автор статьи анализирует пути создания условий для развития социальных и личностных ресурсов подростков посредством включения их в различные виды просоциальной активности. Подчеркивается, что в профилактике девиантного поведения особую значимость приобретает воспитательная работа, обеспечивающая целенаправленное развитие эмоциональной сферы, социальных навыков и нравственной ответственности подростков. Обосновывается необходимость систематического взаимодействия школы, семьи и общественности, что позволяет интегрировать превентивные меры во всех сферах социализации подростков. Такой подход способствует созданию единой системы поддержки и контроля, усиливая эффективность воспитательно-профилактических мероприятий, способствуя формированию у подростков позитивных моделей, в т. ч. правового поведения. Кроме того, в статье анализируется инновационный педагогический опыт в области профилактики девиантного поведения подростков.

Методы. Для комплексного изучения проблемы использовались общенаучные методы, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных теоретического анализа научной литературы по проблеме исследования.

Результаты. Сформулирован вывод о необходимости системного и целостного подхода к решению проблемы профилактики девиантного поведения и развития

Ключевые слова:

превентивная педагогика, девиантное поведение, подросток, воспитательно-профилактическая деятельность, профилактика

Для цитирования:

Филипенко Е. В. Превентивная педагогика в контексте профилактики девиантного поведения подростков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 239–247. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-239-247>.

личности подростков с опорой на основные положения и принципы превентивной педагогики. Обоснована значимость воспитательно-профилактической работы по формированию у подростков позитивных установок, ценностей и моделей поведения, а также важность изучения, обобщения и внедрения передового педагогического опыта в образовательное пространство с целью более эффективной организации и реализации профилактической деятельности.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025;
одобрена после рецензирования
09.06.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Preventive pedagogy in the context of adolescent deviant behaviour prevention

Elena V. Filipenko, Cand. Sci. (Jurid.) Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
Filip-1217@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3922-459X>

Abstract:

Introduction. Modern socio-pedagogical realities make it necessary to develop effective strategies to prevent deviant behaviour in adolescents. In this regard, preventive pedagogy acts as a promising direction aimed at preventing and minimising negative social phenomena that have a destructive impact on personality development. Preventive pedagogy is based on the integration of pedagogical and psychological knowledge that provides for forming sustainable mechanisms of early prevention. The author of the research analyses different ways in creating conditions for developing social and personal resources of adolescents by involving them in various types of pro-social activities. The author underlines the great importance of educational work in the prevention of deviant behaviour, ensuring the intentional development of the emotional sphere, social skills and moral responsibility of adolescents. Systematic interaction between school, family and community is substantiated, which makes it possible to integrate preventive measures in all spheres of adolescents' socialisation. Such an approach contributes to creating a unified system of support and control, enhancing the effectiveness of educational and preventive measures, fostering the formation of positive models in adolescents, including legal behaviour. In addition, innovative pedagogical experience in the field of prevention of adolescents' deviant behaviour is analysed.

Methods. General scientific methods aimed at collection, analysis, systematisation and generalisation of findings resulting from the analytical review of specific literature were used for carrying out a comprehensive examination of the research problem.

Results. The conclusion on the need for a systematic and holistic approach to solving the problem of preventing deviant behaviour and developing the personality of adolescents based on the basic provisions and principles of preventive pedagogy was formulated. The significance of educational and preventive work in forming positive attitudes, values and behaviours in adolescents was substantiated, as well as the importance of studying, generalising and implementing advanced pedagogical experience in the educational space in order to more effectively organise and realise preventive activities.

Keywords:

preventive pedagogy, deviant behaviour, adolescent, educational and preventive activity, prevention

For citation:

Filipenko E. V. Preventive pedagogy in the context of adolescent deviant behaviour prevention // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 239–247. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-239-247>.

The article was submitted March 21, 2025;
approved after reviewing June 9, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Общеизвестно, что будущее любого государства в решающей степени зависит от качества социализации подрастающего поколения, которое неизменно предполагает и правовую социализацию формирующейся личности. Сущность правовой социализации состоит в выработке верных морально-правовых ориентаций индивида, глубоком осознании их социальной ценности с последующей успешной интериоризацией в процессе собственной жизнедеятельности. Реализация столь важного социального заказа имеет принципиальное значение для формирования устойчивой направленности личности на осуществление правомерного поведения в русле социально-правовых регламентаций, пропагандируемых официально принятой в конкретном обществе идеологией. В свете сказанного особо важной видится задача своевременного предупреждения социально опасных отклонений и девиаций, а также различных форм аддиктивного поведения, способных нанести потенциальный и реальный вред детям, подросткам и молодежи. Именно этим и обусловлен столь пристальный интерес современной общественности

к вопросам профилактики подростково-молодежных девиаций, что закономерно повышает роль и значение превентивной педагогики как одной из современных отраслей педагогической науки.

Методы

Для комплексного изучения указанной проблемы использовались общенаучные методы, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных теоретического анализа научной литературы по проблеме исследования. Также применялся метод сравнительного анализа педагогических технологий и методик с целью выявления их эффективности.

Результаты

Оформлению превентивной педагогики в особую отрасль педагогического знания в значительной мере поспособствовала социально-экономическая ситуация России на рубеже XX – XXI веков, когда наша страна перешла с устоявшегося эволюционного пути на путь фундаментальной реформации, граничащей, по сути, с революционным переустройством всех без исключения сфер общества. По этому поводу С. А. Завражин, О. М. Овчинников, Л. К. Фортова пишут: «Динамика его трансформации носила стихийный характер, что привело к нарастанию разноплановых деструктивных явлений. Одним из них стал кризис основных институтов воспитания (семьи и школы), которые оказались не в состоянии эффективно выполнять свои привычные функции в аномической ситуации. Трудности социального самоопределения в условиях турбулентности общественного сознания, смятения и неуверенности в завтрашнем дне, кризиса основных институтов социализации отражались в стремительном росте числа детей, которые обладали слабой сопротивляемостью к воздействию неблагоприятных внешних (бедность, отсутствие государственного попечения, безнадзорность и т. п.) или / и внутренних (слабый тип нервной системы, акцентуации характера, невысокий психометрический интеллект и т. п.) факторов развития. Таких несовершеннолетних тогда стали называть дезадаптированными или детьми группы риска, склонными к различным формам девиантной активности: преступлениям, вандализму, экстремизму, проституции, суициду, аддиктивному поведению» [1, с. 3].

Преодоление глубочайшего социально-экономического и антропологического кризиса, в который была ввергнута страна в период своих кардинальных перемен, закономерно требовало пересмотра педагогической концепции и образовательной стратегии в целом, поскольку именно школа на всех уровнях ее функционирования является наиважнейшим социальным институтом, задающим вектор будущего развития, определяющим в решающей степени характер и направленность жизнедеятельности общества в целом. В связи с этим резко возросло количество научных исследований психолого-педагогического, социально-философского и правового плана, что в итоге привело к выделению, как замечают С. А. Завражин и др., «принципиально нового сегмента, который обусловил проведение своего рода педагогической селекции новых стратегий и тактик преодоления и профилактики детской, подростковой и молодежной девиации, дезадаптации и аддикции» [1, с. 3].

Важно обратить особое внимание на то, что в рамках превентивной педагогики совершенно в ином ракурсе решается вопрос проведения коррекционно-профилактической работы с детьми и подростками в целях формирования у них социально одобряемого поведения. Как отмечает С. А. Беличева, ранее функционировавшая запретительно-императивная педагогика, жестко ограничивающая свободу поведения ребенка и базирующаяся на авторитарных методах воспитания, запретах и ограничениях, показала себя малоэффективной и противоречащей ценностям педоцентрического воспитания. Исходя из этого, она постепенно вытеснялась с педагогической арены гуманистически ориентированной педагогикой, направленной, по мнению ученого, на сознательную, охранно-защитную превенцию и щадящую коррекцию возможных негативных тенденций в становлении и развитии формирующейся личности ребенка [2]. Основной акцент в превентивной педагогике делается на стимулировании разнообразных форм и методов психолого-педагогической поддержки детей и подростков в процессе их воспитания и оказании своевременной, а самое главное, действенной помощи в трудных жизненных ситуациях.

Одной из существенных особенностей превентивной педагогики принято считать ее явно выраженную направленность на пропедевтику, предупреждение отклонений в поведении и деятельности подростка через ориентацию на анализ причин, поиск совместных решений, оказание психологической помощи, на педагогическое сопровождение (при необходимости). Н. Е. Щуркова подчеркивает, что главным объектом превенции должны являться не проблема,

не действия, не поступок, совершенный ребенком, а переживаемое им психоэмоциональное состояние, его общее самочувствие в текущий момент, которые не должны стать причиной, побуждающей к совершению новых негативных поступков и приводить к более серьезным противоправным действиям в дальнейшем¹. Подобный подход дает основание говорить о безусловно гуманистической природе превентивной педагогики, которая направлена на формирование доверительных отношений между взрослыми и детьми, понимание внутреннего мира ребенка, его потребностей и переживаний. Это позволяет не только эффективно реагировать на текущие проблемы, но и предупреждать их возникновение, создавая условия для положительной адаптации и развития личности. Именно поэтому А. П. Сманцер Е. М. Рангелова считают превентивную педагогику «наукой педагогической заботы и поддержки ребенка, наукой доброты и справедливости, которая позволяет замечать предпосылки отклоняющегося поведения, выявлять их причины и следствия, а также предлагать способы их предупреждения и преодоления»².

Основная цель превентивной педагогики состоит в выявлении и научном обосновании закономерностей, механизмов и движущих сил социально одобряемого поведения детей и подростков с последующим формированием устойчивой установки на следование регламентированных обществом морально-правовым и нравственным нормам в ходе собственной жизнедеятельности. Конкретизируя указанную выше цель, С. Ю. Сургова и Н. В. Столярчук полагают, что результатом превентивной деятельности должны стать «достижение устойчивого ответственного поведения и формирование иммунитета к негативным воздействиям социального окружения» [3].

Превентивная педагогика решает ряд важнейших социально-педагогических задач. Например, В. В. Кузнецов и другие ученые выделяют следующие:

- 1) проведение научного исследования детерминант, условий и факторов, влияющих на различные формы отклонений в поведении;
  - 2) всесторонний анализ природы асоциального поведения, включая его тенденции и закономерности;
  - 3) изучение социально-психологических механизмов, приводящих к деформации личности на различных этапах ее развития;
  - 4) прогнозирование социальных отклонений с созданием научно обоснованных моделей типичных личностей правонарушителей, а также идентификация объектов и субъектов профилактического воздействия;
  - 5) разработка комплексных мер, форм и методов для эффективной ранней профилактики и предотвращения отклонений в поведении [4, с. 126].
- Указанные задачи подчеркивают важность интеграции научных знаний и практических подходов для поддержки здорового социального поведения и снижению уровня девиантных проявлений среди детей и подростков.

Изучая проблему профилактики девиантного поведения, наше исследовательское внимание мы остановим на детях старшего подросткового возраста, поскольку, как свидетельствует практика, именно данный возрастной период является наиболее сензитивным в плане освоения и интериоризации морально-правовых установок, выработки соответствующего мировоззрения, определения жизненных приоритетов и системы ценностных координат. При неправильно организованном воспитании и игнорировании основных положений превентивной педагогики возникает реальная опасность серьезных педагогических ошибок и просчетов, что может привести подростков в так называемую «группу риска», а впоследствии к устойчивым формам девиантного поведения. Ситуация также может осложняться трудностями роста, возрастным кризисом, поскольку данный этап психоэмоционального и физического развития представляет собой некую маргинальную стадию перехода от детства к раннему юношеству, на которой закладываются основные необходимые предпосылки дальнейшей жизни, обеспечивающие либо успешную социализацию индивида (в т. ч. и правовую социализацию), либо, напротив, его десоциализацию, вследствие чего может наблюдаться сознательный отход от официально принятых моральных норм и правовых регламентаций, спровоцированный самыми разными причинами и факторами.

В диаде «профилактика девиантного поведения – подросток», следует признать, что первостепенная роль по праву принадлежит подростку, поскольку именно человек является высшей ценностью и мерой всех вещей. Все, что создается и создается, предназначено для его блага, и любые прагматические цели, как правило, должны иметь гуманистическую направленность. В связи с этим педоцентрически ориентированная превентивная педагогика во главу угла ставит интересы и потребности формирующейся личности ребенка, сохранение его психического,

¹ Шуркова Н. Е. Прикладная педагогика воспитания : учебное пособие. Санкт-Петербург : Питер, 2005. С. 100.

² Сманцер А. П., Рангелова Е. М. Основы превентивной педагогики : учебное пособие. Минск : БГУ, 2014. С. 5.

физического, нравственного и социального здоровья, что в должной степени гарантирует успешность процесса социализации. Особенно важно поддержать ребенка на одном из самых сложных этапов его взросления – на стадии подросткового возраста. Достижение высокой эффективности воспитания возможно при условии знания и учета специфики возрастного развития подростка, сущности его возрастных изменений, обусловленных кардинальными преобразованиями в его анатомо-физиологической организации и душевно-эмоциональном мире.

Подростковый возраст, по мнению И. С. Кона, А. А. Смирнова, А. М. Прихожан, Л. Ю. Сироткина и других ученых, занимающихся данной проблемой, представляет собой некий пограничный этап в онтогенезе человека – накопление внутренних ресурсов для успешного развития и перехода от стадии отрочества к юношеству. В этот период подросток вступает в активное взаимодействие с окружающим миром, стремясь максимально полно интегрироваться в него. При этом процесс интеграции сопровождается серьезными противоречиями и глубоким внутренним конфликтом, что во многом объясняется гормональной перестройкой организма вследствие полового созревания. Когнитивный диссонанс, отмечает М. Кле, усиливается из-за того, что пробуждающийся в подростковом возрасте мощный половой инстинкт довольно жестко контролируется извне, вынуждая его подавлять данный инстинкт и включать механизм самоконтроля. Результатом становится серьезный внутренний конфликт не только с социумом, но и с самим собой [5]. К тому же подросток сталкивается с повышением социальных требований со стороны взрослых к собственному поведению и деятельности, что на фоне внутренних противоречий еще более усиливает состояние эмоциональной тревожности и общей возбудимости. Естественно, что совокупное воздействие всех перечисленных факторов обуславливает его психологическую нестабильность и разбалансировку настроения, что довольно тяжело переживается подростком, провоцируя его на необдуманные, часто противоправные поступки.

Еще более осложнено развитие подростков так называемой «группы риска», имеющих определенные проблемы в социальном и нравственном плане. С. Н. Панцырь, А. П. Новгородцева [6], Г. В. Слепухина, Т. А. Безенкова, О. А. Андриенко [7] и другие авторы к числу важнейших психологических особенностей данной категории детей относят следующие проявления:

- чрезмерно акцентированная чувствительность и эмоциональная впечатлительность;
- повышенная раздражительность и проблемы с Я-концепцией, что проявляется в нарушении самоотношения, адекватной самооценки и ослаблении эмоционально-волевой сферы;
- относительно низкий уровень нервно-психической стабильности и устойчивости;
- ярко выраженная эгоцентричность на фоне общей инфантильности;
- ослабление межличностных взаимосвязей и отсутствие эмоциональных привязанностей как таковых;
- склонность к упадническим настроениям и депрессивному состоянию;
- дефицит доверия к людям и чрезмерная подозрительность, боязнь прочных эмоциональных контактов и привязанностей на фоне внешне демонстрируемой открытости и социабельности;
- мнительность и излишняя ведомость, отсутствие самостоятельности и несформированная самоидентичность;
- низкий уровень моральной ответственности, склонность ко лжи и самооправданию;
- акцентуированное поведение;
- нарушения в сфере межполового общения;
- подверженность различным аддикциям (уход от реальности как способ психологической защиты);
- импульсивность и агрессивная реакция на любые раздражители;
- протестная активность и нарушение установленных социальных норм, в т. ч. правовых, и др.

Современные ученые и педагоги-практики выражают серьезную озабоченность возросшими социально-правовыми и иными девиациями в подростково-молодежной среде. Нельзя не согласиться с мнением Е. С. Набойченко, которая утверждает, что в настоящее время данная проблема приобретает особую злободневность в связи с последовательным переустройством основных сфер общественной жизни, спровоцировавших процесс девальвации прежней системы ценностных координат и устоявшихся поведенческих норм: «Рассогласованность между ожидаемым и реальным повышает напряженность в обществе и готовность человека изменить модель своего поведения, выйти за пределы сложившейся нормы. В условиях острой социально-экономической ситуации существенные изменения претерпевают и сами нормы. Зачастую отключаются культурные ограничители, ослабевает вся система социального контроля. Есть объективные основания считать, что в ближайшие годы масштабы девиантного поведения будут возрастать, а значит, и расширять причинную базу преступности» [8, с. 23]. Все это ставит

педагогическую общественность перед необходимостью принятия срочных конструктивных мер и создания оптимальных условий для целенаправленного и эффективного сокращения масштаба потенциальных и реальных морально-правовых девиаций. Поэтому деятельность всех без исключения образовательных организаций должна быть подчинена решению такой важной социально-педагогической проблемы как всемерное осуществление ранней педагогической профилактики детско-подростковой девиантности, поскольку хорошо известна аксиома, что предупреждать негативную тенденцию или явление значительно легче, чем искоренять или корректировать последствия. В связи с этим профилактике отклонений, аддикций и девиаций среди несовершеннолетних традиционно уделяется особое внимание в превентивной педагогике.

Однако следует признать, что в современных исследованиях, посвященных проблеме девиантного поведения, нет единого мнения относительно сущностного содержания такого понятия, как «педагогическая профилактика». Так, например, М. С. Бурсакова дает следующее определение: это комплекс мероприятий, направленных на предупреждение возникновения и развития асоциальных форм поведения, включающий создание благоприятной педагогической среды, способствующей развитию у подростков социально-адаптивных навыков, позитивных жизненных ценностей и установок [9, с. 8]. Э. В. Желнин трактует профилактику как систему мероприятий, нацеленных на выявление, нейтрализацию и устранение внешних и внутренних причин, факторов и условий, способствующих возникновению различных отклонений в поведении, психоэмоциональном и социальном развитии несовершеннолетних [10]. Л. Б. Филонов рассматривает профилактику как осознанную, целенаправленную и социально организованную деятельность, направленную на предотвращение потенциальных социальных, психолого-педагогических, правовых и прочих проблем, а также на достижение желаемого результата [11, с. 37]. В. В. Кузнецов определяет профилактику как совместную воспитательную деятельность, «которая помогает избежать отклонений в поведении детей и подростков». Особая роль в этой деятельности отводится педагогам, воспитателям, родителям, различным службам, инспекции в подразделении по делам несовершеннолетних (далее – ПДН) и другим специалистам. Все они призваны выполнять важную роль в процессе профилактики подростковой преступности, действуя в едином ключе и ради достижения общей цели [12, с. 27].

Как следует из приведенных выше определений, большинство ученых склонны рассматривать профилактические меры как процесс содействия, оказания помощи с целью «формирования адаптивных стратегий, обеспечивающих реализацию социально одобряемых форм поведения» [13, с. 5], что невозможно без специально организованного, целенаправленного процесса воспитания. В связи с этим особо актуальной выглядит научная позиция Г. А. Аванесова, который считает, что базой ранней профилактики является не столько предупреждение преступности несовершеннолетних, сколько их воспитание, пронизанное профилактикой. «Воспитанию, – пишет ученый, – присуща профилактическая функция, а профилактике – функция воспитания. Воспитание и профилактику нельзя отрывать друг от друга. ...Воспитание проникает во всю систему профилактики, совместно осуществляется недопущение отклоняющегося поведения»³. Мы разделяем позицию ученого и также считаем, что особое внимание следует уделять реализации предупредительной (первичной) профилактике, которая должна быть нацелена не столько на «искоренение» и «устранение» девиаций в поведении несовершеннолетних, сколько на изменение их мотивации, мировосприятия, ценностных предпочтений, на улучшение среды общения и взаимодействия, стиля жизни в целом.

Таки образом, профилактическую работу, по мнению Н. Ф. Гейжан, О. А. Чопик и С. Н. Тихомирова, важно осуществлять в двух ключевых направлениях [14, с. 90].

Цель первого направления заключается в повышении психолого-педагогической культуры и, по мнению авторов, должна быть сосредоточена на ближайшем окружении подростка: семье, педагогах, воспитателях и других субъектах, осуществляющих воспитательную деятельность. Бесспорно, что знания о профилактике девиантного поведения необходимы как родителям, так и учителям, поскольку все они выполняют ключевые функции в формировании личности ребенка и обеспечении его успешной социализации. Осведомленность в вопросах девиантного поведения и специфике профилактической работы, а также согласованность в стратегиях воспитания подростков позволяет педагогам и родителям своевременно выявлять имеющиеся предпосылки к формированию негативных паттернов поведения, оперативно предупреждать их, выстраивать корректирующее взаимодействие на основе принципов эмоциональной поддержки, создания ситуаций успеха, обоюдного доверия и уважения, что особенно важно в период подросткового кризиса.

³ Аванесов Г. А. Популярная криминология : очерки общей части : учебное пособие. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. С. 143.

В данном контексте представляет интерес педагогический опыт продуктивного взаимодействия семьи и школы, описанный Н. И. Абдуллаевой. В частности, для родителей предусматривается проведение культурно-просветительской работы, которая реализуется через такие формы, как лекции, тематические встречи, дискуссионные площадки, «круглые столы» с целью обмена опытом воспитания. Кроме того, значимые возможности, по мнению ученого, представляют социально-психологические тренинги, основанные на использовании методов психодрамы и социодрамы, что способствует осознанию и проработке сложных эмоциональных ситуаций, формированию эффективных стратегий взаимодействия с подростками. [15, с. 310]. М. В. Переверзева акцентирует внимание на интерактивных воспитательно-профилактических мероприятиях, предусматривающих совместное участие родителей и подростков в организации досуговых активностей, являющихся эффективным инструментом укрепления внутрисемейных связей и формирования благоприятного взаимодействия в детско-родительских отношениях. К таким мероприятиям автор относит разнообразные формы социальной и культурной деятельности, включая проведение мастер-классов, участие в спортивных, творческих и культурно-просветительских инициативах, а также организацию досугово-развлекательных программ, создающих условия для укрепления внутрисемейных связей и снижения конфликтности [16, с. 69].

В условиях социального партнерства школы, семьи и общественности З. Р. Танаева предлагает использовать инновационные формы просветительской работы родителей «трудных» подростков. Одной из таких форм является работа «социального театра», в котором жизненно важные ситуации воспроизводятся посредством разыгрывания различных сценариев, где действующими лицами выступают как родители, так и обучающиеся, что позволяет участникам и зрителям не только наблюдать за происходящим на сцене, но и глубже осознавать причины и последствия своего поведения, находить оптимальные решения сложных ситуаций взаимодействия. В качестве перспективного направления работы с родителями З. Р. Танаева также предлагает использовать социальное наставничество, которое осуществляется педагогами, школьными психологами, социальными работниками и более опытными родителями. Наставничество позволяет менее опытным родителям не только получать необходимую информацию в области педагогики и возрастной психологии, но и развивать практические навыки взаимодействия с собственными детьми, тем самым создавая более гармоничную и благоприятную семейную среду воспитания [17, с. 166]. Участие родителей и педагогов в подобных мероприятиях способствует устранению консервативных стереотипов сознания, социальных предубеждений в оценке поведения и индивидуальности подростков, преодолению преобладающих, часто авторитарных форм коммуникации и взаимодействия с ними.

Рассмотренные педагогические стратегии совместной работы семьи и школы органично интегрируются в парадигму превентивной педагогики, акцентируя внимание на создании синергии сторон, формировании единой воспитательной позиции по отношению к подростку, необходимости создания благоприятных условий для его гармоничного и всестороннего личностного развития.

Второе направление профилактической работы нацелено непосредственно на самих подростков и укрепление их социальной устойчивости к неблагоприятным факторам внешней среды. Важно, чтобы воспитательно-профилактическая работа была направлена, прежде всего, на развитие системы социально одобряемых форм поведения, альтернативных девиантным.

Следует отметить, что в настоящее время в превентивной педагогике накоплен значительный практический опыт воспитательно-профилактической работы, который включает в себя широкий спектр методов, форм и подходов, направленных на предотвращение социальных и психологических отклонений в поведении подростков, а также на создание условий для своевременной коррекции. По мнению Н. Е. Романовской, наряду с традиционными формами наиболее эффективными являются «технологии социального успеха», «позитивной коммуникации», «изменения социальной среды» и др., которые способствуют формированию и укреплению жизненных и социальных навыков подростков, позволяя им успешно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям современной жизни [18, с. 343]. Интересный опыт профилактической и коррекционной работы с подростками «группы риска» предлагает Л. Н. Саркисян. По утверждению ученого, технология сторителлинга, основанная на использовании сочиненных подростками историй и сказок из реальной жизни с последующим их детальным разбором способствует формированию ценностных установок, стимулирует эмоциональный отклик на происходящие события и вызывает глубокие личностные переживания. Осознанное осмысление и глубокое «проживание» проблем помогает подросткам увидеть причинно-следственные

связи, оценить принятые решения и возможные последствия своих действий, разработать более обдуманные стратегии собственного поведения [19, с. 270].

Показательным может быть опыт профилактики девиантного поведения подростков, разработанный автором данной статьи совместно с педагогическим коллективом муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Общеобразовательная школа № 30» города Стерлитамак Республики Башкортостан. Организуя воспитательную работу, мы исходили из того, что одним из наиболее действенных способов профилактики и коррекции девиантного поведения подростков является нравственное воспитание, обладающее мощным потенциалом, который следует использовать максимально полно и последовательно во взаимодействии с подростками «группы риска». В школе был создан волонтерский отряд «Источник добра» (руководители М. А. Хайбуллина, И. Я. Суяргулова), в котором как благополучные, так и неблагополучные подростки приобретают ценный опыт просоциального поведения, оказывая всестороннюю помощь ветеранам и инвалидам Великой Отечественной войны, семьям ветеранов боевых действий; дети принимают активное участие в благотворительных акциях, помогают плести маскировочные сети; оказывают шефскую помощь детям, находящимся в тяжелой жизненной ситуации; готовят концертные выступления в русле акции «Подари радость ближнему», регулярно организуют тематические флешмобы для обучающихся начальных классов и многое другое.

Другое направление было связано с коррекционной работой с обучающимися, входящими в «группу риска» – это подростки, имеющие определенные проблемы с законом, стоящие на учете в ПДН и профилактическом учете Совета школы. По предварительной договоренности и согласию родителей такие школьники на добровольной основе включаются в работу по оказанию посильной помощи детям с особыми образовательными потребностями, находящимся на домашнем обучении и, в силу этого, лишенными полноценных коммуникативных контактов со своими сверстниками. Каждый «трудный» подросток указанной выше школы, имеет своего подшефного – обучающегося с ограниченными возможностями здоровья, регулярно навещает его дома, общается с ним по телефону, организует поздравления с днем рождения, сопровождает на прогулках, по мере возможности вовлекает в малоподвижные игры и развлечения. Как показывает практика, со временем фон социально-нравственного развития девиантных подростков значительно улучшается и постепенно их действия и поступки приходят в соответствие с нормами социально одобряемого поведения.

3 заключение

Описанный выше опыт воспитательно-профилактической работы с подростками группы риска представляет собой ценное направление в превентивной педагогике и может быть взят на вооружение другими образовательными организациями, поскольку целенаправленно включенные в различные виды просоциальной деятельности подростки не только приобретают базовые моральные знания, усваивают нормы и правила общественного бытия, но и приобретают навыки нравственного и правомерного поведения.

Обобщение и распространение такого опыта позволит интегрировать лучшие педагогические практики, апробированные в различных учреждениях образования, и делать их доступными широкому кругу специалистов.

В профилактической и коррекционной деятельности целесообразно ориентироваться на интегративный подход, который объединяет педагогические, социальные и психологические аспекты, что позволит комплексно и эффективно воздействовать на причины и проявления девиантного поведения, создавать условия для всестороннего развития личности и формирования конструктивного социального поведения.

Подводя итог изложенному, считаем необходимым заключить, что превентивная педагогика, несомненно, обладает мощным воспитательно-формирующим потенциалом, и если выстраивать воспитательный процесс в соответствии с ее основополагающими целью, задачами, базовыми принципами и ценностями, можно добиться высокой результативности в деле профилактики девиантного поведения современных подростков. Важно также подчеркнуть, что дальнейшее развитие превентивной педагогики требует системного подхода к обучению специалистов, что позволит создать устойчивую профессиональную среду для внедрения инновационных технологий и методов работы по предупреждению и коррекции девиантных форм поведения на начальном этапе их проявления.

Список источников

1. Завражин С. А., Овчинников О. М., Фортнова Л. К. Очерки по истории и теории превентивной педагогики : монография. Владимир : Издательство Владимирского государственного университета, 2017. 339 с.
2. Беличева С. А. Основы превентивной психологии : монография. Москва : Социальное здоровье России, 1994. 235 с.
3. Сургова С. Ю., Столярчук Н. В. Превенция – актуальное направление в профессиональной подготовке социальных работников. // *Studia Humanitatis* : электронный журнал. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preventsiya-aktualnoe-napravlenie-v-professionalnoy-podgotovke-sotsialnyh-rabotnikov>.
4. Кузнецов В. В. Превентивная педагогика: теория и практика // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 2 (163). С. 125–130.
5. Кле М. Психология подростка : Психосексуальное развитие : [Пер. с фр.]. Москва : Педагогика, 2006. 172 с.
6. Панцырь С. Н., Новгородцева А. П. Личностные особенности подростков с девиантными формами поведения // *Культурно-историческая психология*. 2013. Т. 9, № 2. С. 64–72.
7. Слепухина Г. В., Безенкова Т. А., Андриенко О. А. Личностные особенности подростков с девиантным поведением // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020. № 4 (33). С. 396–401. <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0904-0088>.
8. Набойченко Е. С. Психология отклоняющегося поведения подростков : монография. Екатеринбург : Издатель Калинина Г. П., 2007. 285 с.
9. Бурсакова М. С. Способы педагогической профилактики асоциального поведения подростка в ценностно-ориентационной деятельности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2024. № 3 (243). С. 6–10. <https://doi.org/10.25198/1814-6457-243-6>.
10. Желнин Э. В. Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних // Вестник науки. 2021. Т. 2, № 8 (41). С. 4–13.
11. Филонов Л. Б. Детерминация возникновения и развития отрицательных черт характера у лиц с отклоняющимся поведением / Психология формирования и развития личности : [Сборник статей] / ред. Л. И. Анцыферова. Москва : Наука, 1981. С. 338–361.
12. Кузнецов В. В. Превентивная педагогика: теория и практика : монография. Москва : Эгвес, 2015. 116 с.
13. Профилактика девиантного поведения обучающихся в условиях образовательной организации : коллективная монография / Афанасенкова Е. Л., Васягина Н. Н., Власова Л. Е. [и др.] ; под ред. Н. Н. Васягиной, Е. А. Казаевой. Екатеринбург : [б. и.], 2018. 261 с.
14. Гейжан Н. Ф., Чопик О. А., Тихомиров С. Н. Основные направления и меры социально-педагогической профилактики девиантного поведения несовершеннолетних / Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики : материалы Международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 28 октября 2022 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 89–94.
15. Абдуллаева Н. И. Методы и формы коррекционно-профилактической работы с девиантными подростками / Проблемы повышения эффективности научной работы в оборонно-промышленном комплексе России : материалы V Всероссийской научно-практической конференции, г. Знаменск, 24–25 марта 2022 г. / сост.: С. Н. Бориско. Астрахань : Астраханский государственный университет, 2022. С. 307–311.
16. Переверзева М. В. Психолого-педагогическая работа с девиантными подростками // *Системная психология и социология*. 2023. № 1 (45). С. 65–76. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2023.45.106>.
17. Танаева З. Р. Предупреждение противоправного поведения обучающихся в условиях реализации инновационных проектов профессиональных образовательных организаций // *Инновационное развитие профессионального образования*. 2023. № 2 (38). С. 161–168.
18. Романовская Н. Е. Эффективность и проблемы работы в области девиантного поведения подростков // *Современные средства связи*. 2023. Т. 1, № 1. С. 341–343.
19. Саркисян Л. Н. Применение педагогической технологии сторителлинга в профилактике девиантного поведения несовершеннолетних / *Детство – территория безопасности* : сборник материалов конференции, г. Москва, 7 декабря 2023 г. Москва : Саратовский источник, 2023. С. 269–271.

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

Научная статья

УДК 37.026

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-248-256>

Понятие «духовно-нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел» как инструмент моделирования воспитательной деятельности

Марина Римантасовна Илакавичус, доктор педагогических наук

Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация

marinaorlova_99@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4706-2877>

Аннотация:

Введение. Духовно-нравственное воспитание является активно развивающейся областью теории воспитания применительно к профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел. Согласно приказу МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», оно выделено в качестве направления политико-воспитательной работы с личным составом. Однако неразработанность методологических основ моделирования соответствующей педагогической деятельности является фактором риска ее формализации, имитации.

Методы. В исследовании использованы теоретические методы: анализ, синтез, абстрагирование, аналогия, моделирование.

Результаты. Содержание понятия «духовно-нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел», на основании которого осуществлено моделирование педагогической деятельности в данной области, разработано в соответствии с философией традиции, гуманитарно-антропологического, целостного и андрагогического подходов. Совокупность обоснованных в исследовании свойств духовно-нравственного воспитания сотрудников органов внутренних дел позволило создать соответствующую модель, составленную тремя блоками. Целевой блок описывает процедуру целеполагания. Организационно-методический раскрывает требования к выбору методов, средств и форм педагогической деятельности. Оценочный блок содержит свойства, которыми должны обладать критерии и показатели определения ее результативности.

Ключевые слова:

духовно-нравственное воспитание, образование взрослых, образовательные организации высшего образования МВД России, моделирование, политико-воспитательная работа в органах внутренних дел

Для цитирования:

Илакавичус М. Р. Понятие «духовно-нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел» как инструмент моделирования воспитательной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 248–256. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-248-256>.

Статья поступила в редакцию 23.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.04.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

The concept of “spiritual and moral education of law enforcement officers” as a tool for modeling educational activities

Marina R. Ilakavichus, Dr. Sci. (Ped.)

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
marinaorlova_99@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4706-2877>

Abstract:

Introduction. *Spiritual and moral education is a rapidly developing area of educational theory as applied to professional training of law enforcement personnel. Under Order No. 500 (August 27, 2024) of the Russian Ministry of the Interior “On Approval of the Regulations on the Organisation of Moral and Psychological Support to Law Enforcement Activities of the Russian Federation” the regulations have been designated as a key component of political and educational work with personnel. The lack of robust methodological frameworks of modeling corresponding pedagogical activity inevitably leads to its performative implementation and ritualised formalisation.*

Methods. *The study employed theoretical methods, including analysis, synthesis, abstraction, analogy, and modeling.*

Results. *The conceptual framework of “spiritual and moral education of law enforcement personnel” was developed based on the philosophy of tradition, humanistic-anthropological, holistic, and andragogical approaches. This framework served as the foundation for modeling pedagogical activities in this field. The study identified a set of defining characteristics of spiritual and moral education, enabling the creation of a three-unit structured model: the goal-setting unit outlines the process of defining objectives. The organisational-methodological unit specifies requirements for selecting methods, tools, and forms of pedagogical activity. The evaluation unit establishes criteria and indicators for assessing effectiveness.*

Keywords:

spiritual and moral education, adult education, higher education institutions of the Ministry of the Interior of Russia, modeling, political and educational work in law enforcement agencies

For citation:

Ilakavichus M. R. The concept of “spiritual and moral education of law enforcement officers” as a tool for modeling educational activities // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 248–256. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-248-256>.

The article was submitted December 20, 2024; approved after reviewing March 31, 2025; accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Научное понятие имеет несколько функций, среди которых одна напрямую связана с выходом на разработку предметной области, к которой оно относится. Д. П. Горский определял понятие как «мысль, в которой отражаются отличительные, специфические свойства предметов действительности и отношения между ними; мыслимые в понятии свойства и отношения имеют характер логических, т. е. пропозициональных функций, устанавливающих соответствие между предметами определенной предметной области, для которой эта функция имеет смысл, и в результате изучения которых она отвлечена, и истиной и ложью» [1, с. 100]. Действенная роль понятий в освоении и углублении знаний о действительности объясняется тем, что они являются «образами, копиями постоянно сопоставляемыми нами с самой действительностью, постоянно связанными с образованием соответствующих суждений» [1, с. 96]. Именно поэтому важным для педагогических исследований является определение или уточнение системообразующего понятия, формирование понятийного поля на основании выбранной методологии.

На первый взгляд, понятие «духовно-нравственное воспитание» относится к истории отечественной педагогики. Однако несмотря на то, что и духовное, и нравственное воспитание действительно встречаются в дореволюционных и советских текстах (каждый в свою эпоху), их сочетание является новым словом. Появление нового в педагогике, как правило, обусловлено либо научными открытиями, либо новыми задачами, которые оно призвано решать в образовательной практике. Не является исключением категориальное определение «духовно-нравственное» (воспитание), которое в период возвращения к отечественной педагогической традиции было призвано описать новый ожидаемый результат школьного образования. Поправки, внесенные в Закон Российской Федерации «Об образовании» 1992 года¹ Федеральным законом

¹ Об образовании : Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (с изм. от 24.12.1993) // Российская газета. 1992. 31 июля. Документ утратил силу.

№ 309-ФЗ², ввели в педагогический тезаурус понятия «духовно-нравственное развитие» и «духовно-нравственная личность». Они были включены в тексты статей закона о содержании образования и образовательных программах. Осмысление методологического содержания понятия «духовно-нравственное воспитание» началось в процессе разработки пакета документов федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) основного общего образования второго поколения, в частности, Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России (далее – Концепция), которую осуществляли А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков³. Как писала в 2010 году автор многих методологических трудов в данной области доктор философских наук, профессор педагогики М. В. Захарченко, «появление этих категорий в правовых документах симптоматично; этот факт сигнализирует о решимости государства принять ответственность за нравственное измерение жизни общества, за обеспечение устойчивости ее ценностных основ» [2].

Определению понятий в Концепции посвящен отдельный раздел, в нем раскрыта взаимосвязь духовно-нравственного развития и воспитания личности взрослого человека: она описывает взаимосвязь педагогического процесса (воспитания) и опосредованного им процесса развития ценностно-смысловой сферы личности обучающегося (развитие). К дискуссии о содержании понятия на конференциях и семинарах, на страницах журналов и газет подключились философы, психологи, культурологи, социологи, публицисты, педагоги-практики. В первом десятилетии 2000-х гг. были защищены диссертации по педагогике, в которых исследовалась связь духовного и нравственного (в их число вошла и автор этой статьи⁴), лицензированы программы педагогической магистратуры по данному направлению⁵, организованы конкурсы воспитателей-практиков⁶. В результате обозначились научно обоснованный контур, общая рамка содержания категориального определения «духовно-нравственный», на основании чего в общеобразовательной школе появился новый мировоззренческий предмет «Основы духовно-нравственной культуры народов России». Он должен был способствовать развитию воспитательной системы образовательной организации при условии, что «базовые ценности должны стать основой интеграции учебных предметов между собой, интеграции учебной, внеучебной и внешкольной образовательной деятельности, интеграции усилий социальных субъектов воспитания, нацеленных на совместное создание условий духовно-нравственного развития и воспитания подрастающих поколений»⁷. Однако результаты описанной глубокой научной работы, к сожалению, не стали достоянием широкой общественности. Его восприятие сегодня по-прежнему связывается с исключительно религиозным контекстом, что сужает и искажает содержание. Составить представление о консенсусе понимания данной области позволяет содержание тематического номера журнала «Педагогика» за 2009 год⁸. Несмотря на то, что названия статей связаны со школьным образованием, в них представлена методологическая основа категориального определения «духовно-нравственный» в отношении к воспитанию и развитию человека на протяжении всей жизни, потому что сам означаемый этими понятиями процесс, имеет именно такую протяженность. Коротко охарактеризуем понятие в целом.

Воспитание – область педагогики, требующая от исследователя глубоких знаний философии, культурологии, религиоведения, истории и теории педагогики, поскольку практика насчитывает тысячелетия, а сам термин обозначал в течение этого периода разные феномены. Не углубляясь в этот вопрос, определим общую область в современных научных представлениях о воспитании согласно научной школе воспитательных систем академика Л. И. Новиковой.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта : Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 309-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2007. № 49. Ст. 6070.

³ Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования : проект / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. Москва : Просвещение, 2009. 28 с. (Стандарты второго поколения).

⁴ Более подробно анализ подходов к определению понятия «духовно-нравственное воспитание» см.: Илакавичус М. Р. Духовно-нравственное развитие и воспитание старшеклассников в школе при осмыслении идеалов культуры : дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2011. 225 с.

⁵ Образовательная программа магистратуры «Духовно-нравственное воспитание» (44.04.01 Педагогическое образование) Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (автор программы – доктор педагогических наук, профессор А. Г. Козлова). URL: <https://atlas.herzen.spb.ru/profile.php?id=9549> (дата обращения: 12.01.2025).

⁶ Всероссийский конкурс «За нравственный подвиг учителя», номинация «Лучшая программа духовно-нравственного воспитания» (автор статьи – лауреат первого года конкурса – 2008 года в данной номинации, затем эксперт).

⁷ Берсенева Т. А., Пономарев Д. А. Рабочая программа «Основы духовно-нравственной культуры народов России» для 5 класса к учебникам М. Т. Студеникина и И. В. Метлика, О. М. Потаповской. Санкт-Петербург : Издательство Тимофея Маркова, 2018. С. 4.

⁸ Педагогика. 2009. № 8. 126 с.

Освоение личностью социальных норм и законов происходит в многомерном процессе социализации [3]. Воспитание – ее часть, характеризуется специальной организацией, т. е. относительным контролем государства и общества. Помимо семьи, решение задачи воспитания возложено на государственную систему образования. Аспектами воспитания личности являются:

- 1) социальный специально организованный процесс освоения и преобразования ценностей культуры подрастающим поколением (его требуют государство и общество);
- 2) деятельность воспитателя, по межпоколенной передаче ценностей культуры путем создания специальных условий (путем создания условий извне педагогическими методами);
- 3) личный процесс интеграции всех воспитательных влияний (внутренний процесс, объединяющий процессы самоопределения, саморазвития и т. п.).

Перечислим важнейшие свойства воспитания, связанного с межпоколенной трансляцией смысловых ценностей культуры, в его основе – социальное действие; оно подчиняется психологическим [4–6] и педагогическим [7] законам. Воспитание не дискретно, в масштабе жизни в культуросообразной норме человек меняет роли: сначала он воспитанник, со временем становится самовоспитуемым, затем – воспитателем. Выпадение первой и второй роли означает несостоятельность выполнения третьей (это фактор риска разрыва межпоколенных связей); выполнение первой и второй роли во всей полноте может происходить только при педагогической поддержке – содействии извне. Проблема воспитания взрослых состоит в том, что с течением времени существенно снижается значение, усложняется восприятие внешних влияний, повышается автономия внутренних смыслообразующих процессов.

Духовность и нравственность в гуманитарных науках признаны базисными характеристиками человека, они взаимосвязаны. Нравственность в социально-философском аспекте – принятие индивидом группового требования в качестве обязанности. Ее суть формулируется в качестве своеобразного закона, определяющего построение отношений людей друг другу и обществу в целом – «не брать, а отдавать». Еще Сократ обращал внимание на важность соблюдения этого закона для уравнивания эгоизма. Именно его соблюдением философ определял меру духовности. Она требует от человека каждый раз заново перебарывать эгоизм, ориентировать себя на общезначимые цели. Напряжением душевных сил, глубокой личностной укорененностью, эмоциональным напряжением при осуществлении выбора нравственность отличается от морали.

Философия интерпретирует категорию «дух» в культурологическом, мировоззренческом ключе. Понятие «духовность» описывает внутреннюю направленность личности на высокие идеалы и общезначимые альтруистические ценности, придающие человеческой жизни высший смысл. Исследователи в области философии и истории образования различают четыре типа духовности по источнику представлений об идеалах и ценностях воспитания духовности в педагогическом процессе – религиозную, «магическую», прагматическую, гуманитарную [8]. Приоритетность одной из них в образовании связывается с государственной политикой. Духовность неразрывно связана с нравственностью; она является ценностно-содержащей основой выстраивания отношения к другим людям; требует преодоления эгоистических интересов, освоения надындивидуальных ценностей. Соединение двух понятий позволяет описать как ценностные основы внутреннего мира человека (духовность), так и поведение в социальном мире (нравственность); духовность (вертикаль самосовершенствования, ориентированного традиционными ценностями отечественной культуры) реализуется в нравственности – реализации этих ценностей в социальном взаимодействии (поведенческая горизонталь). Обобщим сказанное: духовно-нравственное воспитание – есть воспитание в смысле, традиционном для отечественной педагогики: это целостность, полнота которой включает и патристический, и эстетический, и правовой и т. п. аспекты, потому что человек плоть от плоти родной культуры, возвращается на ее смысловые ценности, которые становятся ориентирами поведения, выбора в любом виде деятельности.

В полицейской педагогике духовно-нравственное воспитание в последнее десятилетие стало привлекать внимание специалистов по воспитательной работе, разрабатываются программы факультативных дисциплин [9]. При этом в один ряд ставятся такие феномены, как духовно-нравственная культура, духовно-нравственная культура личности, духовно-нравственное становление личности и т. п. Недостаточная включенность в описанные выше научные поиски в педагогической области, отсутствие педагогической методологии, осмысление сложнейшего объекта по большей части на уровне популяризаторства, нахождение преимущественно в юридическом контексте обоснования выдвигаемой гипотезы определяют крайнюю дискуссионность транслируемой позиции. М. А. Бучакова и О. А. Дизер разбивают понятийное определение термина на две части – духовное и нравственное, что фактически определяет

появление нового понятия – «духовное и нравственное воспитание» [10]. Объясняя задачи преимущественно нравственного и совсем не раскрытого духовного воспитания сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД), авторы ссылаются на источники начала прошлого века, не указывая ни исторический контекст их написания, ни специфики личности авторов, ни предметную область, в которой они трудились. В результате предлагается дискредитировавшая себя идея о государственном воздействии на личность («деятельность, осуществляемая органами публичной власти во взаимодействии с гражданским обществом по воспитанию и формированию поведения граждан, проводится в соответствии с определенными требованиями, включающими и устранение последствий факторов, негативно влияющих на нравственность» [10, с. 35]. Именно по причине не просто отсутствия результативности глобального технократичного подхода к воспитанию без педагогически обоснованной конкретики (в которой и «зарыта собака»), а его вредности, заключающейся в лучшем случае в профанации, имитации, современная педагогика накопила достаточное количество методов, приемов, средств для тонкой настройки самой воспитательной деятельности на основе понимания сложности и нелинейности психологических и социальных процессов. К сожалению, и «широкое развитие воспитательных и образовательных учреждений», о котором пишут авторы, тоже не панацея.

С выходом Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁹, с изданием приказа МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»¹⁰, в котором духовно-нравственное воспитание является отдельным направлением политико-воспитательной работы с личным составом, необходимо глубокое осмысление данного понятия в контексте образования взрослых (в образовательных организациях и в форме внутрикорпоративной подготовки по месту службы). Следует учитывать, что в контексте полицейской педагогики духовно-нравственное воспитание сотрудников ОВД находится в понятийном поле профессионального воспитания, результативные психолого-педагогические подходы к которому должны быть учтены [11]. Тогда научно обоснованное определение духовно-нравственного воспитания сотрудников органов внутренних дел будет полезно не для публичных призывов, а для педагогического, инструментально полезного ответа на базовые вопросы воспитательной деятельности – кто (участники), зачем (цели и смысл) и как (методы)?

Методы

В статье применены следующие методы: анализ, синтез, абстрагирование, аналогия, моделирование.

Результаты и обсуждение

Методологическим основанием определения понятия «духовно-нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел» в данном исследовании явились философия традиции (Г. Г. Гадамер, Е. Шацкий, К. Лоренц, Ю. М. Лотман, М. В. Захарченко и др.), гуманитарно-антропологический (В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев, А. А. Остапенко, М. Р. Илакавичус и др.), целостный (В. С. Ильин, Н. М. Борытко, А. А. Глебов и др.) и андрагогический (А. И. Кукуев, С. И. Змеев, С. Г. Вершловский, И. А. Колесникова и др.) педагогические подходы. Традиция как «форма самоорганизации всякой устойчивой во времени человеческой общности... определяющая ее бытие в качестве системы общей жизни, ...символически оформляет отдельные действия, слова и мысли людей, устанавливая связь всеобщих условий бытия и особенного человеческого способа жизни» [12, с. 56]. Она существует до тех пор, пока происходит межпоколенное взаимодействие по трансляции смысловых ценностей. Это взаимодействие описывается как встреча личностей наставника и наставляемого. Гуманитарно-антропологический подход раскрывает сущностный процесс профессионального образования как развитие субъектности обучающегося и в профессиональной области, и в экзистенциальном пространстве всей жизни.

⁹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

¹⁰ Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 (зарег. в Минюсте России 20.09.2024, № 79534) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024> (дата обращения: 12.01.2025).

Ожидаемый результат описывается В. И. Слободчиковым так: «Умение быстро ориентироваться в сложном и многоуровневом мире деятельности и ресурсов; умение строить пространства потенциально возможной деятельности...; умение гармонизировать содержание профессиональной деятельности со своей позицией и ценностно-смысловыми установками той общности, в пространстве которой разворачивается его собственная деятельность»¹¹, т. е. с традиционными ценностями российского народа. В основу создания условий для достижения такого результата должно быть положено целостное знание о человеке, о среде его жизнедеятельности. Целостный подход определяет необходимость соблюдения последовательности этапов исследования феномена воспитания: моделирования его самого, затем системы факторов и условий как пространства его развития и далее – педагогической работы по организации тех типов деятельности, в которых развивается феномен воспитания. Такая последовательность позволяет обозреть педагогический процесс как целостность, избегая редукционизма [13]. Познание человека как первый шаг к проектированию педагогической работы – заповедь К. Д. Ушинского: «Воспитатель должен стремиться узнать человека, каков он есть в действительности, со всеми его слабостями и во всем его величии, со всеми его будничными, мелкими нуждами и со всеми его великими духовными требованиями» [14, с. 10]. Возраст участника воспитательного взаимодействия – критически важный фактор, который необходимо учитывать. Андрагогический подход выдвигает требование учета специфики взрослости при сценировании образовательного взаимодействия обучающегося и обучающего. К специфике относят многозадачность деятельности, наличие разнообразного опыта, нацеленность на получение практикоориентированного результата обучения, интерес к экзистенциальной проблематике).

На этом основании определим «духовно-нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел» путем перечисления его свойств, что позволит избежать редукционизма, упрощения, профанации понимания и, следовательно, их реализации. К свойствам отнесем:

1) сущностная характеристика этого процесса – расширение и укрепление *ценностно-смысловой сферы личности* в процессе знакомства с ценностями культуры и их осмыслением, что обуславливает целостность воспитания личности (и патриотизм, и гуманизм, и правовую культуру и т. д.);

2) процесс предполагает *взаимодействие взрослых с разным опытом* (один из них – опытный сотрудник, носитель ценностей профессии, укорененных в отечественной культурной традиции, он реализует эти ценности в своей жизни, профессии, другой (другие) – менее опытный, молодой, начинающий сотрудник, возможно, до конца не определившийся в ценностной основе своей жизни и профессии);

3) показатель реальности, а не имитации такого взаимодействия – *личностное развитие, изменение всех участников*;

4) взаимодействие возможно только в полном цикле *совместной деятельности* (постановка цели в профессиональной области, определение задач, выявление ресурсов, планирование, реализация, рефлексия), что создает условия для усвоения личностью социально и культурно значимых мотивов профессиональной деятельности и соответствующих сценариев;

5) требует организационно-андрагогических условий [15] для самоопределения начинающего сотрудника в отношении *осваиваемой ценности*;

6) *результаты* взаимодействия не сиюминутны, не линейны и не едины в силу индивидуальных особенностей участников (см. п. 1).

Описание через перечисление составляет концептуальную основу моделирования педагогической работы в области духовно-нравственного воспитания сотрудников ОВД в образовательных организациях МВД России. Очевидным видится тот факт, что сотрудники полиции плоть от плоти взрослого населения России, которое переживает в очередной раз «сверку ценностных часов» с предыдущими поколениями. Постперестроечное поколение было объектом агрессивного идеологического либерального воздействия без какой бы то ни было действенной поддержки ориентации на смысловые ценности, которые позволяли нашим дедам и прадедам хранить и развивать Отечество. Результат – эгоцентризм как противоположность альтруизму в профессиональной сфере, его можно охарактеризовать так: учили приходить получать (зарплату – вне зависимости от ее размера), а не зарабатывать, т. е. трудиться. Этот факт следует учитывать при моделировании педагогической работы в области духовно-нравственного воспитания. Соблюдая нормы объема статьи, назовем лишь главное требование к реализации

¹¹ Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология образования человека : Становление субъектности в образовательных процессах : учебное пособие. Москва : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2013. С. 371.

духовно-нравственного воспитания сотрудников ОВД в образовательных организациях системы МВД России: наличие сообщества воспитателей – членов педагогического коллектива, занявших позицию воспитателя, т. е. добровольно поставивших себе воспитательную цель и подготовленных к ее реализации; организуемые и поддерживаемые им уклад, обряды и ритуалы.

Указанная выше методология определила следующие блоки модели духовно-нравственного воспитания сотрудников ОВД в образовательных организациях системы МВД России: целевой, организационно-методический и оценочный. Коротко охарактеризуем их. Целевой блок содержит требование ясной формулировки воспитательной цели, а затем ее анализа для определения педагогических задач, поддающихся диагностированию. Цель определяется на основании упоминавшихся выше нормативных правовых актов, задачи формулируются с учетом результатов социологических и психологических исследований, дающих представление о поколении в целом, образовательных потребностях обучающегося как личности и как члена профессионального сообщества. Например, формулировка цели «воспитание патриотизма, любви к Родине» глобальна и для педагогической работы требует конкретизации: какая именно ценность будет содержанием воспитательного мероприятия? Область духовно-нравственного воспитания при целеполагании требует удержания контекста отечественной историко-культурной традиции, с которым должны быть связаны педагогические задачи. Кроме того, нормативным требованием является выявление характеристики участников взаимодействия: возраст, пол, образовательный и жизненный опыт, базовые знания в области, предполагаемой к актуализации.

Определение ценности, с которой будет проведена педагогическая работа, осуществляется с помощью педагогического наблюдения учебной группы, посредством анализа анонимных развернутых ответов обучающихся на вопросы, позволяющие выявить ценностную иерархию с помощью методики свободного самоописания А. В. Визгиной¹² и подобными методиками, не предполагающими прямого вопроса, связанного с ценностным выбором типа «любите ли вы Родину?».

Приведем пример. Согласно закону «Об образовании в Российской Федерации»¹³, воспитание нацелено на формирование ответственного отношения к труду и его результатам на основании традиционных российских духовно-нравственных ценностей, уважения к предыдущим поколениям, хранящим эталоны отношений. Первым аспектом ответа обучающегося-выпускника Санкт-Петербургского университета МВД России на вопрос, как он представляет себе будущую службу, был таков: «Будут проблемы в отношениях с начальником, никому не будет дела до моих трудностей». В ходе беседы с действующим начальником подразделения о молодых сотрудниках-выпускниках был выявлен взгляд на адаптацию с другой стороны: «Они думают только о себе, общее дело их не волнует, а я отвечаю за каждого сотрудника». Отметим, что ценность сотрудничества, взаимопомощи в коллективе никем не была названа напрямую. А она, ценность сотрудничества, является одной из основополагающих для отечественной культуры, о чем говорит смысл слова «сотрудник» (однокоренное слово – «трудник», в настоящее время используется для обозначения добровольных сезонных работников монастырей). В словаре В. И. Даля сотрудник – «соучастник в трудах, помощник в деле, работе, сотоварищ по трудам, сотрудник в труженическом деле»¹⁴. Этой ценности стоит уделить внимание, выдвинув ее освоение в качестве конкретной воспитательной цели. Задачами педагогической деятельности будут, в соответствии с логикой воспитательной работы, создание условий для узнавания содержания ценности в контексте отечественной историко-культурной традиции, ее осмысления (наделения сообразным традиции смыслом), а затем для совместного с носителями этой ценности действия, в котором будет пережит опыт сотрудничества.

В организационно-методическом блоке модели помещены методы, средства и формы, с помощью которых возможно решить поставленные задачи. Воспитание – это деятельность, поэтому из списка способов воспитания следует исключить «словесные методы» – лекции, доклады и т. п. Большой потенциал имеет метод проектов, т. к. предполагает совместное действие по осуществлению общезначимой цели, исследовательский метод, который на современном уровне предполагает совместное действие. Таким образом, адекватными сущности воспитания

¹² Способ выбора методик – тема отдельной статьи.

¹³ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

¹⁴ Сотрудник // Толковый словарь живого великорусского / [Сочинения] В. И. Даля : Ч. 1-4. Москва : Издание Общества любителей российской словесности, учрежденного при Императорском Московском университете, 1866. Ч. 4: Р-V. 625 с.

является весь спектр методик действий, с последующим использованием диалогового и поискового метода для рефлексии опыта прошлых поколений. На этом этапе в качестве средств должны быть использованы как артефакты отечественной культуры, раскрывающие содержание выбранной ценности, так и дискуссии с нашим современником – ее носителем.

Оценочный блок модели описывает требования к критериям и показателям результативности педагогической деятельности в области духовно-нравственного воспитания сотрудников ОВД в образовательных организациях высшего образования МВД России. Надо определить, какие конкретно знания необходимы и достаточны для активации мотивации в деятельности (в приведенном примере – в сотрудничестве для достижения общезначимой цели). Для выявления результативности организуемой педагогической деятельности необходима диагностика знания обучающимися содержания ценности, опыта в области, с ней связанной как «на входе», так и «на выходе». Полученные благодаря диагностике материалы подлежат анализу с последующей рефлексией осуществленной деятельности для последующей (при необходимости) корректировки.

3 заключение

Оставим массовые мероприятия информационно-пропагандистской работе, оставим популистский подход «за все хорошее против всего плохого» в прошлом понятие «воздействие», которое несет высокий риск нивелирования всех воспитательных усилий, оставим возглас «О времена, о нравы!». Перед тем как засучить рукава и приняться за духовно-нравственное воспитание, займемся самообразованием в области культурологии, педагогики, в части теории и практики воспитания, осмыслим собственную позицию по духовно-нравственным ценностям, определенным в нормативных документах. Метафорически определяя смысл духовно-нравственного воспитания, опишем его как деятельность по возвращению в Россию наших молодых и нас самих.

В заключение отметим, что представленный в статье вариант модели духовно-нравственного воспитания сотрудников ОВД в образовательных организациях системы МВД России не утверждается как единственно возможный: описанная методология и соответствующие ей задачи, способы, средства, формы могут быть иными, но методологическое обоснование, предполагающее научное педагогическое осмысление исследуемых феноменов, обязательно. Кроме того, необходимо и выявление факторов риска, сопровождающих образование взрослых: формализация, опора на словесные методы, неумение или нежелание предъявить собственную личностно-профессиональную позицию начинающим полицейским сводит на нет все усилия. Как известно, воспитывают не программы и уставы. Воспитывает личность, коллектив личностей.

Список источников

1. Горский Д. П. Вопросы абстракции и образование понятий. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1961. 353 с.
2. Захарченко М. В. Духовно-нравственное развитие и воспитание как ключевые категории в методологии проектирования образовательных программ / Системно-деятельностный подход в воспитании. Духовно-нравственное развитие и воспитание – главные приоритеты образования : материалы I Межрегиональной конференции, г. Санкт-Петербург, 26 октября 2010 г. / под общ. ред. Е. Н. Шавриновой. Санкт-Петербург : Издательство Политехнического университета, 2010. С. 6–15.
3. Мудрик А. В. Человек в процессе социализации: три ипостаси // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2009. Вып. 3 (14). С. 7–16.
4. Вебер М. Избранные произведения : Пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденоко ; коммент. А. Ф. Филиппова. Москва : Прогресс, 1990. 804 с.
5. Скиннер Б. Ф. По ту сторону свободы и достоинства / [пер. с англ. А. А. Федорова]. Можайск : Оперант, 2015. 189 с.
6. Бандура А. Теория социального научения. Санкт-Петербург : Евразия, 2000. 318 с.
7. Новикова Л. И. Педагогика воспитания: избранные педагогические труды. Москва : ПЕР СЭ, 2010. 335 с.
8. Колесникова И. А. Педагогическая реальность в зеркале межпарадигмальной рефлексии : [монография]. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. 242 с.
9. Клементьева С. В. Формирование духовно-нравственной культуры как средство совершенствования профессиональной подготовки сотрудников современной полиции / Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления : материалы Всероссийской научно-практической конференции, памяти профессора Валерия Трофимовича Шапко, г. Екатеринбург, 28 февраля 2014 г. / под общ. ред.: Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2014. Т. II. С. 57–59.
10. Бучакова М. А., Дизер О. А. Духовное и нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3 (74). С. 34–37; <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2018-13006>.

11. Олейников В. С., Душкин А. С., Трипутин С. Н. Профессионально-нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел: теория и практика : монография. Санкт-Петербург : Издательство СПбУ МВД России, 2016. 156 с.
12. Захарченко М. В. Культура и образование в перспективе традиции. Традиция как предмет теоретического осмысления : монография. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, 2007. 164 с.
13. Ильин В. С. О концепции целостного учебно-воспитательного процесса / Методологические основы совершенствования учебно-воспитательного процесса : [сборник статей] / редкол.: В. С. Ильин (отв. ред.) [и др.]. Волгоград : Волгоградский государственный педагогический институт им. А. С. Серафимовича, 1981. С. 5–14.
14. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания : Опыт педагогической антропологии. Москва : Фаир-Пресс, 2004. 210 с.
15. Илакавичус М. Р. Способы оптимизации краткосрочной профессиональной подготовки на примере обучения лиц, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Концепт : электронный журнал. 2024. № 10. С. 95–108; <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2024-11157>. URL: <http://e-koncept.ru/2024/241157.htm>.

Научная статья
УДК 378.1
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-257-264>

Организация политико-воспитательной работы в органах внутренних дел

Антон Алексеевич Рожков, кандидат педагогических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
anrozkov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1890-0368>

Аннотация:

Введение. В статье изложены актуальные вопросы организации политико-воспитательной в ОВД в современных геополитических, экономических и социокультурных условиях в эпоху глобальных перемен.

Методы. Автором применялись анкетирование, исторический метод, метод формальной логики, анализ нормативных правовых актов.

Результаты. Автором проведен анализ нормативных правовых актов, регламентирующих политико-воспитательную работу в ОВД, выделены личные и профессионально значимые качества сотрудников, на развитие которых должен быть направлен воспитательный процесс. В статье содержится краткая историческая справка о появлении новой для современных условий деятельности МВД России терминологии «политико-воспитательная работа» и описаны отдельные элементы данной работы. Автор подробно изложил формы и методы политико-воспитательной работы, закрепленные в приказе МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», и представил их научную классификацию. Практическая значимость статьи состоит в описании автором противоречий в организации политико-воспитательной работы, которые им выявлены в результате проведенного эмпирического исследования. Данные противоречия, по мнению автора, негативно влияют на результативность политико-воспитательной работы. Они должны быть осмыслены субъектами воспитательного процесса и научным сообществом, на основе научных и методических исследований получить практическое разрешение.

Ключевые слова:

политико-воспитательная работа, личностные и профессионально значимые качества сотрудников органов внутренних дел, содержание, формы и методы политико-воспитательной работы

Для цитирования:

Рожков А. А. Организация политико-воспитательной работы в органах внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 257–264. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-257-264>.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025;
одобрена после рецензирования 07.04.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Organisation of political and educational work in internal affairs bodies

Anton A. Rozhkov, Cand. Sci. (Ped.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
anrozkov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1890-0368>

Abstract:

Introduction. The article deals with the actual issues of political and educational work organisation in internal affairs bodies in modern geopolitical, economic and socio-cultural conditions in the era of global changes.

Methods. The author used the methods of questionnaire survey, historical, method of formal logic and analysis of normative legal acts.

Keywords:

political and educational work, personal and professionally significant qualities of internal affairs officers, content, forms and methods of political-educational work

Results. The author analyses the normative legal acts regulating political and educational work in internal affairs bodies, identifies personal and professionally significant qualities of employees, the development of which should be the focus of the educational process. The article contains a brief historical background of the emergence of the terminology "political-educational work", which is new for modern conditions of the Russian Ministry of Internal Affairs, and describes some elements of this work. The author detailed the forms and methods of political and educational work enshrined in the order of the Ministry of Internal Affairs of Russia from 27 August 2024 № 500 'On Approval of the Regulations on the order of organisation of moral and psychological support of the activities of internal affairs bodies of the Russian Federation', and presented their scientific classification. The practical significance of the article consists in the author's description of the contradictions in the organisation of political and educational work, which he identified as a result of the empirical study. According to the author, these contradictions negatively affect the effectiveness of political and educational work. They should be comprehended by the subjects of the educational process and the scientific community, and, on the basis of scientific and methodological research, be given a practical solution.

For citation:

Rozhkov A. A. Organisation of political and educational work in internal affairs bodies // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. № 2 (106). P. 257–264. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-257-264>.

The article was submitted February 3, 2025; approved after reviewing April 7, 2025; accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Путь в профессию полицейского для молодежи сложный и трудоемкий. Прежде всего потому, что профессиональный успех определяется не только суммой приобретенных юридических знаний, специальных умений и навыков, но и сформированными личностными и профессиональными качествами. Анализируя положения приказа МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»¹ (далее – Приказ), мы можем выделить качества сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД), которые являются необходимыми для успешного выполнения оперативно-служебных задач в любых условиях.

Совершенствование воспитательного процесса в органах внутренних дел ориентировано на разработку новых подходов в области организации политико-воспитательной работы с личным составом. Организация данного направления деятельности предполагает создание и методологическое обоснование модели, а также концепции проектирования политико-воспитательной работы в ОВД, в основу которых должны быть положены достижения в области теории и практики воспитания и обучения. Для решения этой научной и практической задачи целесообразно обратиться к трудам таких ученых-педагогов, как Т. К. Ахаян², Э. В. Балакирева [1], Е. П. Белозерцев [2], Л. Н. Бережнова [3], М. В. Богуславский [4], Е. В. Бондаревская [5], Л. Т. Бородавко [6], Н. М. Борытко [7], А. В. Буданов³, З. И. Васильева [8; 9], А. В. Вилкова [10], Б. З. Вульф [11], Н. Ф. Гейжан [12], И. Д. Демакова [13], М. А. Ерофеева [14, с. 140–148], С. Ф. Зыбин [15], М. Р. Илакавичус [6; 16], Е. И. Исаев⁴, И. Ф. Исаев [17], В. А. Караковский [18], В. Я. Кикоть⁵, Т. В. Кириллова [19], А. В. Кирьякова [20], В. В. Краевский [21], Б. Т. Лихачев⁶, Л. М. Лузина [22], Г. В. Марченко [23; 24], Е. И. Мещерякова [25], А. В. Мудрик [26], Л. И. Новикова [18; 27], И. П. Подласый⁷, В. А. Разумный [28], А. А. Реан [29], А. В. Савченков [30; 31], Н. Л. Селиванова [32],

¹ Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 (зарег. в Минюсте России 20.09.2024, № 79534) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024> (дата обращения: 12.03.2025).

² Ахаян Т. К. Исследования аксиологических проблем воспитания учащихся (научная школа – материал к спецкурсу). Санкт-Петербург : Издательство Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, 1996. 98 с.

³ Воспитательная работа с личным составом в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации : учебник / Буданов А. В., Будило И. В., Воропаев М. В. [и др.]. Москва : Объединенная редакция Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2009. 480 с.

⁴ Исаев Е. И. Введение в психолого-педагогическую антропологию : монография. Москва : Московский государственный психолого-педагогический университет, 2017. 180 с.

⁵ Воспитательная работа с личным составом в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации : учебное пособие / под общ. ред. В.Я. Кикоты. Москва, 2009. 480 с.

⁶ Лихачев Б. Т. Философия воспитания : специальный курс. Москва : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2010. 335 с.

⁷ Подласый И. П. Педагогика : в 3-х кн. Книга 3: Теория и технологии воспитания : учебник. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2007. С. 135.

Н. К. Сергеев [9], В. В. Сериков⁸ [33], В. А. Сластенин⁹, В. И. Слободчиков [34], А. М. Столяренко¹⁰, Е. В. Титова¹¹ [35], Н. В. Уварина [30; 31], И. В. Ульянова [14], Н. В. Ходякова [36], С. Ю. Чимаров [24].

Методы

При подготовке научной статьи автором применялись анкетирование, исторический метод, метод формальной логики, анализ нормативных правовых актов.

Результаты

Сама процедура анализа Приказа с целью выделения качеств сотрудников ОВД, на развитие которых должно быть направлено морально-психологическое обеспечение деятельности, является достаточно трудоемкой. Качества не представлены в отдельном разделе Приказа, а изложены по всему документу в различных формулировках. Анализ предполагал проведение аналитической работы по всему тексту документа и включает в себя работу по различению между собой сущностей понятий «качества», «свойства», «чувства», «способности», «состояния», «деятельность», «действие», «результат деятельности». Необходимым является и определение системы отношений, посредством которой целесообразно осуществить толкование данных явлений.

Результаты анализа свидетельствуют, что упоминание о качествах, необходимых сотрудникам ОВД, содержится в положениях Приказа:

- «формирование личности сотрудника как гражданина, патриота и профессионала»;
- «формирование у сотрудников государственно-правового мировоззрения, чувств патриотизма и личной ответственности за судьбу Отечества, знания и уважения его истории и культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей»;
- «формирование в сознании сотрудника общероссийской гражданской идентичности»;
- «глубокое понимание и поддержка сотрудниками политики, проводимой государством в сфере обороны, национальной безопасности и правоохранительной деятельности»;
- «воспитание у личного состава чувства гордости за принадлежность к профессии, верности Присяге, многовековым профессиональным традициям»;
- «развитие у сотрудников нравственной мотивации к добросовестному труду, повышению образовательного уровня и совершенствованию профессионального мастерства»;
- «воспитание у личного состава общей и профессиональной культуры, уважительного отношения к правам, свободам и личному достоинству граждан, соблюдение им норм профессиональной этики при общении с ними»;
- «формирование у сотрудников устойчивости к информационно-психологическим атакам»;
- «формирование и развитие у сотрудников стремления к совершенствованию профессионального мастерства»;
- «воспитание у сотрудников нравственной мотивации к строгому и точному соблюдению требований законодательства Российской Федерации»;
- «формирование морально-психологической готовности личного состава к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях»;
- «формирование знаний, навыков и умений, обеспечивающих высокий уровень морально-психологической готовности сотрудников к осознанному выполнению оперативно-служебных задач и морально-психологической устойчивости в любых условиях оперативной, криминальной и военной обстановки»;
- «воспитание у сотрудников нравственной мотивации к соблюдению служебной дисциплины и законности, формирование нетерпимости к правонарушениям как аморальным поступкам, порочащим честь сотрудника органов внутренних дел».

Анализ данных положений позволил выделить группы личностных и профессионально значимых качеств, уровень развития которых у сотрудников ОВД имеет существенное значение для повышения эффективности служебной деятельности. К личностным качествам относятся:

⁸ Сериков В. В. Образование и личность: теория и практика проектирования образовательных систем : учебное пособие. Москва : Логос Пресс, 1999. 272 с.

⁹ Методика воспитательной работы : учебное пособие / Аджиева Е. М. [и др.] ; под ред. В. А. Сластенина. 7-е изд., стереотип. Москва : Академия, 2009. 158 с.

¹⁰ Прикладная юридическая педагогика в органах внутренних дел : учебник / Кикоть В. Я., Столяренко А. М., Беличева С. А. [и др.]. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 512 с.

¹¹ Об образовании : Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (с изм. от 24.12.1993) // Российская газета. 1992. 31 июля. Документ утратил силу.

гражданственность; патриотизм; личная ответственность за судьбу Отечества; общая культура; стремление к добросовестному труду. Профессионально значимыми качествами являются: профессионализм; верность Присяге; верность многовековым профессиональным традициям; профессиональная культура; стремление к совершенствованию профессионального мастерства; стремление к строгому и точному соблюдению требований законодательства Российской Федерации; устойчивость к негативному информационно-психологическому воздействию; стремление к повышению образовательного уровня; морально-психологическая готовность к осознанному выполнению оперативно-служебных задач, в т. ч. в особых условиях; морально-психологическая устойчивость в любых условиях оперативной, криминогенной и военной обстановки; дисциплинированность; нетерпимость к правонарушениям как аморальным поступкам, порочащим честь сотрудника ОВД.

В основе развития указанных выше качеств в соответствии с Приказом лежат:

- развитая общероссийская гражданская идентичность;
- знание и уважение сотрудниками истории и культуры Отечества, традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
- развитое государственно-правовое мировоззрение;
- активная гражданская позиция;
- глубокое понимание и поддержка сотрудниками политики, проводимой государством в сфере обороны, национальной безопасности и правоохранительной деятельности;
- развитое чувство гордости сотрудников за принадлежность к профессии;
- поддержание сотрудниками на должном уровне физического и морально-психологического состояния;
- строгое и точное соблюдение сотрудниками требований законодательства Российской Федерации;
- уважительное отношение сотрудников к правам, свободам и личному достоинству граждан;
- соблюдение норм профессиональной этики при общении с гражданами;
- развитые психологические качества (виды качеств в Приказе не перечислены);
- развитость критического мышления и культуры работы с информацией, устойчивость сотрудников к информационно-психологическим атакам;
- нравственная мотивация сотрудников к добросовестному труду и повышению образовательного уровня.

Важным инструментом развития личностных и профессионально значимых качеств у сотрудников ОВД является политико-воспитательная работа, целью которой является формирование личности сотрудника как гражданина, патриота и профессионала, закрепление в его сознании соответствующих знаний, ценностных ориентиров, взглядов, убеждений, установок и чувств.

Политико-воспитательная работа была включена в 2024 году в воспитательный процесс ОВД как необходимый и своевременный акт реагирования на внешние и внутренние угрозы национальной безопасности Российской Федерации, которые перечислены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹². Она является новым видом морально-психологического обеспечения органов внутренних дел, сменившим «воспитательную работу»¹³.

Само понятие «политико-воспитательная работа» в ОВД для юридической и педагогической практики не является нововведением. Оно было введено в оборот в период образования РСФСР и эволюционировало из понятий «политическая работа», «политико-просветительная работа», «партийно-политическая работа», что подробно описано в трудах профессора С. Ф. Зыбина [15, с. 9–48]. Данная работа была ориентирована на воспитание личного состава ОВД в духе идей коммунизма на основе принципа партийности. Политико-воспитательную работу в ОВД осуществляли инспекторский отдел Главного управления милиции НКВД РСФСР и его территориальные органы в губернских, уездных и городских управлениях милиции. Сложившаяся в 1921 году практика работы по политическому и культурному воспитанию личного состава показала необходимость ее организационного выделения, целесообразность создания специального аппарата политико-воспитательной работы, который часто реформировался. В разное время функционировали институты помощников начальника по политической части, политруков, политсоветов, политинструкторов, политотделов, политинспекций, парторганизаторов и политсекретариатов.

¹² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

¹³ Понятие, содержание и формы воспитательной работы были закреплены в приказе МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900 (Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900. Документ не публиковался, утратил силу).

В настоящее время политико-воспитательная работа с личным составом ОВД организуется и осуществляется начальниками и их заместителями, курирующими работу с личным составом, организаций, подразделений МВД России (их структурных подразделений), подразделениями по работе с личным составом (морально-психологического обеспечения), а в образовательных организациях системы МВД России ее также осуществляют профессорско-преподавательский состав, начальники факультетов, курсов, командиры взводов, их заместители, командиры отделений.

Данная работа должна строиться на основе государственной политики по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, противодействия распространению деструктивной идеологии экстремистских и террористических организаций, недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих организаций, отдельных организаций на территории России¹⁴. Работа предполагает разъяснение личному составу решений Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, министра внутренних дел Российской Федерации, политики, проводимой государством в сфере обороны, национальной безопасности и правоохранительной деятельности, формирование у сотрудников устойчивости к негативному информационно-психологическому воздействию, развитие критического мышления и культуры работы с информацией.

Можно сделать вывод о том, что содержание политико-воспитательной работы, проводимой с личным составом ОВД, в настоящее время и в советский период имеет мало общих черт. Работа проводится в новых геополитических, экономических и социокультурных условиях, направлена на решение новых задач, имеет иное организационное построение, а объект политико-воспитательной работы отличается уровнем образования, профессиональной подготовленностью и осведомленностью в геополитических и экономических процессах. Поэтому накопленный поколениями опыт проведения политико-воспитательной работы хоть и является фундаментом в организации воспитательного процесса, но не может быть непосредственно применен. Работа требует существенной трансформации, разработки нового содержания, совершенствования форм и методов воспитания личного состава ОВД.

Раскрытие содержания политико-воспитательной работы и его уточнение должно осуществляться субъектами воспитательного процесса путем последовательного описания содержания ее отдельных направлений – патриотического, профессионального, правового, духовно-нравственного, этического воспитания. Это достаточно объемная и трудоемкая научная и практическая задача, которая не может быть решена на страницах журнала и требует монографического изложения.

Анализ закрепленных в Приказе форм политико-воспитательной работы позволил их разделить на три типа: мероприятия, дела и игры. Методологическим основанием деления явились теоретические идеи профессора Е. В. Титовой¹⁵. К мероприятиям относятся: лекция; доклад; диспут; дискуссия; беседа; служебное совещание; общее собрание сотрудников; собрание сотрудников по категориям; инструктивное занятие (инструктаж); митинг; встреча с деятелями культуры и искусства, представителями органов государственной власти, местного самоуправления, традиционных религиозных конфессий и общественных объединений; демонстрация тематического фото-, видео- или графического контента; экскурсия; отражение знаменательных событий и героических поступков, совершенных сотрудниками ОВД, в средствах наглядного информирования, средствах массовой информации, на официальных сайтах и в социальных сетях; научно-практическая конференция. К типу форм «дела» можно отнести: проектную сессию, чествование лучших сотрудников и конкурсno-оценочные мероприятия, а к игре – викторину.

Необходимо учитывать, что перечисленные формы политико-воспитательной работы обладают разным воспитательным потенциалом, в их организацию по-разному включаются субъекты и объекты воспитательного процесса. Формы отличаются друг от друга трудоемкостью и организационной сложностью. Например, организовать и прочитать лекцию значительно проще, чем организовать и провести экскурсию, конкурсno-оценочное мероприятие или научно-практическую конференцию.

Выбор формы политико-воспитательной работы зависит от содержания конкретной задачи, стоящей перед субъектом воспитания при планировании воспитательного мероприятия, уровня его педагогической подготовленности, существующих организационных и педагогических условий, интересов и мотивов личного состава.

¹⁴ СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351; Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

¹⁵ Титова Е. В. Указ. соч.

Мероприятие, как тип формы политико-воспитательной работы, следует использовать: когда нужно решить информационные задачи, оказать прямое воспитательное воздействие или непосредственно научить чему-либо, поделиться практическим опытом (осветить событие, познакомиться с особенностями направления деятельности, показать алгоритм действий в служебной ситуации, оценить поступок сотрудника и т. д.). Вместе с тем мероприятия следует считать нецелесообразными, когда объект воспитания способен с помощью субъектов воспитательного процесса освоить информацию или организовать обмен ею с другими участниками воспитательного процесса, совершить значимое действие (предложить и обосновать социально значимый или профессионально значимый проект, подготовиться и выступить в профессиональном конкурсе и т. д.). В таких ситуациях предпочтительным является выбор другого типа формы – дела. Игра как тип формы политико-воспитательной работы является более эмоционально насыщенной и направлена на нивелирование эмоционального напряжения в воспитательном процессе.

Следует принять во внимание, что в педагогической практике имеет место такое явление, как перерождение форм из одного типа в другой при их реализации. Например, форма, задуманная как мероприятие, может быть реализована по типу дела, если объекты воспитательного процесса проявят высокую инициативу и примут активное участие в организации и проведении мероприятия. Переход форм из одного типа в другой «по лесенке» (мероприятия – игры – дела) свидетельствует о результативности воспитательного процесса. В то же время переход в обратном направлении следует признать неблагоприятным¹⁶.

Анализ методов политико-воспитательной работы, закрепленных в Приказе, позволил разделить их на три вида: методы формирования сознания, к ним относится убеждение; методы организации деятельности формирования опыта поведения – личный пример; методы стимулирования – соревнование, поощрение, критика действий и поступков. Методологическим основанием представленной классификации являются теоретические взгляды профессора И. П. Подласого¹⁷. Каждый из представленных методов имеет свои методические особенности и область применения. Применяться они должны в комплексе с другими методами, разработанными теорией воспитания, в соответствии со сложившейся или конструируемой педагогической ситуацией, а также индивидуальными особенностями сотрудников или социально-психологическими характеристиками служебного коллектива.

Несмотря на то, что в Приказе достаточно подробно изложены проанализированные выше элементы воспитательного процесса, в служебной практике ОВД у субъектов политико-воспитательной работы возникают многочисленные затруднения в реализации его положений. Проведенное эмпирическое исследование в форме анкетирования субъектов политико-воспитательной работы позволило определить их виды, которые связаны:

- с неумением субъектов выделить все перечисленные в Приказе личные и профессиональные качества сотрудников, которые должны развиваться в рамках организованного воспитательного процесса;
- непониманием как необходимо пересмотреть и дополнить содержание воспитательного процесса с личным составом с учетом того, что видом морально-психологического обеспечения деятельности ОВД стала политико-воспитательная работа;
- недостаточным уровнем развития компетенции в области планирования этого вида работы, которую осуществляют на уровне здравого смысла и ограниченного личного эмпирического опыта;
- использованием привычных для личного опыта форм и методов воспитания, что влечет за собой шаблонность действий и не может не сказываться на результативности политико-воспитательной работы;
- неумением подбирать оптимальные формы и методы воспитания в соответствии с условиями конкретной педагогической ситуации;
- слабым развитием навыков создания воспитывающей среды, обеспечивающей активное взаимодействие обучающихся с субъектами, и способствующей развитию профессионально значимых качеств;
- невысоким уровнем развития у субъектов педагогических компетенций, наличием, как правило, юридического или иного вида непедагогического образования;
- неумением в отдельных случаях корректно соотносить мероприятие воспитательной направленности с направлением политико-воспитательной работы и определить личностные и профессионально значимые качества, на развитие которых направлено организуемое мероприятие;

¹⁶ Титова Е. В. Указ. соч.

¹⁷ Подласый И. П. Теория и технологии воспитания // Педагогика : учебник : в 3-х кн. 2-е изд., испр. и доп. Москва : ВЛАДОС, 2007. С. 135.

- неумением определить количество проводимых мероприятий, которое позволит повысить результативность этого вида работы и не окажет обратного воспитательного эффекта на сотрудников;
- неумением выделить организационные и педагогические условия, которые сложились в подразделении и влияют на эффективность политико-воспитательной работы с личным составом;
- непониманием того, каким образом следует проводить мониторинг результативности проводимой политико-воспитательной работы и что должно лечь в основу корректировки данного вида работы;
- неумением согласовать собственные действия в области политико-воспитательной работы с другими субъектами воспитательного процесса;
- отсутствием фактической возможности пройти повышение квалификации в системе дополнительного образования по направлению подготовки «Политико-воспитательная работа с личным составом органов внутренних дел».

3 заключение

Таким образом, мы пришли к выводу, что механизм и закономерности воспитательного процесса учитываются субъектами политико-воспитательной работы фрагментарно, содержание данной работы требует дополнительного структурирования с опорой на педагогические принципы, результат не является предметом рефлексии.

Это неполный перечень выявленных противоречий, которые должны найти свое научное осмысление, теоретическое обоснование, методическое обеспечение и организационное разрешение. Их острота определяется новизной проведения политико-воспитательной работы в ОВД и распространенностью данных противоречий. Признаки, обнаруженные в современных условиях функционирования ОВД, свойственны любому другому переходному периоду и требуют своевременного принятия управленческих решений организационного и содержательного характера.

Несмотря на остроту существующих противоречий и срочный характер необходимости их разрешения, видится, что данная задача носит комплексный характер и предполагает сбалансированное распределение усилий. Ресурсной площадкой для преодоления выявленных противоречий и эмпирической базой исследования должны стать образовательные организации системы МВД России, которые обладают мощным научным и педагогическим потенциалом, а также богатым опытом подготовки методических и учебных материалов в области воспитания. В соответствии с профилизацией образовательных организаций системы МВД России Санкт-Петербургский университет МВД России в рамках реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел», может стать научным и методическим центром по обобщению перспективных существующих и проектированию новых практик воспитания и распространению их в системе МВД России.

Список источников

1. Воспитание и социализация в социально-культурном измерении : монография / Абашина А. Д., Антонов Н. В., Балакирева Э. В. [и др.]. Санкт-Петербург : Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2023. 430 с.
2. Белозерцев Е. П. К вопросу о воспитании в контексте отечественного образования // Региональное образование: современные тенденции. 2020. № 1 (40). С. 35–43.
3. Бережнова Л. Н., Смирнов Р. В. Раскрытие потенциала применения средового подхода в профессиональном воспитании военнослужащих // Научное мнение. 2018. № 5. С. 22–26.
4. Понятийный аппарат педагогики и образования : коллективная монография / отв. ред. М.А. Галагузова, В.М. Полонский. Екатеринбург : [б. и.], 2019. Вып. 11. 388 с.
5. Стратегии воспитания в современном университете : монография / Александров Е. П., Бондаревская А. И., Бондаревская Е. В. [и др.]. Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2007. 347 с.
6. Илакавичус М. Р., Бородавко Л. Т. Гуманитарно-антропологические основы профессионального воспитания новых поколений в образовательных организациях МВД России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 176–182.
7. Борытко Н. М. Пространство воспитания : образ бытия : монография. Волгоград : Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2000. 225 с.
8. Подготовка студентов и педагогов к инновационному проектированию культурно-воспитательной среды в школе и вузе : педагогические исследования : монография / Васильева З. И., Казакова Е. И., Колесникова И. А. [и др.]. Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2010. 294 с.

9. Ценностные основы развития российского образования: теория и практика : 80-летию Российской академии образования посвящается : монография / Васильева О. Ю., Борисенков В. П., Сергеев Н. К. [и др.]. Москва : ООО «МАКС Пресс», 2023. – 542 с.

10. Вилкова А. В., Казберов П. Н. Система воспитательной работы с сотрудниками и курсантами уголовно-исполнительной системы // Образование и право. 2024. № 5. С. 517–521; <https://doi.org/1.24412/2076-1503-2024-5-517-521>.

11. Вульф Б. З. О науке и практике воспитания: содержание и организация : сборник избранных трудов : [в 2 ч.]. Москва : Издательство Института социальной педагогики РАО, 2010. 21 с.

12. Гейжан Н. Ф. Социокультурное развитие обучающихся в образовательных организациях МВД России : монография. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. 72 с.

13. Демакова И. Д. Воспитательная деятельность педагога в условиях парадигмального сдвига: методологический аспект // Отечественная и зарубежная педагогика. 2014. № 5 (20). С. 137–151.

14. Воспитание личности в процессе профессиональной социально-педагогической подготовки студентов : коллективная монография / под ред. М. П. Гурьяновой. Москва : Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, 2019. 232 с.

15. Зыбин С. Ф. Избранные труды. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2012. Т. 1. 472 с.

16. Илакавичус М. Р. Гуманитарно-антропологический подход в современных исследованиях профессионального образования // Образование и право. 2023. № 2. С. 291–295; <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-2-291-295>.

17. Исаев И. Ф., Исаева Н. И., Маматова С. И. Проектирование региональной стратегии развития образования: социально-педагогический опыт // Педагогическое образование и наука. 2020. № 6. С. 23–27.

18. Караковский В. А., Новикова Л. И., Селиванова Н. Л. Воспитание? Воспитание... Воспитание! Теория и практика школьных воспитательных систем : монография. Изд. 2-е. доп. и перераб.. Москва : Новая школа, 2000. 252 с.

19. Кириллова Т. В., Кузнецов М. И. Совершенствование подготовки сотрудников для подразделений воспитательной работы с осужденными в образовательных организациях ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 4. С. 33–36; <https://doi.org/10.18572/2072-4438-2023-4-33-36>.

20. Кирьякова А. В. Теория ориентации личности в мире ценностей : монография. Оренбург : Южный Урал, 1996. 188 с.

21. Краевский В. В. Науки об образовании и наука об образовании (методологические проблемы современной педагогики) // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 77–82.

22. Лузина Л. М. Педагогическая антропология как общий подход к построению и реализации процесса воспитания // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 3 (116). С. 56–59.

23. Марченко Г. В. Воспитание патриотизма и гражданственности курсантов и слушателей вузов МВД России в процессе образовательной деятельности // Профессиональное образование и наука. 2018. № 3 (4). С. 43–45.

24. Идейный концепт патриотизма в воспитательной работе с сотрудниками органов внутренних дел: современные подходы и технологии : монография / Марченко Г. В., Смородина В. А., Чимаров С. Ю., Косолапов А. Д. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. 176 с.

25. Агапова Г. В., Мещерякова Е. И., Филоненко Л. В. Контекстный подход в воспитании и социализации молодого поколения // Инновационный вектор развития профессионального образования : коллективная монография / редкол.: Э. П. Комарова [и др.]. Воронеж : Научная книга, 2024. С. 8–33.

26. Психолого-педагогические проблемы современного социума : монография / Абульханова К. А., Баскакова Я. А., Болотова Н. П. [и др.]; под ред. Е. А. Левановой, А. В. Мудрика. Москва : Московский педагогический государственный университет, 2018. 298 с.

27. Новикова Л. И. Педагогика воспитания: избранные педагогические труды. Москва : ПЕР СЭ, 2010. 335 с.

28. Разумный В. А. Эстетическое воспитание : Сущность. Формы. Методы. Москва : Мысль, 1969. 188 с.

29. Реан А. А., Ставцев А. А., Кузьмин Р. Г. Позитивная психология и педагогика : монография. Москва : Московский педагогический государственный университет, 2023. 411 с.

30. Разработка и реализация практик воспитательной деятельности в вузах : монография / Савченков А. В., Гнатышина Е. А., Уварина Н. В., Орешкина А. К. Москва : Первое экономическое издательство, 2022. 122 с.

31. Савченков А. В., Уварина Н. В. Система подготовки будущих педагогов профессионального обучения к осуществлению воспитательной деятельности // Известия Российской академии образования. 2023. № 1 (61). С. 99–113; https://doi.org/10.51944/20738498_2023_1_99

32. Селиванова Н. Л., Шакурова М. В. Современные ориентиры концептуализации воспитания в высшей школе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13, № 2 (50). С. 169–177; <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-2-169-177>.

33. Сериков В. В., Фетисов А. С., Комарова Э. П., Гайдар К. М. Трансформация профессионального образования в контексте вызовов XXI века : коллективная монография. Воронеж : Научная книга, 2023. 212 с.

34. Антропологический подход в развитии воспитания и социализации детей и молодежи : монография / Зверев С. М., Леонтович А. В., Слободчиков В. И. [и др.]. Москва : Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, 2019. 487 с.

35. Титова Е. В. Методологический потенциал концепции коллективного творческого воспитания // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3, № 3. С. 203–213.

36. Личностно-развивающая среда непрерывного образования сотрудников органов внутренних дел : монография / Павличенко Н. В., Ходякова Н. В., Столяренко А. М. [и др.]. Волгоград : Бланк, 2018. 216 с.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

LABOR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

Научная статья
УДК 159.9.07; 378
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-265-279>

Разработка и валидизация исследовательской методики «Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы»

Светлана Алексеевна Павлова¹, кандидат психологических наук, доцент
Наталья Александровна Семенова², кандидат психологических наук, доцент

^{1, 2} Краснодарский университет МВД России
Краснодар (350005, ул. Ярославская, д. 128), Российская Федерация

¹ swetapawlowa@mail.ru, ² natalya_deeva@bk.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-3196-8834>, ² <https://orcid.org/0000-0003-0687-0472>

Аннотация:

Введение. В статье изложено описание процесса разработки и результаты валидизации исследовательской методики «Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы». Теоретический конструкт методики разработан теоретико-эмпирическим путем с учетом принципов интегративного и компетентно-деятельностного подходов, понимания системы профессиональных компетенций. В качестве основных компонентов предложенной системы ведущих профессиональных компетенций преподавателя высшей школы обоснованы самоорганизационная, информационная, интерактивная и поликультурная компетенции, а также готовность к профессиональной педагогической деятельности.

Методы. Описана операционализация методики с 2022 по 2025 гг. В статье представлены результаты валидизации итогового варианта методики на расширенной выборке в количестве 366 преподавателей образовательных организаций МВД России из различных федеральных округов в возрасте от 25 до 55 лет с педагогическим стажем от 1 до 25 лет, среди которых 42,1 % мужчин и 57,9 % женщин. Надежность методики проверялась при помощи коэффициента альфа Кронбаха. Методика проверялась на содержательную, конкурентную, конструктивную и прогностическую валидности при помощи корреляционного анализа, конфирматорного факторного анализа, линейного регрессионного анализа с вычислением регрессионных уравнений. Обработка эмпирических данных осуществлялась с использованием пакета программ SPSS 26.0, IBM SPSS AMOS 26 Graphics и Excel.

Ключевые слова:

профессиональные компетенции, самоорганизационная, информационная, интерактивная, поликультурная компетенции, готовность к педагогической деятельности

Для цитирования:

Павлова С. А., Семенова Н. А. Разработка и валидизация исследовательской методики «Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 265-279. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-265-279>.

Результаты. О валидности и внутренней согласованности методики свидетельствуют данные, полученные в результате применения коэффициента альфа Кронбаха, метода экспертных оценок, корреляционного анализа, подтверждающего факторного анализа, линейного регрессионного анализа.

Статья поступила в редакцию 17.03.2025;
одобрена после рецензирования 09.06.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Development and validation of the “Professional competences of a higher school teacher” research methodology

Svetlana A. Pavlova¹, Cand. Sci. (Psy.), Docent
Natalya A. Semenova², Cand. Sci. (Psy.), Docent

^{1,2} Krasnodar University of the MIA of Russia
128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, 350005, Russian Federation

¹ swetapawlowa@mail.ru, ² natalya_deeva@bk.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-3196-8834>, ² <https://orcid.org/0000-0003-0687-0472>

Abstract:

Introduction. The article describes the process of development and the results of validation of the “Professional competences of a higher school teacher” research methodology. The theoretical construct of the methodology was developed theoretically and empirically, with consideration to the principles of integrative and competence-activity approaches, and understanding of the system of professional competences. Self-organisational, informational, interactive and multicultural competences as well as readiness for professional pedagogical activity are proved as the main components of the suggested system of leading professional competences of a higher school teacher.

Methods. The operationalisation of the methodology from 2022 to 2025 is described. The article presents the validation results of the final version of the methodology based on an extended sample of 366 teachers of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in different federal districts aged from 25 to 55 years with teaching experience from 1 to 25 years, among whom 42,1% are men and 57,9% are women. The reliability of the methodology was tested using Cronbach's alpha coefficient. The methodology was tested for content, competitive, construct and predictive validity using correlation analysis, confirmatory factor analysis, linear regression analysis with calculation of regression equations. The empirical data were processed using SPSS 26.0, IBM SPSS AMOS 26 Graphics and Excel software package.

Results. The validity and internal consistency of the methodology are evidenced by the data obtained by applying Cronbach's alpha coefficient, expert evaluation method, correlation analysis, confirmatory factor analysis, and linear regression analysis.

Keywords:

professional competences, self-organisational, informational, interactive, multicultural competences, readiness for pedagogical activity

For citation:

Pavlova S. A., Semenova N. A. Development and validation of the “Professional competences of a higher school teacher” research methodology // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 265-279. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-265-279>.

The article was submitted March 17, 2025;
approved after reviewing June 9, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Актуальность проблемы исследования профессиональных педагогических компетенций преподавателя высшей школы обусловлена необходимостью повышения качества процессов воспитания и обучения в современной общественной ситуации. Это связано с проблемами подготовки квалифицированных молодых специалистов на фоне кадрового голода, с необходимостью формирования личности, обладающей нравственными ориентирами, формирующими мировоззрение¹ и ценностное отношение к профессии. Таких специалистов способен подготовить преподаватель, обладающий сформированной системой профессиональных компетенций. Несмотря на высокую значимость данной проблемы и интерес профессионально-научного сообщества к ней, остается открытым вопрос об организации и функционировании данной системы. Сложная организация системы профессиональных компетенций предполагает разработку исследовательского инструментария, направленного на выявление уровня их выраженности и наличия системных взаимосвязей.

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

В науке существуют различные подходы к пониманию организации и составляющим системы профессиональных компетенций² [1–3 и др.]. Востребованным при проведении исследований считается подход, в рамках которого основанием для выделения компетенций являются направления деятельности преподавателя: проведение учебных занятий; методическая деятельность; научно-исследовательская деятельность; воспитательная работа [4 и др.]. Данный подход является наиболее формализованным, что способствует проведению мониторинга результатов деятельности преподавателя.

Одним из продуктивных подходов к систематизации компетенций может быть кластеризация, посредством которой выделяются укрупненные группы наиболее связанных компетенций, заключающихся в наличии способностей к самоорганизации, коммуникации, поликультурному взаимодействию, использованию цифровых ресурсов и т. д. [5]. А. В. Овчинников предлагает «универсальную модель профессиональных компетенций», состоящую из пяти качественно различных групп: личностных, социальных, технических, организационных и административных [6]. В исследованиях В. А. Толочка и А. С. Машковой при кластеризации компетенций обнаружено, что они могут образовывать своего рода ядерную структуру, где «ядро» – это небольшое количество ключевых качеств, а «пояса» или «оболочки» – это относительно значимые компетенции, которые обеспечивают эффективность деятельности в конкретной организации³. Таким образом, кластеризационный подход позволяет выделить наиболее важные и универсальные аспекты профессиональных компетенций, обозначить их структуру, но не демонстрирует системных взаимосвязей между ними.

Одним из наиболее популярных является подход, базирующийся на проблемах и характеристиках современного общества, основанный на требованиях к преподавателю: личности успешного профессионала, готовность к изменениям, динамика требований к профессиям и т. д. В данном подходе авторов привлекает скорее не устройство компетенций как системного образования, а содержание конкретных единичных компетенций, которые в большей степени обуславливают эффективность деятельности субъекта труда. В данном подходе профессиональные компетенции зачастую отождествляются с профессионально важными качествами.

В зарубежной практике наибольшую распространенность получило разделение компетенций по ведущим навыкам специалиста на универсальные (*soft-skills*) и профессиональные (*hard-skills*), которое используется при оценке образовательных услуг. Такое разделение становится востребованным и в отечественной практике управления и менеджмента⁴ [7].

В профессиональной деятельности преподавателя отечественные исследователи в качестве наиболее значимых компетенций выделяют такие, как: индивидуально-личностная, предметно-деятельностная, социально-коммуникативная [5]; психолого-педагогическая, коммуникативная, креативная, социально-организационная [8]; планирования [9 и др.].

Данные подходы к систематизации компетенций в большей степени являются эмпирическими, поскольку выявление компетенций основывается на анализе педагогической практики. С одной стороны, это может быть продуктивным, т. к. подходы опираются на наиболее значимые аспекты педагогической деятельности, но, с другой стороны, это может привести к разрозненности представлений о наиболее значимых компетенциях преподавателя и затруднить единый подход к оценке эффективности его деятельности. Существующие попытки разработки диагностического инструментария в виде анкетных методик и экспертных оценок [2], опросников выявления отдельных компетенций не дают общей картины понимания системы профессиональных педагогических компетенций [10; 11 и др.].

С нашей точки зрения, теоретико-эмпирический подход к выявлению и обоснованию системы профессиональных компетенций открывает возможности комплексного их изучения и целостного осмысления трудовых функций современного преподавателя высшей школы. В рамках данного подхода, а также с учетом принципов интегративного и компетентностно-деятельностного подходов, на основе анализа массива теоретических данных по проблеме систематизации и обоснования профессиональных компетенций преподавателя нами были выделены ведущие профессиональные педагогические компетенции, взаимосвязанные посредством готовности к выполнению профессиональной педагогической деятельности [12] (рисунок 1).

С позиции интегративного подхода готовность является системообразующим фактором, обеспечивающим формирование и реализацию ведущих компетенций. Компетенция как

² Безручко П., Шатров Ю., Максимова М. Компетенции неясного будущего // Большие идеи : [сайт]. URL: <https://big-i.ru/karera/professionalnyy-i-lichnostnyy-rost/p26131/> (дата обращения: 08.01.2025).

³ Там же.

⁴ Шипилов В. Перечень навыков *soft skills* и способы их развития // Корпоративный менеджмент : [сайт]. URL: https://www.cfin.ru/management/people/dev_val/soft-skills.shtml (дата обращения: 08.01.2025).

задаваемое извне содержание, которое определяет сформированность необходимых знаний, умений, навыков, способностей и готовности к осуществлению успешной профессиональной деятельности, объективируется в компетентности специалиста [13]. Именно готовность субъекта эффективно организовать внутренние и внешние ресурсы для постановки и достижения цели является одной из значимых характеристик компетенции, связывающих ее с компетентностью как готовностью выполнять профессиональную деятельность, основанную на знаниях и опыте [14; 15].

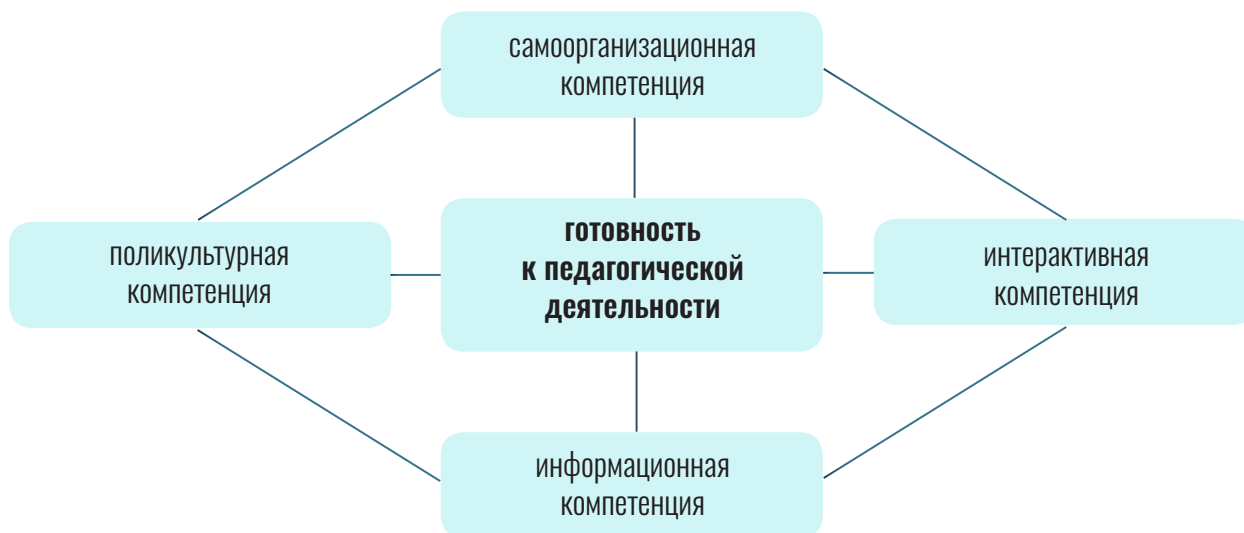

Рис.1. Взаимосвязь профессиональных педагогических компетенций и готовности к педагогической деятельности преподавателя высшей школы

Fig. 1. Interrelation of professional pedagogical competences and readiness for pedagogical activity of a higher school teacher

В нашем понимании готовность как сложное интегративное образование к профессиональной педагогической деятельности является базовой субъектной характеристикой профессионала для формирования профессиональных компетенций, позволяющих успешно справляться с профессиональной деятельностью за счет мобилизации психологических ресурсов личности и осознания значимости своего труда в рамках профессиональной компетентности [12]. В предложенной структурно-функциональной схеме представлена взаимосвязь таких ведущих профессиональных компетенций преподавателя, как самоорганизационная, информационная, интерактивная и поликультурная. Взаимосвязь данных компетенций охватывает основные трудовые функции преподавателя и обеспечивает эффективную реализацию преподавательской деятельности.

Одной из ведущих компетенцией является самоорганизационная, что связано с необходимостью профессионального совершенствования в условиях трансформации образования, многозадачности деятельности современного преподавателя и необходимостью освоения новых технологий. Данная компетенция проявляется в способности использовать профессионально-личностные характеристики и качества для достижения эффективных результатов. Самоорганизация лежит в основе осознанной саморегуляции собственной профессиональной деятельности. Особое значение приобретает мотивационная установка, определяющая готовность к организации собственного рабочего времени, профессионального саморазвития и результативности [16]. Сущность данной компетенции предполагает ее системообразующую роль по отношению к другим компетенциям, т. к. возможность формирования и эффективность реализации данных компетенций зависит от способности преподавателя грамотно организовать собственную деятельность. Самоорганизация важна в таких направлениях деятельности преподавателя, как работа с информацией, эффективное взаимодействие, в т. ч. в поликультурном пространстве.

Информационная компетенция проявляется в способности личности отбирать, усваивать, перерабатывать, трансформировать и генерировать информацию в особый тип предметно-

специфических знаний, на основе которых вырабатываются, прогнозируются и реализуются оптимальные решения в различных сферах деятельности. Способность адаптации информации к ситуациям общения, быстрого реагирования на изменение информации, систематизация и применение ее в различных культурных контекстах образовательного процесса способствует организации собственной деятельности преподавателя и упорядочивает процесс освоения знаний обучающимися. В современных условиях деятельности преподавателя целесообразнее говорить именно об информационной компетенции, где цифровая компетенция является ее необходимой частью [17]. Цифровая компетенция может быть эффективной только в совокупности с общей информационной грамотностью и культурой преподавателя. В профессиональной педагогической деятельности преподавателя высшей школы информационная компетенция исполняет функцию не только переработки и передачи предметно-специфических знаний, но и предопределяет процесс интеракции.

Трансформация образования предполагает изменение характера взаимодействия субъектов образовательного процесса, где все чаще используется дистанционное или электронное обучение, что расширяет возможности педагога и предопределяет процесс интеракции [18]. Педагогическое взаимодействие предполагает организацию совместной деятельности педагога и обучающихся, а также обучающихся между собой при решении учебно-воспитательных задач. Интерактивная компетенция позволяет последовательно реализовать все этапы образовательного процесса с использованием современных технологий в поликультурном пространстве.

Значимость поликультурной компетенции современного преподавателя обусловлена необходимостью: квалифицированного содействия предупреждению межэтнических конфликтов; формированием уважения к ценностям представителей разных культур; поддержанием интереса к истории своей страны. Формирование поликультурной компетенции включает в себя: знания о культурном многообразии цивилизации; развитие культуры поведения, соответствующей поликультурной среде; формирование культуры саморазвития в поликультурной среде. Поликультурная компетенция, лежащая в основе поликультурной компетентности, способствует поиску адекватных форм поведения, помогающих поддержанию атмосферы согласия и взаимного доверия, высокой результативности в совместной деятельности.

Представленный конструкт ведущих профессиональных педагогических компетенций, полученный теоретико-эмпирическим путем, лег в основу разработки исследовательской методики «Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы».

Цель исследования: разработать и валидизировать исследовательскую методику, направленную на выявление ведущих профессиональных компетенций и готовности к осуществлению профессиональной педагогической деятельности преподавателя высшей школы.

Методы

Исследование с помощью авторской методики «Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы» проводилось с 2022 по 2025 гг.

Операционализация (уточнение феноменологического проявления выявленных профессиональных педагогических компетенций) предложенной исследовательской методики осуществлялась при помощи тематического анализа научных текстов по психолого-педагогической тематике на стадии систематизации материала, а также анализа экспертных оценок пунктов методики на всех стадиях ее разработки и совершенствования. В результате операционализации теоретико-эмпирического конструкта были выделены пять основных показателей: готовность к профессиональной педагогической деятельности, самоорганизационная, информационная, интерактивная и поликультурная компетенции.

Первый вариант методики, состоящий из 18 вопросов, направленных на выявление ключевых индикаторов предложенных компетенций, был апробирован в пилотажном исследовании, которое проводилось на выборке преподавателей университетов МВД России в количестве 140 человек [19], после чего список вопросов был уточнен с учетом экспертной оценки и расширен до двадцати четырех. Данная версия методики была апробирована на преподавателях образовательных организаций МВД России в количестве 245 человек с различным стажем педагогической деятельности. Итоги апробации данного варианта методики и дальнейшие теоретические изыскания обусловили необходимость включения показателя готовности к профессиональной педагогической деятельности как системообразующего по отношению к ведущим профессиональным компетенциям. Тем самым список вопросов был расширен до тридцати (по шесть вопросов на каждую компетенцию и шесть вопросов на измерение готовности к профессиональной педагогической деятельности). В результате операционализации теоретического

конструкта методики «Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы» стало возможным выделение пяти шкал методики и их содержательного наполнения (см. приложение).

В статье представлены результаты валидации итогового варианта методики на расширенной выборке. В исследовательскую выборку вошли преподаватели образовательных организаций МВД Российской Федерации Южного, Северо-Кавказского, Сибирского, Северо-Западного, Центрального, Уральского, Приволжского и Дальневосточного федеральных округов в количестве 366 респондентов (рисунок 2) от 25 до 55 лет.

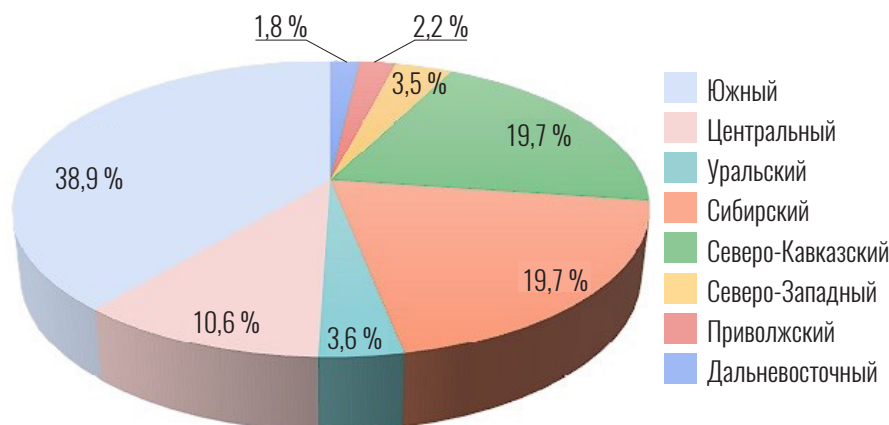

Рис. 2. Распределение респондентов в исследовательской выборке по федеральным округам

Fig. 2. Distribution of respondents in the research sample by federal districts

В выборку вошло 42,1 % мужчин и 57,9 % женщин (рисунок 2). При этом примененный критерий Манна-Уитни не показал значимых различий между мужчинами и женщинами по исследуемым показателям (значения критерия варьируются в пределах 15157–17500).

Стаж профессиональной педагогической деятельности варьировался от 1 года до 25 лет. По стажу выборка изначально была разбита на четыре подгруппы: от 1 до 5 лет (подгруппа 1), от 6 до 10 лет (подгруппа 2), от 11 до 20 лет (подгруппа 3), более 21 года (подгруппа 4) (таблица 1).

В результате применения критерия Краскела-Уоллиса выяснилось, что между первой и второй подгруппами, а также между третьей и четвертой подгруппами значимые различия отсутствуют, что дает основания объединить данные подгруппы в две с диапазоном педагогического стажа от 1 до 10 лет и 11 лет и более.

Таблица 1

Значения критерия Краскела-Уоллиса
для подгрупп с различным стажем педагогической деятельности
в выборочной совокупности

Table 1

Values of the Kraskell-Wallis criterion
for subgroups with different length of teaching experience
in the sample population

Измеряемые показатели	Значения критерия	Подгруппы					
		2-1	2-3	2-4	1-3	1-4	3-4
Самоорганизационная компетенция	Статистика	6,343					
	Значимость	0,096					
Информационная компетенция	Статистика	7,58	- 36,40	- 49,70	- 28,82	- 42,13	- 13,31
	Значимость	0,68	0,05	0,01	0,05	0,00	0,36
Поликультурная компетенция	Статистика	18,51	- 48,07	- 52,63	- 29,56	- 34,12	- 4,56
	Значимость	0,31	0,01	0,00	0,04	0,02	0,75

Продолжение таблицы 1

Измеряемые показатели	Значения критерия	Подгруппы					
		2-1	2-3	2-4	1-3	1-4	3-4
Интерактивная компетенция	Статистика	21,5	- 49,02	- 50,81	- 27,52	- 29,32	1,79
	Значимость	0,24	0,01	0,01	0,05	0,05	0,90
Готовность к педагогической деятельности	Статистика	12,15	- 60,46	- 68,31	- 48,31	- 56,16	- 7,85
	Значимость	0,51	0,00	0,00	0,00	0,00	0,59

Для определения конкурентной валидности данной методики исследовалось наличие корреляционных связей между показателями данной методики и показателями методик, валидность и надежность которых доказаны: «Индекс технологической готовности (TRI)» А. Парасураман, К. Колби (адаптация Ю. В. Хлоповских) [11], «Интегративный опросник межкультурной компетентности» (О. Е. Хухлаев, В. В. Гриценко, А. В. Макаручук, О. С. Павлова, Н. В. Ткаченко, Ш. А. Усубян, В. А. Шорохова) [10], «Диагностика особенностей самоорганизации» (ДОС) (А. Д. Ишков)⁵.

Обработка эмпирических данных осуществлялась с использованием пакета программ SPSS 26.0 и Excel, были применены методы описательной статистики, а также коэффициент надежности альфа Кронбаха, корреляционный анализ, конфирматорный факторный анализ (программа IBM SPSS AMOS 26 Graphics), линейный регрессионный анализ с вычислением регрессионных уравнений.

В процессе валидации проверялись надежность, содержательная, конструктивная, конкурентная, прогностическая валидность исследовательской методики.

Для проверки надежности методики использовался коэффициент альфа Кронбаха, значения которого вычислялись на выборке, смешанной по возрасту, полу, стажу педагогической деятельности. Полученные данные располагаются в диапазоне 0,842–0,897, что позволяет судить о внутренней согласованности методики (таблица 2).

Таблица 2

Значения альфа Кронбаха для измеримых шкал

Table 2

Cronbach's alpha values for measurable scales

Шкалы методики	Статистика надежности		
	Альфа Кронбаха	Альфа Кронбаха на основе стандартизованных пунктов	Н элементов
Самоорганизационная компетенция	0,893	0,897	6
Информационная компетенция	0,885	0,886	6
Поликультурная компетенция	0,842	0,845	6
Интерактивная компетенция	0,854	0,856	6
Готовность к педагогической деятельности	0,875	0,876	6

Адекватность диагностического инструментария была установлена при помощи проверки содержательной валидности с использованием метода экспертных оценок. В группу экспертов вошло 45 преподавателей со стажем педагогической деятельности в системе высшего образования не менее 10 лет. Их задачей являлось оценивание каждого пункта методик на предмет содержательного соответствия измеряемому феномену. Экспертам предлагалось по пятибалльной шкале оценить то, насколько предложенные высказывания действительно измеряют ту или иную компетенцию. При этом 5 баллов означает «полностью соответствует», 4 балла –

⁵ Ишков А. Д. Связь компонентов самоорганизации и личностных качеств студентов с успешностью в учебной деятельности : дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2004. 202 с.

«скорее соответствует», 3 балла – «неоднозначно / неопределенно», 2 балла – «скорее не соответствует», 1 балл – «полностью не соответствует». В результате 86 % экспертов оценили высказывания в диапазоне 4–5 баллов.

Для проверки конструктивной валидности был применен подтверждающий факторный анализ (программа IBM SPSS AMOS 26 Graphics). При тестировании модели предполагалось, что переменные (утверждения опросника) входят в латентные факторы (показатели профессиональных компетенций и готовности к педагогической деятельности, которые являются шкалами методики), а также что шкалы методики коррелируют между собой. Соответственно, при помощи подтверждающего факторного анализа была проверена следующая модель (таблица 3, рисунок 3): переменные (утверждения методики) в составе коррелирующих латентных факторов – профессиональные компетенции (самоорганизационная, информационная, интерактивная и поликультурная) и готовность к профессиональной педагогической деятельности.

Таблица 3

Показатели модели построения методики «Профессиональная компетентность преподавателя высшей школы» по результатам подтверждающего факторного анализа

Table 3

Indicators of the construction model of the “Professional competence of a higher school teacher” methodology according to the results of confirmatory factor analysis

Модель	χ^2	df	χ^2/df	RMR	GFI	AGFI	TLI	CFI	RMSEA
Модель 1	1654,1	595	2,78	0,141	0,880	0,853	0,835	0,850	0,081

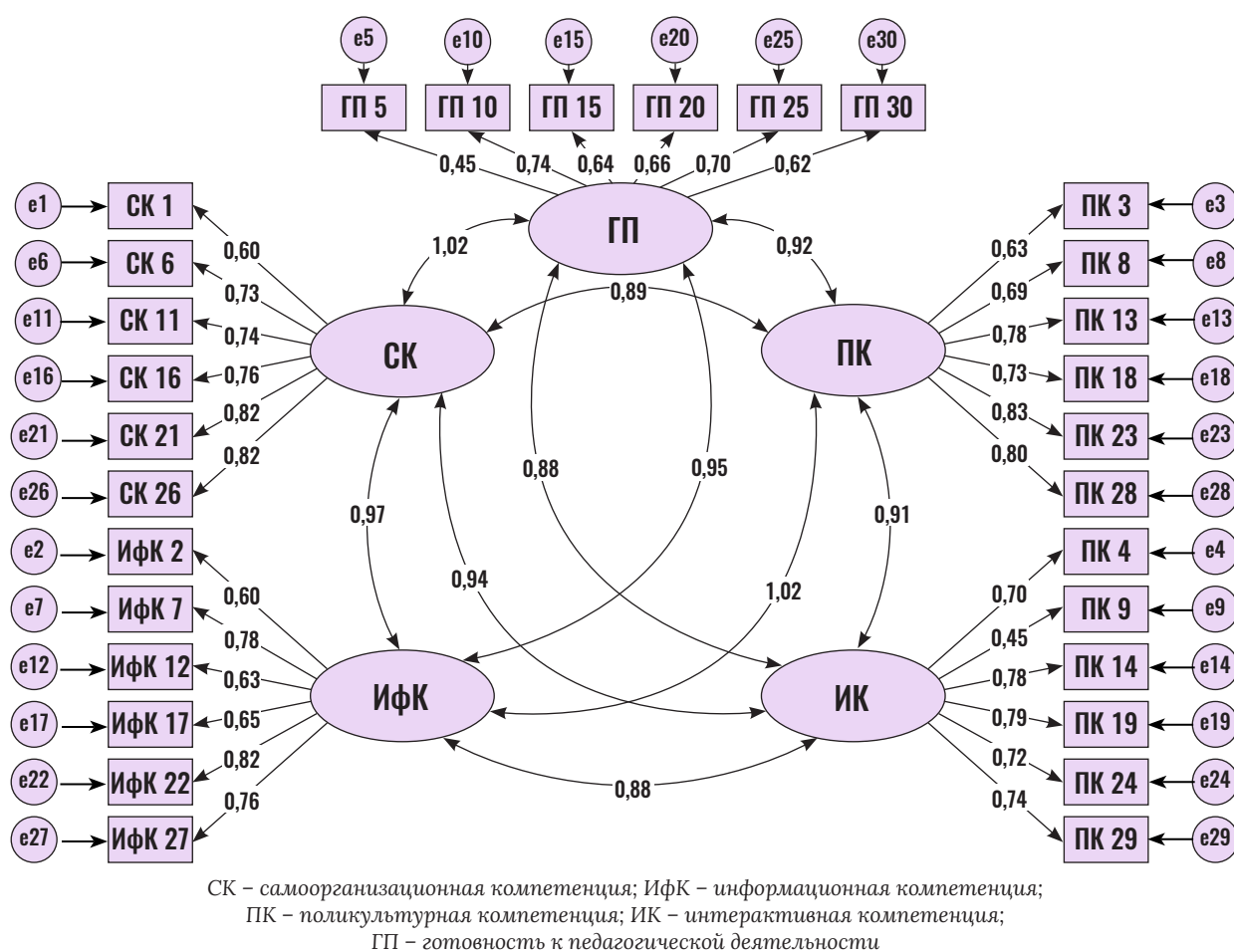

Рис. 3. Факторная модель

Fig. 3. Factor model

Проверка модели показала ее приемлемость, т. к. основные показатели соответствия имеют значения в пределах допустимого либо стремятся к этому: соотношение X^2/df имеет значение 2,78 в пределах допустимого [20]. Все используемые индексы согласия и пригодности стремятся к значению 0,90 и имеют значения выше 0,85, что говорит о приемлемости модели с учетом большого объема выборки. Показатель RMSEA (0,081) находится в зоне приемлемости⁶ [21].

Результаты линейного регрессионного анализа и расчет регрессионных уравнений позволили говорить о наличии прогностической валидности методики. При построении регрессионной модели в качестве предикторов и зависимых переменных выступили профессиональные компетенции и готовность к профессиональной педагогической деятельности (пять переменных). Данные переменные сравнивались попарно, чтобы выявить вклад каждой в регрессию и определить наиболее значимые предикторы. Значения R-квадрата (R^2) являются приемлемыми, варьируются в диапазоне 0,674 – 0,785. Это означает, что по выбранным предикторам возможно прогнозировать изменение зависимых переменных примерно в 70 % выборки (таблица 4).

Таблица 4

Показатели линейного регрессионного анализа
профессиональных компетенций преподавателей в исследуемой выборке

Table 4

Indicators of linear regression analysis
of professional competences of teachers in the study sample

Зависимые переменные	Скорректированный R^2	Константа В	Предикторы (стандартизированные коэффициенты Бета)				
			СК	ИфК	ПК	ИК	ГП
СК	0,785	– 0,4	–	0,32	0,162	0,19	0,307
ИфК	0,669	0,7	0,492	–	0,127	0,076	0,179
ПК	0,674	2,8	0,246	0,125	–	0,305	0,232
ИК	0,752	3,2	0,22	0,057	0,232		0,382
ГП	0,779	2	0,315	0,12	0,145	0,382	–
Примечания: СК – самоорганизационная компетенция; ИфК – информационная компетенция; ПК – поликультурная компетенция; ИК – интерактивная компетенция; ГП – готовность к педагогической деятельности.							

Для более детального анализа взаимовлияния профессиональных компетенций и готовности к профессиональной педагогической деятельности были рассчитаны регрессионные уравнения (2)–(6).

Обобщенно уравнение выглядит следующим образом:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \dots + \beta_n X_n + \varepsilon, \quad (1)$$

где Y – зависимая переменная (результат или прогнозируемая переменная);

β_0 – свободный член (интерсепт), отражающий значение Y , когда все независимые переменные равны нулю;

$\beta_1, \beta_2, \dots, \beta_n$ – нестандартизированные коэффициенты регрессии для независимых переменных ($X_1, X_2, \dots, X_n$);

$X_1, X_2, \dots, X_n$ – независимые переменные (предикторы), которые оказывают значимое влияние на зависимую переменную;

ε – ошибка.

⁶ Наследов А. Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS : Профессиональный статистический анализ данных : [практическое руководство]. Санкт-Петербург : Питер, 2013. 413с.

Регрессионные уравнения взаимовлияния профессиональных компетенций и готовности педагогической деятельности преподавателей в исследуемой выборке:

$$CO = -0,4 + 0,3 \text{ ИфК} + 0,17 \text{ ПК} + 0,21 \text{ ИК} + 0,3 \text{ ГП}, \quad (2)$$

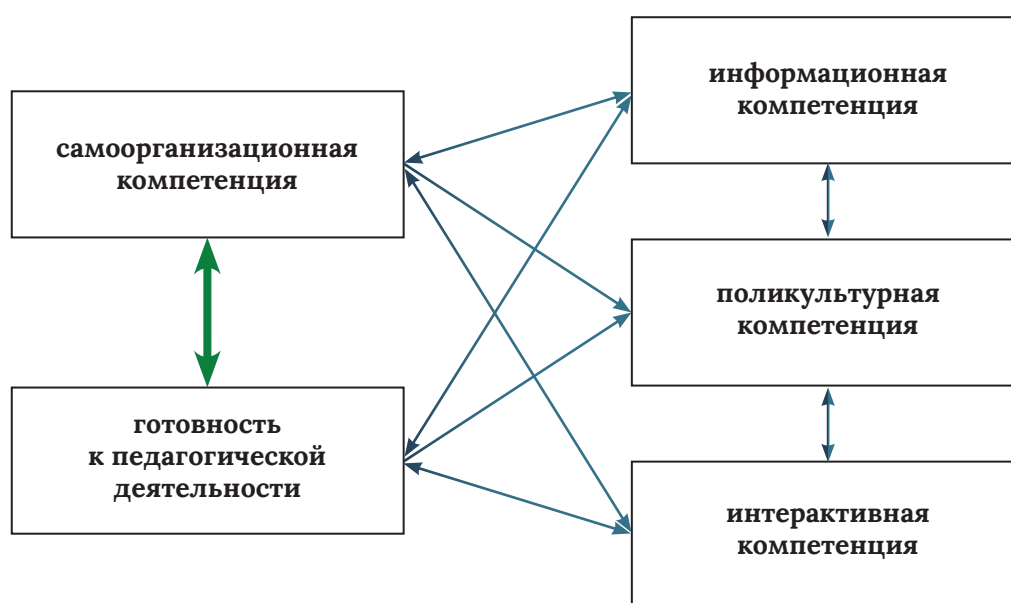
$$\text{ИфК} = 0,7 + 0,5 \text{ СО} + 0,1 \text{ ПК} + 0,01 \text{ ИК} + 0,2 \text{ ГП}, \quad (3)$$

$$\text{ПК} = 2,8 + 0,2 \text{ СО} + 0,3 \text{ ИК} + 0,2 \text{ ГП} + 0,1 \text{ ИфК}, \quad (4)$$

$$\text{ИК} = 3,2 + 0,2 \text{ СО} + 0,4 \text{ ГП} + 0,05 \text{ ИфК} + 0,2 \text{ ПК}, \quad (5)$$

$$\text{ГП} = 2 + 0,3 \text{ СО} + 0,1 \text{ ИфК} + 0,1 \text{ ПК} + 0,4 \text{ ИК}, \quad (6)$$

По результатам регрессионного анализа была создана модель, демонстрирующая значимое влияние предикторов (рисунок 4).

В модели отражены значимые предикторные связи, двусторонние стрелки означают значимое взаимовлияние компетенций

Рис. 4. Регрессионная модель взаимовлияния профессиональных компетенций преподавателей в исследуемой выборке

Fig. 4. Regression model of mutual influence of teachers' professional competences in the study sample

Обсуждение

Проведенное исследование направлено на валидизацию методики «Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы», разработанной на основании теоретико-эмпирического подхода к выявлению ведущих профессиональных компетенций преподавателя. Теоретический конструкт методики подтвердился по всем пяти шкалам, каждая из которых исследует отдельную профессиональную компетенцию и готовность к профессиональной педагогической деятельности. О валидности и внутренней согласованности методики свидетельствуют данные, полученные в результате применения коэффициента альфа Кронбаха, метода экспертных оценок, корреляционного анализа, конфирматорного факторного анализа, линейного регрессионного анализа.

Малоизученный процесс предсказания компетентности профессионала посредством оценки компетенций осложняет валидизацию методики при помощи имеющегося диагностического инструментария. При проверке конкурентной валидности констатируется отсутствие значимых

корреляционных связей с показателями методик, направленных на диагностику близких по смыслу характеристик личности (технологической готовности личности, межкультурной компетентности и особенностей самоорганизации личности). Это подтверждает конкурентоспособность предлагаемой диагностической методики, выражающуюся в специфике измерения именно феномена профессиональной компетенции с позиций ее понимания как сложного интегрального образования, заключающегося не столько в характеристике личности, сколько в проявлении в профессиональной деятельности с учетом готовности и имеющегося опыта. Отметим, что конкурентная валидность полезна именно в том случае, когда требуется улучшение качества измерения исследуемого феномена.

Содержательная валидность методик была подтверждена при помощи метода экспертных оценок высказываний на их соответствие измеряемому феномену. Большинство экспертов пришли к выводу, что методика измеряет именно профессиональные компетенции, являющиеся ведущими в деятельности современного преподавателя высшей школы.

Конструктивная валидность была подтверждена при помощи конфирматорного факторного анализа. В данном случае, можно признать адекватность используемого теоретического конструкта эмпирическим данным и правомерность выделения ведущих профессиональных компетенций, обоснования их взаимосвязи, а также связи с готовностью к профессиональной педагогической деятельности.

Прогностическая валидность методики, доказанная при помощи линейного регрессионного анализа и расчета регрессионных уравнений, является прагматически полезным результатом. Все компетенции и готовность к педагогической деятельности находятся во взаимовлиянии, что доказывает наличие системных связей между ними, где изменения одного компонента приводят к изменениям других компонентов данной системы. Зная определенные показатели методики, можно делать выводы о степени сформированности показателей компетенций и готовности к педагогической деятельности. Наиболее значимым предиктором в предложенной регрессионной модели является готовность к профессиональной педагогической деятельности. Данный показатель имеет наибольшее влияние на формирование всех профессиональных компетенций, следовательно, у преподавателя с выраженной готовностью будут более эффективно формироваться ведущие профессиональные компетенции. Повышая готовность к педагогической деятельности посредством реализации программ профессионального развития, можно воздействовать на уровень компетентности преподавателя в целом. Также самоорганизационная компетенция занимает одну из ключевых предикторных ролей по отношению к другим компонентам предложенного конструкта. Соответственно, формируя данную компетенцию, можно воздействовать на всю систему ведущих профессиональных компетенций, а также повышать уровень готовности к профессиональной педагогической деятельности.

3 заключение

Представленная исследовательская методика разработана исходя из понимания системной взаимосвязи самоорганизационной, информационной, интерактивной и поликультурной компетенций с учетом готовности к профессиональной педагогической деятельности. При обосновании данной системы были учтены принципы интегративного и компетентностно-деятельностного подходов. Представленный конструкт ведущих профессиональных педагогических компетенций, полученный теоретико-эмпирическим путем, лег в основу исследовательской методики «Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы».

Результаты проверки методики на внутреннюю согласованность, содержательную, конкурентную, конструктивную и прогностическую валидности подтвердили целесообразность ее использования для диагностики ведущих профессиональных компетенций и готовности к педагогической деятельности у преподавателей высшей школы. Простота проведения процедуры и обработки данных свидетельствуют в пользу того, чтобы включать данную методику в батарею диагностических методик, определяющих профессиональную компетентность преподавателя высшей школы. Также данная методика может использоваться преподавателями в целях самодиагностики.

В перспективе требуется стандартизация методики и усиление ее метрической инвариантности за счет расширения и сравнения выборок преподавателей из образовательных организаций высшего образования с различной научной и профессиональной направленностью.

Список источников

1. Шарипов Ф. В. Профессиональная компетентность преподавателя вуза // Высшее образование сегодня. 2010. № 1. С. 72–77.
2. Толочек В. А., Машикова А. С. Компетенции: методы исследования, результаты, сущностные свойства психологических объектов: взаимосвязи и взаимоограничения // Организационная психология. 2020. Т. 10, № 4. С. 252–270.
3. Исакова Н. В., Павлова Н. В., Филиппченкова С. И. Формирование и развитие педагогической компетентности преподавателя высшей медицинской школы: сборник трудов конференции / Педагогика, психология, общество: от теории к практике : материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Чебоксары, 12 марта 2024 г. Чебоксары : Среда, 2024. С. 285–288.
4. Резник С. Д., Вдовина О. А. Профессиональные компетенции преподавателя современного университета: механизмы управления формированием и развитием // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2017. № 1. С. 67–83.
5. Арендчук И. В. Профессиональные компетенции в структуре профессионализма преподавателей высшей школы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2009. Т. 9, № 4. С. 63–68.
6. Овчинников А. В. О классификации компетенций // Организационная психология. 2014. Т. 4, № 4. С. 143–154.
7. Шингаев С. М., Худяков А. И., Пашкин С. Б. Hard-skills и soft-skills в структуре профессионально важных качеств представителей социэкономических профессий // Психология человека в образовании. 2022. Т. 4, № 4. С. 501–508. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-4-501-508>.
8. Шарипов Ф. В. Профессиональная компетентность преподавателя как условие обеспечения качества подготовки специалистов // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. № 6. С. 103–107.
9. Природова О. Ф., Данилова А. В., Моргунов А. Н. Оценка компетенций краткосрочного и долгосрочного планирования в структуре деятельности преподавателя высшей школы // Педагогика и психология образования. 2019. № 3. С. 94–108. <https://www.doi.org/10.31862/2500-297X-2019-3-94-108>.
10. Разработка и адаптация методики «Интегративный опросник межкультурной компетентности» / Хухлаев О. Е., Гриценко В. В., Макаручук А. В., Павлова О. С. [и др.] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 1. С. 71–91. <https://www.doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-71-91>.
11. Хлоповских Ю. Г., Веденеева Г. И., Сашенков С. А., Орлова Г. В. Потребностно-мотивационная сфера субъектов образовательного процесса в условиях цифровизации образования // Перспективы науки и образования. 2022. № 2 (56). С. 347–360. <https://www.doi.org/10.32744/pse.2022.2.21>.
12. Павлова С. А., Семенова Н. А., Хромых А. А. Структура готовности к педагогической деятельности начинающих преподавателей образовательных организаций МВД России // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 237–243. <https://www.doi.org/10.24412/2414-3995-2024-1-237-243>.
13. Зимняя И. А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2013. № 4 (4). С. 16–31.
14. Долгова В. И., Гольева Г. Ю., Аркаева М. Ю. Реализация компетентностного подхода в системе высшего профессионального образования // Концепт : электронный журнал. 2015. Т. 31. С. 6–10.
15. Селевко Г. К. Компетентности и их классификация // Народное образование. 2004. № 4. С. 138–143.
16. Спивак В. А. Самоменеджмент как вид менеджмента – области исследования // Лидерство и менеджмент. 2017. Т. 4, № 4. С. 153–167. <https://www.doi.org/10.18334/lim.4.4.38351>.
17. Астахова Л. В. Понятие информационной компетенции специалиста: когнитивный подход // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2013. № 4. С. 10–16.
18. Вайндорф-Сысоева М. Е., Панькина Е. В. Специфика учебно-педагогического взаимодействия в цифровой образовательной среде // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. № 2 (42). С. 92–100.
19. Павлова С. А., Деева Н. А. Ведущие профессиональные компетенции преподавателя высшей школы и их ключевые индикаторы // Гуманизация образования. 2022. № 1. С. 58–70. <https://www.doi.org/10.24411/1029-3388-2020-10216>.
20. Marsh H., Hocevar D. Application of confirmatory factor analysis to the study of self-concept: First and higher-order factor models and their invariance across groups // Psychological Bulletin. 1985. Vol. 97. № 3. P. 562–582. <https://www.doi.org/10.1037/0033-2909.97.3.562>.
21. Browne M. W., Cudeck R. Alternative Ways of Assessing Model Fit // Sociological Methods & Research. Vol. 21. № 2. P. 230–258. <https://www.doi.org/10.1177/0049124192021002005>.

Приложение

«Профессиональные компетенции преподавателя высшей школы»

Уважаемые коллеги, предлагаем вам принять участие в исследовании, посвященном выявлению ведущих компетенций преподавателя высшей школы.

Пол	Возраст	Педагогический стаж	Общий профессиональный стаж	Страна и регион проживания	Образовательная организация
мужской, женский	25-30 лет	1-5 лет	1-5 лет		
	31-40 лет	6-10 лет	6-10 лет		
	41-50 лет	11-20 лет	11-20 лет		
	51 и более	21 и более	21 и более		

В какой степени данные утверждения характерны для Вас? Оцените степень выраженности (сделайте отметку в соответствующей графе):

№ п\п	Суждения	Не выражено	Слабо выражено	Средняя степень выраженности	Выражено	Очень выражено
1	Я умею управлять собой в конфликтных ситуациях					
2	Я владею технологиями дистанционного обучения					
3	Я учитываю этнокультурные особенности обучающихся в процессе педагогического взаимодействия					
4	Я способен эффективно работать в педагогическом коллективе (на кафедре)					
5	Я способен проявлять эмпатию и педагогическую рефлексия					
6	Я владею навыками саморегуляции собственного поведения в педагогических ситуациях					
7	Я владею современными технологиями обучения и воспитания					
8	Я проявляю уважение при взаимодействии с обучающимися различных культурных общностей					
9	Для меня важна командная работа в решении задач педагогической деятельности					
10	Я способен эффективно управлять своим эмоциональным состоянием и справляться с трудностями в педагогической деятельности					
11	Я эффективно организую собственную профессиональную деятельности для решения поставленных задач в заданный период времени					
12	Я эффективно использую возможности электронной образовательной среды					

Продолжение таблицы

№ п\п	Суждения	Не выражено	Слабо выражено	Средняя степень выраженности	Выражено	Очень выражено
13	Я осознаю наличие поликультурных особенностей в многонациональном коллективе обучающихся					
14	Я эффективно устанавливаю контакты с обучающимися при решении задач обучения и воспитания					
15	Я осознаю общественную значимость своей преподавательской деятельности					
16	Я умею сочетать собственные профессиональные интересы и интересы образовательной организации в своем профессиональном развитии					
17	Я использую цифровые электронные ресурсы в целях повышения качества образования					
18	Я оцениваю риск возникновения конфликтных ситуаций в поликультурной среде и продумываю пути их предупреждения					
19	Я обладаю умением грамотного целенаправленного педагогического общения					
20	Я заинтересован процессом и результатом собственной педагогической деятельности					
21	Я эффективно прогнозирую собственную педагогическую деятельность					
22	Я умею критически оценивать достоверность и важность информации с учетом целей образования					
23	Я умею действовать согласно культурным особенностям субъектов образовательного процесса, сохраняя при этом собственную культурную идентичность					
24	Я способен расположить к себе собеседника					
25	Моя педагогическая деятельность успешна					
26	Я могу адекватно оценивать результаты собственной профессиональной деятельности, выделять плюсы и минусы и осуществлять их коррекцию					
27	Я умею осуществлять отбор и трансформацию информации для обучающихся					
28	Я способен контролировать собственные поведенческие реакции с учетом требований многонациональной среды					
29	Я умею легко устанавливать контакты с разными людьми					
30	Объективные показатели (рейтинг) моей преподавательской деятельности высокие					

Ключ для обработки

Каждому ответу причисляется балл в соответствии со шкалой:

- не выражено – 1
- слабо выражено – 2
- средняя степень выраженности – 3
- выражено – 4
- очень выражено – 5

Баллы суммируются в соответствии с ключом по каждому показателю.

Самоорганизационная компетентность
1, 6, 11, 16, 21, 26

Информационная компетентность
2, 7, 12, 17, 22, 27

Поликультурная компетентность
3, 8, 13, 18, 23, 28

Интерактивная компетентность
4, 9, 14, 19, 24, 29

Готовность к педагогической деятельности
5, 10, 15, 20, 25, 30

Средние значения по выборке ($n = 366$)

	Среднее	Стандартная отклонения	Дисперсия
СО	25,801	3,292	10,840
ИнфК	25,361	3,475	12,078
ПК	26,290	3,204	10,267
ИК	26,404	3,011	9,069
ГП	26,197	3,063	9,380

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-280-293>

Субъективная витальность и духовность как предикторы профессионального долголетия и субъективного благополучия

Вячеслав Михайлович Поздняков¹, доктор психологических наук, профессор
Татьяна Вячеславна Мальцева², доктор психологических наук, доцент

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет
Москва (127051, ул. Сретенка, д. 29), Российская Федерация

² Академия управления МВД России

Москва (125993, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8), Российская Федерация

¹ pozdneyakov53@mail.ru, ² Mtv-psy@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, ² <https://orcid.org/0000-0002-0629-7293>

Аннотация:

Введение. Проблема изучения мотивации продолжения трудовой деятельности людьми пенсионного возраста, задействования ими индивидуальных и иных ресурсов в поддержании профессиональной работоспособности признается значимой учеными многих стран мира, но по данной возрастной категории недостаточно изучены механизмы субъектности пожилых людей для сохранения в профессиональном труде высокой работоспособности и одновременно неснижения качества жизнотворчества в иных сферах бытия.

Цель исследования: проанализировать имеющиеся подходы и предложить авторский взгляд на решение указанных проблем.

Методы исследования: использовался инструментальный диалектической логики, компаративистики, концептуального обобщения и моделирования.

Результаты. Раскрыта связь субъективной витальности и духовности в аспекте безопасности личности. Обоснована авторская модель профессионального долголетия у людей пенсионного возраста. Показано, что мудрость жизнотворчества у лиц пенсионного возраста, базирующуюся на развитой субъектности, можно рассматривать как медиатор между витальностью и духовностью, влияющий на субъективное благополучие и психологическое здоровье. Аргументировано, что жизнь людей в определенные исторические периоды детерминруется как существующей ментальностью в социуме, так и влиянием социальной, материальной и правовой реальностей. Обозначена необходимость разработки психотехнологий оказания психологической помощи в повышении жизнотойкости, здоровьесбережения, развития мотивации пролонгированной трудовой занятости и психологической компетентности по оптимальному задействованию личностных ресурсов и динамических характеристик субъекта при трудностях, возникающих в профессиональной деятельности.

Ключевые слова:

безопасность личности, благополучие, витальность, духовность, жизнеспособность, жизнотворчество, мотивация, мудрость, профессиональное долголетие, саногенное мышление, смысл, субъектность, ценности

Для цитирования:

Поздняков В. М., Мальцева Т. В. Субъективная витальность и духовность как предикторы профессионального долголетия и субъективного благополучия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 280-293. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-280-293>.

Статья поступила в редакцию 29.03.2025;
одобрена после рецензирования 29.05.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

Subjective vitality and spirituality as predictors of professional longevity and subjective well-being

Vyacheslav M. Pozdneyakov¹, Dr. Sci. (Psy.), Professor
Tatyana V. Maltseva², Dr. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, pozdneyakov53@mail.ru

¹ Moscow State University of Psychology & Education
29 Sretenka str., Moscow, 127051, Russian Federation

² Academy of Management of the MIA of Russia

8, ул. Зои и Александра Космодемьянских str., Moscow, 125993, Russian Federation
pozdneyakov53@mail.ru, Mtv-psy@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, <https://orcid.org/0000-0002-0629-7293>

© Поздняков В. М., Мальцева Т. В., 2025

Abstract:

Introduction. The problem of studying the motivation of retirement-age people to continue working, their involvement of individual and other resources for maintaining professional efficiency is recognised as important by scientists in many countries of the world, but the mechanisms of subjectivity of elderly people to maintain high efficiency in professional work and at the same time not to reduce the quality of life creation in other spheres of life for this age category are insufficiently researched.

Purpose of the study: to analyse the available approaches and offer the author's view on the solution of these problems.

Research methods: the tools of dialectical logic, comparativistics, conceptual generalisation and modelling were used.

Results. The connection of subjective vitality and spirituality in the aspect of personal security is revealed. The author's model of professional longevity in people of retirement age is substantiated. It is shown that the wisdom of life creation in retirement-age people, based on advanced subjectivity, can be considered as a mediator between vitality and spirituality, affecting subjective well-being and psychological health. It is argued that the life of people in certain historical periods is determined both by the existing mentality in the society and by the influence of social, material and legal realities. The necessity of development of psychotechnologies of rendering psychological assistance in increasing resilience, health saving, development of motivation of prolonged labour employment and psychological competence for optimal use of personal resources and dynamic characteristics of the subject in case of difficulties arising in professional activity is outlined.

Keywords:

personal safety, well-being, vitality, spirituality, viability, life creation, motivation, wisdom, professional longevity, sanogenic thinking, meaning, subjectivity, values

For citation:

Pozdniakov V. M., Maltseva T. V. Subjective vitality and spirituality as predictors of professional longevity and subjective well-being // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 280-293. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-280-293>.

The article was submitted March 29, 2025;
approved after reviewing May 29, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Принятие Российской Федерацией в связи с негативными демографическими тенденциями мер по продлению пенсионного возраста и привлечению пенсионеров к дальнейшей трудовой деятельности неоднозначно воспринимается гражданами данного статуса. Представляется, это связано с тем, что проводимые в стране инновации ведутся преимущественно на основе материального императива, но без учета витального и духовного потенциалов людей. Думается, прав был русский философ И. А. Ильин, когда писал: «Мы не поверим ни в какую “внешнюю реформу”, которая могла бы спасти нас сама по себе, если она независима от внутреннего, душевно-духовного изменения человека» [1].

Отечественная статистика свидетельствует, что в последнее пятилетие у российских граждан, несмотря на негативные последствия пандемии 2020–2021 гг., возрос период жизни, в т. ч. в среднем на два года у мужчин до 67,6 лет, а у женщин на 3,3 года до 77,8 лет¹. Здесь, несомненно, сказываются, во-первых, позитивное влияние улучшения медицинского обслуживания людей пенсионного возраста, в т. ч. на основе реализации мероприятий национальной программы «Здоровье» и через функционирование гериатрических центров, созданных практически во всех субъектах Российской Федерации, а во-вторых, реальные изменения ценностных ориентаций данной категории граждан по здоровьесберегающему образу жизни. Последнее достаточно наглядно проявляется в росте активности участия граждан пенсионного возраста в реализуемых на муниципальном уровне программах долголетия. Однако в отношении активности пенсионеров по профессиональному долголетию не все обстоит благополучно. Об этом свидетельствуют данные монографических исследований, проведенных в последние годы.

В докторской диссертации А. М. Билого по проблеме профессионального долголетия пенсионеров доказано, что в современных условиях необходима целенаправленная переориентация данной возрастной категории людей на выбор оптимального вида профессиональной деятельности, в т. ч. в некоторых случаях важно проводить реабилитационные мероприятия, которые запускают цикл жизнедеятельности заново². В докторской диссертации А. И. Лактионовой выявлено, что в старшей возрастной группе россиян (46–65-летних) индивидуальная жизнеспособность должна базироваться на сформированной субъектности, обеспечивающей контроль поведения с учетом ценностно-смысловых приоритетов, но многими ее представителями задействуются компоненты жизнеспособности, отражающие механизмы саморегуляции на более низком уровне психического функционирования³. Данные докторской диссертации Т. В. Мальцевой, рассматривающей руководителей МВД России, чья профессиональная

¹ Демографический ежегодник России : 2023 // Федеральная служба государственной статистики : [официальный сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 25.01.2025).

² Билый А. М. Сохранение здоровья и профессионального долголетия : дис. ... д-ра мед. наук. Санкт-Петербург, 2020. 231 с.

³ Лактионова А. И. Жизнеспособность человека в разные возрастные периоды : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Москва, 2024. 47 с.

деятельность носит стрессогенный характер, показали, что у них субъективная витальность как интегральное образование личности, проявляемое на трех уровнях (индивидуально-соматическом, личностно-психологическом и субъектно-духовном), часто имеет дисгармонию, в т. ч. из-за дефицитарности духовного потенциала⁴. Представляется, что это – следствие имеющегося в постсоветской России запрета на идеологию и одновременно насаждения СМИ и социальными сетями «потребительской психологии», приведших к тому, что духовность перестала выступать фундаментом не только активности в сферах общественной жизни, но и в саморегуляции человека. Правомочность сделанного вывода подтверждается данными опроса агентства НКО «Фонд „Общественное мнение“», в ходе которого выявлено, что более трети россиян (37 %) считают продолжающимся дальнейшее сокращение в стране духовности, причем она опустилась ниже уровня советского времени⁵. В связи с этим учеными в аспекте повышения духовно-нравственной безопасности Российской Федерации издан ряд монографий [2–4], а в образовательных организациях высшего образования разработан и реализуется ряд спецкурсов⁶ [5].

Канадским ученым Майклом Унгаром обосновывается актуальность рассмотрения устойчивости жизнеспособности человека как системного образования, включающего сразу несколько подсистем, находящихся во взаимодействии [6]. Отечественные психологи (В. В. Знаков [7]; А. В. Махнач [8; 9]; Е. А. Рыльская [10, с. 5–15]; В. А. Толочек [11]) отмечают недостаточную изученность субъектной составляющей жизнеспособности и ее влияния на безопасность и благополучие человека.

Сегодня перед психологами стоит задача создания технологий, направленных на развитие духовности и патриотизма населения, на повышение у граждан веры в себя и способности противостоять жизненным трудностям с задействованием ресурсов личности. Актуально также участие психологов и в междисциплинарных исследованиях по обеспечению здоровья⁷ и субъективного благополучия граждан пенсионного возраста [12; 13], оказанию им помощи в сложных жизненных ситуациях [14–16].

Методы

Анализ имеющихся подходов и обоснование авторской модели пролонгированного профессионального долголетия пенсионеров проводился с использованием инструментария диалектической логики, компаративистики, концептуального обобщения и моделирования.

Результаты

Анализ публикаций показывает, что в XXI веке обоснование подходов к актуализации ресурсов у людей пенсионного возраста и задействования ими иных резервов для самореализации в качестве субъектов труда все чаще строится на основе выявления имеющегося личностного потенциала, особенностей профессионального самоотношения и приобретенного опыта решения проблем, стремления к самоактуализации и способностей к самоорганизации. Ученые считают важным расширенное изучение феномена «субъективное профессиональное благополучие» как ключевого условия профессиональной удовлетворенности и здоровья современного человека [17], поскольку выявлена его тесная связь с самооценкой социально-профессиональной востребованности [18]. В отечественной психологии на современном этапе усилено внимание и к исследованию субъективного благополучия разных категорий субъектов труда (Л. В. Карапетян⁸; И. В. Белашева, П. Н. Ермаков [19] и др.).

Учитывая динамичные трансформации в современном мире, а также рост стрессогенности в профессиональной деятельности [20], ученые полагают необходимым изучать потенциалы личности на основе ресурсного, ситуативно-событийного и субъектно-бытийного подходов.

⁴ Мальцева Т. В. Субъективная витальность руководителей органов внутренних дел Российской Федерации: концепция и технологии психологической помощи : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Москва, 2024. 49 с.

⁵ Россияне о духовности. Растет или снижается духовность в стране? // Фонд «Общественное мнение» : [сайт]. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11589> (дата обращения: 25.01.2025).

⁶ Викторов А. Ш. Духовная безопасность российской цивилизации : Духовная безопасность России : учебное пособие. Москва : КДУ, 2009. 302 с. ; Зеленков М. Ю. Духовно-нравственная безопасность Российской Федерации : учебник. Москва : Юнити-Дана. 2020. 359 с. ; Теория и практика клинической геронтологической работы социального координатора: учебник и практикум / И. Р. Бесташвили, И. В. Мкртумова, И. П. Почитаева [и др.] ; под ред. М. В. Фирсова. Москва : Дашков и К°, 2024. 687 с.

⁷ Казаков Ю. Н. Психология безопасности. Медико-акмеологические программы формирования компетенций превентивной безопасности : [учебно-методическое пособие]. Москва : Типография МПГУ, 2013. 148 с.

⁸ Карапетян Л. В. Психологическая концепция эмоционально-личностного благополучия : дис. ... д-ра психол. наук. Екатеринбург, 2019. 494 с.

Как известно, понятие, обозначаемое термином «ресурс» (от франц. *ressource* – вспомогательное средство), позволяет выделять внутренние потенции и изучать их связь с внешними резервами. Изучением сути феномена «ресурсы личности» и механизмов их задействования в разных областях профессионального труда занимались как зарубежные психологи (П. Балтес, Р. Баумайстер Э. Динер, Р. Лазарус, С. Мадди, К. Рифф, С. Хобфолл и др.), так и отечественные ученые (В. А. Бодров, Л. Г. Дикая, Н. Е. Водопьянова, Л. А. Китаев-Смык, О. А. Конопкин, А. Б. Леонова, Д. А. Леонтьев, В. А. Либина, Е. А. Сергиенко, А. Г. Маклаков, В. И. Моросанова, Т. Л. Крюкова, А. К. Осницкий, А. О. Прохоров, В. А. Толочек, С. А. Хазова, Б. А. Ясько и др.).

В разработанных зарубежными учеными концептуальных моделях («Требования работы – ресурсы», «Требования – контроль», «Несоответствия усилий и вознаграждения») рассматриваются различного вида ресурсы и резервы, важные для эффективного профессионального труда, и одновременно их влияние на качество жизни человека. Установлено, что типы требований к работе и наличие ресурсов, необходимых для ее выполнения, могут взаимодействовать [21], а это важно, на наш взгляд, при оценке и принятии мер к повышению профессионального долголетия.

Отечественные психологи изучали особенности и связь следующих специфических классов ресурсов: физиологические ресурсы (состояние здоровья, компенсации по типу нервной системы и др.), личностные (особенности психических процессов и состояний, развитость личности, способностей, характера), предметно-материальные ресурсы (орудия и другие предметы, расширяющие возможности индивида) и социальные ресурсы (социальная поддержка, социальный капитал, репутация и др.). Учеными выявлено, что ресурсы «являются факторами стрессорезистентности, а их преобладание в структуре копинг-поведения в конечном итоге определяет его исход по социальной интеграции и конструктивной адаптации» [22]. При этом в публикациях также отмечается, что одни виды ресурсов могут отчасти компенсировать дефицит других [23]. Степень компенсаторной способности во многом зависит и от возраста человека. Повышение трудоспособности происходит с увеличением жизнестойкости человека, его мотивационной готовности и способности переносить дополнительные нагрузки [24, с. 138].

В обеспечении субъективного благополучия человека весьма роль имеющейся у него субъективной витальности – уровня жизненных сил, существующих как энергетический потенциал, реализация которого необходима для осуществления целостности бытия и полноты выраженности своей уникальности. Научно доказана положительная взаимосвязь субъективной витальности с соматическим здоровьем, переживанием удовлетворенности безопасностью личности и повышением эффективности профессиональной деятельности. Достижение оптимума субъективной витальности зарубежные ученые рассматривают прежде всего в аспекте личных ресурсов профессиональной деятельности и их задействования в иных сферах самореализации (R. F. Baumeister, E. L. Deci, M. Gagné, J. B. Manly, M. Muraven, G. Nix, H. T. Reis, H. Rosman, R. M. Ryan, K. M. Sheldon, D. Shmueli, D. M. Tice et al.). Отечественные психологи (Л. А. Александрова, Т. О. Гордеева, Е. А. Климов, Д. А. Леонтьев, Т. В. Мальцева, В. М. Поздняков, О. Е. Обидина, В. А. Пономаренко, Н. С. Пряжников, В. Э. Чудновский и др.) считают важным также изучать и нравственно-духовные предикторы в актуализации витальности и обеспечении безопасности субъектов профессионального труда, т. к. они, отражая ценностно-мировозренческую направленность личности, способствуют проявлению психологической устойчивости, в т. ч. в экстремальных условиях и при чрезвычайных ситуациях.

Д. А. Леонтьев с коллегами из Международной лаборатории позитивной психологии, личности и мотивации, созданной в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», выявил, что позитивные эффекты от развитых личностных ресурсов проявляются в таких феноменах, как жизнестойкость, резилиентность, субъективная витальность, оптимизм, самооценка, самоэффективность, толерантность к неопределенности. По мнению Д. А. Леонтьева, необходимо проведение систематических эмпирических исследований личностных ресурсов с изучением эффектов не отдельных личностных переменных, а их групп с учетом ситуативных условий. При этом Д. А. Леонтьев полагает, что следует опираться на парадигму возможного, т. к., в соответствии с идеями В. Франка, «человек существует как своя собственная возможность, в пользу которой или против которой он может принять решение. И решение это основывается на некоторой идее о должном. ... Возможное может осуществиться только через самоопределение, выбор и усилие вложения себя в выбранную альтернативу»⁹. Мы согласны с подходом Д. А. Леонтьева, поскольку он позволяет в контексте рассматриваемой нами соотносительности витальности и духовности у лиц пенсионного возраста ориентироваться на изучение, с одной стороны, имеющегося потенциала личности и ее профессиональной

⁹ Леонтьев Д. А. Пространство возможного как пространство свободы // Психологическая газета (psy.su). 2021. 30 ноября.

опытности, а с другой стороны, субъектности в отношении сохранения здоровья и дальнейшей трудовой занятости на основе переживания личной свободы как осознанной возможности и одновременно ответственности.

Избранный ориентир в нашем исследовании профессионального долголетия людей пенсионного возраста требует полноценного изучения, прежде всего, профессиональной направленности личности, причем как в аспекте мотивации достижений (активность типа «Хочу»), так и имеющихся ценностных приоритетов и смыслов, обуславливающих мотивационную активность типа «Должен». Кроме того, значимым выступает выявление компетентности (активность типа «Могу»), а также особенностей профессиональной опытности, т. к. сегодня в профессиональной сфере происходят динамичные изменения и растут требования к работникам.

В отношении пенсионеров, рассматриваемых нами как субъекты труда с пролонгированным профессиональным долголетием, с учетом работ по психологии жизненного пути, а также данных о соотношении объективно predetermined и субъективно-преобразующей линий человеческой судьбы, можно, придерживаясь позиции В. Э. Чудновского [25], выделить три составляющие их жизненного пространства бытия и переживания при этом разных видов благополучия:

1) *объективная составляющая* – жизненное пространство как объективно существующий феномен, включающий в себя факторы и условия, которые влияют на переживание человеком организмического и материального благополучия, т. к. затрагиваются базовые потребности;

2) *субъективная составляющая* – субъективная картина жизненного пространства личности, которая влияет на переживание человеком когнитивно-аффективного благополучия, т. к. затрагиваются находящаяся в поле внимания осознаваемая реальность и приоритеты по построению просоциального поведения в контексте конкретной ситуации;

3) *субъектная составляющая* – осознание себя как субъекта, выстраивающего возможное пространство собственной жизни, которое влияет на нравственно-духовное благополучие, т. к. ценностно-смысловые приоритеты бытия затрагиваются не только в настоящем, но и в будущем.

Исследования свидетельствуют, что пенсионеры могут быть «заиклены» на некоторых из указанных выше составляющих, в т. ч. под влиянием соматического заболевания, нормативных и ненормативных кризисов личности. Так, наличие соматического заболевания может приводить к деформациям ценностно-смысловых структур, что проявляется в сужении событийной насыщенности и временной перспективы, а также в изменении отношения к собственному настоящему и будущему. Достаточно остро пенсионеры могут переживать утерю связи с товарищами по многолетнему профессиональному труду и возникающий кризис социальной идентичности. Вызовом субъектности для личности взрослого человека, требующим от него совладания, являются возрастные лиминальные состояния [26].

С учетом вариантов жизнестроительства в научном коллективе Д. А. Леонтьева ресурсы человека в функционально-динамическом ракурсе подразделяют на следующие группы [21].

1. *Психологические ресурсы устойчивости*. Они связаны с ценностно-смысловыми ориентациями человека, которые дают ему чувство опоры и уверенности в себе, устойчивость самооценки и внутреннюю уверенность при принятии решений. К основным составляющим этой группы ресурсов относятся прежде всего осмысленность и чувство связности жизни (А. Антоновски), субъективная витальность как диспозиция (Р. Райан, К. Фредерик), а также базовые убеждения (Р. Янофф-Булман).

2. *Мотивационные ресурсы*. Они выражают энергетическое обеспечение действий индивида при преодолении сложной жизненной ситуации. Примерами такого рода ресурсов выступают внутренняя мотивация как устойчивая личностная диспозиция (Т. Амабайл), характеристики «потокковой личности» (М. Чиксентмихайи).

3. *Психологические ресурсы саморегуляции*. Они представляют собой психологические переменные, отражающие устойчивые, но выбранные из ряда альтернатив в стратегии личности как способ построения динамического взаимодействия с обстоятельствами жизни (например, такие как мера субъективного контроля над ними или зависимости от них, устойчивые ожидания положительных или отрицательных исходов событий, стратегии взаимодействия со сложностью и неопределенностью, гибкость или ригидность целеполагания, характеристики связи усилий с результатами деятельности и др.). В числе ключевых детерминант в саморегуляции психологами выявлены: каузальные ориентации самодетерминации (Э. Деси, Р. Райан), локус контроля (Дж. Роттер), ориентация на действие (Ю. Куль), самооффективность (А. Бандура), толерантность к неопределенности, полнезависимость, рефлексия, параметры временной перспективы.

4. Инструментальные ресурсы. К ним относятся способности (индивидуальные особенности, предсказывающие легкость и успешность выполнения того или иного класса задач), приобретенные компетенции и инструментальные навыки (например, навыки и стереотипы организации операциональной стороны деятельности), а также стереотипные тактики реагирования на те или иные ситуации, в т. ч. психологические защиты и механизмы совладания.

У лиц пенсионного возраста в обеспечении жизненной активности и возможного продолжения трудовой деятельности наиболее значимы, на наш взгляд, ресурсы первых двух групп, а также прижизненно сформированные интегральные образования как субъекта труда. Зарубежными психологами выявлено, что оптимизм (Ч. Карвер, М. Шейер, М. Селигман) и жизнестойкость (С. Мадди) проявляют себя одновременно и как ресурсы психологической устойчивости, снижая общую меру уязвимости субъекта в стрессовых ситуациях, и как ресурсы саморегуляции, определяя характер решений, принимаемых субъектом в процессе взаимодействия с обстоятельствами жизни. По мнению американского психолога Р. Эммонса, мотивация высших достижений во многом обусловлена духовностью человека, которая базируется на прижизненно сформированном духовном интеллекте, обеспечивающем проявления должностования [27].

В целом анализ публикаций позволяет констатировать, что у лиц пенсионного возраста в обеспечении жизненной активности и возможного продолжения трудовой деятельности барьерами могут выступать не только дефицит биопсихосоциальных ресурсов [24], но и недостаточная субъектность, в т. ч. из-за маргинализации профессионального сознания, прокрастинации и выученной беспомощности [28], а также неразвитости духовности (И. А. Джидарьян [29]; Г. В. Залевский [30], А. В. Котенева¹⁰; Е. Е. Сапогова [31; 32]).

Исследования психологов по пенсионерам разных профессий свидетельствуют, что профессиональное долголетие присуще прежде всего людям творческих сфер труда. Так, В. М. Поставнев, установил особенности личности людей творческих профессий пожилого возраста [33]. М. В. Пермякова при изучении творческого потенциала личности у специалистов творческих профессий выявила, что высокий уровень творческого потенциала обусловлен мета-мотивацией (по А. Маслоу), а наличие одновременно низкого уровня аутоагрессии, самоуничтожения «я», а также развитая защита от обиды способствуют удовлетворению потребности личности в творческой самореализации [34].

У работников с профессиональным хроническим стрессом, который вызван сочетанием высоких требований и низкой возможности контролировать свою жизнь на работе, риск преждевременной смертности в среднем на 20 % выше, чем у людей с низким уровнем стресса [35]. При этом сравнение представителей профессий с разным уровнем стресса показало, что возможность самостоятельно управлять своей профессиональной жизнью, смягчает связь между негативными условиями работы и физическим здоровьем [35]. В. С. Мухина выявила детерминанты, блокирующие субъектность и творческий потенциал личности: страхи, высокая неуверенность в себе, повышенный социальный конформизм, депрессия, лень, высокая самокритичность, которые могут отражать наличие у субъекта патогенного мышления. По мнению ученого, развитие и использование саногенной рефлексии развивает саногенное мышление и способно снизить влияние неблагоприятных факторов¹¹.

Ю. М. Орлов определял саногенное мышление человека как оздоравливающее, направленное на управление эмоциями. Саногенное мышление, по мнению ученого, обеспечивает ориентированность на конструктивную регуляцию эмоциональных состояний на основе саногенной рефлексии, задействующей умственные акты различного уровня организации, возникающие в ответ на неопределенность ситуации, что и ведет к определению ситуации и выбору оптимального решения [36]. Задача саногенной рефлексии – перевести неконтролируемые умственные автоматизмы в осознанные умственные операции, способствующие объективности в реагировании на происходящее.

Проведенные диссертационные исследования показали, что саногенная рефлексия тесно связана с саморегуляцией¹² и ее можно рассматривать как фактор эмоциональной компетентности субъекта труда¹³. Т. Ю. Филонова и Т. Ю. Хабарова выявили, что саногенная рефлексия способствует совладанию с негативными переживаниями и повышению стрессоустойчивости [37].

¹⁰ Котенева А. В. Психологическая защита с позиций христианской антропологии : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Москва, 2010. 56 с.

¹¹ Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития : учебник. 17-е изд. Москва : Академия, 2019. 656 с.

¹² Лысенко В. В. Влияние саногенной рефлексии на компоненты саморегуляции : дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2002. 169 с..

¹³ Павлюченкова Н. В. Саногенная рефлексия как фактор развития эмоциональной компетентности : дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2008. 170 с.

Достижения в отечественной акмеологии (А. А. Бодалев, А. А. Деркач, Н. В. Кузьмина, Ю. Н. Казаков, М. Ф. Секач, Л. А. Степнова и др.) свидетельствуют, что именно в самодетерминации поведения, саногенном мышлении и самоконтроле заложен фундамент предупреждения негативных эмоциональных состояний при воздействиях стрессогенных факторов, а также обеспечения безопасности и благополучия личности [38]. Резерв здоровья человека связан с наличием позитивных переживаний в рамках социальной поддержки (семьи, друзей и др.) и в организации им своего образа жизни, зависимого от усвоенной культуры здоровьесбережения, включающей знание индивидом возможностей своего организма, своих сильных и слабых сторон личности (аутопсихологическая компетентность, по Л. А. Степновой), а также наличия навыков самоконтроля, обеспечивающих своевременную мобилизацию и релаксацию в связи с попаданием в экстремальные условия или проживанием кризисов в жизни. Это возможно на основе психологического просвещения и тренингов по здоровому образу жизни [24, с. 141; 39]. Согласно Ю. Н. Казакову, обеспечение безопасности жизнедеятельности связано со своевременным восполнением субъектом ресурсов, базирующемся на понимании, что, с одной стороны, субъективные факторы самоорганизации превентивной безопасности личностного здоровья формируют внутреннюю позицию человека в профессиональной деятельности и относятся к регулированию и управлению санационным мышлением, чувством самоуважения, гордости, достоинства, восприятием общечеловеческих целей и ценностей, нахождению смысла в жизни и в работе, а с другой стороны, объективные факторы превентивной безопасности личностного здоровья проявляются в идентификации и устойчивости субъекта профессиональной деятельности в континуумах «Мы» и «Они», в ситуациях отчуждения и межличностных конфликтов¹⁴.

С учетом вышеизложенного нами была обоснована модель профессионального долголетия у людей пенсионного возраста (рисунок 1).

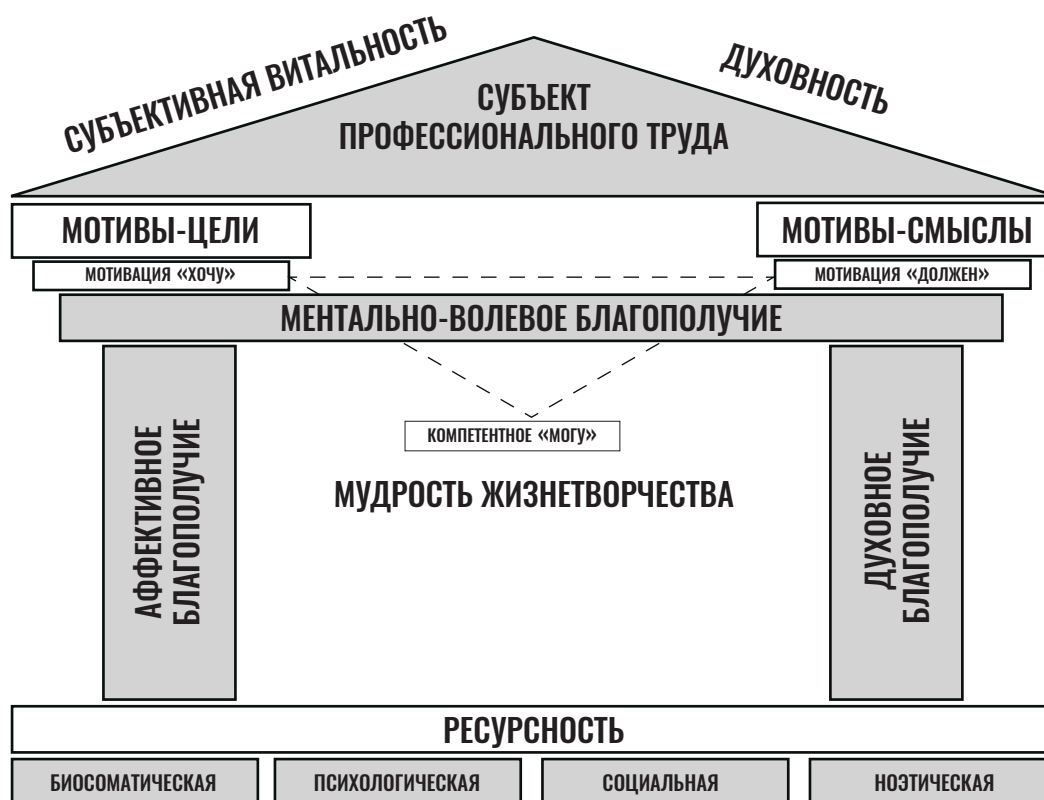

Рис.1. Модель профессионального долголетия у людей пенсионного возраста

Fig. 1. Model of professional longevity in retirement-age people

Из модели, представленной на рисунке 1, видно, что для людей пенсионного возраста как субъектов пролонгированного профессионального труда «вершинной детерминантой» разных видов благополучия выступает мотивация и целенаправленность в жизни. Это может предопределяться

¹⁴ Казаков Ю. Н. Психология безопасности. Медико-акмеологические программы...

реализацией двух видов мотивов – мотивов-целей и мотивов-смыслов (по А. Н. Леонтьеву [40]). В итоге при наличии развитой субъективной витальности и духовности у субъекта труда при их одновременном задействовании обеспечивается полнота субъектной активности (по типам «Хочу» и «Должен»), а также идет опора на имеющиеся компетенции («Могу») и на накопленный жизненный опыт преодоления возникающих затруднений (на рисунке 1 он обозначен как «Мудрость житнетворчества»). На наш взгляд, мудрость житнетворчества выступает своеобразной внутренней рамкой-ограничителем рискованных действий и оптимального задействования человеком своих ресурсов для достижения гармонии бытия. Согласно А. В. Брушлинскому, именно «субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит собственную историю» [41].

Полноценное житнетворчество присуще зрелой личности и выступает как духовный процесс постоянного расширения познания себя и реализации в отношениях с окружающим миром. По мнению Д. А. Леонтьева, это возможно при наличии у человека творческой стратегии жизни – «динамичности отношений с миром, готовности к самоизменению в том направлении, которое будет максимально способствовать самореализации личности в данной жизненной ситуации» [42].

Опора в нашей модели на феноменологию «мудрости житнетворчества» связана с плодотворностью исследований отечественных психологов в рамках субъектно-бытийного подхода [43], а зарубежных ученых – по проблематике позитивной психологии [44; 45]. Отечественными психологами к настоящему времени защищен ряд докторских и кандидатских диссертаций по пожилым людям (Н. Х. Александрова, Л. Н. Молчанова, О. В. Краснова, М. В. Ермолаева, Ю. Б. Дубовик, С. М. Жучкова, К. А. Боженкова), где раскрыта и активно-преобразующая активность данной категории граждан, в том числе на основе развитой у них саногенной и экзистенциальной рефлексии. В связи с этим в современных публикациях аргументирован переход психологов от преимущественного изучения когнитивных и аффективных переменных к феномену мудрости [45; 46] и иным динамическим характеристикам [47] субъекта [48; 49].

Согласно научному проекту «Анти-DSM», реализованному за рубежом в рамках позитивной психологии, мудрость отнесена к универсальным кросс-культурным добродетелям человека (наряду с гуманностью, социальностью, умеренностью, смелостью и духовностью). Проведенная с участием экспертов дальнейшая операционализация базовых добродетелей позволила их дифференцировать на 24 «силы характера» [44]. Их развитость и взаимодействие, на наш взгляд, могут специфично влиять на проявления субъектности у людей пенсионного возраста, что сказывается на понимании ими событий и ситуаций, их отношении к ним, а также задействовании дополнительной активности как в профессиональной среде, в которую он объективно включен, так и в иной сфере бытия, которую считает для себя более предпочтительной. В связи с этим проявляемую человеком субъектность можно рассматривать как медиатор между витальностью и духовностью, влияющий на его безопасность, субъективное благополучие и психологическое здоровье [50; 51].

Современные исследования свидетельствуют, что автономная трудовая мотивация у субъектов труда в наибольшей мере сказывается на задействовании личностных ресурсов и переживании благополучия на рабочем месте, способствуя удовлетворенности трудом и приверженности организации, а также влияет на баланс работы и жизни [52]. По данным Н. Е. Харламенковой, это в полной мере касается только самодостаточного типа личности, которому присущ конструктивный способ самоутверждения в сочетании с ориентацией на независимость, ценности общения с другими людьми и саморазвитие [53]. Учитывая наличие у человека био-, психо-, социо- и духовных ресурсов, которые на рисунке 1 представлены как основания в модели профессионального долголетия людей пенсионного возраста, возникает возможность одновременной реализации представителями данной возрастной категории двух траекторий существования – витально-ориентированной (*Vital exsistence*) и духовной (*Spiritual exsistence*). Оптимальность активности у пенсионеров при реализации указанных траекторий существования может переживаться в виде трех видов благополучия:

- аффективного благополучия, отражающего удовлетворенность реализацией базовых потребностей (организмических, в безопасности);
- ментально-волевого благополучия, связанного с реализацией осознанно задуманного самим человеком в контексте динамики ситуаций реальности;
- духовного благополучия, выражающего полноту бытия человека, проявляемую не только из-за ориентации на религиозные идеалы и соблюдения в жизни канонов в силу принадлежности к определенной конфессии, но и из-за стремления к творческому самоосуществлению.

Наличие разноплановых видов благополучия требует в соответствии с теоретическим подходом Н. Брэдберна оперировать в дальнейших исследованиях переменными, отражающими

баланс, достигаемый постоянным проявлением и взаимодействием у субъекта труда двух видов аффекта – позитивного и негативного, что и проявляется как субъективное ощущение общей удовлетворенности или неудовлетворенности жизнью. Согласно американскому психологу Эдварду Динеру, введшему понятие «субъективное благополучие», здесь проявляются такие стороны самопринятия, как когнитивная (интеллектуальная оценка удовлетворенности различными сферами жизни) и эмоциональная (наличие хорошего или плохого настроения, отражающего переживание несчастья или счастья) [54]. С точки зрения отечественного психолога А. А. Кроника, отношение человека к возможным способам обретения счастья формирует так называемые «эвдемонистические установки»: гедонистические, аскетические, деятельные, созерцательные [55]. Эти установки являются той психологической основой, которая характеризует то, где, в какой области объективной деятельности личность стремится самоосуществиться, а также, как и с помощью каких именно психологических способов она пытается это сделать.

В современных динамичных и стрессогенных условиях людям крайне необходима опора на духовность. Мы согласны с С. Л. Рубинштейном в том, что она связана с «превращением мотивации человека к миру в бесконечно большую величину» [56], когда его «психическая активность проявляется в достижении идеализированной результативности в аспекте ориентации на общечеловеческие ценности (Вера, Надежда, Любовь, Добро, Красота, Истина и др.)» [57]. В итоге психологические способы обретения человеком субъективного благополучия можно понимать как способы саморегуляции им своей мотивации к миру и выделять две ее базовые формы: усиление человеком значимости мира и усиление своих возможностей. В ракурсе профессионального долголетия людей пенсионного возраста актуально адекватное нахождение ими психологического смысла труда¹⁵, а также понимание оптимальности в выборе внешних и внутренних ценностных ориентиров, т. к. они представляют собой «определенную ось сознания, вокруг которой вращаются мысли, чувства, реальные проблемы человека» [57]. Согласно Е. В. Щаниной, изучавшей основные факторы трудовой активности пожилых людей, способность к эффективному профессиональному труду напрямую зависит от состояния здоровья, а также от интеллектуального потенциала человека [58].

Учитывая изложенное по субъективной витальности и духовности как предикторам профессионального долголетия у людей пенсионного возраста, раскроем современные возможности повышения их субъективного благополучия. Повышение субъективной витальности у пенсионеров можно осуществлять на основе психотехнологий, разработанных Ю. Н. Казаковым и Т. В. Мальцевой.

Ю. Н. Казаков обосновал комплексную систему формирования внутренней позиции субъекта труда и мотивов самостимуляции превентивной безопасности личностного здоровья [59]. Ее суть состоит в достижении жизненной целостности всех форм здоровья (биологического, физического, психического, социального) на основе применения самоактуализирующимся субъектом соответствующих здоровьесберегающих технологий, а также осуществления при необходимости акмекоррекции и акметерапии. Реализованная ученым среди госслужащих модель самоорганизации сохранения здоровья личности в процессе преодоления переживания рисков на личностном уровне, применения психосанаций (приемов психологического оздоровления) с опорой на динамические составляющие самостимуляции аутопсихологических конструктов преодоления факторов непредсказуемых ситуаций показала эффективность.

Т. В. Мальцевой разработана модель мониторинга субъективной витальности, включающей психодиагностический инструментарий, и комплекс технологий психологической помощи по ее оптимизации, включающих авторские методiku немедицинской психологической терапии и специализированный протокол психокоррекции в русле метода Ф. Шапиро, что способствует проявлениям субъектности в здоровьесбережении на основе развития потенциала личности¹⁶. Предложенные технологии и критерии оценки направлений и мер воздействия позволяют повысить эффективность психологической работы с субъектами профессионального труда в аспектах развития их психологической культуры и психологической компетентности в здоровьесберегающем поведении; облегчить переживания дефицита субъективной витальности, в т. ч. при прохождении кризисных фаз взрослого возраста и лиминальных периодов; создать условия для профессионально-личностного развития и психологического благополучия, сохранения психологического и физического здоровья, в т. ч. при нормативно увеличенном сроке нахождения в профессии.

¹⁵ Пряжников Н. С. Психологический смысл труда : учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Московский психолого-социальный институт, 1997. 534 с.

¹⁶ Мальцева Т. В. Указ. соч.

Анализ публикаций позволяет констатировать, что духовно-нравственная жизнь людей в определенные исторические периоды детерминирована как существующей ментальностью в социуме, так и влиянием изменяющихся материальной и правовой реальностей. При этом базовые элементы духовно-нравственной активности людей, являясь достаточно автономными, специфично корреспондируют с внешней реальностью: если даже она создает ограничения для проявления духовных потребностей и реализации активности в духовном творчестве, духовные ценности не исчезают полностью из жизни людей. Ведь специфика духовных потребностей человека, в отличие от его материальных нужд, состоит в том, что они не имеют вертикальных границ, т.е. пределов роста для них не существует, а единственными ограничителями являются лишь объемы уже освоенных индивидом духовных ценностей и желание человека как субъекта бытия их утверждения и приумножения.

Духовно-моральные ориентиры россиян были нарушены в период перестройки, когда у многих произошла инверсия в ценностно-смысловой сфере. Учеными даже был зафиксирован феномен «духовной люмпенизации» в российском обществе¹⁷. Поэтому цель современной социальной, правовой и психологической работы с пенсионерами в аспекте активизации их профессионального долголетия состоит в формировании индивидуального сознания в его целостности, создающем условия и для духовного совершенствования.

Глобальная стратегия по здоровому старению, принятая Всемирной организацией здравоохранения в 2016 году¹⁸, нацеливает на меры по сохранению функциональной способности пожилых людей, проявляющейся и в профессиональном долголетии [60]. Это актуально в связи с тем, что у людей пенсионного возраста профессиональная трудоспособность находится в прямой зависимости от состояния здоровья, а также развитости их психического потенциала [58]. Снижение и отказ человека от трудовой активности в связи с ухудшением здоровья и когнитивных функций ведет к падению уровня жизни и социальной активности, а возникающее угнетение состояния в труде приводит, как следствие, к дальнейшему ухудшению здоровья, т.е. указанные взаимосвязанные проблемы усиливают друг друга [61]. Разорвать этот «порочный круг», на наш взгляд, можно при опоре в дальнейших исследованиях на экологический подход американского психолога Ури Бронфенбреннера, где раскрыта роль разноплановых групп факторов, влияющих на жизнеспособность профессионала:

- микрофакторы (индивидуальные особенности человека и его связь с семьей);
- мезофакторы (локальная среда общения и проживания);
- экзофакторы (реалии включенности в социальные организации);
- макрофакторы (влияние совокупности культурных обычаев, ценностей и традиций социума).

В настоящее время, как свидетельствует анализ публикаций, недостаточно исследованы переменные, относящиеся к группе макрофакторов – а ведь их воздействие, по мнению У. Бронфенбреннера, может стимулировать и поддерживать (или, наоборот, понижать) жизнеспособность и духовность весьма значительно, т.к. они влияют на переменные других факторов [62].

Учитывая, что в современных социумах могут возникать конфликты между молодым и пожилым поколениями людей (феномен эйджизма), представляется возможным опереться на опыт Китая. В этой стране акцент в утверждении нравственно-духовных макроценностей был сделан на философское наследие Конфуция, который разработал оригинальную программу совершенствования людей, в основу которой положен нравственный идеал, ориентирующий на становление «благородным мужем». Согласно Конфуцию, «благородному мужу» присущи пять основных качеств: жэнь, долг, знание, чувство меры и доверие. При этом по Конфуцию жэнь есть сложное понятие, отражающее наличие ряда достоинств – благородство, справедливость, доброта, честность, внимание и чуткость к чувствам и нуждам людей, чувство такта и чувство приличия. Приведенные этические императивы Конфуция в 2006 году компартия КНР представила в виде 8 правил, определяющих, что надо в китайском социуме уважать и прославлять, а что следует отвергать и считать позором для людей в Поднебесной. Приведем их по публикациям отечественных китаеведов, где правила изложены в следующем порядке и с показом контрастности противопоставления национального понимания «славы» и «позора»:

1. Считать делом чести и доблести горячую любовь к Отечеству. Считать позором и постыдным делом нанесение вреда Отечеству, создание угрозы для Отечества.

¹⁷ Филюшкина Д. А. Духовная люмпенизация российского общества: детерминирующие факторы и социальные проявления : автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 54 с.

¹⁸ Глобальная стратегия и план действий по проблеме старения и здоровья на 2016–2020 гг.: на пути к миру, в котором каждый человек имеет возможность прожить долгую и здоровую жизнь // Шестидесят девятая сессия Всемирной ассамблеи здравоохранения : Резолюции и решения. Приложения, г. Женева, 23–28 мая 2016 г. Женева : Всемирная организация здравоохранения, 2016. С. 9–17.

2. Считать делом чести и доблести служение народу. Считать позором и постыдным делом поступки, идущие в разрез с интересами народа.

3. Считать делом чести и доблести стремление к науке. Считать позором и постыдным делом невежество и отсутствие знаний.

4. Считать делом чести и доблести усердный труд. Считать позором и постыдным делом стремление к безделью и неприязнь к труду, лень.

5. Считать делом чести и доблести сплочение и взаимную помощь. Считать позором и постыдным делом нанесение ущерба другим ради своей выгоды, стремление поживиться за чужой счет.

6. Считать делом чести и доблести честность и верность слову. Считать позором и постыдным делом утрату чувства долга ради собственной выгоды.

7. Считать делом чести и доблести соблюдение дисциплины и законов. Считать позором и постыдным делом нарушение законов и дисциплины.

8. Считать делом чести и доблести упорную борьбу с трудностями. Считать позором и постыдным делом барское поведение, стремление к роскоши, разгулу и праздности [63].

Представляется, что в условиях введения странами Запада против России масштабных санкций и ведения гибридной войны необходима консолидация российских граждан, а поэтому будет нелишним не только расширенное знакомство россиян с «китайскими правилами почета и стыда», но и разработка нового этико-патриотического кодекса граждан Российской Федерации, причем с учетом отечественной ментальности и утверждения страной себя как суверенного государства. В этом будет состоять, на наш взгляд, реализация завета русских мыслителей с мировым именем – Ф. М. Достоевского, И. А. Ильина, И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, А. Ф. Лосева и многих других, считавших, что у России особая миссия, состоящая в служении миру примером верховенства духовных ориентиров в политике, культуре, государственной жизни¹⁹. Мы разделяем позицию И. А. Ильина, который писал: «Стать участником в духовном делании – значит, прежде всего, создать в своей душе необходимый уровень внутренней жизни, отсутствие которого делает неизбежным совлечение и пошлость» [64, с. 23]. Только благодаря признанию всеми поколениями россиян комплекса нравственно-духовных ценностей расширится духовная панорама для роста и индивидуальности, в т. ч. на основе занятия внутренней позиции по прекрасному и безобразному, добру и злу, справедливости и несправедливости, истине и не истине.

Выводы

В заключение статьи отметим, что проведенный анализ позволяет констатировать следующее.

1. На основе зарубежных и отечественных публикаций раскрыта связь субъективной витальности и духовности в аспекте безопасности личности. С учетом опоры на положения ресурсного, ситуативно-событийного и субъектно-бытийного подходов, а также анализа данных эмпирических исследований по проявлениям разных видов ресурсов личности и роли субъектности в жизнетворчестве обоснована авторская модель профессионального долголетия у людей пенсионного возраста.

2. Развитую субъектность у лиц пенсионного возраста можно рассматривать как медиатор между витальностью и духовностью, влияющий на безопасность, благополучие и психологическое здоровье. Доказано, что базовые элементы духовно-нравственной жизни должны занимать «вершинное положение» в детерминации мотивации пролонгированного профессионального долголетия у людей пенсионного возраста. Автономная трудовая мотивация у субъектов труда в наибольшей мере сказывается на задействовании личностных ресурсов и переживании благополучия на рабочем месте, способствуя удовлетворенности трудом и приверженности организации, а также влияет на баланс работы и жизни.

3. Аргументировано, что жизнь людей в определенные исторические периоды детерминруется как существующей ментальностью в социуме, так и влиянием динамики социальной, материальной и правовой реальностей. Цель духовного жизнетворчества состоит в формировании индивидуального сознания в его целостности, создающем условия и для духовного совершенствования. При развитой зрелости личности в самоуправлении задействуют не только два вида мотивации («Хочу» и «Должен»), но и компетенции («Могу») и приобретенную «Мудрость жизнетворчества», что в итоге ведет к проявлениям автономности и самодостаточности (конструктивный способ самоутверждения в сочетании с ориентацией на независимость, признание ценности диалогического общения с другими людьми и постоянное саморазвитие).

¹⁹ Овчинников А. И. Основы теории национальной безопасности : учебник. Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2014. С. 104.

4. Учитывая, что в принятой в 1993 г. Конституции Российской Федерации²⁰ осуществлено формализованное изложение национальных духовных ценностей, а во вводной ее части приоритетность прав и свобод человека лишь декларируется, в 2021 году в России был проведен референдум, который конкретизировал конституционные положения в отношении таких ценностей, как безопасность, благосостояние граждан и благополучие семьи, суверенность государства и солидарность граждан, патриотизм и ряда других. Однако для укрепления национальных духовно-нравственных ценностей, взаимообогащения культуры многонационального народа и конструктивного диалога конфессий представляется актуальным выход на разработку и принятие Этико-патриотического кодекса граждан Российской Федерации, причем с учетом отечественной ментальности, обеспечения уважительного отношения между представителями разных социальных страт общества и перспектив утверждения страны как суверенного государства.

5. Решение проблемы расширенного задействования в профессиональном труде пенсионеров, обладающих высоким профессионализмом, нормальным состоянием здоровья и высокой мотивацией достижений формирует к психологам социальный заказ на мониторинг витальности и духовности у данной категории граждан, а также внедрение психотехнологий оказания им психологической помощи не только в повышении жизнестойкости и здоровьесбережении, но и в развитии мотивации пролонгированной трудовой занятости и психологической компетентности по оптимальному задействованию личностных ресурсов и динамических характеристик субъекта при трудностях, возникающих в профессиональной деятельности.

Список источников

1. Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи / под ред. О. А. Платоновой. Москва : Эксмо, 2011. С. 389–393.
2. Хвыля-Олинтер А. И. Духовная безопасность и духовное здоровье человека, семьи, общества. Москва : Даръ, 2008. 640 с.
3. Психология смысла жизни: методологические, теоретические и прикладные проблемы : сборник научных статей / науч. ред. В. Э. Чудновского, К. В. Карпинского. Гродно : Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, 2014. 261 с.
4. Коршунов А. В. Духовная безопасность в системе обеспечения социальной безопасности российского общества: институциональные риски и стратегии их преодоления : монография / отв. ред. Ю. Г. Волков. Москва : Редакция журнала «Социально-гуманитарные знания», 2013. 294 с.
5. Казаков Ю. Н. Психология безопасности: формирование здоровья личности : монография : В 3-х ч. / под ред. А. А. Деркача. Москва : Издательство РАГС, 2007.
6. Ungar M. Modeling Multisystemic Resilience: Connecting Biological, Psychological, Social, and Ecological Adaptation in Contexts of Adversity. In Multisystemic Resilience, 6–32. Oxford: Oxford University Press, 2021. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190095888.003.0002>.
7. Знаков В. В. Динамический подход к исследованию личности и процессуальный анализ в психологии субъекта // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 5. С. 27–34. <https://doi.org/10.31857/S020595920006073-6>.
8. Махнач А. В. Жизнеспособность человека и семьи : Социально-психологическая парадигма : [монография]. Москва : Институт психологии РАН, 2016. 459 с.
9. Махнач А. В. Жизнеспособность семьи в России: современные направления исследований / Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук, г. Москва, 12–14 октября 2023 г. Москва : Институт психологии РАН, 2023. С. 1537–1542.
10. Ресурсы жизнеспособности и стрессоустойчивости современного человека: психологические, психофизиологические, нейробиологические, педагогические аспекты : коллективная монография / Здобнова Д. Н., Карапетян Л. Ш., Колтунов Е. И., Коробова С. Ю. [и др.] ; отв. редакторы: Е. А. Рыльская, В. Э. Цейликман, Е. Г. Щелокова. Челябинск : Полиграф-мастер, 2021. 512 с.
11. Толочек В. А. Феномен «жизнеспособность»: возможные перспективы исследования // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6, № 2. С. 21–46. https://doi.org/10.38098/irgan.opwrp_2021_19_2_002.
12. Успешность, работа и старение: фундаментальные, прикладные и научно-популярные аспекты профессионального долголетия : монография / И. Б. Дуракова, Т. И. Рахманова, Л. В. Матасова, Е. В. Майер [и др.]. Москва : Научно-издательский центр «ИНФРА-М», 2023. 187 с.
13. Роик В. Д. Труд и качество трудовой жизни : практика и теории регулирования в западных странах и России : монография. Москва : Проспект, 2017. 483 с.
14. Морозюк Ю. В. Саногенное мышление в современной психологии / Фундаментальные и прикладные проблемы педагогики и психологии в образовательном и социальном контексте : материалы международной конференции, г. Москва, 13–15 декабря 2019 г. Москва : Московский педагогический государственный университет, 2020. С. 103–109.

²⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 25.01.2025).

15. Подольский А. И., Ермолаева М. В., Шоркина И. А. Пожилой человек как субъект изучения, поддержки и общения : монография. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022. 176 с.
16. Личностные ресурсы антиявления : монография / кол. авторов ; общ. ред. Т. Н. Березиной, А. В. Литвиновой. Москва : РУСАЙНС, 2024. 322 с.
17. Oboznov A. A., Petrovich D. L., Kozhanova I. V., Bessonova Yu. V. The construct of subjective occupational well-being: Russian sample testing // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17, № 2. С. 247–262. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-2-247-262>.
18. Харитонова Е. В. Психология социально-профессиональной востребованности личности : монография. Москва : Институт психологии РАН, 2014. 411 с.
19. Белашева И. В., Ермаков П. Н. Эмоционально-личностные детерминанты субъективного благополучия военнослужащих, участвовавших в боевых действиях // Сибирский психологический журнал. 2024. № 93. С. 37–60. <https://doi.org/10.17223/17267080/93/3>.
20. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова, М. А. Падун [и др.] ; под общей редакцией Н. Е. Харламенковой. Москва : Институт психологии РАН, 2017. 344 с.
21. Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности / Т. Ю. Иванова, Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин, Е. И. Рассказова [и др.] // Организационная психология. 2018. Т. 8, № 1. С. 85–121.
22. Хазова С. А., Дорьева Е. А. Ресурсы субъекта: теория и практика исследования. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. 230 с.
23. Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37. <http://dx.doi.org/10.17223/17267080/62/3>.
24. Грачев В. В., Кандыбович С. Л. Дестабилизация биопсихосоциальных ресурсов – угроза личной безопасности человека // Наука и современность. 2012. № 18. С. 137–142.
25. Чудновский В. Э. Жизненное пространство личности как психологический феномен / Психология смысла жизни: методологические, теоретические и прикладные проблемы : сборник научных статей / науч. ред.: В. Э. Чудновский, К. В. Карпинский. Гродно : Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, 2014. С. 3–32.
26. Сапогова Е. Е. Экзистенциальная психология взрослости : [монография]. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Смысл, 2024. 767 с.
27. Эммонс Р. Мотивация высших устремлений: мотивация и духовность личности / пер. с англ. ; под ред. Д. А. Леонтьева. Москва : Смысл, 2004. 416 с.
28. Митина Л. М., Митин Г. В. Психологический анализ проблемы маргинализма, прокрастинации, выученной беспомощности как барьеров личностно-профессионального развития человека // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25, № 3. С. 90–100. <http://dx.doi.org/10.17759/pse.2020250308>.
29. Джигарьян И. А. Вера, надежда и любовь: оптимистическая триада чувств // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 6. С. 5–17.
30. Залевский Г. В. Методология клинической психологии // Методологические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии : коллективная монография / под ред. Н. В. Зверевой, И. Ф. Рожиной. Москва : Сам Полиграфист, 2018. С. 13–28.
31. Сапогова Е. Е. Экзистенциальная психология взрослости : [монография]. Москва : Смысл, 2013. 760 с.
32. Сапогова Е. Е. «Текущий субъект»: трансгрессия, экзистенциальные ценности, идентичность в условиях неопределенности / Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт : сборник научных трудов : Электронное издание. Москва : Психологический институт Российской академии образования, 2022. С. 24–32. <https://doi.org/10.24412/cl-36922-2022-1-24-32>.
33. Поставнев В. М. Феноменология личности пожилых людей творческих профессий // Развитие личности. 2009. № 2. С. 100–115.
34. Пермякова М. В. Взаимосвязь творческого потенциала личности с особенностями саногенной рефлексии // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 11 (67). С. 129–133. <https://doi.org/10.24158/spp.2019.11.22>.
35. Gonzalez-Mulé E., Cockburn B. S. This job is killing me: A moderated-mediated model linking work characteristics to mortality // Journal of Applied Psychology. 2021. № 106 (1). P. 140–151. <http://dx.doi.org/10.1037/apl0000501>.
36. Орлов Ю. М. Саногенное и патогенное мышление. Москва : Импринт-Гольфстрим, 1997. 36 с.
37. Филонова Т. Ю., Хабарова Т. Ю. Преодоление негативных переживаний при помощи саногенного мышления // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1, № 1 (1). С. 25–27.
38. Казаков Ю. Н. Здоровье – продукт акмеологического феномена самости в системе безопасности личности // Акмеология. 2011. № 3 (39). С. 100–109.
39. Кандыбович С. Л., Перельгина Е. Б., Секач М. Ф. Ментальная трансформация экстремальности // Человеческий капитал. 2012. № 7 (43). С. 146–150.
40. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. Москва : Политиздат, 1975. 304 с.
41. Брушлинский А. В. Психология и гуманизм / Психология личности: новые исследования : сборник статей / под ред. К. А. Абульхановой А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. Москва : Институт психологии РАН, 1998. С. 4–13.
42. Леонтьев Д. А. Шанс для творчества (конфликты и стратегии их разрешения) / Конфликт в конструктивной психологии: тезисы докладов и сообщений на II научно-практической конференции по конструктивной психологии, г. Красноярск, 7–10 июня 1990 г. / редкол.: Б. И. Хасан (отв. ред.) [и др.]. Красноярск. [Б. и.], 1990. С. 17–20.
43. Субъект, личность и психология человеческого бытия : коллективная монография / под ред. В. В. Знакова и З. И. Рябикиной. Москва : Издательство «Институт психологии РАН», 2005. 384 с.
44. Селигман М. Новая позитивная психология : Научный взгляд на счастье и смысл жизни / перев. с англ. Москва : София, 2006. 368 с.

45. Шварц Б., Шарп К. Практическая мудрость : Правильный способ делать правильные вещи / пер. с англ. [Л. Пирожкова]. Москва : Олимп-Бизнес, 2015. 372 с.
46. Харламенкова Н. Е. От психологии мышления к психологии мудрости – становление динамического подхода / История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук : материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН, г. Москва 16–18 ноября 2022 г. / отв. ред.: Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, А. В. Махнач, Н. Е. [и др.]. Москва : Институт психологии РАН, 2022. С. 98–99.
47. Гришина Н. В. «Самоизменения» личности: возможное и необходимое // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика, 2018. Т. 8, № 2. С. 126–138. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.202>.
48. Знаков В. В. Динамический подход к исследованию личности и процессуальный анализ в психологии субъекта // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 5. С. 27–34.
49. Костромина С. Н., Макарова М. В. Гиперрефлексия как способ взаимодействия с миром: роль, процесс, проявления // Петербургский психологический журнал. 2021. № 36. С. 106–133.
50. Мальцева Т. В., Поздняков В. М. Здоровьесбережение профессионала как современная психологическая проблема / История и перспективы исследований проблем работы с личным составом (к 50-летию кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России) : материалы международной научно-практической конференции, г. Москва, 29 ноября 2023 г. Москва : Академия управления МВД России, 2023. С. 160–166.
51. Поздняков В. М. О профессиональном долголетии и повышении валеологической компетентности сотрудников органов внутренних дел // История и перспективы исследований проблем работы с личным составом (к 50-летию кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России) : материалы международной научно-практической конференции, г. Москва, 29 ноября 2023 г. Москва : Академия управления МВД России, 2023. С. 192–198.
52. Osin E., Ivanova T., Orel E., Rasskazova E. Personality resources and work motivation : A beneficial synergy // Organizational Psychology. 2018. Т. 8, № 2. С. 27–46.
53. Харламенкова Н. Е. Дифференциальный подход к проблеме одиночества: зависимость, доминирование, самодостаточность / Психология личности: новые исследования : сборник статей / под ред. К. А. Абульхановой А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. Москва : Институт психологии РАН, 1998. С. 85–97.
54. Diener E. Subjective Well-Being // Psychol. Bull. 1984. Vol. 95. № 3. P. 542–575.
55. Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Каузометрия : Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Смысл, 2022. 303 с.
56. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. Москва : Издательство АН СССР, 1957. 328 с.
57. Леонтьев Д. А. Психология смысла : Природа, структура и динамика смысловой реальности. Москва : Смысл, 1999. 486 с.
58. Щанина Е. В. Основные факторы трудовой активности пожилых людей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 1 (25). С. 88–96.
59. Казаков Ю. Н. Концептуальные аспекты самостимуляции резервов безопасности личностного здоровья // Мир психологии. 2015. № 1 (81). С. 271–281.
60. Шкарин В. В., Воробьев А. А., Аджиенко В. Л., Андриященко Ф. А. Профессиональное долголетие – пути и способы достижения // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2022. Т. 19, № 2. С. 19–26. <http://dx.doi.org/10.19163/1994-9480-2022-19-2-19-26>.
61. Факторы, обуславливающие профессиональное долголетие научных сотрудников / Алленов А. М., Васильева Т. П., Старостин И. В., Макарова Е. В. [и др.] // Медицина труда и промышленная экология. 2021. № 61 (6). С. 385–401. <https://doi.org/10.31089/1026-9428-2021-61-6-384-401>.
62. Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development : experiments by nature and design. 9th ed. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1979. – 330 с.
63. Галенович Ю. М. Нравственность Китая – традиции современность // Хабаровск православный : электронный журнал. URL: <http://pravostok.ru/nravstvennost-kitay-tradicii-i-sovremennost> (дата публикации: 28.12.2006).
64. Ильин И. А. Религиозный смысл философии : Три речи. 1914–1923 (1924). Париж : Ymca Press, 1924. 115 с.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.